

«Тобольск научный - 2015»

XII Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием)

Тобольск, 2015

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ФГБУН «ТОБОЛЬСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИНСТИТУТ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯДЕРНОГО ЦЕНТРА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ТОБОЛЬСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА (ФИЛИАЛ) ФГБОУ ВО «ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» В Г. ТОБОЛЬСКЕ

ГБУ ТО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ»

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ Г. ТОБОЛЬСКА

XII ВСЕРОССИЙСКАЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)

«ТОБОЛЬСК НАУЧНЫЙ – 2015»

12 - 13 НОЯБРЯ 2015 г.

Тобольск
2015

УДК 371.122+001
ББК 72.4(2)
Т 50

Печатается по решению
Ученого Совета ТКНС УрО РАН

ТОБОЛЬСК НАУЧНЫЙ – 2015 : Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 12 - 13 ноября 2015 г.). – Тобольск: ООО Принт-Экспресс, 2015. – 341с.

В сборник вошли материалы научно-практической конференции «Тобольск научный – 2015», ежегодно проводимой Тобольской комплексной научной станцией УрО РАН. Материалы предоставлены в соответствии с тематическими секциями.

Сборник представляет интерес для научных работников, аспирантов, студентов вузов, занимающихся проблемами экологии, биологии, истории, культуры, этнографии, музееведения и библиотечного дела.

Редакционная коллегия:

Главный редактор к.э.н., зам. директора по научной работе *И. А. Ломакин*

Члены редколлегии
Г. С. Алимова, к. т. н.
М. С. Выхрыстюк, д. филол. н., проф.
Н. И. Загороднюк, к. и. н.
Е. И. Попова, к. б. н.
А. И. Татарникова, к. и. н.

ISBN

©Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук, 2015

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОБОЛЬСК НАУЧНЫЙ – 2015
МАТЕРИАЛЫ XII ВСЕРОСИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
(Тобольск, 12 – 13 ноября 2015 г.)

Отпечатано

Формат
усл.-печ. л. 26, 55
Тираж 150 экз. Заказ №
2015 г.

СТРУКТУРА И РАЗНООБРАЗИЕ БИОТЫ В ПРИРОДНЫХ И АНТРОПОГЕННЫХ ЭКОСИСТЕМАХ

МАКРОЗООБЕНТОС НИЖНЕГО ИРТЫША*

А. С. Алдохин, А. А. Чемагин, И. Н. Медведева, В. В. Волощук
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Сообщества бентосных организмов являются чувствительными индикаторами различного рода загрязнений (органическое, нефтяное, токсическое) водной среды, при этом представители донной фауны являются важным компонентом водной экосистемы и играют большую роль в питании всех видов рыб [7-9,13, 20, 21, 23, 24, 28, 29, 34].

Одним из первых гидробиологических исследований в бассейне реке Иртыш была экспедиция Пермского государственного университета в Вагайском районе Тюменской области [31]. Таксономический состав, количественные показатели зообентоса, а также роль различных групп и видов бентосных организмов, их доминирование в дальнейшем проводилось немногими исследователями [6, 33, 35].

Большинство исследователей занималось изучением отдельных таксономических групп донных организмов: личинками хирономид [36]. Согласно этим исследованиям зообентос Иртыша и его притоков главным образом представлен личинками хирономид *Harnischia curtilamellata*, *Polypedilumscalaenum*и *Procladiusferrugineus*. Изучением моллюсков занимались многие исследователи [2, 5]. Результатом их работы стало выяснение распространения беззубок рода *Colletopterum* в придаточных водоемах бассейна Иртыша. Научно-исследовательские работы о роли моллюсков и олигохет в донной фауне Иртыша осуществляло небольшое число исследователей [4], которые установили, что в бентосе значительная роль по распространению и обилию принадлежит малощетинковым червям.

В результате исследований [1] было установлено, что основуЗападно-Сибирского комплекса олигохет рек бассейна Оби составляют виды *Limnodriluslimnodrilus, Tubifextubifex* и др. Согласно исследованиям [32], для бентоса из олигохет наиболее характерно наличие семейства Tubificidae.

По данным Т. А. Шараповой [34], личинки хирономид, которых можно встретить в реках Западной Сибири исключительно в бентосе, это, прежде всего, представители родов: *Procladius, Chironomus, Stictochironomus, Cryptochironomus, Cladopelma, Paracladopelma*, а представители родов: *Polypedilum, Psectrocladius* встречаются также и в зооперифитоне [34]. Из двустворчатых моллюсков в реках Западной Сибири, по данным этого же исследователя, встречаются виды семейства Sphaeriidae, предпочитающие рыхлые грунты. По данным А. И. Рузановой [25], в отличие от зооперифитона, в бентосе рек Западной Сибири среди личинок хирономид резко выражено преобладание подсемейства Chironominae. Представители рода *Procladius* широко представлены в бентосных сообществах Западной Сибири [26].

* *Работа поддержана программой УрО РАН «Живая природа: современное состояние и проблемы развития» № 15-12-4-20.*

В целом, изученность бентосных организмов исследуемого участка реки Иртыш в пределах Тобольского и Уватского районов Тюменской области отрывочна и недостаточна. Основные работы по изучению водных беспозвоночных р. Иртыш (главным образом, зооперифитон) проводятся [34], а имеющаяся на данный момент информация о донной биоте в нижнем течении реки фрагментарна, изучаются лишь отдельные группы зообентоса.

Наиболее полная характеристика структуры зообентосар. Иртыш с описанием видом представлена в работе Т. А. Шараповой [33]: согласно приведенным ею данным, зообентос на участке реки от пос. Абалак до пос. Уват был представлен: хирономидами, которые имели наибольшее разнообразие и были представлены 24 видами и формами, доминирующими были *Harnischia curtilamellata*, *Polypedilumscalaenum*и *Procladiusferrugineus*, 3 вида ручейников –*Hydropsycheornatula, Brachycentrussubnubilis, Neureclipsisbimaculata*, 2 вида поденок – *Palingenialongicauda, Heptageniasulfurea,* 1 вид стрекоз*Gomphusflavipes,* 1 вид *веснянок Isoperlagrammatic,* 4 вида двустворчатых моллюсков *Sphaeriumnucleus*, *Sphaeriumnitidum*, *Pisidiumamnicum, Euglesasp.*, малощетинковыми и круглыми червями, комарами-мокрецами.

Бентофауна Иртыша исследовалась в период открытой воды (весенне-осенний период) 2014-2015 гг. от пос. Абалак Тобольского района до пос. Горнослинкино Уватского района Тюменской области; длина исследуемого участка реки составила около 170 км.

На каждом створе (разрезе) пробы отбирались у левого, правого берега и на стрежне реки, по две выемки с каждой точки разреза при помощи обычного и утяжеленного дночерпателя Петерсена с площадью захвата 0,025 м^2 [27].

Грунт промывался через газ-сито № 23, организмы макрозообентоса извлекались и фиксировались 70%-ным этиловым спиртом для дальнейшего определения. Расчет численности и биомассы бентофауны на 1 м^2, их фиксация и взвешивание производились согласно общепринятой методике [27].

Качественный состав донной фауны определяли с помощью методических пособий [3, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 30, 32].

В составе макрозообентоса нами были определены следующие беспозвоночные: амфибиотические насекомые – хирономиды, ручейники, поденки, веснянки, стрекозы и мокрецы. Кроме того были отмечены двустворчатые моллюски,олигохеты, ракообразные (остракоды, бокоплавы), пиявки, а также нематоды.

По сравнению с данными 1980-х гг. [33], в доминирующем комплексе отсутствовали *Paratendipes connectens, Prodiamesa bathyphila, Cryptochironomus rolli, H. curtillamellata, P. ferrugineus, P. longicauda*. Из малакофауны не встречались представители родов *Pisidium, Euglesa*, а присутствовали представители только 1 рода – Sphaerium (2 вида), из олигохет 2 вида – *T. tubifex, L. hoffmeisteri.* Нематоды и остракоды до вида не определялись.

В результате выполненных исследований установлено, что по биомассе доминируют ручейники, моллюски, хирономиды и олигохеты,а по численности, как правило, личинки хирономид и олигохеты. Качественные и количественные характеристики макрозообентического сообщества колебались как во временной, так и в пространственной динамике. Наибольшая биомасса и численность у доминирующих групп отмечены для амфибиотических насекомых в весенне-летний период, для олигохет – осенью.

1. Безматерных Д.М. Зообентос равнинных притоков Верхней Оби. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2008. 186 с.

2. Винарский М.В., Дорошенко Е.С., Каримов А.В. Новые данные о беззубках (Bivalvia: Unionidae: Anodontinae) водоемов Западной Сибири // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. 2007. Вып. 11. С. 91–99.
3. Глухова В.М. Личинки мокрецов подсемейств Palpomyiinae и Ceratopogoniae фауны СССР (Diptera, Ceratopogonidae=Heleidae). Л.: Наука, 1976. Вып. 121. 231 с.
4. Долгин В. Н., Жерновникова Г. А., Залозный Н. А. К изучению роли олигохет и моллюсков в зообентосе Иртыша и нижней Оби. Водоемы Сибири и перспективы их рыбохозяйственного использования. Томск: Изд-во ТГУ,1973. С. 177-179.
5. Долгин В. Н., Новиков Е. А. Зообентос водоемов бассейна среднего и нижнего Иртыша // Биологические основы рыбного хозяйства Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1983. С. 68-69.
6. Иоффе Ц. И. Донная фауна Обь-Иртышского бассейна и ее рыбохозяйственное значение // Изв. ВНИОРХ. 1947. Т. 25. Вып. 1. С. 113–160.
7. Ирискина Т.А., Самусина В.В., Ниязов Н.С., Попов Н.Я. Опыт выращивания рыбопосадочного материала в заморных озерах Тюменской области // ЦНИИТЭИРХ. Экспресс-информация. Сер. Рыбохозяйственное использование внутренних водоемов. М., 1982. Вып. 5. С. 12-17.
8. Карасёв Г.Л., Карасёв С.Г. Материалы по экологии и морфологии сибирского осетра и стерляди нижнего Тобола и нижнего Иртыша // Экологические проблемы Прииртышья // Труды Тобольской биологической станции РАН. 2004. Т.1. Вып. 1. Тобольск. С. 57-72.
9. Конева Л.А. Нельма верхнего бьефа плотины Новосибирской ГЭС. 1972. Автореф. дис... канд. биол. наук. Томск. 21 с.
10. Кутикова Л.А., Старобогатов Я.И. Определитель пресноводных беспозвоночных Европейской части СССР (планктон и бентос). Л.: Гидрометеоиздат, 1977. 511 с.
11. Лепнева С. Г. Личинки и куколки подотряда кольчатощупиковых (Annulipalpia). Фауна СССР. Ручейники. Л.: Наука, 1964. Т. II, вып. 1. 565 с.
12. Лепнева С. Г. Личинки и куколки подотряда цельнощупиковых (Integripalpia). Фауна СССР. Ручейники. Л.: Наука, 1966. Т. II, вып. 2. 564 с.
13. ЛобовиковЛ.Н. Биология стерляди бассейна р.Иртыш // Уч.зап. Пермск. гос. ун-та. 1938. Т. 3, вып. 2. С.164-190.
14. Лукин Е.И. Пиявки пресных и солоноватых водоемов. Л.: Наука, 1976. 484 с.
15. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий Моллюски, полихеты, немертины / под общ.ред. С.Я. Цалолихина. СПб.: Наука, 2004. Т. 6. 528 с.
16. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. Ракообразные / под общ.ред. С.Я. Цалолихина. СПб.: Наука, 2005. Т. 2. 632 с.
17. Панкратова В.Я.Личинки и куколки комаров подсемейства Orthocladiinae фауны СССР (Diptera, Chironomidae=Tendepedidae). Л.: Наука, 1970. Вып. 102. 344 с.
18. Панкратова В.Я. Личинки и куколки комаров подсемейств Podonominae и Tanypodinae фауны СССР (Diptera, Chironomidae=Tendepedidae). Л.: Наука, 1977. Вып. 112. 154 с.
19. Панкратова, В.Я. Личинки и куколки комаров подсемейства Chironominae фауны СССР (Diptera, Chironomidae=Tendepedidae). Л.: Наука, 1983. Вып. 134. 296 с.
20. Парфенова Н.А., Горшкова ГЛ., Шарапова Т.А. Подращивание молоди нельмы в пруду Абалакского рыбоводного завода // Пути повышения продуктивности рыбных ресурсов внутренних водоемов: тез. докл. Тюмень, 1988. С. 76-77.
21. Петкевич А.Н. 1953. К биологии мигрирующих рыб Средней и Верхней Оби // Тр. Барабинского отд. ВНИОРХ. Т. 6. Вып.1. С. 54-67.
22. Попова А.Н. Личинки стрекоз. Л.: Наука, 1953. Вып. 50. 236 с.
23. Промоторова Е.Ю. Возрастные особенности питания леща в бассейне нижнего Иртыша // Труды Тобольской биологической станции РАН. Т.1. Вып. 2. Тобольск. 2007. С.69-73.
24. Ревнивых А.И. К вопросу о питании осетровых и лососевых рыб в бассейне р. Иртыша // Тр. Биол. НИИ при Пермск. гос. ун-те.Пермь, 1937. С. 261-281.
25. Рузанова А.И. Видовой состав личинок хирономид и их распределение по водоемам Средней Оби // Вопр. биологии. Томск, 1978. С. 78-82.
26. Рузанова А.И. Личинки хирономид водоемов Западной Сибири и их роль в питании рыб // Биологические ресурсы внутренних водоемов Сибири и Дальнего Востока. М.: Наука, 1984. С. 144-163.
27. Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений / ред. В. А. Абакумов.Л.: Гидрометеоиздат, 1983. 240 с.
28. Сальдау М.П. Питание рыб Обь-Иртышского бассейна // Изв. ВНИОРХ.1949. Т. 28. С. 175-225.
29. Соломоновская В.П. 1952. Питание некоторых рыб Верхней и Средней Оби // Тр. Томск. ун-та. Т. 119. С. 66-71.
30. Тесленко В.А, Жильцова Л.А. Определеитель веснянок (Insecta, Plecoptera) России и сопредельных стран. Имаго и личинки.Владивосток: Дальнаука, 2009.382 с.

31. Фридман Г.М. Материалы к изучению Иртыша. 1: Гидробиологический очерк р. Иртыша и придаточных водоемов в пределах Вагайского района // Тр. Пермск. биол. НИИ. 1937. Т. 7, вып. 3–4. С. 177–222.
32. Чекановская О.В. Водные малощетинковые черви фауны СССР. М.; Л.: АН СССР, 1962. 411 с.
33. Шарапова Т.А. Зообентос и зооперифитон реки Иртыш // Гидробиологический журнал. 1998. Т. 34. № 4. С. 32-44.
34. Шарапова Т.А. Зооперифитон внутренних водоемов Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2007. 167 с.
35. ШараповаТ. А. Пространственное распределение зооперифитона р. Иртыш // Вестник экологии, лесоведения и ландшафтоведения № 11(2011). URL: http://www.ipdn.ru/rics/ve2/_private/a11/118-124.pdf (дата обращения 4.11.2013).
36. Юхнева В. С. Личинки хирономид низовьев Обь-Иртышского бассейна // Гидробиол. журн. 1971.Т. 7. № 1. С. 38–41.

НЕРЕСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РЫБ И ИХ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ВЕСЕННИЙ ПЕРИОД НА УСТЬЕВОМ УЧАСТКЕ Р. КОНДА

А. С. Алдохин, А. А. Чемагин, И. Н. Медведева
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Обь-Иртышский бассейн обладает значительными водными биологическими ресурсами, в первую очередь, рыбными– карповыми, окуневыми, сиговыми, осетровыми и другими видами рыб. В настоящее время рыбные ресурсы подвержены значительному антропогенному воздействию: с одной стороны, это загрязнение водной среды, с другой, – незаконный (браконьерский вылов). Стоит отметить, что наибольший ущерб рыбному хозяйству наносится выловом половозрелых производителей рыбы в нерестовый период. Ценные виды рыб Нижнего Иртыша в районе устья р. Конда – это сибирский осетр, стерлядь, нельма, муксун, пелядь.

В период ледостава рыбы различных возрастов и семейств образуют значительные концентрации (скопления) на наиболее глубоких участках Иртыша, называемых «русловыми зимовальными ямами». Больше всего здесь концентрируются карповые, окуневые, сиговые и осетровые виды рыб, согласно данным [2-4],на таких участках создаются благоприятные гидродинамические и гидрохимические условия [2] в период зимнего «замора» (дефицита растворенного в воде кислорода), который происходит вследствие поступления воды притоков богатой органическим веществом, с болотной площади водосбора.

В период весеннего половодья после распаления льда происходит затопление больших пойменных площадей, где интенсивно развивается зообентоси зоопланктон. С повышением уровня воды рыбы значительно перераспределяются в водотоках; представители всех массовых видов рыб устремляются из основного русла реки Иртыш в ее притоки и пойму – производители для нереста (весенне-нерестующие), молодь для нагула [1,3,5-7].

Наибольшая концентрация рыб именно на зимовальных ямах позволяет выполнить более точную оценку численности рыб бассейна. Такая оценка будет отражать объективное современное состояние популяций массовых видов рыб, в том числе и ценных. Однако согласно Правилам рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна рыболовство на зимовальных ямах запрещено, поэтому целью данной работы было определение гидроакустическим методом (дистанционно) плотности на Кондинскойзимовальной яме, расположенной на устьевом участке р. Иртыши их перемещения из р. Иртыш в р. Конда.

Работа выполнена в период 1-10 мая 2015 г. на устьевом участке р. Конда в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры Тюменской области.Использовались компьютеризированные гидроакустические комплексы «AsCor»(с борта моторной лодки) и «NetCor» (устанавливаемые стационарно). Для определения средней численности рыб на Кондинской зимовальной яме и устьевом участке р. Конда передвигались по площади их акватории по сетке галсов; численности рыб, поднявшихся в р. Конду и скатившихся в р. Иртыш, – выполнялась круглосуточная гидроакустическая съемка на устьевом участке р. Конды двумя комплексами «NetCor», один из них был установлен ближе к прибрежной зоне правого берега (глубина≈3 м), второй был установлен ближе к судовому ходу (глубина≈5 м). Все гидроакустические съемки сопровождались проведением контрольного лова рыбы ставными и плавными разноячейными сетями ячеей 24-38 мм пятиметровыми отрезками, с шагом ячеи 2 мм, длина ставной – 40 м, длина плавной сети – 60 м, высота – 2 м.

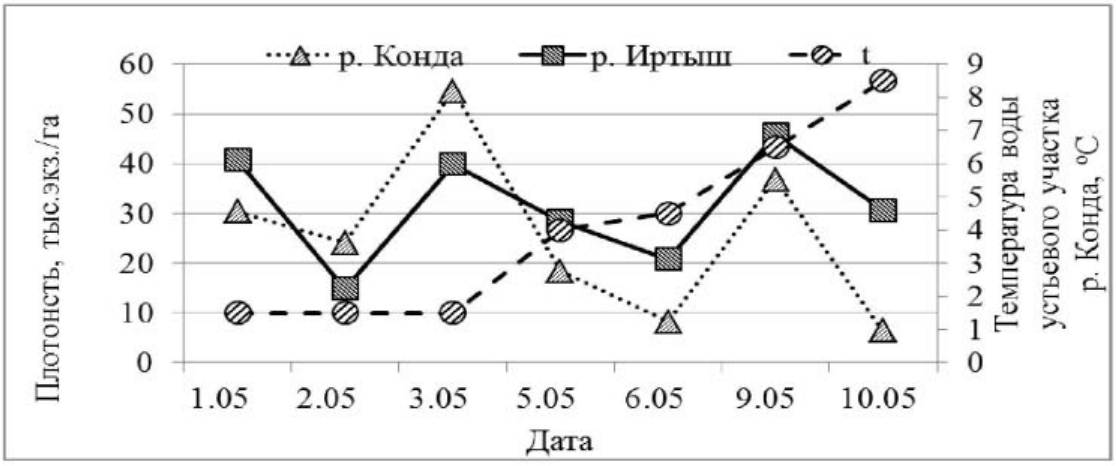

Рис. 1. Плотность рыб на устьевом участке р. Конда и Кондинской зимовальной яме (1-10 мая 2015 г.)

В результате выполненной работы было установлено, что рыбное население на исследуемом участке рек представлено видами: язь – Leuciscus idus L., лещ – Abramis brama L., плотва обыкновенная – Rutilus rutilus L., сибирский елец – Leuciscus leuciscus baicalensis L., серебряный карась – Carassius gibelio L., речной окунь – Perca fluviatilis L., обыкновенный судак – Stizostedion lucioperca L., обыкновенный ёрш – Gymnocephalus cernuus L., обыкновенная щука – Esox lucius L., налим – Lota lota L., нельма – Stenodus leucichthys nelma G., муксун – Coregonus muksun P., пелядь – Coregonus peled G., стерлядь – Acipenser ruthenus L., сибирский осётр – Acipenser baerii B. Сибирский осетр (Acipenser baerii Brandt занесен в Красную книгу Тюменской области, при поимке особей данного вида – они, согласно Правил рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна, незамедлительно и с наименьшими повреждениями были выпущены в естественную среду обитания.

Плотность рыб (*рис. 1*) на зимовальной Кондинской яме, а также на устьевом участке р. Конды изменялась в период наблюдений в зависимости от различных факторов среды, в том числе и от температуры воды, что обусловлено нерестовым и кормовым поведением рыб [5, 6]. Плотность, численность рыб на яме (р. Иртыш) и на устье (р. Конда) (*рис. 1*) и их перемещение вверх по реке указывает на активное движение рыб. При низкой температуре (1,5°С) происходило уменьшение количества рыб в р. Иртыш (14,83-39,91 тыс. экз./га) и ее увеличение на устьевом участке (24,05-54,02 тыс. экз./га) в период 2.05-3.05.2015 г. При этом снижалась ее активность на подъем до 108-353 экз./сут (*рис. 2*). При повышении температуры до 4,5°С и более

плотность рыб на р. Иртыш всегда превышала плотность на устьевом участке р. Конда в 1,5-5 раз и активность рыбы на подъем значительно возросла – до 315-835 экз./сут., а при дальнейшем повышении температуры до 5-6,5°С количество поднимающихся особей достигало 1252-3958 экз./сут.

Таким образом, здесь не возникало «застоя» рыбы, она активно поднималась вверх по течению.

Стоит отметить тот факт, что перемещение рыбы во время подъема в р. Конда наиболее активно (более чем в 2 раза) проходило на меньшей глубине (3 м). Это, вероятно, объясняется тем, что здесь рыба встречает наименьшее сопротивление течения воды.

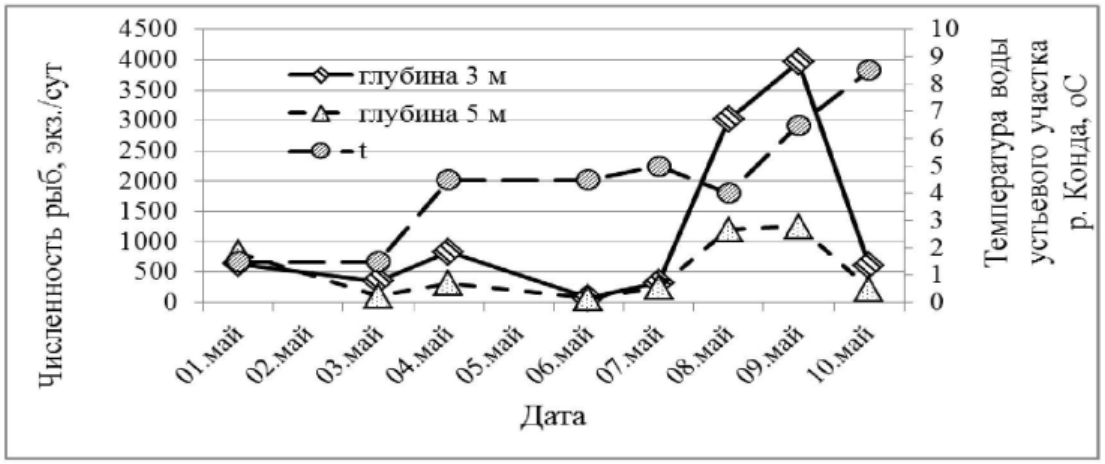

Рис. 2. Перемещение рыб вверх по течению через контролируемое сечение р. Конда (1-10 мая, 2015 г.)

Практические рекомендации. Использование гидроакустического метода количественной оценки рыб в условиях Обь-Иртышского бассейна показало его перспективность. Данные, полученные с помощью гидроакустических комплексов, позволяют выполнить:

1. Оперативный прогноз вылова рыбы.
2. Учет количества производителей рыб, поднимающихся на нерест и скатывающихся на зимовку на зимовальные ямы, а также количество молоди наиболее ценных видов рыб – сиговых, осетровых и других видов рыб.
3. Мониторинг состояния популяций массовых видов рыб Обь-Иртышского бассейна.

1. Алдохин А.С., Чемагин А.А., Тавлетбакиева Д.И. Видовая структура в водоемах разного типа в нижнем течении реки Иртыш // В мире научных открытий. 2012. №11.5 (35). С. 296-310.
2. Борисенко Э.С. Гидроакустические исследования распределения рыб в пойменно-русловой системе Нижнего Иртыша: автореф. дис. … канд. биол. наук:03.02.06. М., 2013. 28 с.
3. Борисенко Э.С., Мочек А.Д., Павлов Д.С., Чемагин А.А. Распределение рыб в речной системе Нижнего Иртыша // Вопросы ихтиологии.2013.Т. 53. №1.С. 31-43.
4. Павлов Д.С., Мочек А.Д., Борисенко Э.С., Дегтев А.И. Дегтев Е.А. Распределение рыб в пойменно-русловом комплексе Нижнего Иртыша // Биология внутренних вод. № 2. 2011.С. 71–79.
5. Решетников Ю.С. Атлас пресноводных рыб России.М.: Наука, 2002. Т. 1. 379 с.
6. Решетников Ю.С. Атлас пресноводных рыб России. М.: Наука, 2002. Т.2. 252 с.
7. Экология рыб Обь-Иртышского бассейна. М. : Тов-во науч. изд. «КМК»,2006. 596 с.

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ ГОРНО-КРЫМСКОЙ ЛИСИЦЫ

Н. В. Антонец[1], В. Л. Ярыш[2]
[1]Днепровско-Орельский природный заповедник, г. Днепропетровск
[2]Карадагский природный заповедник,г. Феодосия

«Карадаг, представляющий собой обособленную горную группу, является крайним восточным звеном Главной гряды Крымских гор и выделяется уникальными природными особенностями» [5]. Карадагский природный заповедник создан в 1979 году на землях государственного лесного фонда и расположен в юго-восточной части Крымского полуострова. Географические координаты его составляют 44˚35′ северной широты и 35˚14′ восточной долготы. Общая площадь заповедника составляет 2874,2 га, в том числе суши – 2065,07 га и 808,1 га – акватория Черного моря.

Исследования трофической деятельности горно-крымской лисицы (*Vulpes vulpes krymea-montana* Brauner, 1914) проводили в весенне-осенний период 2010-2014 гг. в Карадагской долине на территории Карадагского природного заповедника (Крым) [2-6]. Авторы выражают признательность с.н.с. Карадагского природного заповедника, к. б. н. М. М. Бескаравайному за любезно предоставленный материал по питанию лисицы [6].

Цель данной работы – установить видовой состав основных кормовых объектов лисицы в заповеднике и провести сравнительный анализ особенностей ее питания с другими регионами юго-востока Украины.

Лисица – типичный хищник-полифаг. Анализ питания горно-крымской лисицы проводился методом разбора экскрементов и по пищевым остаткам, собранным на протяжении 2010-2014 гг., в количестве 3106 проб, а также 15479 проб, собранных в 1983-1986 гг. М.М. Бескаравайным. Из литературных источников [6, 7] известно, что в питании горно-лисицы из растительных кормов отмечены следующие виды (*см.табл. 1*).

Табл.1.

Особенности питания горно-крымской лисицы в Карадагском заповеднике

Корма горно-крымской лисицы	М.М. Бескаравайный (1983–1986)	Н.В. Антонец (2010 – 2014)
мох (Bryophytina)		1
хвощветвистый (*Equisetum ramosissimum* Dest.)		44
взморник морской (*Zostera marina* L.)		1
виноград лесной (*Vitissylvestris*Gmel.) - плоды	1598	34
виноград культурный (*Vitis vinifera* L.) - плоды		304
груша лохолистная (*Pyruselaeagrifolia* Pall.) - плоды	124	33
груша обыкновеная (*Pyruscommunis*L.) - плоды	458	555
шиповник (*Rosacanina* L.) - плоды	159	47
шафран узколистный (*Crocusangustifolius*Weston) – гене-ративные луковицы		138
боярышник (*Crataegus*sp.) - плоды	1629	9
кизил обыкновенный (*Comusmas* L.) - плоды	605	282
кизильник крымский (*Cotoneastertauricus*Poyark*)* – плоды	354	
бирючина обыкновенная (*Ligustrumvulgare*L.) – плоды	189	8
терн степной (*Prunusspinosa*L.) – плоды	59	179

табл. 1, продолж.

Корма горно-крымской лисицы	М.М. Бескаравайный (1983–1986)	Н.В. Антонец (2010 – 2014)
каркасголый (*Celtis labra-ta* Stev ex Planch) - плоды	152	
эфедра двуколосковая (*Ephedradistachya*L.) - семена	1148	34
каперцы травянистые (*Capparisherbacea*Willd.) - плоды	164	30
спаржамутовчатая (*Asparagus verticillatus* L.)		16
паслен сладкогорький (*Solanumdulcamara*L.) - плоды	1	
фисташка туполистная (*Pistaciamutica*FishetMey) - плоды	7453	476
можжевельник колючий (*Juniperusoxicedrus*L.) - шишки	2	15
аронник удлиненный (*Arumelongatum*Stev.) - ягоды		1
жасмин кустарниковый (*Jasminusfruticans*L.) - ягоды		35
лох серебристый (*Elaeagnusargentea*) - плоды		4
облепиха (*Hyppophae rhamnoides*) - плоды		2
осока Отрубы (*Carexotrubae*Podp.) - стебли	4	8
репейничек (*Argimonia eupatoria* L.) - семена		3
пролеска двулистная (*Scillabifolia*L.) - листья		5
жолуди дуба (*Quercus sp.*)		7
горох высокий (*Pisumelatius*Bieb.) - плоды		1
софора японская (*Sophorajaponica*) - стрючок		2
орех грецкий (*Juglansregia*L.) – плоды	2	1
алыча (*Prunus divaricata*) - плоды		1
слива (*Pyrus domestica*) - плоды	5	4
яблоко (*Malus domestica*) - плоды	2	16
опунция распростертая (*Opuntiahumifusa*Raf.) – плоды		26
крушиналомкая (*Frangula almus* Mill.) - плоды		4
скумпия коггигрия (*Cotimuscoggygria**Scop*) – плоды		59
морковь дикая (*Daucuscarota*L.) - корень		4
вика чечевицеобразная (*Viciaervillia*) - семена		6
клубника (*Fragaria elatior*) - ягоды		4
сколопендра (*Cryptops cingulata*) - имаго	11	160
прямокрылые (*Orthoptera*) - имаго	179	27
огневика трескучая (*Psophusstridulus*L.)	1	
цикада (*Fibicen plebeja*)– нимфа	1	
кивсяк (*Sarmatoiulus kessleri*)	3	
жуки (*Coleoptera*) – имаго (неопред. вид)	28	33
жук чернотелка (*Pimeliasubglobosa*Pall.) - имаго	1	3
жук-олень (*Lucanus cervus* L.)	2	
жужелицакрымская (*Carabus tauricus* Bonelli)	2	1
бронзовка золотистая (*Cetoniaaurata*L.) – имаго		3
таракан лесной (*Ectobiussylvestris*) – имаго		56
таракан лесной (*Ectobiussylvestris*) – оотеки	2	

табл. 1, продолжение

мухи (*Sarcophaga sp.*) – пуппарии	39	2
осы (*Vespiae)*	3	8
богомол *(Montoptera*)–кладка	1	
стрекозы (*Aeshna*) – личинки		2
насекомое (*Insecta)* – неопределенныйвид	13	7
рыба (*Pisces*) – неопределенный вид	1	1
скат (*Raja clavata* L.)	1	
краб (*Decapoda*)	1	
ящерицакрымская*(Lacerta taurica* Pall.)	2	
*птицы, неопределенный вид - падаль	12	8
яйца птиц (*Aves*) – неопределенный вид	1	1
птицы (*Aves*) –птенцы, подранки	31	20
*грач (*Corvus frugilegus* L.)		1
*ворона серая (*Corvuscornix*L.)		1
*сойка (*Garrulus glanda-rius* L.)		1
*сорока (*Pica pica* L.)		1
фазан (*Phasianus colchicus* L.) - самка		1
*светлокрылая крачка (*Chlidomiasleucorterus*Temm.)		2
мышевидные грызуны, - (*Sylvaemussp.*, *Mus*и др.)	61	84
полевка Эверсмана (*Microtusobscurus*Eversmann)	133	31
крысасерая (*Rattus norvegicus* Berk.)	1	
ежбелогрудый (*Erinaceus concolor*Mart.)	3	12
белка (*Sciurus vulgaris* L.)	4	
лисица (*Vulpes vulpes* L.) – труп	1	1
косуля (*Capreolus capreolus* L.) – труп		31
кабан (*Sus scrofa* L.) – падаль	3	26
заяц-русак (*Lepus europaeus* Maisc.)	9	96
курица домашняя белая (Aves)		1
кот черно-рыжий (*Felis*)		1
коза домашняя белая (*Capra*)		1
коза домашняя черная (*Capra*)- шкура		1
лошадь (*Equus*) - навоз		14
падаль(*Mammalia*) – неопределенный вид	10	2
собака домашняя рыжая (*Canis*) – падаль		3
грибтрутовик – плодовоетело		1
отбросы	4	93
ИТОГО:	15479	3106

**Прим.*: остатки трапезы хищной птицы.

Основу животных кормов составляют мышевидные грызуны, птенцы и подранки птиц, насекомые (преимущественно прямокрылые и жесткокрылые), а также падаль. За годы исследований установлен видовой состав кормовых объектов этого ценного пушного вида, эндемика Крыма (*табл. 1*). Всего было выявлено 41 вид растительных кормов, 46 – животных, гриб трутовик и отбросы. Интересным, на наш взгляд, является впервые установленный нами факт [6] поедания лисицей генеративных луковиц крокуса узколистного, занесенного в Красную книгу Украины [8]. В осенне-зимний период (после выпадения осадков) лиса по запаху находит и выкапывает луковицы из влажного грунта (кв. кв. 20, 23, 31). Спектр пищевых объектов лисицы специфичен для каждого региона и обусловлен в Карадагском природном заповеднике его расположением в горных комплексах на юго-восточном берегу Черного моря.

Особенностью является то, что в низкопродуктивных угодьях этого заповедника в кормовом рационе преобладают растительные корма (и в частности, плоды фисташки). Для сравнения, в Днепровско-Орельском заповеднике (Днепропетровская область Украины) спектр основных массовых кормовых объектов рыжей лисицы (Vulpes vulpes Linnaeus, 1758) обусловлен расположением резервата в интразональных биотопах пойменного комплекса р. Днепр, в степной зоне Украины, и составляет около 30 животных и 15 растительных видов [1]. Индексы сходства, соответственно составляют – 0,25 (Жаккара) и 0,4 (Серенсена).

Табл. 2

Данные учетов численности лисицы в Карадагском заповеднике

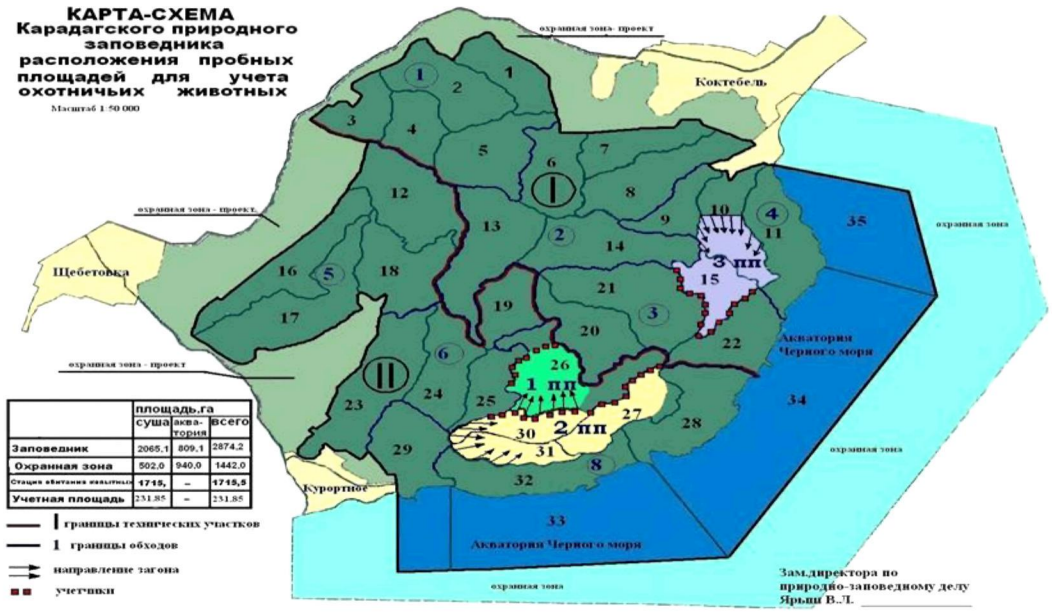
Вид	Учетная площадь (га)	Дата учета	Учтено животных	Плотность животных кол./1000га	Общая численность животных в заповеднике
Лисицагорно-крымская	376,0	2015 г.	3	6	14
	376,0	02.02.14	2	4	9
	376,0	03.02.13	2	5	11
	376,0	29.01.12	3	8	16
	376,0	23.01.11	-	-	-
	376,0	24.01.10	1	3	5
	376,0	24.01.09.	3	8	16
	376,0	26.01.08.	3	8	16
	376,0	28.01.07.	-	-	-
	376,0	23.02.06.	2	5	11
	254,0	30.01.05.	-	-	-
	254,0	20.03.04.	-	-	-
	376,0	27.01.03.	3	8	16
	376,0	05.02.02	3	8	16
	167,0	15.10.99	-	-	-
	167,0	21.01.97.	3	17	37
	167,0	18.01.97	3	17	37
	167,0	15.02.93.	3	17	37
	150,0	05.02.92	-	-	-
	73,0	28.11.89.	1	14	28
	190,0	27.11.89.	5	26	54
	178,0	06.02.86.	-	-	-
	50,0	26.02.87.	-	-	-
		22.11.83.		4,4	
		12. 1983		10,0	

Отмечено, что в разные годы существенно отличается видовой состав кормовых объектов горно-крымской лисицы (особенно растительных). Лисица, как и другие виды млекопитающих, потребляет в пищу корма, имеющиеся в наибольшем количестве (массовые виды). Так, по данным М.М. Бескаравайного, в 1983 г. в рационе лисицы преобладал кизил – 67 %; в 1984 г., соответственно: фисташка туполистная – 50 % и эфедра – 20 %; в 1985 – фисташка (90 %); в 1986 – виноград (50 %). В 2010-2011 гг. в ее рационе из растительных кормов преобладали плоды фисташки (20 %) и груши обыкновенной (16 %). Из животных кормов – мышевидные грызуны (3,5 %), падаль погибших млекопитающих и птиц (грач, ворона, сойка, сорока). В 2012 г. – из растительных кормов на первом месте, по-прежнему, фигурировала фисташка (25,6 %), далее следует груша обыкновенная (16 %) и терн степной (16 %), а также плоды кизила (6,6 %), в связи с хорошим урожаем. Из насекомых впервые отмечено значительное

увеличение в рационе горно-крымской лисицы имаго лесного таракана (2,8 %) и сколопендры (3,9 %). В 2013 г. – лидирует виноград (15,5 %), преобладают – плоды груш (10%) и фисташки (8,5 %), а также генеративные луковицы краснокнижного шафрана, почти (8 %). Из животных кормов лидирует имаго сколопендры, более (11 %). В 2014 . лидером отмечены плоды груш – почти (33 %), луковиц шафрана, более (8 %), а также впервые резко возросла роль ягод эфедры двуколосковой – (5,75 %). Из животных кормов, по количеству встреч, по-прежнему, лидирует имаго сколопендры, более (7 %) и существенно увеличилась в питании горно-крымской лисицы, роль зайца – более (4,7 %).

Учеты численности горно-крымской лисицы осуществляли методом шумового прогона в зимний период на постоянных полигонах, силами лесной охраны, под руководством, к.б.н. Ярыша В.Л. (*см.рис.*).

Рис. 1

Сравнивая данные учетов, полученные в 2014 и 2015 гг., можно отметить следующее. Общая численность лисицы увеличилась с 9 особей до 14 голов, что соответствует увеличению ее поголовья на 55,5% (*табл. 2*).

Численность лисицы подвержена существенным колебаниям (*табл. 2)* и достигает своего максимума именно на заповедных территориях, где фактор беспокойства сведен до минимума (как в и других заповедниках). Анализ динамики численности лисицы позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время хищническая деятельность лисицы не обеспечивает регуляцию плотности населения диких коптных животных Карадага [5], что привело к перенаселению аборигенного вида – косули европейской. По-видимому, как и в Днепровско-Орельком заповеднике (2009 год – депрессии численности мышевидных грызунов), горно-крымская лисица способна добывать только молодняк косули и приносить к норе лисинятам. Обычно лисица пользуется отстатками трапезы волков и бродячих собак.

1. Антонець Н. В. Руда лисиця (VulpesvulpesL.) у Дніпровсько-Орільському природному заповіднику // Матер. міжнар. конф. «Фальцфейнівські читання». Херсон: ХДУ, 2009. С. 4–9.
2. Антонец Н. В. Рыжая лисица в Карадагском природном заповеднике // Біорізноманіття та роль тварин в екосистемах. Дніпропетровськ: ДНУ, 2011. С. 239-241.

3.Антонец Н. В., Алексеев Ф. Е.Лисица (VulpesvulpesL.) в Карадагском природном заповеднике. Мониторинг биоразнообразия экосистем степной и лесостепной зон // Матер. Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием. Балашов, 2011. С. 76-79.
4.Антонец Н. В., Товпинец Н. Н., Ярыш В. Л. Аннотированный список млекопитающихКарадагского природного заповедника (по результатам работы за 2000-2013 гг.). //IIIМеждунар. конф. «Биоразнообразие и устойчивое развитие».Симферополь: ТНУ, 2014. С. 23-25.
5.Антонец Н. В., Ярыш В. Л.Динамика численности косули европейской, заца-русака ихищничество горно-крымской лисицы //XI Всерос. научно-практ. конф. (с международным участием). «Тобольск научный - 2014». Тобольск: Тюменскийиздательский дом, 2014. С. 31-34.
6.Антонец Н.В., Ярыш В.Л., Товпинец Н.Н.Горно-крымская лисица (Vulpesvulpes) в Карадагском природном заповеднике //Экосистемы Крыма, их оптимизация и охрана. Симферополь: ТНУ, 2011. Вып. 5.С. 141-148.
7.Природа Карадага /под ред. А.Л. Морозовой.Київ: Наукова думка, 1989.С. 226.
8. Червона Книга України. Рослинний світ / під заг. редакцією Я.П. Дідуха.Київ: НАНУ, 2009. 912 с.

РАЗНООБРАЗИЕ И СТРУКТУРА БИОТЫ ДРЕВЕСНЫХ ГРИБОВ Г. ТЮМЕНИ В УСЛОВИЯХ РЕКРЕАЦИИ И ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

С. П. Арефьев
Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

Город Тюмень находится в пределах западносибирской подтайги, для которой характерны мелколиственно-сосновые леса (*Pinussilvestris, Betulaverrucosa, Populustremula*), в основном, вторичные (вследствие периодических пожаров, размножения патогенов, рубок), испытывающие влияние как антропогенных факторов, таки современных климатических подвижек, в частности, недостатка летних осадков [1].

В 2001 г. для ведения комплексного экологического мониторинга насаждений города заложены пробные площади (ПП) по 0,25 га на трех участках сосняков (с березой и осиной) естественного происхождения II класса бонитета в возрасте 60-80 лет, близких по составу и полноте (около 1) [2]. За прошедший период на ПП произошли некоторые изменения древостоя, в основном соответствующие естественному ходу его роста.

Поскольку описание сообществ дереворазрушающих грибов (ксиломикоценозов) проводили в конце апреля – весной 2001 г. по хорошо сохранившимся прошлогодним базидиомам, оно фиксирует их состояние на 2000 г. Делали полный учет афиллофоровых макромицетов (без распростертых однолетников), за один условный мицелий принимали 1 дерево (ствол кустарника), погибшее или живое, несущее плодовые тела данного вида гриба независимо от их количества. Виды грибов определяли по известным пособиям [3; 4; 5] в системе грибов электронного ресурса IndexFungorum. Данные по климату взяты из ресурсов:http://Aisori.meteo.ru/ClimateR и http://pogodaiklimat.ru/monitor.

В 2004 г. часть древостоя на пробной площади Плеханово (0,1 га) погибла в результате подтопления грунтовыми водами с последующим низовым пожаром. На этом месте возникла вырубка влажного вейникового типа, интенсивно зарастающая березой, осиной и ивой. Вырубка рассматривается отдельно, а сохранившаяся часть сравнивается с ее состоянием на 2000 г.Всего в ходе настоящих работ 2001, 2012 и 2014 гг. отмечено 390 условных мицелиев 56 видов афиллофоровых макромицетов на 11 древесных породах (*табл.*), в т.ч. на сосне 16 видов, на березе – 32, на осине – 12, на

ивах – 8, на яблоне – 7, на черемухе – 6, на боярышнике и кизильнике – по 5, на рябине – 4, на крушине и бузине – по 1 виду.

Табл. 1

*Видовой состав и численность афиллофоидных макромицетов на пробных площадях в 2000, 2012 и 2014 гг.**

Виды	Древостои			Вырубка	
	2000	2012	2014	2012	2014
Antrodia sinuosa (Fr.) P. Karst.	–	1/1	1/1	–	–
Bjerkandera adusta (Willd.) P. Karst.	3/1	4/3	2/2	5/1	1/1
Antrodiella semisupina (Berk. & M.A. Curtis) Ryvarden	–	–	2/2	–	–
Byssomerulius corium (Pers.) Parmasto	–	1/1	1/1	–	–
Cerrena unicolor (Bull.) Murrill	2/1	–	–	6/1	6/1
Cylindrobasidium evolvens (Fr.) Jülich	5/3	1/1	–	–	–
Daedaleopsis confragosa (Bolton)J. Schröt.	6/2	3/1	3/1	–	–
D. septentrionalis (P. Karst.) Niemelä	–	1/1	1/1	–	–
D. tricolor (Bull.) Bondartsev & Singer	1/1	11/2	6/3	1/1	–
Datronia mollis (Sommerf.) Donk	–	2/2	2/2	–	–
D. stereoides (Fr.) Ryvarden	–	1/1	1/1	–	–
Dichomitus squalens (P. Karst.) D.A. Reid	1/1	–	–	–	–
Fomes fomentarius (L.) Fr.	1/1	8/2	4/1	23/1	25/1
Fomitiporia punctata (Pilát) Murrill	–	6/2	12/5	–	1/1
Fomitopsis pinicola (Sw.) P. Karst.	–	2/1	2/1	5/1	4/1
Ganoderma applanatum (Pers.) Pat.	–	–	–		3/1
Gloeoporus dichrous (Fr.) Bres.	–	–	–	1/1	–
G. taxicola (Pers.) Gilb. & Ryvarden	–	–	1/1	–	3/1
Hapalopilus rutilans (Pers.) P. Karst.	–	1/1	7/3	–	–
Hericium coralloides (Scop.) Pers.	–	–	–	1/1	–
Inonotus obliquus (Ach. ex Pers.) Pilát	–	–	1/1	–	1/1
Irpex lacteus (Fr.) Fr.	–	2/2	3/3	1/1	–
I. murashkinskyi (Burt) Kotir. & Saaren.	–	1/1	1/1	1/1	2/1
I. murashkinskyi (Burt) Kotir. & Saaren.	–	1/1	1/1	1/1	2/1
Junghuhnianitida (Pers.) Ryvarden	–	–	3/2	1/1	–
Lenzitesbetulina (L.) Fr.	1/1	–	–	–	–
Merulius tremellosus Schrad.	–	1/1	–	8/2	5/1
Oligoporus alni (Niemelä & Vampola) Piątek	–	–	1/1	–	–
Oxyporus corticola (Fr.) Ryvarden	–	–	–	1/1	–
Parmastomyces mollissimus (Maire) Pouzar	–	–	1/1	–	–
Phaeolus schweinitzii (Fr.) Pat.	–	1/1	1/1	–	1/1
Phellinus tremulae (Bondartsev) Bondartsev & P.N. Borisov	–	1/1	1/1	–	–
Piptoporus betulinus (Bull.) P. Karst.	1/1	5/1	2/1	–	–
Plicaturopsis crispa (Pers.) D.A. Reid	–	6/2	7/2	–	–
Polyporus varius (Pers.) Fr.	–	–	2/2	–	–
Porodaedalea pini (Brot.) Murrill	–	1/1	1/1	–	–
Postia caesia (Schrad.) P. Karst.	–	5/1	8/1	–	1/1
P. fragilis (Fr.) Jülich	1/1	1/1	1/1	1/1	–
P. leucomallella (Murrill) Jülich	–	3/1	–	–	–
P. sericeomollis (Romell) Jülich	–	1/1	1/1	–	1/1
Punctularia strigosozonata (Schwein.) P.H.B. Talbot	–	–	1/1	–	–
Royoporus badius (Pers.) A.B. De	–	1/1	1/1	–	–
Schizophyllum amplum (Lév.) Nakasone	–	7/1	2/1	–	–
Skeletocutis nivea (Jungh.) Jean Keller	–	–	4/4	1/1	–

табл. 1,продолжение

Steccherinum ochraceum (Pers.) Gray	1/1	5/3	12/7	1/1	1/1
Stereum hirsutum (Willd.) Pers	–	1/1	–	–	1/1
S. sanguinolentum (Alb. & Schwein.) Fr.	3/1	4/1	5/1	1/1	1/1
S. subtomentosum Pouzar	–	–	3/1	4/1	2/1
Trametes gibbosa (Pers.) Fr.	–	1/1	1/1	–	–
T. hirsuta (Wulfen) Lloyd;	–	–	–	2/1	–
T. ochracea (Pers.) Gilb. & Ryvarden	3/1	2/2	2/2	5/1	1/1
*T. trogii*Berk.	–	–	–	–	1/1
T. versicolor (L.) Lloyd	4/2	3/2	5/4	4/1	–
Trichaptumbiforme (Fr.) Ryvarden	–	–	–	1/1	–
T. fuscoviolaceum(Ehrenb.) Ryvarden	2/1	1/1	2/1	2/1	1/1
Xanthoporia radiata (Sowerby) Ţura, Zmitr., Wasser, Raats & Nevo	–	–	–	–	1/1
Всего мицелиев/видов по породам:					
сосна**	8/5	19/9	24/11	10/5	6/3
береза	14/9	36/15	38/19	66/12	49/13
осина	1/1	17/9	8/7	–	–
ивы	5/1	13/5	15/6	–	2/2
яблоня	6/2	7/5	10/16	–	–
черемуха	–	2/2	5/5	–	–
рябина	–	–	4/4	–	–
кизильник	–	–	7/5	–	–
боярышник	1/1	1/1	4/4	–	–
бузина	–	1/1	1/1	–	–
крушина	–	–	1/1	–	–
Всего условных мицелиев	35	97	117	76	63
Всего видов	15	34	40	22	21
Расчетное число мицелиев на1 га	51	134	173	950	788
Расчетное число видов на 1 га	22	31	33	49	47

* Числитель – число условных мицелиев, знаменатель – число древесных пород.
** На отпаде сосны (древесина, кора) во всех разностях обилен *Coniophora arida* (Fr.) P. Karst.

За время исследованийнаблюдались не только погодичные климатические колебания, но и их многолетние тенденции. В целом, период вегетации ксилотрофных грибов (май-сентябрь) по общему количеству осадков и среднемесячной температуре воздуха в 2000 г. был близок к норме (243 мм, 16° С), в 2012 г. он был аномально засушливо-жарким (98 мм, 18°), в2014 г. – умеренно прохладным и влажным (247 мм, 15°). С 2002 по 2012 гг. отмечалась устойчивая тенденция к потеплению (+1,0° на 10-летие) и аридизации климата (–160 мм на 10-летие). Т.о., наблюдения 2012 г. пришлись на кульминацию этого тренда, выход из которого наметился в 2013 г. и отчетливо проявился в 2014 и 2015 гг.

Еще более показательны в этом плане климатические параметры июля, вносящие наибольший вклад в итоговые параметры биотических процессов года. При многолетней норме 89 мм осадков и 18,8° С в 2000 г. июль был умеренно засушливо-жарким (45 мм, 19,6°), в 2012 г. – аномально засушливо жарким (16 мм, 21,3°), а в 2014 г. – аномально прохладно-влажным (122 мм, 14,6°) с рекордно низкой средней температурой воздуха за весь вековой период наблюдений, при этом март был рекордно влажным. Т. о., климатические условия формирования ксиломикобиоты, пришедшиеся на годы наблюдений, были контрастными, что позволяет именно с ними связывать специфику ксиломикоценозов, особенно в 2012 и 2014 гг., когда показатели

древостоев на пробных площадях были практически одинаковыми в условиях усилившейся регламентации фактора рекреации.

Всего в древостоях на трех пробных площадях за три года обнаружено 139 мицелиев 48 видов афиллофороидных макромицетов. На вырубленной в 2004 г. части пробной площади Плеханово, которая в 8 раз меньше площади сохранившихся участков, за два года отмечен 251 мицелий 32 видов грибов. По сравнению с 2012 в 2014 г. на вырубке произошло некоторое уменьшение показателей ксиломикоценоза: числа мицелиев – с 76 до 63, числа видов грибов – с 22 до 21. Это связано с уже заканчивающимся разложением грибами порубочных остатков и небольшим количеством отпада в образовавшемся на месте вырубки смешанном молодняке. Вместе с тем, в 2014 г. найдено 9 ранее не отмечавшихся там видов грибов, как поздних сукцессоров(*Ganoderma applanatum*), так и влаголюбивых (*Gloeoporus taxicola, Xanthoporia radiata*).

Число видов ксилотрофных грибов на пробных площадях находится в тесной зависимости от числа заселенных ими субстратов в соответствии с уравнением регрессии$y = 9{,}2\mathrm{Ln}(x)–14{,}4$; $R^2 = 0{,}88$, что позволило рассчитать число видов на 1 га (см. *табл.*). Видовое разнообразиегрибов в среднем по всем пробным площадям в 2000, 2012 и 2014 гг. составило, соответственно, 22 (16–24), 31 (22–35) и 33 (32–34) вида на 1 га. Если в засушливо-жаркие 2000 и 2012 гг. отдельные исследованные древостои существенно отличались по удельному разнообразию грибов, то в прохладно-влажном 2014 г. они оказалось приблизительно одинаковым на всех ПП. На вырубке в 2012 и 2014 гг. удельное разнообразие ксилотрофных макромицетов значительно выше – соответственно, 49 и 47 видов на 1 га.

В связи с климатическим фактором структура доминирования грибов в древостоях существенно изменяется. Если в засушливо-жарком 2012 г. в целом преобладали ксеротолерантные *Daedaleopsistricolor* (11 мицелиев), *Plicaruropsiscrispa* (7), *Schizophyllumamplum* (7) – на березе и осине, то в прохладно-влажном 2014 г. доминантами стали: *Fomitiporia punctata* (12),характерный для ив и других подлесочных пород, *Steccherinum ochraceum* (12), развивающийся на поздних стадиях разложения лиственных пород,и обычный на давно усохших ветвях сосны *Postiacaesia* (8), в сухие годы редко образующий базидиомы. Примечательно многократное увеличение численности *Hapalopilus rutilans* (с 1 до 7), характерного для тонких стволов и ветвей. В прохладно-влажных условиях отмечается тенденция увеличения разнообразия и обилия грибов за счет видов, осуществляющих поздние стадии разложения (*Steccherinum ochraceum,Postiacaesia,Antrodiellasemisupina, Skeletocutisnivea, Junghunianitida, Polyporusvarius* и др.).

Таким образом, фаза развития древостоя, степень рекреационной нагрузки и климатические условия периода вегетации оказывают существенное влияние на состав и структуру сообществ ксилотрофных грибов г. Тюмени, выявляемую посредством учета базидиом. Влияние климатических условий особенно четко проявляется в календарно близкие годы с контрастными условиями, при соблюдении условия «прочих равных». Установлено, что в 2014 г. с аномальным прохладно-влажным летом по сравнению с 2012 г. с аномально засушливо-жарким летом на ПП г. Тюмени в целом увеличились основные показатели развития ксиломикоценозов – их видовое разнообразие и численность грибов, структура доминированияизменилась в пользу влаголюбивых видов, в том числе, наблюдаемых в Тюмени впервые, преобладающий геоэлемент ксиломикоценозов смесился с лесостепного на более северный; усилилось развитие базидиом макромицетов на мелких субстратах, расширились трофические связи грибов древесными породами, наметилось выравнивание удельных показателей ксиломикоценоза на разных пробных площадях. На вырубке 2004 г., где к

2014 г.завершался процесс разложения порубочных остатков, влияние погодно-климатического фактора также прослеживается, но с учетом смены сукцессионной стадии разложения древесины.

1. Арефьев С. П. Климатические факторы в древесно-кольцевых хронологиях города Тюмени // Вестн. Тюменского гос. ун-та. 2013. № 12. С. 34-42.
2. Гашев С.Н., Алешина О.А., Арефьев С.П. и др. Начальный этап мониторинга экосистем г. Тюмени и его пригородной зоны // Вестн. экологии, лесоведения и ландшафтоведения. Вып. 3. 2002. С. 80-93.
3. Jülich W., Stalpers J.A. The resupinate nonporoid Aphyllophorales of the temperate Northern Hemisphere. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1980. 335 p.
4. Ryvarden L., Gilbertson R.L. European Polypores. Part. 1. Abortiporus – Lindtneria. Oslo: Fungiflora, 1993. Pp. 1–387.
5. Ryvarden L., Gilbertson R.L. European Polypores. Part. 2. Meripilus – Tyromyces. Oslo: Fungiflora, 1994. Pp. 388–743.

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПОЧВЕННЫХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ПОЙМЫ ИРТЫША

С.П. Бухкало
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Происхождение и развитие пойм связано с руслообразованием рек, они присутствуют во всех природно-климатических зонах, а гидротермический режим речных долин отличается от такового зональных сообществ, расположенных на плакорах. Именно эти обстоятельства, с одной стороны, объединяют, а с другой, выделяют поймы в особую группу азональных сообществ. Пойма представляет самую динамичную часть ландшафта, что связано с ее периодическим подтоплением во время паводков и половодий. Водный режим Иртыша характеризуется мощным весенним половодьем и почти полным отсутствием или незначительным подъемом уровня в летний период; он оказывает определяющее влияние на формирование растительного покрова, состава и структуры населения беспозвоночных прибрежных периодически подтопляемых пойменных участков суши. В зависимости от высоты подъема воды при половодье площадь заливаемых участков год от года меняется, что позволяет выделить три уровня: низкую, среднюю и высокую пойму. Низкая пойма ежегодно уходит под воду. Для нее характерно отсутствие постоянного растительного покрова, высокая динамика флористического состава, преобладание открытых участков. Границей между низкой и средней поймой часто служит уступ высотой 0,5-0,7 м.

Учеты почвенных беспозвоночных на участке низкой поймы левобережья Иртыша проводили осенью, на протяжении 7 лет, с 2005 по 2011 гг. В это время уровень половодья изменялся в пределах от 4,0 до 8,5 м при среднем значении около 6,4 м. Половодье 2007 г. оказалось рекордным по высоте (8,48 м) и по продолжительности. Вплоть до середины августа затопленной оставались участки средней поймы и лишь потом началось резкое снижение уровня воды.

Численность беспозвоночных, за период исследования, изменялась от 24 до 226 экз./м^2. Ожидаемо, что самый низкий показатель плотности популяций беспозвоночных отмечен именно в 2007 г. Среди беспозвоночных низкой поймы полностью отсутствуют собственно почвообитающие формы – личинки двукрылых, некоторых семейств жуков и многоножки. Лишь иногда в осенних учетах встречались куколки пилильщиков и бабочек. Исследованный участок низкой поймы Иртыша сформирован в основном тяжелыми глинистыми фракциями ила и характеризуется

высокой влажностью и низким содержанием кислорода. Это является ключевым фактором, ограничивающим распространение почвенных беспозвоночных на участках низкой поймы.

Что касается таксономического разнообразия, то этот показатель значительно изменяется год от года. На уровне отрядов различий нет. К постоянным обитателям низкой поймы относятся пауки, жуки и личинки двукрылых. Из них жуки самые многочисленные как по плотности (всегда более 60 %), как и по таксономическому разнообразию.

За время исследования в раскопках зарегистрированы представители 10 семейств. Постоянно встречались стафилины с плотностью от 4 до 114 экз./м², жужелицы и листоеды отсутствовали только в 2007 г., а плотность их популяций изменялась в пределах 6-50 и 2-58 экз./м² соответственно. По числу видов преобладали стафилины – 21 и жужелицы – 13 видов. Листоеды были представлены 5 видами. Представители других семейств жуков встречались единично. Среди беспозвоночных, обитателей низкой поймы, ни один вид не встречался постоянно на протяжении 7 лет исследований. В то же время, из 112 видов жужелиц (почти половина региональной фауны), выявленных в сообществах низкой пойме Иртыша и его притоков, около 10 % не встречаются на других элементах рельефа. Это подчеркивает специфичность экологических и эдафических условий пойменных сообществ.

Беспозвоночные, обитающие в низкой пойме Иртыша, по таксономическому составу и структуре населения демонстрируют высокую неустойчивость, что проявляется в вариабельности видового состава и структуры населения. Это является следствием высокой изменчивости экологических условий, определяемых режимом половодья.

ЖУЖЕЛИЦЫ (COLEOPTERA, CARABIDAE) КАКБИОИНДИКАТОРЫСООБЩЕСТВЮЖНОЙТАЙГИЗАПАДНОЙСИБИРИ

Н. В. Важенина
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Значительную площадь на коренной террасе Иртыша занимают сообщества, находящиеся на разных стадиях сукцессионного преобразования. Длительность процесса лесовосстановления в южной тайге оценивается в 120-150 лет [1]. Одной из удобных модельных групп герпетобионтов, используемых в качестве биоиндикаторов состояния и динамики природных систем, считаются жуки-жужелицы. Это семейство насекомых обладает высоким видовым и экологическим разнообразием, тонко реагирует на изменение почвенно-растительных и гидротермических условий среды.

Цель предлагаемой работы – изучить состав и структуру населения жужелиц на разных стадиях восстановления лесных сообществ подзоны южной тайги Западной Сибири и определить биоиндикационные возможности жужелиц.

Работа основана на результатах многолетних исследований почвенной мезофауны бассейна нижнего Иртыша. В качестве стадий лесовосстановительной сукцессии изучены участки злаково-разнотравного суходольного луга (2005-2010 гг.), березово-осинового высокотравного леса (2005-2009 гг.) и пихтарника кислочно-схизахнового зеленомошного (2005-2007 гг.). Биотопы располагаются на коренной террасе Иртыша, недалеко друг от друга, в 20 км от г. Тобольска.

Анализ основан на результатах учетов жуков с помощью ловушек Барбера, численность переведена в единицы динамической плотности – экз./100 ловушко-суток (в тексте экз./100 л.-с.). Состав доминантов определен по шкале О. Ренконена [2]: от 5 % и более – доминант, от 2 до 5 % – субдоминант. Для характеристики структуры населения жужелиц использовали показатели видового богатства (S), биотопической приуроченности видов (по А.Г. Воронину [3]), индекс Бергера-Паркера (1/d), индексы видового разнообразия (H′) и выравненности Шеннона (J′).

Табл. 1

Показатели, характеризующие население жужелиц сообществ подзоны южной тайги Западной Сибири

Биот	Показатель	Год исследования					
		2005	2006	2007	2008	2009	2010
Злак-разн. лес	S	21	32	37	18	34	26
	1\d	4,1	1,7	2,5	3,4	2,6	3,0
	H′	2,4±0,08	1,5±0,07	2,2±0,07	2,2±0,08	1,9±0,08	1,7±0,08
	J′	0,8±0,03	0,4±0,02	0,6±0,02	0,7±0,03	0,5±0,02	0,5±0,02
	Д/п.	138,6±8,4	158,6±16,5	108,2±7,7	9,1±0,7	177,2±13,9	95,5±8,6
Бер.-ос. лес	S	23	20	19	10	22	-
	1\d	3,6	2,7	3,7	3,0	3,8	-
	H′	2,3±0,09	1,8±0,09	2,0±0,10	2,0±0,10	2,1±0,10	-
	J′	0,7±0,03	0,6±0,03	0,7±0,03	0,8±0,04	0,7±0,03	-
	Д/п.	89,8±6,2	111,7±10,6	176,2±13,9	4,9±0,40	86,0±6,2	-
Пихт. лес	S	17	15	21	-	-	-
	1\d	6,3	2,9	3,9	-	-	-
	H′	2,5±0,09	2,1±0,09	2,2±0,09	-	-	-
	J′	0,8±0,03	0,7±0,03	0,7±0,03	-	-	-
	Д/п.	25,8±1,2	23,0±1,9	97,6±7,2	-	-	-

На суходольном лугу выявлено 54 вида жужелиц из 21 рода. Наибольшее число видов отмечено в родах Amara (12), Bembidion, Harpalus (по 6), Pterostichus (5), Carabus (4), Poecilus и Calathus (по 3). На протяжении 6 лет исследований показатель видового богатства варьирует от 18 до 37 видов (*табл.*). Постоянным компонентом сообщества являются луго-полевые виды Poecilus versicolor, Calathus melanocephalus, Amara aenea, A. tibialis, A. equestris и полевой – Poecilus cupreus. В состав доминирующего комплекса входит от 4 до 11 видов, стабильную группу формируют P. cupreus, P. versicolor и Amara aenea, составляющие до 85 % численного обилия. В разные годы, в состав доминантов и субдоминанатов входят луговые виды Cylindera germanica (до 17 %), Amara lunicollis (3,5 %); луго-полевые – Poecilus lepidus (13,2 %), A. tibialis (10,8 %), Calathus melanocephalus (7,3 %), A. equestris (4,8 %), Clivina fossor (4 %), Harpalus luteicornis (3,3 %), H. rufipes (2,4 %); лесо-луговые – Pterostichus niger (5,4 %), P. melanarius (3,6%), Harpalus latus (2,7%), Trechus secalis (2,3 %); лесной – Amara communis (3,6 %) и прибрежный – Bembidion gilvipes (4 %).

Динамическая плотность (Д/п) жужелиц на лугу варьирует от 95,5±8,6 до 177,2±13,9 экз./100 л.-с. Высокие численные показатели достигаются за счет P. cupreus (до 92,0 экз./100 л.-с.) и P. versicolor (до 26,6 экз./100 л.-с.), что делает луг менее выровненным по сравнению с лесами (*см. табл.*). Лишь в 2008 г. уловистости составила 9,1±0,7 экз./100 л.-с., что, вероятно, обусловлено погодными условиями, существенно влияющими на динамическую активность жуков открытых территорий.

Индексы разнообразия лугового сообщества значительно варьируют на протяжении всего периода исследований (*см. табл.*). Возможно, это связано с

регулярным хозяйственным использованием луга в качестве сенокоса и периодического выпаса скота. Максимальные показатели 1/d = 4,1, H′ = 2,4±0,08, J′ = 0,8±0,03 зарегистрированы в 2005 г. и определены составом доминирующей группы, включающей 11 видов (C. germanica, P. cupreus, P. versicolor, P. lepidus, P. niger, P. melanarius, C. melanocephalus, A. aenea, A. lunicollis, A. equestris и H. rufipes), составляющих около 80% численного обилия.

На лугу, как по количеству видов (12 – 24 видов), так и по численности (85,4 – 96,3 %) преобладают жужелицы открытых пространств (луговая, луго-полевая, полевая группы). Среди них доминируют луго-полевые виды (53,8 – 90,3 %). Обитатели лесов (лесная, лесо-болотная, лесо-луговая группы) не многочисленны (4,0 – 13,2 %) и составили от 2 до 8 видов. Влаголюбивые жужелицы (околоводная, прибрежная, прибрежно-луговая группы) представлены 1 – 5 видами, не превышающими 8,1 %.

В березово-осиновом лесу зарегистрировано 38 видов жужелиц из 15 родов. Значительным числом видов характеризуются роды *Carabus* (6), *Pterostichus*, *Amara* (по 5) и *Harpalus* (4). Показатель видового богатства сообщества варьирует от 10 до 23. Устойчивую группу формируют лесные виды *Carabus aeruginosus*, *C. glabratus*, *C. schoenherri*, *Cychrus caraboides*, *P. oblongopunctatus* и лесо-луговые – *Carabus granulatus, P. niger, P. melanarius*. Доминирующий комплекс представлен 7 – 10 видами, его постоянными составляющими являются *C. granulatus, C. aeruginosus, P. niger,P. oblongopunctatus*и*P. melanarius.* Так же в комплекс входят лесные виды *C. schoenherri* (32,5%), *C. caraboides* (7,5%); лесо-луговые – *T. secalis* (10,7%), *Carabuscancellatus* (5,9%); лесо-болотный – *Pterostichus strenuus* (10%); луго-полевые – *P. versicolor* (8,8%), *H. rufipes*(3%)и*C. melanocephalus* (2,4%).

Динамическая плотность жуков в березово-осиновом лесу варьирует от 4,9±0,4 до 111,7±10,6 экз./100 л.-с. (*см. табл.*). Высокими показателями уловистости характеризуются *P. niger* (до 47,0 экз./100 л.-с.), *P. melanarius* (до 44,5 экз./100 л.-с.) и *P. oblongopunctatus* (до 41,3 экз./100 л.-с.). За весь период исследования индексы разнообразия сообщества варьируют незначительно и не имеют общей направленности. Следует отметить 2006 г. с минимальными значениями 1\d = 2,7, H′ = 1,8±0,09, J′ = 0,6±0,03 и значительным обилием только двух видов: *P. oblongopunctatus* (36,9%) и *P. melanarius* (27,2%). В 2009 г. отмечен максимальный индекс доминирования (1\d = 3,88), что свидетельствует о стабилизации сообщества.

В сообществе преобладают виды лесных групп (10 – 17 видов), составляющие от 88,9 до 100 %. Обитатели открытых биотопов представлены 5 – 7 видами и немногочисленны (0,7 – 6,2 %). Околоводные виды представлены *Agonum dolens* и *Oxypselaphus obscurum*, не превышающими 0,3 %.

Самым низким видовым составом характеризуется пихтовый зеленомошный лес: 24 вида жужелиц из 13 родов. Наиболее представлены роды *Harpalus*, *Carabus* (по 5 видов) и *Pterostichus* (4). Показатель видового богатства варьирует по годам от 15 до 21 (*см. табл.*). Постоянными обитателями сообщества считаются лесные виды *Leistusterminatus*,*C. aeruginosus*,*C. glabratus*,*C. schoenherri*,*Cychruscaraboides*, *P. oblongopunctatus*,*Calathusmicropterus*,*Harpaluslaevipes*;лесо-луговые – *C. cancellatus, C. granulates, P. niger, P. melanarius*и луго-полевой – *Synuchusvivalis.* В состав доминирующего комплекса входит 9 – 10 видов, его устойчивым компонентом считаются*P. niger, P. oblongopunctatus*и*P. melanarius*. В разные годы в комплекс входят лесные виды *C. aeruginosus* (24,7 %),*C. caraboides* (11,2 %), *C. glabratus*(9,8 %),*L. terminates* (8,7 %),*C. micropterus*(7,6 %),*H. laevipes*(5,4 %);лесо-луговые – *C. granulates*(12,9 %),*C. cancellatus*(4,4 %), *T. secalis* (3,8 %); луго-полевые – *S. vivalis* (9,7 %) и *H. rufipes* (2 %).

Показатель динамической плотности варьирует от 23,0±1,9 до 97,6±7,2 экз./100 л.-с. и напрямую зависит от числа выявленных видов (*см. табл*).За период исследования индекс доминирования изменяется в широких пределах. Максимальные значения 1\d = 6,3 выявлены в 2005 г., с высоким численным обилием *P. niger*(16,0%), *P. melanarius*(12,6%), *C. caraboides* (11,2%), *C. aeruginosus* (10,2%), *S. vivalis* (9,7%), *L. terminatus* и *P. oblongopunctatus*(по 8,7%). Минимальные значения 1\d = 2,9 отмечены в 2006 г., где господствуют *P. oblongopunctatus* (34,5 %) и *P. melanarius* (13,9 %). Индексы разнообразия и выравненности изменяются не значительно (*см. табл.).*

В пихтовом лесу преобладают обитатели лесных сообществ (13 – 15 видов), составляющие от 46,1 до 69,5 %. Доля видов открытых пространствне превышает 12,6 % (1 – 5 видов). Околоводные виды представлены *Pterostichus gracilis* (0,5 %), прибрежные – *Oodes helopioides*(0,2 %).

В целом, в ряду исследованных сообществ восстановительной сукцессии наблюдается закономерное снижение видового богатства и динамической плотности жужелиц, увеличивается число видов, формирующих постоянный компонент сообщества. Число и обилие видов открытых пространств снижается, обитателей лесов –возрастает. Наблюдается вытеснение пластичных видов (*C. melanocephalus*, *A. tibialis, A. equestris, H. rufipes,H.latus* и др.) более конкурентоспособными (*P. niger, P. oblongopunctatus, P. melanarius*), приводящими к формированию климаксного сообщества. Биоиндикаторами этапов сукцессии могут выступать доминантные виды: для суходольных лугов это *P. cupreus*,*P. versicolor*,*A. aenea*;березово-осиновых лесов – *C. granulatus*, *C. aeruginosus*, *P. niger*,*P. oblongopunctatus*, *P. melanarius*; пихтовых лесов – *P. niger*,*P. oblongopunctatus*и*P. melanarius*. Качественные показатели, учитывающие редкие стенобионтные виды, не являются убедительными для биоиндикационных исследований.

Таким образом, количественные характеристики населения жужелиц могут быть использованы для биоиндикационной оценки лесовосстановительной сукцессии сообществ подзоны южной тайги Западной Сибири.

Автор выражает особую признательность сотрудникам ТКНС УрО РАН С. П. Бухкало, Д. Е. Галичу и Е. В. Сергеевой за помощь при сборе и первичной обработке материала, а так же Р. Ю. Дудко (ИСиЭЖ СО РАН, г. Новосибирск) за помощь в определении материала.

1. Тишков А.А.,Глазов М.В. Особенности функционирования экосистем ельников южной тайги // Междунар. географич. конгресс. Т.12.М.: Наука, 1976. С. 116-118.
2. Renkonen O. Die Carabiden- und Staphyliniden-Bestande eines Seeufers in S-W Finnland / Ann. Ent. Fenn. 1944.Bd. 9.№1/2. S. 10-33.
3. ВоронинА.Г. Фаунаикомплексыжужелиц(Coleoptera, Trachypachidae, Carabidae) леснойзоныСреднегоУрала (эколого-зоогеографическийанализ). Пермь: Изд-во Пермск. универ-та, 1999. 244с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ КРАСНОЙ КНИГИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Д.Е. Галич
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Выход первого издания Красной книги Тюменской области в 2004 году [1, 1-496; 2] ознаменовал отправную точку в мониторинговых исследованиях наиболее уязвимых видов животных, растений, лишайников, мхов, грибов и некоторых других таксонов.

Всего в Красную книгу Тюменской области было занесено 711 видов, из них 427 размещены на основных страницах, оставшиеся 284 вида приведены в приложениях. Некоторые из таксонов, в связи с крайне слабой изученностью, не рассматривались в первом издании Красной книги Тюменской области, это: ракообразные, моллюски, печеночные мхи,водоросли и некоторые другие.

Спустя 10 лет началась работа поформированию проекта нового списка видов второго издания Красной книги Тюменской области, выход которой запланирован на 2017 год.

Специалистами по разным таксонам с 2004 г.накоплен новый, крайне интересный материал, который как во многом дополняет данные по уже известным видам, так и несет информацию о новых, не менее значимых находках, и это доказывает одно – необходимость пересмотра перечня охраняемых видов, т. е. исключение одних, изменение статуса других, включение третьих, а кроме того, и пересмотр основных подходов и структуры нового издания Красной книги Тюменской области.

Основные особенности и отличия второго издания Красной книги Тюменской области:

1. В результате реализации в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах собственных Красных книг, комиссией по охране и восстановлению редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, растений и грибов Тюменской области, созданной при Департаменте по недропользованию и экологии Тюменской области, принято решение о формировании Красной книги Тюменской области, территориально охватывающей только Тюменскую область, без автономных округов. В результате этого, все виды с территорий Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, включенные в первое издание, автоматически исключены из формирующегося списка второго издания Красной книги Тюменской области.

2. От научного сообщества в адрес Департамента по недропользованию и экологии Тюменской области направлено предложение о применении международной системы критериев редкости МСОП. Однако в связи с отсутствием ее утверждения на уровне курирующего министерства оценка видов остается по Российской системе критериев: 0 категория – вероятно исчезнувшие виды, I категория – виды, находящиеся под угрозой исчезновения, II категория – виды, численность которых сокращается, III категория – редкие виды, представленные небольшими популяциями, распространенные локально или имеющие узкую экологическую амплитуду, IV категория – виды с неопределенным статусом, точных данных о состоянии популяций которых нет, V категория – виды, численность которых под воздействием ряда причин восстанавливается. На данный момент остается открытым вопрос о возможности применения критериев редкости МСОП, в качестве дополнения кРоссийской системе.

3. На основные страницы второго издания Красной книги Тюменской области войдут видыс «0» по «V» категории, в отличие от первого издания, в котором на основных страницах были представлены только виды с «I» по «III» категории, а виды «0» и«IV» категорий вынесены в ее приложения. По каждому виду, включая «0»,«IV» и «V» категории, будут представлены видовые очерки.

4. Большинство видов, занесенные в приложение первого издания Красной книги Тюменской области, в «IV» категорию [3, 248-268; 4, 269-292; 5, 293-311], в новом, втором издании потеряют свой статус редкости, но останутся в его приложении как виды, заслуживающие особого внимания, но без статуса редкости.

5. Численность видов с «I» по «IV» категории, во втором издании Красной книги Тюменской области,существенно сократится, в первую очередь, за счет исключения видов с северных территорий,Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных

округов. По последним данным, на основных страницах будет представлено 308 видов с «0» по «V» категорию редкости. В список приложения, без статуса редкости, по предварительным оценкам, будет включено около 140 видов.

6. На данный момент список видов Красной книги Тюменской области утратил свою силу, он был пересмотрен дважды:в первый раз в 2009 году (утверждена актуализированная версия – Постановление Администрации Тюменской области от 24.02.2009 № 43-п [6]), до сегодняшнего дня эта версия является актуальной. Вторичный пересмотр списка редких видов Тюменской области состоялся в ноябре 2014 года. На данный момент новый список находится в процессе утверждения Правительством Тюменской области.

Выход второго издания Красной книги Тюменской области запланирован на 2017 год.В него войдут виды только с территорий Тюменской области, без территорий Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Оценка видов будет производиться по Российской системе критериев. На основные станицы войдут все виды с «0» по «V» категорию редкости.Большинство видов, ранее занесенные в «IV» категорию, останутся в приложении, но без статуса редкости.

По последним данным, на основных страницах будет представлено 308 видов животных, растений, лишайников, мхов и грибов. В список приложения, без статуса редкости, по предварительным оценкам, будет включено около 140 видов.

1. Красная книга Тюменской области: Животные, растения, грибы. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2004. 496 с.
2. Постановление администрации Тюменской области от 04.04.2005 №67-пк «О Перечне видов, подлежащих занесению в Красную книгу Тюменской области.
3. Гашев С.Н.Позвоночные животные в 4 категории Красной книге Тюменской области // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им И. Я. Словцова. Вып. 17. Тюмень: Изд-во ТюмГУ,2004.С. 248-268.
4. Ситников П.С., Ломакин Д.Е., Шарапова Т.А. Редкие виды животных 4 категории в Красной книге Тюменской области // Земля Тюменская. Вып.17. Тюмень, 2004. С. 269-292.
5. Хозяинова Н.В., Глазунов В.А., Лиховидова Т.Ф., Маракулина О.И., Воронова О.Г., Мельникова М.Ф. Виды растений 4 категориив Красной книге Тюменской области // Земля Тюменская. Вып. 17. Тюмень: Изд-во ТюмГУ,2004. С. 293-311.
6. Постановление Правительства Тюменской области от 24 февраля 2009 г. N 43-п «О внесении изменений в постановление от 04.04.2005 N 67-пк».

ВИДОВОЕ БОГАТСТВО И МАКРОТАКСОНОМИЧЕСКИЙСОСТАВ ФАУНЫ ЖУКОВ-ЛИСТОЕДОВ (COLEOPTERA, CHRYSOMELIDAE) ВОРОНЕЖСКОГО БИОСФЕРНОГО РЕЗЕРВАТА

В.М. Емец
Воронежский государственный природный биосферный заповедник им. В.М. Пескова, г. Воронеж

Воронежский заповедник получил статус биосферного резервата в 1985 году. В настоящее время Воронежский государственный природный биосферный заповедник включает собственно Воронежский заповедник (31053 га) и заказник «Воронежский» (22999,7 га), т.е. северную и южную часть островного лесного массива – Усманского бора (Воронежская и Липецкая области), а также охранные зоны в пределах Воронежской области (9120 га) и Липецкой области (4912 га). Жуки-листоеды (Coleoptera, Chrysomelidae) – одна из самых богатых по числу видов группа насекомых

резервата, играющая важную роль в наземных и водных экосистемах; ряд видов этой группы включен в Красную книгу Воронежской области [1].

Вместе с тем эта группа насекомых на территории резервата изучена в фаунистическом отношении недостаточно; в «Кадастре беспозвоночных животных Воронежской области» [2] содержатся фрагментарные данные о встречаемости некоторых видов жуков-листоедов на территории Воронежского заповедника и видовые названия листоедов даны в алфавитном порядке без выделения надродовых таксонов. Неясно, каковы видовое богатство и макротаксономический состав фаунистической группировки жуков-листоедовна территории резервата, т.е. непонятна роль Воронежского биосферного резервата в сохранении генофонда жуков-листоедов, населяющих лесостепь европейской части РФ.

В статье обобщены результаты многолетнего (1974–2015) полевого изучения фауны жуков-листоедов на территории Воронежского биосферного резервата (*табл.1*); учтены старые материалы (сборы 1928–1960 гг.) фондовой коллекции насекомых Воронежского заповедника и литературные данные [2]. Для определения имаго листоедов использовали две работы [3, 4]. Жуки-листоеды как семейство понимаютсяузко: таксон Orsodacnidae считается самостоятельным семейством [5]. Подсемейства расположены в традиционном порядке [4], роды в пределах подсемейства – по алфавиту.

Табл. 1

Видовое богатство и макротаксономический состав фауны жуков-листоедов на территории Воронежского биосферного резервата

Макротаксоны жуков-листоедов	Число видов на территории Воронежского биосферного резервата	% от числа видов, отмеченных в лесостепи европейской части РФ
Подсемейство **DONACIINAE**	11	55,0
Род***Donacia*** Fabricius, 1775[1]	8	50,0
Род***Plateumaris*** Thomson, 1859[2]	3	75,0
Подсемейство**ZEUGOPHORINAE** Род***Zeugophora*** Kunze, 1818	1	25,0
Подсемейство **CRIOCERINAE**	8	66,7
Род***Crioceris*** Müller, 1764	3	75,0
Род***Lema*** Fabricius, 1798	1	100,0
Род***Lilioceris*** Reitter, 1912	1	50,0
Род***Oulema*** Gozis, 1886	3	60,0
Подсемейство **CLYTRINAE**	7	38,9
Род***Clytra*** Laicharting, 1781	1	33,3
Род***Coptocephala*** Chevrolat, 1837	1	50,0
Род***Labidostomis*** Germar, 1822	3	42,9
Род***Smaragdina*** Chevrolat, 1837	2	50,0
Подсемейство **CRYPTOCEPHALINAE**	26	46,4
Род***Cryptocephalus*** Müller, 1764	23	45,1
Род ***Pachybrachis*** Chevrolat, 1837	3	60,0
Подсемейство **CHRYSOMELINAE**	34	54,0
Род***Chrysolina*** Motschulsky, 1860[3]	15	57,7
Род***Chrysomela*** Linnaeus, 1758	4	66,7
Род***Entomoscelis*** Chevrolat, 1837	1	50,0
Род***Gastropysa*** Chevrolat, 1837	2	100,0

табл. 1,продолж.

Род***Goniocteno*** Chevrolat, 1837	2	40,0
Род***Hydrotassa*** Thomson, 1859	1	33,3
Род***Leptinotarsa*** Stal, 1858	1	100,0
Род***Neophaedon*** Jacobson, 1901	1	100,0
Род***Phaedon*** Dahl, 1823	1	33,3
Род***Phratora*** Chevrolat, 1837	4	80,0
Род***Plagiodera*** Chevrolat, 1837	1	100,0
Род***Prasocuris*** Latreille, 1802	1	50,0
Подсемейство **GALERUCINAE**	19	63,3
Род ***Agelastica*** Chevrolat, 1837	1	100,0
Род ***Exosoma*** Jacoby, 1903	1	100,0
Род ***Galeruca*** Geoffroy, 1762[4]	2	33,3
Род ***Galerucella*** Crotch, 1873	8	88,9
Род ***Lochmaea*** Weise, 1883	3	100,0
Род ***Luperus*** Müller, 1764	3	50,0
Род ***Phyllobrotica*** Chevrolat, 1837	1	100,0
Подсемейство **HALTICINAE**	72	39,1
Род ***Altica*** Geoffroy, 1762	7	77,8
Род ***Aphthona*** Chevrolat in Dejean, 1836	8	32,0
Род ***Argopus*** Fischer, 1824	2	66,7
Род ***Batophila*** Foudras, 1860	1	50,0
Род ***Chaetocnema*** Stephens, 1831	10	52,6
Род***Crepidodera*** Chevrolat in Dejean, 1836	3	50,0
Род ***Derocrepis*** Weise, 1886	1	100,0
Род ***Dibolia*** Latreille, 1829	2	22,2
Род ***Epitrix*** Foudras, 1860	1	50,0
Род ***Hippuriphila*** Foudras, 1860	1	100,0
Род ***Longitarsus*** Berthold, 1827	10	18,9
Род ***Lythraria*** Bedel, 1897	1	100,0
Род ***Mantura*** Stephens, 1831	2	66,7
Род***Neocrepidodera*** Heikertinger, 1911	1	20,0
Род***Phyllotreta*** Chevrolat in Dejean, 1836	14	56,0
Род***Psylliodes*** Berthold, 1827	8	50,0
ПодсемействоHISPINAE Род***Hispa*** Linnaeus, 1767	1	100,0
Подсемейство **CASSIDINAE**	12	39,3
Род ***Cassida*** Linnaeus, 1758	11	42,3
Род ***Hypocassida*** Weise, 1893	1	100,0
Общее число видов жуков-листоедов	191	45,5

Прим.:[1] – *D. fennica*Paykull, 1800 – *финская радужница* и *D. versicolorea*(Brahm, 1790) – *изменчивая радужница* включены в [1, с. 203-204] как виды, находящиеся под угрозой исчезновения (категория 1); [2] – *P. discolor* (Panzer, 1795) – *разноцветная платевмарида* включена в [1, с. 207-208] как вид, находящийся под угрозой исчезновения (категория 1); [3] – *Ch. staphylaea* (Linnaeus, 1758) – *мятный листоед* включен в [1, с. 202-203] как редкий вид (категория 3); [4] – *G. dahli* (Joannis, 1865) – *георгиновая козявка*,*G. laticollis*Sahlberg, 1837 – *широкобугристая козявка* и *G. rufa*Germar, 1824 – *рыжая козявка* включены в [1, с. 204-206] как редкие виды (категория 3).

На территории резервата основу семейства составляют представители подсемейств HALTICINAE (72 вида), CHRYSOMELINAE (34 вида) и

CRYPTOCEPHALINAE(26 видов); в сумме представители этих 3 подсемейств составляют 69,1 % от общего числа видов жуков-листоедоврезервата.На территории резерватасреди родов семействасамым богатым по числу видов является род *Cryptocephalus*(23 вида).

Обращает на себя внимание, что на территории Воронежского биосферного резервата встречается 191 вид жуков-листоедов, что составляет45,5 %отобщегочисла видов жуков-листоедов, отмеченных влесостепи европейской части РФ. На территории резервата среди довольно богатых видами макротаксонов семейства жуков-листоедов наилучшим образом представлено подсемейство GALERUCINAE: 63,3 % от общего числа видов подсемейства, зарегистрированных в лесостепи европейской части РФ. Семь видов жуков-листоедов резервата являются «краснокнижными». Таким образом, Воронежский биосферный резерват можно считать важным центром сохранения генофонда жуков-листоедов в пределах лесостепи европейской части РФ.

1. Красная книга Воронежской области: в 2 т. / науч. ред. О.П. Негробов.Т.2: Животные. Воронеж: МОДЭК, 2011. 424 с.
2. Кадастр беспозвоночных животных Воронежской области /под ред. проф. О.П. Негробова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 825 с.
3. Медведев Л.Н., Шапиро Д.С.Chrysomelidae – листоеды // Определитель насекомых европейской части СССР: в 5 т. Т. 2. ЖесткокрылыеиВеерокрылые. М.; Л.: Наука, 1965. С. 419 – 474.
4. Bieńkowski A.O. Leaf-beetles (Coleoptera: Chrysomelidae) of the Eastern Europe. New key to subfamilies, genera and species. Moscow: Mikron-print Publ., 2004. 278 p.
5. Список семейств жуков России с данными о числе видов [Электронный ресурс]. 2015. URL: http://www.zin.ru/ ANIMALIA/ COLEOPTERA/ RUS/ dbase1.htm[датаобращения: 18.06.2015].

МИКРОМИЦЕТЫ РОДА FUSARIUM – ПАТОГЕНЫ ЯРОВОЙ МЯГКОЙ ПШЕНИЦЫ В СЕВЕРНОМ ЗАУРАЛЬЕ

[1,2] Е.С. Земцова, [2]Н.А. Боме, [2]Н.Н. Колоколова
[1] Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск
[2]Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Род фузариум относится к грибам, широко распространенным на различных растениях. Многие виды этого рода грибов являются возбудителями заболеваний сельскохозяйственных растений. Особо опасной и вредоносной болезнью является фузариоз зерна, вызывающий не только снижение урожая, но и ухудшение его качества из-за контаминации микотоксинами, опасными для человека и животных. В России первые эпифитотии фузариоза зерновых культур были отмечены на Дальнем Востоке в 1880-1890-х годах. Использование зараженного зерна в пищу и на корм вызывало отравление, первые симптомы которого напоминали опьянение, по этой причине проблема получила название «пьяный хлеб». В 1930-1950-е годы употребление в пищу некачественного перезимовавшего в поле зерна, пораженного фузариевыми грибами (*F. sporotrichioides*), привело к массовому заболеванию алиментарно-токсической алейкией сельского населения в Центральном регионе, на Южном Урале. Эти трагические события, приведшие к гибели тысяч людей и животных, стали для всего мира классическими примерами чрезвычайной опасности заболевания зерновых культур фузариозной этиологии.

В настоящее время фузариоз зерна распространен повсеместно. В любом регионе, как только складываются условия повышенной влажности, благоприятствующие развитию грибов, растет зараженность зерна и снижается его качество [1]. По данным

сотрудников ФГБУ «Россельхозцентр» по Тюменской области, в 2011 году фузариозом колоса было заражено 11 % обследованных площадей зерновых культур, в 2012 году – 14 %. В патогенном комплексе на территории Уральского региона преобладают виды *F. poae, F. avenaceum*[1].

В настоящее время разработан комплекс агротехнических, химических и биологических мер в борьбе с этим заболеванием. Наиболее эффективным, экономичным и экологичным приемом уменьшения вредоносности заболевания является выращивание устойчивых сортов. Иммунных к фузариозу сортов зерновых культур нет, наблюдаются различия только по степени устойчивости растений к патогенам. В данной работе проведена оценка фузариозоустойчивости различных сортов яровой мягкой пшеницы как наиболее значимой продовольственной культуры.

Табл. 1

Результаты оценки устойчивости сортов яровой мягкой пшеницы к фузариозу колосу (зерна) на искусственном инфекционном фоне

Сорт	Распространенность болезни, %	Развитие болезни на колосе, %	Зараженность зерна, %
Казахстанская 10	85±10	20,0±14,6	66
Рикс	82±8	15,9±11,8	61
Икар	50±0	9,0±4,0	68
Терция	45±1	12,4±8,6	50
Серебрина	35±13	9,6±6,4	53
Авиада	30±14	8,6±3,7	69
Krabat	28±6	7,4±3,5	49
Laban	25±21	7,9±5,9	45
Скэнт 3	24±3	7,8±2,8	39
Аркас	23±13	8,7±3,9	30
Омская 36	23±10	7,9±3,0	45
Аделина	17±1	7,4±3,7	60
Тюменская 30	15±4	6,5±0,8	48
Тюменская 32	15±4	8,8±4,6	17
Тюменская 27	15±16	9,1±4,3	30
CN 06600	14±3	8,0±3,1	46
Лютесценс 70	10±3	7,8±2,3	34
Тюменская 33	9±4	7,6±2,5	30
Тюменская 25	9±1	7,7±2,5	23
Тюменская 31	8±6	7,4±0,8	23
Тюменец 2	7±1	6,1±0,7	33
Тюменская 29	6±1	6,8±0,7	22

Исследование проводили в 2014 г. на опытном поле, расположенном в подтаежной агроклиматической зоне Тюменской области. Для закладки полевых опытов использовали семенной материал селекционно-семеноводческого центра НИИСХ Северного Зауралья. Объектами исследования служили 22 сорта яровой мягкой пшеницы отечественной и зарубежной селекции (*табл.*), в том числе районированные на территории Тюменской области. Изучаемый материал высевали в 2-кратной повторности на 3-рядковых делянках, длина рядка – 1 м, ширина междурядья – 15 см. Устойчивость образцов к фузариозу зерна оценивали на искусственном инфекционном фоне. Для заражения использовали местные популяции патогенов, выделенные из пораженных растений пшеницы (*F. avenaceum*). В фазу цветения проводили инокуляцию растений водной суспензией возбудителей фузариоза в концентрации 4×10^6 конидий/мл, норма расхода – 150 мл/м^2, обработка двукратная.

Проинокулированные растения покрывали полиэтиленовой пленкой, укрытие убирали через 10 часов. В фазу восковой спелости зерна оценивали: 1) распространенность болезни – отношение числа колосьев с симптомами фузариоза (оранжевый налет макроконидий на колосковых чешуйках) к общему числу колосьев, %; 2) развитие болезни на колосе – отношение числа колосков с видимым поражением к общему числу колосков на колосе, %; 3) зараженность среднего образца зерна – отношение числа зерен, зараженных фузариевыми грибами, к общему числу анализируемых зерен, %. При оценке зараженности зерна применяли метод «влажной камеры».

Выявлен значительный разброс показателей распространенности фузариоза колоса на растениях изучаемых сортов – от 6 до 85 % (*табл.*). Развитие болезни на пораженных колосьях варьировало от 6,1 % до 20 %. Диапазон колебаний зараженности зерна составил от 17 до 66 %.

Определены положительные корреляции между изучаемыми признаками. Распространенность фузариоза тесно коррелировала с развитием болезни на колосе ($r=0,91$, $p<0,05$) и зараженностью зерна ($r=0,80$, $p<0,05$), между двумя последними признаками наблюдалась связь средней силы ($r=0,48$, $p<0,05$). Следует отметить, что формирование окрашенной массы макроконидий на растительной ткани свойственно видам *F. avenaceum*(использовался при инокуляции), *F. graminearum, F. culmorom*. Однако многие виды фузариевых грибов (*F. poae, F. sporotrichioides, F. tricinctum*) макроконидий не образуют или образуют редко, поэтому часто фузариоз протекает бессимптомно, и лишь при микотоксикологическом анализе собранного зерна выявляется высокая зараженность патогенами и присутствие микотоксинов.

На основе однолетнего иммунологического анализа изучаемые сорта были дифференцированы на три группы: 1) высоко-восприимчивые – Казахстанская 10, Рикс, Икар, Терция, Серебрина, Авиада; 2) умеренно-восприимчивые – Krabat, Laban, Скэнт 3, Аркас, Омская 36, Аделина, Тюменская 30, Тюменская 27, CN 06600, Лютесценс 70, Тюменская 33, Тюменец 2; 3) слабо-восприимчивые – Тюменская 32, Тюменская 25, Тюменская 31, Тюменская 29.

1. Гагкаева Т.Ю., Гаврилова О.П., Левитин М.М., Новожилов К.В. Фузариоз зерновых культур // Приложение к журналу «Защита и карантин растений». 2011. №5. 54 с.

СИСТЕМЫ ГЛУБОКИХ ЛОГОВ НА ЮЖНОМ КРУТОМ УСТУПЕ НЕОТЕКТОНИЧЕСКОГО ПОДНЯТИЯ «ТОБОЛЬСКИЙ МАТЕРИК» В Г. ТОБОЛЬСКЕ КАК РЕФУГИУМЫ РАРИТЕТОВ ФЛОРЫ

Н. Г. Ильминских

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Нагорная часть г. Тобольска расположена на высоком правом коренном берегу р. Иртыша, представляющем собой южную оконечность необычного для Западно-Сибирской низменности (70 м и более абсолютной высоты) неотектонического поднятия «Тобольский материк», который по правому берегу р. Иртыш тянется до г. Ханты-Мансийска. Наиболее контрастны перепады высот и сопровождающие их геоморфологические комплексы как раз в г. Тобольске. Тобольский материк прорезан здесь глубокой сетью «коралловидных» на космоснимках логов, центральные из которых нередко имеют вид ущелий, часто с ручьями грунтовых вод. Своими устьями все лога направлены в сторону Иртыша. Время образования логов, очевидно, раннепостгляциальное, т. е. они образованы потоками талой воды. В системах таких

логов велик набор разнообразных экотопов со своим микроклиматом, связанным как с экспозицией, так и с относительной высотой. По таким логам происходили в послеледниковое время миграции европейских видов растений через Урал в Сибирь, однако, одновременно, именно в таких логах сохранились некоторые восточные виды, давно вымершие с изменениями климата на плакорных территориях или склонах в Западной Сибири.

Системы логов имеют реликтовый характер, для которого свойственно смешение разных флорогенетических элементов, соседство северных и южных, западных и восточных видов, повышенное количество гибридов, аберрантных форм, тератоморф, усиление микроэволюционных процессов.

В Тобольске нами были изучены системы логов близ Чувашского мыса и бывшего Дома отдыха «Тобольский», за Завальным кладбищем, на Алемасовских кручах, за д. Жуковка и пос. Прииртышский. Приводим перечень более значимых находок видов сосудистых растений и их гибридов и некоторых форм.

Equisetum × mildeanum Rothm. (ХвощМильде), Athyrium chinense Rupr. (Кочедыжниккитайский), Cystopteris fragilis (L.) Bernh. (Пузырникломкий), Diplazium sibiricum (Turcz. ex G. Kunze) Kurata (Диплазийсибирский), Gymnocarpium x intermedium Sarvela (=G. continentale (Petrov) Pojark.) (Голокучниксредний), Rhizomatopteris sudetica (A. Br. et Milde) A. Khokhr. (Пузырниксудетский), Rhizomatopteris montana (Lam.) A. Khokhr. (пузырникгорный), Dryopteris expansa (C. Presl) Fraser-Jenkins (Щитовникзахватывающий), Actaea spicata L. (Воронецколосистый), Pulsatilla uralensis (Zämels) Tzvel.(Сон-трава, Прострелуральский), Viola × interjecta Borb. (Viola collina Bess. × hirta L.) (Гибридфиалокхолмовойиопушенной), Viola rupestris F.W. Schmidt subsp. × glabrescens (Neum.) Vl. Nikit. (Фиалкапесчаная, подвидголеющая), Salix jenisseensis (Fr. Schmidt) B. Floder. (Иваенисейская), Tilia sibirica Fischer ex Bayer (Липасибирская), Angelica archangelica L. (Дягильлекарственный), Epipogium aphyllum Sw. (Надбородникбезлистный), Calamagrostis × andrejewii Litv. (C. arundinacea L. Roth, s.l. × C. obtusata Trin.) (Гибридвейниковтростниковидногоитупочешуйного), C. × rigens Lindgr. (Calamagrostis canescens (Web.) Roth × epigeios (L.) Roth s.l.) (Гибридвейниковсероватогоиназемного), Cinna latifolia (Trev.) Griseb. (Циннашироколистная), Poa palustris L. × Poa nemoralis L. (P. × intricata Wein.) (Гибридмятликовболотногоидубравного), Poa remota Forsell. (Мятликрасставленный), Scolochloa festucacea (Willd.) Link (Тростянкаовсяницевидная), Geum rivale L. (Гравилатречной), Stachys sylvatica L. (Чистецлесной).

Выражаем благодарность директору Института степи УрО РАН (г. Оренбург) А.А. Чибилеву за полезные обсуждения материалов публикации.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МИКОБИОТЕГ. ТОБОЛЬСКАИ ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В.И. Капитонов

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Настоящее исследование является продолжением работ по инвентаризации микобиоты г. Тобольска и его окрестностей, в результате которых было выявлено 185 видов сумчатых и базидиальных макромицетов [1].

Сбор микологического материала проводился маршрутным методом в бесснежный период 2014-2015 гг. Всего собрано около 300 образцов, которые

обрабатывались и гербаризировались в соответствии с общепринятыми методиками [2]. Определение видовой принадлежности грибов проводилось в лаборатории растений и животных в зоне рискованного земледелия ТКНС УрО РАН с применением бинокулярного микроскопа Биолам и стандартного набора реактивов. При идентификации таксонов использовали современные определители по различным группам макромицетов [3-8]. Гербарные образцы хранятся в микологической коллекции ТКНС УрО РАН.

По результатам исследований выявлено более 80 новых для микобиоты г. Тобольска видов макромицетов. Ниже приводятся сведения о наиболее интересных находках редких и охраняемых в Тюменской области грибах. Видовые названия и сокращения авторов при грибных таксонах согласованы с базой данных Index Fungorum [9].

***Ganodermalucidum* (Curtis) P. Karst. – трутовик лакированный.** Включен в Красную книгу Российской Федерации [10] как редкий вид, имеющий значительный ареал, в пределах которого встречается спорадически и с небольшой численностью популяций. Также входит в Перечень видов животных, растений и грибов, подлежащих занесению в Красную книгу Тюменской области [11]. На изученной территории прошлогодние плодовые тела (3 экз.) найдены Е.И. Поповой 27 апреля 2015 г на замшелом пне пихты сибирской (*Abiessibirica*) на участке темнохвойно-мелколиственного леса, расположенного на северо-восточной окраине г. Тобольска.

Рис. 1-4.Ganodermalucidum (фото Е.И. Поповой, 27.04.2015); *Royoporus badius* (фото автора, 13.08.2015);*Antrodiella foliaceodentata* (фото автора, 14.09.2015); *Sowerbyella imperialis* (фото автора, 13.08.2015)

***Royoporus badius* (Pers.) A.B. De (syn. Polyporusbadius) – Трутовик каштановый.** Редкий неморальный вид, известный на юге Тюменской области по единичным находкам в Тавдинском и Уватском районах, а также в г. Тобольске [1, 12, 13]. Трутовик каштановый включен в Перечень видов животных, растений и грибов, подлежащих занесению в Красную книгу Тюменской области [11]. Нами выявлены

новые места произрастания данного вида в окрестностях г. Тобольска. Две находки сделаны в августе и сентябре 2015 г. в лесном массиве, примыкающем к Тобольской промышленной площадке, а также в октябре 2015 г. на участке пихтарника с примесью осины, березы и липы в 3 км к СВ от д. Сибиряк Тобольского района.

***Antrodiella foliaceodentata* (Nikol.) Gilb. & Ryvarden – Антродиелла листозубчатая.** Неморальный дереворазрушающий гриб, редкий в пределах всего видового ареала, охватывающего Европу, Кавказ, Урал и Сибирь [14-16]. Антродиелла листозубчатая включена в Приложение к Красной книге Тюменской области в качестве редкого и уязвимого вида, нуждающегося на территории области в постоянном контроле и дополнительном изучении [17]. Данный вид нами найден 14 сентября 2015 г. в основании ствола сухостойной осины (*Populus tremula*) в осиннике снытево-злаковом в 3 км к ЮВ от д. Белой Тобольского района.

***Sowerbyella imperialis* (Peck) Korf – Совербиелла имперская.** Редкий малоизученный вид, известный в России по находкам в Новосибирской области [18]. На территории Тюменской области совербиелла имперская нами впервые найдена 13 августа 2015 г. на участке осинника крупнотравно-осочкового с примесью липы, примыкающего к Тобольской промышленной площадке. В отмеченном локалитете было обнаружено 6 плодовых тел на разных стадиях развития. Учитывая единичные находки вида не только на территории Тюменской области, но и на всей территории России, мы рекомендуем включить совербиеллу имперскую во второе издание Красной книги Тюменской области.

1. Капитонов В.И. Материалы к микобиоте города Тобольск // Тобольск научный – 2013: Матер.X Всеросс. научн.-практ. конф. (Тобольск, Россия, 25-26 октября 2013 г.). Тобольск, 2013. С. 108-111.
2. Бондарцев А.С., Зингер Р.А. Руководство по сбору высших базидиальных грибов для научного их изучения // Тр. Бот. Ин-та АН СССР, сер II. Споровые растения. М.-Л., 1950. Вып. 6. С. 459-572.
3. Bernicchia A. Polyporaceae s.l. Fungi Europaei, 10. Ed. Candusso. Alassio. Italy, 2005. 808 p.
4. Bernicchia A., Gorjon S. P. Corticiaceae s.l. Fungi Europaei, 12. Ed. Candusso. Alassio, 2010. 1008 p.
5. Funga Nordica: Agaricoid, boletoid, clavaroid, cyphelloid and gastroid genera, 2nd ed. H.Knudsen and J. Vesterholt (Eds.). Copenhagen: Nordsvamp, 2012. 1083 p.
6. Nordic Macromycetes, vol. 1: Ascomycetes. Nordsvamp, 2000. 309 p.
7. Nordic Macromycetes, vol. 2: Polyporales, Boletales, Agaricales, Russulales. Nordsvamp, 1992. 474.
8. Nordic Macromycetes, vol. 3: Heterobasidioid, Aphyllophoroid and Gastromycetoid Basidiomycetes. Nordsvamp, 1997. 444 p.
9. Index Fungorum - http://www.indexfungorum.org/Names/names.asp (дата обращения: 10.10.2015).
10. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). М., 2008. 855 с.
11. Постановление Правительства Тюменской области от 03.10.2011 г. № 337-п «О перечне видов животных, растений и грибов, подлежащих занесению в Красную книгу Тюменской области».
12. Арефьев С.П. К ревизии списка редких и охраняемых грибов юга Тюменской области // Материалы ко второму изданию Красной книги Тюменской области. Тюмень, 2013. С. 5-16.
13. Капитонов В. И. Находки редких видов макромицетов в Уватском районе Тюменской области // Человек и Север: Археология, антропология, экология: матер. Всерос. конф. Вып. 2. Тюмень, 2012. С. 347.
14. Бондарцева М.А. Определитель грибов России. Порядок Афиллофоровые. Вып. 2. СПб. : Наука, 1998. 391 с.
15. Мухин В.А., Ширяев А.Г., Котиранта Х., Ставишенко И.В., Ушакова Н.В. Афиллофороидные грибы Свердловской области: Биоразнообразие, распространение, экология и IUCN категории. Екатеринбург: Гощицский, 2010. 303 с.
16. Ryvarden L., Gilbertson R. L. European Polypores. Part. 1. Abortiporus – Lindtneria. Oslo: Fungiflora, 1993. P. 1-387.
17. Красная книга Тюменской области. Животные, растения, грибы. Екатеринбург, 2004. 483с.
18. Красная книга Новосибирской области. Новосибирск: Арта, 2008. 528 с.

*CERATIUMRHOMVOIDES*B. HICKEL– НОВЫЙДЛЯПРЕСНЫХВОДОЕМОВУКРАИНЫ ВИДДИНОФЛАГЕЛЛЯТ(DINOFLAGELLATA, DINOPHYTA)

А.Ф. Крахмальный
Институт эволюционной экологии НАН Украины, г. Киев

В пресных водоемах виды рода *Ceratium*Schrank являются наиболее распространенной и часто встречаемой группой динофлагеллят. К настоящему времени в Украине найдено 4 вида *Ceratium* (12 внутривидовых таксонов) [1–5,7,9,12,14].

*Ceratiumrhomvoides*B.Hickel описан Барбарой Хиккельсравнительно недавно [10] на основе образцов из озера Плюссе (Германия). Новый вид выделен при анализе популяционной структуры *Ceratium hirundinella* (O.F.Müller) Schrankи *C. furcoides* (Levander) Langhans. Вначале вид был ошибочно определен как *Ceratium furcoides* f. *gracile* (Bachmann) Entz., но после изучения жизненного цикла и морфологии этому организму было присвоено новое название.

Сбор образцов проводился в мае 2015 г. в пруду № 2 парка «Феофания» (г. Киев, Голосеевский р-н: 50°20’21.36” с.ш., 30° 29’32.74” в.д.). Этот ландшафтно-рекреационный водоем (длина –140 м, ширина – 60 м, глубина – до нескольких метров) был построен в 2005 г., заполнился грунтовыми водами в 2006 г., относится к мезосапробной зоне сапробности [8].

Образцы планктона отобраны у берега с помощью мелкоячеистой сети (№ 78), глубина 0,5 м. В среднем, фильтровали около 100 литров воды, конечный объем 20 мл. Собранный материал не фиксировали и в день отбора просматривали на световом микроскопе «Olympus-52X» в проходящем свете и в режиме флюоресценции с предварительным окрашиванием пластинок CalcofluorWhiteStain[11], общее увеличение до 800 раз.Фотографирование проводилось на цифровой фотоаппарат «Olympus-420».

Ниже мы приводим систематическое положение, описание, фотографии и места находок нового для пресных водоемов Украины таксона.

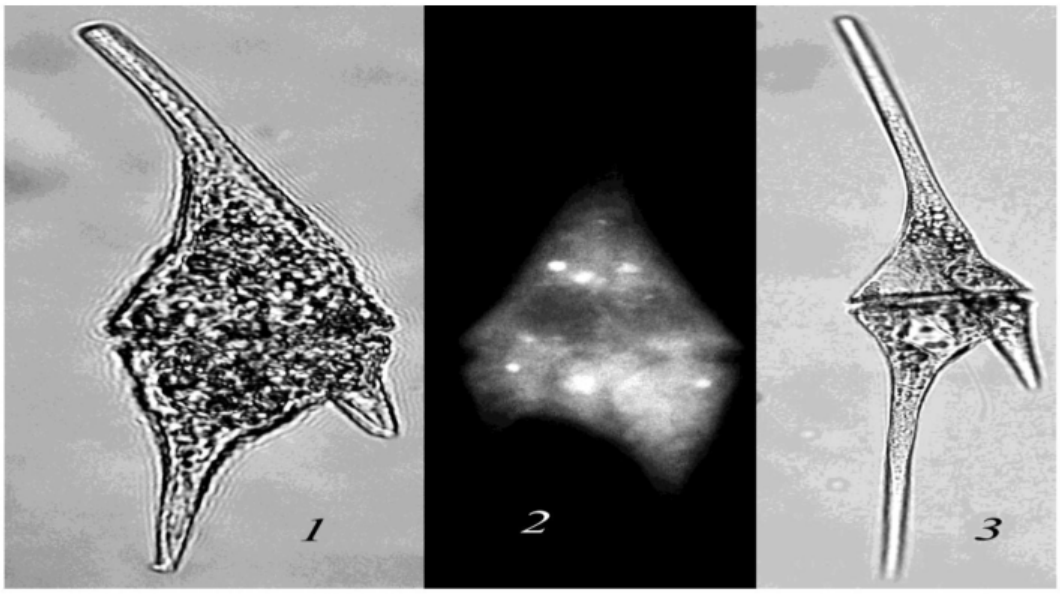

Рис. 1–2.Ceratiumrhomvoides, 3– *Ceratiumfurcoides* (1–дорзальная, 2– вентральная стороны, *2*–свечение в ультрафиолете хлоропластов, светлые области).Микроскоп «Olympus-52X».

DINOFLAGELLATA
пор.Gonyaulacales Taylor
сем. *Ceratiaceae* Wiley et Hickson
род*Ceratium*Schrank
Ceratium rhomvoides B.Hickel 1988: 49, figs 1–18.

Описание вида. Одноклеточные панцирныепресноводные динофлагелляты, 196,9–229,9 мкм дл., 43,8–67,1 мкм шир. (в авторском диагнозе: 123–203 мкм дл., 32–56 мкм в шир.). Текальная формула: 4 ', 6 ", 6C, 6”', 2””. С вентральной стороны форма тела близка к ромбической, клетки сильно сжатые, рога немного загнуты в вентральную сторону, антапикальные рога параллельные или расходятся. Поясок центральный, неполный, делит клетку на клиновидный эпикон с апикальным рогом и гипокон, который обладает двумя рогами, правый антапикальный рог короче левого и чаще не заостренный. Вентральная выемка образована пластинками эпикона (6”) и пояска (6C). Первая, вторая и третья апикальные пластинки (1’–3’) окружают апикальное отверстие, четвертая (4’) не достигает апекса. Ядро крупное, овальное, с хорошо видимыми хромосомами, располагается в центре клетки. Хлоропласты присутствуют, овальные или звездчатые, париетальные, соединенные «мостиками». Тека прочная, с отчетливой сетчатостью, с трихоцитарными порами и с широкими вставочными полосами. Стигма отсутствует. *Ceratiumrhomvoides*близок к *C. furcoides*, но тело первого короче и шире(у *C. furcoides* 120,2–244,8 мкм дл., 28,0–42 мкм шир. [4–6,14]. Тека у *C. rhomvoides*более толстая, с ареолами, антапикальная пластинка 4’ короче, чем у *C. furcoides*, цвет хлоропластов у *C. rhomvoides* – темно-коричневый, у *C. furcoides* – желто-коричневый.

Местонахождение в Украине: пруд №2 парка «Феофания» (г. Киев, Голосеевский р-н, май 2015 г.).

Общее распространение: пресные водоемы Германии [10], Португалии [13] и Украины.

Замечания. Вместе с *C. rhomvoides* в сравнительно большом количестве развивались *C. hirundinella* и *C. furcoides.*

1. Киселев И. А. Панцирные жгутиконосцы (Dinoflagellata) морей и пресных вод СССР. М.: Изд–во АН СССР, 1950. 280 с.
2. Киселев И. А. Пирофитовые водоросли. Определитель пресноводных водорослей СССР. М.: Советская наука, 1954.Вып. 6. 212 с.
3. Крахмальный А.Ф. Динофитовые водоросли Украины (иллюстрированный определитель).Киев: Альтерпрес, 2011. 444 с.
4. Крахмальный А.Ф. Dinophyta водохранилища «Деныши» (Житомирская обл., Украина) // V InternationalConference “ActualproblemsinmodernPhycology”. 3–5 November, 2014. Chisinau, Moldova. 2014. P. 187–192.
5. Крахмальный А.Ф. Новые для Украины виды динофлагеллят (Dinoflagellata) // Природа Полісся: дослідження та охорона. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 15–річчю Рівненського природного заповідника та 10–річчю Рамсарського угіддя «Торфово-болотний масив Переброди» (м. Сарни, 3–5 липня 2014 року) / за ред. Р.О.Журавчака. Рівне, 2014. С. 330–333.
6. Крахмальный А.Ф., Шинданович И.Н. Dinoflagellata заказника «Замглай» (Черниговское Полесье, Украина) // І Міжнародна заочна науково-практична конференція «Актуальні питання біологічної науки». 25 березня 2015: Збірник статей. Ніжин, 2015.С. 10–16.
7. Матвієнко О.М., Литвиненко Р.М. Пірофітові водорості – Pyrrophyta // Визначник прісноводних водоростей Української ССР. ІІІ. Част. 2. Київ: Наук. думка, 1977. 386 с.
8. Монченко В.І., Дубровський Ю.В. Екологічний стан водойм Феофанії // Екологічний журнал «Жива Україна». 2009. 1, №2. С. 1–18.

9. Шелюк Ю.С., Корнейчук Н.Н. Таксономическое разнообразие водорослевых сообществ р. Тетерев (Украина) // Альгология. 2009.19, № 3. С. 284–293.
10. Hickel B. Morphology and life cycle of *Ceratium rhomvoides* nov. sp. (Dinophyceae) from the lake PluBsee (Federal Republic) // Hydrobiologia.1988.161.P. 49–54.
11. Fritz L., Triemer R.E. A rapid simple technique utilizing Calcofluor White M2R for the visualization of Dinoflagellate thecal plates // J. Phycol. 1985.21. P. 662–664.
12. Krakhmalnyy A.F., Panina Z.A., Krakhmalnyy M.A. Dinophyta. In. Algae of Ukraine: Diversity, Nomenclature, Taxonomy, Ecology and Geography/Edited by P.M.Tsarenko, S.P.Wasser, E.Nevo. Vol. 1. Cyanoprocaryota, Euglenophyta, Chrysophyta, Xanthophyta, Raphidophyta, Phaeophyta, Dinophyta, Cryptophyta, Glaucocystophyta, Rhodophyta. Ruggell. A.R.A. Gantner Verlag K.G. Liechtenstein, 2006.P. 470–532.
13. Pandeirada M.S., Craveiro S.C., Calado A.J. Freshwater Dinoflagellates in Portugal (W Iberia): a critical checklist and new observations // Nova Hedwigia.2013.97, N 3–4.P. 321–348.
14. Popovsky J., Pfiester L. *Dinophyceae* (Dinoflagellida). Susswasserflora von Mitteleuropa Band. 6.Jena.– Stutgart: Gustav Fischer, 1990.272 p.

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ГЕНЕРАТИВНОЙ СФЕРЫ *PINUSSYLVESTRIS*L. В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ СРЕДЫ

Т.А. Кудрявцева,Н.А. Алексеева
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Сосна обыкновенная (*Pinussylvestris*L.) занимает обширный ареал в Евразии, имеет большое хозяйственное значение, являясь основным объектом лесоэксплуатации, используется при биоиндикационных исследованиях. Сосна также широко применяется для озеленения городских территорий, поскольку отличается малой требовательностью к плодородию и влажности почвы (мезоксерофит, олиготроф), зимостойкостью, фитонцидной активностью, высокими декоративными качествами. Неблагоприятные условия городской среды влияют на физиологические процессы, изменяют структуру и форму кроны деревьев, сроки вегетации, продолжительность жизни, что снижает жизненность растений и ослабляет репродуктивные функции [1; 2; 3].

Целью данной работы явилось изучение изменения некоторых параметров генеративной сферы сосны обыкновенной в разных условиях загрязнения.

Сбор материала производился в 2014 г. в разных природных зонах Тюменской области: в окрестностях г. Ишима (лесостепь) и г. Тюмени (лесная зона). В г. Ишиме выбраны 3 площадки: ул. К. Маркса (центральная улица города), площадь автовокзала, парк Народный. В качестве контроля исследованы растения на территории памятника природы Синицинский бор (д. Синицино), находящегося в 13 км от города. В г. Тюмени также заложены 3 площадки: сообщества у ТЭЦ–2, ОАО «Тюменский завод медицинского оборудования и инструментов» и ОАО ДОК «Красный Октябрь». В качестве контроля взят бор у п. Черная Речка, расположенный в 30 км от города.

При проведении исследований на каждой учетной площадке выбирали по 10 зрелых деревьев, с каждого из них собирали по 10 шишек. В лабораторных условиях шишки сушили до стадии высыпания семян при температуре 25^0С. Измеряли длину, ширину, форму (отношение длины к ширине) шишек и крылаток семени, учитывали число нормально развитых семян, определяли массу 1000 семян в соответствии со стандартными методиками и ГОСТ [1; 4; 5; 6].

В ходе исследований получены следующие результаты.

Отмечены статистически достоверные различия параметров шишек контроля и участков, расположенных в городе (*табл. 1*).

Табл. 1

Морфометрические параметры шишек сосны обыкновенной

г. Ишим (лесостепь)					
параметры	ул. К. Маркса	автовокзал	Народный парк	среднее по городу	контроль
	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %
масса шишки, г	5,28±0,21* 38,5	6,52±0,29* 45,2	8,82±0,33* 37,1	6,87±1,04* 26,1	7,67±0,24 30,9
длина шишки, см	3,92±0,07* 17,6	4,06±0,07* 17,2	4,63±0,06 12,0	4,20±0,22 8,9	4,56±0,05 12,8
ширина шишки, см	1,79±0,03* 16,7	1,98±0,05* 23,6	2,15±0,03 14, 7	1,97±0,01* 9,1	2,17±0,03 13,9
форма шишки	2,18±0,02 11,0	2,10±0,04 18,0	2,16±0,02 10,2	2,15±0,02 1,9	2,11±0,02 10,0
г. Ишим (лесостепь)					
параметры	ул. К. Маркса	автовокзал	Народный парк	среднее по городу	контроль
	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %	$\underline{X \pm m_x}$ CV, %
форма крылатки	3,17±0,07 20,9	3,16±0,07 22,2	3,31±0,05 14,9	3,21±0,05 2,6	3,87±0,06 16,8
число нормально развитых семян в шишке, шт.	12,8±0,94 64,9	11,61±0,9 73,9	18,3±1,2 59,6	14,24±2,06 3,2	14,92±1,49 89,2
г. Тюмень (лесная зона)					
параметры	ДОК	Завод медобо-рудования	ТЭЦ-2	среднее по городу	контроль
масса шишки, г	5,16±0,34* 65,5	5,98±0,23* 38,7	5,83±0,22* 37,3	5,65±0,25* 7,7	7,03±0,18♦ 23,9
длина шишки, см	3,82±0,08* 20,0	4,24±0,08 16,8	3,98±0,07* 17,1	4,01±0,12 5,3	4,24±0,05♦ 11,8
ширина шишки, см	2,03±0,30 148,3	1,91±0,02* 14,3	1,92±0,02* 15,1	1,95±0,04* 3,4	2,10±0,02 14,2
форма шишки	2,23±0,03 15,6	2,22±0,02 9,6	2,08±0,02 11,8	2,20±0,06 5,1	2,03±0,02 10,3
форма крылатки	3,02±0,09 28,9	3,26±0,06 19,8	3,04±0,05 17,5	3,11±0,08 4,3	2,83±0,04 15,1
число нормально развитых семян в шишке, шт.	7,4±1,16* 49,4	11,2±1,55* 43,9	16,7±1,56 29,4	11,76±2,70 39,7*	17,5±2,39 43,2

*Различия статистически достоверны: * - по сравнению с контролем; ♦ - между контрольными участками разных зон.*

В г. Ишиме по сравнению с контролем длина, ширина шишек и крылаток на ул. К. Маркса и у автовокзала меньше в 1,1-1,2 раза, масса шишек –меньше в 1,2-1,5 раза, различия статистически достоверны (*табл. 1*). Форма шишек на всех площадках существенно не отличалась. В парке Народный значения анализируемых параметров были ближе к контрольным показателям и даже превосходили их, что может быть связано с большой площадью массива и расположением исследуемых деревьев вдали от проезжей части.

Число семян в 100 шишках варьировало от 1147 (автовокзал) до 1695 (Народный парк), в контроле составило 1484. Количество полнозернистых семян свидетельствует о числе проростков в расчете на одну шишку, которые в дальнейшем готовы к росту. Доля нормально развитых семян достигала максимума в парке Народный (95,33 %), минимума – на ул. К. Маркса (69,39 %). Среднее число нормально развитых семян в шишках изменялось от 11 (автовокзал) до 18 (Народный парк), у растений Синицинского бора составило 15.

Е.П. Заборовский указывает, что масса 1000 семян сосны обыкновенной в различных географических районах ее произрастания отличается, повышаясь с севера на юг и с запада на восток (от 3,4 до 8,2 г), при среднем значении 6 г [7]. В г. Ишиме масса 1000 семян варьировала от 4,8 г (ул. К.Маркса) до 5,63 г (Народный парк), в контроле этот показатель составил 5,65 г.

В целом, на территории г. Ишима наименьшие значения исследуемых параметров генеративной сферы были отмечены у растений, находящихся на ул. К. Маркса, что согласуется с литературными данными [8].

В г. Тюмени шишки и крылатки сосны обыкновенной, собранные в районе ДОК и ТЭЦ-2, характеризовались меньшей длиной и шириной (в 1,1 раза) по сравнению с контролем. Наименьшая масса шишек отмечена на участке ДОК, что в 1,4 раза меньше по сравнению с контролем (различия статистически достоверны). Форма шишек на всех исследуемых площадках также существенно не изменялась.

Число семян в 100 шишках варьировало от 1058 (ДОК) до 1383 (п. Черная Речка). Наименьшая доля нормально развитых семян (79,30%) отмечена в шишках у ДОК, что в полтора раза меньше по сравнению с контролем, наибольшая (98,84 %) – выявлена у растений п. Черная речка. Среднее число нормально развитых семян в шишках изменялось от 7 (ДОК) до 17 (ТЭЦ-2), у особей контрольного участка этот показатель составил 18. Масса 1000 семян варьировала от 5,49 г (ТЭЦ–2) до 6,76 г (ДОК), в контроле составила 5,68 г.

М.Н. Казанцева отмечает, что линейные размеры и масса шишек, а также масса семян сосны в различных зонах влияния города Тюмени имеют незначительные отличия, но все же проявляют тенденции к увеличению в направлении от центра к зеленой зоне города [9].

По нашим данным, более низкими значениями большинства параметров характеризовались сосны, растущие у ДОК.

При сравнении растений контрольных участков, расположенных в лесостепи и лесной зоне, существенные отличия выявлены по таким показателям, как масса и длина шишек.

1. Васфилов С.П. Влияние загрязнения воздуха на сосну обыкновенную. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 215 с.
2. Неверова О.А., Колмогорова Е.Ю. Древесные растения и урбанизированная среда: экологические и биотехнологические аспекты. Новосибирск: Наука, 2003. 222 с.

3. Сазонова Т. А., Колосова С. В., Исаева Л.Г. Водный режим *Pinus sylvestris* L. и *Piceaobovata*Ldb.в условиях промышленного загрязнения // Ботанический журнал. 2007. Т. 92. № 5. С. 740-750.
4. ГОСТ 13056.1–67. Семена деревьев и кустарников. Отбор образцов.
5. ГОСТ 13056.4–67. Семена деревьев и кустарников. Методы определения веса 1000 семян.
6. Бомэ Н.А., Белозерова А.А., Бомэ А.Я. Биологические свойства семян и феногенетический анализ культурных растений: уч.-метод. пособие для студ. Тюмень, 2007. 80 с.
7. Заборовский Е. П. Плоды и семена древесных и кустарниковых пород. М., 1962. 303 с.
8. Козловцева О.С., Крико О.А., Пихтовникова И.С. Оценка состояния воздушного бассейна отдельных районов г. Ишима (Тюменской области) на основании методов биоиндикации // Мат–лы V междунар. науч.-практ. конф. Ишим: ИГПИ, 2010. С.102 – 104.
9. Казанцева М.Н. Особенности репродукции сосны обыкновенной в насаждениях города Тюмени и его зеленой зоне //Вестник экологии, лесоведения и ландшафтоведения. 2005 № 5. С. 76-79.

МАТЕРИАЛЫ К ТОБОЛЬСКОЙ ФЛОРЕ, ХРАНЯЩИЕСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ХЕЛЬСИНКИ

И. В. Кузьмин
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Тобольская флора, несмотря на своё положение в административном центре Сибири, долгое время оставалась слабоизученной, т. к. почти все известные естествоиспытатели, хотя и проезжали через Тобольск, но делали это в зимний сезон, чтобы успеть к началу вегетационного периода в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а местных жителей представители «прозябаемого царства» интересовали мало [3]. Тем не менее, за почти 300 лет, в (ныне бывшей) столице Российской Империи – Санкт-Петербурге – были сосредоточены материалы из всех регионов Империи, в т. ч. из окрестностей (ныне бывшей) столицы Сибири – Тобольска. Нами (частью совместно Н. С. Драчёвым) в 2006 – 2015 гг. были тотально проанализированы источники литературы и впервые критически изучены почти все подлинные материалы по флоре современной территории Тюменской области, являющейся частью бывшей Тобольской губернии. Сделано это было с позиций региональной флористики в сравнении со сведениями о современном состоянии растительного мира изучаемой территории.

В 1719 г. в первую научную экспедицию по Российской империи выехал Д. Г. Мессершмидт(D.-G. Messerschmidt), «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корений и семян и прочих принадлежащих статей…». До Тобольска он добрался 24 декабря 1719 г. Длительное (1 год и 3 месяца) пребывание Мессершмидта в Тобольске было результативно. Он изучил местность, приобрёл множество сведений о климате, природе и географии, собрал большое количество материалов, отправленных в Санкт-Петербург [4]. Материалы Мессершмидта хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). В 2015 г. мы ознакомились с ними и нашли, что они могут быть полезны для сопоставления исторической и современной тобольских флор, хотя и в отношении сравнительно немногого числа видов.

В книгах под названием «Relationes» собраны разнообразные материалы, в т. ч. наблюдения погоды в Тобольске, карта путешествия от Москвы до Тобольска, каталог 156 видов растений, произрастающих в окрестностях Тобольска, Москвы и других городов (первая работа по сибирской флоре), рисунки растений, каталоги материалов и др.

Также имеется рукопись «Index botanicus Sibiricus…» – указатель собранных в алфавитном порядке 380 названий растений на латинском, русском и татарском языках,

иногда с подробным ботаническим описанием и рисунками отдельных частей цветка. Указывается место и условия произрастания (иногда – географическая широта), время сбора семян и практическое использование. Большинство описаний повторяют данные упомянутого каталога, но с большими подробностями.

Участники Великой Северной экспедиции внесли свой вклад в изучение западносибирской флоры [2]. В СПбФ АРАН хранятся рукописи И.-Г. Гмелина, в т. ч. Catalogus plantarum aestate anno 1734 pluriman partem ad Irtisch fluvium observatorum . Отметим, что им собран аутентичный материал по *Cypripedium* × *ventricosum* Sw., предположительно, по р. Иртыш.

В Санкт-Петербурге хранятся также материалы сборов между 1768 и 1774 гг., собранные физическими экспедициями Академии наук . В обсуждаемом регионе работали И. И. Лепёхин, П.-С.-Паллас, И.-П. Фальк, И.-Г. Георги. Их материалы сравнительно немногочисленны и запутанны, представляя интерес, прежде всего, для систематиков (выделение аутентичных образцов, установление locus classicus и т. п.), а не для флористов. Гербарии хранятся в Сибирском секторе Гербария Ботанического института РАН (LE), документы – в СПбФ АРАН.

В 1844 г. путешествие по Тобольской губернии совершил санкт-петербургский ботаник К. Мейнсгаузен. Отдельные листы его сборов хранятся в LE (например, *Festuca ovina*) и Гербарии Санкт-Петербургского госуниверситета (LEGB). Им был описан новый вид: осока длиннохвостая (*Carex macroura* Meinsh. 1901, Acta Horti Petropol. 18, 3:440, лектотип: окрестности Тобольска: «Sib. occid. pr. urbem Tobolsk…»).

В 1874 г. небольшие сборы растений близ Тобольска проводил Августинович (LE). Директор Кронштадтской астрономической обсерватории В. Фусс в 1881 г. собрал коллекцию растений в окрестностях Тобольска (LE).

И. Я. Словцов, директор тюменского Александровского реального училища, в 1880 г. разместил там свою коллекцию (в т. ч. гербарии) в виде музея. В 1891 г. Словцов везёт половину коллекции в Санкт-Петербург для определения, но на передаточном поезде в Москве всё сгорает. Вторую половину и вновь собранную флору и фауну Тобольской губернии в 1896 г. купил купец Н. М. Чукмалдин и подарил её училищу, откуда она попала в Тюменский краеведческий музей и пропала там в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее, в LE имеются многочисленные образцы Словцова, двоякого оформления: оригинальные листы с характерными штампованными чернильными этикетками и растения с латинскими надписями на этикетках (сбор 1882 г.), ранее входившие в «Herbarium Trautvetter», о чём свидетельствуют круглые чернильные штампы с соответствующей надписью. В петербургской Александро-Невской Лавре находится и ныне заброшенная могила Ивана Яковлевича.

Крупный гербарий собрал тобольский губернский агроном Н. Л. Скалозубов. Эти сборы также хранятся в LE, но часто они слишком обобщённо этикетированы. В LE сохранились и сборы профессора Казанского университета А. Я. Гордягина 1899 г. из окрестностей Тобольска (от Панина бугра и конца Тырковского лога до Чувашского мыса), с. Абалак и других мест, где он экскурсировал совместно с Н. Л. Скалозубовым.

Активную отправку западносибирских растений в Санкт-Петербург наладил Тобольский губернский музей. Составленные под его эгидой сборы начала XX в. В. А. Ивановского, С. Н. Мамеева, Б. Н. Городкова составили ядро академической коллекции из нашего региона и легли в основу крупных сводок «Флора Азиатской России», «Флора Западной Сибири», «Флора СССР», «Флора Сибири». Благодаря бытованию в крупнейшем мировом Гербарии они активно использованы специалистами. Некоторые дублеты были изданы в эксикатах и, таким образом, оказались в научных учреждениях многих стран. Например, в протологе *Gymnocarpium*

× *intermedium* Sarvela 1978, Ann. Bot. Fennici, 15 : 105 указано 4 образца, вт. ч. «USSR, Prov. Tjumen, Distr. Tobolsk, prope pag. Denissovaja in silva conifera ad marginem paludis, 1909, Ivanovsky (W)». Такиерастения, впервыедлянаукиописанныеизТобольскаиегоокрестностей (*Potentilla* × *tobolensis*Th. WolfexPavlov; *Alchemillaargutiserrata*H. Lindb. fil. exJuz.; *A. circularis*Juz.; *Alliummicrodictyon*Prokh.; *Calamagrostisobtusata*Trin. идр.), оченьценныдлякраеведения. Места, откуда были описаны новые виды (locus classicus), представляют собой огромный научный интерес, должны быть рекомендованы для охраны в ранге памятников природы.

В LE имеются образцы из Гербария М. П. Григорьева – «Растения Тобольской флоры», как напечатано на этикетках большинства листов. Но на некоторых листах сохранились подробные рукописные этикетки, из которых ясно, что под «Тобольской флорой» имеется в виду флора всей Тобольской губернии, а образцы эти были собраны в г. Ялуторовске студентом Корниловичем. Это может служить источником ошибок.

Всего в LE хранится порядка 4000 листов, собранных в Тобольске и его ближайших окрестностях. Скудость или отсутствие материалов из других местностей Зауралья и обилие тобольских сборов побудили новосибирских авторов рабочего флористического районирования «Флоры Сибири» единожды отступить от принятого наименования районов по административным центрам. Южная часть Тюменской области получила название «Тобольский флористический район (Тб)», что до сих пор служит источником периодических появлений в ботанической литературе никогда не существовавшей «Тобольской области».

Нами с коллегами [3], с последующими дополнениями, составлен перечень топонимов, указанных на всех гербарных этикетках и в печатных трудах, которые лежат в пределах Тобольской локальной флоры, скомпонованных в географическом порядке. Приводим его.

Панин бугор, Сладкий лог Панина бугра, Безымянный лог Панина бугра, Грачьев (?) лог Панина бугра, Архиерейская роща на склоне Панина бугра, памятник природы «Панин бугор», Глубокий буерак за городским Кладбищем, Городское Кладбище (у церкви), Холерное кладбище (Завальное кладбище), Жуковка (Жукова, Жуково, Монастырская дача Жуково), Киселёвка (Киселёва, гора Киселёвка, Киселёвская гора с Чувашским мысом и оврагом Старый перевоз), Чувашский мыс (Чувашин, Чувашин мыс, Чувашинский мыс, Подчувашский мыс, Подчувашинский мыс), Подчувашинское болото (Подчуваши, болото Подчувашами), Алафейская гора, Искер (Кучумово городище с речкой Сибиркой), Хуторы (Хуторинское предместье, Хуторское предместье), ручей Мостовой (река Курдюмка), Вершинское предместье (Вершина, Вершинский лог), Гремячий лог (у Вершинского предместья), Брисий лог, речка Качаловка, Подшлюзное предместье, Завальное предместье, Стрельбище (за Тырковкой, у горы Киселёвка), Сыром. пруд (?, = Сыром. пр.), Лагеря, Казармы, Винокуренный завод (у реки Курдюмка), Ремесленная школа, Сельскохозяйственная школа, ферма сельхозшколы, Школьная роща, Городской вал, «Завальная деревня», Топоркова (Топорковка, «в окрестностях г. Тобольск близ лагерей»), Солдатские прудки, Запруда, Ворошилова, Тырковка (речка и часть города), Сыромятниковский прудок, речка Ирга (между Тобольском и Жуковкой), речка Абрамовка, дача Шапошникова («в 9 верстах к северу от г. Тобольск»), берег реки Иртыш, слияние рек Иртыш и Тобол, паром у перевоза через реку Иртыш, петля реки Иртыш у г.Тобольск, Боярское (?) озеро (за рекой Иртыш в 1»версте западнее города), дд. Отрясиха (?), Ращитина, Абалак (Абалакский монастырь, Абалацкий монастырь), Алемасова (и Алемасовская гора), Анисимова (Онисимова), Бурково (Бур.) болото (у Анисимовой), Башкова, Бекерёва (Бекерёвка), речка Надежка (у д. Бекерёва), Бизина, Винокурова,

Серикова (ныне – севернее Винокуровой урочище Серюково или восточнее – урочище Сирикова), Денисова, Ершовка (=дача братьев Ершовых в 7 верстах севернее города, Ершовская заимка), Загваздина (не путать с с. Загваздинское – см.), заимка Кучина, Защитина, Зырянова, пос. Прииртышский («с. Ивановское "в 12 верстах к юго-востоку от г. Тобольск», не путать с с. Ивановское = д. Иванова на реке Вагай в подтайге), Ивановский монастырь (Иоанно-Введенский монастырь), заимка Ивановского монастыря, д. Иванова (?), Исенева (Исеневы юрты, Исеневские юрты, Ясеневская), Коновалова (Коноваловка), ручей Коноваловка, заимка Кривцова и Коноваловский лог (у д. Соколова), казённая Коноваловская лесная дача, заимка (дача) Хвастунова (близ д. Ломаева), Ломаева (Ламаева, Ламаевка), между дд. Башкова и Ломаева, Михайловка (Михайловский скит), Редькина (в 15 верстах севернее г. Тобольск), Савина, Дикое озеро (у д. Савина), Серебрянка (в 7 верстах восточнее г. Тобольск, у реки Серебрянка), Соколовка (д. Соколова, с. Соколово), Ворогушина (в 11 верстах севернее г. Тобольск), Будалинские юрты (юрты Будалины, в 4 верстах южнее г. Тобольск), Сузгун (юрты Сузгунские), Сузгунское надгорье (Лысая гора), Сузгунский взвоз, Топоркова (Топорковка), Чистое болото (часть), южная часть заказника «Абалакский» (в нём – Абалакский монастырь, д. Каштак, д. Вахрушева, д. Епанчина, д. Мостовая, Мостовой лог, д. Полуянова, Белкинский лог в 1,5 км восточнее Абалака, урочища Барзино и Бобровка, речки Барзинка и Бобровка, «гора Ягодная»). Тобольский адм. район близ слияния рек Иртыш и Тобол. Территория непосредственно города Тобольск включает такие топонимы, как: Тобольский Кремль, Сад Ермак (сад у памятника Ермаку), Благовещенский сквер, площадь у Никольской церкви, Никольский взвоз, Прямской взвоз, Городской вал, Подгорную часть близ южного склона Панина бугра.

Согласно указанию И. П. Бородина [1], в Хельсинкском университете (тогда – Университет Гельсингфорса) имеется гербарий из Тобольска собранный в 1870-х гг. Векманом (G. Weckman). По сообщению куратора Гербария (H) А. Н. Сенникова (2015), это шведоязычная экспедиция из Хельсинки, которая собрала много гербария. Часть сборов осталась в Хельсинки, часть попала в г. Турку, часть была передана в Санкт-Петербург. Немалая часть этих сборов была учтена в публикациях экспедиции, в местной финской периодике. Но финские статьи о флоре Сибири до сих пор остаются малоизвестными сибирским ботаникам. Кроме того, в Хельсинки хранятся дублеты образцов мхов, которые при посредничестве Б. Н. Городкова из Тобольского музея отправляли на определение крупному бриологу В.-Ф. Бротерусу (V.-F. Brotherus). Бротерус очень многие присылаемые ему сборы оставлял у себя без возврата, и в России дублетов их не оставалось. Эти коллекции ещё ждут своей ревизии и описания, с установлением тождества с оставшимися в Тобольске образцами.

Даже материалы, хранящиеся в Санкт-Петербурге (не говоря уже о Хельсинки), не были изучены и использованы авторами первого издания Красной книги Тюменской области (хотя в её тексте утверждается обратное), остаются малоизвестными местным биологам, историкам и краеведам, хотя заслуживают активного использования в их работе.

1. Бородин И. П. Коллекторы и коллекции флоры Сибири. СПб: Импер. АН. 1908. 245 с. (Труды Ботанического музея АН, вып. IV).
2. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с. (АН СССР. Труды Архива. Вып. 4).
3. Драчёв Н. С. Флора подзоны южной тайги в пределах Тюменской области: Дисс. … канд. биол. наук. Новосибирск: ЦСБС СО РАН, 2010. Т. 1. 331 с. Т. 2. 307 с.
4. Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1970. 184 с.

ВИДЫ КСИЛОТРОФНЫХ БАЗИДИОМИЦЕТОВ, СИМБИОЗИРУЮЩИЕ С МИЦЕТОБИОНТНЫМИ ВОДОРОСЛЯМИ*

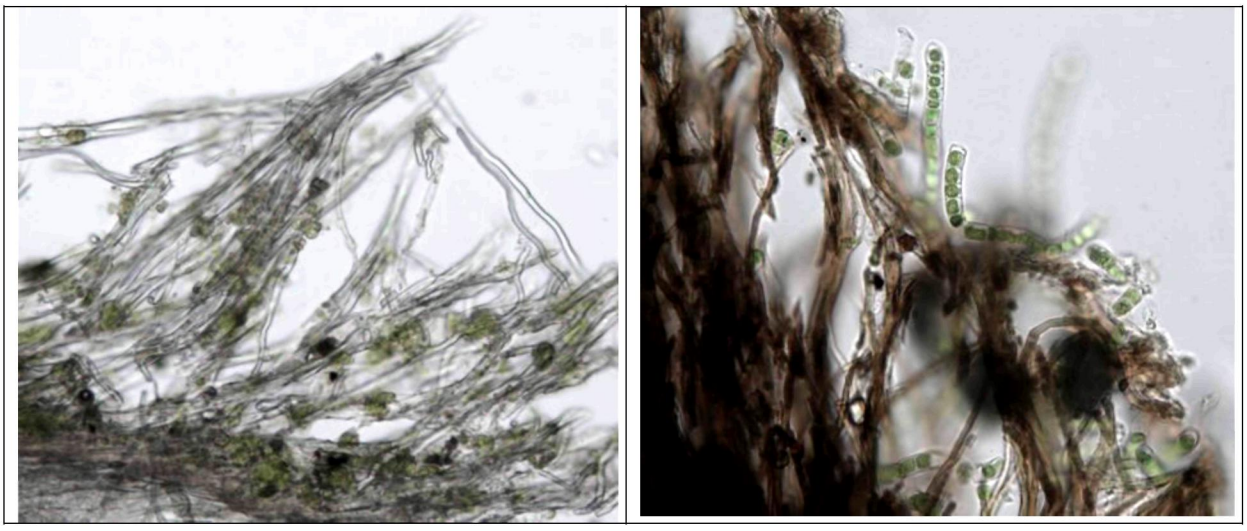
Н. В.Неустроева
Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург

Симбиотические ассоциации грибов и водорослей – широко распространенное природное явление, в образовании которых в подавляющем числе случаев участвуют сумчатые грибы, зеленые и синезеленыеводоросли, образующие лишайники. Значительно реже в такие ассоциации вступают базидиальные грибы: Dictyonema, Lichenomphalia, Multiclavula [1]. Однако симбиоз базидиальных грибов с водорослями значительно более широко распространенное явление, чем это принято считать: в базидиокарпах многих видов ксилотрофных базидиомицетов присутствуют симбиотические водоросли [2, 4, 5, 6].

Изучение мицетобионтных водорослей представляет большой интерес, для понимания экологии ксилотрофных базидиомицов, являющихся уникальной биосферно-значимой группой организмов, осуществляющих окислительную конверсию органического углерода древесного пула в CO_2 [3].

Объектом исследования являютсяксилотрофные дереворазрушающие грибы, встречающиеся в предлесостепных сосново-березовых и южно-таежных елово-пихтовых лесах Среднего Урала. Микроскопическому исследованию подверглись также гербарные образцы, собранныев ходе полевых работ на Валдае, Алтае, в Магаданской области и на Сахалине.

По нашим данным, альго-грибные ассоциации встречается у 27 видов дереворазрушающих грибов. Мицетобионтные водоросли (это преимущественно одноклеточные коккоидные, реже нитчатыеорганизмы) могут развиваться как на поверхности, так и внутри базидиокарпов. Уоднихвидов– Trichaptum abietinum (Pers. : Fr.) Ryvarden, T. fuscoviolaceum (Ehrenb. : Fr.) Ryvarden,T. laricinum (P. Karst.) Ryvarden, T. pargamenum (Fr.) Gunn – водоросли развиваются преимущественно между ворсинками на поверхности базидиокарпов и в меньшей степени внутри их.

* *Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 15-04-06881).*

*Рис. 1.*Локализациямицетобионтныхводорослейвбазидиокарпах: слева– Trametes versicolor,справа– Datronia mollis.

Более часто встречается вариант, когда водоросли одинаково обильны и на поверхности базидиокарпов, и внутри их (*рис. 1*). Такой вариант локализации водорослей характерен для Bjerkandera adusta (Willd.) P. Karst., Cerrena unicolor (Bull. : Fr.) Murrill, Chondrostereum purpureum (Pers. : Fr.) Pouzar, Datronia mollis (Sommerf.) Donk, Diplomitoporus flavescens (Bres.) Ryvarden, Gloeoporus dichrous (Fr. : Fr.) Bres., Hymenochaete tabacina (Sowerby) Lév., Punctularia strigosozonata (Schwein.) P.H.B. Talbot, Stereum hirsutum (Willd. : Fr.) Gray, S. sanguinolentum (Alb. & Schwein. : Fr.) Fr., S. subtomentosum Pouzar, Trametes hirsuta (Wulfen : Fr.) Pilát Lloyd, T. ochracea (Pers.) Gilb. & Ryvarden, T. versicolor (L. : Fr.) Lloyd.

Редконаблюдаемыйвариантлокализацииводорослей, когдаихосновнаямассанаходитсявнутрибазидиокарпов: Trametes gibbosa (Pers. : Fr.) Fr., T. trogii Berk.

Увидовсмноголетнимибазидиокарпами – FomesfomentariusJ.J. Kickx., Ganodermaapplanatum (Wallr.) Pat. – водорослевые клетки встречаются преимущественно на поверхности, а если и проникают внутрь, то только по трещинам в корке.

Взаимоотношения мицетобионтных водорослей с дереворазрушающими грибами, скорее всего, можно охарактеризовать как взаимовыгодные: водоросли получают некоторую защиту от повышенной инсоляции, доступ к воде и диоксиду углерода, образующихся при грибном дыхании.В ходе предыдущих наших исследований [8] с использованием ^{14}C было показано на примере Trichaptum pargamenum, что продукты фотосинтеза мицетобионтных водорослей, активно используются в дыхательном и пластическом обмене базидиокарпов.Поэтомумицетобионтные водоросли однозначно следует рассматривать как дополнительный и альтернативный по отношению к древесине источник углеродного питания дереворазрушающих грибов.

Симбиозы базидиальных грибов с водорослями - достаточно распространенное явление. В рамках данной ассоциации водоросли получают некоторую защиту от повышенной инсоляции, доступ к воде и диоксиду углерода, образующихся при грибном дыхании,а для грибов они являются дополнительным и альтернативным по отношению к древесине источником углеродного питания.

1. Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi. /Eds. Kirk P.M., Cannon P.F., Minter D.W., Stalpers J.A. 10th Edition. CAB International, 2008. 771 p.

2. Неустроева Н.В., Мухин В.А.Симбиотические ассоциации ксилотрофных базидиомицетов и водорослей //Современная ботаника в России. Труды XIII Съезда Русского ботанического общества и конференции «Научные основы охраны и рационального использования растительного покрова Волжского бассейна» (Тольятти 16-22 сентября 2013). Т. 1. Тольятти: Кассандра, 2013. С. 163–164.

3. Мухин В. А., Воронин П. Ю., Ладатко В. А. Интенсивность потоков C-CO_2 и H_2O при разложении древесной мортмассы трутовыми грибами // Вестн. МГУ. 2006. Сер. 16. № 4. С. 43–45.

4. Ryvarden L. The Polyporaceae of North Europe. Vol. 1: Albatrellus-Incrustoporia. Oslo: Fungiflora, 1976. P. 1-214; Ryvarden L., Gilbertson R. L. European polypores. Part 1. Abortiporus-Lindtneria // Synopsis Fung. 6. Oslo: Fungiflora, 1993. P. 1-387.

5. Niemelä T. Käävät, puiden sienet / Полипоровые дереворазрушающие грибы. 2th Edition. Norrlin. 2006, 319 p.

6. Zavada M.S., Simoes P. The possible demi-lichenization of the basidiocarps of Trametes versicolor (L.: Fries) Pilát (Polyporaceae) // Northeastern Naturalist. 2001. Vol. 8. No 1.P. 101–112.

7. Неустроева Н.В., Киселева И. С., Мухин В.А. Углеродный обмен мицетобионтных водорослей с дереворазрушающими грибами // Мат-лы Всероссийской конференции с международным участием. Екатеринбург, 2015. С.179.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ПОПУЛЯЦИЙ

С. В.Попов
Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

В течение XX века интересы исследователей были сосредоточены на анализе временных изменений сообществ и популяций, тогда как вопросы динамики пространственной структуры популяций оставались мало изученными [1]. Быстрое развитие компьютерной техники способствовало разработке и распространению специализированных методов анализа пространственных данных, которые можно использовать для изучения индивидуального жизненного пространства животных, для описания пространственной структуры популяций видов, для визуализации иных пространственных данных, имеющих географическую привязку.

Характер распределения особей в пространстве – это одна из важнейших характеристик популяций и вида в целом. Пространственное распределение особей является результатом взаимодействия многих механизмов, таких как дисперсия, репродуктивное поведение, пространственная гетерогенность местообитаний, внутри- и межвидования конкуренция, антропогенная нагрузка [2], пространственные автокорреляции [3]. Пространственное распределение видов в природе неравномерно [4] и может меняться в зависимости от численности и плотности населения вида [5]. Пространственно структурированная среда под действием экологических процессов и в сочетании с поведенческой реакцией видов приводит к формированию определенных структур:

1. Градиенты – устойчивое направление изменения числа особей в пределах определенного расстояния.

2. Patch (сгустки) – относительно однородные и гомогенные области, разделенные областями (Gap, промежутками), где особи данного вида не встречаются.

3. Шум (случайные флуктуации) – изменения, которые сложно объяснить с помощью моделей.

Распределение точек регистрации особей может быть изотропным и анизотропным. Изотропия – это однообразие пространственной структуры во всех направлениях. Анизотропия – направленная пространственная структура (точки регистрации расположены в каком-либо направлении). Обнаружение и идентификация пространственных структур может зависеть от масштаба рассмотрения [2].

Для изучения пространственной структуры популяций или индивидуального пространства необходимо навигационное оборудование, позволяющее определять географические координаты изучаемых объектов. В некоторых случаях, когда требуется высокая точность, можно использовать крупномасштабные космоснимки. Кроме того, могут использоваться компактные GPS-передатчики или логгеры, позволяющие отслеживать пути перемещения отдельных особей.

Автором во время наземных полевых исследований использовался метод интенсивного картирования [6] на площадках – все найденные гнезда и особи птиц наносились на крупномасштабные спутниковые снимки. В некоторых случаях местоположение отдельных особей отмечалось с помощью портативного GPS-

навигатора. В полевых условиях регистрировались и пути перемещения отдельных особей в пределах своих индивидуальных участков.

По результатам картирования птиц в полевых условиях составляются электронные карты (ГИС MapInfo или QuantumGIS), содержащие информацию о размещении отдельных особей, их гнезд, структуре растительного покрова, рельефе и т. д.

Для изучения пространственной структуры популяций разработаны специализированные методы анализа данных. Кроме того, существуют модификации этих методов применительно к точечным и линейным (пути перемещения особей) данным.Наиболее распространенные методы – это:

1) Метод выпуклых многоугольников – классический метод, давно используемый при картировании индивидуально меченых особей. Площадь участка, занимаемого особью, вычисляется на основе огибающей, соединяющей крайние точки регистраций. Данный метод реализован практически во всех современных ГИС.

2) Kernel Density Estimation (метод ядра) – метод, используемый для детального исследования индивидуального пространства особи (Homerange). Данный метод позволяет выделять скопления точек регистрации, выделять участки с высокой и низкой плотностью регистраций. Для использования данного метода необходимы координаты местоположения особи. Имея результаты картирования за несколько периодов, можно оценить изменчивость пространственной структуры популяции или индивидуального участка со временем. Для использования этого метода необходимо разбиение учетной площадки на квадраты заданного размера, которое производится автоматически с учетом реального распределения точек регистрации в ГИС. Метод ядра реализован в ArcGIS, QuantumGIS и в специализированных программах, таких как Ranges8 или OpenJump.

3) Метод среднего гармонического – метод, дающий сходные результаты с предыдущим методом. В этом случае никакие сетки для разбиения учетной площадки не строятся. Результат моделирования зависти только от реального местоположения точек регистрации. Кроме того, реализована возможность отсечения областей, явно не используемых видом. Например, при картировании индивидуальных участков рыб можно исключить из анализа наземные местообитания. Данный метод используется в программе Ranges8.

4) Kriging(кригинг) – один из самых популярных методов интерполяции пространственных данных. Этот метод позволяет строить карты пространственного распределения любых экологических переменных, таких как плотность населения, концентрация какого-либо вещества в пределах определенного участка, регистрации отдельных особей и т.д. Данный метод реализован в программе Surfer.

5) SADIE® (SpatialAnalysisofDistanceIndicEs) – метод, позволяющий не только строить модели используемой территории популяцией или особью, но и рассчитывать ряд статистических индексов, позволяющие определить тип пространственной структуры, оценить изменчивость пространственной структуры популяции во времени, сравнить распределение двух видов. Кроме того, данный метод позволяет рассчитывать ряд статистических показателей, позволяющих оценить статистическую значимость различий двух распределений и т.д. Для проведения моделирования пространственного распределения особей разработаны ряд специализированных программ Red-Blue Batch Runner, SADIEShell, N-A-Shell. Результаты расчетов, проведенных этими программами, могут быть импортированы в Surfer для построения удобных для анализа карт с использованием метода Kriging или ряда других методов интерполяции пространственных данных (*рис.1*).

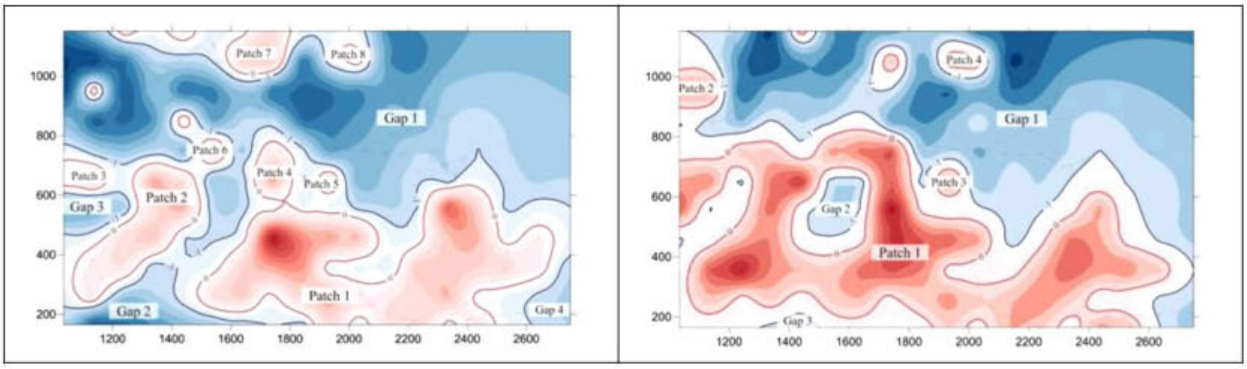

Рис. 1. Визуализация населения семейства *Sylviidae* в пределах слабо лесистой площадки на севере лесостепного Зауралья. Карты построены с использованием метода SADIE. Места регистраций отдельных особей не показаны. Слева – 2010 г., справа – 2011 г. Красный цвет – области, заселенные Славковыми, синий – избегаемые области

В основе пространственной статистики лежит предположение о нормальности распределения данных (с одинаковой средней и дисперсией) по всей области исследований [3]. Для изучения пространственной структуры популяций птиц использовались методы Kernel Density Estimation, Kriging и SADIE.

При использовании метода Kernel Density Estimation (программа OpenJump) сетка квадратов строится автоматически и не зависит от исследователя. Для методов Kriging и SADIE [7, 8] необходимо вручную провести разбиение площадки. Затем, длякаждого такого квадрата вычисляются координаты, характеризующие его местоположение (центральная точка), а также производится подсчет особей, зарегистрированных во время полевых работ. Затем, все результаты расчетов импортируются в программу Surfer. В отличие от OpenJUMP, где результатом визуализации являются контуры, ограничивающие наиболее компактно расположенные точки, программа Surfer строит карты, отражающие распределение на местности плотности точек (число точек на квадрат). Построенные программой Surferc помощью метода Kriging карты, сходны с физико-географическими, где горизонталями показано изменение высот или глубин в пределах какого-либо участка.

Каждый из рассматриваемых алгоритмов, позволяет вычислить площадь, занимаемую населением какого-либо вида в пределах ландшафтного выдела или площадки.

Анализ пространственных данных с помощью группы методов SADIE [7] включает:

1) обнаружение и тестирование «неслучайности» в распределении исследуемых объектов на площади,

2) измерение с помощью специальных индексов,

3) оценку вклада числа объектов в каждой точке учетной площадки в общую картину распределения объектов.

Для каждого вида вычислялись «индекс агрегации», показывающий, насколько наблюдаемое распределение отличается от случайного, и «индекс ассоциации», позволяющий количественно оценить распределение одного вида относительно другого (тяготение или избегание данного вида относительно другого). Кроме того, программное обеспечение SADIE производит вычисление «индекса кластеризации» в каждой точке учетной площадки [7]. Затем значения этого индекса импортируются в программу Surfer для построения карты, отражающей расположение кластеров (Patch и Gap) на местности. Более подробную информацию о методе анализа пространственных

данных SADIE можно найти в литературе [8], [9] и на сайте, подготовленном разработчиками данного метода: http://home. cogeco.ca/ ~sadieexplained/.

В целом, результат моделирования пространственной структуры популяции с использованием методов KDE, Kriging и SADIE оказывается сходным. Метод SADIE, в отличие от других рассматриваемых методов, позволяет оценить статистическую значимость рассчитываемых индексов, а результаты расчетов могут быть импортированы в программу Surfer для визуализации данных. К недостаткам метода можно отнести отсутствие возможности использования географических координат каждого места встречи, и необходимость пересчета числа регистраций на каждый выделенный квадрат сетки. Для всех указанных методов необходимо использовать проекцию план-схема.

1. Haslett, Heiselmayr, Comes. Populationsbiologie. UniversitatSalzurg. 2010.
2. Крамаренко С.С., Кунах О.Н., Жуков А.В., Андрусевич Е.В. Анализ паттернов пространственной организации популяций наземных моллюсков: подход с использованием методов геостатистики // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. 2014. Вып. 18. С. 5-40.
3. Fortin M-J., Mark R.T. Dale & Jay ver Hoef. Spatial analysis in ecology // Encyclopedia of Environmetrics. 2002. Vol. 4. P. 2051–2058.
4. Головатин М.Г., Пасхальный С.П. Орнитофауна северной половины Полярного Урала // Русский орнитологический журнал. 2003. Экспресс-выпуск. 223.С. 543-565.
5. Попов С.В. Пространственная организация населения Славковых (Sylviidae) на границе тайги и лесостепи Зауралья // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: Биология. Науки о Земле. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 78-93.
6. Головатин М.Г. Принципы организации населения птиц северных широт: динамический аспект: автореф. дис.…д-ра биол. наук. Екатеринбург, 2011. 41 с.
7. Perry J.N., Bell E.D., Smith R.H., Woiwod I.P. SADIE: software to measure and model spatial pattern // Aspects of Applied Biology. 1996. Vol. 46. PP. 95 - 102.
8. Perry J.N., Winder L., Holland J.M., Alston R.D. Red-blue plots for detecting clusters in count data // Ecology Letters. 1999. Vol. 2. PP. 106-113.
9. Winder L., Alexander C., Holland J.M., Woolley C., Perry J.N. Modelling the dynamic spatio-temporal response of predators to transient prey patches in the field // Ecology Letters. 2011. Vol. 4. PP. 568-576.

ЭРИЗИФАЛЬНЫЕ ГРИБЫ БОТАНИЧЕСКОГО САДА КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО

И. Б. Просянникова, Е. А. Кравчук, В. Н. Юдина
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Ботанический сад Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (БС КФУ) расположен в Крымской лесостепной зоне, которая соответствует Лесостепной зоне дубовых лесов и луговых степей Горнокрымской подпровинции Средиземноморской лесной области. Он разместился в юго-западной части Симферополя на левом берегу р. Салгир, в месте ее пересечения внутренней предгорной грядой, занимая первую надпойменную террасу. Ботанический сад организован на базе парка-памятника садово-паркового искусства «Салгирка» в 2004 году. Его площадь составляет 32,5 га [8, с. 16]. Сведения об его растительности содержатся в ряде работ [1, 8], и по данным последней инвентаризации насчитывает свыше 3 тысяч таксонов из 536 родов 141 семейства. Активное введение новых интродуцентов обусловливает внедрение их грибов-паразитов, поэтому необходимы постоянные наблюдения за их распространением и развитием. Целью наших исследований явилось изучение видового состава облигатных паразитов высших

растений – эризифальных (мучнисторосяных) грибов на культивируемых и дикорастущих растенях БС КФУ.

Комплексное систематическое изучение эризифальных грибов БС КФУ осуществлялось детально-маршрутным методом в течение вегетационных сезонов 2013-2014 гг. регулярно, один раз в месяц на протяжении вегетационного сезона всего периода исследований. Собранный гербарий обрабатывался по общепринятой методике [2,с. 14]. Оценку распространённости и интенсивности развития заболеваний проводили по принятым в фитопатологии и математической статистике методам [6, с. 6] в ходе вегетационного периода (май–октябрь) на фоне проводимых в БС КФУ профилактических и защитных мероприятий. Определение мучнисторосяных грибов осуществлялось с помощью определителя [2] и их видовые названия приведены в соответствии с международной сводкой «Index fungorum» [9]; определение питающих растенийи их видовые названия производились в соответствии с литературой [4, 5].

Известно, что эризифальные грибы вызывают общее ослабление растений в результате уменьшения фотосинтезирующей поверхности (появление плотного мицелиального налёта на листовом эпидермисе, скручивание листьев, преждевременное их усыхание), уменьшают семенную продуктивность, способность к вегетативному возобновлению, снижают декоративные качества растений. С 2005 года нами было начато детальное изучение видового состава эризифальных грибов, паразитирующих на растениях БС КФУ [3, 7]. В результате обработки собранного гербарного материала за вегетационные периоды 2013-2014 гг., было установлено, что семейство Erysiphaceae представлено 34 видами из 9 родов. Основная часть видов принадлежит родам *Erysiphe* (13 видов) и *Golovinomyces* (9 видов) и что составляет 65 % от общего числа видов. Меньшим количество видов представлены роды *Podosphaera*(6 видов),*Phyllactinia* и *Sawadaea* (по 2 вида каждый) и роды *Neoerysiphe* и *Blumeria* (по 1 виду). Видовой состав обнаруженных нами в течение 2013-2014 годов эризифальных грибов на территории БС КФУ приведен в предлагаемом ниже списке:

Отдел Ascomycota, класс Leomycetes, порядок Erysiphales, семейство Erysiphaceae:

Blumeria graminis (DC.) Speer

На *Alopecurus myosuroides* Huds. – листья, стебли, 13.05.2013; на*Elytrigia repens* (L.) Nevski – листья, стебли, 10.05.2014.

Erysiphe adunca (Wallr.) Fr.

На *Populusnigra* L. – листья, 20.09.2013; 11.10.2014.

Erysiphe aquilegiae DC.

На*Aquilegia vulgaris* L. – листья, 10.10.2013; 18.11.2013. *Delphinium orientale* J. Gay., листья, 10.10.2013 г., 21.08.2014.

Erysiphe alphitoides (Griffon & Maubl.) U. Braun & S. Takam.

На *Quercus robur* L. – листья, 12.09.2013.

Erysiphe berberidis DC.

На *Berberis vulgaris* L. – листья, 9.09.2013; 13.08.2014.

Erysiphe convolvuli DC.

На*Convolvulus arvensis* L. – листья, 14.10.2013; 12.08.2014.

Erysiphe cruciferarum Opiz ex L. Junell

На*Alliaria petiolata* (M. Bieb.) Cavara et Grande – листья, 4.10.2013;на *Cleomespinosa* Jacq., листья, 9.09.2013, 9.09.2014.

Erysiphe elevata(Burrill) U. Braun et S. Takam.

На*Catalpa bignonioides* Walt. , листья, 26.08.2013; 28.08.2014.

Erysiphe polygoni DC.

На*Polygonum aviculare* L. –листья, 8.09.2013. *Rumex* sp., листья, 20.07.2013

Erysiphe pisi DC.
На*Medicago falcata* L., листья, 1.10 2013.
Erysiphe trifolii Grev.
На*Trifolium pratense* L. – листья, 10.10.2013.
Erysiphe howeana U. Braun.
Oenothera missouriensis Sims., листья, 24.09.2013; 14.07.2014.
Erysiphe jaczewskii U. Braun
На*Syringa vulgaris* L. листья, 10.09. 2011; 26.08.2012.
Erysiphe urticae (Wallr.) S. Blumer
На*Urtica dioica* L. – листья, стебли, 4.10.2013; 17.10.2014.
Golovinomyces biocellaris (Ehrenb.) V.P. Heluta
Monarda didyma L., листья, 1.10.2013, 13.09.2014.
Golovinomyces cichoracearum (DC.) V.P. ***Heluta***
На*Cichorium intybus* L. – листья, 1.07.2013; на*Rudbeckia hirta* L. – листья, 17.10.2013. *Inula helertium* L., листья,16.06.2013; на*Solidago virgaurea* L. листья, 15.09. 2013; на*Aster sp*., листья, 17.09.2013; 13.09.2014; *Gaillardia pulchella* Foug., листья, 1.10.2013; на*Sonchus oleraceus*L. –листья, 14.09.2014.
Golovinomyces cynoglossi (Wallr.) V.P. Heluta
На*Echium sp*., листья, 1.10. 2013; 26.08.2014.
Golovinomyces depressus (Wallr.) V.P. Heluta
На *Arctium lappa* L. – листья, 4.10.2013; 19.11.2014; на *Cirsium sp.* – листья, 17.10.2013.
Golovinomyces magnicellulatus (U. Braun) V.P. Heluta
На *Phlox paniculata* L. cv. `Novinka` –листья, 16.07.2013.
Golovinomyces moroczkovskii (Heluta) Heluta
На *Galatella dracunculoides* (Lam.) Nees – листья, 4.10.2014.
Golovinomyces orontii (Castagne) V.P. Heluta
На *Petunia x hybrida* hort. – листья, 6.11.2013.
Golovinomyces sordidus (L. Junell) V.P. Heluta
На *Plantago major* L. – листья, 3.10.2013, 23.08.2014
Golovinomyces verbasci (Jacz.) V.P. Heluta
На *Verbascum thapsus* L. – листья, 3.10.2013.
Neoerysiphe galeopsidis (DC.) U. Braun
На *Ballota nigra* L. – листья, 4.10.2013; 16.09.2014; на*Lamium purpureum* L. – листья, 18.05.2013.
Phyllactinia fraxini (DC.) Fuss.
На *Fraxinus excelsior* L. – листья, 19.11.2013; 2.10.2014.
Phyllactinia guttata (Wallr.) Lev.
На *Corylus avellana* L. – листья, 25.09.2013; 6.11.2014.
Podosphaera aphanis (Wallr.) U. Braun & S. Takam.
На*Agrimonia eupatoria* L. , листья, 10.09. 2013; 3.09.2014.
Podosphaera euphorbiae (Castagne) U. Braun & S. Takam
На*Euphorbia marginata* Pursch., листья, 17.09.2013; 26.08.2014.
Podosphaera fusca (Fr.) U. Braun & Shishkoff
Ha Dahlia x cultorum Thorsr. et. Reiss. листья, 10.09.2013,15.10.2014; *Cosmos bipinnatus* Cav., листья, 27.07.2013; *Calendula officinalis* L., листья, стебли, 24.09.2013.
Podosphaera pannosa (Wallr.) de Bary,
На *Rosa x hybrida* hort. cv. `Rafaello` – листья, стебли, бутоны, 20.06.2013; 19.11.2014; на*Rosasp*. – листья, стебли, бутоны, 1.07.2013; 18.08.2014.
Podosphaera clandestina(Wallr.) Lev.
На *Cydonia oblonga* Mill. – листья, 19.09.2013; 21.09.2014.

Podosphaera leucotricha (Ellis et Everh.) E.S. Salmon
На *Malus niedzwedskiana* Dieck – листья, 8.05.2013.
Sawadaea bicornis (Wallr.) Homma
На *Acer negundo* L. – листья, 6.10.2013; 8.11.2014; на *Acer platanoides* L. – листья, 20.09.2013; 19.08.2014 на*Acer pseudoplatanus* L. – листья. 14.06.2013.
Sawadaea tulasnei (Fuckel) Homma
На *Acer tataricum* L., – листья, 18.10.2013.
Oidium spp.
На*Aster novae-belgii* L. – листья, 13.11.2013; листья, на*Dahlia x cultorum* Thorsr. et. Reiss cv. `Veselye Rebjata` - 6.11.2013, 13.11.2014; *Aster dumosus* L., листья, 13.11.2013; на*Impatiens balsaminae* L. – листья, 28.09.2013; на*Verbena officinalis* L. – листья, 4.10.2013; *Dendranthema indicum* (L.) Des Moul. 8.10.2013; 26.08.2014; *Zinnia elegans* Jacq., листья, 10.09.2013, 15.10.2014; *Echinacea purpurea* (L.) Moench., листья, 1.10. 2013, 10.09.2014, *Salvia sclarea* L., листья, 20.07.2013 , 20.08.2014.
Pseudoidium spp.
HaViola suavis Bieb. – листья, 25.04.2013; *Vicia* sp. – листья, 4.10.2014.

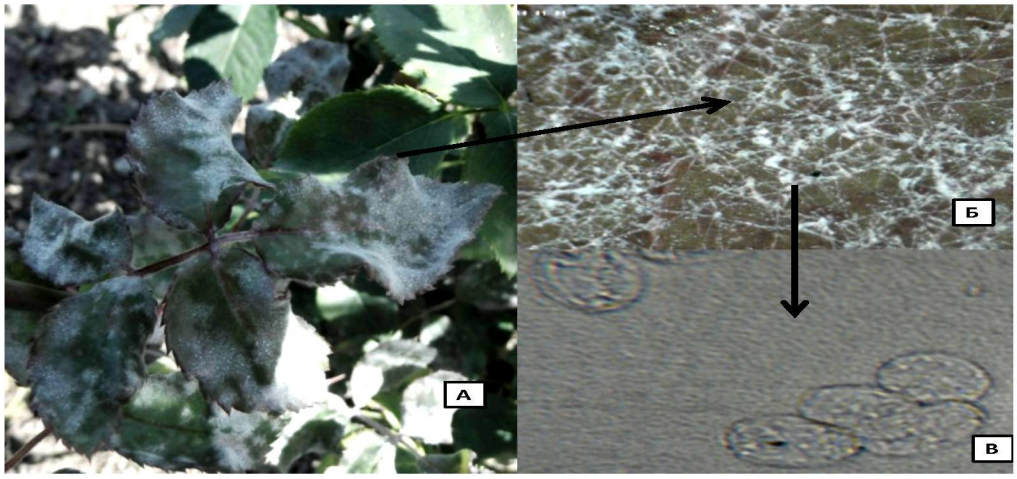

Рис. 1. Эризифальный гриб *Podosphaera pannosa* (Wallr.) de Bary на листьях розы (фото автора): А – общий вид пораженных листьев, Б – белый паутинистый налет мицелия (увел. х 10, ориг.), В – конидии гриба (увел. х 400, ориг.).

Мучнистая роса – одно из наиболее распространённых и вредоносных заболеваний роз открытого и защищённого грунта в различных природных зонах, зачастую носящее характер эпифитотии. Коллекция розария БС КФУ насчитывает 138 сортов отечественной и зарубежной селекции из 11 садовых групп: чайно-гибридной, флорибунда, грандифлора и др., произрастающих на 27 клумбах. Возбудителем болезни является мучнисторосяный гриб *Podosphaera pannosa* (*рис. 1*), развивающийся на всех надземных частях растения, но наиболее сильно – на молодых побегах. Данный патоген характеризуется сравнительно высокой ксерофитностью, и его массовому развитию часто предшествует сухая и жаркая погода. Первые признаки заболевания роз *P. pannosa* на разных сортах проявлялись с июня по август.

Наибольшую восприимчивость и максимальный индекс развития заболевания продемонстрировали такие сорта *R. hybrida,* как: Green Planet, ImperatriceFarah, Sylvia, Lidka (относящиеся к чайно-гибридным), Bella Rosa (флорибунда) и GreenDiamond (миниатюрные розы) (*рис. 2*).

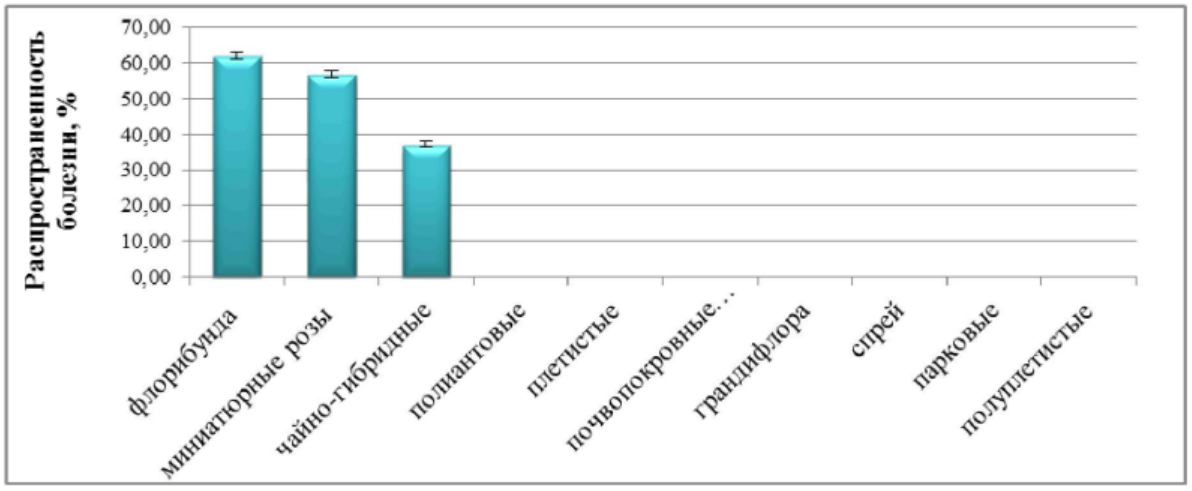

Рис. 2. Распространенность мучнисторосяного гриба *Podosphaera pannosa* (Wallr.) de Bary на растениях розы гибридной *Rosa x hybrida*hort. БС КФУ им. В.И. Вернадского, %

Интенсивность развития болезни у сорта ImperatriceFarah составила 39%, у RosemaryRose (флорибунда) – 38% (*рис. 3*). Среди устойчивых к заболеванию сортов следует отметить: Lutsige, Kronenbourg, Lavender Melland, Gloria Dei и др.

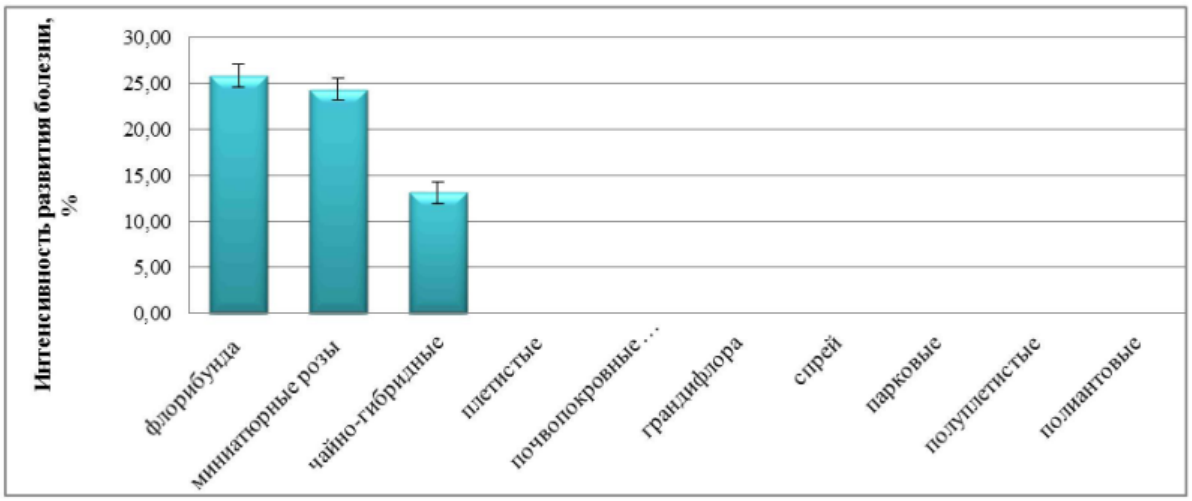

Рис. 3. Интенсивность развития *Podosphaera pannosa* (Wallr.) de Bary на растениях розы гибридной *Rosa x hybrida*hort. БС КФУ им. В.И. Вернадского, %.

В целом, эризифальныегрибыобнаружены нами на 52 видах питающих растений из 25 семейств, двух классов и одного отдела Покрытосеменные.

В ходе проведенных микологических исследований за вегетационные сезоны 2013-2014 гг. на территории БС КФУ обнаружено 34 вида из 9 родов эризифальных грибов. Доминирующими являются представители родов *Erysiphe* (13 видов) и *Golovinomyces* (9 видов), что составляет 65 % от общего числа видов. Исследовано 138 сортов роз, относящихся к 11 садовым группам, расположенных на 27 клумбах и установлено, что роза садовая гибридная (*Rosa* × *hybrida* hort.) на территории экспозиции в значительной степени поражается мучнисторосяным грибом (*Podosphaera pannosa*). Выявлены устойчивые и восприимчивые сорта роз к данному заболеванию, что позволяет рекомендовать данные сорта для городского и приусадебного озеленения в Предгорном Крыму. Полученные данные могут стать

основой для разработки и практического осуществления защитных мероприятий для культивируемых и дикорастущих растений Ботанического сада.

1. Аннотированный каталог растений Ботанического сада Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского /Под. ред. А.И. Репецкой. Симферополь, 2014.
2. Гелюта В.П. Флора грибов Украины. Мучнисторосяные грибы / Отв. ред. И.А. Дудка. К.: Наук. думка, 1989. 256 с.
3. Дзюненко Е.А., Просянникова И.Б. Мучнисторосяные грибы Ботанического сада Таврического национального университета им. В.И. Вернадского // Сб.: Экосистемы Крыма, их оптимизация и охрана, 2008. – № 18. С. 108-111.
4. Ена А. В. Природная флора Крымского полуострова: монография. Симферополь: Изд-во Н. Оріанда, 2012. 232 с.
5. Определитель высших растений Крыма / Под ред. Н.И. Рубцова. - Л.: Наука, 1972. 549 с.
6. Основные методы фитопатологических исследований [под ред. А.Е. Чумакова]. – М.: Колос, 1974. 191 с.
7. Просянникова И.Б., Дзюненко Е.А., Кирпичева Л.Ф. Фитопатогенные микромицеты Ботанического сада Таврического национального университета им. В.И. Вернадского // Сб.: Экосистемы Крыма, их оптимизация и охрана, 2007. № 17. С. 129-134.
8. Репецкая А.И.,Савушкина И.Г., Леонов В.В., Кирпичева Л.Ф. Ботанический сад Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. К: Либідь, 2008. 227 с.
9. IndexFungorumdatabaseofInternationalMycologicalAssociation [Электронныйресурс]. URL: www.indexfungorum.org/Names/names.asp (дата обращения: 11.09.2015).

К ВОПРОСУ О БИОЛОГИИОСТРОМОРДОЙ ЛЯГУШКИ ТОБОЛЬСКОГОИ ВАГАЙСКОГО РАЙОНОВ

Е.Ю. Промоторова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

В Тюменской области остромордая лягушка – обычный вид, распространена повсеместно за исключением отдельных районов Заполярья.

Исследования биоэкологических особенностей остромордой лягушки велись в поймахр. Агитки (с. ТукузВагайскогорайона) и р. Иртыш (окрестности г. Тобольска) в 2013-2014 гг.

Численность изучалась напостоянной маршрутной ленте длиной в 1 километр, шириной в 2 метра. За два сезона 2013-14 гг. было проведено 52 маршрута, из них 26 в июне, и 26 – в июле.

Морфологические особенности исследовали путем взвешивания особей, измерения длины тела и стопы (62 половозрелых особей, 36 сеголетков).

Плодовитость изучалась путем подсчёта икры у половозрелых самок.

Отлов личинок велся через равные промежутки времени: в июне через 1 день, в июле – через два. У личинокопределялись длина и масса, просматривались особенности расположения наружных жабр, прорезыванияпередних и задних конечностей и рассасывания хвоста.

На изучение питания были взяты желудки 32 взрослых особей (из них 15 самцов, 17 самок) и 20 сеголетков.

В районах наших наблюдений остромордая лягушка встречается повсеместно, как в поймах рек Агитка иИртыш, так и в лесах, обычно в березовых колках. Придерживается опушек и пойменных суходольных лугов, не избегает болот (осоковых, сфагновых), но предпочитает пойменные биотопы, где много мелких временных водоемов, высыхающих к августу.

Численность лягушки вВагайском районе колеблется в пределах 1,3-9,7 особей на 1 км^2, в окрестностях г. Тобольска этот вид встречается несколько реже (0,9-6,6 особей на 1 км^2).

Активность «агиткской» остромордой лягушки начинается в более раннее время, первых лягушек мы отмечали в 6 часов утра. В пойме Иртышалягушки появлялись на час позже. Наибольшая активность и тех и других особей регистрировалась в вечернее время (с 20.00 до 22.00 часов). Продолжительность активного периода «иртышских» особей была более длительной (до 2-х часов ночи).

Морфологические особенности остромордой лягушки в районе наших исследований представлены в *таблицах 1-2.*

Табл. 1

Морфологические показатели половозрелых особей

Пол	Длина тела, мм		Длина стопы, мм		Масса, г	
	x±m	σ	x±m	σ	x±m	σ
Пойма р. Агитка						
♀	48,10±0,17*	1,27	30,02±0,08	1,03	8,61±0,03*	0,31
♂	50,21±0,26*	4,38	32,46±0,11*	2,98	10,51±0,07*	0,77
Пойма р. Иртыш						
♀	44,82±0,15	0,59	29,22±1,11	6,21	8,55±0,02	0,12
♂	46,94±0,20	5,62	34,40±0,24	2,87	9,52±0,03	0,29

Прим.: *достоверность отличий при 5% уровне значимости.

Табл. 2

Морфологические показатели молоди остромордой лягушки

Особи	Длина тела, мм	Длина стопы, мм	Длина хвоста, мм	Масса, г
Пойма р. Агитка				
Juv*-сеголетки	11,93(10-14)	9,25 (7-11)	-	3,64(3,0-4,0)
Заканчивающие метаморфозы	13,18(10-15)	7,41 (6-10)	5,38 (4-8)	4,82 (3,0-5,0)
Пойма р. Иртыш				
Juv*-сеголетки	11,21(10-14)	9,20 (8-12)	-	3,27 (3,0-4,0)
Заканчивающие метаморфозы	12,53(10-14)	7,54(6-10)	5,41(4-8)	4,46 (3,0-6,0)

Прим.: * Juv –молодь(особи, не достигшие половой зрелости).

Самки остромордой лягушкииз р. Агитки достоверно отличаются от «иртышских» самок по длине тела и массе, самцы – по всем рассмотренным показателям. Таким образом, в пойме р. Агитка обитают более крупные особи, кроме того, самцы имеют достоверно более длинную стопу.

Интересная особенность отмечается у сеголетков: у тех особей, у которых хвост полностью исчез, длина стопыдлиннее, чем у особей, имеющих крошечный хвост, а вес первых меньше, чем у вторых. Следовательно, с исчезновением хвоста – органа передвижения головастиков – его функция ложится на стопу, которая увеличивается в размерах, а длина тела укорачивается. Линейно-весовые показатели молоди из поймы

р. Агиткинесколько превышают аналогичные параметры«иртышских» особей, однако при сравнении длины стопы особых различий найдено не было.

В районе исследования, как нам удалось выяснить, большинство остромордых лягушек зимует на суше. Нами были обнаружены места зимовки в глубоких канавах, засыпанных листьями (Сузгун, 2014), в разработках песчаных карьеров (окр. Менделеево,2014), в старых норах полевок (с. Тукуз, 2013).

На зимовку в районе исследованияостромордая лягушка уходитво второй–третьей декадах октября. Срок зимней спячки в среднемсоставляет 165-170 суток.Пробуждаются лягушки в пойме р. Агитки в конце апреля - начале мая, в окрестностях Тобольска на 6-8 календарных дней позже.

Плодовой зрелостиостромордая лягушкав пределах Тюменской области достигает на3-м году жизни. В водоемы для размножения самцы и самки идутсразу после пробуждения. Спаривание наиболее интенсивно идет в вечернее время и в первые часы ночи. Температура воды, прикоторой начинается откладка икры составляет 12,0-14,8° С [1].

Весной активность, связанная с процессами размножения, подавляет все другие виды деятельности. Лягушки мало кормятся, у них наблюдается «брачный пост» [2]. После оплодотворения икры некоторые самцы задерживаются в водоёме до 18-25 дней.

Средние показатели плодовитости остромордой лягушкив районе исследования колеблятся не значительно от 1750,3 (пойма Иртыша) до 1820,6 (р. Агитка) Количество икринок в яичникахнапрямую зависит от длины ивозраста, так минимальная плодовитость отмечена у самки длиной 40,0 мм (620 икр.), максимальная –у самкиразмером 52,0 мм(2050 икр.).

Выход личинок из икры происходитчерез 8-10 дней (в зависимости от температуры воды). Выклюнувшиеся головастики имеют длину 5,5-6,5 мм. Вскоре развиваются наружные жабры, очень длинные,ветвящиеся. Личинок с наружными жабрами мы отмечали до 10-13 июня. Сначала у головастиков редуцируются наружные жабры, затем появляются задние, а следом и передние лапы, потомисчезает хвост и в начале июля сеголетки выходят на берег. Личиночное развитие занимает в среднем 60-65 дней, что подтверждают и другие исследователи[1, 2].

Только что метаморфицированныесеголетки имеют длину тела 10-14 мм. В Тобольском и Вагайском районахличинки с такой длиной отмечались как во второйполовине июня 2013 г., так и в первой декаде июля 2014 г.

Как показали исследования,в рационе остромордой лягушки преобладают насекомые (87,9 %), среди которых доминируют прямокрылые (21,8 %), полужесткокрылые (19,4 %) и двукрылые (17,6 %). Меньше встречаются перепончатокрылые и жесткокрылые (соответственно: 15,3 и 13,8 %). Паукообразные, моллюскии мальки рыб занимают в пищевом рационе менее 12,1 %. Накормленность исследуемых лягушекдостаточно хорошая. Средний вес пищевого комка у самца остромордой лягушки составил 2,8г,у самки -3,2 г.

В желудках неполовозрелых особей (1,2 года) и сеголеток преобладал хитин насекомых 55,1%, моллюски – 38,7% и пауки – 6,2 %.

Таким образом, остромордая лягушка, являясь плотоядным видом, питается в основном наземными беспозвоночными, и в биоценозах занимает определенное место не только как биоагент в регулировании численности живых организмов, но и как объект пищи многих видов наземных позвоночных животных.

1. Вартапетов Л.Г., Ануфриев В.М. Остромордая лягушкав притазовской северной тайге// Вид и его продуктивность в ареале.Свердловск, 1984. С. 7-8.

2.Шкатулова А.П., Карасев Г.Л. Видовойсоставичисленностьфоновых видов земноводных и пресмыкающихся Тюменской области// Тез. докл. II Междун. конф. «Безопасность жизнедеятельности в Сибири и на Крайнем Севере». Тюмень, 1997. С. 83-84.

ФАУНА ЖУКОВ-ПЕСТРЯКОВ (COLEOPTERA, CLERIDAE) ТОБОЛЬСКОГО РАЙОНА (ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Е.В. Сергеева
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Жуки-пестряки (Cleridae) распространены преимущественно в тропических и субтропических регионах. В мировой фауне насчитывается около 3500 видов, в России, по последним данным, известно 42 [1].

Большинство представителей семейства – хищники. Взрослые жуки нередко встречаются на цветах, стволах деревьев, личинки – в древесине живых и отмерших деревьев; некоторые живут на трупах и продуктах животного происхождения [2].

На изученной территории семейство представлено довольно бедно и до настоящего времени для региона указывалось три вида [3]. В результате наших исследований обнаружен новый для Тобольского района вид, приведенный в данной работе. Кроме того, дополнены точки сбора ранее отмеченных видов пестряков.

Материал хранится в коллекциях Е. Сергеевой, Д. Галича, а также в музейных фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (сборы К. Самко).

Список видов пестряков (Cleridae)

ПодсемействоClerinaeLatreille, 1802

Thanasimusformicarius(Linnaeus, 1758)

Материал. Окр. г. Тобольска, р. Курдюмка, 09.06.1904, К. Самко – 1 экз.; Тобольский район, окр. д. Абрамова, 06.06.2009, Д. Галич – 2 экз.; окр. г. Тобольска, частный сектор, ул. 1-ая Луговая, на пиломатериале, 23.05.2014, Е. Сергеева – 1 экз.; там же, 30.05.2015, Е. Сергеева – 1 экз.; там же, 27.09.2015, Е. Сергеева – 1 экз.

Биология. Встречаются на хвойных деревьях, преимущественно на соснах и елях. Жуки и личинки питаются короедами.

Распространение. Вся Палеарктика. Населяет всю лесную полосу от Мурманской и Архангельской областей на севере до Якутии, на юг до Каменец-Подольска, Харьковской, Оренбурской и Северо-Казахстанской областей, Алтая, Прибайкалья и Приамурья, лесные районы Крыма и Кавказа.

Thanasimus femoralis Zetterstedt, 1828 (=*rufipes* Brahm, 1797)

Материал. Окр. г. Тобольска, частный сектор, ул. 1-ая Луговая, на пиломатериале, 30.05.2015, Е. Сергеева – 1 экз.

Примечание. Первая находка вида в Тобольском районе. От близкого *T. formicarius*отличается, меньшими размерами, более узким телом, средне - и заднегрудь черные.

Биология. Сходная с предыдущим видом.

Распространение. Европейская часть России, Урал, Сибирь, Кавказ, Казахстан.

Trichodesircutensis(Laxmann, 1759)

Материал. Окр. г. Тобольска, частный сектор, ул. 1-ая Луговая, 07.07.2001, на цветах *Taraxacum*, Е. Сергеева – 1 экз.; там же, 08.06.2007, Е. Сергеева – 1 экз.; окр. г. Тобольска, Панин бугор, березово-осиновый лес, 26.05.2004, Д. Галич – 1 экз.; Тобольский район, окр. с. Абалак, опушка березово-осинового леса, 19.06.2006, Д.

Галич, Е. Сергеева – 2 экз.; Тобольский район, окр. д. Абрамова, 06.06.2009, Д. Галич – 2 экз.; окр. Тобольска, Чувашский мыс, разнотравный луг, 27.05.2010, Е. Сергеева – 1 экз.; окр. г. Тобольска, частный сектор, ул. 1-ая Луговая, 29.05.2015, Е. Сергеева – 1 экз.; там же, 30.05.2015, Е. Сергеева – 1 экз.

Биология. Взрослые жуки обычно встречаются на цветах, часто зонтичных и сложноцветных. Личинки являются паразитами кубышек саранчовых [4].

Распространение. Европейская часть России, Сибирь от Урала до Приморья, север Монголии, Альпы, Карпаты.

Подсемейство Korynetinae Laporte de Castelnau, 1840

Necrobiaviolacea(Linnaeus, 1758)

Материал.Окр. г. Тобольска, Панин бугор, опушка смешанного леса, 04.07.2002, Е. Сергеева – 1 экз.; Тобольский район, окр. с. Абалак, березово-осиновый лес, 13.07.2007, Д. Галич – 1 экз.; окр. г. Тобольска, частный сектор, ул. 1-ая Луговая, 30.05.2015, Е. Сергеева – 1 экз.; окр. г. Тобольска, Чувашский мыс, на трупе собаки, 27.07.2015, Е. Сергеева – 1 экз.

Биология. Жуки встречаются часто на трупах животных, может поражать зерно, шерсть.

Распространение. Космополит

Таким образом, на территории Тобольского района Тюменской области к настоящему времени зарегистрировано 4 вида жуков-пестряков из 3 родов двух подсемейств. Из них *T. femoralis* приведен впервые.

1. МельникИ.В., БерловО.Э., БерловЭ.Я.,ЛобановА.Л. Предварительный список видов пестряков (Cleridae) России. URL: http:www.zin.ru/Animalia/ Coleoptera/rus/dbase32.htm (датаобращения01.01.2015).
2. Рихтер В.А. Жуки-пестряки (Coleoptera, Cleridae) фауны СССР // Труды Всесоюзного энтомологического общества. Т.48. 1961. С. 63-128.
3. Бухкало С.П., Галич Д.Е., Сергеева Е.В., Алемасова Н.В. Конспект фауны жуков южной тайги Западной Сибири (в бассейне нижнего Иртыша). М.: Т-во научных изданий КМК, 2011. 276 с.
4. РубцовИ.А. Факторы, ограничивающие размножение саранчовых в Восточной Сибири // Труды защиты растений Восточной Сибири. Иркутск, 1933. С. 99-144.

ШЕРСТИСТЫЕ НОСОРОГИ ИЗ ОТЛОЖЕНИЙ ТОБОЛА

А.И. Улитко
Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург

Массовые и одиночные находки млекопитающих фауны мамонтовых степей в большинстве своем приурочены к аллювиальным отложениям крупных рек и их притоков. Именно из таких местонахождений известна большая часть находок костных остатков мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов и других крупных млекопитающих этого фаунистического комплекса. Долины и поймы рек с их богатой травянистой и кустарниковой растительностью были в плейстоцене важной кормовой базой для этих животных. Реки же часто были и причиной их гибели во время сезонных паводков и наводнений, под оползнями и при переправах. Быстрое накопление отложений обеспечивало сохранность костных остатков погибших животных. Периодические изменения русла приводили к размыванию и переотложению осадков, сформировавшихся в более ранние периоды, вместе с содержащимся в них костным материалом. Поэтому и в настоящее время на береговом аллювии и на дне рек встречаются одиночные, а иногда и массовые находки костей животных прошлых эпох.

Первые находки млекопитающих мамонтовой фауны из отложений реки Тобол известны с конца XIX века. Это черепа и кости шерстистого носорога, бизона, мамонта, дикой лошади, широкорогого оленя и других млекопитающих. Они поступали в Музей Уральского Общества Любителей Естествознания от местных жителей и промышленников, ведущих хозяйственные работы в этом районе [1, 2].Находки костных остатков этих и других плейстоценовых и голоценовых животных в отложениях Тобола и его притоков известны на протяжении XX века и до настоящего времени. Часть из них хранится в музеях Тюменской, Свердловской и Курганской областей.

Ниже приводится описание и анализ черепов шерстистых носорогов из аллювиальных отложений реки Тобол и его притоков по материалам палеонтологических коллекций Свердловского (n=4) и Курганского (n=5) краеведческих музеев. Черепа шерстистых носорогов Тобольского участка Зауралья сравнивались с черепами из Предуралья, Северного Казахстана,Восточной и юго-востока Западной Сибири. Ранее часть исследуемого материала использовалась при описании шерстистых носорогов Уральского региона [3], но наблюдавшиеся различия в морфологии черепов этих животных из Восточной Европы, Урала и Сибири показали необходимость сравнения их на более локальных участках.

Все описываемые черепа происходят из аллювиальных отложений и найдены либо на дне реки, либо в толще отложений на берегу при земляных работах. Сохранность материала разная, но у всех рассматриваемых черепов в той или иной степени сохранились лицевой и мозговой отделы, что позволило сделать основные промеры. Два черепа относятся к долихокранному морфотипу, остальные могут быть отнесены к долихокранному или брахиокранному типу с большой долей условности. Общая длина черепов взрослых особей от 750 до 800 см. Один череп с не заросшими швами имеет длину 730 см. Кондилобазальная длина в пределах 635 – 674 см. Носовые кости относительно длинные у всех исследуемых черепов и имеют хорошо развитую носовую подроговую мозоль. Лобные подроговые мозоли имеют различную степень изменчивости – от почти не выраженной до полного срастания с носовой мозолью. Передняя часть рострума имеет, как правило, прямоугольную форму с зубовидным выростом в центре и небольшим сужением в начале. Носовые перегородки черепов полностью окостенели. У крупных черепов имеются небольшие выросты периферических частей носовых перегородок, окаймляющих свободные края носовых костей на конце лицевой части черепов. В отличие от них, у черепов шерстистых носорогов из Восточной Сибири эти выросты развиты сильнее, а также имеется большая индивидуальная изменчивость в форме передней части рострума [4]. Промеры длины сохранившегося у семи черепов твердого неба относительно кондилобазальной длины этих черепов близки, индексы в пределах 41-44. Эти показатели больше, чем у черепов из Восточной Европы [3]. Излом носовых костей в основании I-го рога у большинства изучаемых черепов выражен довольно слабо. У двух черепов из Курганского музея седлообразная форма носовых костей, судя по промерам и индексам,выражена сильнее, что сближает их с черепами из Кустанайской области Казахстана [5].Высота черепа над твердым небом в основании первого рога у исследуемых черепов различается незначительно и несколько меньше, чем этот признак у носорогов из Восточной Сибири. Высота носовой части лицевого отдела в области начала зубного ряда варьирует от 200 до 225 мм, высота в области третьего коренного зуба 187-268 мм. У большинства черепов высота верхнечелюстной кости в области второго премоляра меньше высоты ее в области третьего моляра. У таких черепов вторая подроговая мозоль разрастается сильнее. По соотношению высот

верхнечелюстных костей в области начала и конца зубного ряда можно, вероятно, судить о величине второго рога.

В значениях длины зубного ряда наблюдается возрастная изменчивость. У близких по возрасту, судя по сохранившимся зубам, взрослых особей промеры длины зубного ряда варьирует от 221 до 238 мм. Эти значения относительно кондилобазальной длины у них близки. Длина зубного ряда старой, судя по низким коронкам коренных зубов, особи имеет индекс 50,2, тогда как в среднем он равен 34 – 36. Эти признаки меньше, чем такие же признаки у черепов из местонахождений Юго-Востока Западной Сибири [6], и близки по значению к аналогичным признакам у черепов, найденных в западной части Среднего Урала [3].

Еще одним важным признаком является отклонение затылочной кости черепа, а также его форма и размеры. По форме и размерам затылка исследуемые черепа имеют небольшую индивидуальную изменчивость. Ширина на конце затылочной кости варьирует в пределах 187-220 мм, причем преобладают большие значения. Этот признак меньше, чем у черепов носорогов из Юго-Западной Сибири, и сопоставим с таковыми из местонахождений Среднего Урала и Зауралья. В отклонении затылочной кости также имеются индивидуальные отличия. Индексы кондилобазальной длины к общей длинечерепа тобольских носорогов лежит в пределах 84,2-86. Это указывает на среднее отклонение затылочной кости. Значительное отклонение назад затылка у носорогов часто связывают с обитанием их в степных условиях и наоборот, носорогов с черепами, имеющими слабое отклонение назад затылочной кости принято считать лесостепными обитателями.

Изучение черепов шерстистых носорогов из бассейна реки Тобол позволяет сблизить их с носорогами Среднего Урала и Предуралья. Они отличаются меньшими размерами от носорогов из местонахождений Юго-Западной и Восточной Сибири. Комплекс рассмотренных признаков с большой долей вероятности указывает на менее степные условия обитания тобольских носорогов в сравнении с восточными соседями. Сравнение статистическими методами показывает достоверные различия черепов шерстистых носорогов из отложений реки Тобол с черепами из Сибири (T=4,1) и Восточной Европы (T=3,8). Между черепами разных районов Урала, Зауралья и Северного Казахстана статистически значимых различий не наблюдается. Похожие данные были получены и при изучении костей посткраниального скелета шерстистых носорогов Урала [3].

1.Лобанов Д. И. Каталог Музея Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург: Типография В.Н. Алексеева, П.Н. Галина и к°, 1898. 512 с.
2. Квитанционная книга УОЛЕ. Фонды СОКМ. Рукопись.
3.Улитко А. И. О шерстистых носорогах Урала // Памяти Онисима Егоровича Клера: материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С.109-115.
4. Ермолова Н. М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск: Наука, 1978. 222 с.
5. Кожамкулова Б. С. Антропогеновая ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. 149 с.
6. Алексеева Э. В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири. М.: Наука, 1980. 188 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРЕАЛОВ РАСТЕНИЙ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Б.С. Харитонцев[1], А.Б. Харитонцев[2]
[1]Тюменский государственный университет, г. Тобольск
[2]Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск

Биологическая система любого уровня состоит из элементов. Если это приложить к флоре какбиологической системе, то ее элементом является ареал. К отличительным свойствам ареалов можно отнести их непрерывные изменения во времени и пространстве. Скорости таких изменений различны. Иногда они стремительны – ареал может возникнуть в течение одного поколения жизни людей. Об этом свидетельствуют адвентивные виды растений. Нами в 2014-2015 гг. собран ряд таких видов. *Geraniumrotundifolium*L. Вид, собранный в нескольких точках восьмого микрорайона г. Тобольска (27.05.2015), где он формирует жизнеспособные популяции. Для региона не приводится. *Myosotisstricta*LinkexRoemeretSchultes – растения произрастали вместе с *Geraniumrotundifolium*L. Вид, имеет несколько точек местонахождения в Зауралье и на Алтае (Флора Сибири, т. 11). Ранее нами отмечался для окр. п. Сумкино (10.08.2006). Следует отметитьмассовое появление в черте г. Тобольска ряда новых видов для флоры Сибири, произрастающих в европейской части России чаще на песчаных субстратах. Книмотносятся: *Plantago lanceolata* L., *Lotus corniculatus* L., *Lotus ucrainicum* Klokov, *Centaurea jacea* L., *Juncus tenuis* Willd.

*Plantagolanceolata*L. Вид, занесенный в г. Тобольск с почвами, используемыми для реконструкции придорожных полос в восьмом, девятом, одиннадцатом микрорайонах. Успешнообсеменяется, иногда фонирует (посадки у гостиницы «Славянская»). Впервые нами отмечен в 2010 г. *Lotusucrainicum*Klokov. Вид собран на песках вблизи Савинского затона 12.09.2014.*Lotuscorniculatus*L. Массово в некоторых точках микрорайонов города (кольцо у рощи Журавского, обочины дороги у горбольницы №3 и др. – 22.08.2014).*Centaureajacea*L. Растения фонируют на луговинах у микрорайона «Строитель», в таком же количестве растения отмечены вдоль лесной дороги в 0,5 км западнее ст. Абаевская Ярковского района (09.08.2014).*Juncustenuis*Willd. собран на иловатых наносах Тобола в районе Татарских Медянок. В значительном количестве он обнаружен вдоль дороги в районе ст. Абаевская. По данным флоры Сибири (т. 1) вид относится к расселяющимся на восток, начиная с Зауралья.

Возможно, что и *Epilobiumcollinum*C.C. Gmelin в обнаруженных нами местонахождениях (окр. п. Сибиряк Тобольского района – 29.07.2014 и окр. Бегишево Вагайского района – 17.07.2014) имеет адвентивную природу. Вид ранее указывался для Искинского разъезда в окр. Тюмени(Флора Сибири, т. 10).

Значительное место в формировании ареалов видов играет Иртыш. В структуре выделяютценоареал (оптимум-ареал) и субценоареал (пессимум-ареал). Если в ценоареале особи видов произрастают обычно на плакоре, то в субценоареале, занимающем периферические его части, особи вида часто входят в состав экстразональных сообществ в условиях близких к зональным. На коренном берегу Иртыша южных экспозиций формируются в подзоне южной тайги (окр. г. Тобольска) степные сообщества. В их составе (окр. с. Абалак Тобольского района – 25.08.2014, вблизи Иоанна-Введенского монастыря окр. г. Тобольска – 24.08.2015) был собран *Alliumstrictum*L.; на приречных песчаных местах (район ДОЗа г. Тобольска, 22.08.2015) – *Astragalustesticulatus*Pallas. Но особого внимания заслуживает экстразональное сообщество галофитов, отмеченное в черте бывшей ветлечебницы на притеррасном

возвышении в 2 км западнее д. Савино Тобольского района вокруг законсервированной скважины. Склон, незначительно наклоненный к пойме Иртыша, на площади более 1 га оказался полностью засоленным. В середине августа (16.08.2015) при его посещении были собраны: *Solicorniaeuropaea*L.– cop., *Spergulariadiandra* (Guss.) Heldr. et Sart.– cop., *Spergularia marina* (L.) Griseb. – cop., *Tripolium vulgare*Nees – soc., *Puccinelia sp.* – cop., *Atriplex littoralis* L. – cop. По таежным фитоценозам коренного берега Иртыша на юг региона проникают и северные виды. В окр. д. Нижние Аремзяны Тобольского района была собрана жимолость арктическая *Loniceraarctica*Pobed., вблизи д. Жуковка Тобольского района – *Ribesglabellum*(Trautv. etMeyer) Hedl. – 12.08.2015, произрастающая в липняках по коренному берегу Иртыша. Из бассейна Оби монгольский вид *Cimicifugafoetida*L. проникает по берегу Иртыша почти до Тобольска (окр. д. Нижние Аремзяны – 17.07.2014). Иной механизм формирования ареалов на территории Западносибирской равнины характерен для европейских видов, попадающих в данный регион через Урал. Здесь подобные виды формируют фронтальные ареалы, в основном совпадающие с сочетанием климатических факторов, соответствующих их экологии. Нами 2014-2015 гг. были отмечены неморальные виды *Dryopterisfilix-mas* (L.) Schott – пихтарники вблизи д. Денисовка Тобольского района 19.09.2015; *Alchemillaacutiloba*Opiz – суходольный луг у д. Анисимовка Тобольского района; *Elatinetriandra*Schkuhr по дну неглубокого водоема вдоль берега озера п. Менделеево 14.08.2014; *Carexpanicea*L.– на торфянистом лугу вблизи с. Байкалово Тобольского района 30.06.2015; *Carexmontana*L.– на сухих луговых склонахв 0,5 км южнее с. Байкалово Тобольского района 30.06.2015;*Epipogiumaphyllum*(F.W. Schmidt) Sw.– в 10 км южнее с. Байкалово Тобольского района по липнякам вдоль дороги Тюмень-Тобольск 08.08.2015;*Polygonumvolchovense*Tzvel. – по иловатым наносам вблизи спасательной станции (Тобольск) 07.09.2015. Перечисленные виды формируют свои ареалы на территории Западносибирской равнины по- разному и включают три варианта: ареал представлен секторами в Зауралье на площадях, соответствующих направлению проникновения (через Южный или Средний Урал) видов – *Carexmontana*L., *Carexrhizina*Lindbl.;

– ареал состоит из реликтовых островов восточнее Западносибирской равнины и отдельных точечных местонахождений в Зауралье –*Dryopterisfilix-mas* (L.) Schott. Причем точечное местонахождение более позднее по времени формирования по сравнению с островными скоплениями;

– ареал простирается сплошной полосой от Урала до Байкала, являющегося важной флорогенетической границей, разделяющей влияние атлантических (включая Прибайкалье) и тихоокеанских (вместе с Забайкальем) воздушных масс – *Phegopterisconnectilis* (Michx.) Watt и др. Различные ориентации и площади ареалов связаны с разновременностью их формирования.

1. Флора Сибири. В 14 т. – Новосибирск: Наука, 1988 – 1997.

ОСОБЕННОСТИРАСТИТЕЛЬНОСТИЛАНДШАФТОВ ЧИСТОГО БОЛОТА (ОКРЕСТНОСТИТОБОЛЬСКА)

Б.С. Харитонцев[1], М.С. Шарафутдинова[1],А.Б. Харитонцев [2]
[1]Тюменский государственный университет, г. Тобольск
[2]Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск

Чистое болото – уникальное сочетание ландшафтов, сформированное в непосредственной близости к Тобольску и представляющее собой громадное чашеобразное понижение(диаметр несколько десятков километров), ограниченное коренными берегами Тобольского материка. Ландшафты Чистого болота имеют длительную историю формирования, которая подтверждается геологическими, гидрологическими, зоологическими, ботаническими и др. свидетельствами. Сложное строение фитостромы ландшафта болота – подтверждениевыше изложенному. В орографическом отношении ландшафты с определяющей составляющей– растительностью формируются на склонах коренного берега (высота до 100 м), обрамляющих понижение и выровненной центральной заболоченной частью.

Растительность на склонах включает два варианта: сообщества коренного берега и сообщества логов – оврагов, эрродирующих его. Склоны оврагов значительной крутизны обычно северной и южной экспозиции, по экологическим критериям соответствуют элювиальным катенным позициям с остепненными сообществами, где произрастают *Pulsatillaflavescens – sp., Astragalusdanicus – cop., Trifoliumlupinaster – sp., Eremogenesaxsatilis –sp.* и др. (окр. Денисовки Тобольского района).Северные склоны таких оврагов отличаются формированием типично таежных сообществ с *Carexmacroura – soc., Aconitumseptentrionale – sp., Galiumtriflorum – sp., Violaselkirkii – sp.* и др. Редкая ассоциация (*Tiletumpolypodiosum*) описана по крутому северному склону оврага, прорезающего коренной берег болота у д. Михайловка Тобольского района), где произрастали *Diplaziumsibiricum – soc., Phegopterisconnectilis – sp., Pulmonariamollis – sp.* и др. По днищу таких оврагов протекают ручьи с редкими для Западной Сибири заболоченными ольхово-пихтовыми лесами с массовым произрастанием *Humuluslupulus – cop., Solanumkitagawe* – sp., и др. На плакорных участках коренного берега встречаются папоротниковые пихтарники с довольно значительным обилием таежных видов: *Cinnalatifolia – sp., Schizachnecallosa – cop., Carexmacroura –cop., Dryopterisassimilis – sp., Dryopteriscarthusiana – sp., Athiriumfilix – femina – sp., Gymnocarpiumdryopteris – sp.* и др. Ассоциации как плакорных участков коренного берега, так и транзитных позиций склонов отличаются существенной эдификаторной ролью *Tiliacordata*. Отмечены как чистые липняки, так и смешанные с пихтой (неморальные пихтарники, бореализированные липняки), с березой и осиной, реже с сосной. Так вблизи ТЭЦ «Северная» описан производный липняк с формулой древостоя 7Л1Б1О1С, возникший на месте первичного сосняка с массово произрастающим видом *Lathyrushumilis* (верный вид травянистых сосняков). На транзитных позициях склонов коренного берега, а также в экотонной полосе между транзитной и элювиальной позицией широко представлены липняки. Подобные ассоциации с неморальными видами (*Daphnemezereum, Actaeaspicata, Lamiumalbum* и др.) включают и немало бореальных видов (*Cinnalatifolia, Schizachnecallosa, Carexmacroura, Lycopodiumannotinum*и др. – окр. д. Клепаловой Тобольского района).

Переход от транзитной к аллювиальной позиции склонов нерезкий. Определяющим фактором такого перехода является глубина стояния грунтовых вод. В данной полосе выделены следующие урочища: А – ерник (заросли *Betulanana* + *Carexsp.*); Б – древесное березово-осоко-сфагновое болото с кочкарными осоками; В –

болотистый сосновый лес с кочкарными осоками; Г – еловый травяно-хвощевый заболоченный лес; Д – незаболоченный пихтовый лес с обилием папоротников и мелких осок (перечисление дано в направлении от центральной части к коренному берегу). Ниже приведены фрагменты видовых комплексов для урочищ, начиная от травяно-хвощевого заболоченного ельника: *Carexdisperma* – sp., *Carexredowskiana* – *cop.*, *Dacthylorhizamaculata* – *cop.*, *Malaxismonophyllos* – *sp.*, *Listeraovata* – *sp.*, *Rubushumulifolius* – *sp.* и др. В болотистом сосняке с кочкарными осоками отмечены *Carexcaespitosa* – *sp.*, *Dianthussuperbus* – *cop.*, *Bistortamajor* – *sp.*, *Equisetumscirpoides* – *cop.*, *Gymnodeniaconopsea* – *sp.*, *Rubusarcticus* – *cop.* и др. В древесном березово-осоковом болоте (заболоченном березняке) произрастают*Carexappropinquata* – *sp.*, *Carexdiandra* – *cop.*, *Menyanthestrifoliata* – *cop.*, *Cypripediumcalceolus* – *sp.*, *Corallorhizatrifida* – *cop.*, *Thelypterispalustris* –*cop.* и др. Обилием орхидных отличается ерниковое болото. Здесь отмечены *Herminiummonorchis* – *sp.*, *Cypripediummacranthon* – *sp.*, *Dacthylorhizacruenta* – *sp.* и др. Этот ряд сообществ содержит ассоциации с элементами реликтовости. О реликтовости (время возникновения – плейстоцен) свидетельствуют находки в комплексе видов, оторванных в настоящее время от основного ареала на сотни километров: *Ranunculuslapponicus, Geraniumkrylovii, Rumexaquaticusssp. protactus*и др. Данный комплекс совмещает в себе ряд признаков плейстоценовых сообществ, что говорит о важном флорогенетическом значении сообществ и подтверждает историческую ценность фитостромы ландшафтов Чистого болота.

Отличительная черта плейстоценовых сообществ – экологическая и систематическая пестрота (Крашенинников, 1939; Ревердатто, 1940, Горчаковский, 1969). Эта черта присуща также описываемым сообществам. Так на открытых болотах вместе с *Betulanana* растет *Dianthussuperbus, Saxifragahirculus*. На древесном болоте рядом с *Betulapubescens* встречается *Triglochinmaritima, Bistortamajor* на фоне из *Oxyccocuspalustris*. В ельнике *Lathyrusvernus* растет вместе с *Rubusarcticus*, в сосняке *Platantherabifolia* соседствует с *Ledumpalustre*.

Плейстоценовый ритм (Гричук, 1961) состоит из четырех фаз: криоксеротической (ККс), криогигротической (КГ), термогигротической (ТГ) и термоксеротической (ТКс). Можно предположить, что в характеризуемом комплексе, также состоящем из четырех растительных группировок, каждой фазе плейстоценового ритма соответствует определенное сообщество в следующей последовательности:открытое болото (ККс) → древесное болото (КГ) → болотистый сосновый лес(ТГ) → заболоченный еловый лес (ТКс).

Такой порядок смены сообществ в плейстоценовом комплексе подтверждается возрастанием доли осок в сложении растительного покрова сообществ в зависимости от чередования ксеротической или гигротической фаз: открытое болото – 2 вида (Ксер.) → древесное болото – 4 вида (Гигр.) → болотистый сосновый лес – 8 видов (Гигр.) → заболоченный еловый лес – 3 вида (Ксер.).

Интересно сравнить жизненные формы осок в этом ряду. В еловом лесу с мощным моховым покровом доминируют корневищные или дерновинно-корневищные осоки с корневищами в моховом ярусе. Кочкарные осоки встречаются только в болотистом лесу и древесном болоте, в зарослях ерника фонируют корневищные виды. Кочкарность позволяет поднять живые вегетирующие части осок от поверхности земли, тем самым защитить их от затопления. Поэтому мы считаем, что наличие кочкарных осок свидетельствует о причинной связи: гигротическая фаза → древесное болото, болотистый лес, где кочкарные осоки доминируют.

Кроме этого, подтверждением такой смены сообществ служит уменьшение участия папоротников и хвощей в травянистом покрове сообществ в зависимости от их

термоморфности: пихтовый незаболоченный лес – 8 видов; еловый заболоченный лес – 5 видов; болотистый сосновый лес – 4 вида; березовое осоково-сфагновое болото – 2 вида; открытое болото – хвощи и папоротники отсутствуют.

Совместное существование сообществ в комплексе привело к рецентным смещениям видов, способных произрастать в нескольких фитоценозах, но с наибольшей активностью только в одном из них (он взят в скобки). *Rumexaquaticusssp. protactus*: (открытое болото) – древесное болото – болотистый лес. *Bistortamajor*: открытое болото – древесное болото – (болотистый лес). *Cypripediummacranthon*: древесное болото – (болотистый лес). *Carexappropinquata*: (древесное болото) – болотистый лес. *Lathyrusvermus*: (пихтовый лес) – заболоченный лес – болотистый лес.

Наличие таких перемещающихся видов свидетельствует о генетических связях между сообществами в комплексе, а также о механизмах их формирования – специогенетическом в рядах: первом – открытое болото – древесное болото – болотистый лес и втором – пихтовый лес – заболоченный ельник – болотистый сосновый лес.

1. Горчаковский П.Л. Основные проблемы исторической фитогеографии Урала. Свердловск: УФАН, 1969. 286 с.
2. Гричук М.П. Основные черты изменения растительного покрова Сибири в течение четвертичного периода // Палеогеография четвертичного периода СССР. М., 1961. С. 190–205.
3. Крашенинников И.М. Основные пути развития растительности Южного Урала в связи с палеогеографией северной Евразии в плейстоцене и голоцене // Сов. ботаника. 1939. № 4. С. 67–99.
4. Ревердатто В.В. Основные моменты развития послетретичной флоры средней Сибири // Совет. ботаника. 1940. № 2. С. 48–68.

К КАДАСТРУ ЖЕСТКОКРЫЛЫХ БУКОВИНЫ – СЕМЕЙСТВО CERAMBYCIDAE (COLEOPTERA)

К.Н. Хлус[1], Л.Н. Хлус[2]
[1]Буковинский государственный медицинский университет,
[2]КП ЧОЦЕНТУМ, г. Черновцы

Общеизвестна тесная связь усачей, или дровосеков (Coleoptera: Cerambycidae), с растительными ассоциациями, что определяет их негативную роль в хозяйственной деятельности человека из-за ослабления жизнеспособности древесных растений, снижения сортности древесины и продуктивности культурных насаждений; наконец, вследствие повреждения деревянных строений и мебели.

Наряду с этим, фаунистические комплексы усачей могут быть использованы как своеобразные биоиндикаторы состояния окружающей среды. Последнее обусловлено существованием закономерности, согласно которой при наступлении неблагоприятных условий сначала исчезают экологические группировки этих насекомых, и лишь затем наступают негативные изменения соответствующих растительных компонентов биотопов. Таким образом, при наступлении сукцессий элиминация многовидовых сообществ усачей значительно опережает элиминацию растительных ассоциаций.

В то же время, систематические исследования видового состава, особенностей трансфазного развития, географии и биотопического распределения усачей на территории Буковины (Черновицкая обл., Украина), характеризующейся высоким уровнем развития лесной промышленности, до настоящего времени не проводились. Широкий спектр ландшафтов и выраженная вертикальная зональность предопределяют

существенную неоднородность растительных сообществ и, как следствие, значительное видовое разнообразие жуков данного региона. В настоящем сообщении приводятся данные по видовому составу и некоторым экологическим преферендумам усачей, собранных в течение 1999-2015 гг. в стациях, расположенных на Хотинской и Черновицкой возвышенностях, в парках и на околицах г. Черновцы, а также в отдельных пунктах на территории Хотинского, Новоселицкого, Сторожинецкого и Герцаевского административных районов.

Придерживались системы и номенклатуры надвидовых таксонов Coleoptera по С.О. Негробову [1].

Всего собраны и идентифицированы представители 48 видов, принадлежащих к 30-ти родам, представляющим 5 подсемейств:

Подсемейство Prioninae: *Prionus coriarius* L.

Подсемейство Lepturinae: *Rhagium inquisitor* L., *Rh. sycophanta* Schrnk., *Rh. mordax* Deg., *Rhamnusium gracilicorne* Thery, *Acmaeops collaris* L., *Allosterna tabacicolor* Deg., *Anoplodera (Leptura) rubra* L., *A. sexguttata* F., *A. livida* F., *A. scutellata* F., *A. unipunctata* F., *Leptura (Strangalia) thoracica* Creutz., *L. aurulenta* F., *L. quadrifasciata* L., *L. maculata* Poda, *L. arcuata* Pz., *L. melanura* L., *L. bifasciata* Mull.

Подсемейство Aseminae: *Spondylis buprestoides* L.

Подсемейство Cerambycinae: *Cerambyx cerdo* L., *Aromia moschata* L., *Hylotrupes bajulus* L., *Callidium violaceum* L., *Phymatodes testaceus* L., *Clytus arietis* L., *Plagionotus arcuatus* L., *Chlorophonus varius* Mull., *Ch. herbsti* Brahm., *Ch. figuratus* Scop., *Ch. sartor* Mull.

Подсемейство Lamiinae: *Dorcadion fulvum* Scop., *D. pedestre* Poda, *D. holosericum* Kryn., *Morimus funereus* Muls., *Lamia textor* L., *Monochamus urussovi* Fisch., *Mesosa curculionoides* L., *Leiopus nebulosus* L., *Acanthocinus aedilis* L., *Anaesthetis testacea* L., *Exocentrus adspersus* Muls., *Saperda carcharias* L., *Adapanthia villosoviridescens* Deg., *Oberea oculata* L., *Stenostola ferrea* Schrnk., *Phytoecia icterica* Schall., *Ph. nigricornis* F.

Большая часть обнаруженных видов ассоциирована с лесными биотопами. При этом трофическими связями исключительно либо преимущественно с лиственными породами характеризуется около 35 из них (73 % общего списка усачей). Среди представителей упомянутой трофической группы есть как довольно строгие монофаги (например, *Cerambyx cerdo*, развивающийся на дубе), так и олигофаги, поселяющиеся на нескольких, обычно родственных видах деревьев, а также полифаги. Так, *Aromiamoschata*, *Lamiatextor*, *Saperdacarcharias*, *Obereaoculata* отдают предпочтение комплексу древесных пород из семейства Salinaceae – иве, осине, тополю; *Prionuscoriarius*, *Phymatodestestaceus*, *Plagionotusarcuatus* заселяют дуб, бук, граб, ильм; *Lepturathoracica*, *L. quadrifasciata*, *Chlorophonus*sp. кормятся на липе, клене, рябине, черемухе, ольхе, осине, иве и других видах.

Фаунистические комплексы усачей, использующие в качестве кормовых растений хвойные породы, включают 7 видов, среди которых встречаются монофаги, предпочитающие сосну, и олигофаги, развивающиеся, наряду с сосной, также на ели и пихте – *Callidium violaceum*, *Spondylisbuprestoides*, *Rhagiuminquisitor*, *Anoploderarubra*, *Clytusarietis*, *Monochamusurussovi*, *Acanthocinusaedilis*. Несколько видов способны использовать древесину и лиственных, и хвойных деревьев: *Allosternatabacicolor*, *Lepturaarcuata*, *L. bifasciata*. С травами тесно связано 6 видов (12,5 %) из родов *Dorcadion*, *Agapanthia*, *Phytoecia*; в то же время, имаго и некоторых других родов (*Anoplodera*, *Acmaeops*, *Leptura*, *Aromia*) нередко посещают цветки розоцветных, сложноцветных, зонтичных и других травянистых растений.

1. Негробов С.О. Иллюстрированный определитель семейств жуков Европейской части России. Воронеж: Воронежскийгосуниверситет, 2005. 94 с.

ВИТАЛИТЕТНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА *ALLIUMMICRODICTYON* В ЛИПНЯКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

М.С.Шарафутдинова
Тюменский государственный университет, г. Тобольск

В последние годы при исследовании ценопопуляций редких видов растений, образующихрастительное сообщество, широко используется популяционный подход. Одной из главнейших диагностических характеристик популяционного уровня в оценке общего состояния популяций является виталитетная и возрастная структура популяций.

В связи с этим целью нашего исследования было выявление виталитетной и онтогенетической структуры ЦП*Alliummicrodictyon*Prokh. в двух липняках. Краткая характеристика изученных ценопопуляций влипняках Тобольского района юга Тюменской области приведена ниже.

Ценопопуляция 1 (ЦП1).Древостой (6Л2Б1О1Е, сомкнутость крон 0,7) представлен *Tiliacordata*Mill.,*Betula pendula* Roth.,*Populustremula*L.,. *Picea abies* (L.) Karst., *Sorbus sibirica* Hedl.. Кустарниковый яруссостоит *Rosa acicularis* Lindl.,*Lonicera xylosteum* L., *Viburnum opulus* L.. В травяном ярусе (ОПП около 60%) встречаются:*Aegopodiumpodagraria*L., *Stellariaholostea*L., *Rubussaxatilis*L., *Carexrhizina*BlyttexLindbl., *Majanthemumbifoliun* (L.) F. M. Schmidt., *Viciasepium*L., *Geraniumsylvaticum*L., *Pyrolarotundifolia*L., *Lathyrusvernus* (L.) Bernh., Lilium martagon L., *Calamagrostis arundinacea* (L.) Roth, *Viola mirabilis* L., *Trientalis europaea* L., *Athyrium filix-femina* (L.) Roth., *Thalictrum minus* L., *Equisetum scirpoides* Michx., *Cirsium heterophyllum* (L.) Hill, *Melampyrum sylvaticum* L., *Oxalis acetosella* L., *Carex digitata* L., *Cypripedium calceolus* L.Проективноепокрытиемохового яруса–5%. Плотностьценопопуляции*AlliumMicrodictyon* Prokh. – 4,1 особейвм^2.

Ценопопуляция 2 (ЦП2).Древесныйяруспредставлен*Tilia cordata* Mill.,*Abies sibirica* Ledeb.,*Pinus sibirica* Du Tour or (Loudon) Mayr..Формула древостоя – 6Л4П. Сомкнутость крон- 0,6. Кустарниковый ярус состоит*Rubusidaeus*L. . Проективное покрытие травяного яруса – 70%.Встречаются следующие виды в травяном ярусе: *Adoxamoschatellina*L., *Athyriumfilix-femina* (L.) Roth., *Carex macroura* Meinsh. s. str.,*Rubus saxatilis* L., *Gymnocarpium dryopteris* (L.) Newm., *Lathyrus vernus* (L.) Bernh., *Stellaria holostea* L., *Oxalis acetosella* L., *Lycopodium annotinum* L., *Calamagrostis epigeios* (L.) Roth., *Stellaria bungeana* Fenzl., *Majanthemum bifoliun* (L.) F. M. Schmidt., Circaea alpina L., *Equisetum sylvaticum* L., Milium effusum L., *Viola mirabilis* L., *Aegopodium podagraria* L., *Actaea spicata* L., *Dryopteris filix-mas* (L.) Schott., Pulmonaria dacica (Simonk.) Simonk., Aconitum septentrionale Koelle., *Viola selkirkii* Pursh ex Goldie.Проективное покрытие мохового яруса –10 %. Плотность ценопопуляции*AlliumMicrodictyon*Prokh. – 3,4 особейвм^2.

Для определения виталитета двух ценопопуляций пользовались методом многомерного подхода, предложенного Ю. А. Злобиным [3]. Вкачестве статических морфометрических признаков были взяты следующие признаки: длина и ширина листа, диаметр и длина корневища. Затем данные ранжировались согласно методике Ю. А. Злобина в три группы особей (крупные – a, средние – b и мелкие – c). По преобладаниюодной из групп ($Q = (a + b)/2 > c$; $Q = (a + b)/2 = c$; $Q = (a + b)/2 < c$) делался вывод о виталитете (жизненности, качестве) популяции. С целью более точного определения степени виталитетного типа использовалось отношение, предложенноеИшбирдиным, Ишмуратовой [4].

Тип ценопопуляции на основе критерия максимума возрастного распределения определялся по Л.А. Жуковой, И.М. Ермаковой, О.В. Смирновой [4;5]. При подсчете энергетической эффективности ценопопуляции и определении индекса возрастности использовались показатели возрастности по А.А. Урановуи эффективности по Л.А.Животовскому. [1;6]. Классификация ценопопуляции исследуемого вида, основанная на совместном использовании индексов возрастности и эффективности, проводилась по Л.А. Животовскому. Выделение возрастных состояний растений (проростки pl, имматурные im, виргинильные v, молодые генеративные g1, средневозрастные g2 и старые генеративные g3, субсенильные ss, сенильные s и отмирающие cs растения) и возрастных спектров проводили по общепринятой методике. За единицу отсчета приняты отдельные особи вегетативного или семенного происхождения.

Для оценки виталитетного состояния изучаемых ценопопуляций использовались 4 параметра: длина и ширина листа, диаметр и длина корневища. Результаты отражены в *табл. 1.*

Табл. 1

Виталитетная структура 2 ценопопуляций черемши

№ ЦП	Признаки	Доля особей по классам виталитета			Q	I_Q	Виталитетный тип
		a	в	c			
1	Длина	0,28	0,49	0,23	0,39	1,7	Процветающий
2	листа	0,26	0,50	0,24	0,38	1,6	Процветающий
1	Ширина	0,08	0,46	0,46	0,27	0,59	Депрессивный
2	листа	0,09	0,44	0,47	0,27	0,56	Депрессивный
1	Высота	0,17	0,37	0,46	0,27	0,58	Депрессивный
2	стебля	0,17	0,38	0,46	0,27	0,58	Депрессивный
1	Диаметр	0,10	0,20	0,70	0,15	0,21	Депрессивный
2	стебля	0,23	0,50	0,27	0,37	1,35	Процветающий

*Прим.: a – крупные, в – средние, с – мелкие, Q – показатель качества, I_Q– степень процветания.

Как видно из данных*табл. 1*, по всем выбранным параметрам состояние изученных ценопопуляций вызывает некоторыеопасения, так как они относятся в основном к депрессивнымтипам виталитета. Наибольшеепроцветание определено по параметрам длины листа в двух ценопопуляцияхипо диаметру стебля в ЦП2. Снижение уровня виталитета здесь можно рассматривать как защитный механизм преодоления конкуренции и поддержания численности ценопопуляций. Определение жизненностиподтверждает, что наиболее благоприятные условия для развития особей этих видов складываются в пределах ненарушенных фитоценозов с довольно задернованными почвами, но низким уровнем межвидовой конкуренции и антропогенной нагрузки. В то время как совместное действие комплекса стрессирующих экологических факторов (повышение напряженности конкурентных отношений, антропогенного давления, низкий уровень освещенности) приводит к проявлению признаков депрессивности. Лабильность жизненной формы видов дикорастущих луков связана с интенсификацией роста корневищ, распада дерновины и расхождения отделившихся партикул, активизацией, или, напротив, ослаблением вегетативного размножения. Основными внешними факторами, определяющим данные процессы, являются степень подвижности и характер субстрата, уровень межвидовой конкуренции в фитоценозе.

Оценка виталитетного типа изучаемых ценопопуляций с использованием отношения I_Q, предложенного А.Р. Ишбирдиным и М.М. Ишмуратовой [4], выявила некоторые закономерности: по некоторым параметрам ценопопуляции относятся к процветающему типу. Степень отклонения IQ значения признака от единицы наименьшая в случае дм стебляв ЦП1(*табл. 1*). Наибольшая степень отклонения IQ от единицы зафиксирована по отношению к количественным показателям вегетативной сферы исследуемых растений (длина листа –ЦП1 (I_Q =1,7), ЦП2 (I_Q =1,6) и диаметр стебля в ЦП2 (I_Q =1,35).

Возрастные спектрыисследованных нами ЦП вида *A. microdictyon* представлены двухвершинной кривой с абсолютным максимумом на проростков, ювенильной и виргинильной группах и характеризуется накоплением молодых растений прегенеративного периода, доля которых составляет от 67,56 % (в ЦП2) до 74,99 % (в ЦП1) (*табл. 2*).

Табл. 2

Возрастная структура ценопопуляций Alliummicrodictyon

№ ЦП	Возрастные группы, %								
	От общего числа, %								
	p	j	im	v	g_1	g_2	g_3	ss	s
ЦП1	25,00	16,67	11,11	22,21	2,78	5,56	2,78	11,11	2,78
ЦП2	10,81	18,92	13,51	24,32	2,70	8,11	2,70	13,52	5,41

Например, высокое участие проростков (25 %), ювенильных (16,67 %) и виргинильных(22,21 %) растенийв ЦП1, что, с одной стороны, может быть объяснено высокой приживаемостью проростков.

Задержка развития на этапе подготовки к формированию генеративного побега в условиях фитоценоза наряду с вегетативным размножением, характерным уже для имматурных растений, может также объяснить преобладание в возрастном спектре виргинильной группы (24,32%) и одновременно определяет минимальные показатели индексов восстановления (5,00) и замещения (2,08) (*табл. 3*).

Табл. 3

Демографические показатели ценопопуляций черемши

№ ЦП	Δ	ω	Iв	Iз	дельта-омега
ЦП1	0,2	0,3	6,75	3	молодая
ЦП2	0,3	0,3	5,00	2,08	молодая

*Прим.: Δ – индекс возрастности, ω – индекс эффективности, Iв, Iз – индексы восстановления, замещения.

По критерию абсолютного максимума, учитывая низкие индексы Δ (0,3) и ω (0,3), а также преобладание в возрастном спектре молодых групп и малую численность ценопопуляции, ей возможно присвоить категорию молодой. Значительная задернованность почвы приводят к обострению конкурентных отношений в фитоценозе, что, вероятно, негативно сказывается на выживаемости наиболее молодых особей и определяет понижение уровня представленности в возрастном спектре ювенильных (16,67 %), имматурных (11,11 %) и виргинильных(22,21 %) растений. Одновременно взаимное угнетение, вероятно, является основным фактором накопления в ценопопуляции 1 проростков, доля которых составляет более четверть от общего числа растений, что определяет более высокие показатели самоподдержания (Iв = 6,75;Iз = 3).

Интенсивное накопление прегенеративной фракций в ценопопуляциях показывает способность ксамоподдержанию, что определяет способность растений прегенеративного периода восстановить в полной мере генеративную фракцию после ее отмирания.

Задачи выявления и изучения редких и исчезающих видов флоры с целью мониторинга изменений среды особенно значимы и актуальны в настоящее время. Данные о распространении и состоянии ценопопуляцийредкого вида *Alliummicrodictyon* для Тюменской области могут послужить основой для организации постоянного мониторинга окружающей среды и принятия необходимых мер охраны.

Как показали данные промеров и подсчетов, виталитет по двум показателям(Q и I_Q)обоихценопопуляций Alliummicrodictyonпо основной массе признаков – низкий, и они относятся к дерпессивным популяциям.

Возрастные спектрыЦП*A. microdictyon* представленыв основном проростками, ювенильными и виргинильными группами и они причислены к молодым по классификации «дельта-омега».

1.Животовский Л.А. Онтогенетические состояния, эффективная плотность и классификация популяций растений //Экология. 2001. № 1. С. 3-7.

2. Жукова Л. А., Ермакова И. М. Изменение возрастного состава луговика дернистого на пойменных и материковых лугах Московской области // Онтогенез и возрастной состав цветковых растений. М., 1967. С. 114-131.

3.Злобин Ю. А. Структура фитопопуляции // Успехи современной биологии. 1996. Т. 116. Вып. 2. С. 133–146.

4.Ишбирдин А. Р., Ишмуратова М. М., Жирнова Т. В. Стратегии жизни ценопопуляции Cephalanthera rubra (L.) Rich. На территории Башкирского государственного заповедника // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского: матер. Всерос. Популяционного семинара «Популяции в пространстве и времени». 2005. С.85-98.

5.Смирнова О. В., Тимченко В. Н., Черемушкина В. А. Поведение видов и структура синузии эфемероидов лесов «Липового острова» // Бюл. Моск. о-ваиспытателей природы.Отд. биол.1985. Т.90.Вып.2. С. 3-15;

6.Уранов А. А. Возрастной спектр фитоценопопуляции как функция времени и энергетических волновых процессов //Биологические науки. 1975. № 2. С. 7-33.

РАДИАЦИОННОЕ И ХИМИЧЕСКОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

РАЗЛИЧИЕ ВИДОВ РАСТЕНИЙ ПО НАКОПЛЕНИЮ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ

С. А. Бекузарова, О. П. Козаева
Северо-Кавказский научно-исследовательский институт горного и предгорного сельского хозяйства, г. Владикавказ

Все основные циклы миграции тяжелых металлов (ТМ) в биосфере начинаются в почве, потому что именно в ней происходит мобилизация металлов и образование различных миграционных форм. Поступающие в почвы тяжелые металлы, как показывают исследования, имеют весьма продолжительный период удаления.

Проблема загрязнения растений ТМ вследствие интенсивного развития промышленности и автотранспорта обостряется еще и в связи с тем, что почва является не единственным источником поступления их в растения. ТМ могут поступать из атмосферы. Загрязнение растений атмосферным кадмием составляет 20-60 % от всего содержания кадмия в растении. Поступивший атмосферный кадмий может передвигаться по всему растению. Свинец в растения, в основном, поступает через корни, тем не менее, он способен поглощаться и через листья. Накопление атмосферного свинца у растений вблизи автомобильных дорог может достигать 40 % от его количества в растениях. Основное количество свинца сосредоточено в вегетативных органах, тогда как в репродуктивных органах накапливается 4-7 % от его количества в растениях.

ТМ нарушают нормальный ход биохимических процессов, влияют на синтез и функции многих активных соединений: ферментов, витаминов, пигментов. При высоких концентрациях ТМ (кадмий, свинец, медь, цинк) происходит снижение количества хлорофилла. ТМ также снижают поступление железа у ряда растений (клевер, салат, ячмень). Под действием ТМ снижается содержание фосфора, кальция, магния в растениях.

В современных условиях загрязнение окружающей среды ТМ – вопрос стабильности качества урожая – приобретает определенный смысл, который трактуется в возможности получения растениеводческой продукции, пригодной в пищу человека. Повышение количества ТМ в продукции растениеводства создает опасность для здоровья человека и животных.

Тяжелые металлы накапливают не только культурные растения, но и сорные.

За долгий период существования среди культурных растений сорняки приобрели многие морфологические и биологические особенности, очень сходные с культурными растениями.

С целью изучения ТМ в растениях сбор осуществляли на экспериментальной базе СКНИИГПСХ в ОПХ «Михайловское».

ОПХ «Михайловское» находится в предгорной зоне и входит в подзону достаточного увлажнения.

Почвенный покров подзоны представлен черноземами предкавказскими выщелоченными и лугово-черноземными почвами, подстилаемые галечником на глубине 25-80 см, местами галечник выходит на поверхность почвы. По низким

террасам – луговые и аллювиально-луговые дерновые почвы. Выщелоченные черноземы и лугово-черноземные почвы в верхнем горизонте содержат 6-7 % гумуса.

Почвы выщелочены от легкорастворимых солей. Карбонаты калия и магния находятся за пределами почвенного профиля на поверхности галечника в виде пленки. Поэтому почвы рассматриваемой подзоны слабокислые (pH=5,5-6,0).

Таб. 1

Содержание ТМ (в мг/кг) в зеленой массе растений

Название	Fe	Mn	Zn	Co	Cu	Ni
Лен (linum usitatisium L. var intermedia Vav. et Ell.)	820,0	91,0	149,0	2,3	13,9	5,9
Люпин (Lupinus albus L.)	265,0	194,0	233,0	3,1	13,2	6,8
Календула (Calendula officinalis)	703,0	116,0	413,0	2,7	22,7	7,0
Могар (Setaria 78talic (L) P. Beauv. subsp. Italicia)	147,0	35,0	110,0	1,2	4,7	7,3
Амарант (Amarantus L.)	484,0	72,0	212,0	2,4	15,8	3,6
Никандра (Nicandra physalo)	297,0	136,0	770,0	2,5	12,6	6,4
Люцерна (Medicado Sativa L.)	321,0	102,0	86,3	1,60	13,6	11,04
Клевер (Trifolium platense L.)	252,0	31,8	168,6	1,5	11,7	13,8
Амброзия (Ambrosia artemifolisia L.)	144,0	29,2	271,4	0,97	11,3	9,9
Крапива (Urtica dioica)	301,0	39,0	243,0	4.1	17,6	5,2
ПДК	250	38	30	0,6	10	2,5

По механическому составу выщелоченные черноземы и лугово-черноземные почвы средне- и тяжелосуглинистые. Эти почвы, в связи с малой мощностью, обладают небольшой влагоемкостью, часто провальной водопроницаемостью. Равновесная объемная масса верхнего горизонта колеблется в пределах 1,11-1,12 г/см3. Несмотря на достаточное увлажнение из-за малой влагоемкости почв и провальной водопроницаемости, основным ограничивающим фактором их плодородия является недостаток почвенной влаги. Элементами минерального питания рассматриваемые почвы достаточно обеспечены, но на внесение органических и минеральных удобрений сельскохозяйственные культуры реагируют хорошо. Так, содержание гумуса в верхнем горизонте колеблется в пределах 4,41-6,03 %, запасы азота – 0,17-0,30 %, фосфора – 0,12-0,26 %, калия – 1,73-1,61 %.

Исследовали следующие виды растений: лен, люпин, люцерна, клевер, календула, могар, амарант, никандра, а также сорные: амброзия полыннолистная и крапива двудомная (см. *табл.*).

Результаты исследований сравнивали с предельно допустимой концентрацией ТМ (ПДК).

Как показывают данные таблицы, во всех образцах исследуемых растений наблюдалось превышение по цинку, кобальту и никелю. При этом максимальное количество цинка было зафиксировано в зеленой массе никандры (770 мг/кг) и превышало ПДК в 25,7 раза. Минимальное количество цинка было отмечено у люцерны (86,3 мг/кг). Уровень концентрации кобальта у крапивы был максимальным и превышал ПДК в 6,8 раза, в отличие амброзии, у которой этот показатель был минимальным. Завышенное количество никеля было обнаружено в клевере, где превышение ПДК было в 5,5 раза, меньше всего никеля было отмечено в амаранте. Большое количество железа было зафиксировано в зеленой массе льна и превышало ПДК в 3,28 раза, у могара и амброзии было отмечено низкое количество этого элемента и не превышало ПДК, при этом амброзия накапливает меньше железа, чем могар. Превышение ТМ также наблюдалось по меди и марганцу. Максимальное количество

меди было отмечено в зеленой массе календулы и превышало ПДК в 2,27 раза, и марганца в люпине в 5,1 раза выше ПДК. Минимальное количество меди – в могаре и марганца – в амброзии. С учетом биологических особенностей исследуемых культур можно регулировать состав фитоценозов по накоплению ТМ с минимальным их содержанием при использовании на корм и лекарственное сырье для снижения токсической нагрузки в пищевой цепи.

Проведенные исследования позволили установить, что растения могут служить биоиндикаторами при оценке загрязненных участков. По полученным результатам на выщелоченных черноземах максимальное количество ТМ накапливают амброзия, амарант, лён, никандра, крапива, по оценке которых можно осуществлять прогноз токсичности почв.

1. Алборов И. Д., Зыков В. Н. и др. Нормативно-правовые основы экологической оценки территорий: уче. пос. Владикавказ: «Терек» СКГМИ (ГТУ), 2005. 153 с.
2. Алексеенко В. А. Бузмаков С. А., Панин М. С. Геохимия окружающей среды. Пермь: изд-во Пермского Гос. нац. ун-та, 2013. 358 с.
3. Сокаев К. Е., Хубаева Г. П. Экология окружающей природной среды города Владикавказа и его пригорода. Владикавказ, 2014. 207 с.

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ НЕФТЕЗАГРЯЗНЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ХМАО-ЮГРЫ

В. А. Ильященко
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Вопрос борьбы с углеводородным загрязнением становится все более актуальным, особенно в России, где долгие годы решение экологических проблем откладывалось на будущее. Сейчас экономика России слабее, чем десятилетия назад, но накопленные проблемы загрязнения настолько обострились, что без их решения ожидаемый подъем производства приведет не к экономическому росту, а к экологической катастрофе.

Выбор эффективных технологий рекультивации нефтезагрязненных земель является следствием предпроектного обследования участков с определением масштабов и уровней загрязнения, а также учета степени самовосстановления растительности. После чего проводят работы по супервайзингу – комплексу мероприятий по обеспечению эффективного, качественного, полного и безопасного выполнения работ по рекультивации, осуществляемых Заказчиком или третьим лицом по поручению Заказчика в отношении работ по рекультивации на каждом участке.

Исследования аварийных выбросов нефтепродуктов показало, что за период в 12 месяцев общая площадь нефтезагрязненных земельных участков составила 21,1 га, общее число аварий на нефтепроводе превышает одну сотню. Отобраны пробы почвогрунта методом конверта до проведения мероприятий по рекультивации для получения сведений о содержании нефтепродуктов. Определение концентрации нефтепродуктов в почве проводилось в аккредитованной лаборатории биологических исследований НИИ Экологии и рационального использования природных ресурсов ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Комплексный химический анализ исследуемых проб почвогрунтов выявил:

- 30 % исследуемой территории имеет концентрацию нефтепродуктов от 20000 до 70000 мг/кг;

- 16 % изучаемой территории имеет содержание нефтепродуктов почв от 70000 до 100000 мг/кг;

- на территории в 50 % содержание нефтепродуктов от 10000 до 20000 мг/кг;

- 4 % от исследуемой территории – от 100000 до 724000 мг/кг.

В России ПДК для нефтепродуктов в почве не установлено, поэтому для оценки степени загрязненности мы руководствовались «Порядком определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами». Ниже приведена *табл.* со значениями и уровнем загрязнения почв [1, с. 7].

Табл. 1

Показатели уровня загрязнения земель

Уровень загрязнения почв	*Значения, мг/кг*
Допустимый	<1000
Низкий	1000-2000
Средний	2000-3000
Высокий	3000-5000
Очень высокий	>5000

Согласно порядку определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами полученные результаты комплексного химического анализа не соответствуют не одному из приемлемых уровней загрязнения, таким образом, надо отметить очень высокий уровень загрязнения нефтепродуктами почвы на изучаемой территории [1, с. 7].

Очень высокий уровень загрязнения можно объяснить лишь тем, что исследуемые нефтезагрязненные участки относятся к очень свежим и свежим согласно хронологическому принципу [2, с. 109]. Попадая в почву, легкие фракции нефтепродуктов просачиваются вниз по профилю, заполняя капилляры, микропоры, трещины, что создает анаэробный режим, и почвы становятся водонепроницаемыми. Густые фракции накапливаются на поверхности почвы, создавая прочные, толстые корки [3, с. 10].

Термин рекультивация нефтезагрязненных земель устоялся, и сегодня под ним понимается комплекс мер, направленных на ликвидацию разлива нефти как источника вторичного загрязнения природной среды, нейтрализацию остаточной нефти в почве и восстановление плодородия загрязненных почв до приемлемой хозяйственной значимости [2, с. 87].

После проведения рекультивационных работ на исследуемой территории были отобраны пробы почвогрунта для получения сведений о содержании нефтепродуктов в почве.

Согласно результатам комплексного химического анализа концентрация нефтепродуктов частично снизилась до 1000 мг/кг. В соответствии с порядком определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами данная территория имеет низкий уровень загрязнения. Низкий уровень загрязнения занимает всего лишь 18 % от исследуемой площади, это показатель того, что проведены восстановительные работы в полном объеме. Концентрация на данной территории снизилась в 40-50 раз.

В силу своего географического положения Нижневартовский район имеет не самые лучшие природные условия для проведения восстановления нефтезагрязненных земель. Короткий вегетационный период (53-133 дней), холодная (средняя температура января -22^0С) и продолжительная (150-160 дней) зима осложняет проведение рекультивации. Поздние весенние заморозки и короткий переходный период (49-64 дня) затрудняют восстановление растительного покрова.

На остальной же территории восстановительные работы проводились не в полном объеме, а, следовательно, и концентрация нефтепродуктов в почве не снизилась, о чем свидетельствуют данные комплексного химического анализа.

Проведение рекультивационных работ не всегда сопровождалось учетом генезиса, составом, свойств типов почв. Следовательно, применение механического рыхления и фрезерование, формирование искусственного микрорельефа, срезка и удаление сильнозагрязненного слоя, внесение значительных доз минеральных удобрений и др. не всегда носило технологически правильный подход к восстановлению почв.

В итоге надо отметить, что в настоящее время большинство рекультивированных участков сдается и принимается с грубым нарушением даже действующих требований. Во-первых, сдача-приемка восстановленных нефтезагрязненных участков осуществляется непосредственно по окончании проведения стадии фитомелиоративных работ, но не через один год, ка это должно происходить. Во-вторых, из-за неправильной трактовки термина «проективное покрытие» на загрязненных участках оно редко обеспечивается. Под «проективным покрытием» и сдающая, и принимающая стороны понимают пространственное распространение сформированной растительности, занимающей 50 %-80 % от площади рекультивированного участка, а не площадь горизонтальной проекции надземных частей всех растений данного вида, встреченных на пробной площади, по отношению к величине пробной площади [4, с. 91]. В-третьих, не обращается внимание на наличие у растений генеративных органов. К сдаче предоставляются и принимаются рекультивированные участки, на которых присутствуют только зеленые всходы.

1. Письмо Министерства охраны окружающей природной среды и природных ресурсов РФ от 27 декабря 1993 г. № 04-25/61-5678 «Порядок определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами», утв. Роскомземом 10.11.1993 и Министерством Природы РФ 18.11.1993.
2. Соромотин А. В. Воздействие нефтедобычи на таежные экосистемы Западной Сибири: мон. Тюмень: изд-во Тюменского гос. ун-та. 2010. 320 с.
3. Соромотин А. В. Нефтяное загрязнение земель в зоне средней тайги Западной Сибири // Экология и промышленность России. 2004. № 8. С. 8-11.
4. Раменский Л. Г. Избранные работы. Проблемы и методы изучения растительного покрова. Л.: Наука, 1977. 334 с.

АККУМУЛЯЦИЯ МИНЕРАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЛИСТЬЯХ ЛИПЫ МЕЛКОЛИСТНОЙ (*Tilia cordata* L.) В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ЭКОСИСТЕМ

Р. В. Кайгородов[1,2], Ю. В. Кайгородова[3]
[1]Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск
[2]Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
[3]Средняя общеобразовательная школа № 116, г. Пермь

В результате техногенного загрязнения наблюдается повышенное накопление тяжелых металлов в городских экосистемах. Основным источником загрязнения в городах является автотранспорт. При сгорании топлива, при коррозии металлических поверхностей машин, при истирании тормозных колодок и сцепления, при повреждении лакированных поверхностей тяжелые металлы поступают в окружающую среду. Дополнительными источниками тяжелых металлов являются индустриальные предприятия, расположенные в городах или их окрестностях, а также отходы коммунального хозяйства. С мельчайшими аэрозольными частицами тяжелые металлы

перемещаются с потоками воздуха и накапливаются в разных частях урбанизированных экосистем. Аэрозольные частицы отличаются большим разнообразием химического состава. Они содержат соединения кремния, кальция и углерода, оксиды металлов: железа, магния, марганца, цинка, меди, никеля, свинца, сурьмы, висмута, селена, мышьяка, бериллия, кадмия, хрома, кобальта и молибдена. Часть загрязнителей поступает на поверхность почвы, в водоемы. Другая часть загрязняющих веществ оседает на поверхности растений, адсорбируется листьями, включается в пищевые цепи городских экосистем и может попадать в организм человека [3, с. 5-15].

Целью нашей работы являлось исследование химического состава листьев деревьев городских экосистем. Исследования проводились на территории городов Люнебург (Германия), Краснокамск и Соликамск (Россия). Объектами исследований послужили листья липы мелколистной (*Tilia cordata* L.), отобранные в течение вегетационного периода вдоль придорожных полос (2 – 3 м от проезжей части) исследуемых городов. Контролем выступили листья липы мелколистной, произрастающей в центре городского парка Люнебурга на расстоянии от проезжей части 1500 – 2000 м. Валовое содержание химических элементов определяли методом оптической эмиссионной спектрометрии с индуктивно связанной плазмой на приборе Perkin Elmer 3300 RL. Предварительно растительные пробы озоляли при высоких температурах и давлении в микроволновой системе MLS-Ethos мокрым способом в смеси концентрированных соляной и азотных кислот с добавлением 30%-й перекиси водорода.

Табл. 1

Токсичные (по [4, с. 15-54]), нормальные (по [1, с. 17-34]) концентрации элементов в растительности и их содержание в листьях исследуемых растений, мг/кг сухой массы

Элемент	**Токсичное** (нормальное) содержание	Германия	Россия		Конт-роль	НСР
		Люнебург	Красно-камск	Соли-камск		
Токсичные элементы и микроэлементы						
Pb	**10-20** (0,2)	5,2	6,76	5,68	4,55	1,06
Zn	**150-200**	12,7	58,8	127,6	12	55,9
Cu	(5 – 30)	11,2	12,3	9,85	11,5	1,96
B	(5 – 100)	30,5	47,2	35,4	32	7,96
Co	**10-20**	--	3,18	--	--	-
Cr	**0,1-1**	--	2,24	--	--	-
Mn	**150-2000**	66,6	207,2	66,2	57	116
Ni	**20-30**	2,82	5,15	3,61	2,61	1,76
Редкие загрязняющие элементы						
Ga	(0,02-5,5)	5,69	5,85	5,34	5,40	0,55
Li	(до 2,9)	0,90	0,77	0,61	0,75	0,26
Sr	-	34,6	66,4	27,7	32	17,9
Ba	(1-198)	8,0	26,9	16,9	5,39	12
Макроэлементы						
Al	-	200,3	230,2	91,6	149	126
Ca	-	11125	14333	12056	10383	2956
Fe	-	170,5	355,2	127,4	83	147
Mg	1000-10000	2401	2581	1756	2473	481
Na	-	338,3	158,3	131	206	178

Прим.: - нет данных, -- содержание не обнаружено (ниже предела обнаружения <0,1 мг/кг), НСР – наименьшая существенная разность.

Исследуемые города находятся в зоне умеренно-холодного климата и характеризуются сопоставимой численностью населения (около 70 тыс. жителей), площадью (около 8 тыс. га), аналогичным положением в рельефе (надпойменные террасы рек).

Для оценки химического загрязнения исследуемых растений проводили мультиэлементный анализ. В составе растительных проб содержание элементов Ag, Al, B, Ba, Bi, Ca, Cd, Co, Cr, Cu, Fe, Ga, In, Li, Mg, Mn, Na, Ni, Pb, Sr, Tl, Zn анализировали в диапазоне обнаружения 0,1 – 20000 мг/кг. Результаты мультиэлементного анализа растительных проб представлены в *табл. 1.*

Основными компонентами транспортных и промышленных выбросов являются свинец, цинк и медь [3, с. 88-97]. Нормальное природное содержание свинца для растений составляет 0,2 мг/кг сухой массы [1, с. 25, 45, 76]. Накопление свинца в исследуемых растениях урбанизированных территорий значительно выше естественного уровня, однако не является токсичным для растений (см. *табл. 1*). Максимальной концентрацией свинца отличались листья лип города Краснокамск. Медь и цинк входят в группу тяжелых металлов и обладают высокой миграционной активностью и биогенной аккумуляцией. Содержание меди в листве придорожных деревьев изученных городов от контрольного варианта существенно не отличалось и находилось в диапазоне нормальных концентраций в фитомассе (см. *табл. 1*). Повышенным содержанием цинка в листьях лип по сравнению с остальными городами и контролем отличался г. Соликамск, что свидетельствует о его техногенной аккумуляции. Нормальная концентрация цинка в растительных тканях по данным многочисленных исследований варьирует в широком диапазоне от 1,2 до 73 мг/кг сухого веса [1, с. 96]. Высшие растения обладают высокой устойчивостью к высокому содержанию цинка. У большинства растений токсическое действие цинка проявляется при концентрации 150 мг/кг сухого веса и выше.

С индустриальной нагрузкой и отходами коммунального хозяйства связано накопление в урбанизированных экосистемах никеля, хрома, кобальта, марганца. Имеются данные о повышенном содержании кобальта в придорожных полосах и пыли крупных городов [2, с. 125]. В листьях исследуемых деревьев кобальт и хром обнаружены лишь на территории г. Краснокамска. При этом найденная концентрация хрома является токсичной для растений. Повышенным содержанием никеля и марганца также отличались листья лип г. Краснокамска. Концентрация никеля при этом существенно ниже токсичного уровня. К высокому содержанию марганца высшие растений обладают относительно высокой устойчивостью и могут выдерживать концентрации до 2000 мг/кг сухой массы.

Бор и его соединения широко используются в различных отраслях индустрии и сельского хозяйства (органический синтез, удобрения, средства защиты растений и др.). В придорожные полосы бор поступает при истирании тормозных колодок и сцепления автомобилей [3, с. 55-58]. Бор в минимальных концентрациях является физиологически необходимым элементом для растений. Некоторые растения очень чувствительны к повышенному содержанию бора в окружающей среде. При концентрации бора более 1 мг/л почвенного раствора у них наблюдаются хлорозы и некрозы тканей [1, с. 78]. Содержание бора в листве исследуемых деревьев достоверно выше контрольного уровня и остальных вариантов только в г. Краснокамск однако, находится в диапазоне нормальных для растений концентраций бора.

В составе листьев лип исследуемых городов было обнаружено содержание относительно редкого элемента – галлия. Кларк галлия в земной намного составляет около 0,05 мг/кг. Несмотря на редкость, этот металл широко используется в электронике, атомной промышленности, а также в качестве антикоррозийных покрытий металлов. Галлий является не токсичным элементом, для него не

установлено физиологической роли в живых организмах. Содержание галлия в исследуемых растениях между вариантами опыта существенно различалось, но превышало верхний предел нормального содержания элемента в фитомассе.

Литий используется в радиоэлектронике, атомной промышленности, в связи с чем, активно участвует в миграции и биогенной аккумуляции. В исследуемых объектах содержание лития не отличалось между вариантами и контролем и находилось в пределах нормального содержания элемента для растительности. В листьях исследуемых деревьев обнаружено содержание стронция. Кларк стронция в литосфере составляет 0,034%. Основные области применения стронция и его химических соединений: радиоэлектронная промышленность, пиротехника, металлургия, пищевая промышленность Токсическое действие стронция на растения не изучено. В листьях лип г. Краснокамск установлено повышенное содержание стронция по сравнению с контролем и другими городами. Содержание бария в растениях варьирует в широких пределах (см. *табл.*). Достоверных сведений о токсичности и физиологической роли бария для биотических компонентов среды не известно. В исследуемых городах содержание бария находилось в интервале нормальных концентраций в растительности. Повышенное содержание бария в исследуемых растениях установлено в г. Краснокамске.

Многие макроэлементы являются активными участниками антропогенного рассеивания. Основные источник поступления макроэлементов производство и использование удобрений, антигололедных средств. Содержание макроэлементов в объектах природы может характеризовать особенности геохимической (естественной или техногенной) обстановки территории. В содержании макроэлементов (Al, Ca, Fe, Mg, Na) у исследуемых растений были выявлены отличия. Повышенное содержание Al, Ca и Fe по отношению к контролю установлено в листве лип г. Краснокамска. Минимальным содержанием Fe, Mg и Na в листьях лип характеризовался г. Соликамск. Для г. Люнебург характерно повышенное содержание Na в листве лип. Рассеянные элементы Ag, Cd, In и Tl ставшие в последние годы активными участниками антропогенной аккумуляции и обладающие фитотоксическими свойствами в листве лип в пределах обнаружения мультиэлементного анализа не найдены.

Таким образом, в содержании тяжелых металлов, рассеянных элементов и макроэлементов в листьях лип изученных городов обнаружены существенные различия. Повышенной аккумуляцией токсичных элементов в придорожных липах отличается г. Краснокамск, что связано, вероятно, с близким расположением крупного индустриального города Перми, повышенной автотранспортной нагрузкой.

1. Ворончихина Е. А., Ларионова Е. А. Основы ландшафтной хемоэкологии: учеб. пос. Пермь, 2002. 146 с.
2. Кабата-Пендиас А., Пендиас Х. Микроэлементы в почвах и растениях. М.: Мир, 1989. 438 с.
3. Einträge von Kupfer, Zink und Blei in Gewässer und Böden - Analyse der Emissionspfade und möglicher Emissionsminderungsmaßnahmen / Hillenbrand T., Toussaint D., Böhm E., Fuchs S., Scherer U., Rudolphi, A. Hoffmann M., Kreißig J., Kotz C. Umweltforschungsplan des Bundesministerium für Naturschutz und Reaktorsicherheit. Forschungsbericht 202 242 20/02. 279 s.
4. Scheffer F. Lehrbuch der Bodenkunde /Scheffer, Schahtschabel. 12., neu bearb. Stuttgart: Enke, 1989. 491 s.

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ МИНЕРАЛЬНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ СНЕЖНОГО ПОКРОВА ГОРОДА ТЮМЕНЬ

Д. Ю. Ковалев, Е. В. Крестьянникова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Исследование снежного покрова на наличие загрязняющих веществ является важнейшей задачей при проведении эколого-геохимического мониторинга территории города [1, 2]. Все чаще здоровье и условия жизни населения связывают с состоянием окружающей среды. Важную часть в оценке экологического состояния окружающей среды городов играет изучение влияния антигололедных реагентов [3]. Данная проблема вызывает ежегодные оживленные дискуссии населения урбанизированных территорий, где эта проблема наиболее актуальна. Грязь, усиление коррозии корпусов машин и шин, испорченная обувь – это лишь часть проблем активно обсуждаемых в зимний период.

Целью данного исследования являлось определение минеральных компонентов в снежном покрове, оценка динамики их поступления и определение степени загрязнения урбанизированной территории с учетом влияния природных и антропогенных факторов на примере г. Тюмени в зимние периоды 2013-2015 гг.

В пределах города отбор проб снега производился на участках с ненарушенным снежным покровом у промышленных предприятий, тепловых электростанций и т.п., в жилых кварталах города, парках, скверах, садах, у транспортных магистралей (не ближе 50 м). Работы по отбору проб выполняли с использованием методических рекомендаций [4]. Для крупных городов с развитой разнопрофильной промышленностью рекомендуется плотность отбора 1 - 5 проб на 1 кв. км. Такая сеть обеспечивает выявление очагов загрязнения, связанных с промышленными зонами или крупными отдельно стоящими предприятиями. В качестве фоновой точки был выбран участок, расположенный в лесном массиве, расположенный на расстоянии 24 км от города по Ирбитскому тракту. Данный участок испытывает минимальное антропогенное воздействие. Концентрации химических элементов в этой точке были приняты в качестве фоновых концентраций для территории города.

В зимние периоды 2013 - 2015 гг. с территории города было отобрано 50 проб. Предварительная обработка проб снега заключалась в фильтровании, после чего отфильтрованная талая вода (фильтрат) и взвешенное вещество на фильтрах подвергаются дальнейшей обработке и анализу. В талой снеговой воде и кислотной вытяжке из золы пылевой фазы снега было определено содержание минеральных компонентов.

Табл. 1

Средние значения и интервалы изменения некоторых минеральных показателей 2012-2015 гг.

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.
pH	6,77±0,17 4,96÷8,53	нет данных	6,92±0,08 5,49÷8,05
Взвешенные вещества (пыль), мг/л	166,28±39,49 13,05÷746,36	237,82±94,28 1,78÷1287,86	168,80±52,31 0,98÷1666,60
Cl^-, мг/л	14,80±4,94 1,81÷68,10	7,09±1,31 3,06÷26,58	13,98±2,75 2,31÷47,13
HCO_3^-, мг/л	49,76±16,41 4,88÷409,08	нет данных	41,28±15,18 8,54÷323,41

Важной физико-химической характеристикой атмосферных вод является величина pH, которая позволяет в известной мере судить о локальном загрязнении воздушной среды. По литературным данным, средняя величина pH талой снеговой воды обычно находится в пределах 5,5-6,5 ед. pH [5]. В нашем исследовании в большинстве проб зафиксировано более высокое значение pH. Средняя величина pH в 2013 году для всех исследованных проб составляет 6,77 ± 0,17 (*табл. 1*).

В 2015 г. среднее значение pH сместилось в более щелочную область (6,92 ± 0,08). Основными причинами возрастания pH обычно считают увеличение зольности выбросов и частую повторяемость неблагоприятных метеоусловий. По данным статистики [6, 7], в 2013 году в атмосферный воздух города Тюмени поступило 133,637 тыс. тонн поллютантов, в составе которых большую часть составляет пыль неорганическая, содержащая от 20 до 70 % двуокиси кремния (шамот, цемент, глина, глинистый сланец, доменный шлак, песок, клинкер, зола, кремнезем и др.). Неорганическая пыль составила 1030,1 тонн. В 2014 году в атмосфере города было зафиксировано примерно такое же содержание загрязняющих веществ (134,440 тыс. тонн), где неорганическая пыль снова заняла 3-е место среди специфических веществ (в составе данных выбросов) и составила 1159,1 тонн, что на 11,1 % больше по сравнению с предыдущим годом. Данный рост концентрации неорганической пыли в атмосфере вполне может коррелировать с ростом pH, который мы наблюдаем по результатам исследования.

Распределение данного показателя по территории города подтверждает это заключение (*рис. 1-2*). Максимальное закисление снега происходит вдоль улицы Республики, а также в районе аккумуляторного завода, ТЭЦ-2, в районе Гилевской рощи. Это позволяет предположить, что основным источником поступления аэрозолей, приводящих к защелачиванию снега, является автомобильный транспорт и ряд предприятий города. Более точную информацию по этому виду загрязнения можно получить, рассматривая ионный состав снега.

Пылевое загрязнение на урбанизированной территории в зимний период, как правило, имеет антропогенную природу и поступает в атмосферу с выбросами ТЭЦ, строительных предприятий и предприятий машиностроения и металлообработки, также их источником служат различные виды транспорта и жилищное строительство. В отобранных пробах снега было определено общее содержание взвешенных частиц, соответствующее количеству пылевых аэрозолей, осажденных в снежном покрове.

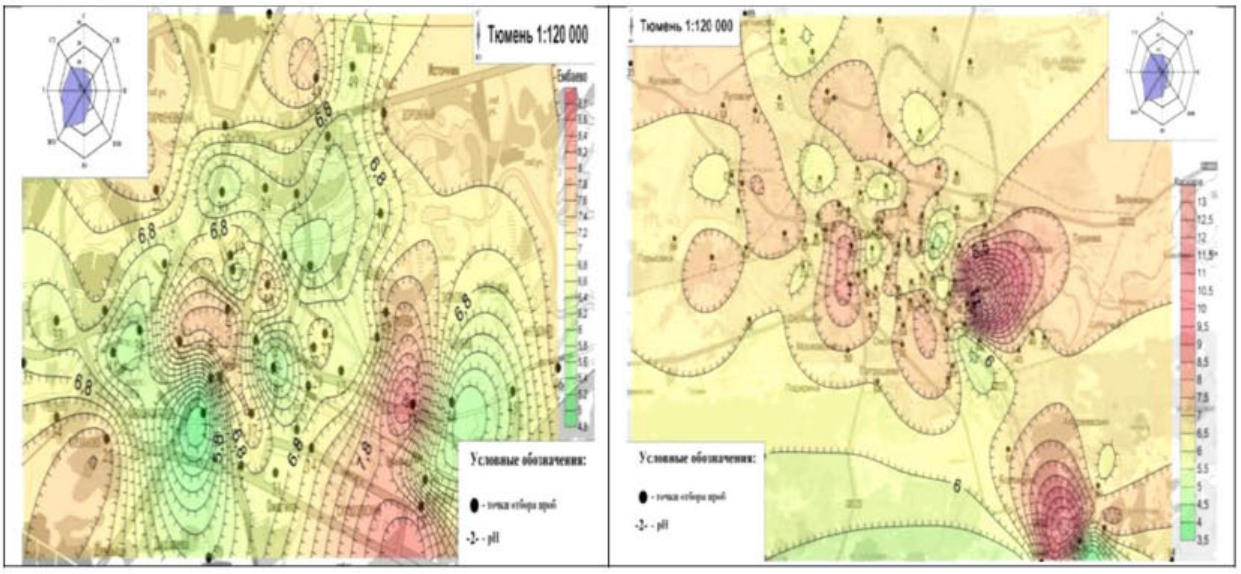

Рис. 1-2. Схема распределения pH в 2013 (а) и в 2015 (б) годах

Распределение пылевого загрязнения по территории города в зимний период 2013 г. показывает, что основные источники пылевого загрязнения города приурочены к крупным автомагистралям (ул. Республики, Широтная, Малыгина, Холодильная, 50 лет Октября). Участки с наибольшим содержанием пыли практически совпадают с районами размещения промышленных предприятий города. Преобладание ветров юго-западного направления способствует расширению территории загрязнения.

В мировой и отечественной практике актуальными остаются задачи, направленные на охрану окружающей среды и здоровья человека, проводятся научные исследования, ориентированные на разработку и совершенствование технологий по применению антигололедных реагентов. Их крупномасштабное применение является одной из острых экологических проблем. Использование антигололедных реагентов повлекло за собой не только коррозию металлических конструкций, транспорта, инженерных сетей, разрушение фундаментов, но и частичную гибель газонов, зеленых насаждений, а также поступали жалобы населения на раздражение кожи и обострение аллергических реакций.

Споры о правильном выборе антигололедных реагентов ведутся постоянно, оптимальное решение до сих пор не найдено, так как все антигололедные реагенты имеют свои преимущества и недостатки.

Построение карт по полученным данным позволило установить, что максимальные значения хлорид-ионов соответствуют району Ипподрома, где находится аккумуляторный завод, и перекрестку ул. Широтная – Пермякова. Содержание гидрокарбонат-ионов также повышено в районе аккумуляторного завода, улиц Пахоменко и 50 лет Октября.

Сравнение полученных данных с результатами мониторинга 2013 и 2014 гг. показало, что среднее содержание ионов хлоридов в 2014 году (7,09 мг/л) уменьшилось по сравнению с 2013 годом (14,08 мг/л) в 2 раза, но в текущем году мы наблюдали рост концентрации хлорид-ионов до значений 2013 года (13,98 мг/л). Средняя концентрация гидрокарбонат-ионов в 2015 году (41,28 мг/л) в сравнении с 2013 годом (49,76 мг/л) осталась почти неизменной, что свидетельствует о стабильном ежегодном поступлении гидрокарбонат-ионов в атмосферу города. Результаты мониторинга в 2013-2015 гг. показали, что в среднем концентрация катионов Na^+ и Ca^{2+} в 2014 году снизилась в 3 раза, Mg^{2+} и Cl^- – в 2 раза. Области распространения и накопления загрязняющих веществ в 2013 и 2015 годах схожи, но отличаются от областей 2014 года, когда была малоснежная зима и антигололёдные реагенты практически не использовались.

Проведенные исследования позволили заключить, что большинство промышленных предприятий г. Тюмени и прилежащих территорий являются источниками загрязнения атмосферного воздуха пылеаэрозолями. Ореол распространения пылевых загрязнений в значительной степени зависит от скорости и направления ветра.

При анализе снегового покрова для получения объективных данных в результате мониторинга необходимо отдельно анализировать твердую и жидкую фазы снега, чтобы установить формы миграции загрязнителей и определить приоритетные источники загрязнения и область их воздействия.

Неорганическая пыль и антигололедные реагенты, регулярно поступающие в городскую среду, являются основными источниками, способствующими минеральному загрязнению атмосферы.

1. Козлова В. В., Ларина Н. С., Ларин С. И., Некрасова Е. В. Экогеохимический мониторинг атмосферы города Тюмени // V международная конференция «Окружающая среда и менеджмент природных ресурсов». Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014.
2. Козлова В. В., Ларина Н. С., Ларин С. И., Некрасова Е. В. Оценка экологического состояния города Тюмени по данным геохимического мониторинга снежного покрова // Материалы сессии Всемирного

снежного форума «Ресурсы и риски регионов с мерзлотой». Иркутск: Издательство института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014.
3. Influence of anti-icing reagents on the pollution of snow cover // Материалы I международной научной конференции «Science of the Future», секция «Химия». СПб., 2014.
4. РД 52.04.186-89 «Руководство по контролю загрязнения атмосферы».
5. Абдуллаев С. М., Кораблева Е. Г., Сапельцева Ю. А., Егорова А. В., Бабинцева В. А., Неверова Е. А. Оценка жизненного цикла природно-антропогенных систем // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Экология». 2008. Вып. 3. № 17. С. 41-53.
6. Доклад об экологической ситуации в Тюменской области в 2013 году. Правительство Тюменской области, Тюмень, 2014. 204 с.
7. Доклад об экологической ситуации в Тюменской области в 2014 году. Правительство Тюменской области, Тюмень, 2014. 202 с.

ОСОБЕННОСТИ НАКОПЛЕНИЯ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В УРБАНОЗЕМАХ

А. Р. Миллер, А. В. Долгушин, Е. В. Крестьянникова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Загрязнение почв урбанизированных территорий в настоящее время носит глобальный характер и имеет далеко идущие последствия. Наиболее опасными загрязнителями почв являются тяжелые металлы, поступающие в почву в основном из воздуха. Большое значение имеет форма нахождения металлов в почвах, так как степень усвоения их растениями в значительной степени определяется их подвижностью. Согласно литературным данным [1, 2], глубина проникновения ТМ в загрязненных почвах обычно не превышает 20 см, при сильном загрязнении возможно проникновение до 160 см. Для почв, расположенных вне зоны влияния источника загрязнения, характерно, как правило, равномерное распределение ТМ. Наибольшей миграционной способностью обладают цинк и ртуть, которые, как правило, равномерно распределяются в слое почвы на глубине 0-20 см. Свинец чаще накапливается в поверхностном слое (0-2,5 см), кадмий занимает промежуточное положение между ними [2].

Целью данной работы являлось изучение влияния техногенного источника (аккумуляторного завода), расположенного на территории г. Тюмень, на состояние атмосферного воздуха и почв как депонирующей системы для большинства загрязнений, в том числе и тяжелых металлов.

Для достижения указанной цели были отобраны образцы почв в соответствии с нормативными документами [3]. Анализ проб проводился двумя способами: одна проба готовилась стандартным усреднением отобранных образцов, а вторая разделялась на слои 2,5 см по всей глубине отобранной почвы. Пробы доводились до воздушно-сухого состояния, просушивались при температуре 105^0С до постоянной массы. В ацетатно-аммонийной вытяжке из образцов почв определялось содержание подвижных форм металлов, в кислотной (10%-ная HNO_3) – общее содержание металлов методом атомно-абсорбционной спектроскопии с пламенной атомизацией.

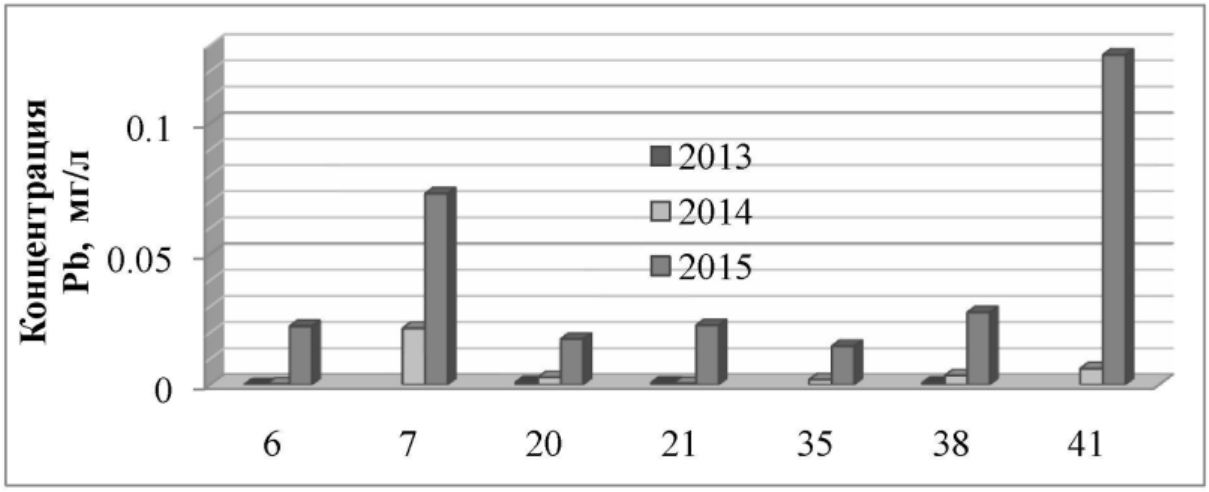

Рис. 1. Динамика поступления Pb в зимний период 2013-2015гг. по результатам анализа водной фазы снежного покрова на разном расстоянии от источника загрязнения (аккумуляторный завод)

Основным источником поступления металлов в почвы являются выбросы предприятий, о чем свидетельствуют литературные данные [4-6] и проведенные нами исследования по содержанию ТМ в водной фазе снега, отобранной в 2013-2014 гг. (*рис. 1*). Причем степень антропогенной нагрузки от года к году возрастает и может достичь катастрофических размеров.

Проведенные ранее исследования [7] показали, что содержание подвижных форм Zn и Pb, являющихся основными загрязнителями, преимущественно накапливаются в верхних 2,5-5 см почвы. Таким образом, отбор проб при мониторинге антропогенных почв на глубину 10, а тем более 15-20 см, как рекомендуется в ряде нормативных документов, представляется нецелесообразным, т.к. не отражает реального загрязнения почв.

Кроме того, именно верхние слои почвы наиболее подвержены механическому выветриванию, что приводит к вторичному загрязнению атмосферного воздуха.

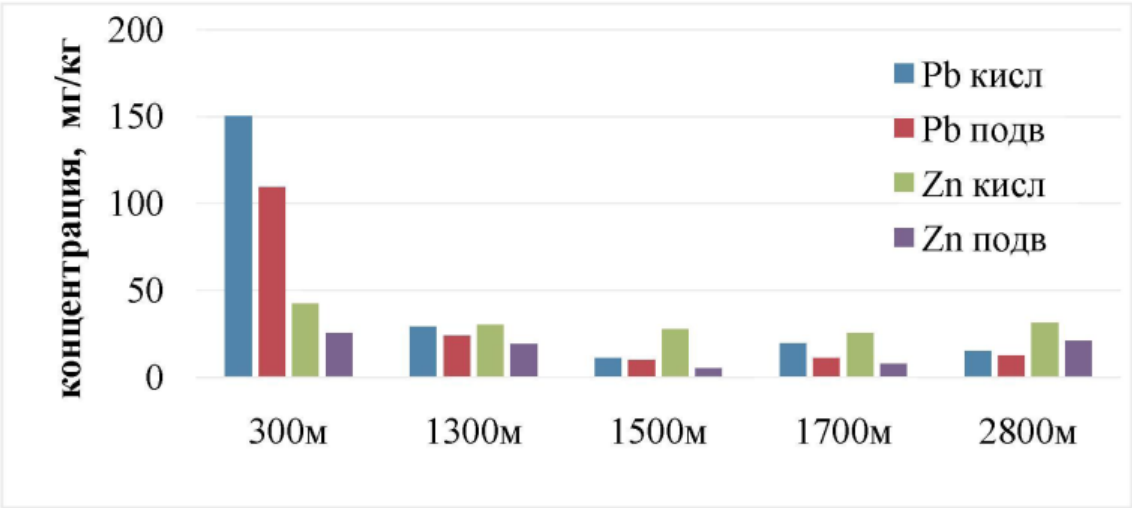

Рис. 2. Содержание кислоторастворимых и подвижных форм свинца и цинка в поверхностном слое почвы на различном расстоянии от источника загрязнения

Выбросы аккумуляторного завода преимущественно загрязняют воздух свинцом и цинком, поэтому накопление этих металлов в поверхностных слоях почвы

представляет особый интерес как с точки зрения их биодоступности, так и с позиций вторичного пылевого загрязнения воздуха. Результаты определения кислоторастворимых и подвижных форм этих металлов представлены на *рис. 2*.

Полученные данные свидетельствуют, что на расстоянии 300 м от санитарной зоны завода содержание свинца в почве почти в 10 раз превышает его содержание на остальной территории города, причем большая часть свинца находится в подвижной, доступной для растений форме. Превышение ПДК для подвижного свинца превышено в 18 раз! Почти в 4 раза превышено содержание подвижного свинца и на расстоянии 1300 м. Надо отметить, что на удалении от завода на более значительное расстояние содержание подвижной формы свинца выше ПДК, но не более чем в 2 раза.

Вблизи от завода также наблюдается несколько повышенное содержание цинка, особенно в кислоторастворимой форме, но для этого металла отличие не столь существенно и доля подвижной формы значительно ниже. Кроме того, степень токсичности цинка значительно ниже, чем у свинца, и он может усваиваться растениями в значительных количествах.

Таким образом, проведенные исследования позволяют утверждать, что аккумуляторный завод, расположенный на территории города, оказывает существенное влияние на состояние атмосферного воздуха и почв, в том числе и за пределами санитарной зоны завода, и может оказывать существенное негативное воздействие на растительность и здоровье населения.

1. Дмитриев М. Т., Казнина Н. И., Пинигина И. А. Санитарно-химический анализ загрязняющих веществ в окружающей среде. М.: Химия, 1989. 368 с.
2. Другов Ю. С., Родин А. А. Анализ загрязненной почвы и опасных отходов: практическое руководство. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 469 с.
3. Методические рекомендации по оценке степени загрязнения атмосферного воздуха населенных пунктов металлами по их содержанию в снежном покрове и почве. 5174-90. М.: ИМГРЭ, 1990. 9 с.
4. Ларина Н. С., Куранова М. Н., Палецких Н. С. Химико-экологический мониторинг снегового покрова города Тюмени // Успехи современного естествознания. 2006. № 11. С. 38-41.
5. Ларина Н. С. Экогеохимия снежного покрова города Тюмени / Н. С. Ларина [и др.] // Окружающая среда и менеджмент природных ресурсов: тез. докл. IV Междунар. конф. Тюмень, 2013. С. 96-98.
6. Гарманова Т. В., Ларина Н. С. Мониторинг загрязнения снежного покрова пылеаэрозолями в городе Тюмень // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 7. С. 55-62.
7. Миллер А. Р., Долгушин А., Крестьянникова Е. В. Особенности накопления и форма нахождения тяжелых металлов в городских почвах // Почвы холодных областей: генезис, география, экология (к 100-летию со дня рожд. проф. О.В. Макеева): матер. науч. конф. Улан-Удэ, 2015. С. 115-116.

РАДИАЦИОННОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

К. Н. Орлова, В. К. Антюфеев
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Юргинский технологический институт (филиал), г. Юрга

В настоящее время все больший интерес приобретает определение уровня радиационной безопасности на территории промышленных центров. Данный интерес определен, прежде всего, использованием специфичных материалов конструкций и технологических комплектующих, при этом использование рудных ископаемых в осуществлении технологического цикла предполагает наличие некоторого повышенного уровня ионизирующего излучения.

Ввиду вышеуказанных причин целью исследования явилось определение необходимости и целесообразности проведения радиоэкологического мониторинга территорий фабрик и заводов, т.е. промышленных территорий.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

• произвести оценку мощности дозы гамма-излучения на промышленной территории города;

• определить вклад различных промышленных объектов в показания мощности дозы гамма-излучения.

В ходе исследования определялись характеристики гамма-излучения. Гамма-излучение возникает при ядерных реакциях, α- и β-распадах радиоактивных ядер, элементарных частиц, при аннигиляции пар частица-античастица, а также при прохождении быстрых заряженных частиц через вещество. Гамма-излучение, сопровождающее распад радиоактивных ядер, испускается при переходах ядра из более возбужденного энергетического состояния в менее возбужденное или в основное.

Измерительную базу исследования составлял дозиметр типа «Грач». Детектором дозиметра «Грач» (чувствительным элементом дозиметра), служащим для преобразования явлений, вызываемых ионизирующими излучениями в электрический или другой сигнал, легкодоступный для измерения, является ионизационный счетчик, по типу счётчика Гейгера, определяющий чувствительность дозиметра в 20000 имп/мкЗв. Сфера применения этого дозиметра достаточно широка, его используют как в атомной энергетике, таможенной службе, так и в домашних условиях из-за его удобных размеров и простоты использования.

Показания снимались при одинаковой ясной погоде и на одинаковом расстоянии 1 м от грунта, строго в горизонтальном положении при величине относительной погрешности не более 7 %. Измерения на высоте 1 м – это своеобразный стандарт, связанный с определенной геометрией и соотношением гамма- и бета-излучений и местоположением наиболее чувствительной части тела стоящего человека.

Первые повышенные значения зарегистрированы для местности, являющейся близлежащей к машиностроительному заводу, точнее, к ТЭЦ. Высокие значения можно объяснить находящимися неподалеку шламовыми насыпями и использованием угля. Также значения, превышающие норму, определены на территории, принадлежащей ферросплавному заводу, где находятся хранилища для осаждения шлама.

В результате сравнения значений, полученных для жилых районов, было выявлено превышение для одного района. Превышение определялось путем расчета максимально допустимой годовой дозы гамма-излучения, указанной в действующих нормативных актах.

Выводы:

1. На примере малых городов проведен радиационный мониторинг.

2. На основе расчета определено значение максимально допустимой мощности дозы гамма-излучения.

3. Рассмотрены основные требования к радиационному мониторингу территорий городов.

4. На прилегающей территории к двум промышленным объектам наблюдается превышение максимального фонового значения мощности дозы гамма-излучения, которые, вероятнее всего, объясняются спецификой использования рудных полезных ископаемых в технологическом цикле.

5. Повышения фонового значения жилых территорий, вероятнее всего, связаны с холмистым рельефом местности. Отмечено, что наблюдается для жилого района превышение максимальной годовой дозы гамма-излучения.

1. Дозиметр гамма-излучения ДКГ-03Д «Грач». Руководство по эксплуатации, 2005 г.

2. СанПиН 2.6.2523-09 «Нормы радиационной безопасности НРБ-99/2009» от 7 июля 2009 года, N 47: Зарегистрировано в МинЮсте РФ 14 августа 2009 года, N 14534. 2009.
3. Федеральный закон ФЗ «О радиационной безопасности населения» от 9 января 1996 года, N 3: Принят Государственной Думой 5 декабря 1995 года.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАДИАЦИОННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПОСТРОЕК ИЗ РАЗЛИЧНОГО МАТЕРИАЛА

К. Н. Орлова, М. А. Гайдамак
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Юргинский технологический институт (филиал), г. Юрга

Человек в процессе своей жизнедеятельности подвергается радиационному облучению, но не столько искусственному, возникшему благодаря деятельности человека, а в большинстве своем облучению от естественных источников, таких как космическое излучение или газы. Около 50 % средней дозы облучения получает человек от природных источников и лишь 0,05 % вследствие радиационных аварий на атомных электростанциях и испытаний ядерного оружия.

В состав строительных материалов, из которых в последующем созидают различного рода постройки, входят достаточно опасные источники радиации естественного рода, такие как радон. Все материалы обладают разной способностью накапливать, а затем и излучать радиоактивные изотопы, продукт распада их и есть не что иное, как захватное гамма-излучение [1].

В данной работе мы задались целью определить уровень радиационной безопасности в различных постройках из различных материалов.

Породы, почвы, воды, газы – основные источники накопления радионуклидов в постройках. Поскольку основной источник поступления радона – грунт под строением, главный накопитель радона – подвал или подпол (при наличии такового). На концентрацию радона в домашней атмосфере влияет также скорость воздухообмена в помещении, то есть проветривания. В ходе работы исследовались характеристики гамма-излучения как результата распада радионуклидов. Данное гамма-излучение называется захватным.

Измерения производили с помощью дозиметра «Грач».

Дозиметр гамма-излучения «Грач» имеет два измерительных канала: для измерения мощности амбиентного эквивалента дозы гамма-излучения и для измерения дозы с независимым перезапуском этих величин. Измерение происходит непрерывно с постоянным уточнением результата, причем статистическая погрешность высвечивается на дисплее, т. е. можно получить результат с необходимой статистической точностью. При этом если мощность дозы изменится больше, чем на 3,4 среднеквадратической погрешности, то автоматически произойдет перезапуск [2].

Произведенные измерения амбиентной эквивалентной дозы и мощности дозы гамма-излучения были сопоставлены с утвержденными нормами по радиационной безопасности.

При проведении обследований и оценке по показаниям дозиметра опасности облучения необходимо помнить, что последствия облучения определяются не мощностью дозы, а суммарной полученной дозой, т.е. мощностью дозы, умноженной на время, в течение которого облучается человек. Например, если мощность дозы составляет 0,11 мкЗв/ч, то облучение в течение года (8760 ч) создаст дозу ~1 мЗв – по СанПин 2.6.1.2523-09 «Нормы радиационной безопасности (НРБ-99/2009)» – предел, который не должен превышаться при техногенном облучении населения [3, 4].

Рассмотрим полученные результаты измерения в жилых домах, построенных из различного материала (см. *табл.*). Самые высокие значения мощности дозы 0,19 мкЗв/час соответствуют постройкам из шлакоблоков. Это ожидаемо ввиду

высоких фоновых значений этих стройматериалов. Глубинная природа угля и шлака обуславливает высокую естественную радиоактивность шлакоблоков, то же самое наблюдается для гранита. Панельные постройки дают такие же показания, как и кирпичные дома, если они были построены 30-40 лет назад. Но панельные постройки изначально обладают повышенными значениями гамма-излучения. Также подтверждаются данные о накоплении захватного гамма-излучения в течение эксплуатации здания [5]. Дома, построенные не более 5 лет назад, дают практически фоновые значения местности. А дома, построенные 20-30 лет назад, имеют показания мощности дозы гамма-излучения на 0,02-0,03мкЗв/час больше, чем в домах, построенных недавно.

Максимальная доза гамма-излучения населения, проживающего в постройках из различного рассмотренного материала, превышала допустимые пределы для построек из шлакоблоков.

Измерение радиационного фона в постройках из различного материала

Материал	Мощность дозы, мкЗв/ч, годы постройки зданий (2000-2010)	Мощность дозы, мкЗв/ч, годы постройки зданий (1970-1980)
кирпич	0,08	0,12
шлакоблок	0,13	0,19
Панельные постройки	0,10	0,12

Выводы:

1. Согласно оценке дозиметрических характеристик в постройках из различного материала на территории города Юрги, получены значения, в преимуществе, соответствующие норме.

2. Повышенные значения мощности дозы гамма-излучения в жилых домах, построенных из шлакоблоков, свидетельствуют о повышенном фоновом значении строительного материала, используемого для строительства зданий.

3. Повышенные значения мощности дозы гамма-излучения в жилых домах, построенных 30-40 лет назад, свидетельствуют о накоплении радиоактивных изотопов строительными материалами, используемыми для строительства зданий. Выявлены различия в накоплении радионуклидов различными строительными материалами в процессе эксплуатации зданий.

4. Определены закономерности миграции радионуклидов с удалением от поверхности Земли (с увеличением этажности зданий). Так, можно говорить, что существует некоторый уровень предельного насыщения строительного материала на первых этажах зданий, выше которого мощность дозы гамма-излучения уже не регистрировалась. Данный уровень, вероятнее всего, связан с пористостью материала, из которого изготовлено здание.

1. Введение в дозиметрию и защита от ионизирующих излучений: пособие для студентов. СПб., 2008. 145 с.
2. Дозиметр гамма-излучения ДКГ-03Д «Грач». Руководство по эксплуатации, 2005 г.
3. СанПиН 2.6.2523-09 «Нормы радиационной безопасности НРБ-99/2009» от 7 июля 2009 года, N 47: Зарегистрировано в МинЮсте РФ 14 августа 2009 года, N 14534. 2009.
4. Федеральный закон ФЗ «О радиационной безопасности населения» от 9 января 1996 года, N 3: Принят Государственной Думой 5 декабря 1995 года. 1996.
5. James E.Martin, Physics for radiation protection, WILEY-VCH Verlag GmbH & Co. KGaA, Weinheim. 2006.

НАКОПЛЕНИЕТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В ПОЧВЕ И РАСТИТЕЛЬНОСТИ АНТРОПОГЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Е. И. Попова, А. Ю. Токарева, Р. М. Сулкарнаева
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

При поступлении больших количеств тяжелых металлов в почву её биологические, химические и физические свойства заметно меняются, что ведет к ухудшению почвенного плодородия [1]. Помимо этого, тяжелые металлы прямо воздействуют на растения и, поступая в них, нарушают обмен веществ, снижают их продуктивность и качество продукции.

Основной причиной ухудшения экологической обстановки урбанизированных территорий является все возрастающее техногенное загрязнение окружающей среды. Изменение качественного состава почвы, содержание и миграция в ней тяжелых металлов, процесс перехода токсичных элементов в растения представляют собой сложную и актуальную задачу [2].

С учетом различного вида интенсивности антропогенной нагрузки была проведена комплексная оценка валового содержания металлов (As, Cr, Cu, Mo, Ni, Pb, Sr, Zn) в почве и растениях.

Отбор проб образцов почв и процедура пробоподготовки для количественного химического анализа проведены в соответствии с ГОСТ 17.4.3.01-83 «Охрана природы. Почвы. Общие требования к отбору проб» и ГОСТ 17.4.4.02-84 «Охрана природы. Почвы. Методы отбора и подготовки проб для химического, бактериологического, гельминтологического анализа».

С каждого участка отобрано не менее одной объединенной пробы почвы. Объединенная проба получена путем смешения пяти точечных проб, отобранных методом конверта.

Исследуемая территория располагается на восточной окраине г. Тобольска около городской черты (промзона). Координаты центра площадки, определённые по GPS-навигатору, следующие: участок № 1 (N 58°14′066′′ E 068°29′453′′); № 2 (N 58°13′931′′ E 068°28′232′′); № 3 (N 58°13′850′′E 068°28′225′′). Участок № 1 находится в 2,2 км восточнее, за пределами санитарно-защитной зоны (СЗЗ), участок № 2 заложен непосредственно около ограждения промкомплекса Тобольского нефтехимического комбината, площадка № 3 располагается западнее, на расстоянии 1 км, за пределами санитарно-защитной зоны (СЗЗ). Площадки квадратные со стороной 20х20 м. При подборе площадок доминировало стремление достичь их максимального сходства во всех отношениях.

Тяжелые металлы занимают особое положение среди других техногенных загрязняющих веществ, поскольку, не подвергаясь физико-химической или биологической деградации, накапливаются в поверхностном слое почв и изменяют их свойства, в течение длительного времени остаются доступными для корневого поглощения растениями и активно включаются в процессы миграции по трофическим цепям. Необходимость определения содержания тяжелых металлов в почве имеет особое значение, так как, обладая буферной емкостью, почва снижает подвижность металлов и тем самым уменьшает поступление их в растения [1, 2].

Оценка валового содержания металлов (As, Cr, Cu, Mo, Ni, Pb, Sr, Zn) проводилась на атомно-эмиссионном спектрометре с индуктивно-связанной плазмой

Optima 7000DV. Пробоподготовка осуществлялась с использованием системы микроволнового разложения speedwave MWS-2.

В почвах наблюдаемых участков, в большей степени подверженных техногенным воздействиям, тяжелые металлы варьировали в пределах: As (4,53-7,38); Cr (41,40-32,75); Cu (14,60-17,63); Mo (6,52-6,81); Ni (17,56-27,45); Pb (70,65-85,48); Sr (19,89-22,31); Zn (16,93-20,02) мг/кг (*рис. 1*).

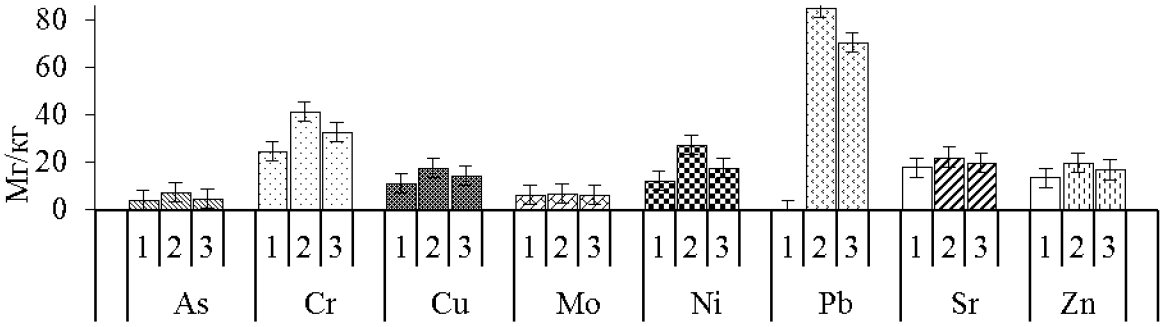

Рис. 1. Содержание тяжелых металлов в почвах наблюдательных участков

Тяжелые металлы накапливаются не только в почве, но и растениях. Важное место при исследовании влияния тяжелых металлов на растения занимает изучение их накопления. Растения способны поглощать из окружающей среды в больших или меньших количествах практически все химические элементы, накапливая тяжелые металлы в тканях и на поверхности органов [3, 4]. Для анализа отбирались наиболее распространенные виды растений для всех участков: Вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin.), Шлемник обыкновенный (*Scutellaria galericulata* L.). Наибольшая аккумуляция тяжелых металлов у Вейника Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin.) выявлена по отношению к Zn, Cu, Sr и Pb *(рис.2).*

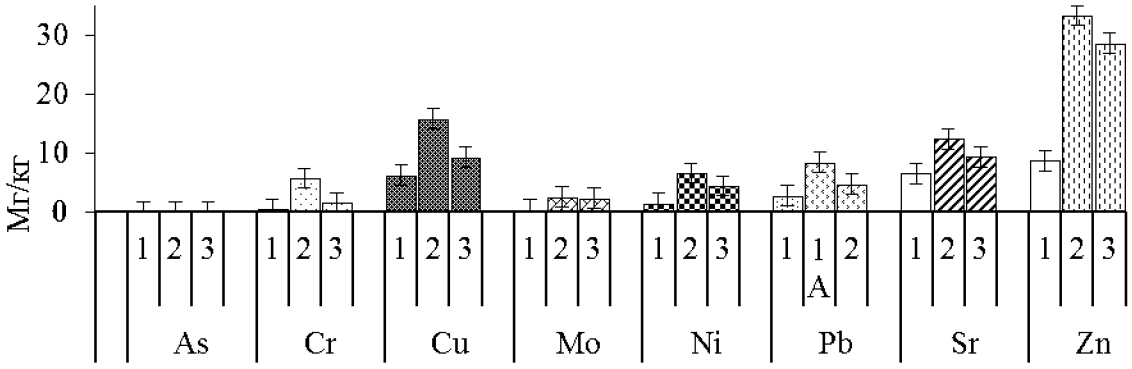

Рис. 2. Содержание тяжелых металлов в растении Вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin.), собранного с наблюдательных участков

Диапазон накопления наиболее аккумулируемых тяжелых металлов в Шлемнике обыкновенном (*Scutellaria galericulata* L.) на участках с наибольшим антропогенным воздействием следующий: Zn (9,88-14.88) мг/кг; Sr (8,03-12,04); Cu (8,55-10,55); Pb (5,02-9,02) мг/кг (*рис. 3*) .

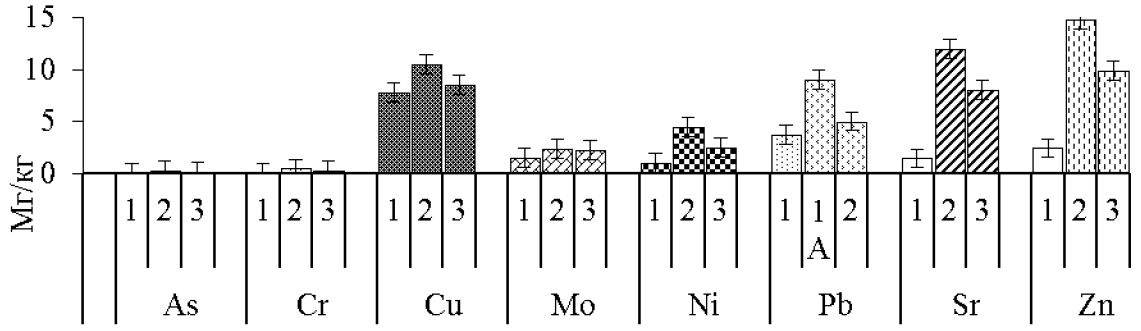

Рис. 3. Содержание тяжелых металлов в растении Шлемник обыкновенный (*Scutellaria galericulata* L.), собранного с наблюдательных участков

Основными загрязнителями в почве являются: Pb, Cr, Sr; в растениях: Zn, Cu, Sr (Вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin.); Zn, Sr, Cu (Шлемник обыкновенный (*Scutellaria galericulata* L.).

Выявлена высокая положительная корреляция между содержанием тяжелых металлов в почве и растениях (Вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin.) r=0,53-0,73; Шлемник обыкновенный (*Scutellaria galericulata* L.) r=0,14-0,26).

Анализ результатов показал различную аккумуляционную способность наблюдаемых растений к тяжелым металлам. Это доказывает избирательную способность растений накапливать элементы в необходимом количестве. Максимальное их содержание отмечено на участке № 2.

На основании результатов анализа почвы и растений наблюдательные участки выстраиваются в следующий ряд по мере усиления антропогенных нагрузок, в том числе по содержанию тяжелых металлов: контрольный участок (№ 1) → участок №3 → участок № 2.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что наиболее сильное угнетение испытывает экосистема, расположенная в зоне прямого техногенного воздействия (участок № 2). В более благоприятных условиях находится территории участка № 1. Участок № 3 находится в существенном нарушении экологической ситуации.

1. Гилева Ю. А., Ковалева Л. В., Леонович Н. А., Пирогова С. Ю., Гончарова Н. Н., Недвецкая Г. Б. Распределение тяжелых металлов в топинамбуре, выращенном на загрязненных почвах // Вестник Иркутского университета. Спец. вып.: Матер. ежегод. науч.- теорет. конф. молодых ученых. Иркутск, 2001. С. 184.

2. Григорьев А. А., Руденко О. В., Сова Ю. А., Бородихин А. С. Применение нейронных сетей для решения задач прогнозирования поглощения тяжелых металлов растениями // Матер. 3 междунар. научно-практич. конф., посвящ. 20-летнему юбилею ГНУ КНИИХП Россельхозакадемии «Инновационные пищевые технологии в области хранения и переработки сельскохозяйственного сырья» (23-24 мая 2013 г.) Краснодар: КНИИХПСП,2013. С. 259-263.

3. Попова Е. И. Оценка экологического состояния растительности в районе промышленного комплекса Тобольского нефтехимического комбината// Научные ведомости БелГУ. Белгород, 2013. № 7 (160). Выпуск 24. С. 102-107.

4. Popova E. I. The ecological status of forest phytocenoses in the area of TPCP // In the World of Scientific Discoveries, Series B. 2013. Т. 1. № 1. С. 120-127.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МИНЕРАЛИЗОВАННЫХ ПЛАСТОВЫХ ВОД НА ПОЧВЕННЫЙ ПОКРОВ ДОЛИНЫ РЕКИ ИРТЫША

Л. А. Табуркин
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

В структуре ландшафтов почва занимает одно из центральных положений, являясь своеобразным фокусом, где взаимодействуют все остальные компоненты, определяющие ее происхождение и развитие. В пределах Западной Сибири расположен крупнейший в мире артезианский бассейн. В 50 – 60-е годы XX в. здесь проводилось широкомасштабное геологоразведочное бурение по поиску углеводородного сырья, которое вскрыло артезианские водоносные горизонты. Скважины юга тюменского региона были признаны бесперспективными и законсервированы еще в годы бурения [1, с. 68]. Через десятилетия коррозия устья законсервированных скважин привела к его прорыву и началу поступления из недр на земную поверхность постоянно обновляемых потоков минерализованных вод, которое продолжается и в настоящее время.

Главная особенность воздействия на почву минерализованных артезианских вод заключается в развитии процессов засоления, которое не является техногенным в полном смысле слова и не подходит под классическое определение техногенного галогенеза Солнцевой [2, с. 235].

В условиях нефтедобычи как геохимического процесса преобразования природных систем, представляющего собой засоление почв за счет воздействия минерализованных техногенных потоков. Одним из перспективных модельных регионов для изучения этой проблемы является территория юга Западной Сибири, где сосредоточено большое количество бесхозных геологоразведочных скважин, фонтанирующих минерализованной артезианской водой.

Для выявления воздействия галогенеза на интразональные почвы нами была выбрана территория вблизи фонтанирующей скважины № 36-РГ, являющейся одной из самых старых скважин юга Тюменской обл. – 1965 г. бурения и консервации и фонтанирующей с середины 80-х гг. XX в. [1, с. 93]. Эта территория представлена различными типами аллювиальных почв, в которых за 25-летний период изливания минерализованных артезианских вод, могли произойти эволюционные изменения [3, с. 87].

Территория исследования расположена в юго-западной части возвышенности Тобольского материка Западносибирской аккумулятивной равнины [4]. Основными геоморфологическими элементами являются первая надпойменная терраса, высокая и низкая пойма р. Аремзянка (правый приток Иртыша). По почвенно-географическому районированию исследуемая территория относится к Туртас-Иртышскому району дерновоподзолистых почв со вторым гумусовым горизонтом и торфяно-болотных почв, а в долинах рек почвенный покров, представленный типами аллювиальных болотных и аллювиальных дерновых почв, изучен слабо [3, с. 103].

Скважина № 36-РГ была пробурена в 1965 г. в 1 км от деревни Шестаково Тобольского района Тюменской обл. при доразведке месторождения йодных вод. В настоящее время является бесхозной и фонтанирует высоконапорной водой хлоридно-натриевого состава с дебитом 1000м^3/сут [1, с. 104].

Проведенные исследования химического состава артезианской воды подтвердили ранее полученные данные о ее хлоридно-натриевом составе [1]. Нашими исследованиями установлено, что концентрации анионов Cl^- составляют 217.8 ммоль/л, HCO_3^- – 8.6 ммоль/л. Концентрации катионов Na^+ составляют 233.1 ммоль/л, Ca^{2+} – 12.4 ммоль/л, Mg^{2+} – 5.0 ммоль/л. Минерализация составляет

14.0 г/л. Реакция вод слабощелочная ($pH_{водный}$ = 7.4). Объектами исследования являлись почвы, подверженные воздействию минерализованных вод и их фоновые аналоги.

Изученные катены приурочены к речной долине и начинаются от уреза воды, проходят через низкую пойму, высокую пойму и заканчиваются на первой надпойменной террасе. На каждом геоморфологическом уровне были заложены и исследованы почвенные профили. На каждом геоморфологическом уровне были заложены и исследованы почвенные профили. Всего обследовано 9 почвенных профилей (по три для каждой катены). Из всех генетических горизонтов изученных почв был отобран 41 образец и выполнен комплекс физико-химических анализов. Степень засоления определяли по ионам Na^+ [5]. Для диагностики и номенклатуры почв использовали классификацию 1977 г. [6, с. 83] и подходы для классификации техногенно-нарушенных почв (в названии почв отражен характер техногенного влияния), предложенные Солнцевой [7, с. 126]. Почвы первой надпойменной террасы представлены тремя разрезами — вне зоны воздействия минерализованных; недалеко от скважины, но выше по уклону и вокруг заболоченной области в зоне непосредственного воздействия фонтана скважины. Наличие осолоделого горизонта реликтового происхождения отмечено в фоновой почве первой надпойменной террасы.

Наличие иллювиального горизонта между гумусовым и осолоделым горизонтами не характерно для солодей. Предположительно, он сформировался в результате современного почвообразовательного процесса. Физико-химические показатели почвы не характерны для солодей. Содержание обменного Na^+ составляет менее 0.1 моль/кг, наличие легкорастворимых солей отмечено лишь в нижней части коренной породы D3. Наличие солей на этой глубине, возможно, характеризует остаточное засоление. Реакция почвы, в целом, слабокислая ($pH_{водный}$ = 5÷6). Развитие современных дернового и глеевого процессов и наличие реликтового осолоделого горизонта позволяет классифицировать эту почву как дерново-грунтово-глееватую остаточно-осолоделую малогумусную [6, с. 113].

Выше по уклону от фонтанирующей скважины вне зоны непосредственного воздействия минерализованных вод развита дерново-грунтово-глееватая малогумусная солончаковая слабозасоленная почва [6, с. 115]. Профиль обогащен солями, поступление которых связано с разбрызгиванием минерализованной воды фонтаном скважины. Максимальные концентрации анионов $C1^-$ и катионов Na^+ наблюдаются в дернине, степень засоления – слабая. Остальные горизонты незасолены, хотя содержания $C1^-$ и Na^+ несколько больше, чем в фоновых почвах. Отмечено увеличение содержания обменного Na+ в почве по сравнению с фоновой почвой первой надпойменной террасы. Максимум обменного Na^+ приурочен к горизонту А дер. – 4.7 моль/кг. Также происходит уменьшение содержаний обменных Ca^{2+} и Mg^{2+}, что характерно для территорий, подверженных воздействию техногенного галогенеза. На первой надпойменной террасе вокруг заболоченной области в зоне непосредственного воздействия фонтана скважины была обнаружена погребенная под техногенной насыпью почва, которая по морфологическому строению профиля сходна с описанной выше дерново-грунтово-глееватой почвой, но в ней активно проявляется современный солончаковый процесс. Почва насыщена солями по всему профилю. Для всего почвенного профиля характерен хлоридно-натриевый тип химизма. Степень засоления очень сильная. В связи с изменением солевого состава почвы отмечается увеличение содержания обменного Na^+ в почвенно- поглощающем комплексе. Оно составляет 30-55 % от емкости поглощения. Одновременно происходит и значительное уменьшение содержания обменного Ca^{2+} и Mg^{2+}. Почва является солончаком хлоридно-натриевым корковым глубоко - профильным [6, с. 118].

Почвы высокой и низкой поймы. Фоновый почвенный покров высокой поймы представлен собственно аллювиальной луговой кислой почвой [6]. Вблизи русла

постоянного стока минерализованной воды в реку в результате трансформации собственно аллювиальной луговой кислой почвы сформировался солончак хлоридно–натриевый корковый глубокопрофильный [6, с. 118]. Морфологическое строение профиля характеризуется слабой дифференциацией на генетические горизонты. Профиль состоит из одного солончакового горизонта, сохранившего реликтовые признаки гумусового и иллювиального горизонтов. Деградация этих горизонтов, по-видимому, связана с увеличением растворимости органического вещества почвы за счет образования гуматов и фульватов натрия, отмеченной в районах воздействия техногенного галогенеза [5]. Химизм всех хлоридно-натриевый, степень засоления – очень сильная, $pH_{водный}$ равен 8.1. Почва в районе скважины в химическом отношении изменена по сравнению с фоновым аналогом. Гумусовый горизонт содержит повышенные концентрации Cl^- и Na^+. Содержание обменного Na^+ повышено по сравнению с фоновой почвой. Реакция pH составляет 5.8÷6.0, что соответствует фоновым значениям. Почва является собственно аллювиальной луговой кислой солончаковой слабозасоленной [6, с. 118].Таким образом, развитие собственно аллювиальных луговых кислых почв высокой поймы вблизи ручья минерализованных вод направлено на образование солончаков хлоридно-натриевых корковых глубокопрофильных со слабощелочной и щелочной реакцией. Морфологическое строение этих солончаков существенно изменено по сравнению с фоновыми почвами в связи с трансформацией гумусового и иллювиального горизонтов. При удалении от фонтана скважины и ручья минерализованных вод изменения почвенного типа не происходит, в то же время собственно аллювиальные луговые кислые почвы в слабой степени подвержены воздействию солончакового процесса. Это находит отражение в солевом составе почв и морфологическом строении профиля.

Фоновый почвенный покров низкой поймы представлен аллювиальной луговой кислой слоистой примитивной почвой [6, с. 127]. Данная почва кислая и слабокислая ($pH_{водный}$ = 4.9÷5.6). Степень насыщенности основаниями высока (65-75 %). Фоновый тип почв низкой поймы значительно изменяется вблизи русла временного стока. По химическому составу почва отличается высокими концентрациями анионов Cl^- и катионов Na^+. В верхнем слое зафиксированы максимальные для почв исследуемой территории концентрации анионов Cl^- (19.2 смоль /кг), а также высокий показатель суммы солей – 1.07 %. Химизм слоя хлоридно–натриевый, степень засоления очень сильная. Засоление уменьшается вниз по профилю. В нижних слоях степень засоления сильная и средняя, химизм хлоридно–кальциево–натриевый. Почва является переходной между типами аллювиальной луговой кислой к аллювиальной луговой насыщенной. Тем не менее, высокие значения pH водной вытяжки, несмотря на низкую степень насыщенности основаниями (менее 90 %) позволяют классифицировать ее как аллювиальную луговую насыщенную слоистую примитивную солончаковую сильнозасоленную почву [6, с. 132]. Вблизи русла постоянного стока солевой состав почвы также претерпел изменения. Тип химизма с сульфатно–гидрокарбонатно–хлоридно–натриевый, степень засоления средняя. Почва определена как аллювиальная луговая насыщенная слоистая примитивная солончаковая слабозасоленная [6, с. 134].

Следствием поступления артезианских минерализованных вод хлоридно–натриевого состава из фонтана скважины № 36-РГ в почвы долины р. Аремзянка является активизация солончакового процесса, который за 25-летний период воздействия нарушил естественное развитие интразональных почв первой надпойменной террасы, а также высокой и низкой пойм. На первой надпойменной террасе дерново–грунтово–глееватые почвы в радиусе 30 м от скважины трансформировались в солончаки хлоридно-натриевые корковые глубокопрофильные. При удалении от фонтана скважины на 80 м в пределах данного геоморфологического уровня сформировались засоленные варианты дерново–грунтово–глееватых почв. На

высокой пойме вблизи ручья минерализованных вод собственно аллювиальные луговые кислые почвы трансформировались в солончаки хлоридно–натриевые корковые глубокопрофильные со слабощелочной и щелочной реакцией. При удалении от ручья минерализованных вод на 100 м наблюдаются слабозасоленные варианты аллювиальных луговых кислых почв. В пределах низкой поймы р. Аремзянка аллювиальные луговые кислые слоистые примитивные почвы трансформировались в аллювиальные луговые насыщенные слоистые примитивные солончаковые слабозасоленные и сильнозасоленные почвы.

1. Отчет о результатах геологоразведочных работ по объекту «Инвентаризация и определение состояния скважин на пресную и минеральную воду, пробуренных в южной части Тюменской области»: отчет управления по недропользованию по Тюменской области и территориального центра «Тюменьгеомониторинг». Тюмень, 2008
2. Солнцева Н.П. Добыча нефти и геохимия ландшафта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
3. Каретин Л.Н. Почвы Тюменской области. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
4. Атлас Тюменской области. М.-Тюмень: ГУГК СССР, 1971. Вып. 1. 27 л.
5. Соколовский А.Н. Засоленные почвы как одно из солепроявлений наземной поверхности // Почвоведение. 1941. № 7-8.
6. Классификация и диагностика почв СССР. М.: Колос, 1977.
7. Солнцева Н.П. Добыча нефти и геохимия ландшафта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

ПОЙМЕННО-РУСЛОВОЙ КОМПЛЕКС НИЖНЕГО ИРТЫША*

А. Ю. Токарева, И. А. Дударева, Е. С. Земцова, Г. С. Алимова, Р. М. Сулкарнаева, Ю. Ф. Плесовских
Тобольская комплексная научная станция УоР РАН, г. Тобольск

Пойменно-русловой комплекс представляет собой взаимосвязанную систему, где русло и пойма являются ее компонентами. Индикатором экологических условий пойменно-русловой экосистемы обычно выступают береговые грунты, растительный покров, зообентос, а также рыбное население. В настоящее время изучение экологического состояния пойменно-русловой экосистемы Нижнего Иртыша в условиях антропогенного воздействия практически не проводилось. Данные работы ведутся в основном в бассейне Верхнего Иртыша [1]. Одним из основных видов антропогенного воздействия является химическое загрязнение (тяжелые металлы).

Объектом наших исследований являются растительный покров биотопов, береговые грунты в пойме нижнего течения р. Иртыш. Исследование проведено в пяти станциях на территории центральной право- и левобережной гривистой поймы рек Иртыш (биотоп № 1 – с. Абалак, Тобольский район, биотоп № 3 – научно-исследовательский стационар «Миссия» ТКНС УрО РАН, Уватский район, биотоп № 4 – пос. Медведчикова, биотоп № 5 – пос. Бронниково) и Тобол, биотоп № 2 – деревни Бизино и Татарские Медянки, Тобольский район.

Проведен атомно-эмиссионный анализ отобранных образцов растений на содержание 11 химических элементов, которые относят к тяжелым металлам (As, Cd, Co, Cr, Cu, Mn, Mo, Ni, Pb, Sr, Zn), а также Fe.

Получены уравнения множественной регрессии, отражающие математическую зависимость концентрации химического элемента от двух предикторов – доли фракций песчаных и глинистых частиц в образце береговых грунтов (*табл. 1*).

* *Работа поддержана программой УрО РАН «Живая природа: современное состояние и проблемы развития» № 15-12-4-20.*

Табл. 1

Зависимость содержания металлов в береговых грунтах реки Иртыш от процентного содержания фракции глинистых (clay) и песчаных частиц (sand)

Уравнения множественной регрессии	r1	r2	R	R2	A, %
[AI] = 3490,58 + 1704,23(clay) – 34,67(sand)	0,81	-0,70	0,81	0,65	52
[Fe] = 11735,36 + 1128,13(clay) – 99,57(sand)	0,79	-0,75	0,80	0,65	35
[Mn] = 28,85 + 40,78(clay) – 0,06(sand)	0,71	-0,59	0,71	0,50	38
[Pb] = 52,41 + 4,98(clay) – 0,47 (sand)	0,81	-0,77	0,83	0,68	36
[Cr] = 25,92 + 1,32(clay) – 0,19(sand)	0,69	-0,68	0,72	0,51	47
[Zn] = 20,82 + 2(clay) – 0,17(sand)	0,76	-0,72	0,77	0,60	38
[Ni] = 9,73 + 0,7(clay) – 0,0563(sand)	0,61	-0,57	0,62	0,38	47
[Cu] = 5,92 + 0,83(clay) – 0,055(sand)	0,81	-0,75	0,82	0,67	47
[Co] = 4,88 + 0,38 (clay) – 0,0387(sand)	0.82	-0,79	0,84	0,71	29
[As] = 3,41 + 0,17 (clay) – 0,0236(sand)	0,68	-0,67	0,71	0,50	42

Предложен способ оценки загрязнения береговых грунтов тяжелыми металлами. На основе анализа береговых грунтов водных объектов, не подверженных антропогенному загрязнению, устанавливается математическая зависимость между концентрацией металла и гранулометрическим составом – процентным содержанием фракций песчаных (sand) и глинистых частиц (clay), описываемая уравнением множественной регрессии, определяется средняя ошибка аппроксимации. В анализируемом образце береговых грунтов определяется фактическое содержание металла. На основе данных о гранулометрическом составе береговых грунтов и ранее построенного уравнения регрессии рассчитывается теоретическое значение концентрации металла. В случае, когда разница между фактическим и теоретическим значением превышает среднюю ошибку аппроксимации, делается вывод о загрязнении объекта тяжелым металлом [2].

Таксономический анализ биотопов позволил выявить доминантные виды растений в пойме нижнего течения Иртыша (*табл. 2*).

Табл. 2

Таксономический анализ биотопов в пойме нижнего течения Иртыша

№	Виды растений	Станции отбора				
		д. Абалак ***(биотоп № 1)***	д. Бизино и Татарские Медянки ***(биотоп № 2)***	НИС «Миссия» ТКНС УрО РАН ***(биотоп № 3)***	п. Медведчикова ***(биотоп № 4)***	п. Бронниково ***(биотоп № 5)***
1	2	3	4	5	6	7
Отдел покрытосеменные, класс двудольные						
Семейство Березовые (Betulacae)						
1	Береза повислая (*Betula pendula* L.)	+	+	+	+	+
Семейство Ивовые (Salicaceae)						
2	Тополь дрожащий или Осина (*Populus tremula* L.)	+	+	+	+	+
3	Ива белая (Salix alba L.)	+	+	+	+	+

Табл. 2, продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Семейство Сосновые (Pinaceae)						
4	Сосна обыкновенная	-	-	-	+	-
Семейство Астровые или Сложноцветные (Asteraceae)						
5	Девясил британский (*Inula británnica* L.)	+	-	-	+	+
6	Бодяк полевой (*Cirsium arvense* L.)	-	+	-	+	-
7	Скерда кровельная (*Crepis tectorum* L.)	-	-	-	+	-
8	Пижма обыкновенная (*Tanacetum vulgare* L.)	-	-	-	+	-
9	Мелколепестник острый (*Erigeron acris* L.)	-	-	-	+	-
10	Полынь горькая (*Artemisia absinthium* L.)	-	+	-	+	-
11	Молокан татарский (*Mulgedium tataricum* D.C.)	-	-	-	+	-
12	Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.)	-	-	-	+	-
13	Одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale* L.)	-	-	-	+	-
14	Мать-и-мачеха (*Tussilago farfara* L.)	-	-	+	-	-
15	Лопух, репейник большой (*Arctium lappa* L.)	-	-	+	-	-
16	Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.)	-	-	+	-	-
17	Ромашка непахучая (*Matricaria perforate* Merat.)	-	-	+	-	-
Семейство Розоцветные (Rosaceae)						
18	Гравилат городской (*Geum urbanum* L.)	-	-	+	-	-
Семейство Лютиковые (Ranunculaceae)						
19	Лютик ползучий (*Ranunculus repens* L.)	-	-	-	+	-
20	Лютик едкий (*Ranunculus acer* L.)	-	-	-	+	-
Семейство Подорожниковые (Plantaginaceae)						
21	Подорожник средний (*Plantago media* L.)	+	+	+	+	+
22	Подорожник большой (*Plantago major* L.)	-	-	+	-	-
Семейство Хвощовые (Equisetaceae)						
23	Хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.)	+	+	+	-	+
Семейство Бобовые (Fabaceae)						
24	Вика (горошек) мохнатая, или озимая (*Vicia villosa* Roth.)	-	+	+	+	-
25	Клевер луговой (*Trifolium pratense* L.)	-	+	+	+	-
26	Клевер ползучий, или белый (*Trifolium repens* L.)	-	-	+	-	-
27	Клевер гибридный (*Trifolium hybridum* L. [T. Elegans Savi, Amoria hybrida (L.) C. Presl])	-	-	+	+	-
28	Чина луговая (*Lathyrus pratensis* L.)	-	+	+	+	-
Семейство Кипрейные (Onagraceae)						
29	Иван-чай (кипрей) (*Epilobium angustifolium* L.)	-	+	-	+	-
Семейство Сельдерейные (Apiaceae)						
30	Двойчатка лучистая (*Bifora radians* Bieb. (Hoffm.))	-	-	-	+	-
Семейство Осоковые (Cyperaceae)						
31	Осока пузырчатая (*Carex vesicaria* L.)	+	-	-	-	+
Семейство Яснотковые (Lamiaceae) или Губоцветные (Lamiaceae)						
32	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.)	+	+	-	+	+
33	Черноголовка крупноцветная (*Prunella grandiflora* (L.) Scholl.)	-	-	+	-	-
Семейство Гвоздичные (Caryophyllaceae)						
34	Дрема белая (*Melandrium album* L.)	-	-	+	-	-
35	Звездчатка средняя (мокрица) (*Stellaria media* L.)	-	-	-	+	-
36	Торица обыкновенная (*Spergula vulgaris* Boenn.)	-	-	-	+	-
Семейство Мятликовые или Злаки (Poaceae)						
37	Вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorfii* L.)	-	-	-	+	-
38	Щетинник зеленый (*Setaria viridis* L.)	-	-	-	+	-
Семейство Крестоцветные (Brassicaceae) или Капустные (Cruciferae)						
39	Желтушник венгерский (*Erysimum pannonicum* Crantz)	-	-	-	+	-

Табл. 3

Среднее содержание металлов (мг/кг) в доминантных видах растений поймы нижнего течения Иртыша

Биотоп	вид	As		Cd		Co		Cr		Cu		Fe		Mn	
		X	σ	X	σ	X	σ	X	σ	X	σ	X	σ	X	σ
1	Девясил британский (*Inula británnica* L.), фитомасса	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**1,66**	0,01	**14,85**	0,1	**1632**	10	**360**	0,6
1	Девясил британский (*Inula británnica* L.), корни	**14,8**	0,35	**0**	0	**0**	0	**1,68**	0,01	**15,95**	0,05	**6716**	4	**456**	0
1	Подорожник средний (*Plantago media* L.), фитомасса	**1,86**	0,02	**0**	0	**0**	0	**3,56**	0,03	**11,15**	0,18	**1698**	3	**315,7**	2,1
1	Подорожник средний (*Plantago media* L.), корни	**2,72**	0,12	**0**	0	**1,04**	0	**0**	0	**7,59**	0,03	**501**	1,3	**111,2**	0,6
1	Осока пузырчатая (*Carex vesicaria* L.), фитомасса	**1,49**	0,09	**0**	0	**0**	0	**1,84**	0,03	**8,17**	0,1	**981,3**	4	**238,4**	2,2
1	Осока пузырчатая (*Carex vesicaria* L.), корни	**7,3**	0,15	**0**	0	**0**	0	**3,99**	0,05	**9,71**	0,03	**4978**	27	**576**	0,8
1	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), фитомасса	**2,02**	0,22	**0**	0	**0**	0	**2,78**	0	**16,42**	0,06	**1647**	3	**483**	1
1	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), корни	**6,3**	0,05	**0**	0	**0**	0	**1,75**	0,01	**13,99**	0,23	**2721**	10	**281**	1,2
2	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), фитомасса	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**2,26**	0,01	**13,09**	0,03	**2193**	6	**698**	1,3
2	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), корни	**6,37**	0,04	**0**	0	**0**	0	**1,38**	0,03	**11,79**	0,02	**4199**	38	**678**	6
2	Подорожник средний (*Plantago media* L.), фитомасса	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**1,54**	0	**11,63**	0,04	**1699**	6	**435**	1,2
2	Подорожник средний (*Plantago media* L.), корни	**14,76**	0,03	**0**	0	**0**	0	**4,25**	0,09	**13,81**	0	**11960**	19	**559**	3,1
2	Клевер луговой (*Trifolium pratense* L.), биомасса	**0,35**	0,23	**0**	0	**0,45**	0,02	**1,94**	0,02	**15**	0,1	**459**	2,7	**68**	0,1
2	Вика (горошек) мохнатая, или озимая (*Vicia villosa* Roth.), биомасса	**0,82**	0,1	**0**	0	**0,98**	0,03	**0,08**	0,01	**10,82**	0,05	**191,6**	0,7	**42,33**	0,05

2	Хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.), фитомасса	**0,3**	0,03	**0**	0	**0**	0	**0,39**	0,04	**18,88**	0,09	**904**	0,7	**290**	0,1
2	Хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.), корни	**15,98**	0,35	**1,32**	0,01	**0**	0	**1,45**	0,02	**22,37**	0,01	**5082**	23	**638**	5
2	Чина клубненосная (*Lathyrus tuberosus* L), биомасса	**0,98**	0,27	**0**	0	**0,51**	0,01	**0,68**	0,02	**13,54**	0,05	**393,9**	0,7	**45,92**	0,06
2	Бодяк полевой (*Cirsium arvense* L.), фитомасса	**0,9**	0,19	**0**	0	**0,09**	0,02	**1,7**	0,05	**16,28**	0,24	**830,7**	3,3	**102,1**	0,29
2	Бодяк полевой (*Cirsium arvense* L.), корни	**0,52**	0,04	**0**	0	**0,69**	0,03	**0,99**	0,02	**19,32**	0,09	**492**	0,8	**56,1**	0,33
2	Полынь горькая (*Artemisia absinthium* L.), фитомасса	**0,89**	0,12	**0**	0	**0,56**	0	**1**	0,04	**17,99**	0,17	**455,8**	0,2	**166**	0,7
2	Полынь горькая (*Artemisia absinthium* L.), корни	**1,7**	0,33	**0**	0	**0**	0	**2,67**	0,02	**15,21**	0,11	**1592**	7	**403,4**	1,7
2	Иван-чай (кипрей) (*Epilobium angustifolium* L.), фитомасса	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**0**	0	**13,37**	0,03	**352**	0,4	**234**	1,5
2	Иван-чай (кипрей) (*Epilobium angustifolium* L.), корни	**0,56**	0,01	**0**	0	**1,32**	0	**0,25**	0,02	**5,44**	0,06	**34,39**	0,13	**73,43**	0,26
3	Подорожник средний (*Plantago media* L.), фитомасса	**1,01**	0,16	**0**	0	**0,86**	0,03	**0,09**	0,02	**12,86**	0,02	**249,5**	1,1	**45,54**	0,21
3	Подорожник средний (*Plantago media* L.), корни	**1,45**	0,17	**0**	0	**0**	0	**5,95**	0,01	**23,78**	0,17	**4184**	4	**307,4**	2,3
3	Вика (горошек) мохнатая, или озимая (*Vicia villosa* Roth.), биомасса	**0**	0	**0**	0	**1,25**	0,01	**0**	0	**4,82**	0,04	**9,6**	0,05	**43,48**	0,12
3	Чина клубненосная (*Lathyrus tuberosus* L), биомасса	**0**	0	**0**	0	**1,35**	0,02	**0**	0	**6,14**	0,01	**7,24**	0	**27,38**	0,09
3	Клевер луговой (*Trifolium pratense* L.), корни	**1,46**	0,08	**0**	0	**0**	0	**6,52**	0,05	**12,62**	0,12	**5755**	32	**289**	0,7
4	Бодяк полевой (*Cirsium arvense* L.), фитомасса	**0,78**	0,09	**0**	0	**0,76**	0,05	**0,4**	0,03	**15,77**	0,02	**541**	2,6	**117**	0,9
4	Бодяк полевой (*Cirsium arvense* L.), корни	**1,38**	0,17	**0**	0	**1,3**	0,03	**0,26**	0,03	**12,44**	0,03	**218**	1,5	**44,86**	0,29

4	Подорожник средний (*Plantago media* L.), фитомасса	**0,26**	0,31	**0**	0	**0,77**	0,02	**0,65**	0,06	**16,36**	0,2	**436**	2,3	**80,28**	0,26
4	Подорожник средний (*Plantago media* L.), корни	**1,7**	0,02	**0**	0	**0**	0	**4,53**	0,01	**24,63**	0,27	**2067**	3,4	**161,7**	0,44
4	Иван-чай (кипрей) (*Epilobium angustifolium* L.), фитомасса, (выше поймы)	**0,67**	0,17	**0**	0	**0,89**	0	**0**	0	**11,19**	0,06	**131,9**	1	**50,63**	0,03
4	Иван-чай (кипрей) (*Epilobium angustifolium* L.), корни, (выше поймы)	**30,27**	0,11	**0**	0	**0**	0	**9,34**	0,02	**17,18**	0,3	**13870**	17	**862,6**	3,6
4	Чина луговая (*Lathyrus pratensis* L.), биомасса	**0,86**	0,01	**0**	0	**0,94**	0,02	**0,13**	0,01	**9,95**	0,01	**170,6**	0,1	**31,29**	0,1
4	Вика (горошек) мохнатая, или озимая (*Vicia villosa* Roth.), биомасса	**0**	0	**0**	0	**1,25**	0,01	**0**	0	**5**	0,01	**10**	0,04	**23,55**	0,17
4	Клевер луговой (*Trifolium pratense* L.), фитомасса	**0,13**	0,17	**0**	0	**0,96**	0	**0,24**	0	**12,19**	0,03	**241**	0,11	**39,82**	0,45
4	Клевер луговой (*Trifolium pratense* L.), корни	**0,6**	0,36	**0**	0	**1,34**	0,01	**0**	0	**6,02**	0,04	**58,2**	0,25	**68,39**	0,02
4	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), фитомасса	**3,32**	0,01	**0**	0	**0**	0	**6,22**	0,01	**12,73**	0,02	**3869**	10	**904,3**	0,3
4	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), корни	**23,46**	0,19	**0**	0	**0**	0	**4,08**	0,03	**11,05**	0,01	**10040**	44	**889**	0,3
5	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), фитомасса	**1,34**	0,26	**0**	0	**0**	0	**3,28**	0,03	**12,04**	0,12	**1657**	18	**438,8**	0,9
5	Мята полевая (*Mentha arvensis* L.), корни	**1,86**	0,03	**0**	0	**1,84**	0,02	**0**	0	**7,47**	0,07	**105**	0,3	**205**	1,7
5	Хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.), фитомасса	**2,15**	0,18	**0**	0	**1,76**	0	**0**	0	**5,98**	0,01	**16,33**	0,04	**78,04**	0,09
5	Хвощ полевой (*Equisetum arvense* L.), корни	**2,7**	0,18	**0,52**	0,01	**0**	0	**1,23**	0,01	**14,75**	0,15	**1226**	5	**269**	0,2
5	Подорожник средний (*Plantago media* L.), фитомасса	**0,73**	0,28	**0**	0	**1,87**	0,03	**0,95**	0,01	**6,34**	0,04	**62,65**	0,29	**100,9**	0,08
5	Подорожник средний (*Plantago media* L.), корни	**2,06**	0,33	**0**	0	**1,36**	0,03	**0**	0	**7,48**	0	**709**	2	**152**	0,2

5	Осока пузырчатая (*Carex vesicaria* L.), фитомасса	**1,18**	0,15	**0**	0	**0,27**	0,04	**1,14**	0,05	**11,24**	0,01	**821**	4	**261**	1,3
5	Осока пузырчатая (*Carex vesicaria* L.), корни	**6,13**	0,11	**0**	0	**0**	0	**3,95**	0,02	**11,63**	0,1	**4611**	11,7	**347**	2,73

Атомно-эмиссионный анализ 15 доминантных видов растений поймы Нижнего Иртыша на содержание химических элементов выявил (*табл. 3*):

- накопление кадмия происходит только в корнях хвоща полевого (*Equisetum arvense* L.), в его фитомассе, а также в других видах – кадмий не обнаружен;
- концентрации кобальта до 2 мг/кг сухого веса определены в корнях и фитомассе растений семейств Хвощовые (Equisetaceae), Бобовые (Fabaceae), Кипрейные (Onagraceae);
- на основе статистического анализа при ранжировании концентраций подвижной формы остальных химических элементов в растениях (фитомасса, корни, биомасса) получен следующий ряд: Fe > Mn > Sr > Zn > Cu > Pb > Ni > Mo > Cr > As;
- практически во всех исследуемых доминантных видов растений наблюдается накопление металлов в корневой системе выше, чем в фитомассе.

1. Алимова Г. С., Земцова Е. С., Чемагин А. А., Попова Е. И., Дударева И. А., Токарева А. Ю., Хакимзянова Г. Х. Гидрохимия поверхностных вод и видовой состав макрозообентоса нижнего течения р. Иртыш // Вода: химия и экология. 2014. № 5. С. 27-34.
2. Земцова Е. С., Алимова Г. С., Токарева А. Ю., Попова Е. И. Способ оценки загрязнения водных объектов тяжелыми металлами // Мониторинг окружающей среды: Мат-лы междунар. научн. конф. (Рим, Флоренция, 6-13 сентября 2015 г.). Москва, 2015. С. 71-72.

ОЦЕНКА ОСТРОЙ ТОКСИЧНОСТИ МАЛЫХ РЕК ГОРОДА ТОБОЛЬСКА

Т. В. Третьякова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Экологическое состояние малых водоемов г. Тобольска связано с тем, что в водоразделе расположен частный жилой сектор, не включенный в городскую канализационную систему. Гидрологическая обстановка в подгорной части г. Тобольска определяется следующими факторами: равнинным рельефом, с общим понижением на юг и северо-запад; продолжительностью подпора, что затрудняет сброс талых и грунтовых вод и способствует инфильтрации большей часть скатившейся воды и, как следствие, подъем уровня грунтовых вод, подтопление территории. Высокие уровни воды в р. Иртыш препятствуют разгрузке грунтовых вод, идет обратный процесс – грунтовые воды движутся в подгорную часть города. Колебание уровней воды в малых реках оказывает влияние на режим грунтовых вод, чем выше уровень воды в водоемах, тем меньше идет разгрузка грунтовых вод и, следовательно, затапливается территория. Регулирование русел малых рек (углубление, расширение) в комплексе с перекачкой воды за дамбу обвалования в период подпора ее со стороны р. Иртыш дает существенное улучшение гидрогеологической обстановки.

Река Курдюмка берет начало в логу Мостовой вблизи села Анисимова, протекает по дну лога (5,6 км) и впадает в реку Иртыш на 661 км Тобольского рейда. Площадь водосбора 32 кв. км, длинна реки 6,9 км.

Река Слесарная – левый приток р. Курдюмки, впадает у перекрестка улиц Перова и Слесарной. Длина реки 5 км, площадь водосброса 10 кв. км. Река берет начало в верховьях лога Жуковского и до выхода на пойму Иртыша имеет вид ручья шириной 1 м и глубиной 0,2 – 0,5 м с заметным течением и заросшими травой и кустарниками берегами. По выходе на пойму русло реки канализовано и проходит по улице Сакко и Ванцетти и улице Слесарной до впадения в реку Курдюмка.

Река Абрамовская протекает по застроенной территории в межгривном веерообразном понижении поймы Иртыша, впадает в р. Иртыш в 850 м выше устья р. Курдюмки. Длина реки 3,1 км, водосборная площадь 5 кв. км.

Для анализа состояния малых водоемов в городской черте использовались методические рекомендации Е. Ф. Исаковой, Л. В. Колосовой «Определение острой токсичности питьевых, грунтовых, поверхностных, сточных вод» [2]. Были выбраны точки отбора проб на малых реках подгорной части г. Тобольска. Пробы брались в соответствии ГОСТ 17.1.5.05-85 [1]. Биотестирование проб воды проводилось не позднее 6 часов после их отбора. В качестве тест-объекта использовали Daphnia magna Straus. Для контроля (вода без токсических веществ) и разбавления использовалась водопроводная вода после отстаивания. Стеклянные сосуды емкостью 3 литра заполняли на 1/3 объема отфильтрованной природной водой и в них переносили дафний с помощью стеклянной трубки (внутренний диаметр 0,5 – 0,7 см) с оплавленным концом, чтобы не травмировать рачков. Плотность посадки 6 – 10 односуточных особей на 1 л воды. Учет выживших дафний проводили через 1, 6, 24, 48, 72, 96 ч. Особей считают выжившими, если они свободно передвигаются в толще воды или всплывают со дна сосуда не позднее 15 с после его легкого покачивания. Если требуется сравнить степень токсичности воды, отобранной из разных мест или в разное время, готовят серию разбавлений. Поверхностные, пресные, грунтовые и сточные воды с неизвестной степенью токсичности анализируют в 100, 50, 25, 10, 5 %-ной концентрации. Степенью разбавления называется величина 100% / х%. Для получения 5 % раствора степень разбавления 100/5, или одна доля сточных вод и 19 долей культивационной воды, т.е. 5 % раствор вод получится при их двадцатикратном разбавлении. Критерием токсичности является гибель 50 и более процентов дафний за период времени до 96 ч в тестируемой воде по сравнению с контролем. При определении острой токсичности устанавливают:

- среднюю летальную кратность разбавления вод, вызывающую гибель 50 % тест-объектов за 96-часовую экспозицию ($ЛКР_{50-96}$);

- безвредную кратность разбавления вод вызывающую гибель не более 10 % тест-объектов за 96-часовую экспозицию ($БКР_{10-96}$).

Для определения острой токсичности исследуемых вод, рассчитывают процент погибших в тестируемой воде дафний (А,%) по сравнению с контролем:

$$A = \frac{Хк - Хт}{Хк} \cdot 100,$$

где $Х_к$ – количество выживших дафний в контроле; $Х_т$-количество выживших дафний в тестируемой воде.

При А $\leq$ 10% тестируемая вода не оказывает острого токсического действия (безвредная кратность разбавления). При А $\geq$ 50% тестируемая вода оказывает острое токсическое действие (средняя летальная кратность разбавления).

Результаты биотестирования водных объектов, находящихся в черте г. Тобольска представлены в *табл. 1 и 2*.

Табл. 1

Показатели токсичного действия воды малых рек г. Тобольска, апрель 2013 г.

Место взятия пробы	Концентрация воды, %	Время	Кол-во выживших дафний		Оценка качества водной среды	
			в контроле	в опыте	$ЛКР_{50-96}$	$БКР_{10-96}$
река Курдюмка	5 10 25 50 100	через 96 ч	10 10 10 10 10	10 9 7 6 5	100 % концентрация воды	10 % концентрация воды
река Абрамовская	5 10 25 50 100	через 96 ч	10 10 10 10 10	10 7 6 5 4	50 % концентрация воды	5 % концентрация воды
река Слесарная	5 10 25 50 100	через 96 ч	10 10 10 10 10	10 10 9 5 4	50 % концентрация воды	25 % концентрация воды

Табл. 2

Показатели токсичного действия воды малых рек г. Тобольска, май 2013 г.

Место взятия пробы	Концентрация воды, %	Время	Количество выживших дафний		Оценка качества водной среды	
			в контроле	в опыте	$ЛКР_{50-96}$	$БКР_{10-96}$
река Курдюмка	5 10 25 50 100	через 96 ч	10 10 10 10 10	10 9 7 5 3	50 % концентрация воды	10 % концентрация воды
река Абрамовская	5 10 25 50 100	через 96 ч	10 10 10 10 10	10 7 5 4 2	25 % концентрация воды	5 % концентрация воды
река Слесарная	5 10 25 50 100	через 96 ч	10 10 10 10 10	10 10 9 5 4	50 % концентрация воды	25 % концентрация воды

Из таблиц видно, что показатель А,% для р. Курдюмки в апреле месяце составил 50 %, в мае месяце – 70 % ,в р. Абрамовской – 60 % и 80 % соответственно, р. Слесарной – 60% и 60 % соответственно, что говорит об острой токсичности воды в этих реках. Для доведения воды до нетоксического действия ($БКР_{10-96}$)) требуется разбавление: для р. Курдюмки – в 10 раз, для р. Абрамовской – в 20 раз, для р. Слесарной – в 2 раза.

Для сопоставления анализа результатов биотестирования определили химическое (ХПК) и биологическое потребление кислорода $БПК_5$, данные которых превышают

ПДК в среднем по ХПК в 5,5 и 4,5 раза; $БПК_5$ – в 4 и 3,5 раза для р. Абрамовки и Курдюмки, соответственно [3].

Выводы

1. Подгорная часть города представляет собой зону сложных инженерно-геологических условий с низким уровнем коммунальных услуг и благоустройства.

2. Биотестирование малых рек Курдюмки, Абрамовской, Слесарной в подгорной части г. Тобольска показало наличие острой токсичности.

3. Качество природных вод необходимо исследовать на токсичность. Надежным и простым способом служит метод применения токсикологической пробы на основе культуры дафний для мониторинга состояния природных вод.

1. ГОСТ 17.1.5.05-85 Охрана природы. Гидросфера. Общие требования к отбору проб поверхностных и морских вод, льда и атмосферных осадков. М.: Издательство стандартов, 2000. С.15 - 23.
2. Исакова Е.Ф., Колосова Л.В. Метод биотестирования с использованием дафний // Методы биотестирования вод: Сб. ст. / АН СССР. Черноголовка, 1988. 230 с.
3. Третьякова Т.В. Роль малых водоемов в развитии города Тобольска как туристического центра Сибири // Омский научный вестник: Серия «ресурсы земли, человек». Омск: Омский гос. техн. ун-т, 2013. № 1 (118). С. 230-232.

АНАЛИЗ СНЕЖНОГО ПОКРОВА В РАЙОНЕ ТОБОЛЬСКОЙ ПРОМЗОНЫ

Н. Ю. Факащук, А. В. Соромотин
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Вопросы охраны атмосферного воздуха в городах, где находятся предприятия нефтехимической отрасли, становятся в наши дни очень актуальными. Атмосферный воздух в таких городах как Салават, Новокуйбышевск, Новочебоксарск и др. является загрязнённым в результате промышленных выбросов. Одним из таких городов является центр Тобольского района Тюменской области – г. Тобольск. В промзоне города расположены крупные предприятия: ООО «Тобольск – Полимер», ООО «Тобольск – Нефтехим», Тобольская ТЭЦ и строящийся «ЗапСибНефтехим». Деятельность этих предприятий связана со значительным загрязнением окружающей среды.

Целью нашего исследования является получение информации о загрязнении атмосферы промышленными выбросами от предприятий Тобольской промзоны по результатам химического анализа снежного покрова. В работе применялись стандартные методики отбора проб и химических анализов снежного покрова [2; 3]. Химические анализы проводились в аккредитованной химической лаборатории НИИ экологии ТюмГУ.

Снежный покров является репрезентативным показателем состояния атмосферного воздуха. Снег обладает хорошей абсорбционной способностью, и концентрация загрязняющих веществ в нём 2-3 раза выше, чем в воздухе. Геохимический анализ образцов снежного покрова позволяет проследить пространственное распределение загрязняющих веществ по территории и получить достоверную картину зон влияния конкретных объектов (источников загрязнения атмосферы) на состояние окружающей среды.

Используя данные о преобладающих ветрах в г. Тобольске за зимний период 2014-2015 годов, нами была получена роза ветров (*см. рис. № 1*), на которой видно, что преобладающими направлениями за период являются юго-восточное и южное направления [1]. Устойчивый снежный покров на территории образуется в среднем в конце октября, при этом сроки его появления и образования из года в год сильно

колеблются в зависимости от характера погоды в предзимний период. Наибольшей высоты снежный покров достигает в I-II декаду марта.

Отбор проб снега производился в I декаде марта, в результате которого отобрано 10 проб, включая фоновую пробу. На каждой точке производились измерения физических параметров снега – высота снежного покрова и плотность, производился отбор проб снега методом конверта для химического анализа пробы в лаборатории. В пробах снега определялись: взвешенные вещества, pH, удельная электропроводность (УЭП), нефтепродукты, сульфаты SO_4, нитриты NO_2. Данные показатели z могут с достаточной ясностью дать нам картину загрязнения снега продуктами сгорания газообразного топлива, такими как: оксидом углерода, диоксидом углерода, сажей, нефтепродуктами, нитритами, сульфатами.

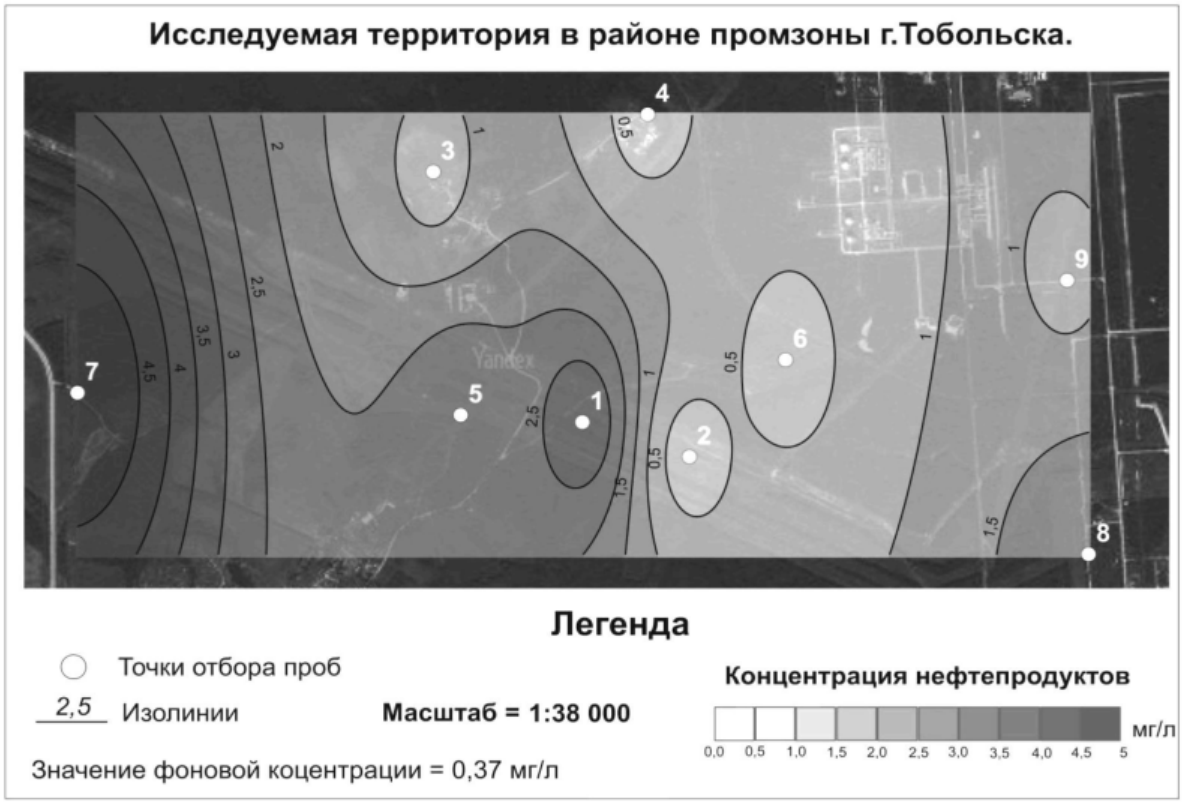
Физические параметры снежного покрова. Измерения высоты снежного покрова и плотности снега осуществлялись с помощью весового снегомера ВС – 43. Из полученных данных видно, что плотность снега в исследуемом районе в среднем выше, чем на фоновой точке. Это может быть обусловлено геоморфологическими условиями и отсутствием древесной растительности в местах отбора проб. Значения плотности снега колеблются в небольших пределах и являются нормой для данных широт [10].

Взвешенные вещества. Взвешенные вещества определялись гравиметрическим методом [7]. При определении массы веществ были использованы аналитические весы AND GR-202 с точностью до десятых долей мг. Концентрация взвешенных веществ не превышает фоновое значение за исключением точек под номерами 3 и 8 (*см. рис. 1*) на незначительную величину. Это может быть связано как с работой предприятий промзоны, так и с использованием печного отопления жителями окрестных деревень.

Водородный показатель. Концентрация ионов H определялась методом прямой потенциометрии [8]. Измерения выполнялись с помощью прибора АНИОН 4100. Величина pH колеблется в пределах 5,98-6,55. Из литературных источников известно, что у снега в естественном состоянии слабокислая реакция в пределах 5.2 – 5.8 [4].

Нейтральная и слабощелочная реакция снежного покрова промзоны г. Тобольска может свидетельствовать о наличии значительных количеств золы и сажи в выбросах предприятий.

Нефтепродукты. Анализ снежной воды на концентрацию нефтепродуктов проводился в соответствии с методическими рекомендациями [9]. Для определения концентрации использовался прибор КН-2. Наблюдается превышение фоновой концентрации в точках №1, 3, 5, 7, 8, 9 (максимальная концентрация выше фона в 12 раз). По мнению автора, превышение концентрации, возможно, связано с выбросами от нефтехимических предприятий Тобольской промзоны. По полученным данным интерполирована карта (*см. рис. № 2*), на которой ясно видно увеличение концентрации нефтепродуктов по мере удаления от предприятий.

Удельная электропроводность. Измерения проводились в соответствии с РД 52.24.495-2005. Для измерения использовался универсальный прибор CyberScan PC 300. С помощью математических расчётов, используя полученные данные об электропроводимости, была вычислена минерализация снежной воды. Полученные результаты находятся в пределах нормы для пресных вод.

Нитриты и **сульфаты.** Данные компоненты входят состав выбросов при сжигании углеводородного топлива, именно поэтому они были выбраны для анализа. Анализ выполнялся по методике, которую представил изготовитель прибора – спектрофотометра “HACH & Large DR-2800”. Полученные значения концентрации не превышают фоновой концентрации (кроме значений в точке 5 на незначительную величину).

Материалы нашего исследования говорят о том, что загрязнение атмосферы на исследуемой территории от предприятий Тобольской промзоны, в целом, не значительно, однако всё же назвать ситуацию благоприятной нельзя вследствие превышения содержания нефтепродуктов по сравнению с фоновыми значениями.

В будущем планируется продолжить изучение химического загрязнения природных сред данного района (атмосферного воздуха, почвенного покрова, поверхностных вод) для получения более полной картины влияния предприятий промзоны на окружающую природную среду.

Проведенное исследование может быть использовано в мониторинговых наблюдениях за состоянием окружающей природной среды в районе расположения предприятий энергетического и нефтехимического производства в Тобольской промзоне.

1. GIS-метео. Дневник погоды для школьников в г.Тобольске. [электронный ресурс]. URL: http://www.gismeteo.ru/diary/4590/2015/1/.
2. ГОСТ 17.1.5.05–85. Общие требования к отбору проб поверхностных и морских вод, льда и атмосферных осадков. М., 1985. 12 с.
3. РД 52.04.186-89. «Руководство по контролю загрязнения атмосферы». М., 1991. 556 с.
4. Василенко В. Н., Назаров И. М., Фридман Ш.Д. Мониторинг загрязнения снежного покрова Л.: ГИМИЗ, 1985. 182 с.
5. Агроклиматические ресурсы Тюменской области (южная часть) / под ред. Е. Ф. Черкашенина. Л.: Гидрометеоиздат, 1972. 153 с.
6. ООО «Бранан Энвайронмент». Оценка воздействия на окружающую природную и социальную среду предприятия по производству полипропилена мощностью 500 000 т/год ОАО «Тобольск-Полимер». Тобольск., 2010. 241 с.
7. ПНД Ф 14.1:2.110-97. Методика выполнения измерений содержаний взвешенных веществ и общего содержания примесей в пробах природных и очищенных сточных вод гравиметрическим методом. М., 1997. 11 с.
8. ПНД Ф 14.1:2:3:4.121-97. Методика выполнения измерений pH в водах потенциометрическим методом. М., 1997. 12 с.
9. ПНД Ф 14.1:2:4.168-2000. Методика выполнения измерений массовой концентрации нефтепродуктов в пробах питьевых, природных и очищенных сточных вод методом ик-спектрофотометрии с использованием концентратомера КН-2. М., 2000. 18 с.
10. Физико-Географический Атлас Мира. М., 1964 г. 220 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯРКОВСКОГО ГОРОДИЩА В 2015 г.

А.А. Адамов, И.В. Балюнов
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Летом 2015 г. археологический отряд Тобольской комплексной научной станции УрО РАН проводил исследования на территории Тобольского района. Общее руководство работами, в ходе которых были заложены раскопы сразу на нескольких памятниках, осуществлял сотрудник ТКНС УрО РАН к.и.н. А. А. Адамов. Достаточно значительные результаты были достигнуты при проведении археологических исследований на Ярковском городище (работы проводились на основании Открытого листа, выданного И.В. Балюнову). Этот памятник расположен недалеко от с. Абалак, примерно в 30 км от г. Тобольска вверх по течению р. Иртыш на треугольном мысу, ограниченном, с одной стороны, обширным оврагом, с другой, – надпойменной террасой оз. Исток (бывшее Архиерейское озеро).

Следует отметить, что городище и ранее привлекало внимание как местных любителей древностей, так и специалистов. В альбоме известного тобольского художника-краеведа М. С. Знаменского сохранился цветной план этого памятника, где он обозначен как «укрепление Кучума». Очевидно, что автор рисунков соотносил время существования городища с временами «сибирского взятия». План памятника был снят в 1960 г. западносибирским отрядом исторического факультета МГУ под руководством Г. Е. Маркова [4].

В настоящее время площадь мыса хорошо задернована. На планах М. С. Знаменского показана сложная система оборонительных сооружений. Всего прослеживается три линии обороны с чередованием рвов и валов. На плане Г. Е. Маркова 1960 г. большая часть укреплений уже была уничтожена. В настоящее время на поверхности памятника отсутствуют следы существовавших когда-то мощных укреплений, но признаки их существования хорошо прослеживаются на снимке из космоса. Уже в наши дни культурный слой городища разрушается в связи с незаконными раскопками «черных копателей», следы их деятельности часто встречаются на поверхности памятника.

Работы этого сезона явились продолжением исследований, начатых совместно А. А. Адамовым и И. В. Балюновым летом 2011 г. Во время этих исследований была собрана представительная коллекция находок, которая позволяет достаточно полно охарактеризовать материальную культуру и хозяйственную деятельность средневекового населения. Были получены свидетельства промысловой деятельности – наконечники стрел и рыболовные грузила, производящего хозяйства (каменные жернова), кузнечного и бронзолитейного производства, фрагменты глиняной и металлической посуды. В целом, на основании всего предметного комплекса исследованное городище было датировано в пределах XII – XIV вв., выявлено значительное сходство с археологическими материалами, происходящими с территории Приуралья и городов Золотой Орды [1].

В раскопе был исследован неглубокий котлован, на краю которого сохранились остатки чувала, а также множество разнообразных ям, часть из которых являлись погребами. Раскоп располагался на самом углу мыса, где, насколько можно судить, начиналось создание городища и в последующем велась интенсивная хозяйственная и строительная деятельность.Из-за мощного культурного слоя мы получили не так много данных о существовавших типах жилых и хозяйственных построек.

Для решения этой проблемы и в рамках продолжающихся исследований летом 2015 г. было принято решение заложить раскоп практически на периферии поселения, недалеко от внешней оборонительной системы, то есть на участке, где, как можно было ожидать, в прошлом вряд ли производились многократные переустройства.

Общая площадь этих исследований составила 100 кв. м. Сразу под слоем дерна был выявлен культурный слой, мощностью 30-40 см, состоящий из темно-серого суглинка с включением желтого суглинка, древесного угля и мелких фрагментов обожженной глины. Следует отметить, что поскольку на территории городища во второй половине XX в. находилась пашня местной деревни, то верхние напластования были существенно повреждены (перемешаны) в результате распашки. На этом уровне были собраны достаточно интересные находки, но данных о домостроительстве или планировке городища получено не было.

Ниже уровня материка производились исследования многочисленных ям, его перерезавших. Эти объекты занимают значительную часть раскопа, отличаются друг от друга размерами и формами и, очевидно, являются составной частью как жилых, так и хозяйственных сооружений. Только в одной достаточно крупной яме были зафиксированы остатки деревянных столбиков, которые, вероятно, выполняли функцию опор для верхнего покрытия. Этот объект можно определить как остатки погреба каркасно-столбовой конструкции. Другие ямы как сравнительно небольшие, так и достаточно крупные, судя по всему, в прошлом могли являться подпольными погребами, устроенными под жилыми сооружениями. Это косвенно свидетельствует о том, что население городища возводило срубные дома, где настилались полы из досок. Например, похожий деревянный настил был частично раскрыт на дне одной из раскопанных ям. Можно достаточно уверенно предполагать, что жилища отапливались при помощи чувалов. В самом раскопе ни одного развала чувала обнаружено не было, но в его площади, а особенно в заполнении ям были обнаружены крупные скопления обожженной глиняной обмазки, оставшейся от чувалов. Вероятно, чувалы возводились не на земле, а непосредственно на деревянных полах и при разрушении жилищ обломки чувалов оказывались в заполнении погребов.

Именно при исследовании заполнений выявленных объектов была собрана значительная коллекция достаточно интересных находок. Здесь представлены предметы вооружения: железные и костяные наконечники стрел, кольчужные кольца, перекрестье сабли. Особо можно отметить украшения – обломки серебряных перстней, бусы из различных материалов, бронзовые бляшки. Из предметов, характеризующих повседневный быт жителей городища, следует указать обломки навесных замков булгарского типа, керамические пряслица, обломки каменных дисков жерновов, железные ножи, сверла, фрагменты глиняной и бронзовой посуды. В раскопе обнаружены следы ремесленной деятельности, обломок тигля и льячки, многочисленные куски плавленого цветного металла, свидетельствующие о расположении здесь мастерской. Сравнительно с материалами исследований Ярковского городища 2011 г. эта коллекция не выглядит столь представительной, хотя есть ряд предметов, которые в текущем полевом сезоне впервые обнаружены в культурном слое городища (например, навесные замки, кольчужные кольца, перекрестье сабли). Но в целом сделанные находки существенно дополняют результаты предыдущих исследований и подтверждают датировку городища в рамках XII – XIV вв.

Характеризуя раскопки рассматриваемого памятника, следует заметить, что в междуречье нижнего Тобола и Иртыша это не единственное городище XII –XIVвв. со сходными чертами материальной культуры. Подобные находки известны с городищ Искер, Тобол-Тура, Долговское 1, Ивановское. По городищу Искер (столице Сибирского ханства) существует мнение А. П. Зыкова об однослойности этого памятника [3, с. 23], в тоже время А. М. Белавин отметил ряд изделий, датирующихся XI – XIII вв. [2, с. 176, 177], найденных на Искере. Как многослойный памятник рассматривал городище Искер и В. А. Могильников [5]. Теперь, после получения эталонной коллекции с Ярковского городища, появляется реальная возможность выделить ряд категорий инвентаря, относящегося к XII – XIV вв. из весьма обширной искерской коллекции.

1. Адамов А.А., Балюнов И.В. Археологические исследования на Ярковском городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 124-126.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: изд-во Перм. гос. ун-та. 2000. 200 с.
3. Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 22-24.
4. Марков Г.Е. Отчет об археологической разведке в Тюменской области в 1960 году западносибирским отрядом Исторического факультета МГУ // Архив ИА АН РАН. Р – 1, № 2097.
5. Могильников В.А. О времени заселения городища Искер // Тобольский хронограф. Екатеринбург: Изд-во Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С.113–119, 154–158.

ТРАВЫ-ДИКОРОСЫ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Д.В. Алекса
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

На сегодняшний день одним из новых активно развивающихся направлений исторической науки является устная история. Долгое время в науке отсутствовало единое понимание «устной истории» как исследовательского направления. Т.К. Щеглова указывает, что «определенным компромиссом в определении статуса устной истории в полидисциплинарном пространстве науки стало определение устной истории как нового направления исторических исследований со своими методами (разные формы опроса) и источниками (устные исторические источники)» [16, с. 248].

В Алтайском крае устная история представлена Центром устной истории и этнографии (ЦУИЭ) [15, с. 175] при Лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории АлтГПУ с 1991 г. Руководитель ЦУИЭ – д-р ист. наук, профессор Т. К. Щеглова [18, с. 181]. В основу работы положена методика устной истории (oralhistory), преследующей научные, общественные и образовательные цели [17, с. 21].

В 2014 г. в ЦУИЭ начали реализацию новой исследовательской программы: «Адаптационные практики, жизненные стратегии и система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в экстремальных условиях войны 1941 – 1945 гг.» [14, с. 255], посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В военные годы у жителей алтайской деревни происходил процесс возвращения к

*Грант РГНФ 15-3101019.а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

опыту и традициям прошлого, которые помогали выживать в трудных или экстремальных [13, с. 588] условиях, актуализировались «трудовые традиций освоения «кормящего ландшафта», развитие собирательства и промыслов [14, с. 253]. Тыловая деревня Алтая выжила в тяжелое военное время благодаря старшему поколению – дедушкам и бабушкам [14, с. 253; 19, с. 40], которые владели знаниями традиционной культуры, например, об использовании в питании трав-дикоросов: лебеды, саранок, кандыка, слизуна и др.: «Вместе с бабушкой ходили за травами [для чая]». Г. Потанин в работе «Полгода на Алтае» указывал, что «множество диких растений, особенно луковичных, употребляемых в пищу, делают Алтай самым благодатным краем Томской губернии» [12, с. 45] и «здешние жители впродолжении целого лета что-нибудь приносят с полей из съедобных диких растений» [12, с. 46]. Таким образом, мы находим следы устной истории в письменных источникахXIX в. Травы служили дополнением к основному рациону алтайского крестьянства. В.А. Липинская указывает, что «в неурожайные годы [русские старожилы Алтая] собирали росшую по предгорьям дикую гречиху – кандык, мололи и пекли хлеб и лепешки. Употребление кандыка русские заимствовали от местных жителей. Также употребляли повсюду рыжик (дикий лен), сухую толченую лебеду» [11, с. 143]. В. А. Липинская указывает, что в питании старожилы уделяли внимание луковичным растениям, с которыми русских познакомили [алтайцы]. Травы играли роль «подстраховщика» [14, с. 249], особенно весной, когда заканчивались зимние запасы. Обязанность по сбору дикоросов возлагалась на детей [11, с. 152]. Переселенцы Алтая также использовали в питании травы, так как в первые годы было трудно наладить хозяйство [11, с. 165]. Накопленные знания и опыт использования дикоросов в питания крестьян, стали базой для формирования культуры жизнеобеспечения в трудных условиях войны. Главным компонентом стратегии выживания для всех возрастных и социальных групп в тыловой деревне была борьба с голодом: «Голод, тогда и мы ни об чем не думали, нам бы лишь наиться да и спать» [15, с. 175] или «Люди рвали травы и вшивик, и слизун, от каких в общем не сдыхали. Все рвали травы и ели…» [4]. Война вернула тыловое сельское население к традиционной культуре, и устные источники [интервью] являются подтверждением этому [15, с. 175].

Рассмотрение проблемы использования заместительных технологий в питании на примере дикорастущих трав в Краснощековском и Залесовском районах Алтайского края в годы Великой Отечественной войны актуальна, так по причине нехватки первостепенных продуктов – хлебных изделий, круп и др.– в «кулинарии экстремальных условий» начинали применять второстепенные, которые до этого играли вспомогательную роль в питании в культуре крестьян. Например, произошла «замена пшеницы и ржи дикорастущими травами-суррогатами, ставшими примесями к муке» [14, с. 254]. Культура питания в войну в алтайской деревне нашла опору в традиционной культуре русских, при этом важным дополнением являлся принцип регионализма. Адаптационные системы жизнеобеспечения и система жизнедеятельности опиралась на конкретные природно-географические условия [14, с. 257], сельские жители потребляли в пищу только те травы-дикоросы, которые произрастали в их местности – в поле, в лесу, на склонах гор. Т.К. Щеглова выделяет несколько форм собирательства, существовавшего в деревне в годы Великой Отечественной войны, одно из них – «ежедневное индивидуальное собирательство» [15, с. 179] – «это "выпас" детей на съедобные растения в окрестностях и сбор трав, служивших примесями к муке для выпечки хлеба» [15, с. 179].

Природно-ландшафтные особенности Краснощековского и Залесовского районов Алтайского края определяли возможности использования в пищу тех или иных трав-дикоросов. При анализе устных источников архива ЦУИЭ в Залесовском районе выявлено,что в пищу в годы войны потребляли пучки: «Трава, листья широкие,

большие, резные и дудка. Она [дудка] сочная такая. В суп крошили» [7]; гусинки: «Она растет такая высокая, и она голая у нее только на макушке цветы. Лист обрываешь, а сам стержень ешь» [8]; саранки: «Весной вот мы ходили в школу, только пригорки вытаивали, копали саранки, как луковицы. Они такие чешуйчатые, верхние чешуйки уберешь, а там сладкие чешуйки внутри, они сладкие» [2]; крапиву: «Пошла молодая крапива, супы варим, было так, лишь бы чем-то погуще набить, чтобы была не голая вода» [4]; медунки: «Цветочки, в них мед. Просто ели, сахара не было тоже» [5].

В устных источниках [Краснощековский район] встречаются следующие названия трав-дикоросов, которые помогали выжить местным жителям в войну, – слизун: «Это под вид луку, некого было кушать. На горах растет. Он как головочка и перушки. Весной, с апреля месяца, как снег растает, он уже растет. Я замучалась этот слизун таскать мешками. Слизун готовили, варили, жарили, просто на сковороду накрошишь и кушали» [1]; вшивик: «Вроде, как лук, но горький все равно, на камнях растет, где каменное место, и немного земельке и он прицепится. Мешками таскали» [3]; лебеда: «Мать пошлет с братишкой за огороды, нарвем. Мать ее сварит в воде, воду сольет, первую вскипятит ее, сольет, посолит покруче, когда сольет, хлебат-то, кого зелень» [3]; сурепка: «Желтые цветы, сургибус его называют, а молодую рвали, ели. Сорвешь, нижнюю ее обрываешь и чистишь, как банан» [9]; заячья капуста: «Репки на камушках растут такие, собирали и даже к зиме их приготовляли» [10].

Т.К. Щеглова предлагает такое деление на виды трав-дикоросов – «клубневые растения, такие как кандык и растения с толстыми съедобными корнями в приречных, приозерных и приболотистых территорий… и растения со съедобным стеблем или верхней части (вшивик, слизун)» [15, с. 179].

Таким образом, на обозначенных выше территориях в пищу использовались оба вида деления трав-дикоросов, однако при работе с респондентами чаще в Краснощековском районе называли слизун (луковичное растение), а в Залесовском – гусинки и пучки.

Травы сменяли друг друга, и в питании русских крестьян присутствовало постоянное разнообразие: с появлением вшивика и репки на склонах сопок в Краснощековском районе отпадала необходимость в потреблении лебеды [3]. Г. Потанин в труде «Полгода на Алтае» пишет: «например, весной,прежде всего, начинают есть сахарные луковицы кандыка, потом листья слизуна, также лукового растения… из кандыка можно делать кашу, из слизуна делают щи… кроме того поспевают еще несколько луковичных: чеснок, калба, осиновый лук, лук ботан, горный лук и сарана» [12, с. 40]. Подтверждение находим и в устных источниках: «Весной у нас не было проблем с едой. Мы всегда "паслись" на меже, собирая разную траву».

Существовало множество способов потребления трав-дикоросов в питании вне зависимости от района проживания, специфика оставалась только в разновидностях трав. Травы употребляли в сыром виде [слизун в Краснощековском, саранки, гусинки в Залесовском], они становились примесями при выпечки хлеба [лебеда в Краснощековском], использовались при варке супов [лебеда в Краснощековском, крапива, пучки в Залесовском] вместе с картофелем, который в годы войны занял лидирующие положение в культуре питания, заменив хлеб. Травы жарили с добавлением молочных продуктов [слизун в Краснощековском, пучки в Залесовском], заготавливали на зиму – солили [6] [гусинки в Залесовском]. Существовавшее разнообразие в использовании трав-дикоросов позволяло крестьянам выжить в трудных и экстремальных условиях военного времени.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что травы-дикоросы использовались в питании сельских жителей алтайской тыловой деревни и занимали значительное место, особенно в летнее время. Употребление в пищу тех или иных трав-дикоросов зависело от природно-географических условий местности, а борьба с голодом

активизировала знания традиционной культуры нетрудоспособного поколения [15, с. 175], что и спасло тыловую деревню от гибели в военное время.

1. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Бердюгина В.П.
2. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Вторых З.К.
3. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Кириченко Е.А.
4. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Коломыц П.В.
5. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Красилова М.Г.
6. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Осокина Т.Г.
7. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Писмаркин И.К.
8. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Прокаева Е.Е.
9. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Харлова М.Е.
10. Архив ЦУИЭ АлтГПУ. Харлова М. Е.
11. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XXвека. М.: Наука, 1996. 269 с.
12. Потанин Г. Полгода на Алтае // Образ Алтая в русской литературе XIX – XX вв. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 35-85.
13. Щеглова Т.К. Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление. Усть-Каменогорск, 2015. С. 587-601
14. Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2015. С. 248-262.
15. Щеглова Т.К. Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941 – 1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. 2015. С. 174-184.
16. Щеглова Т.К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2008. С. 246-254.
17. Щеглова Т.К. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история: теория и практика. Барнаул, 2007. С. 16–22.
18. Щеглова Т.К. Этнографические исследования в Алтайском крае: история и современность // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007. Барнаул, 2009. С. 171-186.
19. Щеглова Т.К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск. 2015. Вып. 9. С. 40 – 47.

СЕЛО ЧУГУНАЕВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г.Т.Бакиева
Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

Летом 2013 г. экспедиция ИПОС СО РАН под руководством автора данной статьи проводила полевые исследования в Чугунаевском сельском поселении Нижне-Тавдинского района Тюменской области*. На 1 января 2012 г. в поселении числилось 1110 человек. В состав поселения входят с. Чугунаево – 214 двора (671 человек), д. Юрты Иска – 97 двора (250 чел.), д. Большая Заморозовка – 49 двора (141 чел.), д. Малая Заморозовка – 21 двор (48 чел.) [4, с.1-5].

*Пользуясь случаем, выражаю огромную благодарность Рамиле Яруллиной, оказавшей помощь в проведении экспедиции, а также нашим информантам – жителям села Чугунаево и деревни Юрт Иска.

По национальному составу чугунаевское сельское поселение является смешанным – здесь проживают русские, татары, чуваши, кряшены. Русскими являются деревни Большая и Малая Заморозовка, сибирско-татарской – Юрты Иска, смешанной – село Чугунаево. Следует также отметить, что в Чугунаево были переселены и жители трех населенных пунктов, которые исчезли вследствие укрупнения деревень в конце 1960-х годов: татарская Елмары (Малые Юрты), русская – Цигарка и деревня кряшен – Балтан. До 1990-х годов на территории Чугунаевского сельского совета действовал совхоз «Велижанский». Здесь были молочно-товарные фермы, машинно-тракторная станция, совхозная столовая. На территории села Чугунаево располагались школа, детский сад, больница, общественная баня.

Исторических сведений о возникновении собственно села Чугунаево нами пока не выявлено. Известно только, что в 1916 г. село называлось деревней Мало-Искинской, которая административно входила в состав Антроповской волости Тюменского уезда. Чугунаевский сельский совет был образован в 1925 г. [6, с. 28-29]. История татарских населённых пунктов восстановлена нами по материалам Тобольского архива и путём этнографического опроса коренных жителей Чугунаевского поселения.

Рис. 1. Мечеть в Юртах Иска

Юрты Иска (Большие Искинские Юрты) до начала XIX в. относились к ведомству г. Тюмени, а затем к Кашегальской волости Тюменского уезда. На протяжении XIX – начала XX века происходит рост численности населения юрт. В 1782 г. здесь насчитывался 131 чел. (67 муж. и 64 жен.), в 1816 г. – 180 чел. (93 муж. и

87 жен.), в 1869 г. – 386 чел. (203 муж., 183 жен.), а в начале XX в. – 462 чел. [1, с. 205, 213, 222, 245].

В юртах выделялись семьи бухарцев – потомков выходцев из Средней Азии. В XVIII – начале XX в. в административном отношении бухарцы учитывались отдельно от коренных татар и состояли в ведомстве старшины Тобольских юртовских бухарцев. В 1782 г. в юртах Искинских проживали три семьи бухарцев: Азан Юмашев с детьми, Тарайберды Юмашев с сыном Кучеаком[так написано в документе – *прим. авт.*], Кучумберды Юмашев с детьми и внуками. Судя по фамилиям, они являлись братьями [2, л. 1051].

Этнографический опрос и выборочные записи родословных позволили определить фамильный состав сибирско-татарских семей в Юртах Иска. Сюда вошли: Айдуллины, Колбаевы, Муллаковы, Сульбухаровы, Сирачевы, Яруллины. Также была выявлена принадлежность отдельных семей к тем или иным родам-тугумам. По словам информантов, Муллаковы относятся к тугуму *куяннар* (сиб. тат. *куян* – заяц). Они считаются в деревне хорошим, дружным тугумом. Айдуллины относятся к тугуму *теннар* (сиб. тат. *теен* – белка), Сульбухаровы – к тугуму *теганак* (сиб. тат. *теганак* – репей), Яруллины – *царлыклар* (сиб. тат. *царлык* – чайка), Сирачевы – *чирушлар* (этимология не ясна).

Юрты Иска, как и все остальные населённые пункты Чугунаевского поселения, расположены на берегу р. Иска, притока р. Тобол. Местные жители хранят в памяти названия топонимов, связанных с рекой: *Угес топкул* (сиб. тат. *угес* – бык; место, где когда-то утонул бык), *цуцка ер* (сиб. тат. *цуцка* – свинья; мелкое место), *Ташлы ерем* (сиб. тат. *таш* – камень; место, где на дне лежат камни), *Самат асты, Мансур асты* (сиб. тат. асты – берег; Мансур, Самат – имена собственные), *Татарский омут* (место, где утонуло много людей).

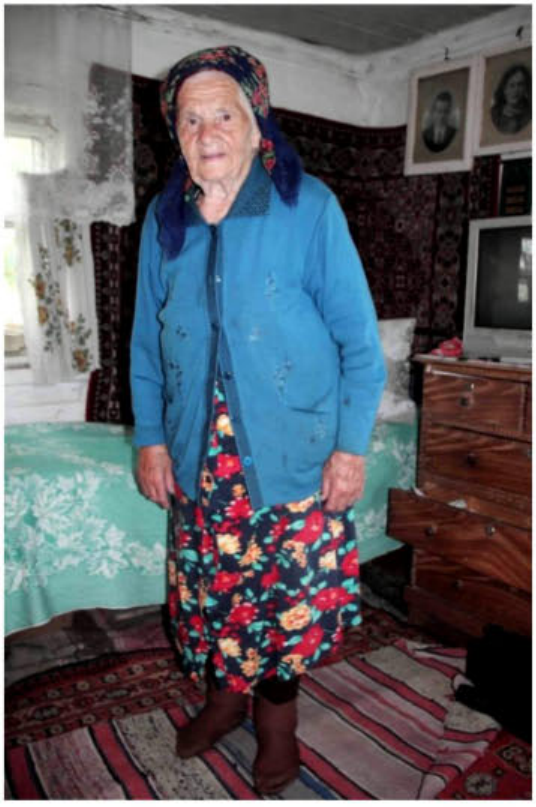

Рис. 2. Ниязова Масрура Сариповна, жительница Юрт Иска

Вокруг юрт имеются пашенные и сенокосные угодья, которые издавна были закреплены за отдельными семьями. Большинство названий пустующих ныне пашен (сиб. тат. *кыра*) и сенокосов (сиб. тат. *пеценнек*) происходили от имён собственных: *Сэйнуш кырасы, Айнулла кыра, Сойкаиблэ кыра, Муртаклы пеценнек, Максум пеценнек, Колбаев пеценнек* и др.

Местные жители до сих пор вспоминают названия лесочков (сиб. тат. *куак* – роща) и полянок (сиб. тат. *тирман*), которые расположенынедалеко отдеревни.Некоторые из них также носят собственные имена людей: *Расыя куак, Вали тирман, Корман тирман, Петроу тирман, Буберджи лагерь*. Другие названия лесочков отражают характерную особенностьтого или иного места: *Тан атар* (сиб. тат. место, где начинается рассвет), *Олы куак* (сиб. тат. большая роща).

Деревня Елмары (Малые Искинские Юрты) находилась недалеко от Юрт Иски. В 1927 г. сюда переселилась группа татар из Поволжья. В деревне насчитывалось 25 дворов. Здесь был образован колхоз «Красный передовик». В частном доме Мадеевых располагалась начальная школа. Дальнейшее образование дети получали в

Искинской школе. В связи с укрупнением колхозов «Красный передовик» был присоединен к колхозу имени Ленина в Чугунаево. Опрос потомков татар переселенцев из Поволжья позволил выявить фамильный состав д. Елмары. Это семьи Хайруллиных, Сурмановых, Мухаметшиных, Сабировых.

Деревня Балтан (Болтанский Хутор) находилась в 5 км от д. Чугунаево. Она была образована в 1916 г. кряшенами – переселенцами из Поволжья*. Согласно материалам фонда заведующего поземельно-устроительным и переселенческим делом в Тобольской губернии, Балтанский участок Велижанской волости Тюменского уезда был образован в 1914 году, состоящий из 16 отрубов [3, л. 3].

Рис. 3. Шалопаева Ольга Арсентьевна – потомокряшен-переселенцев в национальном костюме

Известна точная дата поселения на участок – 27 июня 1916 г. В книге «водворения на участке Балтанском пользования отрубного» отмечены семьи первых переселенцев с указанием имен и фамилий глав семей, их жен, детей и других членов семьи, их возраста. Всего отмечено 16 семей, 107 человек. На данный участок были зачислены выходцы из д. Юкачи Зюринской волости Мамадышского уезда Казанской губернии и две семьи из д. Черкасова Черкасовской волости Елабужского уезда Вятской губернии. Все они являлись крещеными татарами, или кряшенами. Выходцами из д. Юкачи были семьи Николаева Ефима, Катаева Лаврентия, Овчинникова Евтихия, Иванова Даниила, Ерофеева Павла, Смирнова Якова, Бейкина Василия, Дозорова Наума, Игнатьева Абрама, Иванова Михаила, Сергеева Владимира, Митрофанова Алексея, Иванова Андрея, Ширыковой Евдокии, Тарасова Дмитрия.Из д. Черкасовой Вятской губернии переселились две семьи – Сарсадских Михаила и его сына Петра. Несколько семей – Игнатьевы, Ерофеевы, Катаевы, Сарсадских Михаила – отказались от отрубов и вернулись обратно на родину [3, л. 18-26].

По словам информантов, деревня состояла из одной улицы протяженностью около одного километра. В начале 1930-х гг. в д. Балтан был образован колхоз «Якты юл» (тат. «Светлый путь»). В колхозе были фермы для крупного рогатого скота (120 голов) и свиней (3000 голов), мельница, кузница. В 1957 г. колхоз был объединен с колхозом имени Ленина в с. Чугунаево. В деревне имелись клуб, начальная школа, располагавшаяся в двух зданиях, – одно для учащихся 1 и 3 класса, второе – для учащихся 2 и 4 класса. Учителями начальной школы были представители местного татарского населения. В разные годы учителями здесь работали Аминов, К. Уразаев, Г. Р. Нугманов, М. Н.Мухаметшина. Начиная с 5 класса, дети из д. Балтан обучались в Чугунаевской средней школе.

В 1940- 1960-х гг. в деревне Балтан было 57 дворов. В ходе укрупнения деревень в 1970-х гг. жители деревни переселились на центральную усадьбу – село Чугунаево,

* Кряшены (самоназв. *керәшен татарлар*) – субэтническая группа поволжских татар, исповедующая православие. Они проживают в основном в республиках Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, в других областях Поволжья и Приуралья, в некоторых краях и областях Сибири, а также на севере Казахстана [5, 81-86].

несколько семей – в д. Хутор Нижне-Тавдинского района и Верхнюю Тавду Свердловской области. В 1974 г. последняя жительница деревни, Краснова Анна Наумовна, переселилась в с. Чугунаево, после чего д. Балтан окончательно перестала существовать. В настоящее время кряшены из д. Балтан живут в с. Чугунаево на улице Лесная, которую все местные жители между собой называют Балтанской. Несмотря на то, что деревни уже давно нет, кряшены продолжают хоронить своих умерших на балтанском кладбище. За кладбищем наблюдает выбранный обществом староста, потомок переселенцев, Иван Павлович Бейкин.

Большинство опрошенных потомков кряшен переселенцев отмечают, что их предки жили дружно с местным сибирскими татарами. Они не испытывали друг к другу взаимной неприязни и никогда не вступали в конфликты. Однако вплоть до 1970-х годов между ними отсутствовали брачные связи. Это объясняется конфессиональными различиями. Кряшены из Балтана женились на своих односельчанках, некоторые ездили в Поволжье на родину предков. Межнациональные браки стали совершаться только после переселения кряшен в Чугунаево. После переселения кряшен в центральную усадьбу в Чугунаево стали возникать межнациональные браки кряшен с русскими и с сибирскими татарами.

1. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII-начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 260 с.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 27.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И580. Оп. 1. Д. 679.
4. Отчет главы администрации Чугунаевского сельского поселения за 2012 год.
5. Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. 152 с.
6. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIV. Тюменский округ. Свердловск. 114 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕРЕВНИ ЯРКОВА В ТОБОЛЬСКОМ РАЙОНЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

П. Г. Данилов, Н. П. Турова
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

В 2000-х гг. в Западной Сибири наряду с русской городской археологией началось развитие и сельской археологии. Наибольшего развития этот процесс достиг в Омском Прииртышье, где на сегодняшний день изучено пять сельских памятников (в том числе два кладбища), материалы которых опубликованы [1, с. 13]. В последние годы в Тобольском Прииртышье ведется работа по выявлению, фиксации и проведению археологических исследований на памятниках периода русского освоения. На правом берегу р. Иртыш тобольскими археологами в результате разведочных работ выявлена деревня Выходцева, основанная в начале XVII в. [2]. Археологические исследования проведены также в Абалакском мужском и Иоанно-Введенском женском монастырях. В границах монастырей исследованы два христианских кладбища XVII – XIX вв. [3].

В 2015 г. археологическим отрядом Тобольской комплексной научной станции УрО РАН под руководством А.А. Адамова были проведены археологические исследования в Тобольском районе Тюменской области, в том числе на территории заброшенной в середине XX в. русской деревни Яркова (работы проводились на основании Открытого листа, выданного П.Г. Данилову). Деревня известна как минимум с 20-х гг. XVII в. Она упоминается в Дозорной книге 1623 г. [4, с. 31, 40]. Сведения о деревне встречаются в письменных, картографических источниках и в более позднее время.

В 2012 г. в ходе разведочных работ Н.П. Туровой поселение было выявлено и получило статус памятника археологии. Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого коренного берега озера Исток – в прошлом старицы реки Иртыш. Границы поселения известны по картографическим материалам XX в., в частности, деревня изображена на карте Генштаба СССР 1940-х гг. В задачи исследований 2015 г. входило изучение планиграфии и стратиграфии поселения в его прибрежной части. Рекогносцировочный раскоп площадью 50 кв. м был разбит на краю террасы в юго-западной части поселения.

В настоящее время наземные признаки населенного пункта отсутствуют. Площадка хорошо задернована. Культурный слой в раскопе представлен темно-серым мешаным суглинком мощностью 20-30 см. Его местами подстилает слой погребенной темно-серой почвы мощностью до 6 см. Культурный слой на всей площади раскопа оказался в значительной степени разрушенным поздними перекопами – ямами середины XX в., заполненными металлическим ломом. Следов каких-либо капитальных построек не выявлено. Интерес представляют два детских захоронения, выявленные в раскопе.

Погребение 1 (детское). Колода зафиксирована на уровне материка. Могильная яма подпрямоугольной формы, заглублена в материк на 9 см. Глубина захоронения от уровня дневной поверхности составила около 47 см. Сохранность костяка хорошая. Погребение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, перпендикулярно террасе. Ребенок был положен в деревянную колоду вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки сложены на животе. В районе плечей, таза и ног выявлено перевитие веревочкой. В области ног сохранился узелок.

Погребение 2 (детское). Захоронение также совершено в колоде. Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами перерезала яму, заполненную пережженой золой и углем. Захоронение было также совершено на уровне материка (желтого суглинка), но уже на дне углистой ямы (из-за стремления поставить колоду на «чистый» материковый суглинок, данное погребение отличается от погребения 1 большей глубиной – около 70 см от уровня современной дневной поверхности). Сохранность костяка неудовлетворительная. Погребение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, правая рука находилась в области груди, левая на животе, ноги чуть согнуты в коленях, с поворотом вправо. Погребенный был завернут в несколько слоев хлопчатобумажной ткани черного и бурого (?) цвета (вероятно, фабричного производства), в нескольких местах перевит веревочкой (крученая, из растительного волокна), в районе ног зафиксирован узелок.

О времени совершения захоронения судить достаточно сложно, так как отсутствует датирующий материал, а стратиграфические и планиграфические сведения также малоинформативны в силу особенностей культурного слоя на изученном участке поселения. Несмотря на разную сохранность костного материала, погребения следует признать одновременными, о чем свидетельствует их близость, взаиморасположение и сходные элементы погребального обряда. О позднем периоде захоронений (не ранее XIX в.), по нашему мнению, могут свидетельствовать сохранившиеся в погребении 2 фрагменты не домотканного текстиля. По данным И.А. Кремлевой, у русских крестьян материал для похоронной одежды в XIX в. оставался домотканым и лишь в конце столетия стал постепенно вытесняться фабричной тканью [5, с. 521]. Относительно захоронений в колодах имеются сведения о том, что в XIX в. на Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены не только дощатые гробы, но и «долбленные из колоды»; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям [5, с. 522]. Таким образом, погребения деревни Яркова предварительно можно датировать концом XIX – началом XX в.

Ввиду отсутствия поблизости других захоронений, а также следов построек можно сделать заключение о том, что данные захоронения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище младенцев, расположенное на огороде, у обрыва.

Анализируя археологически фиксируемые элементы погребальной обрядности вышеописанных погребений (нахождение погребений в черте поселения, отсутствие нательных крестов, незначительная глубина могильной ямы) можно было бы говорить об отступлении от канонического христианского погребального обряда либо о погребении некрещеных младенцев. Однако, как показывают исследования русских погребальных памятников нового времени, такая показательная характеристика христианских погребений как ориентация могил с запада на восток, глубина захоронения соблюдались весьма условно, особенно в сельской местности [5, с. 518; 6, с. 196; 7, с.160-161]. Отсутствие нательных крестов на православных некрополях также не редкость [8, с. 162-163]. На православных кладбищах XVII– XVIII вв. города Тобольска нательные кресты присутствуют лишь в погребениях XVIII в., что отражает хронологические изменения в обряде погребения [9, с. 64-65].

Относительно нахождения погребений на площади населенного пункта можно сказать следующее. Этнографические данные фиксируют весьма разнообразные варианты погребального обряда и организации кладбищ у русских. Некрещеных младенцев относили к категории «нечистых» покойников. Считалось, что младенцы, которых не успели окрестить, не успели стать христианами, поэтому их нельзя было размещать вместе с правоверными [10, с. 240]. Хотя исследователи и отмечают, что у русских дети практически не умирали некрещеными, так как их крестили тотчас после рождения (при отсутствии священника обряд могла выполнить бабка-повитуха) [11, с. 393], но все же такие случаи не были редкостью. Сведения о том, как хоронили младенцев в Полтавской губернии, имеются в рукописях XIX в.: «Дети мертворожденные и умершие неокрещенными … их хоронят в самой жилой части хаты у порога вхожих дверей», «Мертворожденных детей (недонис, скынута детына) закапывают в избе под порогом, веря, что когда священник будет через порог идти с крестом, то сообщит праху младенца силу святыни; иные же закапывают в сенях под верхом, где люди меньше ходят» [12, с. 29].

Г. Х. Самигулов приводит интересную информацию о том, что в русских населенных пунктах на Мезени намогильные кресты до начала XX в. можно было увидеть не только на кладбище, но и рядом с домом – напротив его переднего угла, около порога, на огороде. Это объясняется «сохранявшимся в этом крае до начала XX века обычаем хоронить родственников рядом с жилищем». Исследователь делает заключение о том, что данная «нерусская» (по мнению некоторых исследователей) погребальная традиция была характерна как раз для части населения Поморья, откуда и шло заселение Сибири в XVII–XVIII веках [7, с. 163].

Зафиксированный в погребениях деревни Ярковой обычай перевивания веревкой отмечен исследователями у русских старообрядцев Сибири, которые обернутое в саван тело обвязывали тремя крестами (на груди, животе и ногах) жгутом из льняных ниток [11, с. 387]; у печорских коми старообрядцев в XX в. ноги и руки умершего связывают, чтобы ≪не расходились≫ [12, с. 22]; у оренбургских казаков в начале XX в. умершим связывали руки и ноги нитками [13, с. 118].

Несмотря на кажущееся обилие материалов, русская похоронно-поминальная обрядность и связанные с ней представления изучены еще мало [5, с. 518]. Дальнейшие исследования поселенческих и погребальных русских памятников позднего средневековья и нового времени позволят раскрыть все многообразие материальной и духовной культуры, в том числе охарактеризовать локальные варианты погребально-поминальной обрядности русского населения Прииртышья.

1. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVI – XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I / Отв. ред. Томилов Н.А. Омск, 2010. 284 с.
2. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Новосибирск, 2006. Т XII. Ч. I. С. 242-248.
3. Загваздин Е.П. Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. в 2-х т. / под ред. Л.В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург, 2014. Том 1. С. 158-163.
4. Дозорная книга 1623 г. // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – начале XVIII вв.: Сборник архивных источников. Тюмень: изд-во ТГУ, 2001. 184 с.
5. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1997. С. 517-532.
6. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 6. С. 192-232.
7. Самигулов Г.Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: изд-во ОмГУ, 2005. С .154-168.
8. Татаурова Л.В. Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 235-236.
9. Адамов А.А. , Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
10. Ковригина И.А. Погост как феномен культуры старообрядцев Забайкалья // Вестник ИрГТУ №3 (86), 2014. С. 238-242.
11. Бардина П.Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: изд-во Том. ун-та, 1994. С. 383-393.
12. Бережнова М.Л. К вопросу о генезисе погребального обряда русских сибиряков // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2 / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 28-33.
12. Чувьюров А.А. Похоронно-поминальные обряды печорских коми старообрядцев // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2 / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 20-28.
13. Голикова С.В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 118-122.

ОЛЕНЕВОДСТВО ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ: ВЕХИ ИСТОРИИ*

Ю.Н.Квашнин[1], Р.И.Сенько[2]
[1]Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень
[2]Историко-мемориальный музей «Смольный», г. Санкт-Петербург

Лесные ненцы – один из самодийских народов, бóльшая часть которого расселена в южной части Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Небольшие локальные группы проживают в северных районах Ханты-Мансийского автономного округа. По образу жизни лесные ненцы отличаются от тундровых и сближаются с таежными жителями – хантами и селькупами.

Хозяйство лесных ненцев можно отнести к южно-тундровому и лесотундровому типам. По классификации А.В. Головнёва этот тип называется таёжно-ненецким. В XIX – начале XX вв. этот тип был распространен в бассейне р. Пур и северотаёжных районах водораздела Пура и Оби. Его характерными особенностями были: рыболовство, производившееся в течение лета и первой половины осени посредством запоров, малых неводов, сетей и острог; охота на дикого северного оленя, проходившая осенью, зимой и ранней весной при помощи оленя-манщика, маскировочного щита и

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00097, «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов».

загонным способом; зимний промысел пушного зверя; летняя охота на водоплавающую и осенняя охота на боровую дичь. Домашние олени находились летом на полувольном выпасе, в комариный период для них сооружались дымокуры, иногда стада окарауливали как у тундровых оленеводов. Поголовье оленей не превышало 100 голов на одно хозяйство и имело как транспортное, так и пищевое значение. Хозяйство лесных ненцев было полностью натуральным. Необходимые промышленные товары и изделия из металла приобретались путем обмена на продукцию традиционных промыслов [5, с. 125].

Другие исследователи выделяли четыре варианта традиционной оленеводческой системы, распространенных у лесных ненцев в начале XX в. Первый вариант встречался в верховьях Пура, а также в районе оз. Нум-то и на северных притоках Агана, где лесные ненцы вступали в контакты с восточными хантами. Для него был характерен вольный выпас оленей, практиковавшийся малооленными хозяйствами. Второй вариант был отгонным, с полувольным выпасом на водораздельных болотах. Ему соответствовало большее число оленей, от 50 до 300 голов. Этот вариант локализовался в основном на среднем течении Пура, хотя встречался и в верховьях, а также в бассейнах рек Пяку-Пур и Айваседа-Пур. Третий вариант был близок к тундровому типу оленеводства. Он распространился в лесотундровой зоне среднего Пура. Здесь лесные ненцы практиковали круглосуточное окарауливание стад и применяли оленегонную собаку. Четвертый вариант бытовал у ляпинских ненцев, которые занимались совместным выпасом малооленных стад разных хозяев, что было характерно также и для верхнепуровских ненцев [8, с. 50-51; 10, с. 45-48].

Исторические данные в XVII-XIX вв. свидетельствуют о том, что оленеводство у лесных ненцев никогда не было крупностадным. Основными местами кочевий ненцев Айваседа и Пяк было междуречье Пура и Таза. Однако русские встречали представителей этих родов в низовьях Енисея и возле Обдорска [7, с. 69, 73; 11, с. 32, 34, 43]. Обременённые большим количеством оленей лесные ненцы не смогли бы совершать такие дальние перекочёвки.

Во второй половине XIX в. лесные ненцы окончательно закрепились не только в бассейне верхнего и среднего течения р. Пур, но и продвинулись на р. Аган, некоторые семьи откочевали в бассейн Енисея, вниз по Надыму и в бассейн Таза [6, с. 53-54].

С созданием Пуровского района в 1932 г. были окончательно определены границы кочевания лесных ненцев. В середине 1930-х гг. в районе были созданы первые колхозы. Основным занятием членов колхозов были рыбодобыча и охотничий промысел. Оленеводческий совхоз «Пуровский» был создан в низовьях Пура только в 1938 г. Колхозные стада были образованы путём обобществления личных оленей малооленных хозяев и раскулачивания владельцев больших стад. К 1 января 1939 г. оленье поголовье Пуровского района (совхозное и частное) составило 23 503 головы. В январе 1945 г. был создан совхоз «Верхнепуровский», центральная усадьба которого, двумя годами позже, была организована в Тарко-Сале. Здесь же уже существовал, образованный в 1937 г. колхоз «им. 8-го марта» Эти организации развивались как комплексные хозяйства, включавшие добычу и переработку рыбы, охотничий промысел, мясомолочное животноводство, пушное звероводство и оленеводство [13, с. 83, 89, 107].

Оленеводство в верховьях Пура развивалось с большими трудностями. Это было связано как с кампанией перевода кочевников на оседлость, так и с многокомпонентностью хозяйств. Как свидетельствуют архивные данные начала 1950-х гг., оленеводческие кадры часто занимались заготовкой сена для коров, перевозкой дров и навоза, работали скотниками и доярками [12].

В 1958 г. партийные и хозяйственные руководители района наметили планы по оптимизации экономического развития района на 1959-1965 гг. Было отмечено, что из-

за отсутствия пастбищ и достаточного числа пастухов дальнейшее развитие оленеводства в совхозе «Верхнепуровский» невозможно, а ведение комплексного хозяйства в маломощной артели «им. 8-го марта» не имеет перспективы. Поэтому было принято решение о слиянии двух хозяйств с передачей всех земельных угодий и оленьего поголовья совхозу «Верхнепуровский». Предполагалось, что к 1964 г. объединённый совхоз «будет иметь 14 тыс. голов оленей и сдавать государству 300 центнеров мяса и 5000 оленьих шкур на сумму 1300 рублей» [1, л. 1-16].

Несмотря на грандиозные планы развития оленеводства в верховьях Пура, основными хозяйственными занятиями местного населения оставалось рыболовство, охота и звероводство. Создавались новые рыбоучастки и промыслово-охотничьи хозяйства, выполнялись и перевыполнялись планы по рыбодобыче и заготовке полевой пушнины. В годовых отчётах начала 1960-х гг. не упоминается ни один передовик производства из числа оленеводов [2, л. 113, 122-125].

Не способствовала укреплению оленеводства и продолжавшаяся широкомасштабная кампания по переводу кочующего населения на оседлость. По состоянию на 1 июля 1968 г. на всей территории Пуровского р-на кочевало 248 хозяйств, в которых насчитывалось 1232 человека. По мнению чиновников, перевод этих людей на оседлый образ жизни должен был укрепить оленеводство и развивать его на основе применения современных методов выпаса и окарауливания [3, л. 46]. Однако данные мероприятия так и небыли реализованы в полном объёме ни в Пуровском районе, ни на остальной территории ЯНАО.

Все последующие годы Пуровский район продолжал лидировать в округе по вылову рыбы, оленеводство оставалось дотационным. Когда в районе началась интенсивная разработка нефти и газа, оленеводство как важная отрасль экономики отошла на третий план.

По мере становления оленеводческих совхозов в районе возрастало поголовье оленей. К примеру, если в 1940 г. на территории района насчитывалось около 22 800 голов оленей, то к 1953 г. их стало более 29 600. Данные на начало 1960-х гг. сильно разнятся. По сведениям окружного статистического управления, на начало 1963 г. в районе было зафиксировано 35 000 голов оленей [15, с. 168]. Л.В. Хомич приводит другие цифры – на 1 января 1961 г. оленей насчитывалось 26 500 голов [14, с. 401].

Данные о дальнейшем развитии оленеводства в Пуровском районе, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют локализовать территорию в верхнем и среднем течении р. Пур и дать характеристику лесотундрового и таёжного оленеводства. По данным на 1 января 1984 г., которые приводит И.А. Карапетова, поголовье оленей совхоза «Верхнепуровский» насчитывало на тот период времени 7 100 голов. Часть стад выпасалась к северу от Тарко-Сале, часть к югу. Выпасом занимались 6 бригад (33 чел.). Кроме того, около 1000 голов оленей находились в личной собственности членов бригад [9, с. 93].

В 1990-е гг. оленеводство в районе пришло в полный упадок. Большая часть пастбищных земель оказалась выведена из хозяйственного оборота. По данным на конец 1990-х гг., площадь нарушенных промышленным освоением земель в Пуровском районе составляла более 62,2 тыс. га [4, с. 325]. На то время это было больше чем во всех остальных шести районах округа, вместе взятых.

К 2003 г. усилиями руководства и самих оленеводов удалось восстановить численность совхозных оленей до 5685 голов, их выпасом занимались 5 бригад. Вместе с этим увеличилось поголовье оленей, находящихся в личной собственности (*табл. 1*) [9, с. 95].

Табл. 1

Наличие оленей в общественном и частном секторе южной части Пуровского района в начале XXI века

	на 01.01.2002	на 01.01.2003
СПК «Верхнепуровский»	5218	5685
Частный сектор		
Рыбаки-охотники СПК «Верхнепуровский»	–	2684
Община «Еты-Яля»	767	868
Община «Харампуровская»	722	878
Община «Ича»	342	435
Община «Пякопуровская»	1340	970
Община «Сугмутско-Пякутинская»	3020	3043
Итого:	11409	14563

В 2004 г., при активном содействии нефтегазодобывающих компаний, в лесотундровой и таёжной зонах Пуровского района для трудоустройства коренного населения было организовано пять общин: ОАО «Сельскохозяйственная община Харампуровская» (д. Харампур), куда вошло 38 семей; ОАО «Родоплеменная община Еты-Яля» (с. Халясавэй) – 118 семей; ОАО «Сельскохозяйственная община Пякопуровская» (п. Ханымей) – 23 семьи; ОАО «Сельскохозяйственная соседская община Ича» (с. Толька) – 51 семья; ОАО «Сельскохозяйственная община Сугмутско-Пякутинская» (г. Муравленко) – 44 семьи. В первых трех общинах были объединены преимущественно лесные ненцы, в «Иче» – главным образом селькупы, а в «Сугмутско-Пякутинской» – ханты [9, с. 95].

Территории, находящиеся в ведении сельскохозяйственных общин Пуровского района, не оформлены юридически как родовые угодья. В отличие от территорий проживания лесных ненцев в ХМАО, которые согласно закону, разграничены по старым родовым угодьям и находятся в безвозмездном пользовании «для осуществления традиционного образа жизни, ведения традиционного хозяйствования» [9, с. 96].

Создание сельскохозяйственных общин на территории Пуровского района позволило сохранить традиционные занятия и повысить жизненный уровень коренных жителей. В населённых пунктах для них были построены жилые дома. Членам общин выдавался транспорт (снегоходы, лодки и лодочные моторы). Они имели стабильную оплату труда за ловлю рыбы, охоту и сбор дикоросов.

Участки хозяйственной территории, которую осваивают коренные жители южной части района, находятся в зоне лесотундры и северной тайги в нижнем течении р. Пяку-Пур, Айваседо-Пур и их притоков. Они не используются в качестве пастбищ, так как там производится добыча нефти и газа. Основными местами выпаса являются: на левом берегу Пура – бассейны рек Ягенетта и Тэдэотта; на правом берегу – бассейны рек Большая Хадыръ-Яха и Трыбъ-Яха. Две бригады кочуют на границе с Красноселькупским районом, заходя на его территорию в верховьях р. Большая Хадыръ-Яха и на притоках р. Часелька в её среднем течении. Большинство лесных ненцев, хантов и селькупов, проживающих здесь, занимаются рыболовством. Оленеводство играет вспомогательную роль.

Положение оленеводства в этих краях с каждым годом ухудшается из-за постоянного сокращения пастбищных угодий в результате промышленного освоения территорий.

1. ГБУТО ГАСПИТО. Ф.1481. Оп. 64. Д. 48. Л. 1-16.

2. ГБУТО ГАСПИТО. Ф.1481. Оп. 72. Д. 15. Л. 113, 122-125.
3. ГБУТО ГАСПИТО. Ф.1481. Оп. 75. Д. 5. Л. 46.
4. География Ямало-Ненецкого автономного округа: учебное пособие. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2001. 328 с.
5. Головнёв А.иВ. Историческая типология хозяйства народов Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.
6. Васильев В.иИ. Ненцы // Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1993. С. 29-62.
7. Долгих Б.иО. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с.
8. Карапетова И.иА. Лесные ненцы: к проблеме региональной и субэтнической специфики в материальной культуре // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. Сб. статей. М., 1986. С. 48-55.
9.Карапетова И.А. Пуровские лесные ненцы: некоторые аспекты хозяйственно-культурной и социальной адаптации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 92-101.
10. Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири / отв. ред. Ч. М. Таксами. Л.: Наука, 1986. С. 42-56.
11. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 200 с.
12. Отделпо делам архивов администрации Пуровского района. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4.
13. Пуровский район – 75. Тюмень, 2007. 368 с.
14. Хомич Л.В. Некоторые вопросы хозяйства, культуры быта коренного населения Пуровского и Надымского районов Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. 1962 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1959-1962 годы. М. ИЭА РАН, 2005. С. 399-409.
15. Ямало-Ненецкий национальный округ (экономико-географическая характеристика). М.: Наука, 1965. 276 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Н. Л. СКАЛОЗУБОВ – ИНИЦИАТОР ПЕРВОГО ВОЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СЪЕЗДА В Г. ТОБОЛЬСКЕ

Д.И. Акбердеева
Государственный архив в г. Тобольске

В этом году исполнилось 100 лет со дня смерти первого правительственного агронома Тобольской губернии, депутата II и III созывов, исследователя Сибири Николая Лукича Скалозубова. Его жизни и деятельности посвящена обширная библиография, в которой недостаточно полно раскрыты сюжеты, связанные с участием Н. Л. Скалозубова в организации первого крестьянского съезда в Тобольской губернии, который состоялся в декабре 1905 г. в г. Тобольске. В разгар политических событий после опубликования Манифеста 17 октября, местной администрацией ему был придан революционный характер и приписано «потрясение основ» [7, с. 14].

В ноябре 1905 г. Н. Л. Скалозубов предложил управляющему государственными имуществами в Тобольской губернии М.Ф. Фролову-Багрееву взять на себя инициативу по созыву крестьян, чтобы, во-первых, разъяснить им значение Манифеста, так как многие из них «толковали его совершенно превратно: свобода совести, значит можно теперь жить без совести; свободы всякие это значит можно лес казенный и частный рубить и пр.», во-вторых, «выслушать нужды крестьян, касающиеся леса и оброчных статей и успокоить их», поскольку чиновники лесного ведомства «совершенно не обращают внимания на нужды населения и тем раздражают его». Фролов-Багреев от предложения Скалозубова категорически отказался, мотивируя отказ тем, что «вызывать революцию он не намерен» [3, л. 13].

Николай Лукич решил действовать самостоятельно и обратился к губернатору А. П. Лаппа-Старженецкому с докладом о своем намерении организовать съезд крестьян. Получив разрешение губернатора на печатание объявлений о предстоящем мероприятии, Скалозубов привлек к задуманному делу старшего чиновника поземельного устроительного отряда А. Н. Ушакова и доверенного фирмы «Бр. Колмаковы» И. Я. Уфимцева. Ими была составлена программа съезда, намечены секретари и разосланы приглашения по всем волостям Тобольского уезда.

15 декабря 1905 г. состоялось открытие съезда, участниками которого стали 123 уполномоченных делегата от 22 волостей уезда и 12 человек по собственному желанию [8, с. 386].Съезд открыл губернский агроном, который в своей речи озвучил задачи – «обсудить, что такое свобода, пересоветоваться, как отнестись к манифестам и выработать требования для депутата в Государственную Думу» [4, л. 14 об.]. После выступления председателя съезда А. Н. Ушакова с подробным разъяснением значения Манифеста 17 октября и его возможных последствий делегаты были ознакомлены с заранее составленными сельскими обществами приговорами о земле и лесах, о государственном устройстве и школах, налогах, воинской повинности и т.д.

Три дня (15 – 17 декабря) в здании Народной аудитории обсуждались нужды сельского хозяйства Тобольского уезда. В результате организаторами и участниками

съезда были выработаны резолюции, касающиеся главных проблем, волнующих крестьян и требующих немедленного решения. Центральный вопрос – о земельном наделе – в резолюции предлагалось решить следующим образом: «земля … должна быть общенародная, чтобы надел ее был всем равен, по 15 десятин на душу и чтобы она предоставлялась только тем, кто сам ее обрабатывает, и притом людям всех сословий» [8, с. 386].

Участники съезда осудили налоговую политику государства, потребовали введения единого прогрессивного подоходного налога и отмены косвенных налогов. Они высказались за введение земского управления в деревне, ликвидацию института крестьянских начальников, равный для всех суд.

Заседания съезда происходили в присутствии командированного губернатором непременного члена по крестьянским делам В. И. Лебедева. Все прошло мирно и спокойно, без происшествий. После завершения работы уполномоченные разъехались по своим волостям.

На следующий день после закрытия съезда губернатор получил телеграмму из Петербурга о том, что «Управляющий Министерством приказал съезд запретить, не допускать никаких явно революционных собраний» [4,л. 6]. Таким образом, крестьянский съезд в Тобольске неожиданно для его организаторов оказался лишен законной почвы.

Последствия, к которым привела идея созыва крестьян всего уезда, перечислены Н.Л. Скалозубовым в его дневниковых записях: «отставка губернатора Александра Павловича Лаппа-Старженецкого, введение в части губернии военного положения, назначение Тройницкого и[сполняющим] д[олжность] генерал-губернатора, закрытие «Сибирского листка», «Сибирской торговой газеты» и аресты 19-го января меня, Ушакова, Уфимцева, Рошковского, Костюрина, Вилькошевского, Степанова, Башкова, Антипина, Лещинского, Сысолова» [2, л. 1].

19 января 1906 г. после полуночи в дом правительственного агронома явился исправник Петухов с понятыми, жандармами и солдатами. Был проведен тщательный обыск в доме, изъяты брошюры, рукописи, переписка. Исправник ознакомил Скалозубова с постановлением начальника жандармского управления об аресте его как подозреваемого в государственном преступлении.

Николая Лукича повезли в губернскую тюрьму. Местом заточения стала камера № 1. «Мрачная с белыми стенами камера. На койке соломенная плоская подушка и тюфяк, представляющий из себя войлок в чехле. На крошечном столике со шкафчиком внизу надзиратель поставил лампочку, дверь затворилась, и замок громко щелкнул» [2, л. 2]. С этого момента начался новый, нелегкий и совершенно неожиданный для Н.Л. Скалозубова период в его жизни – семинедельное тюремное заключение в одиночной камере.

Атмосфера тесной, душной камеры с антисанитарными условиями угнетающе действовала на Николая Лукича. Арестантам вскоре запретили переговариваться между собой. На прогулку их выводили раз в деньна 15 минут, затем дали разрешение гулять 2 раза в день. Раз в неделю, по четвергам, к арестантам приходили родственники, жены с детьми на 15-минутное свидание «в присутствии и под испытующим глазом жандарма и канцелярии» [2, л. 9].

Привыкший к труду, Скалозубов не переставал заниматься научными исследованиями даже в таких тяжелых условиях. Он добился того, чтобы ему выслали книги, семена и снопы необработанных образцов пшеницы; до 9 часов в день занимался чтением книг и биометрическими измерениями [2, л. 57].

В этот период, 30 января, генерал-губернатор прислал уведомление об устранении от должности правительственного агронома Скалозубова на время военного положения [2, л. 7].

10 февраля арестанта вызвали в контору на допрос к жандармскому полковнику. У допрашиваемого создалось впечатление, что полковник «толком бумаг не пересмотрел, привязался к мелочам и случайным фактам, а истинного характера дела не попытался выяснить», предъявлял лишь «документы, могущие компрометировать». «Начиная и оканчивая допрос, полковник остался при мнении, что организация тобольского съезда находилась в связи с российскими [событиями – *авт.*] и что резолюции были нами подсказаны крестьянам», – пишет в своем дневнике Николай Лукич [2, л. 10].

Скалозубов и его товарищи были обвинены в противоправительственной агитации и пропаганде идей крестьянского союза. Его жену, Ариадну Васильевну, которая присутствовала на съезде в качестве секретаря и являлась «не менее вредной для спокойствия губернии, чем ее муж» [5, л. 106], тоже допрашивали, и она, опасаясь ареста, предприняла попытку уехать в Петербург, но возвратилась, не доехав до Тюмени, так как «в дороге был припадок» [2, л. 21]. Ей были предъявлены обвинения в том, что она «разъезжала по деревням, толкуя вкривь и вкось Манифест 17 октября и требуя, чтобы крестьяне выбирали выборных на съезд и давали им приговора с пожеланьями, которые Скалозубова им сама втолковывала» [5, л. 106]. Ариадна Васильевна осталась на свободе, «так как у нее пять человек детей, из коих старшему всего 12 лет, и так как у них нет родственников, которым можно было бы поручить детей» [5, л. 109].

Несмотря на то, что А. Н. Ушаков и С. Л. Вилькошевский написали письма в Министерство внутренних дел с жалобой на администрацию, всем арестованным была назначена ссылка в разные места северной части губернии. Николай Лукич узнал, что место его высылки – г. Березов.

Рано утром 10 марта 1906 г. Н. Л. Скалозубова и А. Н. Ушакова вывезли из Тобольска. «Тюремное заключение окружило нас как бы ореолом (вот действительно легкий способ приобретать популярность). Перед выездом из Тобольска, как ни трудно было доходить до меня слухам, но я получал много доказательств внимания, сочувствия. На дороге по тракту крестьяне выходили прощаться и это несмотря на строгое распоряжение с нами не разговаривать», – напишет позже Николай Лукич в письме к сестре Александре [1, л. 385]. Проехав вместе до села Самарово, 17 марта они распрощались, экипаж с Ушаковым завернул в сторону Сургута.

20 марта 1906 г. Николай Лукич приехал в г. Березов. Вскоре туда же приехала Ариадна Васильевна с детьми. 30 марта 1906 г. Министр Внутренних дел постановил обвиненных в политической неблагонадежности Скалозубова и его жену подчинить в Березовском уезде гласному надзору полиции на 3 года [6, л. 6 об.].

О жилищно-бытовых условиях, в которых оказались высланные, известно из писем Скалозубова к сестре: «Условия жилья здесь очень тяжелые – самых необходимых продуктов нет, нет картофеля, капусты, нет лимонов, а между тем, цинга здесь бывает» [1, л. 384]. Почтовое сообщение вскоре прекратилось, так как дорога до Тобольска с приходом весны испортилась, и связь с «цивилизованным миром» потерялась до начала лета. Николай Лукич нашел чем занять свой досуг – начал сбор растений и за два месяца собрал гербарий на 3000 листов [9, с. 45].

В августе 1906 г. Скалозубов был освобожден от дальнейшего отбывания наказания губернатором Н. Л. Гондатти. 22 августа он вместе с семьей вернулся в Тобольск.

Анализируя события, произошедшие с ним после устройства крестьянского съезда, Николай Лукич так и не осознал до конца, за что его арестовали и отправили в ссылку: «За что я попал сюда – странно непонятно. Говорят, за устройство съезда, но он был разрешен губернатором и прошел мирно. Обвиняют меня еще будто бы в том, что я подсказал запасным [солдатам – авт.] скопом явиться в Тобольск к генерал-

губернатору требовать пособий, но и это очевидное недоразумение» [1, л. 385].Скалозубов пришел к выводу, что причина его ареста и ссылки кроется в том, что незадолго до съезда была речь о выдвижении его в выборщики в Государственную Думу и поэтому появилась «необходимость удалить из города опасных конкурентов» [1, л. 385].

Вернувшись из ссылки, Скалозубов попал под «гласный неослабный надзор» со стороны губернатора: «Приехал Гондатти и гонит из Тобольска всех политических. Ни я, ни Костюрин не получили ответа о праве жить в Тобольске. По-видимому, нам грозит высылка из города» [цит. по: 9, с. 48]. Любая общественная деятельность бывшего политссыльного находилась под строгим контролем. Губернатор не разрешил ему даже читать лекции в фельдшерской школе и гимназии. Скалозубов сотрудничал с разными сельскохозяйственными изданиями, но небольшого литературного гонорара было мало для того, чтобы прокормить большую семью.

Когда Скалозубова начали уговаривать баллотироваться во II Государственную думу, он не стал отказываться. Обстоятельства сложились так, что у него не оставалось выбора. Николай Лукич должен был вернуть себе право на любую работу или же «стать на путь профессионального революционера, к чему он не чувствовал себя подготовленным» [9, с. 48].

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 57.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 2. Д. 27.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 227.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 20. Д. 492.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152, Оп. 20 Д. 576.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 37.
7. Пигнатти В. Н. Николай Лукич Скалозубов и его деятельность в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 27. Тобольск, 1916.
8. Сибирский листок: 1901-1907/ сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень, 2003.
9. Шелухин И. С. Николай Лукич Скалозубов. Новосибирск, 1961.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В РАБОТЕ МИРОВОГО СУДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Ю.А. Акулова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Институт мирового соглашения прошёл длинную историю, его первое упоминание встречается ещё в римском праве. Уже в Законах XII-ти таблиц было сказано о необходимости совершения попытки примирения сторон с целью избегания судебного разбирательства [1, с. 53].

В судах многих европейских государств (включая Англию) в XII – XIV вв. регулярно проводились так называемые *dies amori* (дни примирения). Эти дни суды полностью посвящали принятию мер по примирению сторон. Такая практика, будучи в целом положительной для сторон, также нередко приводила к принуждению к примирению [2].

Мировое соглашение – это обычное гражданско-правовое соглашение, которым стороны прекращают судебный спор и устанавливают новые права/обязанности. Отличие мирового соглашения от других гражданско-правовых соглашений в том, что оно утверждается судом и имеет силу решения суда [3].

Заключить мировое соглашение можно на любой стадии гражданского процесса – от первого заседания до исполнения решения суда.

В дореволюционном российском праве мировые сделки регулировались разделом IV «О примирительном разбирательстве» главой I «О мировых сделках» ст. 1357-1366 «Устава гражданского судопроизводства» (далее –УГС) [4, с. 830].

Мировое соглашение в гражданском процессе являлось эффективным инструментом урегулирования спора. Поэтому гражданское процессуальное законодательство стремилось обеспечить максимальную возможность для суда и сторон использовать этот институт. Несмотря на предпочтительность окончания дела путем заключения мирового соглашения, не любое соглашение сторон о способе разрешения спора могло привести к прекращению производства по делу.

По сравнению с судебным разбирательством, оканчивающимся вынесением решения, которое может не удовлетворять одну или обе стороны судебного процесса, мировая сделка подразумевает взаимовыгодный компромисс, на который добровольно соглашаются обе спорящие стороны. Важность коммерческого примирения состоит в том, что совершающие ее лица сохраняют деловые контакты с клиентами и партнерами, долгосрочные хозяйственные связи; заключение коммерсантами мировой сделки признается более выгодным для них и потому, что зачастую позволяет участникам этой сделки сэкономить время и деньги, избежав достаточно длительного, дорогостоящего и обременительного судебного процесса.

Материальное обеспечение сибирских мировых судей было слабее обеспечения судей Европейской России из-за дороговизны продуктов питания.

Миром могли быть прекращены дела малолетних (ст. 1357 УГС), когда в деле участвуют не два, а несколько тяжущихся (ст. 1358 УГС), также совершение мировых сделок допускалось и на стадии кассационного производства (ст. 1357 УГС).

УГС знал троякую форму мировой сделки:

- мировая запись, совершаемая вне суда и обязательная для заверения нотариусом или мировым судом;
- мировое прошение, предъявляемое за подписью тяжущихся, в суд, где дело производится, если оно предъявлено не лично, оно должно быть предварительно заверено у нотариуса или мирового судьи;
- мировой протокол, составляемый судом, на основании словесного заявления суду тяжущихся о прекращении дела мира на определённых условиях, протокол подписывается сторонами (ст. 1359-1364 УГС)

Однако, мировая сделка в своей сути есть договор, и поэтому неисполнение её может иметь лишь одно последствие – новый иск.

Мировая сделка совершалась двумя способами:

1) посредством записи, засвидетельствованной нотариусом или мировым судьёй;

2) через подачу мирового прошения или составления мирового протокола (ст. 1359 УГС).

Незасвидетельствованная сделка не могла приниматься судом как основание для прекращения производства, но в законе не было прямого указания, что несоблюдение порядка совершения мировой сделки лишало это соглашение всякой силы и значения [4, с. 831].

В законе также не было указано, что мировая сделка считается недействительной, если она относится к предмету неподсудному тому суду, перед которым она последовала.

Цивилист Яблочков считал, что неизвестность исхода дела, обуславливаемая чаще всего неясностью правоотношения, заставляет тяжущихся идти добровольно или по наставлению суда на взаимные уступки, чтобы заключить мировую сделку не доводя дело до судебного решения.

Мировая сделка (мировое соглашение) активно применялась в гражданском судопроизводстве дореволюционного периода.

В частности, по данным ведомости о деятельности мировых судей Тобольской губернии за 1900 г., количество дел, прекращённых за примирением сторон, составило 1597. Из них в Тобольском уезде – 271 дело; в Тюменском – 390; Туринском – 56; Ялутровском – 159; Берёзовском – 44; Сургутском – 15 [5, л. 2].

В 1904 г. в мировом суде Тобольской губернии было заключено 1445 мировых соглашений. Из них: в Тобольском уезде – 291 дело, Тюменском – 263, Туринском – 40, Ялуторовском – 131, Берёзовском – 83, Сургутском – 11 [6, л. 251–251 об.].

В среде инородцев (татарских общинах), стороны также нередко прибегали к мировому исходу.

Заключая мировую сделку, стороны оканчивали спор на тех условиях, которые они сами совместно выработали. Выработку этих условий они могли доверить и судьям-посредникам, на основании особой, совершённой в нотариальной форме третейской записи.

1. Давыденко Д.Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров. Автореф. дис. … канд. юрид. Наук. М., 2004. 21 с.
2. Law and Love in the Middle Ages // Disputes and Settlement. Cambridge, 1987.
3. Удьянов Г. Мировое соглашение в гражданском процессе. URL:http://sudelko.ru/mirovoe-soglashenie-v-grazhdanskom-processe/ (дата обр.: 06.09.2015).
4. Боровиковский А. Л. Устав гражданского судопроизводства.Спб., 1908. 1102 с.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 72.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 128.

СИБИРСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА 1895 ГОДА И СТАТУС ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Д.В. Андриянова
Тюменский государственный университет, г.Тюмень

Конец XIX столетия ознаменовался очередной реформой высшей сибирской администрации. Изменив властный порядок в руководстве губерниями, преобразование одну из важнейших ролей отвело вице-губернаторам, возглавившим губернские канцелярии и имевшим полномочия губернаторов в предусмотренных законом случаях.

Удаленность от центра страны и малонаселенность края, особый состав населения, дефицит добросовестных чиновников со всеми этими проблемами царское правительство пыталось справиться и создать действенную регионально-ориентированную модель управления Сибирью. Главным нововведением реформы 1895 года стала ликвидация двойственности управления. Ранее губернское управление делилось на частное и общее, каждое из которых имело свою канцелярию. Все это имело своим следствием бумажную волокиту и раздутый штат чиновников, порой не способный решить самое простое дело. Губернатор В. А. Тройницкий, возглавлявший Тобольскую губернию в 1886-1892 гг., указывал на крайнюю необходимость замены разъединенных губернских совета и правления одним учреждением, чему, по его мнению, ничего не препятствовало [2, с. 28]. В этом направлении и была проведена административная реформа от 1 июня 1895 г. «О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений» [15]. В ходе реформы общее и частное губернские управления трансформировались в единое губернское управление, состоявшее из губернатора, общего присутствия и канцелярии. Общее присутствие возглавлялось губернатором,

включало вице-губернатора, управляющих казенной палатой и государственными имуществами, председателя губернского суда, губернского прокурора, непременного члена по крестьянским делам, советников, губернских тюремного инспектора и его помощника, врачебного инспектора, ветеринара, инженера и архитектора.

В установленной системе региональной власти важнейшей фигурой после губернатора становились вице-губернаторы, которые являлись ближайшими его помощниками, а в случае болезни, командировки или увольнения того, исправляли его обязанности. Своим появлением должность вице-губернатора заменила должность председателя губернского управления, но с гораздо большими полномочиями. Они, в отличие от глав губернских казенного, судебного и других ведомств, обязывались участвовать в заседаниях общего присутствия губернского управления по всем делам [15, ст. II-III]. Отличительной особенностью тогдашней сибирской администрации считается превращение вице-губернаторов в руководителей канцелярий, множество делопроизводства в которых равнялось объему дел нескольких отдельных учреждений в губерниях Европейской России [7, с. 225].

Высокое правое положение вице-губернатора определяли, установленные по штату губернских управлений, оклад годового содержания, класс должности, разряды по шитью на мундире и по пенсии. Если класс должности – V, разряд по шитью на мундир – V и по пенсии – III, ст.1 совпадали с некоторыми чиновниками, то оклад содержания был значительно выше. В Тобольской и Томской губерниях вице-губернатор получал 3500 руб., в Енисейской и Иркутской – 4000 руб. в год[15, с.170–173]. Вице-губернатору полагалась фуражка с красными: околышем и выпушкой вокруг тульи. При чине действительного статского советника – красного цвета отвороты бортов, подкладка и выпушка в 1/16 вершка у укороченного пальто[17, с. 822–823].

Значение вице-губернаторов отметил во время проверки начальник отделения департамента общих дел МВД, бывший иркутский губернатор И. П. Моллериус в 1910 г. [20, с. 26–27].Целью проверки являлось выявление «преимуществ и недостатков» сибирской губернской реформы учитывая опыт работы Тобольского губернского управления. В ходе изучения его делопроизводства было установлено, что в 1908 г. из 629 заседаний общего присутствия губернатор председательствовал на 222, вице-губернатор на 407, из них – на 369 как заместитель губернатора и на 38 по уполномочию губернатора. В 1909 г. вице-губернатор председательствовал на 342 из 555 таких совещаний, при этом как заместитель губернатора – на 102, по уполномочию губернатора на 111 [12, с. 202–204].

За время действия закона 1895 года (а он прекратил свое действие только с началом революции в 1917 году) должность вице губернатора в Тобольской губернии занимали 4 человека: К.П. Фредерикс, Н.В. Протасьев, А.Н Тройницкий. и Н.И. Гаврилов. Именно от их уровня образования и деловых качеств во многом зависела эффективность управления регионом [3; 4, д. 241].

Первым эту должность получил барон К. П. Фредерикс, бывший до реформы председателем губернского правления. Именно он участвовал в торжественном открытии новых губернских учреждений в Тобольске 1 ноября 1895 г. [19, с. 382]. Родом он был из дворян Московской губернии, специального образования не имел, хотя являлся выпускником Пажеского корпуса, служил в Лейб-гвардии Уланском полку, на вице-губернаторской должности пробыл недолго – до 25 апреля 1896 г. По характеристике тобольского губернатора Н. М. Богдановича был человеком хорошим, но не отличавшимся ни особыми способностями, ни деловой инициативой[5, л. 403-408]. В дальнейшем был назначен нижегородским губернатором и в годы Первой русской революции получил «печальную известность» по одному из скандальных дел [8, с. 72-73].

Следующие вице-губернаторы оставили более заметный след в истории края и проявили себя вполне компетентными руководителями. Н. В. Протасьев и А. Н. Тройницкийокончили элитное Императорское училище правоведения [13, с. 120, 180]. Н. В. Протасьев с 1875 года служил в Рязанской губернии, занимая различные судебные должности. В 1888 г. занял пост советника рязанского губернского правления, а в 1889 г. — директора рязанского губернского попечительского комитета о тюрьмах. На этих должностях принимал активное участие в развитии крестьянского землеустройства. В 1896 г. был произведен в действительные статские советники и назначен тобольским вице-губернатором[4, л. 3–29].

Вероятно, этот вице-губернатор в замыслах правительства составлял «команду» с назначенным тогда же тобольским губернатором Л.М. Князевым. Их вступление в должности произошло накануне осуществления в Сибири судебной реформы 1896 г., ведь так или иначе вся их служба проходила в органах юстиции [10, с. 35-39; 16; 19, С. 326].

За шесть лет вице-губернаторства в Сибири Н.В. Протасьев заслужил репутацию хорошего управленца и в 1902 г. из Тобольска был переведен губернатором Олонецкой губернии [9, с. 110-113], а в 1915 г. скончался на посту харьковского губернатора [13, с. 120].

На освободившийся пост был назначен А. Н. Тройницкий, человек с богатым опытом административной службы. Он служил чиновником особых поручений при Олонецком губернаторе, директором Петрозаводского губернского тюремного комитета, старшим чиновником особых поручений при черниговских губернаторах[4, л. 3-29]. Серьезным испытанием для вице-губернатора стало наступление революции, когда в его фактическом управлении находилась огромная и весьма неспокойная Тобольская губерния. Ему приходилось восстанавливать власть в местностях, где действовали вооруженные отряды, и существовала угроза открытого вооруженного восстания, в частности, устанавливать контроль над станцией Тюмень, через которую даже прекращалось движение поездов [19, с. 404-405]. Тройницкийлично расследовал октябрьские события 1905 г. вКургане, когда там произошли столкновения железнодорожников, других рабочих, учащихся с правительственными войсками,пролилась кровь сорока человек, через год в тот же Курганеприбыл для предотвращения и пресечения ожидаемых беспорядков и вИшимдля расследования по особо порученным ему делам [6]. Признанием его заслуг стало назначение губернатором Тульской губернии.

В апреле 1908 г. получил назначение последний вице-губернатор Тобольской губернии Н. И. Гаврилов, окончивший Варшавское юнкерское училище, но к моменту ухода с военной службы вполне успешно справлявшийся с государственной службой в Европейской России и Средней Азии. Вскоре после назначения он получает звание почетного судьи[18]. В должности вице-губернатора занимался различными вопросами: следил за сбором средств для Красного Креста,исполнял обязанности губернатора в его отсутствие, часто представлял губернскую власть на совещаниях в других губерниях (так,в 1912 г. командировался в Омск для присутствия на совещании по разработке плана охраны железных дорог, в 1915 г. –в Екатеринбург на совещание по заготовкам для нужд армии и массовым выступлениям)[4, л. 3–31]. Тобольский губернатор А. А. Станкевич считал Н. И. Гаврилова компетентным работником, «глубоко преданным своему Отечеству», а, по мнению историка В. В. Гермизеевой, вице-губернатор «зарекомендовал себя с лучшей стороны среди населения и чинов губернского управления» [1, с. 62].

Немало профессионализма и деловых качеств потребовала административная реформа 1895 г. в Сибири, сосредоточив в руках вице-губернаторов важнейшие рычаги управления и сделав их начальниками губернской канцелярии.

1. Гермизеева В. В. Высшая администрация Западной Сибири (1905 – февраль 1917 гг.): дисс. … к.и.н. Омск, 2004. 205 с.
2. Гермизеева В. В. Структура Тобольского губернского управления (1895-1917 гг.) // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 28-31.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. 152. Оп. 34. Д. 247; 667; 674
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 36. Д. 674.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 400.
6. Государственный архив Курганской области. Ф. 254. Оп.1. Д. 1, 1а, 13.
7. Зубов В. Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 2009. 244 с.
8. Козельчук Т. В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. как социальный слой: дисс. … к.и.н. Курган, 2002. 276 с.
9. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск, 2012. 140 с.
10. Крестьянников Е. А. Почетные мировые судьи Тобольской губернии (конец XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2013. № 3. С. 35-39.
11. Начало сибирских реформ // Восточное обозрение. 1882. 29 апреля.
12. Палин А. В. Томское губернское управление в 1895-1917 гг.: структура, компетенция, организация: дисс. … к.и.н. Кемерово, 2008. 279 с.
13. Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915-1916 г. Пг., 1915. 344 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание III. Т. 2. № 886.
15. ПСЗРИ. Собрание III. Т. 15.№ 11757.
16. ПСЗРИ. Собрание III. Т. 16. № 12932.
17. ПСЗРИ. Собрание III. Т. 16. № 23223
18. Правительственный вестник. 1910. 9 февраля.
19. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. Тюмень, 2000. 577 с.
20. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1910. № 12. С. 26-39.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ НАЧАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В АЛТАЙСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В XIX В.

Б.В. Бабарыкин
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Настоящая работа является завершением рассмотрения вопроса подготовки начальных кадров для медицинских учреждений, функционировавших при Колывано-Воскресенских (Алтайских) горнозаводских предприятиях. В отдельной публикации мы уже рассмотрели аналогичный вопрос, относившийся к XVIII в. [1, с. 43 – 47].

Как и в прежние годы, во второй четверти – середине XIX столетия разновидностью специального обучения была подготовка начальных медицинских кадров для местных горных медицинских учреждений. Базовой площадкой для набора медицинских учеников в основном являлись Барнаульское горное училище и горнозаводская школа. В результате принятия «Положение об учебных заведениях Алтайских горных заводов» от 4 августа 1836 г. и последующего реформирования учебной части Алтайского горного округа в данном вопросе произошёл ряд значимых изменений [2, с. 4 – 13].

В соответствии с 66 пунктом «Положения 4 августа 1836 г.» выпускаемые из Барнаульского кружного училища ученики, определённые для дальнейшего занятия должностей по Медицинской части, поручались сведущему медику или аптекарю. Срок такого обучения должен был составлять 1 – 2 года. Плата медику-преподавателю за обучение каждого из учеников составляла 100 руб. в год [3, с. 864].

Проблема в вопросе назначения воспитанников Барнаульского окружного училища к обучению для последующего определения в нижние медицинские чины, была заложена в самом «Положении 4 августа 1836 г.». После 1836 г., в результате усиления горнозаводской специализации обучения, в окружном училище сократилось количество воспитанников. Дети дворян и чиновников по окончании 2 – 3 отделений выбывали из училища для поступления в высшие и средние учебные заведения. Из неблагородных воспитанников, окончивших три отделения в 1840-е гг., активно комплектовался преподавательский состав для частных училищ (горнозаводских школ), а немногочисленные ученики, окончившие полный курс практических отделений Барнаульского окружного училища, получив звание кандидатов в уставщики, сразу же определялись к замещению служебных обязанностей по горной и заводской части. Для решения проблемы укомплектования штата нижних медицинских служителей, начальство стало определять к этим должностям цирюльников, которые с определением в медицинские ученики ощутимо теряли в окладе жалованья, что не могло не вызвать их недовольства. Профессиональный уровень подготовки таких медицинских учеников также оставлял желать лучшего[4, с. 32-34].

В 1845 г. в связи с обострением кадрового дефицита к главному начальнику алтайских заводов обратился инспектор медицинской части Фридрих-Август Геблер. Для решения обозначенной проблемы главный начальник заводов поручил Горному правлению сделать соответствующие распоряжения.27 сентября 1845 г. горный начальник Л. А. Соколовский приказал из выпущенных в минувшем учебном году учеников окружного училища и лучших учеников Барнаульской заводской школы представить для обучения штаб-лекарю П. И. Нестору 6 чел., предварительно согласовав данный выбор с инспекторами медицинской и учебной частей [5, л. 4 об.]. Сам Геблер должен был ежегодно экзаменовать учеников, в случае их неспособности к обучению ему вменялось подавать рапорты об их отчислении и определении новых подростков. Сверх этого Ф.-А. Геблеру поручалось составить особую программу для обучения медицинских учеников, которая включала в себя все предметы, необходимые для теоретических и практических познаний медицинских чинов. 7 октября при Барнаульском госпитале началось обучение специально отобранных 4-х выпускников окружного и 2-х Барнаульского частного училищ. Все учащиеся оставались на содержании Барнаульского окружного училища, с распространением на них всех правил, изложенных в «Положении 4 августа 1836 г.». Для успешного обучения медицинским знаниям ученикам назначалось ежегодное жалованье в размере 8 руб. 50 коп. серебром в год, поверх положенного по закону провианта [6, л. 180].

13 октября 1845 г. инспектор Ф.-А. Геблер представил на рассмотрение Л. А. Соколовского программу для обучения учеников. В своём рапорте он просил горного начальника о приобретении человеческого скелета, необходимого для обучения остеологии. 25 октября Соколовский утвердил программу обучения медицинских учеников, при этом приказав штаб-лекарю П. И.Нестору увеличить теоретическое обучение с 1 часа до времени «сколько позволит возможность… за другими его занятиями по службе» [6, л. 186]. Для практических занятий и лучшего наблюдения за их поведением и нравственностью, вместо нахождения в домах, предписывалось, чтобы медицинские ученики состояли при лазарете с 6 утра до 7 часов вечера.

На данных условиях процесс подготовки медицинских учеников, избираемых преимущественно из воспитанников Барнаульского окружного училища, продолжался до 1852 г. В 1850 г. состоялась отставка Фридриха-Августа Геблера, вышедшего на пенсию с окладом 857 руб. 70 коп. серебром в год [7, л. 41; 8]. В 1852 г. в рапорте в Алтайское горное правление новый инспектор медицинской части И.А. Ратнев вновь отмечал нехватку фельдшеров и нижних медицинских чинов для определения к

занятиям по лазаретам и госпиталям округа. Указывая на распоряжение горного начальника 1845 г., И. А. Ратнев отмечал как недостаток числа медицинских учеников, так и несовершенство самого способа обучения, который не соответствовал программе подготовки военных фельдшеров. По мнению инспектора медицинской части, одного ординатора Барнаульского госпиталя было недостаточно для обучения учеников. Негативным явлением признавалось отсутствие здания или отдельного помещения в котором могли бы обучаться и проживать медицинские ученики, вследствие чего вне госпиталя над ними отсутствовал должный надзор [9, л. 1].

В качестве решения обозначенных проблем И. А. Ратнев предлагал при главном Барнаульском госпитале «сформировать фельдшерскую школу» на 20 человек, которая подготавливала бы и аптекарских учеников [9, л. 2]. Предполагаемая школа должна была быть учреждена на основаниях военных фельдшерских школ [9, л. 1 об.]. В Барнаульскую фельдшерскую школу должны были приниматься ученики, закончившие курс в окружном училище. Таким образом, учеников не требовалось обучать общеобразовательным предметам, что позволило бы полностью сконцентрироваться на преподавании медицинских дисциплин. Для поддержания общего уровня грамотности учеников фельдшерской школы надлежало экзаменовать каждую треть наравне с прочими воспитанниками Барнаульского окружного училища. Курс обучения в фельдшерской школе должен был составлять 2 года [9, л. 2 об.].

24 октября 1852 г. Алтайское горное правление ответило отказом на предложение инспектора И. А. Ратнева, мотивировав его тем, что: «учреждение фельдшерской школы в заводах на 20 человек не соответствует потребности в них при заводских госпиталях» [9, л. 15-15а].

Вместо учреждения фельдшерской школы в Барнауле в 1855 г. по инициативе очередного инспектора медицинской части И. А. Преображенского в практику вошло направление шести способных учеников Барнаульского окружного училища в Санкт-Петербургскую фельдшерскую школу [10, л. 1, 5-7, 15, 24]. Таким образом, была возобновлена традиция, применявшаяся в XVIII – начале XIX в. Параллельно с этим на Алтае продолжала осуществляться подготовка нижних медицинских кадров. Наименование «фельдшерская школа» закрепилось и периодически использовалось в делопроизводственной документации. Под ним понималась подготовка медицинских учеников при Барнаульском госпитале, избиравшихся из воспитанников окружного училища [11, 211 – 211 об.].

Региональная подготовка нижних медицинских чинов для нужд Алтайских горных заводов продолжалась до конца 60-х гг. XIX в. После отмены крепостного права в практику вошло привлечение вольнонаёмного персонала для заводских и рудничных госпиталей и лазаретов, уже имевшего определённую квалификацию.

1. Бабарыкин Б.В. Подготовка медицинских кадров при Колывано-Воскресенских горных заводах в середине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 43 – 47.
2. Бабарыкин Б.В. Горнозаводское профессиональное образование в Алтайском горном округе в 1836 – 1861 гг. // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.Вып. 3. Исторические науки: темат. сб. науч. тр. Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2013. С. 4 – 13.
3. ПСЗРИ – II. Т. XI. Отд. I. № 9456. С. 864.
4. Сергеев А.Д. Роль Ф.В. Геблера в «приготовлении» медицинских учеников // Краеведческие записки. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 31 – 40.
5. Краевое государственное казённое учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК) Ф. 2. Оп. 1. Д. 4945.
6. КГКУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5747.
7. КГКУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5367.
8. КГКУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4027а.
9. КГКУ ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6929.
10. КГКУ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6486.
11. КГКУ ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7085.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВЕРХОВИЙ ИРТЫША*

Д.С. Бобров, Л.С. Тихобаева
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

В последнее десятилетие в российской гуманитарной науке наблюдается очевидная тенденция переосмысления места пространственной парадигмы в структуре исследования. Такие дисциплины как гуманитарная география достаточно успешно реализуют отход от «классической» описательно-классификационной географии [1, с. 23-25] и помещают пространство как среду функционирования социальной системы внутрь самой системы, создавая, тем самым, принципиально новое предметное поле – социокультурное и ментальное пространство. Как следствие, все чаще объектом изучения становятся не просто отдельные локальные области или территории, а проблемы формирования, восприятия и ретрансляции образов пространства как ментально-географических конструкций. При всей полисемантичности категории «образ» наиболее оптимальным представляется определение ее как совокупности ярких, характерных, сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (отдельные зоны, местности, регионы, страны) [2, с. 93]. В государствах имперского типа значимость ментально-образных представлений многократно возрастала в районах активного освоенческого процесса, поскольку осознание граней колонизуемой области и генезис ее пространственной модели в сознании административной элиты (пусть и в примитивном виде) являлись основой выработки административной освоенческой доктрины.

В Российской империи первой половины XVIII в. одной из таких «освоенческих лакун» являлось Верхнее Обь-Иртышье. Регион испытал на себе наибольшее из всех районов Западной Сибири воздействие различных направлений имперской экспансии (прежде всего, военной). В своем содержании последняя заключала ряд вооруженных экспедиций с целью строительства острогов в стратегически значимых местах [3, с. 102-104], а главным фактором детерминации сооружения защитных укреплений в верховьях Оби и Иртыша, по мнению имперских чиновников, являлась самостоятельная и агрессивная политика Джунгарского ханства. Отсутствие демаркированной границы между государствами [4, с. 115] создавало специфическую ситуацию «открытой границы», когда пределы рубежей имперского освоения зависели исключительно от программы восприятия имперской элиты. Административные круги, действуя в русле доктрины стратегической границы [5, с. 451], в качестве системообразующего элемента государственной политики в регионе рассматривали достижение и военно-стратегическое закрепление в районе озера Зайсан. Сибирский губернатор М. П. Гагарин всерьез полагал создать крупные поселенческие зоны возле двух узловых точек Верхнего Прииртышья: «у Ямышевской крепости сделать великое поселение и великим людством населить … також хотел на Зайсане, или в близости от того озера, в удобном месте сделать великой же город» [6, с. 143]. Экспедиция в верховья Иртыша И. Д. Бухгольца [7, с. 26-32; 8, с. 33-39], несмотря на сооружение Ямышевской и Омской крепостей, в целом, поставленных перед ней задач не выполнила. 18 января 1719 г. Петр I своим решением направил в Верхнее Прииртышье новую экспедицию под началом лейб-гвардии майора И. М. Лихарева [7, с. 32]. В свою очередь, И. М. Лихарев первоначально отказался от идеи крупномасштабного похода к

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.».

Зайсану и с разведывательными целями послал к озеру небольшой отряд под командованием капитана Андрея Урезова [7, с. 32; 9, с. 70; 10, с. 13-16]

Круг специальной литературы, посвященной экспедиции А. Урезова, незначителен. Первые и ставшие на долгие годы единственными замечания о плавании отряда принадлежат Г. Ф. Миллеру. В своем сочинении «Известие о песошном золоте в Бухарии…» немецкий классик не только исказил фамилию Урезова на «Урасов» и «Урусов»*, но и отметил, что инициатива организации похода принадлежала подполковнику П. С. Ступину [11, с. 472-507]. Кроме того, Г. Ф. Миллером ошибочно указано на тождественность двух событий: закладки Убинской крепости и экспедиции А. Урезова, хотя, как мы увидим ниже, уже на четвертый день плавания А. Урезов достиг Убинского укрепления. Промах Г. Ф. Миллера впервые обнаружила Е. А. Княжецкая, которая, среди прочего, опубликовала отдельные выдержки из путевого журнала А. Урезова [12, с. 333-340]. В современном сибиреведении тщательнейший источниковедческий и историографический анализ экспедиции 1719 г. принадлежит В. Б. Бородаеву [10, с. 13-20]. Однако, в целом, конкретные нюансы географического описания верховий Иртыша до сих пор остаются вне поля зрения специалистов.

24 июля 1719 г. отряд капитана А. Урезова отправился из Семипалатинской крепости вверх по течению Иртыша, сопровождая свой путь достаточно подробной топографической характеристикой местности [13, л. 621-625об.]. Акцент в описании делался на создании лоции Иртыша с его притоками (целостной картины гидрологических параметров рек и состояния прибрежной зоны), выделении стратегически удобных для сооружения крепостей локальных участков, а также обозначении наиболее рациональных способов передвижения (водным или сухопутным путем), в свою очередь, сопровождавшимся замером фактически затраченного времени.

Спустя 4 дня, 28 июля экспедиция достигла первой важной точки своего путешествия – Убинской крепости. Не задержавшись здесь надолго, далее отряд взял курс на одноименную реку, путь до которой составил около 2 суток бечевой тягой [13, л. 621-621об.]. На расстоянии 7 дней такого хода от речки Убы, между ней и «Камнем» А. Урезов приметил оптимальное место для возведения еще одной крепости: «И близ того места и луга и вышла из степи малая речка, а как зовут того никто не знает, а прошедши то место вверх ходу до вышеозначенных частых островов на правой стороне також де места хорошие и равные и есть луга, а оное место удобно к строению крепости» [13, л. 622]. Спустя некоторое время, осенью 1720 г. именно здесь на обратном пути И.М. Лихарев «прошед камень, при устье зделал крепость Устья Каменных гор» [10, с. 18]. Стоит правда оговориться, по данным самого А. Урезова, Иртыш в этом районе был чрезвычайно мелковат (глубина достигала 1,2 – 1,5 м.), что потенциально создавало затруднения при обороне от набегов джунгар и казахов.

Второе стратегически удобное к основанию крепости место было описано в путевом журнале напротив устья реки Бухтармы, то есть на правом берегу Иртыша [совр. левый – *прим. авт.*]. Соответствующий выбор был основан на наличии подходящих для строительства укрепления древесных ресурсов, чрезвычайно удобном в стратегическом плане сочетании открытых пространств (лугов) на одном берегу и гористой местности («камень высокий») – на другом.

Следующей важной точкой путешествия отряда стала река Нарым, которую экспедиция достигла 14 августа. Этот локальный участок в путевом журнале описан как один из наиболее спокойных: «а по берегам камышь и вода тихая и ход свободной» [13, л. 622об.]. Кроме того, начиная с Нарыма, в прибрежных зонах последующих рек

* По мнению В.Б. Бородаева, искажение было допущено даже не самим Г.Ф. Миллером, а вследствие неверного перевод его статьи с немецкого языка [10, с. 14].

Курчумы и Бекау А. Урезов констатировал отсутствие сколько-нибудь заметного леса, а временами даже «горы песошные» [13, л. 622об.-623]. Завершающий переход от Бекау к Зайсану длился 2 дня. 21 августа 1719 г. экспедиция достигла конечной точки своего путешествия – Зайсана. С 21 августа по 5 сентября А. Урезов обследовал озеро и нижнее течение впадающей в него реки Черный Иртыш.

В ходе проведения «разведки» в ночь с 22 на 23 августа отряд наткнулся на джунгарские улусы, располагавшиеся в нескольких часах пути от «малого» устья Иртыша. Не встретив абсолютно никакого сопротивления со стороны коренных обитателей местности, экспедиция приступила к изучению Черного Иртыша. Путевой журнал фиксирует уникальные и фактически единственные (применительно к первой четверти XVIII в.) топографические сведения об этом районе: «а от нор заисан озера, по обе стороны реки иртыша с устья камыш и по левую сторону близ и одаль камень; и вода в том устье тихая а шириною иртышь на 140 сажен глубиною на 15 футов а выше в том иртыше шириною на 120 сажен, глубиною на 8 и на 6 футов а по левую и по правую сторону луга и ниские места, а по берегу местами лес тополник и талник ниской кривоватой, и того лесу немного к строению не годен; до того места где пошел Иртыш в нор заисан двемя устьями, и от того места река ширною сажен на 150 а в других местах на 120; и на 100 сажен а глубиною на 5 и на 4 и на 3 фута и вода быстрая а по обе стороны реки Иртыша лес тополник и ветелник реткои кривоватои местами от реки сажен на 30 и на 20 по обе стороны реки иртыша близ и одаль камень черной» [13, л. 624].

Завершив топографическое обследование Зайсана и Черного Иртыша, 5 сентября экспедиция направилась вниз по Иртышу. Если переход от Семипалатинской крепости до Зайсана занял четыре недели, то на обратный путь ушло значительно меньше времени (17 дней). Уже 22 сентября отряд прибыл в Семипалатинское укрепление. Конечной точки своего маршрута – Тобольска – А. Урезов достиг 15 октября 1719 г. [13, л. 625-625 об.].

Несмотря на то, что Петр I остался категорически недоволен итогами экспедиции и приказал И. М. Лихареву самостоятельно ехать к Зайсану [10, с. 17], плавание А. Урезова оказало заметное влияние на освоенческую политику в регионе, причем даже не столько в краткосрочной, сколько в долгосрочной перспективе. Фактическое достижение Зайсана, подробное (для первой четверти XVIII в.) топографическое описание местности, а также отсутствие вооруженного сопротивления со стороны джунгар продвижению вверх по Иртышу (при наличии фактических осязаемых контактов) в своей совокупности окончательно укоренили в сознании центральной и региональной элиты образ (идею) «достижимого» Зайсана. В последующие за плаванием отряда А. Урезова несколько лет внимание властей концентрировалось исключительно на выборе тактики достижения и укрепления в районе Зайсана, а рациональность и обоснованность этой идеи, ее соответствие военно-политической обстановке в регионе даже не ставились под сомнение.

1. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб., 2010.
2. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
3. История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1.
4. Бобров Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: мат. всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2014. С. 114-122.
5. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 8.
6. Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. В 2-х кн. Кн. 2. 1713 – 1724.
7. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.
8. Касымбаев Ж.К. Экспедиция Бухгольца и создание Прииртышских крепостей в начале XVIII в. // Исторические науки. Межвузовский сборник. Алма-Ата, 1974. Вып. 1. С. 33-39.

9. Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII – XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. Монография в документах. М., 2007.
10. Бородаев В.Б. Военно-топографическое изучение озера Зайсан и Черного Иртыша в 1719 г. как этап реализации плана Петра I по проникновению в Центральную Азию // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 13-20.
11. Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-каменогорская // История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 472-507.
12. Княжецкая Е.А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. 1966. Т. 98. Вып. 4. С. 333-340.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248 (Сенат). Оп. 7. Кн. 373. Д. 20.

РОЖДАЕМОСТЬ В МАЛЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1959 –1970 ГГ.).

А.А. Бурматов
КуйбышевскийфилиалНовосибирского государственного педагогического университета, г. Куйбышев

Ситуация в небольших по численности населения городах Сибири показывает демографическое развитие страны наиболее четко и без прикрас. Малые – города, население которых не превышало в межпереписной период (1959–1970гг.) 100 тысяч человек. Естественно, в предвоенное время большинство из них еще не имели развитой промышленности или даже не являлись юридически городскими поселениями. Сложность представляет то обстоятельство, что эта категория поселений не была представлена в публикациях текущей информацией о населении почти полностью. По некоторым из них имеются официально опубликованные данные об общей численности населения. Данное обстоятельство можно разрешить, только обратившись к материалам архивов или публикациям, носившим ранее характер ограниченного распространения.

Согласно переписи 1959 г., малых городов на территории Западной Сибири насчитывалось 34. В Омской области – 5, Томской – 2, Новосибирской – 11, Кемеровской – 10, в Алтайском крае – 5, Горном Алтае – 1. [3, с.194 – 205]. Переписью 1959г. зафиксировано заметное превышение женщин в населении малых городов, промышленное развитие которых не было сильным, а во время войны отсутствовала бронь для мужчин на военных производствах. Доля женщин в них составляла 51,7 % (Алейск) – 56 % (Бердск). Отмечено сокращение доли подростков в населении, так как в этом возрасте находились лица, родившиеся в годы войны. В следующее десятилетие они вступали в репродуктивный возраст.

Всеобщая занятость женщин и растущая урбанизация городов способствовали закреплению репродуктивной установки на малодетную семью. Миграции обострили диспропорцию полов. Массовый отток молодых женщин и девушек (16 – 25 лет) из села в город вызвал резкую нехватку в селах невест. Он задержал вступление в брак юношей в селах, девушек — в городах. У многолюдных поколений мужчин, родившихся в предвоенные годы, потенциальными невестами являлись женщины из малолюдных поколений военных годов рождения. Наряду с ухудшением количественных характеристик происходило улучшение качественного состава населения. Росла образованность, продолжительней стала учеба. Дети военных лет рождения имели больше шансов на поступление в вузы и стремились получить хорошее образование. Страна, испытывающая нехватку специалистов, пошла на расширение вечернего и заочного обучения, что уменьшило потребность в детях и

привело к снижению числа родившихся. Резко изменился уклад жизни сельчан, мигрирующих в город. Это снижало потенциал демографического воспроизводства. Общественное мнение однозначно заняло сторону малодетной семьи. Многодетные семьи и женщины-домохозяйки стали вызывать скептическое отношение.

Снижение рождаемости в годы семилетки (1958–1965 гг.) трактуется специалистами Новосибирского облстата следующим образом: «Уменьшение рождаемости объясняется неблагоприятным соотношением между численностью мужчин и женщин, уменьшением численности женщин в возрастах, в которых они способны к деторождению (15 – 49), ростом численности и удельного веса городского населения (уровень рождаемости среди городского населения ниже, чем среди сельского), увеличением численности женщин, занятых в общественном производстве, при недостаточной обеспеченности детей детскими учреждениями, повышением культурного уровня населения, увеличением абортов (сохранен стиль источника – *авт.*)» [6, с.59].

В приведенной цитате имеется характерное для тех лет убеждение о нехватке мест в детских учреждениях как причине снижения рождаемости. Вместе с тем дети в домашних условиях лучше доглядываются матерями или бабушками, реже болеют и доставляют меньше забот родителям. Ранний отрыв детей от семьи в детские учреждения стал способствовать изменению менталитета семьи, росту разводов. Распространение абортов названо причиной снижения рождаемости, а не следствием оного, к тому же это только средство достижения цели.

Кроме вышеперечисленных причин, можно отметить следующие. Падение рождаемости совпало с введением в 1956 г. Закона о госпенсиях, гарантирующего пособие в старости, последний возлагал на государство содержание стариков. Закон не стимулировал рождения детей второй-четвертой очередности. Одной из основных причин снижения рождаемости стало увеличение продолжительности жизни населения, т. е. снижение смертности, особенно у детей и молодежи. В предвоенные годы продолжительность жизни в СССР составляла 47 лет, в 1950 – 1954 гг. она увеличилась до 61,7 лет, в 1955 – 1960 гг. — 68,4 года, 1960 – 1969 гг. — 70 лет [7, s. 362]. В РСФСР число умерших детей сократилось с 1940 по 1960 г. почти в 6 раз — с 205,2 до 36,6 ‰, к 1970 г. до 23‰ [5, с. 349]. В Сибири процесс снижения протекал быстрее. Население стало сокращать число рождаемых детей.

За 1959–1970 гг. суммарный коэффициент рождаемости заметно снизился (на 30 %). В 1969–1970 гг. по Западной Сибири суммарный коэффициент снизился до 1,8. Брутто-коэффициент равнялся 0,88. Население Западной Сибири вступило в стадию резко суженного воспроизводства. Показатель рождаемости в целом по Западной Сибири с 1958 по 1965 г. сократился на 43,4 % (с 28,6 до 16,2 ‰). В Алтайском крае сокращение составило 48 %, в Кемеровской области – 47, Омской – 40, Новосибирской – 42[4, с. 20]. В 1958 – 1960 гг. рождаемость в Сибири превосходила показатели РСФСР. К 1968 – 1970 гг. она сравнялась с общероссийскими показателями [2, с. 81].

Специальный коэффициент рождаемости в Западной Сибири с 1959 по 1970 гг. сократился на 43 % (в РСФСР – на 36, в СССР – на 26%). Интенсивность падения повозрастной рождаемости в Сибири была выше, чем в РСФСР во всех возрастных группах [2, с. 82]. О снижении рождаемости в этот период свидетельствует сокращение среднего размера семьи. Падение размера семьи за 1958 – 1970 гг. произошло исключительно за счет городского населения. В целом по РСФСР уменьшение составило 2,8 %, в Сибири – 5,3 %.

Расчет специального коэффициента рождаемости показывает, что число родившихся у женщин репродуктивного возраста в Новосибирской области сократилось с 1959 по 1970 г. на 44,6 %. У горожанок оно уменьшилось на 33,5 %, у жителей села — на 50,6 %. Низкие показатели рождаемости конца 60-х гг. объяснялись

спецификой возрастной структуры. Много женщин находилось в возрасте старше 30 лет. У них показатели рождаемости сильно отличались от интенсивности деторождения в основном фертильном возрасте (20 – 35 лет). Низкие показатели свидетельствовали о переходе к массовой однодетной семье. В Новосибирской области в 1967 г. рождаемость в Барабинске составляла 10 ‰, Татарске — 11, Искитиме — 12,7, городских поселениях Черепановского района — 12,6 ‰, в Куйбышеве 13,9 ‰, в Бердске – 15,4 [1, с. 14]. Во всех городских поселениях было зафиксировано суженное воспроизводство с 1961 – 1962 гг.

В Западной Сибири отмечались самые высокие темпы падения рождаемости в России. Наиболее значительное сокращение действительной рождаемости (без влияния возрастной структуры) произошло в городских поселениях. Динамика же общих показателей фиксирует обратное. В некоторых сельских районах рождаемость снизилась более чем в 2,5 раза. За десятилетие (1958 – 1967 гг.) в городах произошло сокращение рождаемости примерно вдвое. Такое обманчивое впечатление вызвано спецификой возрастной структуры: в городах было больше молодых, что позволило поддержать уровень общей рождаемости.

Незначительное увеличение числа рождений в 1969 г. было вызвано вхождением в репродуктивный возраст поколений послевоенных лет рождения. В 1967 г. сроки службы в Вооруженных силах были сокращены. Мужчины стали вступать в брак более молодыми (призывной возраст тоже был снижен с 19 до 18 лет). В этой ситуации рост числа рождений стал зависеть исключительно от структурного фактора. Его действие привело к увеличению числа рождений и показателя рождаемости. Это привело ряд исследователей к мнению о начале позитивных изменений.

1. Естественное и механическое движение населения в Новосибирской области. Новосибирск,1968. 37с.
2. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. 172с.
3. Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959г.М.,1960. 456с.
4. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. 643с.
5. Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. 590с.
6.Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, 1966. 92с.
7. Die Weltbevolkerung in Zahlen / Herausgegeben von P. Khalatbari. B., 1983.439s.

ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО ДАННЫМ ТЮРЕМНОЙ ИНСПЕКЦИИ)

О.А. Быкова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

В данной статье характеризуется положение заключенных в тюрьмах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. Характеристика основывается на материалах Тобольской губернской тюремной инспекции, основной целью деятельности которой являлось осуществление надзора за состоянием тюрем, их материальным обеспечением, положением осужденных и т.п.

Тюремная реформа1879–1917 гг.предполагала гуманизацию условий содержания арестантов, что свидетельствовало об изменившейся цели уголовного наказания и было необходимым условием для проведения конкретных мероприятий по исправлению тяжелого положения заключенных. В отчетах Тобольской губернской тюремной инспекции содержатся ценные сведения о санитарно-гигиенических, материальных и иных условиях жизни осужденных.

Анализ архивных материалов показал следующее: к 1 января 1899 г. численность заключенных в тюрьмах, подконтрольных Тобольской губернской тюремной инспекции, составляла 2281 человек. В их число входили:
– подсудимые и подследственные – 537 человека (мужчин – 487, женщин – 50);
– срочные – 1578 (мужчин – 1492, женщин – 86);
– ссыльные – 29 (мужчин – 25, женщин – 4);
– пересыльные – 90 (мужчин – 83, женщин – 7);
– другие категории – 1 (мужчина);
– добровольно следовавшие за ссыльными – 5 (все женщины);
–дети при арестантах – 41 (мальчиков – 20, девочек – 21) [1, л. 126].

При этом из 1578 срочных арестантов 9 человек были дворянами, 346 – мещанами, 1167 – крестьянами, 12 – иностранцами, 43 – «нигде не приписанными». По вероисповеданию срочные арестанты делились следующим образом: православные – 1178 чел., католики – 72, лютеране – 36, иудеи – 64, магометане – 202, иных исповеданий – 26 [1, л. 140].

Как показывают архивные документы фонда Тобольской губернской исполнительной инспекции,поведение арестантов, дисциплина в тюрьмах отличались в зависимости от местонахождения пенитенциарных учреждений. Более строгая дисциплина между арестантами поддерживалась в губернских тюрьмах именно потому, что они всегда находились на глазах у чинов тюремной инспекции. Самой дисциплинированной тюрьмой считалась Ишимская, самой же слабой в плане дисциплины – Ялуторовская.

В Тобольской губернии лучшим в санитарно-гигиеническом отношении был Туринский тюремный замок, в наихудших санитарных условиях находился Ялуторовский тюремный замок [2, с. 114]. Данные проведенной в 1888 г. тюремной инспекцией ревизии Ялуторовской тюрьмы показали, что «камеры мужского и женского отделения содержатся более или менее чисто по наружности. При тщательном же осмотре найдено, что арестанты живут чуть ли не собственным хозяйством: чайники, различная посуда целыми кучами ржаной хлеб и калачи, тряпки, шейные шарфы, одеяло, заткнутое за стол, коробки из под спичек, рукавицы и грязь под нарами и прочее были заурядным явлением» [3, л. 24].

Неудовлетворительное состояние Ялуторовской тюрьмы инспекторы объясняли следующим образом: «Тюрьма эта до сих пор носит отпечаток старого, дореформенного времени и свидетельствует о полном незнании и непонимании со стороны смотрителя тех новых требований, какие предъявляются сейчас к лицам, поставленным управлять местами заключений»[3, л. 25].

В 1897 г. чиновники побывали с проверкой в Ишимской тюрьме. Общая численность арестантов названной тюрьмы составляла на момент проверки 285 человек. Это число арестантов размещалось в тюрьме «вполне свободно» [3, л. 21].

Проверяющие отмечали, что камеры арестантов-мужчин содержались, в общем, довольно чисто, хотя и требовали новой побелки. Оконные рамы, косяки и подушки, нары и полы, часть печей, крыша и наружные стены требовали немедленного ремонта. За неимением при тюрьме особой столовой в камерах хранились жестяные чайники, посуда и хлеб. Обедали арестанты также в камерах. При тщательном осмотре камер каких-либо посторонних и запрещенных вещей, собственной арестантской одежды не находилось. Все заключенные были одеты в казенную одежду, частью новую, частью старую, но починенную и вполне приличную. При опросе претензий жалоб арестанты не заявили. Постельные принадлежности ежедневно проветривались и хранились в особой комнате, чистой, светлой и просторной.Женское отделение тюрьмы и больницы помещалось на первом этаже и по числу содержащихся женщин было «вполне достаточно». Помещения эти находились в образцовой чистоте. Ни побелки, ни каких

либо других исправлений не требовалось. Претензий арестантки не заявляли – говорилось в материалах по результатам проверки [3, л. 22].

При осмотре Курганской тюрьмы в 1888 г. было найдено, что она как с наружной стороны ограды, так равно и с внутренней, освещена достаточно. Лестницы, коридор и жилые камеры также хорошо освещены. Все арестанты заперты по камерам и каждый занимается своими делами: одни метением пола и приведением в порядок своих помещений, другие – «собрались около одного арестанта, читавшего вслух, третьи заняты починкой одежды» и т.д. Почти все женщины шили. Из камер чувствовался тяжелый, спертый воздух, что повторилось и в больнице[3, л. 23].

Основной причиной аварийного состояния мест заключения был традиционный недостаток средств. Так, в 1909 г. на ремонт трех уездных тюрем Тобольская администрация запросила у Главного тюремного управления 33 040 руб., а фактически получила только 5 000 руб. В этих условиях проводимый ремонт не соответствовал требуемым нормам [4, с. 115]. Не все места заключения соответствовали противопожарным нормам. В случае пожара прогнившие потолки и лестницы создавали угрозу для жизни арестантов.

Обеспечение заключенных одеждой и обувью было неполноценным, качество одежды – очень низким. Некоторые арестанты имели на себе собственные рубашки и почти все поголовно имели на ногах собственные пимы, бродни и другую обувь, казенные же обувь и шапки были как исключение. Прочая казенная одежда– бушлаты и штаны, – в большинстве случаев, была неопрятная, старая и рваная. Женщины получали казенные суконные юбки и другие принадлежности туалета. Также одеждой должно было обеспечиваться сиропитательное заведение, где воспитывались дети заключенных [5, л. 47]. С целью экономии средств Главное тюремное управление предписало изготавливать одежду заключенных исключительно их трудом, а сырье подыскивала администрация. Отсутствие профессионализма в изготовлении одежды снижало качество изделий, а ограниченность средств не позволяла обеспечить ею всех заключенных.Все вещи шились в мастерских тобольских губернских тюрем. При складах имелся особый закройщик и 3 надзирателя для охраны имущества и работ по складу [1, л. 150].

Питание заключенных также было неудовлетворительным и с трудом поддерживало их физическое существование. Несмотря на то, что в 1880-е гг. финансирование питания постепенно увеличивалось, это не могло сделать его полноценным.

Согласно циркуляру Главного тюремного управления, «здоровые арестанты должны получать ежедневно: обед из двух блюд (щи или суп с куском мяса в скоромные дни и каши из пшенной или гречневой крупы) и ужин из одного блюда; на ужин варится жидкая кашица из крупы пшенной, гречневой или ячневой. Больные получают улучшенную пищу и чай на завтрак. Всем по два фунта хлеба черного в день. Во время Великого поста пища должна была быть «совершенно постная». В посты мясо заменяли таким же количеством мелкой соленой или свежей рыбы или половинным количеством сушеной рыбы, соответствующей по своей стоимости мясу [6, л. 179].

При отсутствии мяса или рыбы подавался горох. С развитием арестантских работ, которые давали заключенным возможность покупать дополнительные продукты, государство сократило финансирование даже такого питания. По воспоминаниям самих осужденных, в горохе, каше и щах нередко встречались черви.

В первые годы XX в. в Тобольской губернии практически все места заключения нуждались в капитальном ремонте, а многие находились в аварийном состоянии, что неблагоприятно сказывалось на здоровье и жизни арестантов.

В организации жизни заключенных огромную роль имело духовное и нравственное воспитание. Основная роль в духовно-нравственном воспитании

осужденных отводилась церкви.Особое внимание уделялось приобщению заключенных к религии. В многонациональной России жили представители множества вероисповеданий, но православный характер государства не позволял полностью учитывать интересы иноверцев, а нередко противоречил им. Однако по отношению к заключенным данная тенденция проявлялась более мягко, так как от исправления осужденных всех вероисповеданий зависело снижение в стране общего уровня преступности. Все православные арестанты в воскресные праздничные и высокоторжественные дни, а также накануне этих дней обязательно присутствовали на богослужениях, по окончании которых слушали проповедь или слово священника, большею частью примененное к самим заключенным. Все православные посты строго исполнялись, а в дни Великого поста арестанты утром и вечером перед принятием пищи и после того читали молитвы. Помимо заключенных, исповедующих православие, в местах заключения Тобольской губернии содержались представители иных конфессий. Организация служб и отправление религиозных культов в тюрьмах зависели не только от господствующей православно-религиозной политики государства, но и от числа заключенных разных религий, а также от возможностей тюремной администрации и общества удовлетворить их религиозные потребности [4, с. 2].

Администрация по возможности заботилась о заключенных иных вероисповеданий, устраивая для них молитвенные помещения. В Тобольской каторжной тюрьме № 1 были открыты костел и кирха, куда на богослужения, проводившиеся раз в две недели, собирались католики и протестанты всех мест заключения Тобольска. В каторжной тюрьме № 2 было молитвенное помещение для заключенных иудейской веры, куда они переводились также из всех Тобольских тюрем на время постов и больших религиозных праздников. [1, л. 154]. Однако, оснащение культовых помещений не всегда соответствовало необходимым требованиям. В 1908 г. начальник каторжной тюрьмы № 1отмечал: « В тюремных лютеранской и католической церквях не имеется ни музыкального инструмента, ни стройного хора певчих. Наличность фисгармонии в этих молитвенных домах дала бы много утешительного в монотонной жизни каторжных, исповедующих римско-католическую и лютеранскую религию. Но и на эту роскошь нет средств» [1, л. 155].

Главная роль в исправлении заключенных отводилась духовным лицам, служащим при тюремных культовых помещениях. Закон от 15 июня 1887 г. отнес тюремных священников, дьяконов и псаломщиков к аппарату управления местами лишения свободы.[2, с. 244] За свой труд священники получали вознаграждение из средств тюремного комитета, а по должностному окладу, в зависимости от категории места заключения, могли приравниваться к смотрителю тюрьмы. Духовные лица иных вероисповеданий, как правило, работали безвозмездно.

Помимо проповедей и духовно-нравственных бесед, духовные лица должны были как можно чаще посещать арестантские камеры, пытаться узнать характеры заключенных и беседовать с ними наедине «для их увещания и назидания, в целях духовно-нравственного исправления». Широко была распространена практика посещения мест заключения представителями высшего духовенства. К этому торжественному событию как администрация, так и заключенные готовились заранее.

Тюремные церкви и службы призваны были служить формированию подданических, гражданских чувств. Так, в тюрьмах Тобольска было организовано массовое празднование коронования Николая II.

Деятельность священников не ограничивалась воспитанием арестантов. Духовники заботились о семьях осужденных, лишенных средств к существованию. Священники поддерживали семьи морально и из средств тюремного комитета – материально. Однако огромная численность ссыльных не позволяла оказывать

внимание всем семьям, поэтому священники заботились о них, как правило, по просьбе заключенных.

В целом деятельность священников облегчала участь арестантов, вносила в их жизнь ту духовность и те нравственные ориентиры, потеря которых привела к их тюремному заключению

Также арестанты обучались в школах грамотности. При многих тюрьмах были организованы библиотеки для чтения. Книги в библиотеках были по большей части духовно-нравственные, бытового, исторически-описательного, сельскохозяйственного и специализированно-ремесленного содержания. В Тобольской каторжной тюрьме № 1 имелось 683 книги. В некоторых тюрьмах г. Тобольска производились чтения для арестантов. Труд этот принимали на себя 12 человек из чиновников правительственных учреждений и учителей городского и приходских училищ. Чтения производились не случайно, а регулярно в каждой тюрьме по воскресным и праздничным дням[1, л. 156].

В целом условия жизни заключенных, содержащихся в тюрьмах Тобольской губернии, были удовлетворительными. Большинство мест лишения свободы требовало незначительного ремонта и устранения мелких недостатков. В каждой уездной тюрьме существовал свой общепит, баня, больница. Но санитарно-гигиенические условия содержания арестантов, качество их питания и обеспечения одеждой, обувью зачастую зависели от усилий тюремного начальства – смотрителей и их заместителей. Предметом заботы начальников было не только материальное обеспечение жизни преступников, но и их духовно-нравственное перевоспитание. С этой целью в тюрьмах создавали молитвенные помещения для лиц разных вероисповеданий, места для обучения письменности и грамотности.

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске.Ф. 331. Оп. 6. Д. 404.
2. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801 – 1917 гг.: Монография. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1999. 304 с.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 331. Оп. 6. Д. 46.
4. Луговский Л. Заметка об устройстве церквей при тюрьмах № 1 и № 2. Тобольск, 1891. 7 с.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 689. Оп. 1. Д. 18.

ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ НА ТЕРИТОРИИСЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД*

А.А. Валитов
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

На рубеже XIX – XX вв. в Российской империи набирали темп модернизацинные процессы, которые затронули практически все сферы общественной жизни. Утверждалось господство капиталистических отношений, все в большей мере теснивших старые патриархально-феодальные пережитки. Начавшись с первичной индустриализации в экономике, трансформация постепенно видоизменяет и социальный состав: формируется торгово-промышленный класс, проявляются признаки перехода от традиционно-сословного деления к доходно-профессиональной структуре, начинается размывание границ между социальными категориями, многие прежние слои (ссыльные, разночинцы, казаки и др.) уже не соответствуют требованиям новой системы.

* *Работа поддержана программой УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 15-13-4-11*

Территориальные рамки исследования ограничены Березовским, Сургутским уездом, которые попадают под географическое обозначение Северо-Западной Сибири. Данный регион, во многом благодаря природно-географическим, административно-управленческим, традиционно-историческим и демографическим предпосылкам, интересен для изучения: с одной стороны, в быте продолжали существенно сказываться черты феодальных отношений, с другой – в наиболее развитые поселения края проникают модернизационно-индустриальные формы капитализма. В целом следует признать, что на исследуемой территории господствовала традиционно-патриархальная повседневность: доиндустриальный сектор хозяйствования являлся источником существования жителей и развития экономики, промышленность была представлена немногочисленными предприятиями узконаправленного профиля и в большей степени мелкомасштабного производства, новинки в области механизации и передовых технологий с трудом внедрялись в крае и носили фрагментарный характер.

Происходившие изменения затронули сферу образования, выполнявшую важнейшую социокультурную функцию.

Целью настоящей публикации является характеристика процесса развития церковно-приходских школ в крае в конце XIX – начале XX вв.

В исследуемый период существующая система народного образования на территории Северо-Западной Сибири была представлена школами церковного и светского ведомства.

Историческим вызовом модернизации стала потребность в развитии грамотности в обществе. Важным фактором, способствующим возникновению и эволюции церковных образовательных учреждений в регионе, стал выход в свет «Правил о церковно-приходских школах 1884 г.» [7].Таким образом, на законодательном уровне было оформлено создание ЦПШ – начальных общеобразовательных учреждений православного типа.

В исследуемый период в крае возникли и действовали следующие виды школ: двух и одноклассные церковно-приходские, школы грамоты.

Централизованное управление церковными школами в регионе, принадлежало Тобольскому епархиальному училищному совету (создан 30 ноября 1884 г.). В 1888 г. на территории Тобольской епархии было открыто 12 уездных отделений епархиального совета, в их числе Березовское и Сургутское [9, с. 61].

Березовский и Сургутский округа занимали площадь 1 032 656 кв. верст, когда все остальные округа Тобольской епархии составляли всего 356 322 кв. верст. В большинстве приходов северных округов не было открыто церковных школ. Основными причинами этого являлись малочисленность жителей и отсутствие средств у населения на открытие и содержание школ [9, с. 61]. В *табл.* представлен рост церковно-приходских школ в исследуемом регионе.

В целях реализации Правил, в крае стали открываться школы: в 1885 г. – Кондинская, при Свято-Троицком монастыре, в 1886 г. – Сургутская, при Троицкой церкви, Обдорская, при Петропавловской церкви, Кушеватская, при Троицкой церкви, Ларьякская, при Знаменской церкви. Позже возникли Мужевская при Михаило-Архангельской церкви (1887.), Шеркальская при Спасской (1889), Чемашевская при Николаевской (1889), Сосьвинская при Христорождественской (1889), Щекурьякская при Богоявленской (1893 г.) [2, л. 200].

Численность церковно-приходских школ
*в Березовском и Сургутском округе (1886-1915 гг.)**

учебный год	округ	церковно-приходская школа	школы грамоты	одноклассные	двухклассные	общая численность церковных школ	детей церковных школа
1886-1887	Сургутский	1	1			2	25
1886-1887	Березовский	5	1			6	115
1890-1891	Сургутский	1	2			3	31
1890-1891	Березовский	3	2			5	107
1893-1894	Сургутский	1	1			2	60
1893-1894	Березовский	2	3			5	178
1894-1895	Сургутский	1	1			2	62
1894-1895	Березовский	4	2			6	324
1913-1914	Сургутский	13	-	12	1	13	251
1913-1914	Березовский	9	-			9	352
1914-1915	Сургутский		-	12	1	13	250
1914-1915	Березовский	9	-	-		9	336

*Подсч. по: Церковно-приходские школы Тобольской епархии. Отдел неофициальный // ТЕВ. 1890. №3-4 С. 61-63.; Церковные школы Тобольской губернии в 1890/91 учебном году. Отдел неофициальный // ТЕВ. 1892. № 5-6. С. 100-109.; Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах т школах грамоты в Тобольской епархии за 1892/93 учебный год. Отдел неофициальный // ТЕВ. 1894. №7-8. С.78-79.; Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1894/95 учебный год. Отдел неофициальный // ТЕВ. 1896. №10. С.9-10.; Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии 1914-1915 учебном году // ШЛ приложение при ТЕВ. 1916. №1. С. 2.

Таким образом, за первое десятилетие действия правил о церковных школах в Сургутском и Березовском уезде было открыто шесть церковно-приходских школ и три школы грамоты. Следует отметить, что открытию и успешной деятельности церковных образовательных учреждений на Тобольском Севере не хватало подготовленных педагогических кадров, существовали финансовые и иные трудности. Открытые школы иногда действовали весьма непродолжительное время – один - два года, затем они закрывались и спустя несколько лет их приходилось создавать заново. Так, открывалась и закрывалась Ларьякская школа. Она действовала в 1886-1887 гг. и 1889-1898 гг. учебные годы[8, с. 61].

В 1897-1898 гг. создаются школы в с. Ваховском (Локосово), Верхне-Лумпокольском и Нижне-Лумпокольском, в 1902 г. – в с. Юганском.

Наблюдателем церковных школ Сургутского (он же председатель уездного отделения совета) стал благочинный Сургутского округа священник Стефан Тверитин, Березовского – священник Иоанн Сургутсков. Основной задачей наблюдателей стало инспектирование подведомственных школ. В функции наблюдателя входило материальное снабжение школ (выплата зарплаты учителям, постройка школ, приобретение учебных пособий и др.), наблюдение за преподаванием в церковных школах, участие в экзаменационных комиссиях и предоставление отчетов в Тобольский епархиальный училищный совет.

Анализируя персональный состав уездных отделений епархиального училищного совета в период с 1884 по 1896 гг., видно, что большую часть членов отделения составляли представители духовенства и учительского сословия. Так, в 1888-1889 уч. г. в Березовском отделении состояли: благочинный, священник И. Сургутсков

(председатель), штатный смотритель Березовских училищ В. И. Рачинский, священники И. Федюшин и И. Киановский; Сургутского: благочинный, священник С. Тверитин (председатель, казначей, секретарь), учитель Сургутского приходского училища Ф. К. Зобнин [6, с. 78].

Серьезные изменения в составе уездных отделений произошли после выхода «Положения об управлении церковными школами Ведомствами Православного Исповедания» в 1896 г., которое позволило представителям других сословий участвовать в работе совета, благодаря этому в него стали входить помимо духовенства и учителей местные чиновники (исправники, крестьянских начальники, представители местных органов самоуправления), купцы и мещане. Председателем в обязательном порядке назначался священнослужитель. За малочисленностью духовного сословия, очень часто посты председателя отделения и наблюдателя в регионе занимали одни и те же лица.

В исследуемый период должность председателей (уездных наблюдателей) занимали благочинные: в Сургутском округе священники: Иоанн Селихов, Петр Невский, Аполлоний Сосунов; в Березовском – священники Иосиф Попов, Петр Дубасов, Артемий Шевелев.

Следует отметить, что существенную помощь в открытии и финансировании церковных школ оказывали представители государственных и местного органов управления региона. Например, попечителем и благотворителем церковных школ Сургутского уезда выступал местный уездный исправник Г. А. Пирожников, Березовского – Л. Н. Ямзин. Последний за свои труды по благоустройству церковных школ получил от Святейшего Синода Библию[1, с. 56].

Однако основная нагрузка по руководству школьным делом ложилась на наблюдателя церковных школ, который должен был периодически проверять их состояние в ходе инспекционных поездок, что в условиях Севера Западной Сибири было затруднительно. Например, в 1913-1914 уч. году Сургутский уездный наблюдатель пробыл в пути 30 дней, преодолев в общей сложности 1 714 верст, некоторые школы он посещал неоднократно. В двух учебных заведениях он присутствовал на выпускных экзаменах. Березовский уездный наблюдатель за это же время совершил три поездки, побывав в девяти школах [2, л. 234]. В 1914–1915 уч. году Сургутский и Березовский уездные наблюдатели неоднократно посещали церковно-приходские школы [4, с. 29]. В 1915-1916 уч. году наблюдатели посещали все церковные школы Тобольского севера минимум по одному разу [5, с. 78].Информация о состоянии и числе церковных школ находила отражение в рапортах благочинных на имя епархиального архиерея: «Ввверенном мне благочинии,– писал в начале 1890 г. благочинный Березовских городских и окружных церквей священник И. Сургутсков, – церковно-приходские школы состоят в селах Обдорском, Мужевском, Чемашевском и Сосвинском, в селе Кушеватском находится школа грамотности. В последнее время открыта церковно-приходская школа в селе Шеркальском местным псаломщиком Собриным. Учебно-воспитательное дело во всех сих школах ведется, в общем, удовлетворительно»[3, л. 333-336 об.].

В ежегодных отчетах о состоянии церковных школ на рубеже XIX–XX вв. перечислены основные причины, тормозившие процесс открытия школ: в «малочисленности детей школьного возраста, которые беспрепятственно могут обучаться в училищах других ведомств, или по малочисленности и разбросанности населения и бедности жителей»[2, л. 27 об.].

Следует согласиться с утверждением исследователя А.И. Татарниковой, что «по мере продвижения на север губернии плотность школьной сети ослабевала. Так, в Тобольском уезде образовательное учреждение имелось в каждом 13-м поселении, в Березовском уезде – в 20-м, в Сургутском – в 38-м»[8, с. 398].

Таким образом, процессы возникновения и развития сети церковно-приходских школ на Севере Западной Сибири, проходили противоречиво, с одной стороны государственная политика поддержки церковно-приходских школ, создавала благоприятные организационные и административные условия, с другой стороны реалии севера, огромные пространства, отсутствие коммуникаций, малочисленные населённые пункты, бедность местных жителей, наличие особой категории инородческого населения, все это тормозило процессы развития церковных школ.

Несмотря на это, на территории края возникли и успешно действовали церковные школы. Их численность едва достигла двух десятков, но они давали возможность приобщения части населения к образованию и культуре.

1. Белобородов В.К. Ямзины // Югра. 2004. № 3. С. 64-67.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп.1. Д.19.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп.11. Д. 1523.
4. Отчет о церковно-приходских школах Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914-1915 учебном году // Школьный листок (далее – ШЛ). Приложение при Тобольских епархиальных ведомостях (далее – ТЕВ). 1916. № 4.
5. Отчет о церковно-приходских школах Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914-1915 учебном году // ШЛ. Приложение при ТЕВ. 1917. № 10.
6. Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1892 / 93 учебный год. Отдел неофициальный // ТЕВ. 1894. № 7-8.
7. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. СПб, 1894. 112 с.
8. Татарникова А.И. Образовательные учреждения в сельских поселениях Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. С. 397-401.
9. Церковно-приходские школы Тобольской епархии. Отдел неофициальный // ТЕВ. 1890. № 3-4.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ДОСУГА ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX – XXВВ.*

А.А. Валитов, И.С. Томилов, Д.Ю. Федотова
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Праздничная культура играет существенную роль в повседневной жизни, являясь, в первую очередь, частью досуговой деятельности. В это время люди могут отдохнуть от череды будней, весело и с пользой провести свободное время, восстановить силы и привести в порядок свое психическое состояние.

По мнению Э.В. Соколова досуг – это время, «когда возможен свободный выбор занятий, в котором отдых переплетается с физической и умственной активностью» [11, с. 34].

Изучение видов и особенностей проведения досуга горожан наиболее тесно связано с вопросом духовности населения. Быт горожан в значительной мере определялся их социальным статусом. В отличие от деревни городская общественная жизнь была пестрой и сложной, в которой каждая категория занимала свое, особое, место. Принадлежность к тому или иному сословию в некотором роде поделила обывателей на различные общественные среды, отличавшиеся по складу совместных дел, распространению форм досуга и видов развлечений, а также по корреляции индивидуализма и коллективизма [4, с. 177].

Наряду с этим существовала местная специфика городов, на которую влияли особенности социального состава жителей, географическо-климатические

* *Работа поддержана программой УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 15-13-4-11.*

характеристики, степень развития экономики и культуры. Так, губернский Тобольск во второй половине XIX в. находился в относительном упадке, что непременно сказалось на сфере досуга и развлечениях. Свободное времяпрепровождение обывателей было «однообразно изо дня в день». Находящийся в значительном отдалении от крупных городов, больших трактов, торгово-промышленных районов, Тобольск не мог«доставить своим обывателям тех умственных занятий и тех эстетических удовольствий, какими пользуются жители других губернских городов внутренней России. Вследствие этого и кругозор тоболяков, а равно и стремления их <…> – довольно ограничены» [3, с. 34].

Если в столичном Тобольске к середине XIX в. не было книжных лавок и магазинов, а печатные издания выписывались из столиц, то в других городах губернии досуг был еще более однообразным. В Березове общенародных увеселений не наблюдалось вообще, проводились лишь собрания и небольшие вечера в честь семейных торжеств, на которых единственными развлечениями были незатейливые игры, песни и танцы. Среди проводимых церковных богослужений можно выделить торжественное молебствие в честь соединения Березова с всероссийской телеграфной сетью в 1913 г. [12, с. 34]. Большой популярностью пользовались карточные игры: «мельник», «бостон», «преферанс», «дурачки», «пикет», «банк», «вист» и др. Азартные развлечения сопровождались шулерством, спаиванием и разорением игроков.

Несмотря на различия между городами Тобольской губернии, в праздничнодосуговой сфере горожан можно отметить много общего. Повсеместно среди состоятельных горожан были приняты званые приемы гостей, устраиваемые по любому поводу, в том числе по случаю приезда важных лиц (ученых, чиновников и др.) или в честь других значимых событий (повышение по службе, получение наград и т. д.). Знаком хорошего тона было ответное приглашение в гости. Званые приемы способствовали неформальному общению, разрешению деловых и семейных проблем, а также демонстрировали уровень благосостояния и степень расположения хозяев.

Самым доступным и элементарным способом проведения досуга были прогулки на свежем воздухе, часто совершаемые целыми семьями. Горожане наряжались в красивую одежду и после обеда совершали променад по наиболее людным местам города, где играл духовой оркестр, имелись развлечения и буфет. В праздничные дни живописные окраины были заполнены массами гуляющих людей. Зачастую совершались поездки за город для пикника на природе. В этом случае с собой брались музыкальные инструменты, самовар, продукты. Многие жители в теплое время предпочитали отдых на воде – купание, катание на лодках.

К началу XX в. во всех областях жизни произошли огромные изменения. Развивается коммерческая развлекательная индустрия, в городах открываются общедоступные библиотеки и народные дома. В Тобольске в 1900 г. впервые за 40 лет состоялся торжественный акт городских народных училищ. Популярными оставались чтения, распространению которых способствовали расширение сети образовательных учреждений, значительное улучшение качества обучения, открытие библиотек. Последние возникали при учебных заведениях, народных домах, общественных собраниях, различных обществах. Публичные чтения стали новой формой времяпрепровождения, служа одновременно и просвещенческим целям. Разнообразный досуг организовывали общества по интересам (спортивные, охотничьи, литературные, фотографические, драматические, музыкальные и пр.). Однако в провинциальных городах подобные развлечения были мало распространены, в социальном плане в них в основном принимала участие творческая интеллигенция.

Видом досуга, присущим многим городам, стал синематограф (устаревшее название кинематографа). Кино быстро «завоевало умы и сердца» горожан, потеснив многие другие. Билет на сеанс стоил относительно недорого, поэтому залы были

постоянно заполнены зрителями. Кроме стоимости входного билета публику привлекало содержание фильмов: отвечая запросам горожан, оно отражало их представления о жизни и морали. Среди жанров наиболее любимыми были драмы и приключенческие ленты: «Сонька – золотая ручка», «Секреты одной гостиницы», «Вампиры», «Омут Парижа» и т.д. Сеансы проходили в Народных домах, общественных клубах. Для демонстрации фильмов во многих городах открывались специально оборудованные «электротеатры».

В Тобольске первый электротеатр («Люкс») открылся в 1908 г., а через два года в городе уже функционировало пять таких заведений – «Модерн», «Искер», «Люкс», «Био» и кинотеатр в Народной аудитории. Наиболее благоустроенным и популярным считался «Био», в то время как появившийся первым «Люкс» был «почти забыт публикой» [10, с. 3]. В тобольских кинотеатрах с успехом шли исторические драмы «Оливер Кромвель» и «Княжна Тараканова», комедии «Современный Сид», «Юность Видока, или как стать полицейским», «Ботаник», «Падение и величие одной шляпы», «Берега Исландии», сказка «Легенда о незабудке» и др.

Самой распространенной формой проведения досуга горожан были праздничные мероприятия, которые играли значительную роль в общественной жизни. Они на время позволяли отвлечься от рутины повседневности, служили одновременно способом развлечения и общения, укрепляли общности людей. На протяжении исследуемого периода горожане отмечали множество религиозных и светских праздников. К 1896 г. насчитывалось 42 нерабочих праздничных дня [4, с. 34].

Среди светских праздников значимое место занимали государственные. К ним относились, в первую очередь, чествование событий, связанных с ключевыми эпизодами из жизни правящей династии Романовых: рождение, заключение брака, тезоименитства, коронация. Так, во второй половине XIX в. отмечались дни рождения Александра III и его вступления на престол (26 февраля и 1 марта), к началу нового столетия – дни вступления в брак царствующей четы и тезоименитство Николая II(14 мая и 6 декабря), дни рождения и тезоименитства Александры Федоровны(25 мая и 23 апреля) и т. д. По сути, участие подавляющей массы горожан в официальных государственных мероприятиях ограничивалось лишь богослужением и незатейливыми развлечениями во время гуляний. Вечером в иллюминированном городе устраивали фейерверк.

К началу XX в. в календаре горожанина появились новые «красные» праздники, связанные с памятными датами и разнообразными юбилеями: 300-летие Дома Романовых; даты из героического (в основном, военного) прошлого страны (200-летие Полтавской битвы, 100-летие Отечественной войны и пр.); юбилеи великих поэтов, писателей, ученых (А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, М. В. Ломоносова и др.) [1, с. 31; 7, с. 440; 8, с. 4]. Устраивая подобные мероприятия, правительство преследовало цель пропагандировать монархические и патриотические идеи.

Во второй половине XIX в. праздничным событием стало посещение Тобольской губернии великих князей Дома Романовых: Алексея Александровича в 1873 г. и Николая Александровича в 1891 г. [5, с. 34; 14, с. 158].

Также значимым событием в жизни горожан стало празднование в феврале 1913 г. 300-летия Дома Романовых, проходившее повсеместно. «Ни один из предшествовавших юбилеев не возбуждал столько разнообразных чаяний и упований, как 300-летний юбилей царствования Дома Романовых, – упований, которые в большинстве остались неосуществленными».[8, с.92]. 20 – 21 февраля в городах прошли богослужения об усопших правителях и о здоровье царствующих представителей династии. Города были иллюминированы, в учебных заведениях, театрах и народных домах проводились чтения и спектакли с тематикой празднования,

активно раздавались книги, брошюры и альбомы и т. д. Органы общественного самоуправления отметили праздник соответствующими постановлениями. В Березове ходатайствовали о наименовании местной богадельни «Романовской». Сургутский комитет о народной трезвости решил назвать местный народный дом «Романовским» и пр. [6, с. 4].

Гораздо большее значение имели религиозные и народные традиционные праздники. Среди других наибольшую роль играли Рождество, Крещение, Масленица, Пасха, Троица. Среди горожан был популярен обычай в эти дни делать пожертвования в пользу приютов, учебных заведений, малоимущих учеников.

Из необычных праздников начала XX в. можно выделить праздник трезвости. Проблема алкоголизма столетие назад имела такое же значение, как и сегодня. Каждое торжествотак или иначе ассоциировалось в народном сознании с употреблением спиртного, любой праздник сопровождался распитием алкогольных напитков. Масштабы пьянства в Российской империи достигли невиданных размеров, поэтому общественность стремилась проводить меры по профилактике и пресечения подобной практики. Среди форм противодействия распространению «зеленого змия» преобладали поучительные речи священнослужителей и должностных лиц, раздача брошюр о вреде алкоголя, медицинские лекции специалистов.

Таким образом, в середине XIX в. список свободного времяпрепровождения горожанина Северо-Западной части Сибири был довольно узок. Многие современники отмечали бедность культуры в малых городах. Отсутствие организованной системы культурного времяпрепровождения морально разлагало горожан: процветали пьянство, карточные игры, кутежи, походы в «дома терпимости».

Распространению алкоголизации способствовали не только отсутствие культурного досуга или суровый климат, но и широкая доступность водки, употребление которой считалось обычным делом, нормой жизни [9, с. 20]. Сама организация продажи алкогольной продукции и сформированная система поощрения употребления выпивки не вызывали сомнений у горожан, какому напитку отдать предпочтение в праздничный или выходной день. В каждом городе имелось довольно много специализированных торговых точек по продаже «горячительного», настойчиво и ярко предлагавших провести свободное время за рюмкой: погреба, кабаки, пивные лавки, трактиры, рюмочные, буфеты. Часто в качестве меры платы за услуги также выступала «жидкая валюта» или деньги выдавались целенаправленно – «на водку». Эта практика имела место не только среди низов или средних слоев горожан, но и в высших кругах.

Развитие капитализма в сфере развлечений стало импульсом для появления новой массовой культуры досуга горожан. Однако модернизация почти не затронула поселения Северо-Западной Сибири, охватив лишь некоторые общественные виды досуга. Во многом сохранялась патриархальность, предпочтение отдавалось народным традициям, чем появлявшимся нововведениям. Малые города Севера сохраняли приверженность индивидуальным и внутрисемейным формам свободного времяпрепровождения.

1. Адрес-календарь Тобольской губернии за 1893 г. Тобольск, 1893. 31 с.
2. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852.107 с.
3. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк. Тобольск, 1887.139 с.
4. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2012. 214 с.
5. О проезде Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича по Тобольской губернии в 1873 г. Тобольск, 1873. 38 с.
6. Очерк празднования 300-летия царствования Дома Романовых в Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. 440 с.
7. Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 3-4.

8. Русская школа. 1913. № 3. С. 4.
9. Сибирский листок.1910. № 48. С. 20.
10. Сибирский листок.1910. № 104. С. 3.
11. Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Л.: Лениздат, 1977. 207 с.
12. Тобольские губернские ведомости.1913. № 36. 3 сентября.
13. Ухтомский Э.Э.Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича,1890-1891. В 3 т. Т. III. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890-1891). СПб, 1897. 258 с.

ТОБОЛЬСКАЯ УЕЗДНО-ГОРОДСКАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ МИЛИЦИЯ В 1920-1930-ЕГГ.: СТРУКТУРА, ЛИЧНЫЙ СОСТАВ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Васильцова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Милиция в России просуществовала с 1917 по 2011 годы. За указанный период данный орган пережил многочисленные перемены, конечной точкой которых стала реформа всей системы МВД и возврат к дореволюционному названию – «полиция».

Сегодня многие пытаются дать ответ на вопрос о роли милиции в советской правоохранительной системе, а также о причинах реструктуризации МВД в постсоветский период. Понять проблемы и попытаться дать ответы на многие вопросы невозможно без изучения источников по истории создания института милиции в нашей стране.В настоящее время полиция (милиция), как и в предыдущие годы строительства социализма, стоит на страже правопорядка. В тоже время обязанности ее сегодня еще более возросли. До тех пор, пока в нашем обществе не будет ликвидирована преступность, пока не утвердится самоуправление общественного порядка, органы полиции, при условии активной помощи общественности, будут выполнять свою миссию. Поэтому изучение и пропаганда истории советской милиции имеет большое научное и практическое значение.

Во многих публикациях история милиции рассматривается авторами лишь с октября 1917 года. «Рожденная революцией», «ровесница Великого Октября» – так иногда называли милицию советские историки, забывая, что она возникла еще до октября 1917 года.

В рамках настоящей публикации охарактеризуем процесс создания рабоче-крестьянской милиции на примере Тобольской губернии, которая стала одной из первых административно-территориальных единиц, где большевики пытались упрочить свое шаткое положение через репрессивные органы власти.

Согласно Декрету ВЦИК СНК РСФСР от 10.06.1920 г. «О рабоче-крестьянской милиции (Положение)» в структуру органов милиции входили городская и уездная милиция, железнодорожная, а также водная (речная, морская).

Уездные и городские управления милиции состояли из отделений, утверждаемых народным комиссариатом внутренних дел. К ведению уездного и городского управления милиции относились: руководство деятельностью милиции в пределах уезда или города;распределение старших и младших милиционеров по районам уезда и города;заведывание резервами милиции, арестными домами;составление отчетов о деятельности милиции и представление требуемых сведений;ведение культурно-просветительных работ;установление и проведение мер по укреплению дисциплины в милиции и пр.[1].

Тобольская уездно-городская милиция начала создаваться с июня 1917 г. К 1919 г. личный состав тобольской милиции включал 320 человек, в том числе 32 человека командного состава. В число сотрудников милиции входили начальник управления, 35 старших и 204 младших милиционера и канцелярских сотрудника. Люди на командные должности вербовались из рабочих и крестьян, при этом численно среди милиционеров преобладали крестьяне [2, л. 19].

Почти весь строевой состав сотрудников милиции проходил военную службу в старой (императорской) или Красной армии. 39 милиционеров были большевиками, из них 24 чел. – действительными членами партии, 15 чел. – кандидатами (сочувствующими). По Тобольскому уезду партийных сотрудников милиции насчитывалось 10 человек [2, л. 19].

Милиционерами не могли стать лица, находящиеся под следствием и судом по обвинению в преступлении, несостоятельные должники, состоящие под опекой за расточительство, владельцы домов терпимости.

Содержание милиции целиком оплачивалось из государственных средств. С 1 апреля 1919 г. все суммы, ассигнованные на содержание милиции из местных средств, возврату и возмещению не подлежали. Содержание отпускалось только по штатам, утвержденным комиссариатом внутренних дел, а для утверждения нужно было аккуратно и точно давать все сведения, которые требовало Главное управление милиции [3, л. 27].

Все члены советской рабоче-крестьянской милиции при исполнении ими своих служебных обязанностей должны были носить установленную форму или отличительный знак.

Советская милиция стояла на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Основным направлением ее деятельности являлась охрана революционного порядка и гражданской безопасности.

При управлении Тобольской городской и уездной милиции состояли конный резерв, рассыльные, архив и помещение для арестованных. Конный отряд насчитывал 25 конных милиционеров и 29 лошадей. Этим резервом обслуживался лишь город, в уезде конной милиции не было «за невозможностью приобрести лошадей и седельной принадлежности» [2, л. 19 об.].

Большие усилия Тобольской милиции были направлены на поддержание общественного порядка на улицах, площадях, в парках и других общественных местах [4, с. 61]. Во время нахождения на посту милиционер был обязан обеспечивать порядок и спокойствие на улицах, наблюдать за безопасностью движения, следить за санитарным состоянием территории поста.

В условиях ожесточенной борьбы с интервенцией и внутренней контрреволюцией в годы гражданской войны преступность наносила огромный вред государству, поэтому задачи по борьбе с этим явлением были поставлены перед милицией сразу после ее образования. Главное управление милиции в июле 1920 г. потребовало от местных органов очистить страну от наиболее опасных преступников-рецидивистов. Тобольское губернское управление в соответствии с указаниями Главного управления милиции приняло конкретные меры к усилению борьбы с уголовной преступностью и правонарушениями. В ходе работы, исходя из отчета начальника милиции, с 1922 по 1923 гг. были задержаны обвиняемые по следующим видам преступлений: за проституцию – 5 чел., изнасилование – 2, грабежи – 2, конокрадство – 10, кражи – 58, самогонщиков – 153 чел., обнаружено трупов – 20 и др. [4, с. 60].

Большую опасность для государства в годы интервенции и гражданской войны представляла спекуляция, которая нередко была связана с хищениями государственного имущества. Центральные органы государственной власти издали ряд правовых актов, предусматривающих суровое наказание за это преступление.

21 октября 1919 г. СНК принял декрет «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах». 13 июля 1921 г. Тобольский уездный военно-революционный комитет в целях борьбы со спекуляцией хлебопродуктами и незаконным вывозом их за пределы Тобольского уезда предложил милиции вести тщательное наблюдение за всеми передвижениями граждан по волостям уезда. Проверку документов и багажа у лиц, прибывающих в г. Тобольск и убывающих из него, производили местные отделения речной милиции. Лица, не имеющие пропусков или удостоверений личности, а также лица, скупающие продукты без наличия у них разрешения Тобольского уездного отдела управления, арестовывались и направлялись в г. Тобольск для заключения в концентрационный лагерь. Контроль за выполнением этого решения возлагался на уездную милицию [4, с. 70].

Защищая народное достояние, Тобольская милиция вела борьбу с истреблением пушного зверя и рыбы, незаконной охотой и контрабандой. С 30 августа 1921 г. речному отделу Тобольской милиции вменялось в обязанность осматривать все пароходы и суда, идущие с Тобольского севера, на предмет вывоза пушнины и продовольствия.

Не меньшим злом, чем спекуляция, являлось тайное изготовление и продажа спиртных напитков. В условиях острой нехватки продовольствия вообще и особенно хлеба самогоноварение вело к уничтожению такого необходимого для населения зерна и других продуктов. Учитывая большую опасность самогоноварения, СНК РСФСР 19 декабря 1919 г. издал декрет «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Непосредственное наблюдение за исполнением декрета было возложено на милицию, которая была обязана возбуждать уголовные дела по фактам нарушения декрета и передавать их в суд.

Принимая во внимание общее тяжелое продовольственное положение, борьба с самогоноварением и его неизменным спутником – пьянством – была одной из основных задач Тобольской милиции, начиная с момента ее создания [4, с. 70].

Еще одним направлением деятельности органов милицииявлялся уголовный розыск, который входил в систему Наркомюста, при этом оперативно-розыскная деятельность осуществлялась работниками уголовного розыска не самостоятельно, а лишь по поручениям следственных и судебных органов, что отрицательно сказывалось на организации борьбы с преступностью. 5 октября 1918 г. коллегия Народного комиссариата внутренних дел утвердила Положение о советском уголовном розыске, органы которого стали составной частью аппарата рабоче-крестьянской милиции.

В работе уголовного розыска обозначались два направления: процессуальное и оперативно-розыскное. В первом случае сотрудники уголовного розыска производили осмотры мест преступления, делали выемки, собирали вещественные доказательства, производили обыски, задержания, допросы потерпевших, обвиняемых и свидетелей, во втором – негласно наблюдали за подозреваемыми лицами, разного рода притонами и т.д. [5].

В основном все направления деятельности рабоче-крестьянской милиции основывались на обеспечении и регулировании общественного правопорядка в губернии и ее уездах.

Таким образом, милиция являлась административно-исполнительным органом советской власти. В ее полномочия входили борьба с преступностью и расследование дел о преступлениях. Милиция мыслилась как служба охраны общественного порядка. Однако в своей деятельности она сохраняла и «приемы полицейско-охранных преследований» при абсолютном отсутствии «гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности для привлекаемых к суду».

В соответствии с Декретом о рабоче-крестьянской милиции 1920 г. в структуру органов милиции вошли: городская и уездная милиция, железнодорожная, водная (речная, морская), розыскная. Руководящими лицами милиции являлись избираемые соответствующим советом народных депутатов начальники губернской, уездной и участковой милиции. Милиционеры назначались и утверждались начальником уездной милиции по рекомендации Советов и партийных организаций. Тобольская уездно-городская рабоче-крестьянская милиция к 1919 г. насчитывала 320 сотрудников, которые несли свою службу без отрыва от производства. Поэтому эффективность работы милиции была низкой.

Деятельность Тобольской рабоче-крестьянской милиции была направлена на обеспечение общественного правопорядка. Она занималась предупреждением и пресечением правонарушений, а также выявлением противников большевистской власти. Также в обязанности тобольской милиции входило производство розысков и дознаний по уголовным делам под руководством и указаниям народных судей и следственных комиссий. Рабоче-крестьянская милиция производила обыски, осмотры, выемки для пресечения сокрытия следов преступления. Милиция принимала меры в борьбе со спекуляцией, которая была связана с хищением государственного имущества.

В условиях нестабильного положения советской власти в годы гражданской войны, необходимости охраны нового социалистического общественного порядка большевикам был необходим централизованный постоянный штатный орган государства. Таким органом стала советская рабоче-крестьянская милиция, которая послужила действенным орудием правопорядка особенно в тех районах страны, где большевистская власть была крайне неустойчивой.

1. Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 10.06.1920 «О Рабоче-Крестьянской Милиции» (Положение) // URL:http://www.lawmix.ru/(дата обр.: 01.06.2015).
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.272. Оп. 3. Д. 15.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1.
4. Летопись тюменской милиции. Тюмень: «Вектор Бук», 2002. 240 с.
5. Фирсов И.Ф. Создание и становление уголовного розыска в Тюменском регионе (1918-1923 гг.) // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 10 // URL: http://web.snauka.ru/(дата обр.: 30.05.2015).

ОБРАЗ ГОРНОЗАВОДСКОГО АЛТАЯ 60-Х – НАЧАЛА 80-ХГГ. XIXВ. В ПУБЛИКАЦИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ*

В.В. Ведерников
Алтайский институт экономики, г. Барнаул

По отношению к упомянутому периоду времени в советской и современной историографии в основном преобладает точка зрения о беспрецедентном характере порядков, царивших в управлении Алтайским горным округом, вообще, и вокруг производства драгметаллов, в особенности. Эта точка зрения согласуется с умонастроениями большого числа авторов второй половины XIX в., современников и зачастую очевидцев событий, ими описанных.

С самого начала компетенция министерства внутренних дел на Алтай не распространялась, потому что горнозаводская промышленность и всё управление

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.».

обширным регионом подчинялось исключительно императорскому Кабинету, особому коронному ведомству, которое занималось доходами и расходами русских императоров. Алтайские заводы считались «вотчиной государя императора», и, тем не менее, ни где-нибудь, а именно там творились невообразимые злоупотребления и царило махровое неприкрытое взяточничество и казнокрадство, пронизавшее всю служебную лестницу от начальника Алтайского горного округа до «крапивного семени» (низших служителей). «Многие из ревизующего начальства знали подкладку жизни алтайских инженеров. Сперанский и другие лица проезжали в этот округ с стесненной душой и стиснутыми зубами; они не могли тронуть его китайскую стену, не будучи уполномочены» [5], – писала общероссийская газета «Неделя».

Рост грамотности и появление массового читателя-разночинца во второй половине XIX в. привели к выходу Алтая из информационно изолированного состояния, которое было обусловлено его принадлежностью к ведомству императорского Кабинета, а общественное мнение стало прямым фактором давления на министерство императорского двора, которому Кабинет структурно подчинялся. П. А. Афанасьев даже обозначил это явление в качестве орудия общественного контроля [3, с. 45]. При изучении «алтайских порядков» и, в том числе, злоупотреблений в горно-металлургической промышленности в качестве исторических источников свидетельства современников играют исключительную роль.

Само по себе сереброплавильное производство на Колывано-Воскресенских заводах возникло в середине XVIII в., что было довольно поздно в сравнении с Западной Европой и Латинской Америкой. Тем не менее, колывано-воскресенская промышленность по объемам производства серебра вышла в европейские лидеры, а себестоимость драгметаллов, производимых на Алтае, была самой низкой в мире.

В первой же трети XIX в. славу Барнаула, столицы Алтайского горного округа, составляли строгие административные порядки, которые, по мнению путешественников, были основой процветания региона. Не меньше славы Алтаю приносили высокообразованные горные инженеры: в Барнауле и Змеиногорске было столько же говорящих на иностранных языках, сколько во всей Сибири.

К середине XIX в., однако, горное ведомство в России приобрело дурную славу, главным образом, из-за роскошной жизни «горных деятелей» (инженеров). Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель составил такое впечатление об алтайской администрации: «Хотя между начальниками заводов было немало офицеров, знающих свое дело, способных и заслуженных, однако управление Алтайским горным округом имело вообще очень дурную репутацию по причине роскоши, в которой жило большинство должностных лиц и которая нисколько не соответствовала размерам казенного их жалованья» [1, с. 421 – 422].

Тема Алтая возникла на страницах общероссийской политической газеты «Колокол» в начале 60-х гг. XIX в., где в основном обличались дореформенные порядки, но указывалось, что одной из статей незаконного обогащения было занижение содержания серебра в рудах, чтобы выставить бóльшие расходы на несуществующую добычу руд, чем реальные затраты, а разницу присвоить [9, с. 132–134].

После отмены обязательного труда в 1861–1864 гг. и роста цен на рабочую силу на фоне падения мировых цен на серебро с 1869 г. начался кризис сереброплавильного производства, который в конечном итоге привел к ликвидации четырех сереброплавильных заводов – Барнаульского, Павловского, Локтевского, Змеиногорского в течение 1893–1896 гг. и в 1897 г. – Гавриловского завода, последнего сереброплавильного предприятия.

Непосредственно 30-процентное падение производства было спровоцировано злоупотреблениями на главном Зыряновском руднике, о которых мы узнаем из сборника «Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки»,

вышедшем в Лейпциге в 1882 г. Статьи сборника написаны с позиций обиженного чиновника. Автор констатировал многочисленные нарушения: смешивание с рудой пустой породы, запись руд добычи прежних лет как добытых в текущем году и т.п. для незаконного присвоения несуществующих расходов. Автор сборника пессимистично заключил: «Упомянутая большая семья Зыряновских и других местных деятелей и покровителей не терпит и гнетет всякого, даже своих сочленов, кто словом или примером осмелится беспокоить и возмущать щекотливую совесть всей корпорации. Это отдельный мир, местная всеобъемлющая и всесокрушающая сила, особое царство…» [2, с. 91]. Скептическое отношение к переменам было свойственно и для корреспондента газеты «Сибирь», скрывавшегося за псевдонимом Туземец. Описывая впечатления о новой встрече с Барнаулом летом 1878 г., корреспондент «Сибири» не находит перемен к лучшему, подчеркивает «консерватизм» местного общества [13].

Отдельные разрозненные публикации в отечественной прессе и за рубежом никак не повлияли на незыблемость алтайского «горного мира». Анонимный корреспондент «Сибирской газеты», горный инженер с Алтая объяснял, почему это происходило: «Корреспонденций о здешних злоупотреблениях столичные газеты не печатали. Частные сообщения высокопоставленным лицам присылали на рассмотрение здешнему начальству, и, конечно, они… не подтверждались. Что после этого можно было сделать?» [10].

В 1879 г. министерство императорского двора пыталось пресечь казнокрадство учреждением в Барнауле Отделения контроля и кассы. Три советника контроля, бухгалтеры, принялись контролировать заводскую отчетность по расходам. Поскольку «перебрасывать» деньги с одной статьи расходов на другую отныне запрещалось, производство было парализовано до той степени, что в 1880 г. оно находилось на грани полной остановки.

В 1881 г. 26-летний горный инженер с Алтая Фёдор Йоншер, подвергшийся притеснениям и гонениям за вскрытие беспорядков и приписок на Салаирском руднике, т. е. в самом ведомстве Алтайского горного округа, отправил корреспонденцию в общероссийскую газету «Страна». Йоншер писал: «Главный источник для частной наживы заключается в неодинаковости между действительной и сметной стоимостью рудничных работ, разница которых и поступает в пользу заведывающих рудниками. Разница основывается на ложной оценке руды при составлении смет, веса, пробы руды или содержания, твердости руды, которая показывает более действительной, чтобы выставить больше затраты на разборку и т.д.» [14].

Эта публикация возымела эффект разорвавшейся бомбы, потому что ее автором был инженер, служивший на Алтае, должностное лицо при исполнении. «Сообщение было сделано инженером, каждое слово которого ценилось на вес золота. С поразительной обстоятельностью нарисована была картина невообразимых злоупотреблений, между прочим, подлогов документов» – писала газета «Неделя» [7].

Оказалось, что советникам контроля представлялись подложные документы. Контроль экономил копейки, но терял тысячи рублей. Приписки и подлоги на Алтае считались «безгрешным делом». Рассогласование эталонной морали и реальной нравственности оказалось настолько контрастным, вопиющим и из ряда вон выходящим, что интерес публики к теме состояния алтайской промышленности был гарантирован. Упадок горнозаводского производства был вызван, по общему мнению, сложившемуся в прессе, нерадением и неспособностью Алтайского горного правления, незаконной наживой «горных деятелей», отсутствием надежного контроля и недостатком механизации рудников.

На страницах сибирских газет «Восточное обозрение» и «Сибирской газеты» сложился образ Алтая как территории, где царили дореформенные порядки.

Причинами этого назывались «горная корпорация» и «Кум», – сановник в горном отделении императорского Кабинета. Большое значение на страницах газет отдавалось корпоративной сплоченности алтайской горной элиты как фактора незыблемости «горного мира». По мнению корреспондента общероссийской газеты «Новое время», «деятели отпетого режима составляли прочно организованную партию» [8].

В вопросе о причинах сокрытия злоупотреблений особое внимание уделялось петербургскому лобби алтайской корпорации. «Людям близким случалось слышать от горных инженеров об этом таинственном Покровителе, который был известен под неопределенным, но характерным названием «*Кум*» [6]. «Горные обещают «исправиться», «начать работать», говорят, что в их бездеятельности виновата была система, практиковавшаяся со времен *кума*» [11]. В фельетоне «Горная исповедь» упоминается «*кум Луканчик*» в контексте: «пока у нас там (в Петербурге – примечание автора) будет кум Луканчик, все будет хорошо» [4]. «Получена телеграмма о смерти основателя системы алтайского горного хозяйства *С-вского*» [12]. Речь идет об одном и том же лице – Луке Александровиче Соколовском (1810–1883), горном инженере, служившем на Алтае до 1846 г. и сделавшем блестящую карьеру в Петербурге и до 1882 г. занимавшем должность одного из членов Кабинета.

Причем позиции редакций «Восточного обозрения» и «Сибирской газеты» зримо различались по вопросу о будущности горной промышленности Алтая. Редакция «Восточного обозрения» ратовала за передачу кабинетских предприятий в частные руки. Редакция «Сибирской газеты» по существу занимала верноподданническую позицию, выражала официальную точку зрения и ставила будущность сереброплавильного производства на Алтае в зависимость от административных преобразований из центра. В целом, формируя образ Алтая, сибирская пресса стала выразителем и рупором общественного мнения, оказавшим влияние на сановников министерства императорского двора и Кабинета в реформе управления Алтайским горным округом 1883 г., в результате которой прежняя система управления упразднялась, горная корпорация была разрушена и от некогда незыблемого «горного мира» не осталось и камня на камне.

1. Автобиография А.О. Дюгамеля. VIII и XI // Русский архив. 1885. №7.
2. Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки. Лейпциг, 1882.
3. Афанасьев П.А. Газета «Восточное обозрение» как орудие общественного контроля в алтайских событиях 1882–1883 гг.URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/ (дата обр.: 11.09.2015)
4. Восточное обозрение. 1882. 5 августа.
5. Неделя. 1881. 4 октября.
6. Неделя. 1881. 8 октября.
7. Неделя. 1881. 18 октября.
8. Неделя. 1883. 15 декабря.
9. Паршукова Н.П. Сибирь на страницах "Колокола" // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980.
10. Сибирская газета. 1881. 31 мая.
11. Сибирская газета. 1883. 10 апреля.
12. Сибирская газета. 1883. 24 апреля.
13. Сибирь. 1878. 30 июля.
14. Страна 1881. 20 августа.

«ЗАПИСКИ…» В. Н. ВИНОГРАДСКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

С. С. Гаврилюк
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

Мемуарные источники являются одним из основных источников в изучении истории повседневности. Во многом это объясняется тем, что наиболее распространённая цель написания мемуаров для любого автора, согласно утверждению Н. П. Матхановой, – стремление рассказать о своей жизни потомкам[6, с. 97]. Вполне возможно, именно эту цель преследовал Владимир Николаевич Виноградский, составляя свои «Записки…».

Цель работы – выявить потенциал «Записок…» В. Н. Виноградского как источника изучения повседневной жизни сибирских городов середины XIX века.

Воспоминания впервые были опубликованы в журнале «Русская старина», в номерах за сентябрь и октябрь 1916 г. Хронологические рамки, охватываемые источником, – 1840 – начало 1860-х гг.

Для начала рассмотрим личность автора. В. Н. Виноградский, уроженец Иркутска (родился 14 июля 1843 г.), был известен как выдающийся российский и сибирский педагог, общественный деятель. За время своей педагогической деятельности являлся директором двух реальных училищ: Вятского земского училища и Астраханской Мариинской гимназии. Обучался в иркутской и томской гимназиях, быт которых и отразил в своих воспоминаниях[1, с. 441]. Педагогическую деятельность В. Н. Виноградский начал еще в гимназии, в 1860 г. (тогда автор обучался в 7 классе и вёл занятия для малышей) [2, с. 126].

Поскольку сведений о Томске в источнике значительно меньше, чем об Иркутске, рассмотрение «Записок…» начнём именно с упоминаний о жизни города Томска.

В Томск В. Н. Виноградский перебрался примерно в 1857–1858 гг. Это можно выяснить, проследив появление первых публикаций отца автора, Николая Васильевича Виноградского, пишущего в газете «Томские губернские ведомости» под псевдонимом «За-Ангарский Сибиряк» [1, с. 448]. В первом номере 1858 г. за 3 января было опубликовано его стихотворение.

В описании В. Н. Виноградского Томск представлен как город большой, но грязный и «малоустроенный» [1, с. 452]. В «Записках…» присутствует детальное описание отдельных зданий города. В их числе дома местных богачей Горохова и Асташева, а так же ряд городских мест – парк, недостроенный собор, татарский минарет[1, с. 452-453].

Основу «Записок…», как при описании Томска, так и Иркутска, составляет характеристика быта гимназий. Сам факт описания быта сибирских гимназий весьма интересен в плане изучения истории повседневности, т.к. состав образовательных учреждений в Томске в рассматриваемый нами период был весьма немногочисленным [6, с. 116]. По этой причине грамотностьбыла распространена преимущественно среди взрослых.

В. Н. Виноградский упоминает, что еще до поступления в иркутскую гимназию в семилетнем возрасте (1850 г.), он получал домашнее образование [1, с. 443], а его сестра Людмила и вовсе обучалась только дома [1, с. 450-451].

В 1855 г. в Западной Сибири существовало всего две гимназии [4, с. 27]. Списки населённых мест за 1859 г. дают схожую информацию, при этом одна из гимназий была женской [6, с. 117]. О наличии женской гимназии есть упоминание и у В. Н. Виноградского [1, с. 448]. Таким образом, мы имеем основания предполагать, что автор записок обучался в единственной на тот момент в Томске мужской гимназии. Это

заметно повышает ценность рассматриваемого источника. Судя по воспоминаниям автора, «гимназия была в плохом положении, учителя были плохи» [1, с. 448], и, в отличие от описания гимназии в Иркутске, где В. Н. Виноградский характеризует деятельность многих педагогов, здесь особое внимание было обращено на учителя рисования Кокшарова. Кокшаров говорил детям рисовать всё, что попало в поле зрения. Акцент делался не на объект, а на понимание самого процесса рисования. Результатом такого подхода стало освоение детьми рисования сначала самого объекта, потом рисования наизусть и «из фантазии» [1, с. 449]. Используя данный метод, учитель развивал у детей творческое мышление.

Сведений о гимназии в Иркутске у В. Н. Виноградского гораздо больше, и сразу же видно разительное отличие в описании. Внешний вид гимназии, в отличие от гимназии Томска, описывался автором «Записок…» весьма положительно. Автор утверждал, что здание гимназии было одним из лучших в городе, что говорит о многом. В качестве сравнения представлено здание Главного управления Восточной Сибири, «невзрачное, деревянное и на вид очень грязное» [1, с. 445]. В четвёртом номере «Иркутских губернских ведомостей» за 1858 г. в статье «Возвращение на Родину» здание Иркутской губернской гимназии рассматривается как одно из примечательных зданий города, наряду с домом генерал-губернатора [3, с. 4].

Рассмотрим внутреннюю жизнь гимназии в сочинениях В. Н. Виноградского. Автор акцентирует внимание на конфликт старого и нового веяний в педагогике. В иркутской гимназии в начале 1850-х гг. было принято наказание розгами. Часть молодых педагогов выступала против телесных наказаний [1, с. 444]. Что касается педагогических методик учителей, то касательно гимназии Иркутска в тексте «Записок…» их представлено великое множество. Потому, дабы не заниматься пересказом текста источника, отмечу, что в вопросах изучения истории педагогики данный источник заслуживает особого внимания исследователей. В. Н. Виноградский также критично подходит к реформированию образования, начатому в 1860-х гг. по инициативе Д. А. Толстого. Мемуарист отмечает, что данные преобразования негативно сказались на самом процессе осуществления образования. Дети выходили из учебных заведений неподготовленными к дальнейшей жизни [2, с. 123–124]. Негативно отзывался о реформе не только В. Н. Виноградский, но и другие его современники – педагоги и выпускники тех лет, что свидетельствует о педагогической компетентности автора «Записок…» и говорит об объективности информации источника в данном контексте [7, с. 119–121].

Интересны «Записки…» и тем, что в самом тексте чувствуется осознание автором собственной сибирской идентичности. Подтверждением этому служит тот факт, что рассказывая о томском меценате Цибульском, автор пишет: «В конце шестидесятых годов Цибульский с женой предпринял путешествие в Россию…» [1, с. 452].

Будучи в Перми, В. Н. Виноградский впервые пробует апельсин, притом ест его как яблоко, откусывая с кожурой [2, с. 129]. После этого упоминания текст пестрит рассуждениями автора о сибирских яблонях и, в общем, о Сибири. Данные свидетельства говорят нам о том, что записки В. Н. Виноградского весьма полезны в плане изучения мировоззрения сибиряков второй половины XIX в. К примеру, если вспомнить записки военного врача Н. И. Вишнякова, относящиеся к тем же временным рамкам, то там чувствуется совершенно другое восприятие сибирской действительности.

В. Н. Виноградский оставил нам и биографические свидетельства о жизни некоторых своих современников. В основном он говорил об учителях и одноклассниках, но в «Записках…» упоминаются персоны более крупного для истории Сибири, а также и России масштаба. К примеру, уже упоминавшийся меценат Цибульский. Не оставлен без внимания и М. А. Бакунин, который несколько раз бывал

в доме В. Н. Виноградского [1, с. 451]. Нельзя не упомянуть и короткий рассказ о жизни ссыльно-каторжных рабочих завода, которых вынужденно переселяли на новое место. Это еще одна сторона сибирской повседневности, отраженная в «Записках» [1, с. 455].

Текст «Записок…», по всей видимости, был опубликован не полностью. В октябрьском номере журнала «Русская старина» он оканчивается пометкой «продолжение следует» [2, с. 131]. В последующих номерах текст «Записок…» более не публиковался.

Итак, «Записки…» В. Н. Виноградского как исторический источник дают нам возможность взглянуть на историю сибирской повседневности, жизни Томска и Иркутска середины XIX в. Особо повествование затрагивает Иркутск 50-х – 60-х гг. XIX в. Между тем, в центре внимания В. Н. Виноградского как педагога стоит образование, а вернее, – его осуществление в Томской и Иркутской гимназиях. Автор подробно описывает образовательные приёмы и методы сибирских учителей. Потому источник будет интересен как историкам, занимающимся историей повседневности, так и исследователям истории педагогики. Биографические свидетельства, оставленные В. Н. Виноградским, также принесут пользу в изучении истории отдельных личностей или же определённого социального слоя.

1. Виноградский В.Н. Записки… // Русская старина. 1916. Т.167. С. 441-474.
2. Виноградский В.Н. Записки… // Русская старина. 1916. Т.168. С. 123-181.
3. Иркутянин. Возвращение на Родину // Иркутские губернские ведомости. 1958. № 4. С. 2–8.
4. Литягина А.В. Роль светской школы в повседневной жизни горожан западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57) Т. 1. С. 26–34.
5. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX. Новосибирск.: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
6. Список населённых мест Томской губернии [1859 г.]. СПб. 1868. 276 с.
7. Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 428 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОБОЛЬСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА (1897–1914 ГГ.)

Е.В. Герт
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Важной страницей в истории России дореволюционного периода было создание окружных судов как одной из составляющих судебной реформы 1864 года. Названные суды играли немаловажную роль в обеспечении целостности судебной системы России. Одним из них был Тобольский окружной суд, образованный в 1897 г. в ходе реализации судебной реформы на территории Сибири.

В «Уставе гражданского судопроизводства» был закреплен порядок рассмотрения гражданских дел в окружных судах. В соответствии с ним производство гражданских дел осуществлялось в упомянутых судах с подачи искового прошения [1, с. 114].

Дело брал к наблюдению один из членов суда, который затем докладывал его в зале судебного заседания. До того как дело заслушивалось в суде, его нужно было предварительно письменно подготовить. Стороны должны были подготовить к нему следующие состязательные бумаги: исковое прошение, ответ, возражение и опровержение. Ответ предоставлялся в суд до наступления срока явки ответчика и содержал в себе согласие или несогласие последнего с иском, которое, в свою очередь, подкреплялось доказательствами. После получения копии ответа истец мог подать

возражение или попросить о назначении слушания дела. Доклад дела членом суда производился в словесной или письменной форме [1, с. 116].

После заслушивания доклада начинались прения сторон. Если же во время прений появлялись новые доказательства, это давало повод для отсрочки судебного заседания.

Решения Тобольского окружного суда основывались как на законодательных актах и документах, представленных сторонами, так и на доводах приведенных ими во время судебного заседания [4, л. 14].

По значительному числу гражданских дел требовалось заключение прокурора. Прокурор должен был изучить дело до начала слушаний. Свое заключение он давал после прения сторон.

Рассмотрение гражданских дел в Тобольском окружном суде продолжалось в среднем от шести месяцев до года. Данный срок при действующей тогда большой нагрузке судей гражданского отделения окружного суда нельзя считать длительным.

Принятые Тобольским окружным судом решения по гражданским делам по первой инстанции считались неокончательными и подлежали обжалованию в апелляционном порядке в Омской судебной палате. В результате проверки в вышестоящих инстанциях решения окружных судов в большинстве случаев оставались без изменения.

За период своего существования с 1897 по 1917 годы Тобольский окружной суд рассмотрел, судя по хранящимся в государственном архиве в г. Тобольске данным, 4 234 дела гражданской подсудности [7, л. 32].

Исходя из произведенных нами подсчетов, можно сделать следующие выводы: самыми распространенными делами, которые рассматривал Тобольский окружной суд, были дела, связанные с утверждением к исполнению духовных завещаний. Всего за 1897–1917 гг. было рассмотрено около двух тысяч таких дел. Также суд в обозначенный период времени рассмотрел 302 дела о разделе наследственного имущества, 249 – о признании за гражданами права собственности на недвижимое имущество, 151 – о признании законной регистрации внебрачных детей, 83 – об усыновлении (удочерении) несовершеннолетних [7, л. 46].

Гражданским отделением рассматривались следующие дела: о праве собственности на недвижимые имения, обеспеченном залогом недвижимого имения или закладом движимого имущества; об утверждении и исполнении духовных завещаний; по спорам против подлинности и действительности духовных завещаний; о наследстве по закону; о разделе имущества; о выкупе родовых умений; о безвестном отсутствии; о нарушении прав литературной, художественной и музыкальной собственности; о взыскании вознаграждений за вред и убытки; об усыновлении и удочерении; по брачным делам; по делам казенного управления и др.

Для судей и чинов прокурорского надзора предоставлялись определенные места, которые кроме них могли занять только лица, получившие разрешение от председателя суда или председательствующего на заседании.

Судьи занимали места по старшинству в зависимости от назначения каждого на должность. Приглашенные на заседания окружного суда лица из других ведомств находились по правую руку от председателя, а члены суда – по левую.

Корреспонденты газет и стенографы имели право присутствовать на судебных заседаниях только при наличии именных билетов, которые выдавались председателем суда, а в уездных судах – председательствующим, и располагались на специально отведенных для них местах [5, л. 29].

В зале судебного заседания Тобольского окружного суда находились икона, портрет царствующего императора и императора Александра II, ковчег с православным крестом, евангелие и зерцало [2, с. 31].

В судебных заседаниях гражданского отделения действовал следующий порядок: в первую очередь слушались дела, по которым требовалось заключение прокурора. Затем дела, по которым в суде уже присутствовали лица, которых нужно было допросить, и судящиеся стороны.

Все участники судебного процесса, объясняющиеся с судом и с председательствующим, кроме входящих в состав присутствия судей, во время судебного процесса излагали свои объяснения стоя.

Тобольскому окружному суду в качестве суда первой инстанции была подсудна основная часть совершенных на территории его округа серьезных общеуголовных преступлений. Помимо этого, названный суд в качестве апелляционной инстанции проверял приговоры мировых судей своего округа.

Окружному суду были подсудны по первой инстанции преступления, влекущие за собой наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния; об оскорблении чиновников при исполнении ими обязанностей службы, за совершение которых в законе определялось денежное взыскание свыше 600 рублей; влекущие за собой наказание, сопряженные с запрещением производить торговлю или промысел, или с закрытием торгового или промышленного заведения [1, с. 114].

Тобольский окружной суд рассматривал такие преступления как: святотатство, разрытие могил, лжеприсяга, преступления против порядка управления, подлоги и похищения правительственных актов, служебные преступления, фальшивомонетничество, преступления против законов о воинской повинности, лжесвидетельство, преступления против печати, нарушение правил благоустройства, убийство, самоубийство, оставление в опасности и неоказание помощи, преступления против телесной неприкосновенности, изнасилование, противозаконное лишение свободы, угрозы, оскорбление чести, мошенничество, присвоение и растрата чужого имущества, подлоги в актах и обязательствах, недонесение и прочие [6, л. 4 об.].

В соответствии с «Уставом уголовного судопроизводства», порядок рассмотрения уголовных дел был следующим: материалы предварительного расследования по делам, подсудным окружному суду, поступали к товарищу прокурора окружного суда, который, исследовав их, приступал к составлению заключения о предании обвиняемого суду – обвинительного акта или заключения о прекращении дела. Обвинительный акт, составленный товарищем прокурора или заключение о прекращении дела, передавались им окружному прокурору.

В Сибири обвинительные акты и заключения о прекращении дела передавались окружным прокурором непосредственно окружному суду [9, л. 45].

Тобольский окружной суд рассматривал уголовные дела коллегиально. Судебное заседание начиналось при наличии трех судей, в том числе председателя суда или занимающего его должность, прокурора или его товарища и секретаря, а также его помощника. Судебное следствие производилось публично, кроме случаев, предусмотренных «Уставом уголовного судопроизводства». Следствие начиналось с чтения обвинительного акта государственным обвинителем, т. е. прокурором. После того как подсудимый признал свою вину ему предлагались дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам совершенного преступления. Согласно закону, подсудимый, не признавший свою вину в совершении преступления, не подвергался допросу ни со стороны состава суда, ни со стороны прокурора [10, с. 37]. Затем суд приступал «к рассмотрению и проверке доказательств». Судебное следствие завершалось прениями сторон по существу рассмотренных и проверенных доказательств. После того как заканчивалось следствие и прения сторон, суд приступал к постановлению приговора [3, л. 134].

После подведения итогов рассмотрения уголовного дела окружной суд выносил приговор об оправдании подсудимого или о его наказании.

Анализ архивных материаловпоказал, что срок рассмотрения уголовных дел Тобольским окружным судом был незначителен и составлял в среднем 1,5 – 2,5 месяца [8, л. 23].

Приговоры окружного суда подлежали обжалованию в апелляционном порядке, так как являлись неокончательными. Допускались апелляционные отзывы частных обвинителей и гражданских истцов, подсудимых, а также протесты лиц прокурорского надзора. Омская судебная палата, которой был подведомственен Тобольский окружной суд, рассматривала не только апелляционные протесты на его деятельность, но и дела по существу.

За весь период своего существования (1897–1917 гг.) Тобольский окружной суд рассмотрел 4 234 дела гражданской подсудности и 3662 уголовных дела.

Архивные данные позволяют сделать вывод о преобладании в конце XIX – начале XX вв. в округе таких преступлений как кражи имущественного характера (1728 дел); конокрадство (562 дела), убийства (309 дел), нанесение оскорблений должностным лицам (274 дела), нанесение тяжких телесных повреждений (82 дела), совершение побега с мест содержания (74 дела) [7, л. 28].

В составе Тобольского окружного суда действовало два отделения: гражданское и уголовное. Штат суда составляли: председатель, товарищ председателя, члены суда и судебные следователи.

При суде находились нотариальный архив, канцелярии, кандидаты на судебные должности, судебные приставы. Окружной суд осуществлял надзор за мировыми судьями, которые состояли в его округе. На мировых судей были возложены обязанности судебных следователей.

В целом, давая характеристику деятельности Тобольского окружного суда по рассмотрению дел об общеуголовных преступлениях и гражданских дел, следует отметить, что названный суд являлся органом для разрешения споров о праве, арбитром в спорах частных лиц, в конфликтах между государством и частными лицами. Члены суда, несмотря на большие трудности, связанные с их деятельностью, справлялись со значительным потоком дел, поступавших к ним на разрешение, рассматривали дела объективно и в соответствии с законом, обеспечивая судебную защиту тем, кто в ней нуждался.

Результаты проведенных подсчетов количества рассмотренных Тобольским окружным судом дел, показали: деятельность суда по рассмотрению гражданских и общеуголовных дел была эффективной, так как за время своего существования, то есть с 1897 по 1917 гг., окружной суд рассмотрел свыше 7 800 дел.

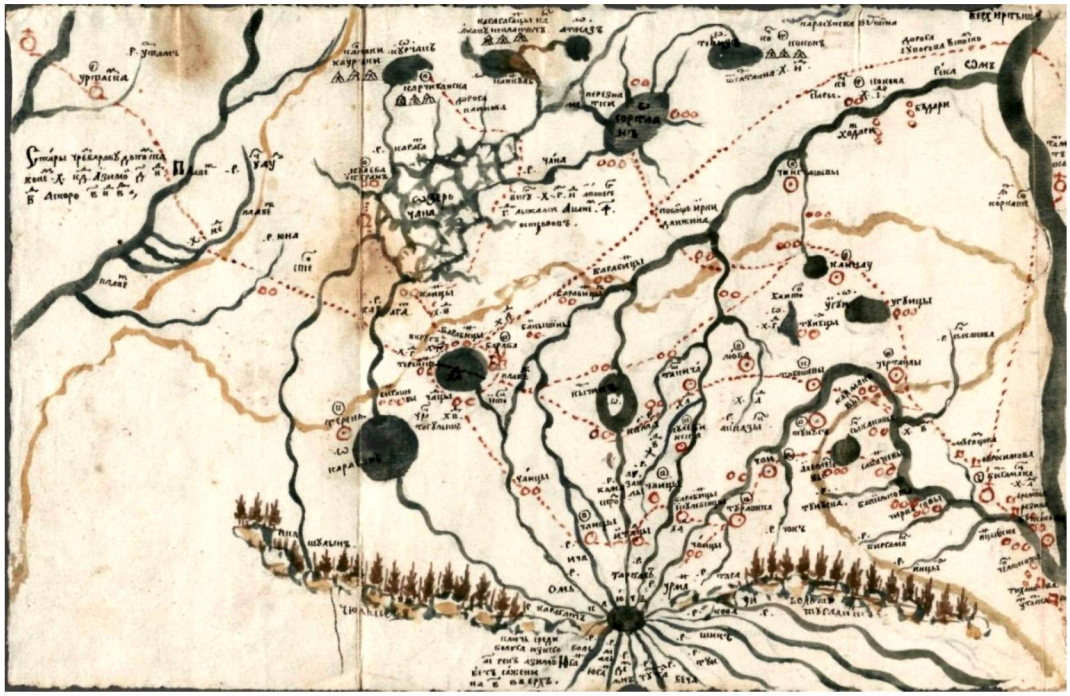
1. Абрамитов С.А. История Иркутского окружного суда: 1897 – февраль 1917 гг.: Автореф. дис… канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 28 с.
2. Баранов Г.М. Казанский окружной суд: 140 лет. Казань : Познание, 2010. 208 с.
3. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4. С. 45.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 1. Д. 35.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 1. Д. 17.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 1. Д. 21.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 1. Д. 324.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп.1. Д.263.
9. ПСЗРИ. Т.XXXVII. СПб.: Типография II. Отд. Собственной канцелярии, 1830. С.243-244.
10. Становление судебной власти в Тобольском районе. URL:http://tobolsky.tum.sudrf.ru (дата обр.: 24.05.2015).

ДОРУССКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ. БАРАБА

К. А. Голодяев
Музей города Новосибирска, г. Новосибирск

Рассматривая этническую общность антропологического типа коренного населения западносибирской лесостепи – тюркоязычных сибирских татар, отметим, что она сложилась в исследуемом регионе постепенно, под влиянием групп центральноазиатского происхождения на древнее аборигенное население лесостепной полосы Западной Сибири, генетически связанное с современным угорским населением региона.

Археолог А. Адамов утверждает, что в то время, когда сформировалась Орда, в Новосибирском Приобье смена культур не произошла. Иными словами, пришельцев здесь не было, у власти стояли местные лидеры. «Эти события стали, пожалуй, одной из последних значительных вех в процессе этногенеза, завершившегося со сложением Сибирского ханства. В итоге, в лесостепи, как результат культурного и этнического слияния тюркского и угорского населения с преобладанием южного компонента, появилась новый этнос – барабинские татары» [4, с. 213].

Таким образом, автохтонами Новосибирской области следует считать именно барабинцев, являющихся одним из народов сибирских татар. Впервые более-менее подробно Барабинская земля описана в 1697 г. Семёном Ремезовым. Были у средневековых барабинцев и укрепленные поселения – Тюменское городище на озере Чана (Чаны) в Купинском, Чиняевское городище на острове Чиняиха средь Чановского озера, Игнатьевское и Вознесенское городище (Тон-Тура)на речке Омь в Венгеровском районе.

Объясняя этимологию слова «Бараба», Г.-Ф. Миллер писал: «Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей» [3, т. 1, с. 297]. Исторические документы причисляют к барабинцам население семи волостей: Тунусской, Любинской, Турашской, Чоинской, Теренинской, Карагайтинской и самой крупной –

собственно Барабинской. Исследователи выделяют и некоторые племена: терена, тураш, барама, кирпики, келебе, каргалы, лугуй. В начале XVII в. в Барабинской волости насчитывался 331 человек взрослого мужского трудоспособного населения. Если считать, что среднестатистическая семья у коренных народов Сибири в этот период состояла из пяти человек, то население Барабинской волости составляло примерно 1600 жителей. Сегодня численность барабинцев в области оценивается приблизительно в 7-8 тыс. человек. Большинство их живут в Чановском районе.

Во главе отдельных групп барабинцев стояли мелкие правители, именуемые в русских источниках князцами. Другой привилегированной категорией в социальной структуре барабинского общества были «лучшие люди» из числа наиболее зажиточных и знатных жителей Барабы. Они выполняли роль «дружинников» князцов, осуществляя их военно-административные поручения. Достаточно широко была распространена работорговля, в т. ч. своими сородичами. Барабинцы долгое время сохраняли языческие верования, поклонение деревьям – березе, сосне. Очень интересны дорожные этнографические заметки Д.-Г. Мессершмидта, который проезжал здесь, правда, несколько позднее, – в 1721 г. Помимо прочего, он пишет: «Юрты или деревни барабинских татар не имеют постоянных названий, а называются по старейшим, знатнейшим и богатейшим. Когда таковой умирает и не оставляет никаких мужских наследников, то деревня или юрта получает другое имя» [2].

Военные коллизии прошли мимо этой территории. После XIII в. здесь изредка показывались тюрки и монголы восточной части Золотой Орды. Много веков барабинцы жили в одиночку, сами по себе. Лишь в 1563 г. с приходом к власти бухарского хана Кучума Бараба была фактически завоевана Сибирским ханством и обложена ясаком. Наместником Кучума в Барабе был Буян-бий, резиденция которого находилась в городе Тон-Тура.

Весной 1595 г. тарский воевода князь Андрей Елецкий предпринял новую попытку разгромить Кучума. Он отправляет в поход письменного голову Бориса Доможирова. «Служилые люди числом 483 человека прошли около 300 верст в полном боевом снаряжении и добились значительного успеха, приведя к присяге целые волости и захватив в плен одного из приближенных Кучума мурзу Чангула» [6].

После похода Воейкова барабинские и чатские татары формально приняли русское подданство, но их положение только ухудшилось. В период с 1595 по 1624 годы татары всех барабинских волостей были объясачены. Но население Барабинской степи в то время уже платило алман белым калмыкам, также имеющим право на признание автохонтами области. И хотя в это время теленгуты вели ожесточенную войну с Алтын-ханами и ойратами, тем не менее, время от времени, они контролировали и свое северное пограничье. Известна тяжба по челобитной барабинца Акбулата тарскому воеводе, в которой белые калмыки обвинялись в пленении и убийстве его родственников [1, с. 112].

Г. Ф. Миллер достаточно полно описывает основные события этой войны. Уже в 1606 г. впервые тарский воевода Сила Гагарин донес о появлении в уезде улусов джунгар. Там объясачивание барабинских татар началось раньше всех. Русские выдвинулись в поход и имели успех. Для защиты ясачного населения Барабы около 1607-1610 гг. на реке Омь, в двух днях пути от ее устья, был построен Барабинский острог, караул из тобольских и тарских казаков, наряжавшихся туда погодно (годовальщики).

Также успешно поначалу проходила для русских и колонизация северных соседей барабинцев – чатских татар. Русские длительное время использовали для «береженья» их укрепления – городки. Так, важное значение для прикрытия Томского уезда со стороны степи имел Чатский городок, расположенный на большой дороге между Томском и Тарой, по левой Оби, несколько севернее Колывани.

После совместного прорусского Киргизского похода 1615 г. дружеские отношения чатов и теленгетов расстроились. Это совпало с началом военных действий между Русским царством и Теленгетским ханством. И летом 1617 г. Чатский городок был осажден тысячным отрядом телеутского князя Абака и калмыцкого тайши Пегима. Чаты мурзы Тарлака и русские служилые с огнестрельным оружием во главе с Иваном Хлопиным отбили два штурма городка и выдержали трехнедельную его осаду. Защитники городка не понесли больших потерь, кроме немногих убитых и раненых [3, т. 2, с. 91]. Главную роль в победе русских здесь и далее сыграло наличие у них оружия «с вогненным боем», от которого не могли спасти ни щиты, ни хитрости – «а на собя по два куяка одевали»[3, т. 2, с. 239].

Осенью 1618 г. между Омью и озером Чаны случилось военное столкновение русских с черными калмыками (ойратами). Тогда отряды, посланные тарским воеводой, снова «многих колмацких людей побили и улусы их погромили и полон многой поймали» [5].

В сентябре 1626 г. атаман Поспел Голубин сообщал из Барабинского острога, что «посылал служилых людей под улусы тайшей Та-бытая и Сенгула, меж Омью и Чаном озером, в полуднище, но калмыки их прогнали и появились сами под Барабинским острогом, где был у них бой с служилыми людьми». От гибели осажденных спасла лишь присланная вовремя помощь – «пришли с Уб-озера из летнего острожка служилые люди и убинские татары, ввиду чего калмыкам пришлось отступить» [3, т. 2, с. 580]. Барабинский острог, гарнизон которого в 1628 г. насчитывал всего 40 чел., был не в состоянии оградить Барабинские волости от ойратских вторжений. Весной 1627 г. барабинские татары, несмотря на отказ русских властей оказать им помощь, сами организовали военные походы против ойратов.

С конца 20-х гг. XVII в. колониальная война получила второе дыхание. В 1628 г. начинается ряд восстаний тарских, томских и др. татар, которые возглавили местные князцы Когутэй (Бараба), Кушлудук (Тереня) и Енбай (Кулеба).

«Первое восстание произошло в июне в Барабинской степи, где в то время для оказания помощи татарам на случай набегов калмыков находился тарский сын боярский Еремей Пружинин с 18 служилыми людьми. Они все были одновременно

перебиты изменниками во главе с князцом Когутайкой» [3, т. 2, с. 97].Князцы барабинских и других татар ушли вместе со своими волостями ближе к «колмыкам». Для выяснения причин «измены» к татарам из Тары был послан сын боярский Богдан Байкач. Он нашел повстанцев на «Каясате урочище близ колмыков» [7, с. 113].

Безнаказанность выступления барабинских татар оказалась роковой. Весной 1629 г. Тару осадил Аблай-Керей, восстали тарские татары. Тобольский воевода князь Алексей Трубецкой спешно высылает в Тару отряд во главе голов Федора Елагина и Богдана Аршинского. Русские обошли войско сибирского хана и ударили по его ставке. Хан снял осаду. Разорив подгорные деревни, пленив русских и бухрацев, забрав скот, тарские и сибирские татары отошли в озерную Барабу. В июле 1629 г. тобольские и тарские служилые люди совершили рейд к озеру Чаны, настигли там бежавших тарских татар, уничтожили их большую часть, отбили пленников и отняли добычу. Уцелевшие татары (человек с полтораста) ушли к барабинцам.

В августе 1629 г. Аблай-Керей подошел с отрядом 130 всадников к Чатскому городу, к мурзе Тарлаву, состоявшему на русской службе. Между сибирским ханом и Тарлавом состоялись переговоры, в ходе которых Аблай-Керею удалось склонить мурзу к переходу на свою сторону. В декабре 1629 г. томский воевода Петр Пронский отправил на разведку противников («внучка Кучумова», тарских татар, барабинцев, теренинцев и телеутов) отряд томского сына боярского, казачьего головы Молчана Лаврова. Заодно должно было узнать о местоположении «чацкого изменника» «торлавки мурзы». Казаки прошли по левобережью Оби до Каргата, озёр Иккуль (Иткуль) и Сара-Барыкина (Сары-Балык), погромили острожки барабинцев, но Торлавку, конечно, здесь найти не могли.

В 1630-1631 гг., признанных всеми исследователями критическими для русского вторжения в Сибирь, военная активность широко проявлялась по обе стороны Оби – в правобережье сражениями в Томском уезде и штурмом Чингиса, в левобережье – столкновениями под Чанами и походом на Тару. Ставка Аблай-Керея в 1630 г. находилась на озере Язымык в долине Оби, в 7 днях пути от Томска. С ним было около трехсот воинов, включая черных калмыков и татар. Ставка Абака находилась на порубежье телеутской землицы, на «желтых водах», – озере Сары-куль (Восточные Чаны). С ним было 700 человек (телеуты, чатские татары Тарлавы, барабинцы Когутэя). Прихода антирусской коалиции «в сенокосное время и жнитво» ожидали сразу в нескольких местах – в Таре, Томске и Кузнецке. Но ни один из этих больших походов так и не состоялся из-за разлада союзников – Абак не был готов отстаивать интересы Кучумовичей в их борьбе за возрождение Сибирского ханства Шейбанидов. Поздней осенью Абак ушел в Приобье.

С переходом значительной части населения Барабы в кыштымную зависимость от ойратов набеги последних на Тарский уезд отнюдь не прекратились. Осенью 1631 г. черные калмыки вновь погромили округ Тары, несколько волостей татар, оставшихся в русском подданстве. В 1634-1635 гг. кучумовичи и ойраты продолжают нападения на Тару и Тюмень, но возобновляется война с Алтын-ханами, и набеги на Сибирь ослабевают. В 1635-м попал в плен и закончил свою жизнь в тюрьме Аблай-Керей.

Эпоха войн 30-х гг. XVII в. в Сибири для русских закончилась победой над частью противников и заключением мира с остальной частью. Но практически со всеми противниками: кыргызами, ойратами, частью татар и телеутов, сибирскими ханами – борьба будет идти еще несколько десятилетий. Полноценная русская колонизация юго-восточной части барабинской зоны и северной части кулундинской степи началась лишь в первой половине XVIII в., уже после ухода теленгитов.

1. Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений) // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. Учёные записи Барнаульского педагогического института. Т. 18. Барнаул, 1972. С. 103-143.

2. Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве, 1720—1727. ч. 1 URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Messerschmidt/text.phtml?id=1761 (дата обр.: 12.03.2015).
3. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. Москва-Ленинград: АН СССР. 1937-1941. Т. 1 / отв. ред. И. И. Мещанинов. М.-Л., 1937. 607 с.; Т. 2 / отв. ред. И. Н. Винников. М.-Л., 1941. 637 с.
4. Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., и др. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области: материалы свода памятников истории и культуры народов России. Вып. 8.Новосибирск, 2011. 258 с.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Сибирский приказ, кн. 11, лл. 168 об. - 170 об. Список XVII в. Грамота из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе К. С. Вельяминову-Воронцову с похвалой за службу по разгрому калмыцкого тайши Сенгила. Цит. по: // Восточная литература [электронный ресурс]. URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_1/21-40/32.phtml?id=13462 (дата обр.: 18.04.2015).
6. Грамота царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и ногайцах. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_2/Gramoty/1-20/20.phtml?id=7820 (дата обр.: 15.04.2015).
7. Уманский А. П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений). // Учёные записи Барнаульского педагогического института. Т.18. Барнаул, 1972. С. 103-143.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ШКОЛЬНОЙ СЕТИ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-Е ГГ.*

Н. И. Загороднюк
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Цель данной работы – рассмотреть особенности формирования школьной сети спецпоселений Северо-Западной Сибири в 1930-е гг. Данная территория в исследуемый период последовательно входила в состав Тобольского округа Уральской области, с декабря 1930 г. – Ямало-Ненецкого и Остяко-Вогульского национальных округов Уральской области (в 1934 г. – Обь-Иртышской, с декабря 1934 г. – Омской области).

Бесспорно, в главную и первоочередную задачу государственной политики спецколонизации входило создание промышленной базы в экономически отсталых районах страны, где спецпереселенцам отводилась роль подневольной дешевой рабочей силы. Наряду с решением жизненно важных проблем: приема и размещения спецпереселенцев, строительства жилья, обеспечения продуктами питания и предметами первой необходимости, создания сети медицинских учреждений, - ставилась задача организации культурно-воспитательной работы среди спецпереселенцев. Причем необходимость реализации этой задачи объяснялась не только экономическими мотивами, скорее, политическими: «Культурно-просветительская работа, – констатировалось в циркуляре ГУЛага ОГПУ от 13 ноября 1931 г., – должна содействовать поднятию производительности труда, развитию трудового соревнования, ударничества, ускорению освоения спецпереселенцев и разоблачению всех контрреволюционных и антисоветских слухов. Систематическое разъяснение политики партии и советской власти, успехов международного революционного движения, освещение кризиса капитализма, особенно в области сельского хозяйства, должно занять центральное место в массовой работе...» [цит. по: 1, с. 64].

В этой программе особое место отводилось молодежи. Ответственность за развертывание воспитательной работы среди спецпереселенцев была возложена на

Работа поддержана программой УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 15-13-4-11

Народный Комиссариат просвещения СССР. Для реализации этой задачи необходимо было создать сеть школ и культурных учреждений в спецпоселках, организовать работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. С августа 1931 г. все предприятия, использовавшие труд спецпереселенцев, обязывались отчислять 2 % от общей заработной платы для их «культурного обслуживания» [2, л. 243].

Школы для спецпереселенцев обязаны были выполнять задачи, поставленные в целом перед советской школой: добиваться «хорошего осваивания учебной программы, высокой грамотности, прочных систематических знаний». Особое внимание уделялось выработке коммунистического мировоззрения – воспитанию «беззаветной преданности делу Ленина и Сталина». Перед учителями, работающими в школах для спецпереселенцев, ставилась задача не только воспитания, но и перевоспитания детей кулаков, причем перевоспитание детей, «отрыв их от контрреволюционного и разлагающего влияния их родителей» велся «на ярких примерах классовой борьбы, особенно борьбы кулачества». Главное, подчеркивалось в документах, - «воспитать в детях ненависть к капитализму вообще, в частности - к действиям кулачества (т. е. родителям – *авт.*), прививая любовь к социалистическому строительству» [3, л. 71 об.]. Методы достижения этой цели по своей сути были антигуманны и безнравственны: воспитание любви к Родине проходило через ненависть, ложь и предательство.

Директивами центральных и областных органов предписывалось «в кратчайший срок добиться развертывания всей школьной сети и максимального охвата детей учебой». Отсутствие сведений о размещении спецпереселенцев, тяжелые материальные (до осени 1931 года не был решен вопрос финансирования культурно-массовой работы [2, л. 125]) и бытовые условия ссыльных – все это привело к тому, что в 1930/31 уч. году в школу смогли пойти лишь единицы. В октябре 1930 г. школы Обдорского района приняли первых детей спецпереселенцев. В связи с этим Обдорская и Мужевская школы вынуждены были перейти на работу в две смены [4, л. 16-16 об.]. В 1930/31 уч. году Ямало-Ненецкий окружной отдел народного образования планировал принять в школы лишь 25 % детей школьного возраста [5, л. 116]. Причиной такого решения послужило отсутствие помещений для школ, а также дефицит педагогических кадров, и не только в первые годы ссылки.

Как известно, начало программы спецколонизации совпало с принятием Закона о всеобщем начальном образовании. И одна, и другая программы потребовали дополнительных материальных средств и увеличения числа педагогических кадров. Недостаток учительских кадров частично был восполнен специалистами из других округов Уральской области, но этого было крайне недостаточно. Поэтому Наркомпрос СССР и ОГПУ пошли на временный компромисс – для педагогов спецпереселенческих школ был установлен двойной оклад [6, л. 24]. Кроме того, вынуждены были привлекать на учительские должности членов семей спецпереселенцев. В Тобольском округе число учителей-спецпереселенцев в 1930 – 1931 гг. составляло единицы.

Школы в спецпоселках открывались из расчета один комплект на 40 человек. Расходы на содержание обслуживающего персонала, а также учебные пособия шли за счет двухпроцентных отчислений из заработной платы спецпереселенцев. В тех населенных пунктах, где строительство отдельной школы было нецелесообразно, разрешалось принимать детей спецпереселенцев в школы общей сети, но не более 1 – 2 учеников в один класс.

Строительство и открытие школ на Обском Севере было сопряжено с трудностями объективного и субъективного порядка, поэтому основная масса школ в спецпоселках была открыта в 1931 – 1933 годах.

Следует отметить рост числа общеобразовательных школ в спецпоселках, находившихся в ведении леспромхозов. Например, если в 1930/31 уч. году в Остяко-Вогульском округе было открыто только 5 школ I ступени из 69 в целом по округу, то в

1931/32 уч. году – 40 из 150, в следующем - 48 из 156 школ. В 48 спецпереселенческих школах I ступени в 1932/33 уч. году обучалось 4445, в следующем – 5302 учащихся [7, л. 34; 8, л. 38]. Тогда же для детей спецпереселенцев округа была создана возможность обучаться в школах второй ступени. Такие школы имелись в спецпоселках Кедровом, Луговом, Урманном [3. л. 114]. Число учащихся, имевших возможность получить среднее образование, возросло с 161 (1932/33 уч. г.) до 596 чел. (1933/34 уч. г.) [8, л. 38].

В Ямало-Ненецком округе в 1930/31 уч. году была открыта лишь одна школа в поселке Питляр, большинство детей обучалось в уже имеющихся русских и национальных школах [9, л. 31 об.]. Данные статистики этих и следующих лет показывают, что сеть школ для детей спецпереселенцев сложилась только к середине тридцатых годов.

К 1935/36 уч. году спецпереселенцы были размещены в пяти основных поселках Ямало-Ненецкого национального округа – Обдорске, Аксарке, Новом Порту, Шуге, Тазовском, школы имелись только в двух поселках [10, л. 89-90].

В Остяко-Вогульском округе к 1935/36 уч. году сложилась в основном сеть школ для спецпереселенцев: из 169 школ– 47 начальных и неполных школ (28 %) было открыто в спецпоселках. Дети спецпереселенцев составили 42,5 % от общего количества детей, обучавшихся во всех типах школ, имевшихся в округе (5245 из 12328 чел.) [11].

Выше приведенные данные позволяют сделать вывод, что в течение исследуемого периода была заложена основа для функционирования сети общеобразовательных начальных и неполных средних школ в спецпоселках Северо-Западной Сибири.

1. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. / отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников; сост. С. А. Красильников и др. Новосибирск, 1993. 341 с.
2. ГБУТО ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 33.
3. ГАХМАО. Ф. 1954. Оп. 1. Д. 8.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 676. Оп. 1. Д. 128.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 676. Оп. 1. Д. 123.
6. ГБУТО ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 44.
7. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 129.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 150.
9. ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. д. 3.
10. ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. д. 1124.
11. ТИАМЗ. Науч. архив. Д. 205.

РОЛЬ ТОБОЛЬСКА В ОСВОЕНИИ УРАЛО-СИБИРСКОГО СЕВЕРА: ДИСКУССИИ ПЕРИОДА РАЙОНИРОВАНИЯ (1920–1923 ГГ.)*

К.И. Зубков
Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Губернское административно-территориальное деление Российской империи в целом перестало соответствовать производственно-экономическим требованиям развития страны, изменяющейся конфигурации транспортных путей уже к началу XX в. На Урале и в Сибири наблюдались во многом сходные тенденции угасания старых губернских административных центров и подъема новых, в большей степени соответствовавших новым реалиям [5, с. 52]. Так, в апреле 1918 г. из Тобольска, бывшего «царствующего града» Сибири, теперь все больше впадавшего в

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00300).*

провинциальную спячку, губернский центр был перенесен в быстро развивающуюся, расположенную на магистральном железнодорожном пути Тюмень. Официальное переименование бывшей Тобольской губернии в Тюменскую постановлением СНК РСФСР от 2 марта 1920 г. окончательно закрепляло за Тюменью ее новую административную роль [1, с. 58].

В 1921–1923 гг., в связи с инициированной в Москве кампанией по районированию страны, необходимость нового административного «самоопределения» встала не только перед Тюменской губернией, но и ее уездами. В январе 1921 г., когда Урал был выбран ВСНХ в качестве опытной базы «районирования промышленной области», Екатеринбург получил существенный выигрыш во времени для охвата своей бюджетно-ресурсной и административной опекой аграрных и промысловых уездов Западной Сибири. При этом первоочередная ставка уральцев была сделана не на низовое районирование, а сразу на оформление округов на базе существующих губерний и уездов. В результате этого сильного аппаратного хода уральскому руководству удалось добиться лояльности своим планам со стороны руководящих органов Тюменской губернии и входивших в нее уездов. К лету 1923 г., когда развернулось острое соперничество между Екатеринбургом и Омском (как проектируемым центром еще одной будущей области – Обской) за административную принадлежность зауральских территорий, позиция последних по этому вопросу была немаловажной. На Омском межгубернском совещании по районированию в августе 1923 г. в выступлениях представителей Тюмени, Тобольска и Ишима уже отчетливо звучал мотив выгоды присоединения к Уралу как к единственному на востоке страны «промышленному, пролетарскому и культурному центру» [6, с. 62].

В предстоящих административно-территориальных преобразованиях положение Тобольска было далеко не простым. Утратив статус губернского центра, город сохранял свою исторически сложившуюся роль в качестве транспортно-производственного и культурного центра не только для своего уезда, но и для обширных и малонаселенных территорий Обь-Иртышского Севера (Березовский и Сургутский уезды). Разработка схемы деления Уральской области на новые административные единицы – округа – в существенной степени возобновляла старый спор между Тюменью и Тобольском за руководящую роль в организации управления зауральскими территориями (включая и аграрные уезды, и обширные малонаселенные пространства Севера). Анализ документов секции районирования Уральской плановой комиссии (Уралплана) позволяет в основных чертах реконструировать сложную бюрократическую борьбу интересов, развернувшуюся на пространстве бывшей Тобольской губернии.

Среди различных вариантов переустройства территории Тюменской губернии предполагалось и выделение Севера в особый округ с центром в Тобольске, за что больше всего ратовали власти Тобольского уезда. Руководство же Тюменской губернии, опасаясь перспективы дробления, стремилось лавировать между Екатеринбургом и Омском – намечаемым центром еще одной проектируемой Обской (Западно-Сибирской) области с целью выторговать для себя более выгодные условия. В частности, комиссия по районированию Тюменской губернии, исходя из особенностей ее географического положения, экономического тяготения и связей с Сибирью через Обь-Иртышский бассейн, высказалась в пользу укрепления связей с Сибирью, а не Уралом. При этом оставление Севера в составе губернии виделось принципиально важным, поскольку это давало Тюмени весомые аргументы требовать расширения южной земледельческой части губернии для организации надежного снабжения северных окраин хлебом, а в силу этого – и основание для преобразования в самостоятельную область. Вместе с тем, Тюменское губернское экономическое совещание 1 сентября 1922 г., высказавшись за создание самостоятельной Зауральской

области и подчеркнув роль Тюмени как снабженческо-сбытового центра тяготения для Севера, вопреки мнению комиссии, высказалось в пользу экономических и административных связей с Уралом [2, л. 70–70об.]. Балансирование тюменских губернских властей между Уралом и территориями, находившимися под юрисдикцией Сибревкома, по условиям времени, было вполне понятным. С одной стороны, при предрешенности вопроса об учреждении Уральской области сибирская ориентация губернии давала ей возможность на неопределенный срок сохранить административную самостоятельность в прежнем объеме, но в дальнейшем таила угрозу подпасть под административную перекройку со стороны Омска. С другой стороны, сохраняя под своим действенным контролем всю территорию губернии, Тюмень, играя на острых противоречиях между Екатеринбургом и Омском, могла с вероятностью рассчитывать на особый (далеко не окружной) статус и в рамках Уральской области. Руководство Уральской области, стремясь удержать Тюмень в орбите своего политического влияния, временно соглашалось на компромиссы, гипотетически допуская сохранение Тюменской губернии в ее прежних границах с включением на особых условиях в состав Уральской области.

Стремление тюменских губернских властей удержать под своим контролем зауральские территории предопределило их упорную борьбу в этом вопросе с руководством Тобольского уезда. В новых условиях районирования прежний статус Тобольска как губернского центра уже не имел особого значения, но с перспективой вхождения Тобольского Севера в Уральскую область резко возрастала роль города как центра управления и хозяйственного тяготения для потенциально богатых, но слабо освоенных северных окраин. На этом основании Тобольск мог претендовать на статус независимого от Тюмени окружного центра – к тому же далеко не рядового, поскольку под его контролем оказывалась едва ли не половина территории будущей Уральской области. Поэтому общей линией политики руководства Тюменской губернии вплоть до осени 1923 гг. было стремление перехватить у Тобольска его функции перевалочного пункта и центра управления Севером. В этой связи заседавшая 13 августа 1923 г. Тюменская губернская комиссия по районированию вообще отрицала всякую целесообразность передачи Тобольску руководства развитием северных территорий, вынеся следующий вердикт: «Нынешняя связь Севера с Тобольском далеко не жизненна в товарообменном, [а] не только в производственном отношении». Комиссия, в частности, констатировала (во многом выдавая желаемое за действительность), что у северных уездов установилась «прямая связь с Уральским рынком, минуя Тобольск, по зимним трактам» и что «перевалочные пункты Тобольска удорожают продукцию» [3, л. 78–78 об.]. Резолюция ясно намекала на то, что связанная с Екатеринбургом железной дорогой Тюмень могла бы с большим основанием претендовать на роль центра тяготения и перевалочного пункта связи с Севером.

Острое соперничество с Тобольском объясняет, почему губернские власти выступили в это время горячими сторонниками создания на «дальнем Севере» самостоятельного от Тобольска Северного (Самаровского) округа, хотя всегда полагали, что там налицо полное отсутствие необходимых для административной самостоятельности «экономических и культурных сил» [4, л. 42–43, 51, 57–58 об.].Проект создания Северного округа как особой национально-административной единицы в составе Уральской области отражал скорее особые административно-хозяйственные интересы северных уездов Западной Сибири, чем собственно национальные интересы туземного населения. Национальный момент выступал лишь удобным аргументом в пользу обособления от Тобольска северных уездов (Березовский, Сургутский) и примыкающих к ним волостей (Обдорская). Последние, обвиняя Тобольск в продолжении прежней политики беззастенчивой «эксплоатации» и «ограбления» Севера, доказывали необходимость перехода к прямым хозяйственным

связям с Уральской областью. Расчет делался, во-первых, на улучшение снабжения Севера из промышленных центров будущей области, во-вторых, на получение известной административной самостоятельности в распоряжении собственными ресурсами. Солидаризируясь с северными уездами и объявляя притязания Тобольского уездного экономического совещания на дальний Север «не отвечающими интересам его развития», тюменские губернские власти стремились довершить уничтожение соперника, обескровив его экономически. В резолюции губернской комиссии по районированию предлагалось, в частности, перенести из Тобольска на Север основные функции хозяйственного руководства: в Самарово – правлений кооперативных заготовительных организаций, к местам промыслов (вплоть до Обдорска) – «Область-Рыбы». Кроме того, в Тюмени доказывали, что продолжение опеки Тобольска над Севером чревато тем, что восточная его часть (Сургутский уезд) «будет глохнуть» и явочным порядком «отойдет к Нарыму и Туруханску» [3, л. 78]. В ходе административного «торга» была разыграна и национальная карта. Стремясь завоевать лояльность северных уездов, тюменские губернские власти взяли на себя инициативу разработки для Северного округа проекта окружной комиссии по управлению туземным населением [4, л. 96–96 об.]. Расчеты Тюмени переключить на себя все связи будущей Уралобласти с Севером отчасти оправдались: проектируя создание Северного округа, УралЭкосо перепоручил подготовку всех подготовительных документов по этому вопросу Тюменскому губисполкому.

Благодаря своей активности в деле районирования, Тюменская губерния вплоть до ноября 1923 г. удерживала определенный контроль над его ходом в собственных границах, по-видимому, уже смиряясь с неизбежной утратой своего административного статуса и рассчитывая выйти из этой ситуации с минимальными потерями. Однако расчеты Тюмени на сохранение своей роли в качестве промежуточного звена между Уральской областью и ее будущими восточными округами становились все более несбыточными. Тобольску отстоять свой статус самостоятельного окружного центра, контролирующего, к тому же, обширные территории Севера, помогло, как ни странно, острое соперничество Екатеринбурга и Омска. Поскольку в центре было решено, что Тобольский Север и Ишимский уезд передавались в состав Уральской области лишь временно («до разрешения общего вопроса о районировании Сибири») [6, с. 63], уральское руководство в предвидении этого явно не хотело рисковать утратой еще и других зауральских земледельческих уездов. В связи с этим территория Тюменской губернии, в конечном итоге, была разделена на три округа (Тюменский, Ишимский и Тобольский), а на создании отдельного Северного (Самаровского) округа вообще был поставлен крест.

Развернувшийся в начале 1920-х гг. бюрократический «торг» вокруг вопросов районирования Западной Сибири отражал типичную для первых лет НЭПа ситуацию, при которой перераспределение территориальных ресурсов и административных полномочий становились важнейшим инструментом борьбы отдельных региональных центров за улучшение своих экономических и властных позиций.

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. 304 с., илл.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2320.
3. ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352.
4. ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2367.
5. Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. 93 с.
6. Зубков К.И. Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.): геополитика в региональном интерьере // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 62–65.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕДАКЦИОННЫХ КОЛЛЕКТИВОВ СИБИРСКИХ ГАЗЕТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

И.С. Козлова
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

Важнейшим компонентом деятельности редактора периодического издания интересующей меня эпохибыл поиск новых сотрудников, благодаря которым можно было «оживить» газету, наполнив ее материалом различного характера. Исследовательская литература по истории сибирской журналистики в большинстве случаев посвящена изучению идейной направленности изданий, взаимоотношений с цензурой [1;2;3]. Однако процесс формирования редакционного состава газеты как объект исследования находится вне поля зрения историков. Исключение составляет монография С. И. Гольдфарба [4]. В связи с этим, задача данной статьи – охарактеризовать формирование редакционных коллективов сибирских газет второй половины XIX – начала XX в. Источниками для статьи послужили эго-тексты сибирских деятелей печати. Среди них эпистолярное наследие Г. Н. Потанина [5;6], А. В. Адрианова [7], Г. Д. Гребенщикова [8], И.Г. Гольдберга [9], воспоминания И. И. Попова [10], а также сборник воспоминаний современников о «Сибирской газете» [11]. Востребованные нами источники позволяют реконструировать процесс формирования редакций, атмосферу их внутриредакционной жизни, пролить свет на взаимоотношения, которые конструировались между сотрудниками изданий.

Журналистами в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. являлись представители различных профессий, званий, должностей. Специально подготовленных газетных работников еще не было, а опытных сотрудников в Сибири было недостаточно. Вследствие этого, журналисты нередко сотрудничали сразу в нескольких сибирских печатных изданиях. Поэтому в редакторе как руководителе издания ценилось умение привлекать к деятельности сотрудников из различных органов печати. Г. Н. Потанин данные качества видел в Д. А. Клеменце: «Вы же в состоянии были бы соединить в одной газете и бывшую редакцию “Сиб[ирской] газеты” и сибирскую интеллигенцию города Иркутска, которая теперь сторонится от “В[осточного] о[бозрения]”. Превосходное издание можно было бы создать, если бы соединить вместе все хорошие силы Сибири» [5, т. 4, с. 117].

Как справедливо отмечает С. И. Гольдфарб: «Специфика провинциального издания требовала в целях конкуренции со столичными изданиями иметь “столичные разделы” – внешнеполитические и внутриполитические обзоры, различные общероссийские и общемировые обозрения» [4, с. 169]. Кроме того, в газете имелись научные, иностранные, литературные отделы, для которых было необходимо найти постоянного сотрудника для ведения и наполнения их материалом. А.В. Адрианов в письме Г.Н. Потанину писал, что «наш отдел научной хроники слаб до крайности, но вести его постоянно некому; я очень часто тужу о том, что у нас нет надежных работников, где их взять, не знаю. Слабы еще наши силы» [7, с. 62]. Сам Г. Н. Потанин считал, что «цвет и стиль» журналу дают публицисты. Он отмечал, что в газете должно работать небольшое количество постоянных сотрудников, то есть ее «каркас», к которому примыкает ряд сотрудников на непостоянной основе [5, т. 1, с. 60].Характерно, что журналисты в переписке между представителями своего профессионального сообщества рекомендовали коллег по цеху для работы в периодических изданиях.

Для популярности газеты в обществе редактору важно было заручиться корреспондентами, которые бы предлагали злободневную информацию, сообщали о событиях мирового масштаба. Отдел корреспонденций, по мнению С. Л. Чудновского,

признавался наиболее существенным и важным, поскольку существовала потребность в освещении различных сторон жизни Сибири [11, с. 55]. Е. В.Корш так характеризовал роль корреспондентов в сибирской печати: «Этим неведомым, но многочисленным абсолютно бескорыстным труженикам обязана Россия созданием и развитием местной, областной газетной печати» [11, с. 48].

Помимо этого, редакторы были заинтересованы в привлечении литераторов из Европейской России к участию в сибирской периодике. Г. Н. Потанин, отвечая на такой запрос И.И. Попова, писал: «Сотрудников в Петербурге между “именами” трудно навербовать; можно рассчитывать на две, три статьи, но не на постоянное сотрудничество. Петербургские силы не поднимут газеты; нужно в Иркутске подобрать двух, трех хороших ловких сотрудников, это будет лучше, вернее» [5, т. 4, с. 255].

Кадровый состав органа печати зависел от программы и периодичности издания. Так, с увеличением периодичности, менялась и программа самого печатного органа. Н. В. Жилякова отмечает, что «Томский справочный листок», издававшийся П. И. Макушиным, наполнялся «преимущественно рекламой и справочными сведениями; журналистские материалы были представлены в газете “Местной хроники” и “Библиографией”» [2, с. 234]. В связи с этим у данного печатного органа был небольшой корпус сотрудников. Однако, благодаря расширению и добавлению таких отделов, как фельетон, корреспонденции, газетные известия, издатель и редактор столкнулся с необходимостью привлечения новых журналистов.

Нередко конфликты внутри редакций приводили к отказу некоторых журналистов от сотрудничества с периодическим изданием. Данная ситуация была характерна для «Сибирской газеты». Так, в результате конфликта между Н. М. Ядринцевым и Е. В. Коршем, последний прекратил свою деятельность в газете. Иногда литераторы в письмах «подговаривали» друг друга отказаться от сотрудничества в печатном органе, с которым произошел конфликт. И. Г. Гольдберг в письме В. И. Анучину писал: «Вы окажите мне и моим товарищам большую услугу и моральную поддержку, если пошлете свой отказ от сотрудничества в “Голос Сибири”». Далее, он продолжал: «Отказ от сотрудничества шлите в обе газеты – и в “Голос Сибири” и в “Сибирь” – так лучше» [9, с. 279].

Деятели сибирской периодической печати в переписке друг с другом часто отмечали, что сотрудников в газетах не хватает. А. В. Адрианов жаловался в письме Потанину: «и когда это на подмогу люди явятся, беда, как тяжело работать без передышки» [7, с. 57]. Аналогичный сюжет мы встречаем у Г. Д. Гребенщикова. Он писал, что «сотрудников мало, “мужи” пишут плохо. Корреспонденты полуграмотные» [8, кн. 1, с. 76]. В таком случае, на редакторе сосредотачивалась основная работа по наполнению очередного номера материалом. Ему приходилось писать передовые статьи, фельетоны, заведовать специальными отделами. Вследствие этого, газета становилась скучной, бледной, выдержанной в одном стиле, что вызывало недовольство читателей. Г. Д. Гребенщиков в письме А. И. Иванчину-Писареву сообщал: «Во все стороны почти один: и редактирую, и реферирую, интервьюирую, рецензирую и даже <…> репортирую… Провинция – лучших условий найти трудно» [8, кн. 2, с. 15].

Для любого печатного издания при выборе сотрудников ключевым фактором являлся литературный талант и способности журналиста. В сотрудниках ценили трудолюбие, добросовестность и умение обстоятельно изучать и разрабатывать конкретные вопросы для написания статей.

При подборе кадрового состава, особое внимание уделялось сотруднику, заведующему отделом фельетона. От него требовалось умение постоянно следить за общественной жизнью, так как нередко материалом для его работы становились курьезные события в городе. Благодаря литературному таланту фельетониста

«Восточного обозрения», А. Н. Варенцова, его работы стали предметом обсуждения среди читающей аудитории, что сказывалось на увеличении подписки газеты [10, с. 91].

Кроме того, редакторы привлекали к работе таких сотрудников, которые могли подготовить для публикации работы различного характера (научные, общественные статьи, художественные тексты). Также, в журналистах ценили умение уходить «с головой» в работу в периодическом издании. Как отмечал А. В. Адрианов: «нет ни одного человека, который был бы годен для этой работы и мог бы отдавать все свое время» [7, с. 56].

Вместе с тем важно было иметь такого сотрудника, который мог оперативно доставлять информацию в редакцию об общественно важных событиях города, в котором издавалась газета – то есть репортера. Г. Н. Потанин в письме М. Г. Васильевой писал, что «у “Сиб[ирской] ж[изни]” нет такого сотрудника, который в первый же день открытия обежал выставку и дал бы читателю букет поэтических впечатлений от этих тыкв, реку, баклажанов, луковиц, не уступающих размерами булаве, которую держит Богдан Хмельницкий на киевском монументе» [6, с. 189].

Известно, что особую роль в развитии и становлении периодических изданий Сибири сыграли политические ссыльные. Они были не только штатными сотрудниками, но и входили в состав редакций органов печати. Так, С. П. Швецов, описывая этапы профессионального роста политических ссыльных в «Сибирской газете», отмечал, что вначале они «лишь сотрудники, затем “ближайшие сотрудники”, сочлены редакции, наконец, редакционный коллектив» [11, с. 87]. Для самих политических ссыльных участие в периодической печати Сибири воспринималось как важнейший способ влияния на население края [3, с. 23]. Посредством печати они могли заявить о себе, о своих идеях и взглядах, тем самым транслируя их в читающую публику. Уже упомянутый нами, С. П. Швецов, относительно омской газеты «Степной Край», отметил такую закономерность, что как только к газете приближались политические ссыльные, она оживала и становилась влиятельным фактором местной общественной жизни, что влияло на ее тираж и значение [12, с. 100].

Таким образом, во-первых, от личности редактора зависел кадровый состав периодического издания. Для успешной работы органа печати редактору важно было подобрать надежный и преданный своему делу коллектив сотрудников. Среди них журналисты, заведующие отделами, репортеры, корреспонденты, фельетонисты, литераторы из Европейской части России. Во-вторых, численность редакционного коллектива напрямую была связана с программой и периодичностью выхода печатного органа. Случалось так, что постоянный корпус сотрудников печатного органа отсутствовал, вследствие чего редактору приходилось самостоятельно готовить очередной номер к печати, заполняя его своим авторским материалом. В-третьих, редакторы обращали внимание на манеру литературного письма журналистов, способность написания различного рода текстов, умение широко трактовать социально-значимые явления общества. В-четвертых, работа политических ссыльных имела особое значение в истории сибирской периодики. Зачастую они являлись членами редакционного коллектива. Их сотрудничество «оживляло» газету, что способствовало росту популярности печатного издания среди читающей публики. Из всего выше сказанного следует, что формирование редакционного коллектива являлось важнейшей задачей для функционирования периодического издания.

1. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.
2. Жилякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX– начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.
3. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1985. 136 с.
4. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2002. 312 с.

5. Письма Г.Н. Потанина: В 5 т. / Сост.: А.Г. Грумм-Гржимайло и др. Иркутск, 1987-1992.
6. Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью». Переписка. Томск, 2004. 418 с.
7. Адрианов А. В. «Дорогой Григорий Николаевич…»: Письма Г. Н. Потанину / сост., публ. Н. В. Васенькин. Томск, 2007. 288 с.
8. Гребенщиков Г. Д. Письма (1907–1917), книга 1,2 / сост. Т. Г. Черняева. Бийск, 2008 .
9. Письма И. Г. Гольдберга В. И. Анучину // Литературное наследство Сибири. Том 8. Новосибирск, 1988. С. 276–288.
10. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.
11. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и ком-мент. Н. В. Жиляковой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 200 с.
12. Швецов С. П. Омская газета «Степной край» и политическая ссылка. К истории сибирской печати // Северная Азия. 1930. № 1–2. С. 100–118.

ЛИТОВСКОГО СПИСКА КАЗАКИ И ИХ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ СИБИРИ

Г. Ю. Колева
Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень

Территория Сибири, безграничная в своих пределах, с конца XVI в. стала постепенно включаться в состав Российского государства. Исходной точкой движения являлся город Тобольск, где длительное время располагалось ядро служилых людей.

Отряды служилых людей, продвигаясь от кучумовой Сибири все дальше: в северном, северо-западном, восточном направлениях, ставили опорные пункты – города-остроги, расширяли границы русского государства. Служилые люди закладывали основу населения осваиваемых территорий, обеспечивали подчинение и охрану новых земель, участвовали в сборе ясака, активно включались в управление территорией.

В составе служилых людей, которые подразделялись на протяжении XVII – начале XVIII в. на дворян, детей боярских, стрельцов, казаков пеших и конных, объединенных «постоянной и бессрочной службой» [1, с. 4], особое место занимал иноземный контингент. Строгановская летопись по списку Спасского и среди сподвижников Ермака указывала на «литву» и «немец» [2, с. 98].

Увеличивавшийся приток иноземцев отражался в источниках по ранней истории Сибири, в которых фигурировали «поляки», «немец», «немчины», «литва», «литва тобольских уроженцев», «черкасы», «ссылочные черкасы», «литовские выходцы», «литовских выходцев пахолки», казаки «литовского списка». Во второй половине XVII в. разнородный иноземный элемент, в котором наиболее часто упоминалась «литва», был объединен общим названием «литовского списка казаки» и составил особый служебный разряд, однако первоначально «литовского списка казаки» – часть иноземцев в составе служилых людей Сибири. Нельзя не отметить, что иноземцев на службе достаточно было много и в «понизовых» городах (Урало-Волжский регион), но только в Сибири возникло особое явление – казаки «литовского списка», первые сведения о которых датируются Дозорными книгами 1623, 1624 гг. по г. Тобольску [3, с. 27] и Тобольскому уезду [4, с. 89], а по государевым «Книгам разрядным» – 1628 г. применительно к Пелыму, Томску, Таре, и только с 1630 г. они названы в гг. Тобольске и Тюмени, в каждом – по 22 человека [5, с. 62, 78, 116, 199]. Впоследующие годы их число увеличивалось.

Казаки «литовского списка», согласно уже ранним данным по Тобольску и Тобольскому уезду, не были однородны по своему социальному статусу: одни получали оклады, другие – наделялись землей, являлись хозяевами владельческих

деревень. Тех и других просто единицы. Имели и разную этническую принадлежность. У одних – фамилии-прозвища русского звучания, у других – польско-литовского.

Источники, касающиеся служилых людей Сибири, нигде не содержат разъяснений относительно понимания терминов «литва», «литвин», «немец», казаки «литовского списка», исходя из очевидной для того времени понятности явлений, но отличают «литву» от «литовского списка» казаков, которые были «литвой», но связанные с каким-то списком. Считаем, что происхождение названия «казаки литовского списка» кроется в истории Польско-Литовского государства, где можно найти возникновение в 1570-е гг. реестрового казачества [6, с. 122)]. Слово «реестр» буквально и есть «список», а реестровое казачество и есть – казаки «литовского списка». Формирование его включало крестьян и польскую шляхту [7, с. 122, 124], были они преимущественно конными воинами. Казаки времен Речи Посполитой связаны с пределами южной Руси, которая с 1363 г. входила в состав Великого княжества Литовского, но во второй половине XVI в. Киевский повет был передан Польше. И нам представляется, что казаки «литовского списка» – это вынужденно или добровольно перешедшие на русскую службу, возможно плененныеили выявленные в числе тех, кто находился на территории русского государства – реестровые казаки с территории Польского-Литовского государства, в военном отношении более опытные, что в тот период было необходимо в Сибири.

Первоначально в Сибири, согласно источникам, представителей «литовского списка» казаков просто единицы [8, с. 129], что вполне согласуется с тем, что возникшее реестровое казачество исчислялось первоначально в 300 человек [9, с. 577]. С.Баторий вскоре после создания распустил реестровое войско, что также часть из них могло привести на русскую службу. Однако затем последовало возрождение реестрового казачества, увеличение численности казаков до 600 человек, а в начале XVII в. – до 6-ти тысяч.

Прослеживающееся в числе казаков «литовского списка» наличие представителей с польскими фамилиями и фамилиями-прозвищами отражает тот факт, что реестровое казачество не было однородным по своему социальному составу, так как набирали в «реестр» зажиточных крестьян королевских имений и *мелких шляхтичей*. Изначально они должны были обладать хорошими военными навыками, поэтому и могли приобретать особую значимость, и в силу этого выделяться в особую категорию.

В документах Смутного времени самой часто упоминаемой силой являются «литовские люди», в отряде Я. Сапеги – «литва», черкасы», «казаки», в отряде Лисовского – «литовские люди и казаки», относительно последних можно найти уточнение, что «с Лисовским – «донские казаки» [10, с. 193, 194, 198, 225].

Руководящие должности в рядах реестрового казачества стали принадлежать польской шляхте. В документах Смутного времени встречается Мартын Собельский «с 200 казаками»[10, с. 226]. Это вполне соответствует факту, приведенному в Дозорной книге 1624 г. по Тобольску, в которой казаки «литовского списка» с польской фамилией Крушинские наделены землей, в силу того, что их статус и служба представляли большую значимость, а в Тобольске живущие казаки «литовского списка» с фамилиями малорусскими, землей не наделены и служили за оклады.

В 1667 г. реестровое казачество в Польше было отменено, в то же самое время – во второй половине XVII в. в Сибири такие подразделения как казаки «литовского списка» имелись в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске, Кузнецком, Енисейском, Красноярском, Якутском, Илимском острогах, объединяли тех, кто корнями был связан с происхождением не русским. В него направлялись те, кто имел отличительный военный опыт. В Тобольске в «литовском списке» оказывались в основном семейные, а холостые следовали в более отдаленные территории, второй фактор определения в «литовский список» – иноземцы, третий – опыт в военном отношении.

Подробные списки служилых людей столичного города Тобольска, в том числе и казаков «литовского списка», которыми открывался список казачества, находим в «Книге 1696 года». «Литовского списка» казаки отличались среди казачества самыми высокими окладами, что отражало их особое место и роль в составе казачества.Численность казаков «литовского списка», согласно этому источнику, была устоявшейся [8, с. 39] – 144 человека, 2 человека представляют командный состав – поручик и прапорщик, и только в связи с выбытием казака («умре», «убит в Даурском походе», «в Даурах») его место замещалось кем-либо из ближайших родственников, или просто «казачьим сыном». Многие фамилии в этом документе имеют русскоязычное звучание, часть – литовско-польское: Крушинский (3 чел.), Кроянский, Постепенский, Суницкий, Юхновский, Ореховский, Новицкий, Чернацкий (2 чел.), Рублевский (2 чел.), Залеский (3 чел.), Байкаловский (2 чел.), Кобылинский, Скоржицкий и т. д. В «литовском списке» и Ондрюшка Волошанин, скорей всего выходец с территории Молдавии, а Герасимко и Ивашко Анцыны, по-всему, потомки «немчины» Анцы. Относительно некого Сеньки Борисова указано, что он калмык, как и Федько Кондратьев [3, с. 48–50].

Перечень «казаков литовского списка» г. Тобольска дополнялся списком рейтаров в 54 человека, в котором прослеживается сходство фамилий с казаками «литовского списка», а также и сходство фамилий конных казаков и казаков «литовского списка», что является показателем службы представителями одного служилого рода в разных подразделениях сибирского «войска».

Исчезновение казаков «литовского списка» соотносится с первой четвертью XVIII в., с изданием ряда указов 1711, 1712 гг. [11, с. 590, 615, 779], установивших относительно тех, кто «не в офицерах, или без отъезда, в других делах привязаны», «тем как рекрут, так и подати всякие давать», что означало их фактическое приравнивание к податному сословию. Составленные штаты 1725 г. не предусматривали деления казаков на списки [12, с. 143, 144]. В это же самое время прекращается упоминание «литвы» [13, с. 26, 27].

Казаки «литовского списка», как и «литва» вообще, сыграли важную роль в истории Сибири, прежде всего потому, что выполняли, наряду с детьми боярскими, а при выполнении военных операций – служивыми татарами, самые сложные виды «государевой» службы, связанной с «отъезжими службами», являвшимися наиболее обременительными и опасными. По источникам прослеживается участие казаков «литовского списка в окончательном разгроме кучумовичей; в операциях по противодействию калмыкам, киргизам; несение службы «в калмыцких улусах»; осуществление защиты слобод от набегов; наиболее частое участие в походах на «Улутовы горы и вверх по Тоболу реке», «на Уральские горы», «в Томский острог» и т.д.; в походах «в ясашные волости для высылки всяких ясашных людей с ясаком», «на Ямыш-озеро по соль», что считалось насколько важным и настолько же опасным предприятием [14, с. 117, 120, 123-125]. Очень часто, если не преимущественно, они сопровождали посольства в Даурию, выполняли наиболее опасные поручения «присмотра неприятельских лошадей казачьей орды», отбивали «русских полоняников» [15, с. 832], а также сопровождали посольства в Москву, участвовали в экспедициях на Тунгуску (1620-е гг.), Чукотку (1740-е гг.), обеспечивали проведение переписей населения [13, с. 18, 19, 21].

Кроме того, казаки «литовского списка» становились основателями сибирских служилых династий[16, с. 57-67]. Выполняя сложные государственные поручения, имея хороший военный опыт, грамотность, продвигались по службе нередко более успешно, верстались в высшее звено служебной иерархии в Сибири – в «дети боярские», из которых в последующем вели происхождение и часть сибирских дворян. Казаки «литовского списка» сыграли важную роль в освоении края, являясь владельцами

деревень, направляясь на службу в разные вновь созданные остроги.Иноземный элемент в целом, как и казаки «литовского списка», внесли существенный вклад в формирование населения Сибири, о чем свидетельствуют, прежде всего, списки населения сибирских городов [8, с. 133].

Прослеженные нами судьбы ряда служилых родов из числа казаков «литовского списка» г. Тобольска показывают, что на протяжении XVII-XX вв. выходцы из казаков «литовского списка» проживали в городе или в его окрестностях. Службу несли в казачестве, но в XIX в. лишь немногие, из бывшего списка казаков «литовского списка» находим только Любимских, Анцыных, Волковых, Лавриновых, Волошаниных, Ушаровых [17]. Численное увеличение родов, соотносимых с казаками «литовского списка», прослеживается в разных показателях. Так, Крушинские в начале XX в. жили под Тобольском, численно увеличившись за три века всего до 19-ти человек [*подсчит. по:*18]. В то же время, некогда связанные с казаками «литовского списка» Волковы проживали в д. Волковой, их бывшей владельческой, насчитывали более 300 человек [16]. Значительная часть потомков казаков «литовского списка» отмечалась в крупных поселениях под Тобольском, в самом г. Тобольске. Анализ метрических книг отражает особенность брачных отношений у потомков казаков «литовского списка», чаще всего между исторически взаимосвязанными селами и слободами, или исторически долговременными служилыми родами, что позволяло сохраняться типичному славянскому облику представителей родов [8, с. 133].

Казаки «литовского списка» как категория служилых людей Сибири просуществовали с начала XVII в. до первой четверти XVIII в., составляя важное звено сибирского войска, следующее в служилой иерархии за детьми боярскими. Наделяясь высокими денежными окладами, «литовского списка» казаки были связаны с наиболее сложными видами «отъезжих служб», активно участвовали в колонизации и освоении края, формировании системы управления территорией, сохраняясь во времени, вошли в состав населения региона.

1. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии районов Сибири и Средней Азии. Вып.1 / сост. Г. Е. Катанаев. СПб.: Типография В. А. Тихонова, 1908. 115 с.
2. Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. СПб.: тип. Н. Н. Скороходова, 1907. 395 с.
3. Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1885.163 с.
4. РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Опись.1. Книги. Д.3. Л.85.
5. Книги разрядные по официальным спискам изданные по высочайшему соизволению II отделения Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1855.Т.2. 718 с.
6. Колева Г.Ю. Иноземный контингент в составе служилых людей Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С.118-127.
7. Бобржинский М. Очерк истории Польши. СПб.: изд. Л. Ф. Пантелеева, 1891. В 2-х т. Т.2. 348с.
8. Колева Г.Ю. Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. Октябрь. С.127-136.
9. Реестровое казачество// БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т.21. 640с.
10. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография Собственной его императорского Величества канцелярии, 1891. Т.2. 438с.
11. ПСЗРИ. Т.IV. 1700-1712 гг. СПб., 1830. 881 с.
12. История казачества Азиатской России. В 3-х тт. / гл. ред. В.В. Алексеев. Т.1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: УРО РАН, 1995. 316 с.
13. Филь С.Г. Гуманитарные арабески о польском и русском наследии. Тюмень: Вектор Бук, 2010. 560 с.
14. Тюмень в XVII столетии: собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей П.М. Головачева / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и К°, 2004. 200 с.
15. ПСЗРИ. Т.XVI (28 июня 1762 -1764 гг.). СПб., 1830.1016 с.
16. Колева Г.Ю. Отголоски эпохи сибирского «взятья»: Волковы из деревни Волкова у озера Волково // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С.57–67.
17. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-472. Оп.1. Д. 2.
18. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 203. Л.1 об.

ТОБОЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ (1919-1923 ГГ.)

М.А. Корельцева
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Проблема становления советской пенитенциарной системы является актуальной с точки зрения необходимости реформирования российской пенитенциарной системы на современном этапе и расширения наших представлений о направлениях и формах репрессивной политики в послеоктябрьский период истории страны. Изучение процесса становления и функционирования пенитенциарных учреждений советского периода позволяет понять сущность советской системы, тоталитарного режима власти.

15 апреля 1919 г. публикуется постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», которые стали создаваться губернскими ЧК во всех губернских городах и после организации переходить в подчинение местных структур НКВД – отделов управления [8, с. 79].

17 мая 1919 г. в постановлении президиума ВЦИК «О лагерях принудительных работ» подтверждается право губернских чрезвычайных комиссий на их создание, после чего эти места заключения должны были передаваться в ведение отделов управления местных исполнительных комитетов. Число заключенных в концлагере не должно было превышать 300 человек, главным образом для того, чтобы лучше организовать их охрану при организации работ вне лагеря [8, с. 79].

В Тобольской губернии лагерь был образован 1 ноября 1919 г. За время своего существования он имел разные названия, а именно: исправительно-арестный дом, исправительный дом, концентрационный лагерь, дом принудительных работ и т.п.

По данным на 7 октября 1920 г. в лагере содержалось: подследственных заключенных, обвиняемых в контрреволюции, числящихся за Тюменским губернским ЧК, – 9 мужчин и 6 женщин; за Тобольским политбюро – 25 мужчин и 2 женщины; обвиняемых в преступлениях, касающихся спекуляции – 5 мужчин. За народными судами и следователями числилось обвиняемых в убийстве, краже, курении – 10 мужчин и 2 женщины. За Тобольским отделом управления обвиняемых в саботаже и дезертирстве труда – 1 мужчина [4, л. 39].

Общее количество заключенных в лагере в 1920 г. насчитывало 60 чел., из них 50 мужчин и 10 женщин. Численность обслуживающих лагерь сотрудников надзора составляла 27 человек. Ежедневно выставлялась внутренняя и наружная охрана для наблюдения за жителями лагеря [4, л. 39].

Внутренний распорядок и дисциплина велись согласно инструкциям и циркулярам.

Коменданту лагеря предоставлялось право наложения дисциплинарных взысканий на заключенных в порядке, предусмотренном особой инструкцией. Комендант назначал и увольнял служащих лагеря.

Непосредственными помощниками коменданта лагеря являлись заведующий хозяйством лагеря и заведующий принудительными работами.

На плечах заведующего хозяйством лежало снабжение лагеря продовольствием, отоплением, освещением, заботы об одежде заключенных и тех из служащих, которым выдавалось казенное обмундирование, надзор за ремонтом помещения и ведение всей хозяйственной части лагеря [1, л. 4].

К обязанностям заведующего принудительными работами относились:организация работ заключенных, как в пределах лагеря, так и вне его;снабжение заключенных необходимыми для работ инвентарем, инструментами,

сырыми материалами и т.д.;наблюдение за своевременным и добросовестным исполнением работ и др. [1, л. 5].

Делопроизводство лагеря возлагалось на канцелярию, состоящую из делопроизводителя, казначея-бухгалтера, писцов (по расчету один писец на каждые сто человек заключенных) и машинисток (по расчету одна машинистка на каждые 300 человек заключенных).

Данные архивных материалов дают нам следующие сведения: при лагере в 1920 г. имелась канцелярия, состоявшая из двух человек –делопроизводителя и конторщика. По штату же требовались один бухгалтер, 2 счетовода, 3 конторщика и еще 2 делопроизводителя второго разряда [1, л. 6].

Тобольский лагерь принудительных работ имел 74 камеры для содержания заключенных, которые располагались в четырех корпусах, и 12 камер, в которых размещались мастерские. Особый корпус имел 12 камер, из них 8 были одиночными. Остальные три корпуса имели по два этажа. Первый корпус состоял из 20 общих камер, второй корпус имел 24 камеры, четыре из которых являлись одиночными; в третьем корпусе были размещены 18 общих камер.

Также на территории лагеря располагалась больница, которая состояла из четырех изоляторов и восьми палат [3, л. 6].

Объем всех камер Тобольского лагеря принудительных работ составлял 902,15м^3. Средний объем одной общей камеры – 13,9м^3, а средний объем одиночной камеры – 3,43м^3 [3, л. 7].

Заключению в лагерях принудительных работ подлежали «лица и категории лиц, относительно которых состоялось постановление Отделов управления чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов, коим предоставлено это право декретами и распоряжениями». Сразу же после водворения в лагеря заключенные немедленно привлекались к работам по требованию советских учреждений.

Лица женского пола и несовершеннолетние должны были содержаться в особых для каждой категории лагерях.

Лица, подлежащие заключению в лагерях, поступали в них вместе с копией судебного приговора или постановления, в котором указывались фамилия, имя и отчество заключенного, название учреждения, по постановлению которого препровожден заключенный, наименование преступления, за которое он осужден, время вынесения приговора и срок заключения [3, л. 5].

Немедленно по поступлению заключенного в лагерь сведения о нем заносились в особые карточки, составляемые в трех экземплярах, из которых один помещался в алфавитный реестр, другой хранился при деле заключенного, третий же препровождался в отдел принудительных работ.

Свидания с заключенными могли происходить только в воскресные и праздничные дни для ближайших родственников (жена, дети, отец, мать, братья и сестры) без особого разрешения.

Передача продовольственных продуктов отдельным заключенным не допускалась. Все переданные продукты должны были поступать в общий котел.

Интересен распорядок дня заключенных Тобольского лагеря принудительных работ.

Встав, заключенные должны были убрать свои постели, умыться, причесаться, привести себя в порядок, вычистить свою одежду и обувь и приготовиться к работе. Кроме того, они обязаны были произвести уборку камер и коридоров, а также и тех помещений общего пользования, которые не убираются специально назначенными уборщиками. Уборка производилась очередными дежурными, рабочий день которых

мог быть сокращен в зависимости от условий уборки, но не более, как на 2 часа [5, л. 5].

Содержащимся в общих местах заключения дважды в день полагалась горячая пища – обед и ужин. Кроме того, три раза в день, в определенное время, им отпускался кипяток для чая. Во время эпидемий кипяток мог отпускаться и чаще, если это требовалось по врачебно-гигиеническим соображениям [3, л. 5].

В Тобольском лагере принудительных работ вещевое довольствие выдавали нуждающимся заключенным, осужденным на срок свыше одного года, причем проработавшим в учреждениях и в организациях не менее 3-х месяцев. Особенно нуждающимся выдавали отдельные вещи под ответственность коменданта без соблюдения вышеизложенного. Арестантам выдавали исключительно те вещи, в которых они действительно нуждались, и только после проверки. При выдаче вещей старые отбирались, на них отмечалось, кому они принадлежат и ношеные вещи должны были храниться в течение 10-ти месяцев. По истечении назначенного срока все старые вещи поступали в мастерские на предмет утилизации [2, л. 7].Вещевое довольствие выдавалось по выписанному в лагере ордену за подписью коменданта.

Занятие заключенных работами имело воспитательно-исправительное значение. Государство ставило целью приучить и приохотить осужденных к труду, дать им возможность по выходу из места заключения жить трудовой жизнью. Вместе с тем труд, обязательный для каждого гражданина РСФСР, являлся обязательным и для заключенных. Содержание мест заключения должно было окупаться трудом самих заключенных.

Администрация лагеря принимала все меры к тому, чтобы все содержащиеся в месте заключения были заняты работами [5, л. 7].

Работы заключенных делились на внутренние и внешние.Внутренние, в свою очередь, включали в себя работы по хозяйству и в мастерских.

Хозяйственные работы имели своим назначением удовлетворение повседневных потребностей места заключения и разделялись на платные и бесплатные в зависимости от того, исполняют ли их заключенные в качестве постоянного занятия, как, например, хлебопеки, кашевары, прачки, ламповщики т.п., или же они назначаются на работы временного характера по очереди (для подметания дворов, уборки снега, колки дров и т.п.). Работы в мастерских организовывались хозяйственным способом. В первую очередь труд заключенных обращался на удовлетворение потребностей лагеря, нужд других мест заключения и советских учреждений [5, л. 8].

Заказы центрального карательного отдела на изготовление предметов вещевого довольствия для мест заключения республики, распределяемые отдельными местами заключения, должны были исполняться вне очереди.

На внешние работы назначались заключенные, не дающие повода опасаться с их стороны побега. Не назначались на внешние работы, осужденные за бандитизм и разбой.

В лагере была построена культурно-просветительная работа: при нем имелась библиотека, в которой имелось 440 экземпляров книг неполитического содержания. Ежедневно заключенные получали местные газеты (20 номеров), а также газеты из центра (2–3 раза в неделю) [3, л. 40].

В 1921 г. в лагере силами администрации была открыта школа I ступени с двумя группами: для совершенно неграмотных (24 чел.) и малограмотных (16 чел.). Учителя назначались из числа заключенных, а также приглашались через городской отдел народного образования.

Арестантам была предоставлена возможность получить рабочую специальность на курсах строителей-техников, счетоводов, электромонтеров.

В помещении церкви Александра Невского был устроен тюремный театр. Также в тюрьме был организован хор, балалаечный оркестр, спортивные кружки.

Таким образом, Тобольский лагерь принудительных работ, просуществовавший с 1 ноября 1919 г. по 1923 г., был типичным пенитенциарным учреждением периода начала становления советской тоталитарной системы и установления диктатуры партии РКП (б). В нем отбывали наказание лица, совершившие «различные преступления» против революции, большевистской власти, а также «проститутки, заведомые угнетатели, эксплуататоры народного труда и приверженцы буржуазного и царско-дворянского строя». Численность заключенных составляла в разное время от 50-ти до 600 человек. Среди арестантов было много священников, женщин и детей.

Основными функциями лагеря были изоляция потенциально опасных для молодой советской власти представителей оппозиции, их идейное «перевоспитание» через труд и культурно-просветительскую работу.

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 168. Оп. 1. Д. 16.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 168. Оп. 1. Д. 17.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 168. Оп. 1. Д. 19.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 168. Оп. 1. Д. 20.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 168. Оп. 1. Д. 37.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 168. Оп. 1. Д. 41.
7. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учеб.М., 2006. 720 с.
8. Рубинов М.В.Становление и развитие советской пенитенциарной системы 1918-1934гг. (по материалам Урала) / Автореф.дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 2000. 31 с.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ АЛТАЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

А.Е. Кухаренко, Л.С. Тихобаева
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Комплексное исследование развития территории Алтая в XVIII– начале XX в. немыслимо без анализа его пространственно-географических параметров, без изучения представлений людей о них, без рассмотрения данных процессов в исторической динамике. Этому направлению, на наш взгляд, еще предстоит пройти путь становления и формализации, а также выступить центром объединения различных исследовательских дисциплин, например, исторической географии, картографии, истории природно-географического, экологического и антропогенного развития территории в их отдельном и комплексном рассмотрении, экономической географии, управления и организации пространства со стороны участников его освоения и др. Потребуется рефлексия по многим вопросам из перечисленных областей знания и построение различных смысловых конструкций, включающих определенное пространство не только как реальный и преобразуемый объект окружающего мира, но и как мыслительный объект, для чего необходимо заняться его теоретико-методологической, терминологической и методической разработкой.

Одним из аспектов данного исследовательского направления является изучение историко-географических образов Алтая, под которыми на данный момент мы понимаем личностные и индивидуальные представления, взгляды, впечатления, мысли, термины, смысловые конструкции людей в отношении исторического развития и взаимодействия природно-географических явлений, объектов и условий с жизнедеятельностью человеческого общества на определенном локальном

пространстве, а также процесса управления и организации пространства участниками освоения локальной территории. В настоящий момент в центре нашего внимания находятся природно-географические образы, созданные учеными, путешественниками, чиновниками, так как они в большей степени оказались формализованными и доступными в виде текстовой и картографической информации. Данную статью следует рассматривать как постановку вопроса и попытку выработать методологические и методические рекомендации для теоретической и в большей степени практической работы по анализу историко-географических образов.

Прежде всего, необходимодать ответ на вопрос, что собой представляет сам объект изучения. Образ той или иной территории, обладающей определенной целостностью и единством, формируются из совокупности различных впечатлений, представлений, которые мы приобретаем в процессе накопления своего жизненного, профессионального, исследовательского и другого опыта, а также благодаря коммуникации с другими людьми. В результате, если объем личностной информации позволяет, то человек приобретает цельный взгляд на некоторую территорию, которая становится для него важной мыслительной точкой, позволяющей ориентироваться в пространстве и своих действиях. Таким образом, представления о географической территории носят субъективный, личностный характер, опирающийся на информацию, которая поступает к человеку по разным каналам, то есть как от объектов реального мира и своего преобразования этих сведений, так и от информационно-коммуникационного обмена с другими людьми и продуктами человеческой деятельности в виде книг, карт, описаний, текстов и т.д.

Аналогичным путем каждый ученый, путешественник, чиновник вырабатывал свое индивидуальное, субъективное мнение об историко-географическом пространстве той местности, с которой он познакомился в ходе поездки и затем выразил его с помощью образов в своих записках, дневниках, научных работах, обзорах и прочих текстах. Если говорить об обществе в целом, то совокупность таких субъективных представлений и их циркуляция формировали доминирующие взгляды на территорию у определенной группы людей. Причем, очевидны принципиальные отличия представлений об Алтае у жителей самого края или москвичей, петербуржцев, уральцев. Население Алтая также не представляло однородную массу, а делилось на разнообразные группы, которые обладали различными взглядами на окружавшее их пространство. При этом образы отдельных людей и групп неизбежно находились в сложном взаимодействии, существуя параллельно, дополняя и конкурируя друг с другом. Тем самым, исследование историко-географических образов должно осуществляться в контексте изучения «личность-группа», где указанная связь является диалектичной и взаимной, а понятие «группы» может быть самым разным, в том числе и представлять собой довольно сложный, иерархичный объект. Занимаясь выявлением представлений личности об определенном пространстве, мы также должны анализировать их в контексте «личность-группа» и на основе данных выявлять характер взаимодействия в рамках этой структуры.

Таким образом, изучая субъективный взгляд человека на окружавшее его пространство, мы исследуем его историко-географические образы, положение человека в этом пространстве, где «география» описывает всю совокупность свойств и условий окружающего мира, а «история» рассматривает территорию в контексте взаимодействия с человеком и помещает это взаимодействие в историческую, временную протяженность. В результате «история» в широком смысле описывает человека, «география» – доступное пространство, а историко-географическое исследование изучает человека в пространстве.

Предпринимая следующий шаг, необходимо разбить историко-географическое пространство на базовые составляющие. Первый его элемент – это само

географическое пространство и его эволюционная динамика во всей совокупности и временной протяженности. Второй элемент представляет собой взаимодействие между географическим пространством и человеком в определенной эволюции. Он находится в фокусе изучения многих дисциплин и направлений, с которыми должны пересекаться и историко-географические исследования, например, экономическая география, экология, понятие ноосферы и пр. Третий элемент – это весь комплекс информации и представлений людей в отношении состояния, структуры и эволюции двух предыдущих компонентов рассматриваемой конструкции, а также по отношению к себе самой в исторической и эволюционной протяженности.

Что представляет собой такая историко-географическая конструкция? Получается, что это пространство, которое лежит между идеальной, объективной, существующей вне человека реальности, и собственно человеческим обществом в целом, и каждым индивидом в отдельности. Но все это историко-географическое пространство является идейно-смысловым продуктом, матрицей, моделью (как угодно) самого человека с разной градацией его отношения к реальности. Надо признать, что наши представления о первом элементе стремятся максимально приблизиться к объективной реальности, о третьем – максимально отдалиться от нее, а о втором – лежат между ними. Эта модель описывает процесс проецирования объективной, идеальной реальности в человеческое общество и мышление отдельного индивида.

Ценность предложенной модели теоретико-методологических построений состоит в том, что она объясняет место нахождения объекта исследования в третьем элементе конструкции. Это означает, что, занимаясь изучением историко-географических образов, мы исследуем образ образов как систему, которая не может выходить за пределы контекста изучения представлений человека о географии как таковой. При этом историчность присутствует на каждом этапе исследования – знание, система человек-природа и представления людей рассматриваются в исторической протяженности.

Переходя к более точной формулировке объекта исследования, мы видим, что третий этап приведенного выше построения можно тесно связать с явлением, которое носит название «картина мира». В нашем исследовании речь идет о «картине Алтая», которая, с одной стороны, является совокупностью образов, а с другой – сама по себе образ. Оба термина – «картина мира» и «картина Алтая» – уже по определению являются историко-географическими смысловыми конструкциями. Однако для решения методических задач, на наш взгляд, следует ввести и более узкое понятие «историко-географической картины», которое должно описывать положение и роль человека в географическом пространстве. Оно позволяет исследователю сосредоточиться на анализе осознания человеком географического пространства, выраженного в виде его представлений, мыслей, образов. Причем, если речь идет о «историко-географических картинах Алтая», созданных учеными, путешественниками, чиновниками, то в среднесрочной и долгосрочной перспективе они имели повышенное влияние и устойчивость в обществе в силу компетентности, осведомленности их творцов, высокой степени формализации образов в текстах источников и особой роли групп, к которым они принадлежали.

Находясь на первом этапе разработки конкретной методики изучения научной проблемы, мы решили сосредоточиться на тех положениях, которые, на наш взгляд, уже сейчас можно признать неотъемлемыми и важными компонентами историко-географического исследования.

Исходя из субъективной интерпретации людьми окружавшего их географического пространства, о чем речь шла выше, первым этапом историко-географического исследования должен стать «биографический» компонент, то есть

всестороннее изучение носителя «картины Алтая» и создателя источника, на основе которого предполагается реконструировать данную картину.

В «биографическом» компоненте нами выделены следующие направления деятельности по его изучению. Во-первых, непосредственная биография человека, позволяющая понять обстоятельства его жизни, которые формировали разнообразный опыт и характер мышления индивида. Это позволяет понять природу появления созданных им образов, тем более, что значительная, если не большая часть, образов формировалась с помощью сравнения.

Во-вторых, это максимально полное изучение контекста исследования, которое привело к созданию источника. Иначе говоря, требуется разобраться, с каким целями ученый, путешественник, чиновник проводил изучение территории, какие задачи перед ними стояли, кто выступал заказчиком информации, какие сведения им были переданы на предварительном этапе и с какими представлениями и образами об объекте изучения человек знакомился до момента появления личных впечатлений. Такая осведомленность способна сформировать платформу для дальнейшего конкретного изучения территории и возникшего на его основе текста, определить «предустановленный» контекст. Этот методический прием важен и с точки зрения его связи с «источниковым» сегментом, который не рассматривается в данной статье.

В-третьих, следует реконструировать непосредственную практику исследования территории ученым, путешественником, чиновником, так как она дает основание для понимания конкретных объектов окружающего пространства, с которыми познакомился автор источника. К сожалению, человек вынужден ограничиваться избирательным изучением окружающего мира, создавая образы и выстраивая картину на основе фрагментарных данных. Такая вынужденная избирательность играет важную роль в описании человеком цельной картины территории.

В-четвертых, требуется учитывать информационно-коммуникационный контекст практики исследования территории. Важно не толькогде человек ехал и что видел, но и с кем он взаимодействовал во время поездки, кто предоставлял ему информацию об окружающем мире.

В идеале надо стремиться заполнить все элементы «биографического» компонента, однако в реальности это не всегда возможно и тем более в полном объеме. Структура элементов «биографического» компонента, на наш взгляд, поможет компенсировать недостающую информацию, сформировать общий «биографический» компонент историко-географических образов и уяснить, насколько цельными были представления, взгляды конкретного исследователя территории и насколько всесторонней оказалась созданная им историко-географическая картина Алтая.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И УРАЛА*

В.В. Литовский, В.В. Левковский
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Попытки перехода от моноотраслевой модели развития в нефтегазоносных районах Западной Сибири в условиях санкций и импортозамещения ныне привели к

* *Публикация подготовлена при финансовой поддержке программы УрО РАН № 14 «Фундаментальные проблемы региональной экономики», проект №15-14-7-13 «Сценарные подходы к реализации уральского вектора освоения и развития российской Арктики в условиях мировой нестабильности».*

новому пониманию приоритетов и особенностей формирования инфраструктурного пространства региона в контексте улучшения его связности с Уралом.

Принятое решение о переориентации специализации с добычи углеводородов на переработку для региона оказалось правильным, но требует и совершенствования транспортной логистики. Обусловлено это тем, что газопереработкой на территории ЯНАО занялись ныне не только Пуровский завод (ООО «НОВАТЭК − Пуровский ЗПК»), но и ряд других предприятий, входящих в состав компании ЗАО «СИБУР Холдинг», например, Губкинский, Муравленковский и Вынгапуровский газоперерабатывающие заводы. Исходно это было обусловлено проблемой утилизации попутного нефтяного газа и транспортировки легких углеводородных фракций в Тобольск, где на предприятии ООО «Тобольск-Нефтехим» поступившие по трубопроводу фракции легких углеводородов было решено перерабатывать в полипропилен и полиэтилен. В итоге вертикально интегрированными компаниями была выстроена производственная цепочка от геологических изысканий и добычи сырья в ЯНАО и ХМАО до утилизации факельных газов и переработки углеводородов в Тобольске в пластмассу (11 миллионов тонн в год). Создание такой системы стало важным этапом в диверсификации экономики Западно-Сибирского региона. С учетом же вывода «Газпромом» в ЯНАО на полную мощность месторождения «Заполярное» и предположительным запуском в 2016 году Новоуренгойского газохимического комплекса, ее создание поставило проблему вывоза из арктической зоны конечной продукции. А это, в свою очередь, породило проблему диверсификации грузопотоков из Тобольска в промышленные регионы, включая Урал.

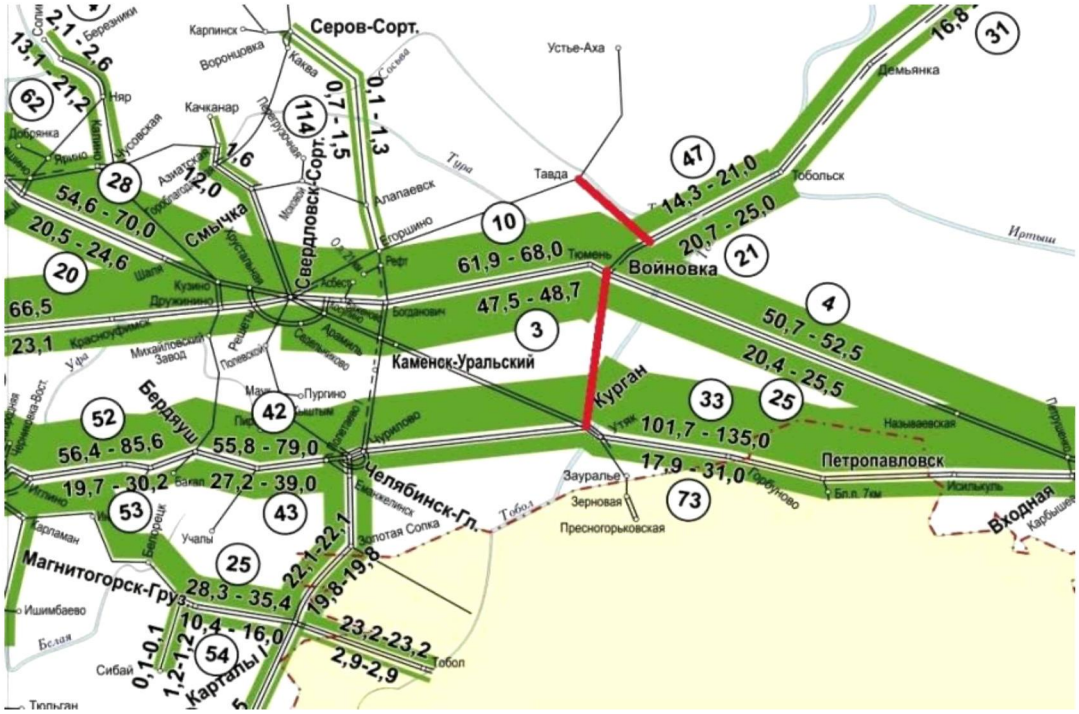

Рис. 1. Ожидаемый рост грузопотоков на Тюменском участке Свердловской железной дороги в период с 2008 по 2015 гг.

Таким образом, уже сейчас следует самым серьезным образом учесть рост грузонапряженности из-за потребности в транспортировке продукции западносибирской нефтехимии. Стало быть, необходимо прорабатывать и оптимальную пространственную схему перевозок и инфраструктуры. Очевидно, что

такая инфраструктура с учетом современных реалий должна отвечать не столько задачам международного транзита углеводородов, сколько задачам внутреннего регионального и межрегионального развития.

К сожалению, запланированные железнодорожные коммуникации в Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г. этому не отвечают [3]. В частности, в ней главный акцент по-прежнему сделан на приоритетное строительство Северного широтного хода от Надыма до Салехарда, потенциальная грузовая база которого на Тюменском участке к 2016 г. оценивалась в 6 млн тонн (*рис. 1).*

Особо критичным в перспективе в этом аспекте оказывается участок от Тюмени до Екатеринбурга. Обусловлено это вводом в действие Тобольского нефтегазоперерабатывающего комплекса и новых мощностей, например, на Антипинском нефтеперерабатывающем заводе (7,5 млн тонн), резко увеличивших нагрузку на железнодорожную линию Екатеринбург – Тюмень – Тобольск – Сургут – Надым.

В этой связи для «расшивки» Тобольско-Тюменского узкого места требуются срочные меры по решению проблемы. Иначе продукция южно-ямальских и сибирских месторождений углеводородов начнет испытывать проблему транспортировки и сбыта в промышленные регионы, в частности, в Свердловскую область.

Одним из вариантов решения этой проблемы может быть развитие значимых и коротких грузообразующих региональных и межрегиональных ходов с использованием средств не только основных и инвестиционных федеральных и региональных фондов, но и заинтересованных нефтегазодобывающих компаний. В частности, для организации наиболее значимых и коротких грузообразующих региональных и межрегиональных ходов с Урала на северо-восточном направлении (Тюменская область, ХМАО, ЯНАО) могла бы стать инвестиция средств в один из оптимизированных вариантов линии Тавда-Тобольск, длиной от 100 до 200 км для разгрузки вышеуказанного «узкого места» на участке Тобольск – Тюмень [4; 5].

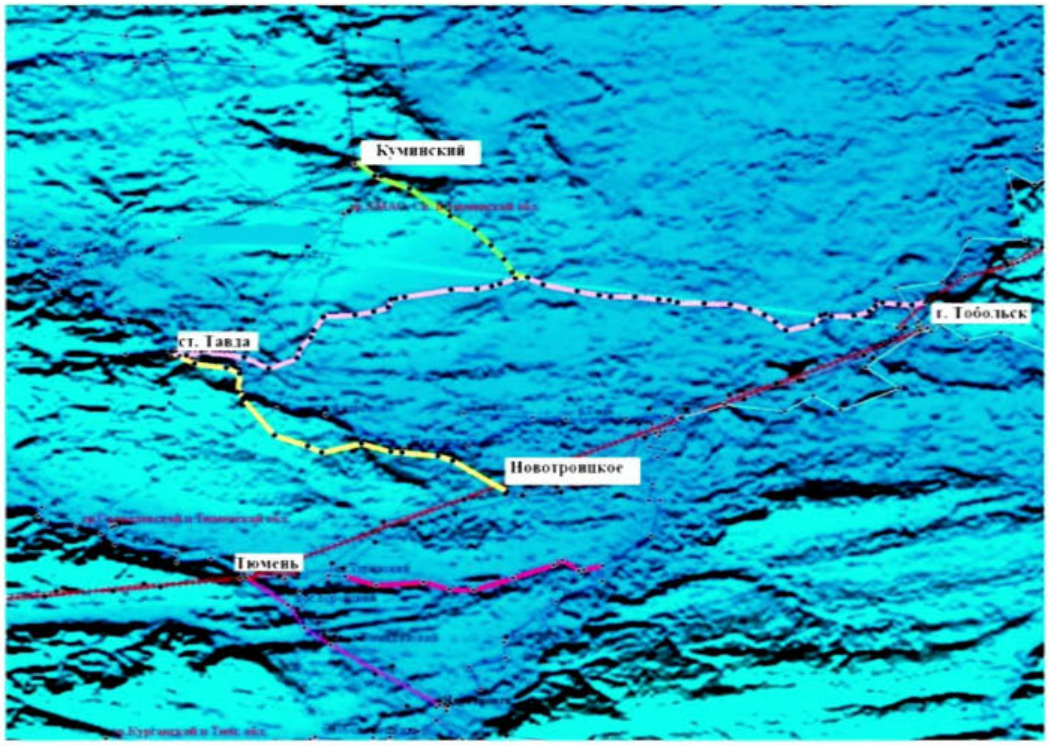

Рис. 2. Варианты связывания Тобольска и Тавды (Литовский В.В., 2013)

В работе [4] нами предлагалось три варианта такой линии: непосредственно от Тавды до Тобольска, а также два варианта экономически менее затратных укороченных связок: Тавда – Картымская и Тавда – Сетово. Из них, по географо-геофизическим соображениям, оптимальной представлялась связка Тавда – Картымская. Позже стали рассматриваться и другие варианты, которые отвечают интересам не только Тюменской области, но и потребностям комплексного развития межрегионального взаимодействия Свердловской области, ХМАО и Тюменской области. В частности, было предложено еще три варианта (*рис. 2*): пространственно откорректированной линии Тавда – Тобольск длиною в 214 км (розовая линия) с вариантом альтернативного Тавде хода на Куминский (зеленая линия, 67 км), а также ход от Тавды к Новотроицкому (желтая линия, 115 км).

В перспективе данная линия могла бы быть дополнительно загружена лесными грузами северо-востока Свердловской области и потенциально нефтепродукцией Ереминской площади. Линия позволяет также загрузить малодеятельный участок дороги от Тавды к Алапаевску и Нижнему Тагилу, а, в целом, участок Каменск-Уральск – Богданович – Егоршино – Алапаевск – Смычка.

К сожалению, «Транспортная стратегия ЯНАО до 2020 года», разработанная ОАО «Сибирский научно-аналитический центр», не учла этот вариант усиления транспортной интеграции с Уралом, тогда как специалисты ОАО «Уралгипротранс» имеют сходную с нами позицию, ссылаясь на Генеральную схему развития железнодорожного транспорта на 2015-2030 годы [6]. В ней указывается не только на необходимость усиления Транссиба, но и на необходимость развития Северо-Сибирской магистрали. Эта дорога наряду с железнодорожной линией Нижневартовск– Белый Яр – Усть-Илимск призвана диверсифицировать западный ход из Сибири по трем направлениям:

– северному ходу: Ульт-Ягун – Новый Уренгой – Обская (после строительства однопутной линии Новый Уренгой – Надым – Салехард – Обская с мостом через р. Обь в районе Салехарда);

– по центральному ходу:Ульт – Ягун – Сургут – Салым – Приобье – Гороблагодатская – Пермь (после строительства линии Салым– Ханты-Мансийск– Приобье);

– по южному ходу: от Ульт-Ягуна к Сургуту и Тобольску – Тюмени (по завершению развития железнодорожной инфраструктуры участка Тобольск – Сургут, включая строительство сплошного второго пути).

Однако с учетом событий последнего времени [6] и ожидаемого завершения к 2018 году строительства сплошного второго пути на участке Тобольск – Сургут в рамках Севсиба актуальным оказывается перемещение транзитных грузов лишь на южный ход.

Вместе с тем, из-за возрастания грузопотока с севера, включая Тобольск, Тюменский участок требует разгрузки, строительства из Тобольского района железнодорожного хода на Тавду, Туринск, Алапаевск и Смычку с обходом Перми в направлении Кукуштан– Пибаньшур.Это не только позволит снизить нагрузку на особо напряжённые участки и крупнейшие железнодорожные узлы Транссиба – Тюменский, Екатеринбургский и Пермский, но и позволит развиваться территориям, где пройдёт указанная линия (*рис. 3*). Естественно, что она должна быть построена до создания Севсиба на его восточном участке, поскольку это обеспечит пропуск дополнительных грузов с тюменского Севера, позволит отказаться от строительства третьего пути на участке Богданович– Тюмень.

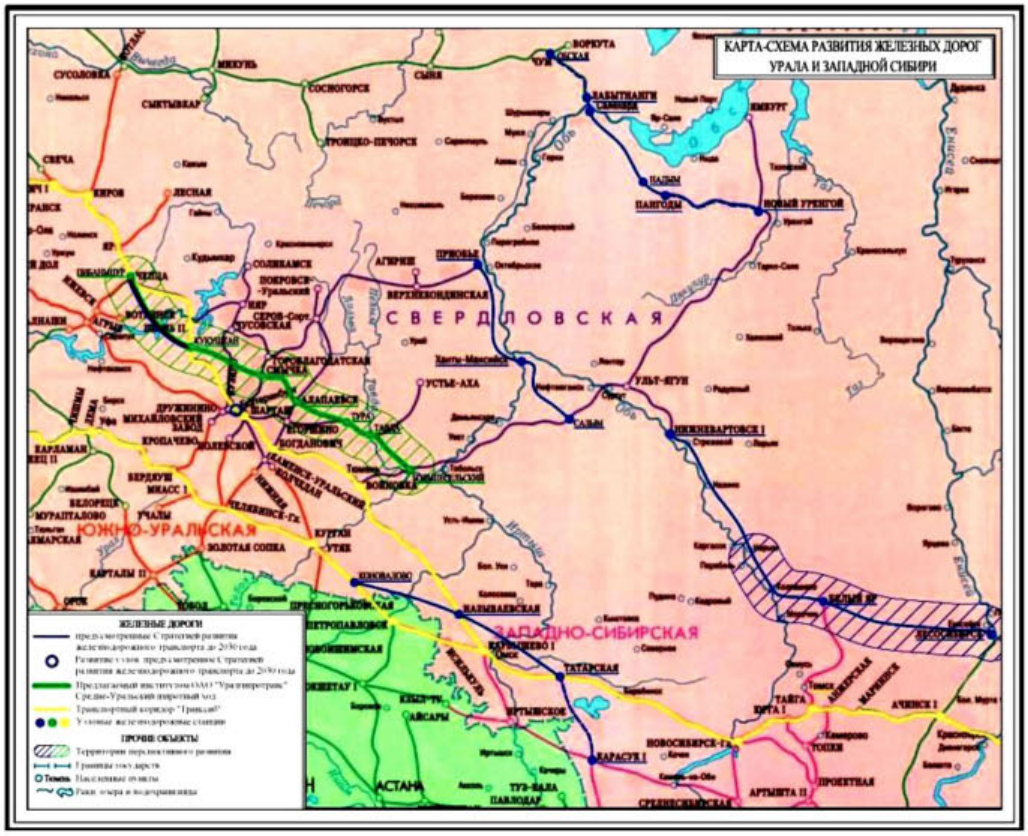

Рис. 3. Карта-схема развития железных дорог Урала и Западной Сибири (ход Тобольск – Тавда – Смычка выделен зеленой линией, а коридор развития выделен в контуре зеленой штриховкой)

Продвижение грузов из района Сургута через Урал в европейскую часть России (и обратно) через Тобольско-Тавдинское направление может оживить как минимум 100-километровую полосу вдоль новой железной и автомобильной дороги. Этот коридор наряду с уже реализуемым проектом государственно-частного партнерства между ОАО РЖД и ОАО «НОВАТЭК» – «Развитие железнодорожной инфраструктуры участка Тобольск– Сургут Свердловской железной дороги» (создание второго пути с пропускной способностью участка к 2018 году до 69 пар поездов вместо нынешнего показателя в 35-38 пар) позволил бы диверсифицировать схему транспортировки грузов на Урал из ХМАО и ЯНАО. Таким образом, нами с учетом коррекции по участку Тобольск – Тавда предложено поддержать принципиальные соображения специалистов «Уралгипротранса» [6]: включить в Стратегию развития железнодорожного транспорта до 2030 года пункт о создании дополнительного Средне-Уральского широтного хода, связывающего Западную Сибирь с Центром и Северо-западом России– с выходом из района Тобольска через Тавду, Туринск, Алапаевск и Смычку, посредством строительства линии Новотроицкое или Большесельский – Тавда.

1. Программа социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012-2016 годы. URL: http://de.gov.yanao.ru/doc/soc_eco/programma_2012-2016/prezent.pdf (22.01.2015).
2. Собственная добыча и продажи газа «Итерой». URL: http://blogivg.wordpress.com/2013/06/ (22.01.2015).
3. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года. URL: http://doc.rzd.ru/doc/public/ru?STRUCTURE_ID=704&layer_id=5104&id=3997 (дата обр.: 22.01.2015).
4. Литовский В.В., Левковский В.В. Стратегические приоритеты формирования конкурентных преимуществ УрФО путем развития механизмов и моделей территориального планирования и размещения объектов инфраструктуры // Журнал экономической теории. 2013. №3 (33). С. 81–96.
5. Литовский В.В. Проблемы пространственного формирования опорного транспортного каркаса Урала: мегапроект «Урал промышленный – Урал Полярный» // Транспорт Урала. 2011. №2 (29), с.3–9.
6. Евдокимов П.А., Беда В.Т. Запад-восток: объединяя страны и континенты. Интервью. 18.04.2014 // Дороги и люди / № 4(57) 2014. URL: http://www.uralgiprotrans.ru/ru/news/21 (дата обр.: 24.01.2015).

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ В XVI ВЕКЕ

С.Р. Муратова[1], З.А. Тычинских[1,2]
[1]Тюменский государственный университет, г. Тюмень
[2]Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Оборонительные укрепления, сооружаемые государством для защиты от врага стратегически важных пунктов, называются *долговременной фортификацией.* Они сооружаются в мирное время и должны быть достаточно прочны для того, чтобы противостоять атакам врага. Предполагалось, что такие укрепления могут быть захвачены противником лишь с большими потерями [11, с. 3].

Отечественные сибиреведы советской эпохи историю фортификационных сооружений рассматривали с XVI века, т. е. с момента появления на территории Западной Сибири первых русских укреплений – Тюмени и Тобольска. Но уже в дореволюционной историографии Г. Ф. Миллером [10], В. Н. Пигнатти [15], М. М. Знаменским [4], А. А. Дмитриевым [3] и др. были поставлены вопросы о существовании в Сибирском ханстве, «взятом» Ермаком, оборонительных укреплений.

Современные отечественные сибиреведы проявляют достаточно большой интерес к исследованию оборонительных сооружений средневековья, а именно периода Сибирского ханства. Среди них отметим В. А. Могильникова [12, 13, 14], В. Е. Стоянова [17], Б. А. Коникова [7, 8], В. И. Соболева [16], А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова [9], А. П. Зыкова [5,6].

В частности, В. И. Соболев, опираясь на работы М. Г. Рабиновича, Б. А. Рыбакова, В. В. Карлова, выделяет *города* и *городки* [16, с. 230-233].Выделение этих двух типов укреплений – городов и городков – не случайно. Средневековые татарские города Искер, Чимги-Тура, Тон-Тура, Кызыл-Тура являлись городами в полном смысле слова, выполняя как военно-административные, так и ремесленно-торговые и культурно-религиозные функции. Большинство же городков являлись резиденциями местной улусной знати, располагаясь на стратегически важных рубежах ханства. Они служили, прежде всего, как центры защиты, в которых укрывалось окрестное население в случаях угрозы нападения неприятеля. В связи с этим они были снабжены надежными деревоземляными оборонительными сооружениями – рвами, валом, крепостной стеной.

Анализируя русский феодальный город XVI–XVII вв., Р. Г. Буканова указывает, что «наряду с крупными торгово-промышленными поселениями со всеми атрибутами города классического типа существовали разнообразные промежуточные типы городских поселений, называемые в источниках «городами», «городками», «пригородами», «острогами», но совершенно отличавшиеся по своим функциональным признакам». Также исследователь отмечает бытование «частновладельческих городов, таких как Гурьев, Тихвин, Орел» и др. Вследствие этого Буканова выделяет следующие значения термина «город»:

– город как укрепленный пункт;

– город как укрепленный пункт и прилегающие к нему торгово-промышленные поселения;

– торгово-промышленные поселения – посад, слободы, прилегающие к укрепленному пункту, который к рассматриваемому времени разрушился и утратил свое назначение;

– территория, подведомственная в административно-финансовом отношении «городу» [2, с. 3].

Пользуясь методологией, предложенной В. И. Соболевым и Р. Г. Букановой, выделим в Тоболо-Иртышье в XV–XVI вв. крупные столичные города (по меркам того

времени): Чимги-Тура (Чинги-тура), Искер (Сибирь, Кашлык). Чимги-Тура, столица Тюменского ханства, находилась на территории современного города Тюмени. Искер, столица Сибирского ханства, располагался на Иртыше чуть выше устья Тобола, рядом с современным г. Тобольском. Это были города с мощными укреплениями, стоявшими на коренных террасах рек. В источниках они упоминаются как «град» или «город».

Чимги-Тура– столица Тюменского ханства, располагалась на правом берегу р. Туры при устье р. Тюменки. Городок с двух сторон была окружен глубокими оврагами, разрезающими террасу, а с третьей укреплен мощными валами и рвами. Городские укрепления состояли из трех линий. Общая площадь поселения составляла не менее чем 400 х 500 саженей или 400 тыс. кв. м, что значительно больше площади других западносибирских городов и подчеркивает выдающуюся роль Чинги-Туры в прошлом. В качестве столицы Чимги-Тура просуществовала два века и еще около трех четвертей столетия как рядовой торговый город.

Столицей Сибирского ханства был город Искер (Сибирь), обозначенный на средневековых западноевропейских картах XV–XVI вв. Во времена Сибирского ханства Искер представлял крепость с надежными защитными укреплениями. Город располагался на высокой надпойменной террасе Иртыша на треугольном мысу, образованном Иртышом и впадающей в него небольшой речкой Сибиркой. С третьей стороны от надпойменной террасы городище отделял еще один овраг. Исследования, проведенные на городище, показали, что кроме мощной системы природной защиты (со стороны Иртыша взойти на площадку городища невозможно, а со стороны Сибирки очень трудно) Искер был укреплен двумя рядами оборонительных рубежей, включающих деревянные рубленые башни и рубленные же стены, частично заполненные землей. Для своего времени это был один из самых мощно укрепленных городов Сибири. В октябре 1582 г. город был занят дружиной Ермака и впоследствии, возможно, между 1587 и 1590 годами, разрушен.

Кроме столичных центров – Искера (Сибири), Чимги-Туры, во времена Сибирского ханства существовал целый ряд сибирско-татарских городков. Все они упоминаются в сибирских летописях. Это Сузгун-Тура, Бицик-Тура, Явлу-Тура, Кызыл-Тура, Кысым-Тура, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак и другие. Таких укрепленных городков было достаточно много, поэтому башкиры называли своих восточных соседей, сибирских татар, «туралы», указывая на их оседлый образ жизни и проживание в городах [16, с. 232].

По мнению В. И. Соболева, в ханстве насчитывалось 135 населенных пунктов, из которых укрепления имели 56. Как считают А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров, в Сибирском ханстве насчитывалось 80 укрепленных пунктов. Н. А. Томилов утверждает, что даже упоминание о наличие 60 городков является явным преувеличением [9, с. 209-210].

Сибирские исследователи классифицировали города и городки Тоболо-Иртышья по месту их расположения:

- на высоких мысах, на краю коренного берега, на возвышениях-сопках [12];
- укрепленное (городище) и неукрепленное (селище) [17];
- мысовые, террасные и на останцах [7, с. 176];
- мысовые, равнинные и островные [16, с. 64].

Для строительства значимых городов выбирались места при слиянии двух рек, потому как последние служили для связи с другими частями государства, а также выполняли функцию торгового сообщения с соседними регионами. Анализ местоположения средневековых укрепленных городов показывает, что чаще всего они располагались на высоких мысах, и сам географический рельеф местности служил препятствием для неприятеля с трех сторон. Поэтому приходилось укреплять подход к крепости лишь с одной стороны. И именно с этой стороны крепости располагался посад

или форштадт – укрепленное поселение. Укрепления ставились и при отсутствии указанных особенностей местности. Одним из главных условий в данном случае являлось наличие воды, препятствием могли служить заливные луга, болотистая местность, возвышенность у озера или реки.

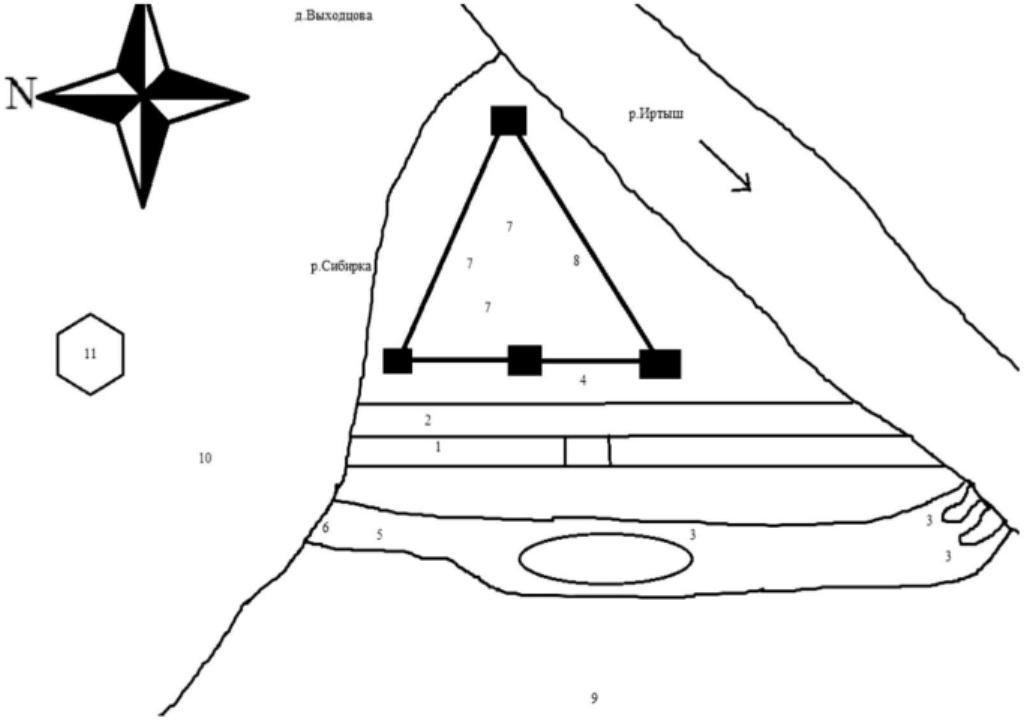

Рис. 1. План крепости Искер, составленный авторами, по топографическому описанию Л.Е. Плинера 1806 г. Под номерами на плане отмечены: 1 – земляной вал; 2 – ров с водой;3 – земляной вал; 4 – дорога (спуск к колодцу); 5 – мост к колодцу; 6 – колодец;7 – зинданы;8 – курган; 9 и 10 – форштадт; 11 – кладбище святых

В фонде военно-ученого архива РГВИА нами были обнаружены одни из немногих сохранившихся описаний средневековых укреплений Тоболо-Иртышья. Документы свидетельствуют об осмотре, проведенном в 1806 году. План проведенного осмотра приведен на *рис. 1*. Под номерами 9 и 10 отмечены так называемые форштадты – предместье города. По словам местных жителей, речка Сибирка в те времена не имела крутых берегов [1, лл. 2-2 об.]. Город располагался на высокой надпойменной террасе Иртыша на треугольном мысу, образованном Иртышом и впадающей в него небольшой речкой Сибиркой. С третьей стороны от надпойменной террасы городище отделял еще один овраг. Исследования, проведенные на городище, показали, что кроме мощной системы природной защиты (со стороны Иртыша взойти на площадку городища невозможно, а со стороны Сибирки очень трудно).

В настоящее время место расположения древнего городища в значительной мере утрачено. Однако находки, собранные на Искере исследователями, дают достаточно полное представление о традиционной культуре татар периода Сибирского ханства. На городище археологами выявлен мощный двухметровый культурный слой. Обнаружено много земледельческих орудий: железных сошников от плугов, серпов, кос-горбуш и каменных ручных жерновов. О существовании развитого ремесла в Сибирском ханстве – гончарного, ювелирного производства, ткачества, производства железа, свидетельствуют многочисленные находки железных орудий (наконечников стрел и копий, топоров, игл, удил и пр.), литейных форм, тиглей, обломков керамической, медной и чугунной посуды, перстней, бус, блях, напрясел и пр. [15, с. 13; 18, с. 56].

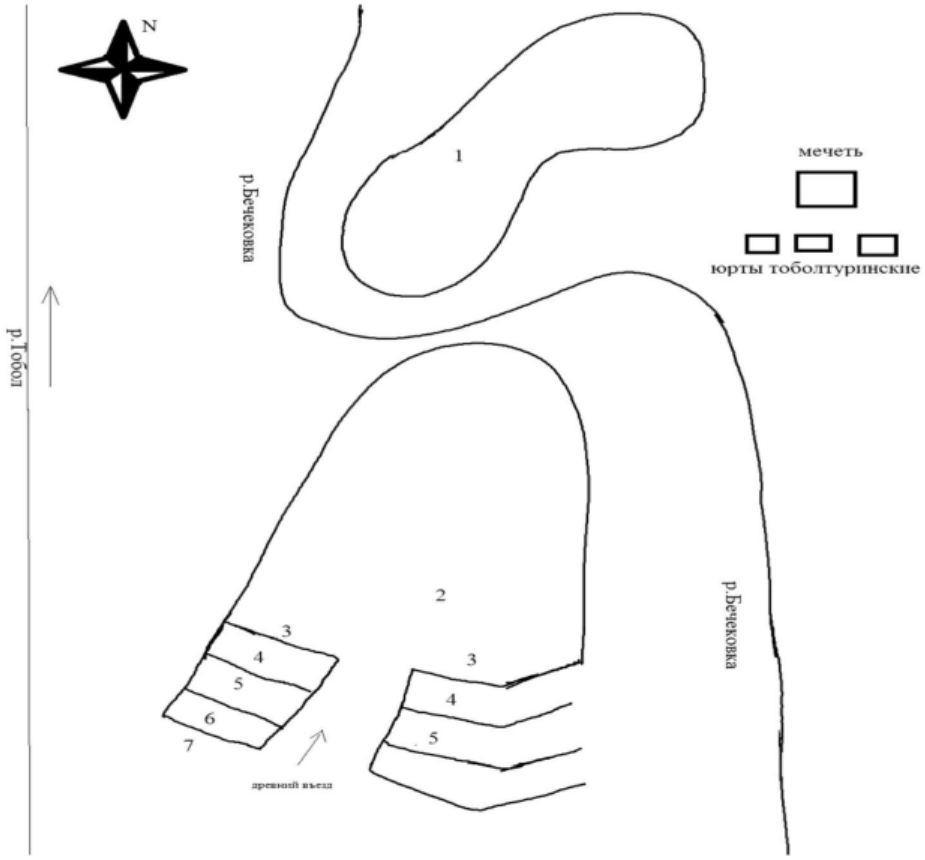

Рис. 2. План укрепления Кысым Тура, составленный авторами, по топографическому описанию Л. Е. Плинера 1806 г.На плане под номерами отмечены: 1 – бугор, местоположение укрепления; 2 – земляной вал; 3 – ров с водой.

От Тобольска в 50 километрах 350 метрах (50 верст) вверх по реке Иртыш на бугре находилось одно из укреплений Сибирского ханства – Кысым-Тура. Существует легенда, что этот бугор образован искусственно. Название укрепления прямо переводится как «городок дочери». По легенде девушки в своих подолах носили землю и образовали данный бугор, на котором стояло укрепление. Сам бугор высотой 10 сажень возвышался на лугу от берега Иртыша в полутора верстах, а от реки Вагая в 3,5 верстах. Поселение было укреплено двумя валами и рвами. Главный вал укрепления имел ширину 5,4 метра, высота на момент осмотра составляла 0,72 метра. Он был укреплен рвом шириною 6,48 и глубиною 1,8 метра. Второй вал шириною 2,16 и высотою 0,72 метра был усилен рвом таких же размеров, что и первый. Примерный план укрепления на рисунке 2 [1, л. 3].

От Тобольска в 48 километрах (45 верст) вверх по течению реки Тобола, на правом берегу находилось ещё одно укрепление, состоящее из двух частей: главного и форштадта. Главное укрепление – на увале высотою 8,64 метра. С запада от укрепления – река Тобол, с юга – речка Бечековка, с восточной стороны – лощина, с северной стороны на протяжении 432 метров до реки Тобола были луга. Въезд в главное укрепление был с восточной стороны. Оборонительная система главного укрепления не описана, возможно, была, но не сохранилась. О том, что это было достаточно сильно укрепленное поселение, свидетельствуют сохранившиеся оборонительные сооружения форштадта с южной стороны, который имел три линии земляных валов (первые два вала шириною не менее двух метров, сохранившаяся высота около 1 м) и укрепляющих их двух рвов – примерно шириною 6 и 12 метров. С запада, севера и востока форштадт

был укреплен естественной преградой – обрывами. Примерный план укрепления на *рис. 3* [1, л. 5].

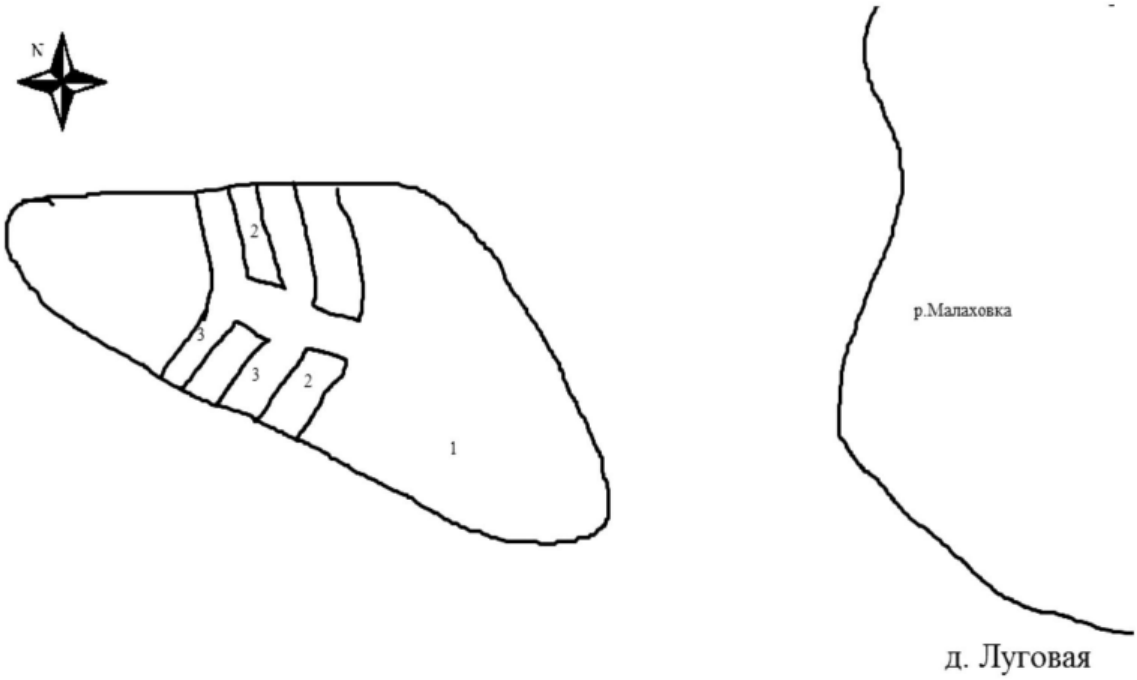

Рис. 3. План укрепления у реки Тобол, составленный авторами, по топографическому описанию Л. Е. Плинера 1806 г. На плане под номерами отмечены:1 – главное укрепление; 2 – форштадт; 3, 5,7 – вал; 4 и 6 – ров.

Таким образом, описания дореволюционных исследователей, путешественников, археологические изыскания современных ученых, а также описания, оставленные военными инженерами, позволяют говорить о наличии значительного числа укрепленных поселений на территории Тоболо-Иртышья в XVI веке. Среди них можно выделить два типа – города и городки, которые отличались размерами, функциональной направленностью, а также характером организации оборонительной системы.

1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22587.
2. Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI-XVII вв.уч. пос. Уфа, 1993. 86 с.
3. Дмитриев А.А. Кучумов Искер на Иртыше. Казань: тип. Имп. ун-та, 1899. 18 с.
4. Знаменский М. С. Искер. Тобольск, 1891.
5. Зыков А.П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник.2012.№ 3 (36). С. 145-153.
6. Зыков А.П. Городище Искер – остатки города Сибирь // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 112 – 121.
7. Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X-XIII вв. н.э. Омск: изд-во Омск. пед. ун-та, 1993. 224 с.
8. Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Наука, 2007. 466 с.
9. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань:«Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
10. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. М.: «Либерия», 1998. 416 с.
11. Митчель. Фортификация. М., 1940. 147 с.
12. Могильников В.А. Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I– начале II тыс. н.э. // История Сибири. Л., 1968. С. 303-306.
13. Могильников В.А. О времени заселения городища Искер //Тобольский хронограф. Сб. Вып. 4. Екатеринбург, 2004.С. 113-119.

14. Могильников В.А. О местонахождении Кызыл-Туры // Тобольский хронограф. Сб. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С.130-136.
15. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186 – 226.
16. Соболев В.И. История сибирских ханств. Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
17. Стоянов В.Е. Ранний железный век Западно-Сибирской лесостепи (Опыт классификации и периодизации). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.
18. Тычинских З.А. К вопросу о материальной культуре сибирских татар периода Сибирского ханства //Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 47-62.
19. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. Казань, 1977.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ФИННОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИЗ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ*

О.Н. Науменко
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Финляндия вошла в состав Российской империи в 1809 г. на правах автономии и получила особый правовой статус, который заключался в сохранении прежнего (шведского) законодательства. Оно во многом противоречило нормативной базе России, но сознательно признавалось и сохранялось для формирования дружественных отношений Великого Княжества Финляндского с имперским центром. Александр I сохранил Конституцию Финляндии; в Петербурге действовала Комиссия финляндских дел, в которой делопроизводство велось на двух государственных языках (русском и шведском), а в состав входили преимущественно финны. Это содействовало сохранению в Княжестве регионального законодательства.

Как следствие, применительно к началу XIX в. данных о поступлении в Сибирь ссыльных непосредственно из Финляндии нет, да и не может быть (есть данные о ссылке финнов, проживавших в других регионах России, в том числе прибалтийских, или жителях Княжества, совершивших преступления за его пределами). В Финляндии действовало свое уголовное законодательство, в котором ссылка в Сибирь отсутствовала. В 1824 г. Александр I еще раз подтвердил действие там шведского Собрания гражданских и уголовных законов 1734 г. [1, с. 75]. Однако на протяжении XIX в. происходило постепенное включение региона в систему уголовного законодательства Российской империи, расширение сибирской ссылки и применение каторги для его жителей.

Необходимо подчеркнуть, что за пределами Княжества в отношении финнов применялось исключительно российское законодательство. В частности, первые ссыльные финны прибыли в Сибирь из Санкт-Петербургской губернии [2, с. 326], и их правовой статус не мог отличаться от положения других ссыльных. В целом в сфере уголовного права Российское государство делило финнов на две категории, которые условно назовем «российскими» и «автономными», но с прибытием в Сибирь (в том числе в ходе миграции) эти различия нивелировались.

В связи с данными обстоятельствами, первоначальное переселение финнов из Великого Княжества Финляндского было связано не столько с уголовной и политической ссылкой, сколько с комплексом других факторов: экономических, хозяйственных, личных. В условиях присоединения к государству новой территории в любом случае идут миграционные процессы. Схожесть природных и климатических

* *Работа выполнена при поддержке международного гранта РГНФ № 15-03-00626*

условий, получение возможности осваивать природные богатства региона открывали двери для мигрантов из Прибалтики.

По всей вероятности, в начале XIX в. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии финнами-переселенцами была основана деревня Рыжково [3, с. 21]. Возможно, это произошло по начатой в 1799 г. программе заселения Сибири, согласно которой мигрантам бесплатно раздавалась земля. Однако взамен они должны были участвовать в исправлении ссыльных, которые обычно приписывались к местному крестьянскому обществу [5, л. 6]. Для д. Рыжково первоначально это сделать было сложно, т. к. основная часть ссыльных в Сибири относилась к православному вероисповеданию, и отдавать их под опеку представителям других конфессий запрещалось.

Косвенным подтверждением, что первые переселенцы в Рыжково могли поступить по программе заселения Сибири, является упоминание, что первоначально это были «несколько семей из помещичьих крестьян лютеранского вероисповедания» [4, с. 31]. Действительно, согласно программе 1799 г., каждый помещик должен был предоставить для заселения Сибири своих крепостных. Если русские помещики тут же избавились от умалишенных, психически и физически больных и престарелых крестьян, не способных работать (их в Сибирь поступали тысячи [5, л. 6]), то относительно представителей Прибалтики создается другое впечатление: представляется, что они исполнили императорский Указ в точности: в частности, крестьяне, поселившиеся в Рыжково, «были доброй нравственности и трудолюбивы» [4, с. 31]. О них сохранилось еще одно упоминание: по данным И.В. Лоткина, «…губернский евангелическо-лютеранский проповедник Ф. В. Майер в рапорте на имя генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда писал, что колония Рыжково была основана в 1805 г. помещичьими финскими крестьянами, которые с соизволения императора Александра I добровольно переселились в Сибирь из-за разногласий, возникших между ними и помещиками» [4, с. 30]. Такое явление нередко наблюдалось при заселении Сибири: в частности, крестьяне бежали туда от произвола помещиков, а у Тобольского Приказа о ссыльных была функция из розыска и возврата [5, л. 7].

Ситуация изменилась с воцарением Николая I. В Финляндии, как и в России, началась систематизация законодательства, однако открыто пойти на изменение уголовного права было чревато политическими последствиями: финны могли это истолковать как посягательство на их автономию. В итоге царь сделал умный и хитрый ход: он имел право на помилование приговоренных к смертной казни, после чего их отправляли в Сибирь, – эта практика и была распространена на Княжество. С 1826 г. мужчины, приговоренные к смертной казни в Финляндии, но помилованные, обязаны были отправиться на каторгу или пожизненную ссылку в Сибирь [6, с. 77].

Казалось бы, далеко не все преступники могли заслужить такую милость императора, но на практике явление приобрело массовый, системный характер, и с 1826 г. в Финляндии смертные приговоры за уголовные преступления перестали применяться вообще [7]. Это полностью соответствовало российскому законодательству, в котором смертная казнь предполагалась только за государственные преступления. Таким образом, уже через год после воцарения Николая II, без официального изменения уголовного законодательства Финляндии, без утверждения Сеймом каких-либо дополнительных правовых норм, без публичных споров и дискуссий юристов и политиков, в финском праве фактически начали действовать российские нормы о смертной казни, ссылке и каторге. Учитывая, что в довольно жестком уголовном праве Финляндии смертная казнь предполагалась за 68 видов преступлений, то нововведения не только фактически изменили уголовный закон Княжества, но укрепили доверие финнов к России, что имело политические значение. Кроме того, эти 68 видов совпадали с составами преступлений, за которые применялась каторга и ссылка по Российскому законодательству. Законность новой практики была

подтверждена нормативным актом от 2 июня 1826 г. «О судопроизводстве по преступлениям, чинимым обывателями Финляндии в России и жителями российских губерний в Великом княжестве Финляндском» [8, с. 560]. Таким образом, Уголовный Закон Финляндии быстро и завуалировано был унифицирован по российскому образцу. При этом присутствовало ярко выраженное гуманное начало: полагаем, что ссылка в Сибирь для преступника лучше, чем смертная казнь.

Именно к 1820-м гг. исследователи относят массовое прибытие ссыльных финнов в д. Рыжково [4, с. 33]. Более того, с 1829 г. в Западной Сибири активно началась реализация очередного проекта по исправлению преступников местным населением, и, судя по всему, Рыжково тоже попало под программу: «своих» преступников из числа евангелистов-лютеран теперь было достаточно. Согласно проекту, всех старожилов планировалось наделить дополнительно 15 десятинами земли, а они должны были взять под управление хотя бы одну семью ссыльных, поселить их рядом, обзавести хозяйством и исправлять их нравственность [5, л. 5-7].

Очередной наплыв ссыльных в д. Рыжково произошел после 1845 г., после принятия в России Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и расширения ссылки на жителей Княжества. В соответствии с Уложением 1845 г., в 1848 г. в Финляндии был принят закон, согласно которому в сибирскую ссылку, как и в России, могли отправляться женщины [6, с. 78]. Кроме того, в Финляндии бродяжничество не наказывалось смертной казнью, соответственно, не предполагало ссылку в Сибирь. В Российском законодательстве бродяги отправлялись на каторгу и в ссылку. Это несоответствие также было устранено Законом от 1848 г. [6, с. 78], Сибирь стала принимать финских бродяг. Кроме этого, был наведен порядок в механизме распределения ссыльных финнов по Сибири. До 1845 г. они добровольно приписывались к д. Рыжково [4, с. 32], но, полагаем, что их прошения носили больше «добровольно-принудительный» характер. Так как формально они не подлежали российскому уголовному законодательству, то на них повсеместно был распространен «исключительный» механизм назначения места ссылки, когда можно было проситься на поселение к родственникам, землякам и т.п. В 1845 г. по Указу Николая II все ссыльные лютеранско-евангелического вероисповедания в Западной Сибири обязательно приписывались к Рыжково [4, с. 32]. Поступив в ссылку, финны не приобретали каких-либо особых прав в силу действовавшей у них на родине Конституции. Они попадали под юрисдикцию Российской империи, и на них распространялись те же нормы, что на остальных осужденных.

В 1860-е гг. в Финляндии началась работа по созданию собственного Уголовного Уложения, в котором в 1888 г. вместо сибирской ссылки введено пожизненное содержание в финляндских тюрьмах. Внешне это было проявлением автономии в сфере уголовного права и попыткой воспрепятствовать политике императора. Однако ссылка как вид наказания уже изживала себя. В России в 1879 г. была начата тюремная реформа, по которой вместо ссылки вводилась сеть новых пенитенциарных учреждений. Первая редакция Уголовного Уложения Финляндии, Высочайше одобренная в 1889 г., так и не вступила в действие по причине «политической ошибки»: «…составители Уложения определили Финляндию как самостоятельное государство, а Россию по отношению к ней как иностранную державу». [6, с. 79]. Кроме того, в Уложении существовала иная, чем в России, трактовка государственных преступлений [8, с. 560]. В создании второй редакции Уложения непосредственное участие принимал Н.С. Таганцев, и оно вступило в действие в 1894 г.

Институт сибирской ссылки в российском законодательстве был упразднен в 1900 г. [9, с. 112]. Откорректированное в соответствии с общегосударственными нормами понятие государственного преступления, отраженное во второй редакции Уголовного Уложения Финляндии, позволяло применять к участникам политических

событий наказание каторгой, которая отбывалась в сибирских тюрьмах, а финны пополнили ряды революционеров, пройдя закалку в условиях российской пенитенциарной системы.

1. Зиновьев А.В., Уткин Н.И. Взаимоотношения Российской Империи с Великим Княжеством Финляндским: Историко-правовой анализ и современность // Правоведение. 2000. № 2. С. 73–82.
2. Тюменская область: народы, языки, культуры / под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень, 2007. 410 с.
3. Лоткин И. В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.): Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Тюмень , 2012. 40 с.
4. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: уч. пос. Омскт, 2003. 164 с.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.329. Оп.13. Д.168.
6. Кангаспуро Л. Источники по истории тюремного дела в Великом княжестве Финляндском: официальные материалы и периодика на русском языке // Helsingfors St. Petersburg: The Pages of History: the second half of 19th the beginning of 20th century. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2012. 200 p.
7. Правовыесистемыстранмира. Энциклопедический справочник. Финляндия. [Электронный ресурс]. URL:http://legal_systems.academic.ru/176/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F) (дата обр.: 21.09.2015).
8. Россия. Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1898. 874 с.
9. Закон об отмене ссылки 1900 г. // Тюремный вестник. 1900. № 6. 252 с.

ОБРАЗ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ КАК КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ЛАКУНЫ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУБЕЖА XIX–XX СТОЛЕТИЙ*

К.А. Пожарская
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Масштабные крестьянские миграции рубежа XIX–XX вв. на территории Зауралья способствовали обращению государства и общества к проблеме социально-экономического освоения имперских периферий. В этот период были созданы многочисленные труды, являвшиеся результатом государственного и социального заказов, посвященные разноаспектному изучению колонизуемых районов. Представителями различных структур и ведомств (научные круги, земские и переселенческие организации, местные управленческие органы и т. д.) по сути дела формировалась теоретическая платформа миграционного процесса, так необходимая для его администрирования.

В конце XIX–начале XX вв. наряду с другими территориями Азиатской России в фокусе внимания исследователей оказался и Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. В его пределах особое внимание ученых получили две колонизационные лакуны – Горный Алтай и Кулундинская степь. Каждая из этих областей была весьма слабо затронута крестьянскими переселениями в предыдущие периоды. Предметом рассмотрения данной статьи выступает природно-географический образ Кулундинской степи как ареала колонизации в работах специалистов-естественников рубежа веков. В подобном контексте территория Кулунды еще не выступала в качестве самостоятельного объекта анализа. Интерес исследователей к данной территории концентрировался вокруг вопросов истории ее заселения (В. И. Тютькин, В. Н. Разгон, К. А. Пожарская) [1; 2], а также проблемы взаимоотношений кочевого населения и пришлого элемента (Е. В. Карих, О. В. Боронин) [3; 4].

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII–начала XX в.».*

Кулундинская степь в границах Алтая на рубеже веков явилась объектом широкого изучения ученых различной специализации: почвоведов, ботаников, агрономов и т. д. При этом большинство исследователей в своих изысканиях не ограничились исключительно сбором эмпирического материала и простым нарративом, а высказывали собственные суждения о колонизационных возможностях региона. Последнее являлось попыткой отразить позицию научного сообщества относительно происходивших (или грядущих) глобальных демографических и хозяйственных изменений в Кулундинской степи. Так, согласно выводам почвоведов И. П. Выдрина и З. И. Ростовского, при отсутствии широкомасштабных культурных мероприятий степь ожидало «печальное будущее» из-за маломощности каштановых почв, бедности осадков, недостатка хорошей питьевой воды, отсутствия естественных покосов, а также занесения культурных земель песками. Определенный скепсис авторы выразили и относительно черноземных почв степи, полагая, что высокая урожайность была обусловлена их сравнительной «свежестью» [5, с. V]. Экспертиза гидрографических условий Кулунды, осуществленная профессором С. И. Залесским, также содержала заключение о непригодности данной территории для массового заселения. По мнению исследователя, большая часть степи (за исключением юго-восточных районов) не должна подвергаться колонизации в силу целого ряда факторов: отсутствия проточных вод, пересыхания (полного или частичного) летом степных рек, малочисленности пресных озер, солонцеватого характера подземных вод, недостатка леса и покосов. Даже развертывание ирригационных работ в алтайской степи не позволило бы, по сведениям профессора, решить здесь «водную» проблему, поскольку почва здесь была слишком пориста и водопроницаема, а реки брали начало в болотах и потому оставались маловодными [6, с. 123-126].

Наряду с узкоспециальными исследованиями интерес к Кулундинской степи проявили и сотрудники земских организаций, принимавшие действенное участие в реализации миграционной политики государства в годы Столыпинской аграрной реформы. В частности, агентом полтавского земства Т. Г. Вашкевичем был осуществлен комплексный анализ колонизационного потенциала рассматриваемого района, базировавшийся на достижениях сибирских ученых-естественников. Обозначив географические границы Кулунды, описав рельеф, гидрографию, климатические условия, почвенные режимы и растительность на всей протяженности степи Т. Г. Вашкевич в своей работе четко увязал их специфику с конкретными примерами возможностей ее земледельческой эксплуатации. В его работе Кулунда (точнее, ее западная часть, активно проектируемая под переселенческие участки) представлялась как зона весьма условно пригодная для развития крестьянских хозяйств. В качестве сопутствующих аргументов упоминались: маломощность почв, плохая обеспеченность водой (в том числе грунтовой), незначительность осадков, отсутствие сплошного дернового слоя для покосов и доступного леса, а также удаленность переселенческих поселков от крупных населенных пунктов, являвшихся центрами торговли [7, с. 10-11, 13-15, 17-18]. Выводы агента нашли отражение и в его докладе о «Положении новоселов в Кулундинской степи» (1910 г.), созданном по результатам обследования 28 переселенческих участков [8, лл. 2-6]. Имевший значительный общественный резонанс доклад Т. Г. Вашкевича получил опровержение со стороны Переселенческого управления. Позиция агента рельефно диссонировала с планами колонизации Алтайского округа, а представленные сведения входили в явное противоречие с результатами поездки министров-реформаторов (П. А. Столыпина, председателя Совета министров, и А. В. Кривошеина, начальника Главного управления землеустройства и земледелия), высоко оценивших развитие переселенческих хозяйств в степи [9, с. 66–67]. В контексте замечаний высоких чиновников голод в степи рассматривался в качестве следствия позднего прибытия «маломощных» в финансовом

отношении крестьян в исключительно неурожайный год и напрямую не был связан с «безнадежностью общих сельскохозяйственных условий Кулунды» [8, л. 12]. В результате, по обвинению в тенденциозности, избирательности объектов обследования и ошибочности исследовательской методики, Т. Г. Вашкевич был отправлен в отставку [8, л. 95-96].

Не менее критическая оценка земледельческого потенциала алтайской степи содержалась в работах полтавского агронома И. М. Морозова. Солонцеватые почвы с незначительным пахотным слоем, сильные и горячие летом ветра, значительные температурные амплитуды, плохое орошение, сжатый вегетационный период и т. д. на фоне неразвитости инфраструктуры – все эти факторы в своей генеральной совокупности, по мнению автора, должны были привести к краху крестьянских хозяйств. Агроном особо подчеркивал, что специфика ресурсной базы степи детерминировала развитие здесь преимущественно скотоводческого хозяйства, поскольку лимитированность естественно-географических факторов земледельческого производства на фоне значительного земельного простора неизбежно обуславливала тотальную распашку степи [10, с. 52-53].

Помимо экспертных оценок колонизационного потенциала только заселяющихся пространств Кулунды, в конце XIX в. экономистом и публицистом С. П. Швецовым были обследованы крестьянские поселки, уже основанные в степи. В описании специфики хозяйствования в регионе, представленном общественным деятелем, были отмечены многочисленные «болезненные» аспекты хозяйствования: частые засухи, нехватка воды и покосов, разнообразие вредителей, быстрота сокращения производительных свойств земель («вырождение почв») и др. [11, с. 19, 31, 48, 57, 93, 142 и др.]. Статистические материалы С. П. Швецова не преследовали цели сделать заключение о сельскохозяйственном потенциале района. В тоже время, исследование населенных пунктов, возникших в результате вольных миграций и потому расположенных в лучших и свободных от кочевого населения частях степи, формировало образ региона как зону «кризисного земледелия».

Таким образом, Кулундинская степь в конце XIX–начале XX в. представляла собой местность, слабозаселенную по всей своей площади. В связи с этим образ данной территории реконструировался исследователями, прежде всего, в русле ее потенциальной пригодности для массового заселения. Научной экспертизе были подвергнуты такие параметры хозяйственного потенциала Кулунды как почвы, обводнение, лесопокрытость, климатические условия и экономическая инфраструктура. Единство мнений экспертов нашло выражение в признании Кулундинской степи в качестве области непригодной для крестьянского обустройства. В основе прогнозов исследователей лежало четкое осознание того факта, что заселение степи приведет к изменению привычного ареала расселения русских крестьян (речные долины), потребует адаптации к ранее незнакомой естественной среде плакорных (межречных) пространств. При общей негативной оценке специалисты-естественники рубежа веков подчеркивали, что при соответствующем развитии агротехники и агрокультуры, а также широкомасштабном развертывании финансируемых государством мероприятий по подготовке территории, природно-климатические и хозяйственные «недостатки» степи могут быть несколько нивелированы. Тем не менее, вопреки экспертным оценкам и суждениям территория Кулундинской степи в 1907 г. была передана под колонизацию [12, с. 30-31], а в 1908–1909 гг. была разбита на переселенческие участки [13, с. 167], что явилось результатом не только игнорирования мнения специалистов, но и попыткой удовлетворить «земельный голод» прибывавших в Алтайский округ сотен тысяч крестьян.

1. Тютькин В.И. Заселение и хозяйственно-экономической осовоение переселенцами земель Кулунды в 1907–1914 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 1. С. 80–82.
2. Разгон В.Н., Пожарская К.А. Заселение и хозяйственное освоение территории Кулундинского района в начале XX в. // Кулундинский район: страницы истории и современность. Т. 1. Барнаул, 2007. С. 63–75.
3. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения, XIX–начало XX в. Томск, 2004. 232 с.
4. Боронин О.В. Межэтнические взаимоотношения в Алтайском регионе России: история и современные проблемы. Барнаул, 2004. 90 с.
5. Выдрин И.П., Ростовский З.И. Материалы по исследованию почв Алтайского округа. Барнаул, 1899. 171 с.
6. Залесский С.И. Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округа к заселению переселенцами из Европейской России. Томск, 1893. 135 с.
7. Вашкевич Т.Г. Кулундинская равнина как колонизационный фонд // Известия областной земской полтавской организации. Полтава, 1909. № 14–15. 15 апреля. С. 9–18.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 747.
9. Записка председателя Совета Министров и Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием по поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул, 2011. 140 с.
10. Морозов И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. Харьков, 1908. 61 с.
11. Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 г. Вып. II. Описание переселенческих поселков. Барнаул, 1899. 559 с.
12. Годовой отчет по Томскому переселенческому району за 1907 г. СПб, 1908. Вып. 44. 93 с.
13. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский, Мариинский. Вып. 1.Томск, 1913. 281 с.

СИБИРЬ «ДЛЯ ПРОСТОГО ЛЮДА»: ОБРАЗ РЕГИОНА В ЖУРНАЛЕ «ВОСКРЕСЕНЬЕ» (1887–1905)

Н.Н. Родигина
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск
Новосибирский государственный педагогический университет,г. Новосибирск

Несмотря на возросшее в последние десятилетия внимание к изучению представлений о Сибири в массовом сознании россиян второй половины XIX – начала XX в., проявляющееся и в многочисленных публикациях, посвященных исследованию репрезентаций региона в периодической печати, тема Сибири в изданиях «для народа» еще ждет своих историков.

Особый интерес в этом смысле представляет иллюстрированный журнал «Воскресенье», издававшийся в Санкт-Петербурге с 1887 по 1905 гг. сначала князем В. П. Мещерским, затем писателем К.В. Тхоржевским и др. К сожалению, мне не удалось найти специальных работ по истории этого журнала. Однако, судя по справочной литературе и объявлениям о подписке на журнал, он предназначался для крестьян, церковно-приходских, сельских, городских, народных учителей, солдат и сельского духовенства. Именно им предоставлялась рассрочка при подписке [1, с. 1], что дает все основания считать, что они и были «идеальным» адресатом для издателей и сотрудников журнала. Мировоззренческие пристрастия первого издателя «Воскресенья» – уже упомянутого мною известного русского консерватора В.П. Мещерского, издававшего также популярную в консервативных кругах газету «Гражданин», дают основание предположить, что журнал транслировал ценности данного направления общественного мнения, что, впрочем, подтверждается и содержательным анализом периодического издания.

Имея в виду данные обстоятельства, в статье я стремлюсь дать ответы на следующие вопросы: 1) какие темы, события, люди были предпочтительными с точки зрения редакции журнала для конструирования образа региона у своих читателей; 2) была ли у данного издания специфика в освещении «сибирской жизни» в сравнении с другими «тонкими» журналами, рассчитанными на аналогичный круг читателей.

В поисках ответов на данные вопросы я предприняла фронтальный просмотр всех годовых комплектов журнала и обратилась к публикациям Л. В. Котович, Т. А. Кузнецовой, О. Н. Сидорчук и др., посвященным репрезентациям Сибири в иллюстрированных изданиях [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Интерес к сибирской жизни журнал начинает проявлять с первого года издания и первоначально выбор тем, актуализировавшихся на его страницах, не существенно отличался от других изданий, рассчитанных на такую же целевую аудиторию (к примеру, журнала «Родина»). Так, на страницах журнала помещались сведения историко-познавательного характера о природе и населенных пунктах края, публикации об аборигенном и русском населении, о путях сообщения, о путешествиях по региону, о переселенцах в зауральские губернии и о наиболее «громких» мероприятиях правительства в отношении Сибири. Мною не выявлено существенных отличий в интерпретации, жанровой принадлежности журнальных материалов, а также в информационных поводах для их появления. К примеру, материалы по истории сибирских городов [8; 9; 10 и др.], как и в большинстве других иллюстрированных журналов «для семейного чтения», были представлены краткими энциклопедическими сведениями, вероятнее всего заимствованными из справочных изданий. Чаще всего информация о городах сопровождала гравюры с изображением их достопримечательностей, то есть представляла собой подписи к рисункам. Поводом для публикации служили юбилеи городов, строительство в них каких-либо объектов Сибирской железной дороги, прибытие членов императорской семьи или события русско-японской войны, так или иначе связанные с населенным пунктом [11; 12; 13 и др.].

Значительное количество материалов «Воскресенья» посвящено строительству Сибирской железной дороги. По публикациям журнала можно воссоздать хронику этой «стройки века». Многочисленные иллюстрации запечатлели в деталях разные этапы ее возведения, внешний облик строителей, а также изменения под ее влиянием в архитектурном ландшафте «старых» сибирских городов [14; 15; 16 и др.]. Как и в других иллюстрированных журналах изучаемого периода, строительство Сибирской железной дороги символизировало включение «далеких» зауральских губерний в экономическое, культурное, коммуникативное пространство империи, приближало их к «внутренней» России, делало «своими» для читателей, по большей части проживавших в европейской части страны. А иллюстрации демонстрировали читателям, как именно выглядит преображенная Сибирь, связанная «железными путями», как «кровеносными сосудами» со всей страной.

Самым актуальным из правительственных мероприятий в отношении Сибири, судя по количеству публикаций, признавалась отмена уголовной и административной ссылки. Ее значение рассматривалось в первую очередь с точки зрения улучшения криминальной ситуации в регионе. Так, на основе анализа публикаций местной прессы по поводу отмены ссылки обозреватель рубрики «По родным краям» писал: «Сибирские газеты горячо приветствуют, конечно, реформу ссылки, снявшую с богатого края клеймо позора или страны отверженных. Сибирь дождалась, наконец, избавления от язвы, многие годы подтачивавшей ее организм и мешавшей правильному развитию богатой страны... И наконец, общий вопль Сибири, крик ее жалобы достиг высоты Престола. Отныне день 6-го мая 1899 г. будет историческим днем, который с чувством беспредельной благодарности монарху будет вечно вспоминать Сибирь,

избавленная от застарелой язвы, вступившая в новый нормальный и здоровый путь к гражданскому развитию. Сибирь воскресла к новой жизни! Для нее издание закона является, действительно, наступлением лучшей эры!» [17, с. 363–364]. Попутно замечу, что информационные сообщения, художественные тексты «о ссылке и ссыльных», фотографии с изображением последних выполняли воспитательную функцию, показывая читателям на примерах из жизни ссыльных и каторжан, куда приводит асоциальное, в том числе и криминальное поведение [18; 19; 20 и др.].

К описанию природы Сибири и ее ресурсного потенциала редакция журнала обращалась в основном в связи с чрезвычайными происшествиями (наводнениями, пожарами, большим количеством осадков, выпавших в той или иной сибирской губернии) или по случаю открытия новых месторождений полезных ископаемых [21; 22 и др.]. Такого рода тексты представлены главным образом в рубрике «По родным краям» перепечатками из сибирских газет. Критерием отбора информации служила установка на сенсационность. Показательна в этом смысле заметка о «небывалом» граде под Бийском, когда с неба падали градины «размером с куриное яйцо» [23].

Учитывая специфику читательской аудитории журнала, включавшую, по замыслу издателей, священнослужителей и учителей церковно-приходских школ, ожидаемы тексты, посвященные церковно-школьному строительству в Сибири и необходимости приобщения к христианству коренного населения края. И действительно, в журнале встречаются отчеты фонда имени императора Александра III о школьном и церковном строительстве в Сибири, перепечатки из столичных и провинциальных газет о развитии школьного дела в регионе [24; 25; 26]. Однако в отличие от религиозных периодических изданий, в «Воскресенье» крайне редко встречаются тексты самих представителей духовенства и почти нет упоминаний о деятельности конкретных священнослужителей. В числе исключений – перепечатка из газеты «Сибирская жизнь» письма священника Бориса Герасимова из пос. Новый Змеиногорского уезда Томской губ. с просьбой о помощи переселенцам, пострадавшим от неурожая [27].Наряду с этим в журнале, очевидно, в дидактических целях, публиковались сообщения о благотворительных пожертвованиях сибиряков на строительство школ, приютов и церквей. К примеру, в 1896 г. на страницах издания было помещено перепечатанное из «Тобольских епархиальных ведомостей» сообщение об открытие школы в дер. Зырянской Тобольской губ., построенной при содействии местных жителей И. И. Игнатьева, И. Д. Пяткова [28].

В публикациях о Сибири религиозная проблематика, которая, судя по справочным изданиям, была одной из основных для журнала, чаще всего поднималась в публикациях, посвященных «инородческому» населению. Как и в большинстве иллюстрированных журналов, за исключением, пожалуй, «Всемирной иллюстрации», рассчитанной на более образованного читателя и специализированных изданий по естествознанию и географии («Природа и люди», «Вокруг света»), дискурс об «инородцах» в «Воскресенье» носил ярко выраженный ориенталистский характер. Образ «инородцев» как других/чужих/диких и непросвещенных конструировался по принципу бинарных оппозиций русским колонизаторам/цивилизаторам и просветителям. В подтверждение позволю себе привести обширную цитату, иллюстрирующую основную идею текстов про аборигенное население края, согласно которой только русское влияние может обеспечить благоприятное экономическое и культурное развитие сибирских «инородцев»: «Нужно заметить, что камчадалы способны к прочной оседлости – и при малом проценте русских, живущих в их краю, они, по всей вероятности, не выродятся так, как выродились те расы, которым пришлось вести с могучею славянской расой борьбу за существование... Теперь уже почти все дикари этого полуострова говорят по-русски, многие обычаи усваиваются им – и не далеко то время, когда последние следы варварства исчезнут здесь, уступая свое

место цивилизующему влиянию завоевательного элемента, первое появление которого облито кровью исконных обладателей… Недалека уже светлая будущность Камчатки. Естественные богатства ее дадут прочное основание для хозяйства ее тружеников, а с богатством – создается и образование. Тогда, быть может, этот гористый и далекий край не будет пугать своим суровым величием. Возделываемая природа развернется здесь со всею роскошью ярких красок, жизнь скажется повсюду и на могилах первых колонизаторов Камчатки возникнут богатые и самостоятельные села, где имя России будет не представителем чуждого нашествия, а именем родины, славы и счастья!» [29, с. 1222–1223].

Для многих авторов публикаций об «инородцах» словосочетания «русское влияние» и «влияние православия» на аборигенное население были синонимичными и это влияние описывалось как процесс одностороннего воздействия «развитой» русской/православной культуры на «отсталую» «нехристианскую». В этом смысле показательна статья бывшего ссыльного народовольца, ставшего православным писателем, И. П. Ювачева, писавшего под псевдонимом Миролюбов, выдержки из которой были перепечатаны редакцией «Воскресенья» из «Исторического вестника» [30]. Другой вариант восприятия материальной и духовной культуры коренных этносов демонстрируют очерки этнографа А. В. Потаниной, посвященные бурятскому шаманизму [31]. Примечательна подпись под статьей – «из очерков А. В. Потаниной». Текст был опубликован через два года после ее смерти и можно предположить, что редакция адаптировала научный текст, сделав его доступным для «своего читателя». Несмотря на акцентирование внимание на «экзотических» характеристиках религиозных представлений и повседневной культуры бурят, текст лишен негативных коннотаций в отношении «другого».

Этнографическая тематика в журнале была представлена и разножанровыми текстами (этнографическими описаниями, художественными текстами, историческими очерками), посвященными русскому населению края. Ориентируясь на свою читательскую аудиторию, которая включала в себя военнослужащих нижних чинов и казаков, редакция помещала тексты, посвященные героическим страницам прошлого и настоящего сибирского казачества. Из героев прошлого, как и в других изданиях «для народа», самым популярным был Ермак: публиковались гравюры с его изображением и комментарии к ним; исторические очерки В. Турбина «Покорение Сибирского царства», впервые увидевшие свет на страницах другого иллюстрированного еженедельника «Природа и люди»; рассказ детской писательницы В. П. Андреевской «Ермак» [32; 33; 34]. Ермак как фигура памяти был востребован еще для того, чтобы продемонстрировать преемственность между первыми завоевателями Сибири и современным казачеством, охраняющим восточные рубежи империи. Характеристике лучших боевых качеств сибирского казачества были посвящены многочисленные рассказы и информационные сообщения, особенно активно публиковавшиеся накануне и во время русско-китайской войны [35; 36 и др.]. Достаточно внятно позиция издания с точки зрения конструирования идеального образа сибиряка была сформулирована в кратком очерке истории сибирского казачества: «Теперешний сибирский казак представляет из себя тип идеального воина – он выносли, терпелив, сметлив и великолепный стрелок»[37, с. 516–517].

Фиксируя общность тематики и контекстов актуализации «сибирского дискурса» «Воскресенья» в сравнении с другими «тонкими» журналами нельзя не остановиться на тех сюжетах, которые были специфическими для рассматриваемого издания. Во-первых, пристальный интерес не только к путешествиям в Сибирь (это было характерно практически для всех изданий этого типа), но и из Сибири. В этом смысле характерны рассказы о путешествии верхом сотника Амурского казачьего полка, выпускника Иркутского юнкерского училища Дмитрия Николаевича Пешкова.

Известно, что в 1889 г., под влиянием известия о конной поездке М. В. Асеева из Лубен в Париж, Пешков решил отправиться на коне Серко из Благовещенска в Санкт-Петербург, чтобы испытать себя и доказать преимущества азиатских лошадей монгольской породы перед скакунами европейских пород. Его путешествие продолжалось 193 дня и нашло отражение на страницах интересующего нас издания [38].Признание со стороны власти (Д. Н. Пешков был зачислен в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, был представлен к ордену св. Анны III степени) и большой резонанс путешествия в периодической печати породили у современников стремление последовать его примеру. Спустя год, в июне 1891 г. журнал сообщал о пешеходном путешествии из Владивостока в Санкт-Петербург подпоручика Бахмутова, преодолевшего этот огромный путь со своей собакой за год и шестнадцать дней. Автор журнальной хроники сетовал на то, что «встреча этого "спортсмена" не отличалась ни торжественностью, ни даже радушием. Никто из сотоварищей Бахмутова по оружию не вышел к нему навстречу, встречал его исключительно простой народ, собравшийся толпами на дебаркадере Николаевской железной дороги и перед вокзалом» [39].

В числе необычных путешествий, о которых информировал читателей журнал, было сообщение о путешествии в Иркутск мальчика Гриши Аладова для встречи с Г. Н. Потаниным. Как свидетельствует заметка, юный путешественник уже «был в Петербурге, исходил Кавказ, Среднюю Азию, Крым, ездил юнгой по Средиземному морю, был в Саиде и прошел в Александрию, побывав на Яве, Константинополе… Мальчик читает ″только серьезные книги″, ″романов не любит″, увлекается географией, путешествует без всяких средств, где пешком, где по железной дороге. От Ачинска до Красноярска прошел пешком»[40]. Думаю, что причина публикации такого рода материалов – установка на то, чтобы заинтересовать «своего» читателя, удовлетворить его стремление к сенсациям.

Во-вторых, публикация материалов о криминальных сторонах сибирской жизни. Внимание редакции к информации о преступлениях и преступниках объясняется, с одной стороны, уже упомянутым желанием заинтриговать «жареными фактами», с другой же – дидактическими соображениями. Неслучайно, рассказывая о криминальных происшествиях, авторы журнала акцентировали внимания на разоблачении и наказании преступников, при этом сибирская каторга и Сахалин номинировались как место расплаты за грехи [41; 42; 43 и др.].

В-третьих, на страницах журнала периодически помещались заметки о всякого рода «чудесах» – удивительных находках или ситуациях. К примеру, рассказы о чудесном спасении станционного конторщика Волкова из Иркутска, избежавшего смерти под паровозом; спасении, благодаря собаке, заблудившегося в тайге начальника железнодорожной станции Тайга Томской губ.;неожиданной находке месторождения золота жителями станицы Красноярской Забайкальской обл. в рытвине, размытой дождем [44; 45; 46]. Внимание к «волшебным» спасениям и находкам объясняется ориентацией редакции на провиденциальное мировоззрение читателей, характерное для носителей традиционной культуры.

Итак, образ Сибири в текстах и иллюстрациях «Воскресенья» зависел от адресата журнала («идеального» читателя, существующего в сознании коллективного автора издания); от мировоззренческих ценностей издателей и редакции, предопределивших акцент на дидактичность, религиозность, морализаторский характер значительной части публикаций; от изменения места региона, как во внутренней, так и во внешней политике правительства; от степени включения восточных губерний в экономическое и культурное пространство империи, в том числе и под влиянием строительства Сибирской железной дороги, «громких» путешествий в Сибирь и из Сибири и др.

Образ региона формировался разножанровыми публикациями – этнографическими очерками, художественными текстами, иллюстрациями,

информационными сообщениями, но большая их часть не относилась к оригинальным произведениям редакционного коллектива, а являлась перепечатками из других изданий, что само по себе является подтверждением «моды на Сибирь» в русской периодической печати конца XIX – начала XX в.

1. Воскресенье. 1887. № 1.
2. Котович Л. В. Города азиатской части Российской империи в зеркале прессы (по материалам журнала «Живописное обозрение») // Первые Ядринцевские чтения: мат-лы Всерос. научно-практич. конф., посвященной 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. Омск, 2011. С. 51–53.
3. Кузнецова Т. А. Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных изданиях в конце XIX – начале XX в. (на примере журнала для семейного чтения «Родина») // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 146–149.
4. Родигина Н. Н. Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 76–80.
5. Родигина Н. Н., Кузнецова Т. А.Еженедельные издания «для всех» как институт формирования массовых представлений о Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Омск, 2012. С. 419–422.
6. Родигина Н. Н., Кузнецова Т. А. От составителей. Вступительная статья к аннотированному библиографическому указателю «Тема Сибири в русской прессе второй половины XIX – начала XX в.» в 2-х т. Новосибирск: НГПУ, 2014. Т. 2. Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. С. 4–19.
7. Сидорчук О. Н.: «Пища, танцы, баня, игральные карты…»: история повседневности на страницах журнала «Природа и люди» (вторая половина XIX – начало XX в.) // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах: мат-лы Всерос. научно-практич. конф. Новосибирск, 2014. С. 95–104.
8. Вид города Енисейска (объяснения к рисункам) // Воскресенье. 1892. № 6. С. 190–191 (рис. 175–176).
9. Город Чита (объяснения к рисункам) // Воскресенье. 1891. № 29. С. 910–911 (рис. С. 893–894).
10. Л-в К. Иркутск // Воскресенье. 1904. № 2. С. 70–72.
11. Барятинский В. А. Телеграммы от свиты его императорского высочества ген-м. князя Барятинского // Воскресенье. 1891. № 25. С. 775–776.
12. Вид Владивостока в настоящее время блокируемого // Воскресенье. 1905. № 7. С. 235–238.
13. Томск (по случаю 300-летнего юбилея города) // Воскресенье. 1904. № 41. С. 1489–1490.
14. За неделю // Воскресенье. 1893. № 4. С. 99–102.
15. Постройка Сибирской железной дороги [Изоматериал]: производство земляных работ близ г. Кургана; вид береговой дамбы на пойме р. Тобола: (фот.) // Воскресенье. 1894. № 18. С. 429–430; № 19. С. 459–460; № 20. С. 491–492.
16. [Сибирская почтовая станция] [Изоматериал]: Прибытие на почтовую станцию в Сибири; Отбытие с почтовой станции в Сибири: (рис.) // Воскресенье. 1894. № 10. С. 279–282.
17. По родным краям // Воскресенье. 1899. № 21. С. 363–364.
18. К. К. Ссыльный // Воскресенье. 1904. № 23. С. 903–908; № 24. С. 938–943.
19. Милин. По этапу // Воскресенье. 1899. № 19. С. 291–292.
20. По родным краям // Воскресенье. 1900. № 25. С. 399.
21. По родным краям // Воскресение. 1897. № 38. С. 592–593.
22. По родным краям // Воскресенье. 1902. № 41. С. 1546.
23. По родным краям // Воскресенье. 1897. № 32. С. 497.
24. О сибирских школах (из канцелярии Комитета министров) // Воскресенье. 1899. № 50. С. 795–796.
25. По родным краям // Воскресенье. 1902. № 21. С. 832.
26. По родным краям // Воскресенье. 1902. № 22. С. 865–866.
27. По родным краям // Воскресенье. 1901. № 4. С. 62
28. По родным краям // Воскресенье. 1896. № 50. С. 1561–1562.
29. Народы России. Камчадалы // Воскресенье. 1893. № 39. С. 1205–1224
30. Сахалинские гиляки // Воскресенье. 1900. № 17. С. 270–271.
31. Потанина А. В. Буряты и шаманство // Воскресенье. 1895. № 15. С. 387–396.
32. Андреевская В. Ермак // Воскресенье. 1900. № 51. С. 803–810.
33. Покорение Сибири [Изоматериал]: гибель Ермака: (грав.) // Воскресенье. 1889. № 22. С. 649–650.
34. Турбин В. Покорение Сибирского царства // Воскресенье. 1902. № 18. С. 698–705; № 19. С. 737–744.
35. М. К. Приемыш // Воскресенье. 1902. № 46. С. 1299–1302; № 47. С. 1333–1336.
36. Тон-гов И. Мобилизация Сибирского казачьего войска // Воскресенье. 1900. № 42. С. 668–670.
37. Сибирские казаки (с рис.) // Воскресенье. 1900. № 33. С. 516–518.

38. Дмитрий Николаевич Пешков // Воскресенье. 1890. № 25. С. 767.
39. Хроника // Воскресенье. 1891. № 25. С. 776–777.
40. По родным краям // Воскресенье. 1899. № 20. С. 314.
41. По родным краям // Воскресенье. 1899. № 19. С. 302–303.
42. По родным краям // Воскресенье. 1899. № 35. С. 555.
43. По родным краям // Воскресенье. 1899. № 36. С. 573.
44. По родным краям // Воскресенье. 1896. № 29–30. С. 954–955.
45. По родным краям // Воскресенье. 1897. № 39. С. 613.
46. По родным краям // Воскресенье. 1901. № 8. С. 127.

РОЛЬ В. К. ЖАНДРА В ОСНОВАНИИ НОВОНИКОЛАЕВСКА – НОВОСИБИРСКА

П.И. Романов
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

В феврале 2013 года в музее-лаборатории новосибирской классической гимназии № 17 «У истоков города» член совета музея краевед В. П. Капустин предложил заняться изучением личности инженера-путейца В. К. Жандра, работавшего с 1893 года на строительстве Средне-Сибирской железной дороги на территории будущего Новосибирска. Этот инженер занимался сооружением станции «Обь» (будущий вокзал Новосибирск-Главный) и переправой груза для строительства железнодорожного моста через реку Обь с левого на правый берег. До нашего исследования В. К. Жандру была посвящена лишь одна полноценная статья «Инженер-путеец В. К. Жандр» 1990 г., написанная ведущим научным сотрудником института истории СО АН СССР Г. А. Бочановой [1]. В ней был представлен сибирский период жизни Жандра, приведена информация об организации народных чтений в железнодорожном училище, а также указано, что судьба В. К. Жандра после отъезда из Ново-Николаевска неизвестна. Те же сведения о Жандре представлены на страницах 30-31 в книге Л. М. Горюшкина «Новосибирск. 100 лет. События. Люди» [2, с. 63].

Позже Николаем Федером была написана статья «Начальник строительства», посвященная 140-летию со дня рождения В. К. Жандра и опубликованная в газете Западно-Сибирской железной дороги «Транссиб» 10 июня 2003 г. [3]. В ней дано описание сибирского периода жизни Жандра, указана его роль в становлении будущего города в районе улицы Владимировской и, кроме того, отмечено, что дальнейшая судьба Владимира Константиновича неизвестна. В сущности, это реферативная информация, повторяющая статью Г. А. Бочановой.

Упоминания о Жандре встречаются также в статьях Елены Фроловой «Знание – сила» и «Свидетель эпохи» в газете «Транссиб» от 21–28 июня 2013 г. В статье «Свидетель эпохи» говорится о роли В. К. Жандра в сооружении первого промышленного здания Новониколаевска – депо станции «Обь». В статье «Знание – сила» отмечена роль Жандра как инициатора создания железнодорожного училища [4]. В статье Константина Голодяева «120 близится, а памяти всё нет», напечатанной в газете «Комсомольская правда», поднимается проблема исторической памяти в нашем городе [5]. Владимир Константинович Жандр упоминается в ней как организатор переправы подвижного состава и грузов, руководитель строительства станции «Обь» и школы для детей железнодорожников.

В ходе изучения научной литературы и публикаций стало понятно, что жизнь В. К. Жандра исследована только на промежутке его пребывания в будущем Новониколаевске, и то неполностью. Чтобы дополнить недостающую информацию о

жизни инженера-путейца в марте 2013 г. была организована работа в Государственном архиве Томской области. Там мы дополнили информацию Г. А. Бочановой об участии инженера в организации народных чтений в железнодорожном училище на станции «Обь». В ходе изучения архивных документов мы сделали вывод, что прошение В. К. Жандра об организации чтений прошло через несколько инстанций, что говорит о важности этого мероприятия для всей губернии. Первоначальным документом послужило «Ходатайство о разрешении устроить в железнодорожном училище на станции «Обь» Средне-Сибирской железной дороги публичные чтения для мастеровых и рабочих» [6, с. 1]:

«*Его Превосходительству Господину Томскому Губернатору.*

Председатель Комитета Обского Железнодорожного училища, Начальник первого эксплуатационного участка Инженер Жандр вошел с ходатайством о разрешении устроить в железнодорожном училище на станции Обь средне-сибирской железной дороги публичные чтения для мастеровых и рабочих со световыми картинами согласно Высочайше утвержденного 11 октября 1894 года постановления Комитета Министров под наблюдением и ответственностью Настоятеля церкви во имя Св. пророка Даниила на ст. Обь священника Григория Андреевича Диотропова.

Принять участие в народных чтениях изъявили следующие лица:

1. *Врач первого участка средне-сибирской железной дороги Иван Иванович Абдрин.*
2. *Ревизор службы движения первого участка Люциан Антонович Симон.*
3. *Начальник первого участка пути Инженер Владимир Константинович Жандр.*
4. *Начальник первого участка тяги Инженер Александр Антонович Серебренников.*
5. *Учитель училища Николай Васильевич Гольцев.*
6. *Помощник Начальника станции Павел Агеевич Свечин.*
7. *Машинист Депо «Обь» Абрам Зиновьевич Каменский.*
8. *Помощник Начальника Депо «Обь» Константин Игнатьевич Рытвинский.*
9. *Врач переселенческой организации Миней Минеич Гордеев.*

Все означенные лица жительство имеют на ст. Обь средне-сибирской железной дороги.

Предварительно каких-либо распоряжений имею честь просить Ваше Превосходительство уведомить меня, не имеется ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к разрешению устраивать в школе на станции Обь средне-сибирской железной дороги публичные чтения, с участием вышеозначенных лиц».

Уже в мае 1898 года в депо на станции «Обь» организовался марксистский кружок во главе с Е. А. Грозновым [2, с. 34]. Поэтому Томский губернатор тщательно проверил на политическую благонадежность организаторов чтений. Эту информацию подтверждает ответ жандармского управления томскому губернатору [6, с. 11], который гласит: «Все подписавшиеся, как уведомил Мировой судья 4 участка Томского уезда 3-го января 1899 года, под судом и следствием не состояли и не состоят».

Следующим человеком, который дал положительный ответ на проведение чтений, стал епископ Томский и Барнаульский Макарий [6, с. 9]:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь

На письмо от 19 февраля с. г. за № 1373-м имею честь сообщить Вашему превосходительству, что с моей стороны не имеется препятствии к устройству в железно-дорожном училище на станции «Обь» Средне-Сибирской железной дороги публичных чтений с световыми картинами, и что наблюдение за предполагаемыми чтениями внести с сим возложенного местного священника Григория Диотропова.

Призывая на Вас благословение Божие с глубоким уважением и преданностью имею честь быть.

Вашего превосходительства

Милостивого государя покорнейший слуга

Макарий епископ Томский и Барнаульский»

Его ответ нужно было получить в первую очередь из-за того, что за чтениями должен был наблюдать священник церкви святого Даниила. Так как препятствий в организации чтений больше не возникало, Министерство народного просвещения 22 сентября 1899 г. дало своё согласие на проведение народных чтений. Впервые в нашем городе было организовано получение всеобщего образования.

Также в ходе работы в Государственном архиве Томской области (ГАТО) были обнаружены документы, устанавливающие дату и причину отъезда В. К. Жандра со станции «Обь»: он перевёлся на Николаевскую железную дорогу в связи со смертью своего отца [7]. Для того чтобы выяснить дату смерти и установить полную биографию инженера, мы провели еще одно исследование в Санкт-Петербурге в Российском государственном историческом архиве, где было обнаружено целое дело, посвященное В. К. Жандру, откуда мы получаем ответы на важнейшие вопросы исследования и полностью восстанавливаем биографию инженера-путейца. Таким образом, мы узнаём, что с 1901 по 1912 годы он служил на важнейшей транспортной магистрали империи – Николаевской железной дороге [8]. Потом инженер был переведён в Варшаву на должность начальника службы пути Привислинских железных дорог. В 1914 г. с началом первой мировой войны В. К. Жандр был переведён в распоряжение военного ведомства, где и работал вплоть до своей смерти от инфекционного заболевания 23 октября 1914 года.

Таким образом, в ходе нашего исследования был обобщен вклад В. К. Жандра в основание города, а также полностью восстановлена его биография. Обобщив историографию и исследования музея-лаборатории «У истоков города», можно с уверенностью сказать, что В. К. Жандр явился основателем Новосибирской промышленности, как строитель первого промышленного здания города – железнодорожного депо (действует до сих пор); транспорта, как строитель первой городской пристани и первых внутригородских железнодорожных путей; коммунальных услуг, как устроитель первого городского электроосвещения и водопроводной системы (от динамо-машины железнодорожного депо и системы водонасыщения станции «Обь», использованных и в домах по элитной Владимировской улице); городского образования, культурного и духовного фундамента, как основатель первых городских школ с театральной сценой и волшебным фонарём, клуба с бильярдом и одной из красивейших церквей города – церкви св. Пророка Даниила. В школе инженер являлся председателем родительского комитета, а в церкви старостой.

При грамотном рассмотрении совокупности этих фактов становится очевидно, что культурный и промышленно-экономический фундамент, заложенный В. К. Жандром, стал опорой для будущего развития Новосибирска. Встал вопрос об увековечивании памяти инженера-путейца В. К. Жандра – одного из основателей г. Новосибирска. Также предстояло решить задачу по утверждению реальной истории Владимировского жилмассива, так как в ходе исследования были выявлены реальные фальсификации пропагандистского характера с целью утверждения этимологии этой улицы как улицы «ссыльных» и «каторжников», несмотря на её элитарную функцию в первой четверти XX века. В ходе написания научно-исследовательской работы «Жизнь и судьба В. К. Жандра» и изучения историографии было выяснено, что одной из целей В. К. Жандра во время строительства станции «Обь» должно было стать создание условий работы на станции и участке пути, которым руководил Владимир Константинович, в первую очередь, для инженеров и руководителей станции. Согласно исследованию члена совета музея «У истоков города» Вадима Петровича Капустина, для этого была создана целая улица: *«Отводились места для строительства домов руководящим служащим станции. Улица имела первую в Новосибирске булыжную*

мостовую и деревянные тротуары, электрическое освещение от динамо-машины железнодорожного депо, проведенное задолго до сооружения первой электростанции. К услугам жителей – Железнодорожный клуб с бильярдом и театральной сценой для любителей. На улице запрещалось селиться рабочим, по ней нельзя было проводить переселенцев» [9]. Это и была современная ул. Владимировская.

Решая эти задачи, предстояло сначала подготовить общественность и утвердить В.К. Жандра, как основателя города в сознании его жителей. Было снято два новостных сюжета на ГТРК «Новосибирск» и телестанции «Мир», в ГЦИ «Эгида» снят фильм, посвященный В. К. Жандру – «Между прошлым и будущим», проведён исторический лекторий «В честь кого названа улица Владимировская». Проведены выступления на нескольких научных исторических конференциях в ТГУ, Институте истории СО РАН, НГУ, ГАТО и т. д. В краеведческую среду выпущена брошюра «Жизнь и судьба В. К. Жандра». Через депутата Законодательного собрания Новосибирской области, пресс-секретаря мэра Новосибирска – Артёма Скатова был оформлен депутатский наказ на создание так называемого «паспорта улицы». Этот паспорт был открыт мэром города на ул. Владимировской 10 сентября 2015 г. Он посвящен и В. К. Жандру, и истории ул. Владимировской. После прочтения брошюры мэр Анатолий Локоть в своем выступлении признал В. К. Жандра одним из отцов-основателей города. Таким образом, работа музея-лаборатории «У истоков города» обогатила представление о талантливом инженере-путейце В. К. Жандре, внёсшем посильный вклад в становление Новосибирска, как это и предсказывала в своей статье Г. А. Бочанова.

1. Бочанова Г.А. Инженер-путеец Жандр // Советская Сибирь. 1990. 23 ноября.
2. Горюшкин Л.М. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993.
3. Федер Н.М. Начальник строительства // Транссиб. 2003. 10 июня.
4. Фролова Е.С. Знание – сила // Транссиб. 2013. 21-28 июня.
6. Голодяев К.А. 120 близится, а памяти всё нет // Комсомольская правда. 2012
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4287.
8. ГАТО. Ф. Д-214. Оп. 22. Д. 42
9. РГИА. Ф. Д-229. Оп. 18. Д. 3102.
10. Капустин В.П. Заметки рерайтера // Библиотека сибирского краеведения. 2014. 2 июня.

ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

А.В. Рыков
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Трудовые традиции долгое время занимали важное место в жизни русского крестьянства, так как являлись одним из элементов жизнеобеспечения крестьян. В течение столетий складывалась особая система хозяйствования крестьян. Большое влияние на ее развитие оказывали природно-климатические условия России [14, с. 430]. Основным способом передачи трудовых традиций являлось трудовое воспитание. Крестьяне осуждали лень, неумелое или недобросовестное отношение к труду[8, с. 64]. Большую роль в трудовом воспитании играла община, следившая за воспитанием детей в атмосфере уважительного отношения к труду [16, с. 121].

* *Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: Проект №15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (рук. д.и.н. Т.К. Щеглова).*

В первые десятилетия советской власти крестьянская семья оказалась в процессе социалистической модернизации, но в ней продолжал преобладать традиционный уклад жизни. Большое влияние на уклад оказала Великая Отечественная война. Исходя из этого, представляется интересным рассмотреть при помощи устных исторических источников, какие изменения произошли в трудовых традициях крестьянства в условиях войны. Также важным аспектом является рассмотрение роли трудовых традиций в жизнеобеспечении крестьянства.

Традиционная крестьянская культура в 1920−1930-е годы подвергалась большим изменениям, связанным с раскрестьяниванием. Характеризуя данный процесс, В. А. Ильиных отмечает большие изменения, вылившиеся в насаждение новых обрядов взамен традиционных [12, с. 133]. Но все эти изменения носили скорее поверхностный характер. Сходную позицию занимает и Т. К. Щеглова. По ее мнению, «менталитет советского человека являлся преемником крестьянского менталитета» [18, с. 303]. В результате, часть традиций общинной жизни сельского общества сохранялась и в раннеколхозный период жизни алтайской деревни. В частности, это касается и трудовых традиций.

Большую роль для крестьянства в годы войны сыграло сохранение традиций трудового семейного воспитания, основная направленность которого заключалась в вырабатывании у детей привычки к тяжелому труду крестьянина [15, с. 118].

Традиционно труд крестьянина характеризовался большим объемом ручных работ. Именно навыки ручного труда передавались из поколения в поколение. В XIX–начале XX века 14-летний подросток свободно владел серпом, молотилом, топором, сохой [9, с. 293]. В этом возрасте подросток работал в поле наравне с взрослыми [13, с. 246]. Сущностью воспитания в 1920-е годы оставалась передача традиционных навыков крестьянского семейного производства [18, с. 129].

В годы войны произошло значительное ухудшение технического оснащения сельского хозяйства. Недостаток техники приводил к увеличению доли ручных работ. Уже в первую военную осень колхозники шли на уборку в лучшем случае с серпами и косами [1, с. 160-161]. Увеличение доли ручного труда увеличило время работ и требовало гораздо больше физических сил.

Несмотря на начавшийся процесс раскрестьянивания, трудовые традиции занимали важное место в культуре крестьян. Поэтому тяжелый, преимущественно ручной труд в колхозах был привычен для крестьян. В качестве примера можно привести типичный рассказ М. В. Сергеевой (1925 г. р.): «на полях сеяли, вручную сеяли. …женщины сеяли, мужики, если есть, мешок на шею повешают и идет рассевает по полю… косили, то сенокосками косили, то серпом жали женщины» [4]. В результате сохранение трудовых традиций стало одним из важнейших факторов адаптации крестьян к условиям труда в сельском хозяйстве в военное время.

Еще одной из трудовых традиций, изменившейся в годы войны, было традиционное половозрастное разделение труда и, прежде всего, трудовых обязанностей женщин. В XIX – начале XX века мужские и женские обязанности в семье были четко разграничены. В введении мужчин находилось все полевое хозяйство и строительство. Женщины следили за домом и огородом. [13, с. 244]. В случаях, когда женщина оставалась во главе хозяйства (например, вдовства), она управлялась, прибегая к помощи соседей, родственников или привлекая для выполнения наиболее сложных работ «наемщиков» [17, с. 114].

В годы войны, учитывая повсеместность «обезмужичивания» деревни, женщинам уже было гораздо сложнее прибегать к старым способам решения проблемы нехватки мужчин. В результате произошло изменение социальной роли женщины – в отсутствии мужчин она становится основным добытчиком в семье, при этом традиционные обязанности с нее не снимались. Вспоминает И. Ф. Калашник (1929 г. р.): «женщины и

на коровах пахали, пешими за 5 километров ходили на полевой стан, а оставались дома только когда огород посадить или в больницу детей свозить. Выходных не было. Она варила, латала, стирала. Зимой то же самое. Мы ложились спать, а она там шила, пряла, ткала, даже валенки делала» [3].

Именно с началом войны начинается процесс стирания границы между «мужским» и «женским». Ярче всего это проявилось в процессе освоения женщинами мужских профессий (например, профессии тракториста). М. И. Камчатова вспоминает: «как война началась, меня сняли с письмоносов, поставили меня сказали иди учись на курсы на тракториста… в Романово я училась на тракториста, МТС был и я там училась, только мы зиму проучились на весну уже на трактор посадили» [2]. Т. К. Щеглова отмечает, что в своих интервью респонденты еще не освоили трансформацию производственной лексики, что по ее мнению свидетельствует, что они переступили определенный психологический рубеж старых представлений о женщине [18, с. 382].

Также одной из важных тенденций в развитии трудовых традиций русского крестьянства Алтая в годы войны было раннее включение детей в трудовую деятельность. Это было связано, прежде всего, с массовой мобилизацией мужчин на фронт. Она привела к тому, что дети с самого раннего возраста стали включаться в домашний и общественный труд.

Раннее приучение детей к труду являлось обычной практикой в трудовом воспитании. Историки называют разный возраст, с которого начиналось привлечение детей к трудовой деятельности. В частности, М. М. Громыко говорит о 5-7 годах [9, с. 293], Н. А. Миненко – 6-7 лет [15, с. 108], В. А. Зверев – 7-8 лет [11, с. 144]. При этом ученые особый акцент делают на том, что трудовое воспитание представляло собой целостную систему с поэтапным приучением к труду. В частности, В. А. Зверев, соглашаясь с Н. А. Миненко, выделяет формирующую и основную ступени воспитания [11, с. 145].

Помимо этого важной особенностью системы воспитания являлось то, что привлечение ребенка к труду осуществлялась с учетом его физических и психологических особенностей и возможностей. В зависимости от них определялись объем нагрузки и воспитательные приемы [15, с. 119]. Важным элементом этой системы являлось чередование напряженных хозяйственных работ с днями отдыха. [13, с. 246].

В годы войны в системе трудового воспитания детей произошли значительные изменения. Взрослые отчасти старались привлекать детей к домашнему труду соразмерно их возможностям. А. И. Поздеева (1932 г. р.) вспоминает: «Ну не те дети которым 5-6 лет, а те, которым 10-11 – грядки уже сеяли, старше с тяпкой уже картошку окучивали, а маленькие знали что грядки утром до жары нужно сделать. Сильно не перегружали. И сгореть же можно на солнце» [6].

Но нередко ситуация в семье складывалась таким образом, что дети были вынуждены трудиться на пределе своих возможностей. Это было связано с тем, что в семье часто отсутствовали старшие незанятые члены семьи. З. С. Агапова (1935 г. р.): «Они [брат с сестрой] меня няней звали. Мама скажет как-нибудь: «Ребятишки, надо дров напилить». Мы бревно на эти палки кладем и пилим. А она [младшая сестра] сядет держать. Мы говорим: «Держи», а она начнет держать и упадет. Мы её поднимаем и ругаем» [5].

Также в годы войны дети активно привлекались к работам в колхозе. С 1942 г. было закреплено привлечение к колхозным работам подростков с 12 лет. На деле уже с первых классов школы дети начинали постепенно привлекаться к работам. В 1943 г. на полях края работали 32 910 учеников начальных классов [10].

Многочисленные воспоминания, а также выводы историка Т. К. Щегловой [19, с. 369]показывают, что активное участие детей в колхозных работах начиналось с 9–10 лет. Сданного возраста дети привлекались к работам на постоянной основе. Респондентка З. Н. Макарова (1934 г. р.) указывала**:** «В бригадах с 8-9 лет они уже жили на бригаде и работали там. Порухин помню, Величкин Петро – это мои соклассники» [7]. Столь раннему вовлечению детей в колхозный труд, по мнению Т. К. Щегловой, способствовали преимущества, которые давала работа на производстве – оплата трудодней, колхозная или бригадная полевая кухня [19, с. 370].

Подводя итог, следует отметить, что сохранение трудовых традиций в предвоенный и военный период сыграло большую позитивную роль в жизнеобеспечении русского крестьянства Алтая в годы войны. В частности, способность осуществления большого объема ручного труда, раннее привлечение детей к труду способствовали адаптации крестьян к изменившимся в военное время условиям сельскохозяйственных работ и смещению социальных ролей. Сами традиции претерпевали ряд изменений. В частности, изменение роли женщины в социуме привело к изменению ее роли в половозрастном разделении труда и стало основой для дальнейшего процесса эмансипации.

1. Алтай в годы Великой Отечественной войны / под ред. Е. В. Заруцкой. Барнаул, 1960.
2. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Гилев Лог, М. И. Камчатова , 1920 г. р.
3. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Дубровино, И. Ф. Калашник, 1929 г. р.
4. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Сидоровка,М. В. Сергеева, 1925 г. р.
5. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2011. Волчихинский район, с. Усть-Волчиха, З. С. Агапова, 1935 г. р.
6. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015. Залесовский район, с. Залесово, А. И. Поздеева, 1932 г. р.
7. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Рубцовский район, с. Коростели, З. Н.Макарова, 1934 г. р.
8. Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
9. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII-первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.
10. Дударева О. Н. Дети тылового Алтая // URL: http://www.archiv.ab.ru/prosvet/materials_smi/deti_til2009.html (дата обр.: 15.09.2015).
11. Зверев В. А. Дети – отцам замена : воспроизводство сельского населения Сибири, 1861-1917 гг. Новосибирск, 1993.
12. Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130-141.
13. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае : XVIII - начало XX века. М., 1996.
14. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
15. Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII -первая половина XIX в. М., 1991.
16. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири , XVIII-первая половина XIX в.Новосибирск, 1991.
17. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья (XVIII - первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
18. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008.
19. Щеглова Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты// Этнография Алтая и сопредельных территорий : мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 10 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 366-377.

СОЗДАНИЕ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСТИНЫХ ДВОРОВВ Г. ТОБОЛЬСКЕ В XVII-XIX ВВ.

М.И. Сайфуллина
Гимназия им. Н. Д. Лицмана, г. Тобольск

На протяжении длительного времени гостиные дворы в Русском государстве являлись важными торговыми центрами, играя ключевую роль как во внутренней, так и в международной торговле. Появление сети гостиных дворов оказало ощутимое влияние на развитие всей русской торговли, укрепление государства в целом.

Первые гостиные дворы возникли на Руси еще в XIII в. и продолжали функционировать вплоть до начала XX в. В настоящее время деревянные гостиные дворы утрачены. Недостаток информации о них в специальной литературе и архивных источниках (по сравнению с каменными гостиными дворами) не дает возможности в полной мере узнать историю, особенности строения таких дворов. Данный факт делает изучение вопросов создания, структуры и функционирования деревянных гостиных дворов актуальным и обуславливает выбор темы настоящего исследования.

В представленной работеохарактеризуем процесс создания, структуру и функционирование деревянных гостиных дворов XVII – XVIII вв. на примере г. Тобольска.

Тобольск – город, отличавшийся своим внешним обликом от других городов Сибири. Расположенный на берегу реки Иртыш, он разделялся на две части. Первоначально все население Тобольска жило в верхнем посаде, который находился на возвышенном яру (Алафейской горе). По этой причине первый гостиный двор был построен в 1601 г. именно на яру. Состоял он из горницы «на подклете» и 29 лавок. В. И. Кочедамов отмечал, что в Дозорной книге 1624 г. было указано, что на верхнем посаде находился гостиный двор и базар, где русские и бухарцы держали 52 лавки и 23 палатки [1, с. 75], но в 1629 г. торговое сооружение сгорает. В 1640 г. вновь отстроенный гостиный двор состоит уже из 81 лавки [2, л. 33], однако 14 августа 1643 г. в Тобольске опять происходит большой пожар, в ходе которого сгорает приказ, Соборная и Приходская церкви, гостиный двор, ряды …» [1, с. 10]. Позже на восточной стороне торговой площади верхнего посада построили замкнутый прямоугольник гостиного двора (45 х 68 м).

Строившиеся за счет казны, гостиные дворы до середины XVIII в. представляли собой значительные торговые комплексы, в которые входили таможенная изба, важня, амбары, сараи, церковь или часовня, избы для проживания, мыльни и конюшни. Таможенная изба предназначалась для регистрации приезжих купцов, сбора торговых пошлин с них. В важне привезенный для продажи товар взвешивался и затем отправлялся на хранение в амбары и сараи. Церковь и часовня при гостиных дворах служили местом удовлетворения духовных потребностей торговцев и покупателей, а в зимнее время в них можно было обогреться. Избы для гостей предназначались для проживания иностранных и русских купцов на период торговли. Комфортные условия проживания купцов обеспечивались не только избами для гостей, но и мыльнями, представлявшими собой помещения для мытья тела (своеобразные бани). Также при гостиных дворах располагались конюшни как места для лошадей торговцев.

Постепенно в 20-х гг. XVII в. местное население Тобольска переселяется из крепости в нижний посад, ближе к реке. Посад быстро разрастался и вскоре сформировался второй торговый центр. В конце 1650 г. тобольский посадский человек Микита Емельянов Шелковников отправил донос (челобитную) в Москву, в которой писал, что многие жители незаконно имеют свои лавки и беспошлинно торгуют на территории нижнего посада. С Москвы пришло царское распоряжение о запрете торга,

но тобольские «подгорные жильцы» отправили царю (Алексею Михайловичу) объяснительную челобитную, прося не велеть переносить лавок из-под горы на гору, мотивируя двумя причинами:

1) лавки в нижнем посаде поставлены «издавна» и «не в татарских юртах», а «близ церкви, возле русского мосту, на кузнешные места», которые «из нас же лавошники покупали дорогою ценою по пятнадцати, и по дватцати, и по тридцати рублев»:

2) челобитники доносили, что «весною и осенью бывают грязи большие, а гора высока и всход на нее крут, а в зиме бывает ледяно и катко и мразно» и многие увечные, старые и бедные люди не могут «волочиться» по ней до расположенных на верхнем посаде торговых рядов, чтобы приобрести в них «про свой обиход портища и обуишка» [3, с. 29].

Правительство пошло на уступки, разрешив оставить лавки на прежних местах, однако повелело построить таможню. 20 мая 1677 г. в городе от молнии возник пожар и в огне в нагорной части погибли «город рубленный, Соборная церковь и прочих семь, Архиерейский дом, приказы, гостиный двор и ряды». В 1686 г. в нижнем посаде выгорают татарские и бухарские слободы, колмацкий (посольский) двор, Богоявленская церковь и торговые ряды. 4 июля 1701 г. Тобольск вновь горел. Пожар возник под горой в татарских юртах, но погибло и 500 русских дворов. Пламя перекинулось на верхний посад. Острог удалось отстоять, но сгорел гостиный двор. После таких многочисленных пожаров сибирский митрополит Павел обратился к царю с просьбой о выделении денежных средств для начала в городе каменного строительства. Его просьба не осталась без внимания. Москва заботилась о благополучии и престиже сибирской столицы. Средства выделили, а из Москвы и Устюга в Тобольск направили искусных каменщиков.

В 1703–1708 гг. в верхнем посаде города был построен каменный гостиный (меновой) двор.

Нижний же посад был очень тесно застроен, в непосредственной близи от торговой площади находилась Татарская слобода, на территории которой тесно располагались юрты, а татары широко использовались для приготовления пищи и обогрева ненадежные чувалы. Поэтому губернатор Ф. И. Соймонов, после очередного опустошительного пожара в 1757 г., в котором были уничтожены 817 строений, стал переустраивать эту часть города. Татарам было предложено переселиться в район Ямской слободы на берег Иртыша, но они отказались от этого переселения и разъехались в пригородные татарские деревни. На месте сгоревших лавок и 24 юрт Татарской слободы был отстроен по приказу губернатора большой деревянный гостиный двор в виде квадрата площадью более 50 сажен, который включал в себя около 300 лавок [1, с. 85].

В конце XVI – начале XVII в. в Тобольске под горой за речкой Курдюмкой действовал третий – «колмацкий» (посольский) – двор, в котором останавливались среднеазиатские послы и купцы. Известный ученый Г. Миллер отмечал, что приезжие бухарцы прибывали в город с товарами в основном с наступлением зимы и вели торговлю до весны. Так, в 1738 и 1739 гг. в Тобольск прибили купцы в количестве 30 человек, а в 1741 и 1742 гг. – в количестве 68 человек. Они останавливались у живущих в городе бухарцев – родственников или знакомых, так как построенный для купцов «гостиный двор» сгорел во время пожара и не был восстановлен [4].

Пожары в г. Тобольске были поистине бедствием. Самым опустошительным из них стал пожар, случившийся 27 апреля 1788 г. Тобольский губернатор А. В. Алябьев в рапорте от 4 мая 1788 г. писал пермскому и тобольскому наместнику Е. П. Кашкину: «27-го числа апреля, в 11-ть часов поутру, в самое служение божественной литургии, зделался под горою, в приходе архангельском, у мещанина Безсонова под литерою

…великий ветер в момент распространил огонь так, что уже 4 двора занялись вокруг … старание наше было защищать гостиной двор, куда огонь имел свою дирекцию…Но вихрь так умножился, что рвал кровли, и так огонь бросал, что никакия силы противоборствовать оному были не в состоянии. Итак, гостиной двор под литерою Б, и мясной ряд под литерою В и вся линия до реки Иртыш сгорела… 28 числа в 10-ть часов вечера пожар закончился» [5, л. 92–92 об.].

Потери купцов были огромными – 630 000 рублей. Краевед К. Голодников писал: «Дело доходило до гостиного двора, где лежали в огромном количестве товары, недавно привезенные и сложенные в лавки и кладовые, а также и деньги, хранимые некоторыми купцами, по старинному обыкновению, во избежание домашних краж и пожаров. Большая часть собравшегося народа, не видя уже возможности спасти частные строения, бросились отстаивать гостиный двор. Но было поздно. Огонь, обхвативший огромное пространство и встречавший на каждом шагу, особенно при сильном ветре … ворвался уже в ряды и пошел с неименованной, истребляя и ломая с треском все, ему встречающееся, быстротою разгуливать по лавкам» [6, с. 53]. В лавках и балаганах мещан сгорело 21 885 руб. 77 коп., понесли убытки 77 торговцев.

Уже в мае 1788 г. купцы и мещане ходатайствовали перед губернатором А. В. Алябьевым о дозволении «вместо сгоревшего гостиного двора… на первый случай» построить балаганы, предлагая внутри гостиного двора построить купеческие, а снаружи –мещанские. В июне десять мещан подали прошение в Тобольскую городскую думу о выделении места для торга у речки Знаменского монастыря [7, л. 29–29 об.].

17 июля 1788 г. купеческое общество решило попросить дозволения у Тобольского наместнического управления «во избежание беспорядочной и медленной мещанами постройки» построить весь корпус этих балаганов «собственным качеством», мотивируя тем, что мещане в одном корпусе с купечеством по сделанному плану строить балаганы не согласились, и некоторые из них (мещан – *М.С.)* строили балаганы «без никакого порядка». В августе 1788 г. в Тобольскую управу благочиния пришел указ из Тобольского наместнического управления о дозволении «собственным купеческим качеством» построить балаганы, а также рыбный и мясной ряд сообразно с присланным из наместнического управления планом. Но мещане с эти были не согласны и в 1791 г. обратились в Тобольское наместническое правление с просьбой разъяснить «куда надлежит взнести 1541 руб. 21 коп. за подходящие под гостиный двор места» [8, л. 1–1 об.]. Спор между купеческим и мещанским обществом продолжался до 1797 г. В 1792 г. купцы заявили, что с внутренней и с наружной стороны постройку лавок производили «за собственный свой кочт», поэтому и достроить с внутренней стороны могут «помимо тех мещан» [8, л. 10]. В 1795 г. Тобольский городовой магистрат получил указание местного наместничества, в котором говорилось что «не допускать мещан и цеховых к строительству вокруг гостиного двора лавок нельзя» [8, л. 15]. Наконец, 10 февраля 1797 г. мещанское общество получило право на достройку наружных частей образовавшегося из балаганов гостиного двора, а также внесение денег купеческому обществу за застроенные уже наружные балаганы.

В 1833 г. архитектор Трофимов представил проект каменного гостиного двора на 240 лавок, но купцам проект показался дорогим и большим, поэтому он был отклонён. В 1857 г. городские власти снова подняли вопрос о сооружении каменного гостиного двора на Благовещенской площади, но и эта постройка оказалась не по силам тобольскому купечеству. В результате в 1860 г. на месте сгоревшего был построен новый деревянный гостиный двор. В 1878–1880 гг. на главном базаре под горой было сооружено здание небольшого гостиного двора, который существовал до начала XX в.

В целом, являясь центрами местной торговли, гостиные дворы выполняли несколько функций. *Торгово-экономическая* функция дворов заключалась в том, что

они являлись центрами сосредоточения торговли, а также важным источником пополнения городского (местного) и государственного бюджета. Налоги, уплаченные торговцами гостиных дворов в местный бюджет, шли на благоустройство города, поддержание его санитарного состояния, содержание приютов, аптек для бедных и т.п.

Посетителями гостиных дворов были не только горожане, но и жители сельской местности, приезжающие в город с целью приобретения различных товаров. В процессе купли-продажи покупатели и продавцы обменивались новостями, слухами, житейским опытом, что свидетельствует о том, что гостиные дворы выполняли *информационно-коммуникативную функцию.*

Гостиные дворы также выполняли *интегративную функцию*, способствуя активному включению отдельных районов в хозяйственные связи внутри страны.

1. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977.
2. РГАДА. СП. Кн. 3.
3. Вилков О.Н. Торговые помещения Тобольска XVII в. // Известия СО АН ССР. 1968. № 6. С. 21–30.
4. Миллер Г.Ф. Описание о торгах сибирских. URL:http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/ (дата обр. 02.07.2015).
5. РГАДА. Ф.24. Оп. 1 Д. 60. Ч. 2.
6. Голодников К. М. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. [Тобольск]: Тип. Тобольского губ. прав., 1887. .
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 37.
8.ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 369. Оп. 2. Д.15.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Г.К. Скачкова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

В конце XIX – начале XX вв. в Тобольской губернии наблюдается значительный рост количества школ и численности учащихся. К примеру, за период с 1892 по 1914 гг. количество школ возросло с 558 до 1720 – более чем в три раза, а численность учащихся увеличилась с 18 573 до 73 476 чел., т. е более чем в четыре раза.(11; с.121) Положительная динамика в деле народного образования требовала значительного увеличения контингента учителей со специальным образованием, а, следовательно, и формирования системы профессиональных педагогических учебных заведений.

По данным статистического ежегодника России на 1908 г. в начальных школах Тобольской губернии трудились в основном женщины-учительницы, доля которых в общей численности учителей губернии составляла 77,1 %. По этим показателям Тобольская губерния удерживала ведущее положение стране [12, с. 107].

Как в центральной России, так и в Сибири, потребность в женщине-учительнице была велика по ряду причин. Во-первых, как констатировал, известный русский педагог, издатель и редактор журнала «Женское образование» В. Я. Сиповский, есть две черты, «выгодно отличавшие учительниц от учителей – это большая добросовестность в отношении к своим обязанностям и большая сердечность в отношении к учащимся – два качества в педагогическом деле весьма ценные» [10, с. 33]. Во-вторых, относительная дешевизна учительского труда, особенно в начальной (сельской) школе, мало привлекала к этому занятию педагогов-мужчин. Общеобразовательные женские школы и прогимназии, действовавшие в городах Тобольской губернии, во многом способствовали педагогической деятельности выпускниц, но не давали полноценной профессиональной подготовки. По данным Г. Я.

Маляревского, директора училищ Тобольской губернии, в 1907 г. доля учителей-мужчин со специальным образованием составляла 63 %, женщин – всего 25 % [14, с. 359]. Для получения официального разрешения заниматься педагогической деятельностью учительницы, не имевшие профессиональной подготовки, сдавали соответствующие квалификационные экзамены при мужской гимназии.

Существенную роль в профессиональной подготовке учительниц сыграли педагогические классы, открытые при женских гимназиях: Тобольской Мариинской и Министерства просвещения в гг. Тюмени, Кургане, Ишиме, а также Тобольском епархиальном училище, ставшие прообразом первых специализированных педагогических учебных заведений региона.

Ученицы педагогических классов женских гимназий теоретически знакомились с основами педагогики и методикой преподавания предметов учебного курса. Специализация педклассов способствовала более углубленному изучению предметов соответствующего профиля. К примеру,ученицы восьмого дополнительного класса Тобольской Мариинской женской гимназии со словесным направлением изучали методику начального обучения русскому языку, русский язык и церковно-славянский, историю русской литературы. Выпускницы педагогического класса официально приобретали права «домашней наставницы» – более высокий статус, чем «учительница народной школы». К примеру, в аттестате Е. С. Знаменской от 22 марта 1918 г. отмечено: «На основании п. 46 Устава женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии, утвержденного в 1862 году, имеет право получить, не подвергаясь особому испытанию, свидетельство на звание домашней наставницы тех предметов, по которым она оказала хорошие успехи» [9].

Изучение книг и статей по вопросам воспитания и обучения, подготовка педагогических сочинений, рефератов и сообщений давала выпускницам педагогических классов основы самообразования. Педагогическая практика будущих учительниц заключалась в наблюдении за детьми подготовительного класса гимназии или образцового начального училища и проведении пробных уроков.

В годы первой мировой войны, к примеру, будущие учителя из педагогического класса Тюменской женской гимназии закрепляли полученные знания на практике в летних детских яслях и приютах, организованных в сельской местности на средства местного Общества повсеместной помощи воинам и их семьям [3, л.20].

Ученицы педагогического класса Тобольской Мариинской гимназии в летние каникулы 1916 г. занимались на детской площадке, организованной Тобольским обществом внешкольного образования в Благовещенском сквере: проводили занятия по чтению, лепке и конструированию из природного материала и бумаги, устраивали экскурсии по окрестностям Тобольска, праздники и массовые мероприятия [6]. Несмотря на то, что в педагогические классы шли, как правило, лучшие выпускницы гимназии, немногие из них продолжали учительскую стезю. К примеру, по данным 1906 г., из 16 выпускниц педагогического класса Тюменской женской гимназии лишь 4 изъявили желание заняться практикой [4, л.18].

Значимость педагогических классов снизилась в связи с принятием в 1916 г. ряда правительственных документов, которые стимулировали рост женского высшего образования. В женских гимназиях вместо педагогических стали создаваться общеобразовательные классы, приближенные по курсу к мужским гимназиям, с целью подготовки в университеты.

Тем не менее, педагогические классы женских гимназий, будучи ценным приобретением дореволюционнойпедагогики, обобщили и формально узаконили плодотворный опыт подготовки учителей в женских образовательных учебных заведениях.

В отличие от гимназических, педагогический класс Тобольского епархиального женского училища «заработал» себе мировую славу еще в 1893 г., представив свой опыт подготовки учительниц в американском городе Чикаго на Всемирном педагогическом конгрессе [8]. В 1894 г. при училище было построено новое здание, в котором открыли образцовую начальную школу для плодотворной педагогической практики учениц. Судя по отчетам Тобольского епархиального училища, поведение учениц всегда оценивалось на «хорошо» и «отлично», в большинстве своем «епархиалки» отличались и безукоризненным прилежанием: «Редко можно встретить учениц ленивых. Напротив, иногда приходится напоминать ученицам о том, чтобы они не употребляли на приготовление уроков времени, назначенного на отдых» [7].

Выпускницы епархиального училища прочно закреплялись в церковно-приходских школах. К примеру, по данным справочной книги Тобольской епархии за 1913 г., в 37 церковно-приходских школах г. Тобольска и Тобольского уезда служили 32 учительницы, из них 22 – выпускницы епархиального училища, остальные – выпускницы Мариинской женской школы или других женских учебных заведений [15].

В начале XX в. в Тобольской губернии начали массово открываться передвижные школы, вследствие этого спрос на педагогические кадры еще более возрос. Директором училищ Тобольской губернии Г. Я. Маляревским была введена система профессиональной подготовки учителей на ежегодных летних краткосрочных курсах. С 1889 г. такие курсы проводились по инициативе духовного ведомства для совершенствования мастерства учителей церковно-приходских школ. С течением времени курсы стали регулярными, тематика курсов расширялась: кроме получения теоретических знаний по педагогике, психологии, методике преподавания предметов, учителя отрабатывали практические навыки проведения уроков в образцовой школе, а также приобретали специальные сельскохозяйственные знания по огородничеству, пчеловодству, садоводству для распространения среди жителей сельской местности.

Педагогические курсы, устраиваемые в школах разных районов Тобольской губернии, чаще всего сельских, были очень востребованы педагогами. В них принимали участие не только учителя, которых отправляли органы народного образования за казенный счет, но и вольнослушатели, педагоги, добровольно жертвовавшие своими заработанными средствами и временем летнего отпуска для получения необходимых знаний и совершенствования профессиональных навыков. К примеру, один из участников педагогических курсов, учитель церковно-приходской школы священник Павел Александров, много лет служивший учителем и заведующим школой, трижды побывал на курсах и констатировал: «По своему личному опыту и потому, что мне приходилось наблюдать собственными глазами, я утверждаю, что курсы для нашего брата нужны обязательно и многополезны» [13, с. 234].О востребованности курсов по сельскому хозяйству свидетельствует факт, приведенный директором народных училищ в «Отчете по курсам сельского хозяйства для учителей и учительниц начальных училищ Тобольской губернии, бывшим с 10 мая по июля 1908 г. при Тобольской сельскохозяйственной школе»: по причине материальных ограничений вместо 100 желающих на курсы было приглашено всего 30 человек [14, с.236].

В начале XX в. перед руководством народным образованием Тобольской губернии встала насущная задача создания специализированных педагогических учебных заведений. Первым из названных становится Ялуторовская учительская женская семинария, открытая в 1912 г. Г. Я. Маляревский лично разработал проект этого учебного заведения, на городские средства были приобретены здания учебного корпуса и образцовой школы. В учительскую семинарию принимали девочек с первоначальным образованием, не моложе 12 лет, преимущественно из демократических слоев. Срок обучения составлял 4 года. Немаловажен тот факт, что

обучение в учительской семинарии было бесплатным, а неимущим выделяли стипендии. Ученицы семинарии получали общеобразовательную подготовку в размере низшей (неполносредней) школы, включая и общеразвивающие предметы: рисование, гимнастику, пение, домоводство. В качестве специальной подготовки семинаристки осваивали методики предметов школьного цикла и проводили практику в образцовой школе [1, л. 3]. В 1913 г. в Ялуторовской семинарии обучалось 105 учениц [5, с.42]. С течением времени учебное заведение набирало силу и становилось одним из лучших среди учительских семинарий в России.

В 1914 г. в г. Тобольске было открыто второе в губернии низшее педагогическое учебное заведение – мужская учительская семинария. В течение долгого времени шли споры о месте открытия этого учебного заведении: в селе Голышманово, городах Ишим и Тобольск. Наконец, для семинарии был выбран г. Тобольск, определено помещение – довольно просторный особняк купцов Ершовых в районе Подшлюзы. Общеобразовательная подготовка в мужской семинарии, в отличие от женской, была ориентирована на изучение естественно-математических дисциплин, включая ручной труд, практические занятия по природоведению и курс допризывной подготовки. Благодаря высококвалифицированному преподавательскому составу и хорошей практической подготовке семинария выпускала подготовленных специалистов [2, с. 109].

Формирование системы профессионального педагогического образования в губернии завершило открытие Тобольского учительского института в 1916 г., призванного готовить кадры для высших начальных училищ. «Условия и правила приема в институт, – как отмечал исследователь Ю. П. Прибыльский, – предусматривали определенные социальные и правовые ограничения, распространялись только на лиц мужского пола возрастом от 18 до 35 лет, физически здоровых, имеющих среднее образование, исповедующих православную веру. Предпочтение отдавалось тем, кто успел поработать в школе» [2, с. 111].

Учебное заведение начало свою деятельность в условиях тяжелой экономической ситуации, сложившейся в стране и регионе в результате Первой мировой войны. Тем не менее, необходимые помещения и педагогические кадры для учительского института были найдены, и 45 слушателей естественно-географического, физико-математического и словесно-исторического факультетов приступили к занятиям. После революционных событий 1917 г. в учительский институт был разрешен прием женщин, контингент обучающихся возрос, но судьба его была предрешена. Единственный выпуск учительского института в составе 8 будущих учителей естественников был сделан в 1919 г., и Учительский институт, как и другие учебные заведения дореволюционной России, прекратил свое существование.

Таким образом, процесс увеличения количества общеобразовательных школ и контингента учащихся в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. сопровождался количественным ростом и качественным совершенствованием подготовки учителей. Формировавшаяся в губернии система педагогического образования была ориентирована не только на теоретическую, но и практическую подготовку педагогов и в последующем послужила преемственной базой создания учительства советской школы региона.

1. ГБУТО ГА г. Тобольске. Ф.5. Оп. 1. Д. 21.
2. В творческом поиске: Образовательные учреждения Тобольска. Тюмень, 2006.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. И-55. Оп.1. Д. 217.
4. ГБУТО ГАТО. Ф. И-55. Оп.1. Д. 68.
5. Обзор Тобольской губернии за 1913 год. Тобольск, 1914.
6. Отчет о детской площадке // Приложение к газете «Сибирский листок». 1916. 26 сент.
7. Отчет Тобольского епархиального женского училища за 1892-93 уч. год. // Тобольские епархиальные

ведомости. 1894. № 11.
8. Отчет Тобольского Епархиального женского училища за 1892-93 уч. год. //Тобольские Епархиальные ведомости. 1894. № 22.
9. Подлинный аттестат Е.С. Знаменской. Фонды музея народного образования Тюменской области ТГСПА им. Д. И. Менделеева. Инв. № 70/12.
10. Сиповский В.Д Избранные педагогические сочинения. СПб., 1911.
11. Скачкова Г.К. Состояние школьного образования в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. //Проблемы истории Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию профессора Ю. П. Прибыльского. Вып.2. Тобольск, 2011. С. 121-126.
12. Солнцев В. Начальное народное образование в России по данным на 1903 год // Ежегодник России на 1908 год. СПб., 1909. С. 107–123.
13. Солодова Т. И. Сплетенье судеб и времен. Учительская династия Маляревских. Тобольск, 2008.
14. Солодова Т И. Отзыв мыслей благородных. Статьи. Очерки. Воспоминания. Эссе. Тобольск, 2013.
15. Справочная книга Тобольской Епархии за 1913 г. Тобольск, 1914.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ВЫСТАВОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ И КОНГРЕССАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.

В.А. Скопа
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Накапливая опыт в организации исследовательской работы, формируя историко-этнографический и археологический материал, региональные центры статистического учета становились оплотом этнографических и археологических знаний в губерниях и областях. Историко-этнографический аспект в деятельности комитетов присутствовал при подготовке и непосредственном участии во многих выставках и конгрессах. Данная форма представления материала по регионам имела научно-практическое значение. Организационная и подготовительная работа к выставкам велась длительное время. Чаще всего инициаторами данных мероприятий выступали научные общественные организации. Так, одним из самых активных являлось Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Экспозиционно-выставочная форма работы позволяла представителям из регионов продемонстрировать свои материалы и посмотреть другие, при этом появлялась возможность заимствования опыта и знаний по направлениям «необязательных» работ [1, с. 168].

По мере накопления материалов, подобного рода мероприятия стали приобретать отраслевой характер (сельскохозяйственные, промышленные выставки). Так, одним из значимых событий в деятельности Томского губернского статистического комитета являлась подготовка экспозиции о губернии к Политехнической выставке 1872 г., проходившей в Москве [2, л. 93]. Выставка создавалась по инициативе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и была приурочена к 200-летию со дня рождения Петра Великого. В работе данное мероприятие предполагало обмен изданиями, опытом работы и отдельными экспозициями. По продолжительности выставочное мероприятие было растянуто почти на полгода, где, как отмечалось, «обыватели созерцали достижения прогресса» [8, с. 7]. Всего на выставке было двадцать шесть отделов – среди них, такие как военный, почтовый, морской, кустарной промышленности и другие. Отдельно были представлены материалы по регионам России.

Развернутое выставочное мероприятие преследовало несколько целей. Во-первых, предполагалось ознакомить русское общество как с научной, так и с практической сторонами естествознания, показать приложение наук к обыденной жизни, где

отдельное внимание было уделено этнографическому аспекту. Во-вторых, продемонстрировать русским фабрикантам, промышленникам и мастеровым новейшие отечественные и иностранные машины, аппараты и инструменты. И, в-третьих, представить в исторической последовательности, главным образом со времени эпохи Петра I, развитие промышленности в России. Основная ответственность в подготовке экспозиции к выставке о губернии и формировании записки о ее развитии возлагалась на губернский статистический комитет, а точнее его секретаря. Томский губернский статистический комитет представлял князь Н. А. Костров [3, л. 32]. Его неподдельная заинтересованность и стремление к изучению региона изнутри позволили максимально представить губернию с ее достижениями и особенностями [10, 235].

Работа по формированию сведений о губернии выстраивалась по ряду направлений. Основное внимание было сосредоточено на составлении записки о развитии губернии, представлении данных по отраслям промышленности и сельского хозяйства. В подготовке общего отчета по губернии приняли участие представители разных ведомств под руководством секретаря статистического комитета Н. А. Кострова. В отображении развития губернии определялись следующие основные направления сбора материалов: «1) Сырые продукты растительного, минерального и животного царств, которые, свидетельствуя об естественных богатствах края, в то же время могут служить предметами выгодной, по местным условиям, обработки; 2) Изделия, которые, характеризуя местную производительность, имеют на месте значительный сбыт или занимают на обработку значительное число рук; 3) Образцы сырых материалов, из которых делаются представляемые изделия; 4) Орудия и машины местного изобретения или изготовления, особенно употребляемые в золотопромышленном деле» [2, л. 78]. Весь комплекс сгруппированного статистическим комитетом материала позволял судить об экономическом состоянии губернии и ее промышленном развитии. Формируемые данные о губернии при непосредственном участии статистического комитета имели важное научно-практическое значение.

В 1876 г. в Санкт-Петербурге проходил международный конгресс ориенталистов, который сопровождался выставкой «всякого рода предметов восточного происхождения в археологическом, этнографическом и литературном отношениях» [4, л. 12]. Сбором предметов и литературы для этой выставки по Томской и Тобольской губерниям занимались статистические комитеты на основании предписаний гражданских губернаторов. Предварительный список вещей, предполагаемых к отправлению на выставку из Томской губернии, насчитывал не одну сотню предметов. В результате тщательной и кропотливой работы, комитетом было отобрано более двадцати предметов, к которым отнесли: «Шаманский бубен с колотушкою из языческого культа Алтайских инородцев», «Грамматика Алтайского языка со Словарем», «Алтайско-русский букварь», «Талон, отрываемый от накладной», «Список с памятника в Барнауле», «Наконечник стрелы», «Отломок от рукоятки кинжала» и др. [11, с. 140].

В этом же году Тобольским статистическим комитетом было принято участие в III международном конгрессе востоковедов в Петербурге, где была представлена большая этнографическая коллекция. Она «содержала как оригинальные предметы, так и научно-вспомогательные материалы (модели, фотографии, рисунки), которые отражали разные стороны хозяйственной и промысловой деятельности, культуры и быта, традиционного мировоззрения, изобразительного искусства и музыкального творчества коренного населения Тобольского севера (обских угров и ненцев)» [7, л. 73].Этнографическая коллекция от музея Тобольского статистического комитета, представленная на выставке, «была сформирована систематически, в объеме, достаточном для характеристики различных черт культуры и быта коренных

обитателей севера Тобольской губернии» [7, л. 128]. Существенный вклад на подготовительном этапе внес секретарь статистического комитета И. Н. Юшков, которым была проведена целенаправленная работу по комплектованию фондов и экспозиций к выставке.

С точки зрения развития историко-этнографического направления в системе статистических учреждений Западной Сибири интересной представляется подготовка материалов на Антропологическую выставку, которая проходила в Москве в 1879 г. по инициативе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В письме, адресованном губернатору, отмечалось: «просим его Превосходительство, согласно посланной программе, не отказать в содействии по доставлению через статистические комитеты разного рода сведений о Тобольской губернии, а также и предметов по тем частям, что указаны в программе» [5, л. 13]. Тобольский губернский статистический комитет в этнографическом плане готовил материалы по формам, утвержденным комитетом выставки. Сюда были отнесено общее описание губернии и отдельных экспозиций. По губернии формировались сведения о народах ее населяющих, их быте и занятиях.

Отдельное внимание заслуживает причастность статистических комитетов для подготовки к I-й Сибирской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Кургане, которая проводилась в 1895 г. [12, с. 3]. На статистические комитеты возлагалась обязанность в предоставлении сведений о развитии губерний на основе статистических данных. Материалы комплектовались по следующим отделам: «естественные условия, местность; организация хозяйств; земледелие; обработка сельскохозяйственных продуктов; животноводство; лесоводство; садоводство; кустарные промыслы; общий отдел, который содержал сведения о народном образовании, сельской медицине и ветеринарном деле» [9, с. 4]. Во многом это объяснялось как практической заинтересованностью дела, так и научно-просветительской. Все это служило толчком к оживлению специализированной, общественно-научной работы. Выставочные мероприятия способствовали и распространению историко-статистических и этнографических работ по региону, подготовленных региональными статистическими учреждениями. Так, Тобольским статистическим комитетом были подготовлены сведения о хозяйственном развитии губернии и основных промыслах [6, л. 197].

Очередным выставочным мероприятием, где были задействованы представители статистических учреждений Томской и Тобольской губерний, явилась «Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка». Она проходила в г. Омске в 1911 г. К организации и подготовке экспозиций были привлечены представители разных ведомств, не исключением являлись представители статистических комитетов и общественно-административных структур. К материалам, высылаемым на выставку, прилагались различные пояснения и сопровождающие инструкции. Отдельно статистическими комитетами готовились пояснительные письма о развитии губерний по статистической части. В целом, выставка способствовала распространению историко-статистических и этнографических работ по региону, подготовленных статистическими службами.

Таким образом, активная деятельность статистических учреждений Западной Сибири в различного рода выставках и конгрессах способствовала систематизации имеющихся материалов по региону и популяризации знаний о нем за его пределами.

1. Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф. 234. Оп. 1. Д. 185.
3. ГАТО Ф. 234. Оп. 1. Д. 187.
4. ГАТО Ф. 234. Оп. 1. Д. 280..
5. ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 447.

6. ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 542.
7. ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 556.
8. Общее обозрение Московской Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1872.
9. Скалозубов Н.Л. Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка Тобольской губернии в городе Кургане в 1895 году: отчет о выставке и каталог ее. Тобольск, 1902.
10. Скопа В.А. Вклад Томского губернского статистического комитета в подготовку экспозиции о губернии к Политехнической выставке 1872 г. // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (История, Краеведение, Культура). Мат-лы Всерос. науч. конф. Омск, 2010. С. 233-237.
11. Скопа В.А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835-1919 годах. Барнаул, 2009.
12. Труды Комитета по устройству сельскохозяйственной и кустарной выставки в городе Кургане в 1895 году. Вып. 1. Тобольск, 1895.

ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

А.И. Татарникова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Образование и развитие населенных пунктов – один из неотъемлемых элементов процесса заселения и хозяйственного освоения человеком новой территории. Возникавшая в результате жизнедеятельности общества поселенческая сеть всегда играла важную роль в экономическом и социокультурном развитии отдельных регионов и страны в целом. Особенно любопытно изучение функционирования сети населенных пунктов в тех районах, которые в силу суровых природно-климатических условий, труднодоступности были слабо пригодными для традиционной земледельческой колонизации.

Данная публикация посвящена характеристике развития поселений Северо-Западной Сибири, в границы которой в конце XIX – начале XX вв. входили территории Березовского, Сургутского и Тобольского округов-уездов Тобольской губернии, расположенных большей частью в полосе полярной тундры, лесотундры и тайги. Огромные расстояния, отделявшие названные административно-территориальные единицы от относительно густонаселенных южных районов Западной Сибири, отсутствие достаточного количества пригодных для сельскохозяйственных работ земель и экстремальные климатические условия делали северную часть региона малопривлекательной для крестьян-переселенцев.

Перечисленные выше факторы оказали влияние на характер размещения и плотность поселенческой сети Северо-Западной Сибири, которая представляла собой «одиночное обособленное расположение поселков», или т.н. сеть северного редкоочагового расселения [1, с. 154]. Так, Березовский и Сургутский уезды, совокупная площадь которых составляла 824 894,6 кв. версты, имели к 1912 г. всего 499 населенных пунктов. Таким образом, 1 поселение приходилось на 1 563 кв. версты. В Тобольском уезде, расположенном в таежной зоне, на 108 296 кв. верстах размещалось 839 населенных пунктов, а плотность сети поселений (без городов) составляла 129 кв. верст. Вместе с тем в земледельческих южных уездах губернии – Ялуторовском и Курганском, – плотность сети равнялась соответственно 41,6 и 32,3 кв. версты [2].

Работа поддержана программой УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 15-13-4-11

Исследуя количество сельских населенных пунктов Северо-Западной Сибири в динамике (с 1893 по 1912 гг.), я обратила внимание на достаточно низкие темпы его прироста (*см. табл. 1).*

Табл. 1

Количество сельских населенных пунктов в округах-уездах Северо-Западной Сибири (1893 – 1912 гг.)

округ-уезд	1893 г.	1903 г.	1912 г.
Березовский	182	257	254
Сургутский	160	225	245
Тобольский	748	845	839

Подсчит. по: Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1894. Вып. 10; Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904; Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1912.

В период с 1903 по 1912 гг. в Березовском и Тобольском уездах произошло незначительное сокращение количества поселений. Возможно, это объясняется несовершенством статистического учета населенных пунктов, характерным для начала XX в., либо исчезновением малочисленных поселений, связанным с переселением в другие уезды, поселения.

На протяжении всего рассматриваемого периода в сети населенных пунктов Березовского и Сургутского округов-уездов численно преобладали селения местных аборигенов, т.н. «инородческие». В разные годы их доля составляла от 90,3 до 94,4 % от общего количества поселений. В основном это были юрты остяков (ханты) и вогулов (манси). В сети поселений Тобольского округа-уезда доля «инородческих» селений составляла в среднем 26 %. При этом она постепенно снижалась: в 1893 г. – 26,6, в 1912 – 25,9 %. Большая часть тобольской поселенческой сети была представлена деревнями. Их доля составляла в среднем 53 % всех населенных пунктов округа-уезда.

Особенностью сети поселений Северо-Западной Сибири был значительный удельный вес «инородческих» населенных пунктов, при этом доля таких «привычных» для южных земледельческих районов типов поселений, как село, деревня, заимка, выселок в названном субрегионе оставалась крайне небольшой.

Табл. 2

Классификация населенных пунктов Северо-Западной Сибири по количеству дворов, в %

Число дворов	Округ-уезд							
	Березовский		Сургутский		Тобольский		Итого	
	1893 г.	1912 г.	1893 г.	1912 г.	1893 г.	1912 г.	1893 г.	1912 г.
Малые								
1–25	69,8	81,1	98,1	98,8	66,0	74,7	78,0	84,9
Средние								
26–50	8,2	3,5	1,9	1,2	24,7	14,1	11,6	6,3
51–75	1,6	1,6	–	–	6,4	7,4	2,7	3,0
76–100	0,6	0,8	–	–	1,2	2,6	0,6	1,1
101–200	–	0,4	–	–	1,1	0,7	10,4	0,4
Крупные								
Свыше 200	–	–	–	–	–	–	–	–
Неизвестно	19,8	12,6	–	–	0,6	0,5	6,8	4,4

Подсчит. по: Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1894. Вып. 10; Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1912.

Характеристика поселенческой сети была бы неполной без учета величины населенных пунктов, в нее входящих. Используя данные такого вида статистических источников, как «Списки населенных мест», я определила среднюю величину березовских, сургутских и тобольских селений в 1893 и 1912 гг. [3; 2]. Таким образом, были получены данные по двум временным срезам, позволяющие проследить изменения величины населенных пунктов по количеству дворов. Результаты подсчетов представлены в *табл. 2*.

Как показывают помещенные в таблицу 2 данные, на протяжении всего изучаемого периода в Березовском, Сургутском и Тобольском округах-уездах подавляющее большинство населенных пунктов состояло всего из 1-25 дворов. Особенно малодворными были селения Сургутского округа-уезда. Прослеживается тенденция к повсеместному сокращению дворности поселений к 1912 г. в сравнении с данными за 1893 г. Предполагаю, что увеличение доли малодворных населенных пунктов было связано с реализацией столыпинской аграрной реформы в Сибири, направленной на образование однодворных хуторов и отрубов с одной стороны, а, с другой, – с участившимися семейными разделами среди русского и аборигенного населения рассматриваемых округов-уездов, приводящих к выезду молодых семей на отдельное поселение. Отмечу, что в южных округах-уездах – Ялуторовском, Ишимском, Курганском, – существовали населенных пункты, состоящие из 201 – 500 дворов.

Развитие поселений приводило к постепенному появлению в них учреждений социальной инфраструктуры. Так, к 1912 г. в поселенческой сети Березовского уезда, насчитывающей 254 населенных пункта, имелись заведения стационарной торговли, хлебозапасные магазины, промышленные заведения и т. п. 11 % всех поселений уезда были обеспечены духовными учреждениями, 4,3 % – образовательными. В Сургутском уезде доля селений, имевших в своей инфраструктуре духовные учреждения, составляла 4,1 %, причем этот показатель был самым высоким в уезде в сравнении с показателями обеспеченности другими элементами инфраструктуры. Тобольский уезд имел более богатую и одновременно более плотную инфраструктурную сеть. Во многом это объяснялось большей плотностью поселений и влиянием административного фактора (Тобольск – губернский центр). В уезде доля селений, в которых имелись духовные учреждения, составляла 11 %. Учреждения стационарной торговли действовали в 12,9 % населенных пунктов. Образовательные учреждения функционировали лишь в 4,3 % селений.

Модернизация отдельных сторон жизни сибирского общества в первое десятилетие XX в. затронула и Северо-Западную Сибирь (особенно Тобольский уезд). Так, в 1902 г. в Тобольске появился водопровод, в 1908 – электричество, а в 1909 – первый электротеатр. В августе 1914 г. в городе появился первый автомобиль. В Сургуте в 1913 г. начал свою работу телеграф. Однако стоит признать, что модернизация коснулась лишь технической стороны жизни горожан рассматриваемого субрегиона. Каких-либо существенных трансформаций производственно-экономической и социокультурной сфер общественной жизни не происходило, общество оставалось по-прежнему традиционным, особенно в деревне.

Таким образом, сеть поселений Северо-Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. отличалась такими характерными особенностями, как малое количество населенных пунктов и их редкоочаговое размещение, преобладание малодворных поселений и полное отсутствие крупных селений, насчитывающих свыше двухсот дворов, высокая доля «инородческих» населенных пунктов (юрт). Достаточно низким в сравнении с селениями южной земледельческой полосы Западной Сибири был уровень обеспеченности элементами социальной инфраструктуры. Особенно редкими в инфраструктуре поселений были образовательные и медицинские учреждения,

практически отсутствовали библиотеки, читальни, т.е. те элементы инфраструктуры, которые оказывали влияние на социокультурную сферу жизни населения. При этом учреждения, выполняющие производственно-экономические функции (промышленные и торговые заведения, хлебозапасные магазины), были представлены более широко, нежели учреждения социокультурного назначения.

1. Ковалев С.А. Сельское расселение: географическое исследование. М., 1963. 371 с.
2. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1912. 634 с.
3. Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1894. Вып. 10.
4. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904. 341 с.

РАЗВИТИЕ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Ю.В. Тимофеева
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, г. Новосибирск

Рассмотреть поступательный характер историко-культурного процесса невозможно без исследования книжной культуры, которая является основой для развития образования, просвещения, науки, дает представление о культуре в целом. Судьба книги тесно переплетена с историей общества. Книжная культура – это уникальная социокультурная область, в которой находят отражение многие тенденции исторического прогресса. В нашем исследовании книжная культура понимается как исторически обусловленная составная часть национальной и мировой культуры, включающая в себя три основных взаимосвязанных системообразующих составляющих: создание, распространение и потребление книги (культура создания книги, культура ее распространения, культура чтения). Поскольку книгоиздания в сибирской деревне не существовало, в нашей работе рассматриваются только два элемента книжной культуры: распространение и чтение книги.

Развитие книжной культуры в сельской местности на рубеже XIX–XX вв. было тесно связано с ростом грамотности населения, обусловленным позитивной динамикой формирования системы начального образования.

В 1897 г. доля грамотных – умевших читать и писать или хотя бы читать – в селениях в Томской губернии составляла 14 % у мужчин и 3 % у женщин (в среднем, 9 %) [4, с. 117]. В начале XX в. общая грамотность населения неуклонно повышалась. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Томской губ. грамотность равнялась 18 % (у мужчин – 28, среди женщин – 9 %) [7, с. 132, 134].

Однако не менее важным делом чем обучение грамоте было ее сохранение. Рецидив безграмотности, то есть постепенная утрата навыков чтения и письма по причине их невостребованности в повседневной жизни, был широко распространен среди сельских жителей Сибири. Главным способом поддержания грамотности являлось чтение, но покупка книг далеко не каждому была доступна финансово, а порой и территориально в виду большой удаленности населенных пунктов друг от друга и недостаточной развитости книжной торговли в регионе. Решение этой проблемы современники-просветители видели в устройстве бесплатных народных библиотек, которые стали главным каналом книгораспространения в сельской местности Западной Сибири.

Совет созданного в 1901 г. П. И. Макушиным Общества содействия устройству бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (далее – Общество содействия) начал свою деятельность со сбора сведений об имеющихся в губернии сельских библиотеках. Результат получился плачевный. Такая библиотека нашлась только в с. Берском Барнаульского уезда [6, с. 5]. Основана она была чиновником по крестьянским делам В. А. Гороховым и поддерживалась его наследниками. Кроме того, в архиве губернского правления не оказалось ни одного ходатайства от какого-либо из многочисленных сельских обществ Томской губернии об открытии библиотеки. Но уже в ближайшие годы начался мощный рост библиотечного строительства в Томской губернии, обусловленный большой целенаправленной работой Общества содействия. Совет Общества содействия брал на себя возбуждение ходатайства о разрешении устройства библиотеки и по его получении – подбор книг, их переплет и пересылку в село. Иногда средства выделялись и на приобретение книжного шкафа. Средства, на которые действовало общество, поступали от взносов членов, а также от частных лиц и других обществ, например, Томского губернского попечительства о народной трезвости. Совет Общества вел большую пропаганду библиотек среди сельского населения, издавал и рассылал брошюры, в которых излагались четкие рекомендации по устройству библиотек. Публиковались правила по их открытию, образцы ходатайства об открытии.

Согласно отчету Общества содействия, им было открыто в 1902 г. 2 библиотеки, 1903 – 13, 1904 – 7, 1905 – 16, 1906 – 6, 1907 – 5, 1908 – 15, 1909 – 31, 1910 – 65, 1911 – 58, в 1912 г. – 60 библиотек, что в сумме за период с 24 ноября 1902 по 10 декабря 1912 г. составило 278 библиотек [6, с. 5]. В целом «благодаря самоотверженной работе членов Общества, особенно членов его Совета, с 1901 по 1917 г. провинция Томской губернии получила 571 библиотеку-читальню» [1, с. 88].

Число названий книг в каждой из народных библиотек, устраиваемых Обществом содействия, колебалось между минимумом в 100 названий и максимум в 1000 [6, с. 4]. Соответственно, стоимость библиотеки могла составлять от 25 до 250 р. [6, с. 4]. Благодаря Обществу содействия, только через народные библиотеки, устроенные им, было пущено в обращение среди населения губернии более 83 тыс. книг [6, с. 5].

Значительный рост количества библиотек Томской епархии в рассматриваемый период отметила О. Н. Устьянцева. По ее подсчетам, их число выросло с 308 в 1900 г. до 743 в 1915 г., а к 1917 г. 81 % приходских церквей уже имели библиотеки [8, с. 146–147].

Большую роль в распространении знаний среди сельского населения играли народные чтения, которые также способствовали культурному развитию местных жителей.

В годы Первой мировой войны увеличивалось число пунктов проведения чтений и самих чтений. Если в 1903 г. в Томской губернии народные чтения велись при 17 деревенских школах [3, с. 260], то в 1916 г. – уже при всех 85 двухклассных сельских училищах [5, с. 70]. Таким образом, за 13 лет число пунктов народных чтений в этой губернии только при сельских училищах выросло в 5 раз, в абсолютном отношении этот прирост составил 68 мест (или 400 %). Связано это увеличение было с повышением интереса населения к происходящим событиям и стремлением властей использовать чтения для влияния на умонастроения населения.

Народные чтения способствовали распространению знаний и актуальной информации. Они приносили большую пользу, так как в селениях был высок процент неграмотных и малограмотных крестьян, которые не могли самостоятельно читать или же делали это крайне медленно, с большим трудом. С помощью народных чтений, иногда иллюстрированных световыми картинами, велось просвещение неграмотного населения, для которого книга и печатное слово были малодоступны. Например, в

Кривощековском училище Томского уезда одноименной губернии имелось 15 картин к «волшебному» фонарю: 2 – религиозно-нравственного содержания («Из жизни Господа нашего Иисуса Христа» и «Из жизни Алексея, человека Божия»); 5 – исторического (о Суворове, турецкой кампании 1877–1878 гг., Отечественной войне 1812 г., Петре Великом, картины великокняжеской Руси); 8 картин, служивших иллюстрациями к произведениям художественной литературы, в том числе «Тарасу Бульбе» Н. В. Гоголя и «Песне о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова [2, д. 179, л. 19].

Круг чтения западносибирских крестьян не имел принципиальных отличий от книжного репертуара крестьян Европейской России. И у тех, и у других в конце XIX в. наибольшей популярностью пользовались лубочные, религиозные, нравоучительные издания, жития святых. Эта литература характерна для традиционного общества. Но в начале XX в. большую долю в круге чтения селян начинали занимать познавательные книги, прежде всего, географического и исторического содержания, а также высокохудожественная (представленная лучшими отечественными и зарубежными писателями-классиками) литература. Они в большей степени присущи обществу переходного типа. Постепенно в деревню начинала проникать научно-популярная литература. Она типична для модернизированного общества, переход к которому тогда только начинался в нашей стране. Для него же свойственна и политическая литература, в том числе революционного содержания. Однако распространение последней в сибирской деревне уступало ее хождению в европейской части России. В рассматриваемый период значительно возрос интерес к периодическим изданиям, наибольшей популярностью среди которых у сельских жителей пользовались журнал «Нива», газеты «Свет», «Сельский вестник». Особенностью читательского репертуара в нашем регионе являлось включение в круг чтения сибиреведческой литературы, в том числе книг о Ермаке и его завоевании Сибири, походах Дежнева и Хабарова и др.

В изучаемый период модифицировался круг чтения селян. Эволюция круга чтения шла в направлении секуляризации читательских интересов, расширения читательского репертуара, прежде представленного преимущественно религиозно-нравственными книгами, за счет включения в него светской литературы. Прежде к книге обращались в поисках знания особого – религиозного: о Боге и божественном, а также нравственного и мировоззренческого, тесно связанных с верой. В рассматриваемый период сельские жители стали искать в книгах разнообразные сведения о прошлом и настоящем своей родины и мира в целом, о природе, о странах и народах, заселяющих планету. Но, что особенно важно, к книгам стали обращаться не только для удовлетворения растущей любознательности, для приобретения теоретических знаний, но и для получения прикладных сведений, практических советов. Часть крестьян, прежде всего, мелкие аграрии, стала считать книгу своей помощницей в занятиях сельским хозяйством. Теперь собственное хозяйство некоторые сибиряки вели не только «по-дедовски», используя опыт своих предков, но и «по науке», опираясь на специальную литературу. Однако стоит отметить, что это явление только зарождалось, еще не приобрело массового характера и не получило широкого распространения. Эти перемены отразились на круге чтения селян, в котором теперь доминировала беллетристика, а наряду с религиозно-нравственной литературой в него стали входить книги исторического, географического, этнографического содержания, сочинения по сельскому хозяйству и естественной истории, периодика.

Таким образом, книжная культура одновременно являлась важным фактором развития социокультурной динамики сельского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. и ее результатом. С одной стороны, уровень развития книжной культуры, особенно такого ее элемента, как чтение, зависел от уровня грамотности населения, определявшего численность реальных и потенциальных читателей на селе, с другой – именно чтение являлось важнейшим способом сохранения грамотности селян.

Распространенность и круг чтения положительно влияли на уровень культуры сельских жителей края. В условиях большого числа препятствий на пути книготорговой деятельности библиотеки стали основным способом книгораспространения в сельской местности Западной Сибири. Позитивную роль в распространении знаний и информации среди селян сыграли народные чтения, также являвшиеся одной из форм существования и проявления книжной культуры в рассматриваемый период. Тем самым книжная культура стала важным условием социокультурной динамики сельского населения в позднеимперский период отечественной истории.

1. Глухова Н.П.Бесплатные народные библиотеки Томской губ. конца XIX – начала XX в. // Седьмые Макушинские чтения. Новосибирск, 2006. С. 87–89.
2. ГАТО. Ф. 100 (Дирекция народных училищ Томской губ.). Оп. 1.
3. Ежегодник внешкольного образования. М., 1907. Вып. 1.306, IV, 40, XIX с.
4. Зверева К.Е. Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983.С. 116–128.
5. Косых Е.Н. Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири: очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1988. С. 102–122.
6. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества [содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ.] за время его существования и отчет Совета Общества за 1910–1912 гг. Томск, 1912. 45 с.
7. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. 171 с.
8. Устьянцева О.Н.Культурно-просветительская деятельность русской православной церкви: организация библиотек в Томской епархии в конце XIX – начале XX в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2006.С. 110–113.

ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ ПРЕССА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛИХАНА БУКЕЙХАНОВА

С. А. Урашев
Казахский Национально-педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан, г. Алматы

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в России началось массовое оживление социального движения. В Казахстане стали возникать рабочие, молодежные, общественные и политические организации. 21 – 28 июля 1917 года в Оренбурге состоялся первый Всеказахский съезд, на который прибыли делегаты от Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской, Ферганской областей и Букеевского ханства. Председателем съезда был Х. Досмухамедов. На этом съезде было решено создать казахскую национальную партию «Алаш» [1]. Программа партии, принятая на съезде в декабре 1917 года, включала в себя требования автономии Казахстана, всеобщего избирательного права, свободы слова, печати, союзов, неприкосновенности личности, изменения аграрной политики в пользу казахов. Партию Алаш возглавили лидеры национального движения – Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, Халел и Жаханша Досмухамедовы, Мухаметжан Тынышпаев, Елдос Омир, Абдулхамит Жуждыбаев, Магжан Жумабаев, Алихан Букейханов.

Алихан Нурмухамедович Букейханов родился в 1870 г. (имеют место другие данные) Токрауынской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области. В 1879 г. Алихан поступает на учебу в Каркаралинское медресе, но, не испытав удовлетворение ни качеством знаний, ни преподаваемыми предметами, он переходит в начальную трехклассную городскую русско-казахскую школу, которую заканчивает в

1886 г. После окончания школы он прибыл в Омск, где был зачислен «пансионером» в местное техническое училище. После окончания технического училища Алихан поступает в Санкт-Петербургский Императорский лесной институт по специальности лесного экономиста. Отучившись, он возвращается в Омск, где проводит более 14 лет своей жизни (1894 – 1910). В годы жизни в Омске Букейханов принимает активное участие как в общественной, так и политической жизни края. Отметим только один из эпизодов его многогранной деятельности в омский период. Алихан Букейханов в 1896–1901 гг. принимает непосредственное участие в знаменитой экспедиции Ф. А. Щербины, производившей работы в областях Степного края. Молодой Алихан всесторонне исследует его экономическую, хозяйственную структуру, производит перепись населения и хозяйства, изучает культуру, быт и традиции народа [2].

Накопленный огромный материал наблюдений Алихан не мог не изложить во многих своих глобальных научных исследованиях, аргументированных статьях и заметках. В одной из статей он писал о том, что казахи – беспечные сыны степей, любители привольной жизни, пока не заставила нужда времени, не думают о трудовой жизни и довольствуются только тем, что давало скотоводство. А Алихан ратовал за то, чтобы казахи помимо скотоводства занялись более прогрессивной хозяйственной деятельностью – земледелием. Букейханов был весьма рад тому, что в 70-х годах XIX в. хлебопашество стало активно проникать в казахскую среду. В «Акмолинских областных ведомостях» (№ 41. 13 октября 1889 г.) он писал: «Самым первым, популярным пахарем был казах Западно-Балхашской волости, некто Тарыбай (ныне умерший). Тарыбай обеднел как нельзя хуже; но как человек, одаренный от природы большой честностью, принялся за честный труд – стал заниматься хлебопашеством». В первый год на свой страх и риск, поскольку в то времени свирепствовали грабежи, Тарыбай засеял всего девять аршинов (аршин ≈ 71,12 см) пшеницы на берегу реки Токраун. В первый год он получил довольно хороший урожай. Это стимулировало начинающего хлебопашца продолжить земледельческую деятельность. «В следующие годы, повторяя своё занятие, он сделался «баем», собрал своих родственников и научил их хлебопашеству. И теперь дети, и родственники Тарыбая, после смерти его занялись хлебопашеством в довольно большом размере» [3].

А. Н. Букейханов – ученый лесовод, историк, этнограф, экономист, животновод – смело критикует политику Российской империи, связанную с переселенческим вопросом. Он предпринимает все меры для приостановления все возрастающей волны переселенцев. В своих публикациях он гневно осуждает, разоблачает колониальную политику русского правительства, с научным обоснованием доказывает несостоятельность переселенческой политики относительно казахских степей, так как она пригодна, в основном, для скотоводческого хозяйства. Многочисленными примерами доказывает всю пагубность переселенческого дела для самих же крестьян в социальном и экономическом отношениях, вынуждавшего последних перейти от земледелия к скотоводству [4].

Чиновники, занимавшиеся переселением русского крестьянства, утверждали, что в степных областях свободные и удобные для земледелия земли исчисляются десятками миллионов десятин. «Ходячее мнение о непригодности степных областей для земледельческой культуры и о естественном предназначении их для кочевого скотоводства в настоящее время, после агрономических и геоботанических исследований, нужно считать ошибочным», – убеждали чиновники русских крестьян, лишенных земель на своей родине, чтобы последние искали счастье на просторах чужой земли, в надежде тем самым разрядить напряженную обстановку в империи [4, с. 31]. Но это был обманчивый земельный простор и глубоко ошибочное мнение чинодралов. Алихан Букейханов, который прекрасно знал казахскую степь, её природу, структуру, писал: «В Акмолинской области, там, где есть крупные площади, нет воды,

примером чего могут служить два северных уезда, а там, где есть водные источники, нет подходящей земли в крупных площадях, примером чего могут послужить два южных уезда Акмолинской области» [5]. В качестве иллюстрации он привел весьма интересный пример о русских хлеборобах, которые проживали на реке Чаре. Переселенцам этого региона пришлось испытать всю капризную изменчивость Казахской степи. Так, например, поселок Таубинский с первых же годов стал бедствовать: земля оказалась для хлебопашества совершенно негодной. «Пахать можно, – говорили русские крестьяне, – только родить земля не будет; сухая галька, вода проходит через неё, в жару земля делается горячая, растение терпеть не может» [6].

Но поток переселенцев от этого не убавлялся, а наоборот. Наплыв был довольно широким. Так, по данным 1891 года, только в Кокчетавский уезд Акмолинской области самовольные переселенцы прибыли из губерний: Тобольской – 372 семейства, Пермской – 336, Казанской – 5, Нижегородской – 8, Вятской – 6, Оренбургской – 110, Новгородской – 1, Подольской – 1, Костромской – 2, Курской – 1, Самарской – 30, Саратовской – 16, Вологодской – 2, Харьковской – 1, Томской – 3, Уфимской –4, Пензенской – 2. Всего число мужчин составило 2041, а женщин – 1813 человек [7].

Устройство переселенцев вызывало изъятие определенного количества земли у казахов, в результате чего веками сложившиеся пути и места кочевок нарушались, границы перекраивались. И это сказывалось на хозяйстве коренного населения [2, с. 33]. Тем более, как утверждал Степной генерал-губернатор Е. О. Шмит в своем отчете за 1911 год, «Из необъятного пространства Степного края занято под земледельческое хозяйство более 7 миллионов десятин и под казачье более 4 миллионов десятин. Почти все остальное пространство в количестве свыше 82 миллионов десятин находится во временном пользовании казахов. Земли, занимаемые казахами, состоят в их владении лишь временно, так как количество этой земли во много раз превышает нормы, установленные для ведения казахами скотоводческого хозяйства» [8]. Таким образом, русская администрация могла в любое время и в любой угодный ей момент отобрать землю у казаха и передать её прибывшему из центральной России крестьянину. Тем более было предположение, что в край потянутся не только русские хлеборобы, «но и люди со средствами, экономически сильные и предприимчивые, которые, несомненно, в большинстве случаев обратятся к ведению здесь культурного скотоводческого хозяйства» [8, л. 4]. Степные просторы края с их прекрасным травяным покровом, редким населением, удобным продвижением скота по специальным скотопрогонным трактам, увеличением спроса на скот и, в связи с этим, поднятие цен на него – все это, естественно, создавали прекрасные условия для занятия здесь скотоводством. Тем более, был живой пример этому – казахи – великолепные скотоводы. В 1910 году у казахов и оседлого населения Степного края насчитывалось около 9 миллионов голов лошадей, рогатого скота, овец и верблюдов, стоимостью свыше девятисот миллионов рублей.

Алихан Букейханов – боец и борец за права своего народа – не мог не выступить с критикой в полемике с крупными государственными чиновниками царской России и, в частности, с директором департамента земледелия Н. А. Крюковым [9]. Действительный статский советник Крюков, ненавидящий все азиатское, выступая со своим особым мнением на совещании о землеустройстве казахов, которое проходило в Санкт-Петербурге в 1907 году, гневно заявил: Западная Сибирь (куда, по административно-территориальной реформе 1867/68 гг. входила северо-восточная часть Казахстана – *С.У.*) и Туркестан (где, по той же реформе располагались Семиреченская и Сыр-Дарьинская области – *С.У.)* занимают громадную территорию, которая поражает своей пустынностью и ничтожной заселенностью. И у этого государственного деятеля созрела мысль заселить эти земельные просторы русскими

крестьянами для того, чтобы «заводить новые культуры и вообще прочно насаждать сельское хозяйство» [9, с. 114]. Однако «мыслителю», далеко жившему от казахской степи, было невдомёк, что степь имеет свои особенности. Незаурядный знаток казахской земли Алихан Нурмухамедович Букейханов, просвещая малокомпетентных людей о природе его родной земли, предупредительно писал: «Киргизская (читай казахская – С.У.) степь, наблюдаемая в великолепном её наряде весною и вначале лета, не раз вводила в заблуждение и ученых наблюдателей. На исходе XVIII в. путешественник-ботаник И. Сиверс, поднимавшийся по долине реки Чар и пересекший её в верхнем течении, пришел в восхищение от богатства растительного царства по реке Чару». Однако русские крестьяне-переселенцы, которые обосновались и долгое время проживали на той же реке Чаре, как мы отметили выше, не могли не убедиться в бесплодности, казалось бы, плодородной земли.

И какую же «идею» выдвигает заступник свободного доступа русского крестьянства в казахскую степь? «Надо, наконец, покончить с кочевым бытом, тормозящим развитие целого государства», – предлагает «борец с азиатским бескультурьем».

Неужели критик скотоводческой деятельности казахов и других номадов не знал, не понимал, что для развивающейся русской промышленности нужен был не только хлопок, о котором он так усердно ратовал. Кроме того, нужны были шерсть для текстильной, кожа для кожевенной, сало для свечной промышленности и многое другое. Да и население России нуждалось в баранине, говядине, и других продуктах скотоводства, которые сотнями тонн доставлялись из Казахстана. «К числу таких продуктов, на которые Европейская Россия предъявляет спрос в настоящее время и будет предъявлять в будущем, принадлежат, прежде всего, скот и продукты скотоводства. Главными потребителями азиатского мяса в России являются Петроград и Москва. Первый ежегодно потребляет до 113 400 голов скота (1911 г.) и 1 077 000 пудов мяса, Москва – до 45 000 голов скота и 500 000 пудов мяса», – писал инженер путей сообщения, начальник работ по изысканию и составлению проектов орошения в бассейне реки Чу В. А. Васильев [10]. Крюков видит то, что в переселении русского крестьянства, распространении культурных растений, которые могли бы питать российскую промышленность; ставит непреодолимое препятствие именно кочевой быт инородцев Сибири, поэтому он утверждает: «Кочевой быт должен быть уничтожен и все кочевники должны быть вдвинуты в определенные границы земельных владений» – восклицает ненавистник всего азиатского [9, с. 114-115], как это сделали американские колонизаторы в отношении аборигенов – индейцев, которые были действительно втиснуты в Indian reservations и на них никто не мог претендовать. Индейцам было сказано, что они не имеют право переходить за границы этих земель. С этими порядками, – по мнению Крюкова, – началось культурное хозяйство Америки, которое выразилось в возникновении множества ферм [9, с. 116]. Но заступник reservations, видимо, постеснялся сказать и уточнить, а сколько человеческих жизней было загублено, сколько пролито крови, как со стороны индейцев, так и со стороны колонизаторов во время создания этих фермерских хозяйств? Надо отдать должно: в Петербурге нашлись светлые головы и наш апологет с этим предложением если не оказался в гордом одиночестве, то, во всяком случае, большая часть петербуржцев утвердительно заявила: «Мы не такие эксплуататоры как американцы, да и у нас не Америка!» [9, с. 118].

Алихан Букейханов, отражая взгляды части передовой казахской интеллигенции, определил, что кочевничество для казахов является не прихотью, а наиболее приемлемой и удобной формой в природных условиях Казахстана. Как бы в подтверждение мыслей Букейханова, сибиряк Иннокентий Павлович Лаптев в своем проекте в III Государственную Думу России писал: «Не ради удовольствия занимаются

казахи скотоводством…Историческая, и экономическая необходимость вынуждает его скитаться по степи, для этого он приносит в жертву не только личный покой, но и свое здоровье, и жизнь» [11].

Острое слово и остриё пера Букейханова были направлены не только на критику проводимой политики русской администрацией, но и подвергали бичеванию казахских невежественных степных правителей и представителей религиозного культа. В заметке «Деятельный управитель», которая была опубликована в «Акмолинских областных ведомостях» (№ 45. 10 ноября 1889. г. Омск), Букейханов подверг резкому бичеванию бывшего управителя Б…линской волости, К. уезда, к которому с личной жалобой прибыл бедный казах из отдаленной волости. Он застал управителя за кумысом, однако позволил себе обратиться к нему с просьбой. Управитель посмотрел на жалкого сына степей, одетого в рубище, не без некоторого презрения и с сознанием своего превосходства пред этим ничтожным человеком остановил его, процедив сквозь зубы: «После!». И только после многочасового ожидания, когда управитель напился кумыса, наелся мяса и выспался, проситель-нищий услышал на свои многократные жалобы ответ: «Вора здесь нет, и не могу доставить его на съезд. Без вас у меня пропасть сколько дел!». Таково положение наших съездов, благодаря биям, старшинам, выборным и прочим должностным лицам, из коих каждый мнит себя миленьким управителем, – возмущенно писал Алихан Букейханов. – Следует заметить, что такие случаи обыденны, и так рассуждают почти все управители за весьма малым исключением».

Уничижительной критике Алихан Нурмухамедович подверг степных мулл. «Муллой называют себя почти всякий малограмотный казах или беглец-татарин или таджик». По мнению Алихана, муллы были людьми крайне невежественными, полны суевериями, предрассудками, что всецело переходило к казаху, и без того суеверному. Казахи-степняки, которые постоянно подвергались суеверным стрессам необъяснимой ими природной стихии, всецело доверяли любому сказанному слову странствующего муллы. Букейханов привел ряд убедительных эпизодов о невежестве мулл, к которым все же казахи довольно доверительно относились. Один из них мы приведём. «В 1879 г. в юго-западных волостях К. уезда свирепствовала натуральная оспа. В это время явился в степь неизвестный мулла-лекарь, который стал прививать оспу особенным способом, отчего увеличился процент умирающих от оспы. Правительство, узнав об этом самозваном оспопрививателе, пожелало, познакомить его с Восточной Сибирью, но, к несчастию, мулла убежал». Нет сомнения в том, что не все муллы были невежественны. В степи были более достойные представители религиозного клира, но, по мнению Букейханова, «нового муллу необходимо подвергать испытанию не только в знании религии, но и в образе жизни» [3, с. 228-230]. Таким образом, Алихан Нурумухамедович Букейханов использовал печатную трибуну не только для критики неразумной политики русской администрации в отношении казахской степи, но и стремление просветить свой народ и уберечь его от дальнейшего вторжения в его жизнь невежественных мулл.

1. Кан Г.В. История Казахстана. Алматы: Алматыкітап, 2005. 223 с.
2. Букейханов А.Н. Избранное. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1995. 478 с.
3. Букейханов А.Н. О земледелии в Токраунской, Котан-булакской и Западно-Балхашской волостях Каркаралинского уезда // Алихан Букейханов. Полн.собр.соч. Т. 1. На казахском и русском языках. Монографии, исследования, статьи, литературные переводы. 1889–1903 (Омск–Каркаралы–С. Петербург–Омск). Астана: Сары-Арка, 2009. С. 254–255.
4. Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб.: тип. МВД, 1907. 145 с.
5. Букейханов А.Н. Переселенческие наделы в Акмолинской области. Избранное. Алматы: гл. редакция «Қазақ энциклопедиясы», 1995. 478 с.
6. Букейханов А.Н. Русские поселения в глубине Степного края. Избранное. Алматы: гл. редакция «Қазақ энциклопедиясы», 1995. 478 с.

7. ЦГА РК. Ф. И 64. Д. 4350.
8. ЦГА РК. Ф. И 64. Д. 5974.
9. Особое мнение члена совещания, действительного статского советника Н.А. Крюкова // Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб: Типография МВД, 1907. 145 с.
10. Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Введение к проекту. Петроград: Г.У.З. и З., 1915. 10 с.
11. Кожахметов Г.З. Государственная дума и народы Степного края в 1905–1917 гг. Караганда: Болашак–Баспа, 1999. 130 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТЕКСТОВ РОССИЙСКОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА XVIII в.

М.С. Выхрыстюк
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Больше века длится научная дискуссия о путях становления русского национального языка и участии в этом процессе церковно-славянской стихии и народно-разговорной речи. Огромная роль в формировании норм национального русского языка и в становлении его лексической системы принадлежит деловой письменности.Не углубляясь в суть научного спора о двуязычии / диглоссии, отметим, что вопрос о книжности и разговорности в письменности не может решаться однозначно относительно разных периодов истории русского языка: эти понятия содержательно различны для древнерусского, старорусского языков и начального этапа формирования национального языка. Книжный язык древнерусской поры связывается с церковнославянскими текстами и традициями. Разговорное начало в письменности с древнейшей поры находит отражение в деловом языке. К XVII в. вырабатывается новый, так называемый средний книжный тип языка, в котором совмещаются славянизмы и русизмы и начинается стилистическая нейтрализация их генетических различий прежде всего в языке светской литературы. Противоречивый процесс сближения и расхождения двух центральных языковых сил отразился и в поздней деловой письменности.

XVIII век – это время, когда, по мнению ученых, в общенациональном языке было сложное взаимодействие книжно-славянского типа языка и народно-литературного при постепенном вытеснении первого. Больше всего был подвержен этому явлению язык художественной литературы. Сказался ли этот процесс на языке деловых бумаг, в том числе и заведений религиозного культа? Или они продолжали еще испытывать сильное влияние книжно-славянской стихии и церковно-славянского языка? Это один из главных вопросов для исследователей делового языка XVIII в.

Деловая письменность XVIII в. имела большое значение в процессе формирования норм письменного русского национального языка. Исследования в этой области Е. Н. Борисовой, С. С. Волкова, Л. А. Глинкиной, В. А. Дерягина, Л. П. Жуковской, В. В. Иванова, А. Н. Качалкина, Р. П. Князьковой, С. И. Коткова, Е. Н. Поляковой, О. Г. Пороховой, Ю. С. Сорокина и других ученых стали серьезной базой для углубления проблем, связанных со статусом деловой письменности в разное время и на различной территории нашей страны. «Деловая письменность, – как отмечает Л. А. Глинкина, – имела самые широкие границы функционирования и была поистине массовой, так как создавалась тысячами должностных лиц разного ранга и служила всем слоям населения» [1, с. 53]. Поэтому, служа всем «слоям населения», деловая речь играет важную роль в складывающемся национальном русском литературном языке. Однако в исторической русистике не выявлено четко выраженного соотношения книжных и разговорных элементов, равно как и четких

критериев разграничения книжности и разговорности скорописных деловых документов XVIII в. С. И. Котков связывает этот пробел в языкознании с незнанием текстов XVIII в. и с отсутствием их лингвистических изданий: «Такое невнимание к поздним скорописным источникам, неосведомленность в текстах, отсутствие в науке ясного представления о лингвистическом накоплении мешает пониманию многих сложных проблем связанных с формированием норм делового языка с соотношением в нем книжного и разговорного начал» [3, с. 52]. По мнению исследователя языка XVIII в. Л. Л. Кутиной, «церковнославянская лексика скорописных документов XVIII в. является наиболее стабильной» [4, с. 242].

Но в отечественной русистике есть и другой взгляд на эту проблему, который отражен в трудах С. И. Коткова, Л. А. Глинкиной. «В промемориях и репортах, исходящих из духовных канцелярий, в прошениях, доношениях, жалобах, памятках, объявлениях и многочисленных других жанрах актовой письменности государственно-административных учреждений … речь идет о буднях, службе, бытовых невзгодах, нарушениях моральных церковных и государственных установлений. Поэтому сама бытовая тематика предполагает и сложный синтез книжного языка, официальных штампов и народно-разговорной речи» [1, с. 53]. Материалы скорописи XVIII в., в большинстве своем являющиеся текстами делового содержания, по мнению С. И. Коткова, в сравнении со всеми другими источниками названной эпохи с наибольшим приближением к действительности отражают былое состояние разговорной речи. Поэтому однозначно то, что в язык текстов делопроизводства XVIII в. входили и разговорные элементы. Специальным анализом соотношения книжных и разговорных элементов делового языка данного периода в науке не занимались, поэтому четких критериев их разграничения нет. Поддерживая мысль В. В. Виноградова, С.И. Котков отмечает: «В настоящее время проблема исторических взаимодействий и соотношений народно-русской и старославянской (или, вернее, книжно-славянской) стихии в русском литературном языке на протяжении всей истории и во всех сторонах его строя и состава не может считаться всесторонне и равномерно освещенной» [2, с. 84; 3, с. 84].

Не следует оставлять без внимания и региональный аспект. Историческое лингвокраеведение в Сибири еще не располагает достаточной базой для обобщения лингвистических наблюдений над структурой и функционированием деловой письменности, над ее языком в огромном регионе России на протяжении двух – трех веков. В официально – деловой документации Сибири XVIII в. отражен широкий круг общения, связанный со статусом г. Тобольска. Эта региональная специфика, отраженная в содержании документов, обеспечивала жанровое многообразие официально-делового стиля второй половины XVIII в., и тем самым углубление стилистического расслоения и полифункциональности национального русского языка.

Определим в качестве рабочей терминологии исходные понятия: *книжность, разговорность, славянизм.* Лингвистические словари так определяют семантику атрибутивной основы слова *книжный:* «...характерный для письменного изложения, несвойственный живой устной речи» [5, с. 274]; *разговорный* – «свойственный устной речи, обиходный» [там же]. Понятие*книжности* в XVIII в. включает в себя 1) так называемые *славянизмы*, т. е. – церковнославянские слова, словосочетания и формы, стилистически маркированные как высокие, связанные с религией, морально-этическими установлениями; общеславянские слова, в равной мере связанные со старославянским и древнерусским языком по происхождению и стилистически отмеченные как «высокие»; 2) *иноязычные заимствования*, преимущественно небытового содержания; 3) традиционные лексико-фразеологические *обороты приказного делового языка*. Понятие *разговорности* в приложении к письму связано с общенародным языком. В разговорный язык XVIII в. входили общерусские слова из

бытовой сферы общения, не ограниченные территориально, а также просторечия идиалектизмы.

Изучение региональной письменности XVIII в. г. Тобольска имеет большое значение для исследования процессов в области формирования литературногоязыка, так как на ее словесном субстрате нашливыражение многие общиетенденции функционально-типологического, развития словесных средств с древних веков и до настоящего времени.Скорописные тексты как делового, так и неделового характера, созданные чиновниками разных рангов и представителями местного населения г. Тобольска, бывшего губернского центра, сосредоточенные в исторических фондах ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» и библиотеки редкой книги историко-архитектурного музея-заповедника, – единственный в крае богатейший и малоисследованный документальный рукописный материал XVIII в. Он отражает процесс становления норм русского литературного языка и формирования русской системы делопроизводства, а также даёт богатую пищу для размышлений о региональной составляющей языка и культуры России прошлого.

Административное, промышленное, духовное делопроизводство в центре Сибири представляет собою подлинное наследие прошлого, что доказывается палеографическим, графическим и орфографическим анализом значительного собрания скорописных текстов. В них весьма незначительно представлены фонетико-орфографические локализмы, что объясняется узусом традиционно-морфологического письма, совпадавшим с северорусской фонетической диалектной базой, и составом писцов из местных северян, которые получили достаточную выучку.

В документах разных лет и разных жанров отмечены общие с другими регионами России графико-орфографические особенности, что свидетельствует о становлении соответствующих узуальных норм на общерусской основе. Исследованная часть обширных архивных фондов представляет собою типичный текст русского делопроизводства того времени, который по уровню археографической нормированности был общим в центре и на периферии, что подчеркивает уже сформировавшуюся наддиалектность общегражданского языка.

В числе основных проблем диахронической стилистики и истории русского литературного языка многие ученые называют проблему становления и развития функциональных стилей с опорой на коммуникативное назначение текстов. Прежде других письменных стилей выделился официально-деловой стиль, так как он обслуживал важнейшие сферы государственной жизни: внешние государственные сношения, хозяйственно-экономические и культурно значимые отношения, торговлю, закрепление частной собственности и др. По этой причине основную часть фондов городского архива составляют рукописные тексты делопроизводства, которые представляют большой интерес для формирующейся в конце XX – начале XIX в. исторической стилистики русского языка.

Деловая речь реализуется в виде письменных документов, построенных по единым для каждой из их жанровых разновидностей правилам. В сфере официально-деловых отношений используется понятие «документальный жанр», которое можно определить как выделяемый в рамках официально-делового стиля вид речевого произведения, характеризующийся определёнными типами отношений содержания к действительности и конструктивным принципом построения, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур.

Детальный анализ деловых документов г. Тобольска XVIII в. на всех языковых уровнях позволяет утверждать: деловой язык скорописных текстов представляет собой сложное сплетение книжно-славянского и народно-разговорного начал с проявлением того или иного начала в большей или меньшей степени в зависимости от жанра памятников и их структуры. В документах разных жанров делового языка XVIII в.

книжные и разговорные элементы находились в различном соотношении, равно как и неоднозначным было их соотношение на разных языковых уровнях.

В памятниках провинциальной канцелярии отразилось состояние общенародного письменного языка в период становления национальных литературных норм. Их принадлежность к законодательной, судебно-исполнительной, финансово-налоговой, духовно-административной или культурно-просветительной сфере отразилась не только в содержательном своеобразии текстов, но и в их структуре. Они стандартны в отдельных частях формуляра, подчинены в целом императивному и информативному речевым регистрам и, соответственно, представляют собой совокупность в известной мере типизированных текстов делового письма. Это позволяет судить о деловом языке как одном из наиболее оформившихся и традиционных звеньев в еще не до конца сформировавшейся функционально-стилистической системы русского литературного языка конца XVIII в.

Вместе с тем совершенно очевидно, что делопроизводство города было неоднородным по форме и содержанию, так как в нем типизированные языковые формулы уживались с отражением на письме живой разговорной речи в максимальном приближении к устной форме. В документах XVIII в. сочеталась общая точность, строгость, обезличенность и «безэмоциональность» с проявлением своеобразной диалогичности в свободной констатирующей части. Это одно из противоречий в стилистике деловых бумаг, в котором проявилось контрастное соотношение книжности и разговорности. В меньшей мере оно касалось документов императивной модальности *–указов, приказов, промемориий.* Таким образом, специфика эволюции деловой письменности конца XVIII в. определяется прежде всего её стандартизацией, формализацией и вместе с тем демократизацией.

Таким образом, язык деловых текстов обширной Российской империи представляет собой, по мнению ученых, своеобразный сплав народно-разговорных и книжно-славянских элементов. Тексты г. Тобольска конца XVIII в. и наблюдения над их языком позволяют судить о не до конца сформировавшейся к тому времени стилистической системе русского национального языка, а также о явных предпосылках для углубления стилистической дифференциации в рамках деловой письменности, о выделении официально-делового, научного и художественного стилей.

1. Глинкина Л.А. Южноуральская деловая письменность XVIII века в аспекте исторической стилистики // Двенадцатые Бирюковские чтения: Тезисы научно-практической конференции. Челябинск, 1996.С. 53-57.
2. Котков С.И. Московская речь в национальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974. 157 с.
3. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 253 с.
4. Кутина Л.Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России // VII Международный съезд славянистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 242-245.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 2000.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

А.Ю.Вычужанина
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Сегодня эмоции являются одним из приоритетных направлений исследований и охватили все коммуникативное пространствоHomoloquens: СМИ, политику, бытовое и художественное общение. Эмоции стали важнейшими компонентами разума,

мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре.

Различные эмоциональные переживания, представленные в словах и высказываниях, понятны всем говорящим на данном языке. Это объясняется тем, что эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, то есть обобщены видовым национальным опытом данного народа потому что, они не только являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, но и составляют значительный фрагмент этой среды обитания и картины мира. В этом плане эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы [1, с. 15].

Эмоциональная сфера считается едва ли не самой сложной системой человека. Эмоции являются одним из основных и всепроникающих аспектов человеческого опыта. Обычно люди испытывают широкий диапазон эмоций: от спокойного удовлетворения при выполнении сравнительно обыденной задачи до скорби, испытываемой при смерти близкого человека. Поэтому сфера эмоций, бесспорно, нуждается в глубоком и детальном изучении не только с точки зрения физиологов и психологов, но и с позиций лингвистов. Для лингвистов интерес представляют языковые средства, используемые при выражении чувств говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего.

Художественный текст в первую очередь соотносится с миром эмоций и чувств человека. Исследование эмотивной лексики интересно тем, что об истинной природе человеческих чувств, страстей, эмоций, об их силе можно узнать благодаря той форме, которую они приобретают, попадая из внутреннего мира во внешний, то есть благодаря слову. Изучение именно такой лексики является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного текста и для понимания человеческой психологии в целом. Эмоции героев произведения представляют собой особую психологическую реальность. Совокупность их в тексте − своеобразное множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими субъектами. Всестороннее рассмотрение имен эмоций, их семантических и прагматических свойств необходимо для наиболее полного осмысления эмотивной лексики, входящей в лексико-семантическую систему языка.Наряду с этим, уже на протяжении многих десятилетий проблема эмотивности входит в число наиболее обсуждаемых в лингвистике, однако несмотря на пристальное внимание исследователей, многие ее аспекты по-прежнему остаются дискуссионными. Так, феномен эмотивности представляется малоизученным с точки зрения контрастивной (или сравнительной) лингвистики.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами: недостаточностью изучения данной проблемы, необходимостью дальнейшего изучения эмотивных лексических единиц, обеспечивающих особую образность как литературной, так и разговорной речи, а также популярностью произведений С.Кинга и его художественным своеобразием.

Цель данной работы заключается в описании эмотивной лексики в художественном произведении, а также в выявлении переводческих трансформаций при передаче эмотивных лексем с английского на русский язык на материале романа С.Кинга «GreenMile» и его перевода, выполненного В.Вебером и Д. Вебером.

Фактическим материалом для нашего исследования послужил роман Стивена Кинга «GreenMile». Из данного произведения, объем которого составляет 544 страницы, мы отобрали 525 эмотивных лексических единиц.

Эмотивные темы, которые наиболее часто представлены у С. Кинга в произведении «GreenMile»: «гнев» (101), «презрение» (48), «отвращение» (52),

«горе/страдание» (69), «страх» (86), «вина» (6), «интерес» (21), «радость» (54), «стыд» (22) и «удивление» (66). Проанализировав роман «GreenMile» можно установить, что в произведении преобладают преимущественно негативные, отрицательные эмоции.

В подразделе лексики, обозначающей эмоции у С.Кинга выражается эмоция «страх». Приведем лишь один пример: *Fearfulwonderbecameterror*[2, с. 156] Страх − негативное эмоциональное состояние, которое возникает, прежде всего, в ситуациях, когда мотивация избегания не может быть реализована. Возникает, если индивид имеет побуждение и осознанную цель покинуть ситуацию, но продолжает в силу внешних причин оставаться в ней.Вподразделелексики, описывающейэмоциидоминирующимиэмоциямиявляютсяотрицательные, такиекак «гнев»: *His teeth were bared in a strained grimace, and his face was bright red*[2, с. 257],атакже «горе/страдание»: *I want you to see him there, looking up at the ceiling of his cell, weeping his silent tears, or putting his arms over his face. I want you to hear him, his sighs that trembled like sobs, his occasional watery groan*[3, с. 100].Описываются данные эмоции преимущественно через внешние изменения героя и его действия.

С помощью 525 примеров, взятых из романа С.Кинга «GreenMile» и его перевода «Зеленая миля» В.Вебера и Д.Вебера, мы установили, что при переводе данного художественных произведения переводчики использовали комплексные переводческие трансформации для достижения адекватного перевода: *Shewasblackastheaceofspadesandasbeautifulasthesinyouneverhadnerveenoughtocommit*[2, с. 3]; *Она была черная, как ДАМА ПИК, и прекрасна, как ГРЕХ, который у вас никогда не хватит пороха совершить*[2, с. 3]. В данном примере необходимо обратить внимание и на графический способ передачи оригинала, выбранного переводчиками. Данный прием помогает читателю живее и реалистичнее представить описываемую женщину.

Главная задача переводчиков найти правильные комбинации переводческих рансформаций. Проанализировав роман С.Кинга «GreenMile», мы установили, что при переводе переводчики чаще всего используют такие трансформации, как замена, перестановка и конкретизация. Замена является наиболее распространенным и многообразным видом переводческой трансформации, в процессе перевода замене могут подвергаться как грамматические единицы, так и лексические, в связи с чем можно говорить о грамматических и лексических заменах. Реже используются добавление, опущение, генерализация и антонимический перевод.

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Воронеж, 2008.
2. King S., Green mile. Gollancz, N/A; Standalone, 2004. P.3-544.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ П. П.ЕРШОВА

Е.М. Елагина
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Поэтический мир П. П. Ершова формировался в атмосфере православной духовности, ее нравственных ценностей, а также под влиянием эстетических идеалов русского романтизма первой половины XIX в. В начале XX столетия А. С. Глинка (Волжский) в статье «Христианские переживания в русской литературе» (1905) справедливо писал: «Тень христианского Бога более или менее явственно реет над всей историей русской литературы, до XIX в. включительно. И здесь живучесть христианства сказалась не только в том или ином смысле положительных по отношению к нему настроениях славянофильства, Гоголя, Толстого, Достоевского или

Вл. Соловьева, но и в отрицающемся духа Христова, по-видимому, атеистическом и национально позитивном западничестве, западническом народничестве. Скорбно-страдальческий, покаянно-мученический гуманизм его, в сущности, религиозное переживание; урезанное, зарисованное почти до неузнаваемости, не осознавшее себя, но в глубоко скрытой основе своей чаще всего христианское. Духовное питание, берущее скрытое начало в религиозно-христианском источнике, здесь сильно и обильно» [6, с. 11]. Очевидно то, что между лирическим началом поэзии П. П. Ершова и религиозным чувством автора нет какого-либо противоречия, наоборот, их сочетание при мировосприятии лирических образов придает стихотворному произведению особую гармонию и позволяет автору показать мир во всей многообразной божественной красоте.

После окончания Петербургского университета в 1834 г. П. П. Ершов работал сначала преподавателем, а затем директором Тобольской гимназии. При этом отметим, что вся его жизнь и творчество являют собой пример православного служения [5, с. 29].

В 1842 г., обобщая опыт своей педагогической деятельности, он пишет «Мысли о гимназическом курсе», в которых отмечает: *«Образование есть развитие духовных и физических сил юноши по трем отношениям – как человека, как гражданина и как христианина. Прямое значение его – приготовить юношу к общественному служению (принимая это слово в обширном смысле) и дать ему все возможные средства к довольству и счастию земной жизни»* [1, с. 14]. П. П. Ершов делает разработки к «Курсу словесности», готовит статью «О переменах, происходивших в нашем языке, от половины IX в. до настоящего времени», пытается пристроить через своих петербургских друзей в «Журнал Министерства народного просвещения» рассуждение «О трех великих идеях истины, блага и красоты, о влиянии их в христианской религии» [1, с. 20].

Литературное наследие П.П. Ершова по своей направленности представляет собой смиренное мировосприятие, спокойно открывающее красоту Божьего мира. Видимо, не случайно творческая биография поэта начинается со сказки, так затейливо и талантливо выразившей скромную народную мудрость, и со стихотворения *«Ночь на Рождество Христово»,* опубликованного, как и «Конек-Горбунок», в 1834 г. в популярном журнале «Библиотека для чтения». Так изначально обозначились основные источники – фольклорный (сказочный) и религиозный (библейский) – творчества юного поэта и определилось основное направление его развития.

Подражания библейским сюжетам и стихотворные изложения мотивов из Священного Писания были весьма распространенными в русской литературе первой половины XIX в. Стихотворение П. П. Ершова *«Ночь на Рождество Христово»* является довольно свободным переложением евангельского текста о поклонении пастухов. Поэт в своем сочинении не только передает сюжетную канву события, но и придает стихотворению большую конкретику и оживленную драматургическую форму, вводит в повествование наряду с пейзажными описаниями диалоги, которые ведут между собой три пастуха – Даниил, Нафанаил и Аггей, а также беседу с ними Ангела (архангела Гавриила). В стихотворении *«Ночь на Рождество Христово»* отразилось не только глубокое знание библейских источников, но и неподдельное религиозное чувство Петра Павловича Ершова [3, с. 11].

Прекрасное же знакомство сочинителя с народным поэтическим творчеством, со сложившимися в первой трети XIX в. традициями русской литературной сказки и мудрость, орошенная высшей благодатью, обеспечили блестящий успех «Коньку-Горбунку». Справедливо считается, что во многом П. П. Ершов был творческим наследником А. С. Пушкина, который, прочитав сказку юного автора, с похвалой ему заметил: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить» [6, с. 23]. В литературном

наследии поэтов можно проследить существенные сближающие их родственные связи, показывающие преемственное развитие русской классической словесности.

Современный норвежский славист Э. Эгеберг, говоря о творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, отмечает, что «тема “пророчества” объединяет двух великих русских поэтов» [1, 65]. К теме пророка обращается и П.П. Ершов в стихотворении *«Призыв»,* опубликованном П. А. Плетневым по воле автора анонимно в 44 томе «Современника» за 1846 г. В своем сочинении П. П. Ершов сущность поэтического творчества определяет как божественную, пророческую, как данную лишь избранному Богом человеку. Поэтому он взывает к стихотворцу, который «Унынья мрачной пеленою, / Как мертвых саваном, повит»: *Проснись, питомец обаяний! Свой малодушный сон прерви, Вступи в ряды живых созданий И жизнью общею живи. Не искушай хулой сомненья Путей святого Провиденья; Под руку крепкую смирись: Отец людей любвеобильный Ведет тебя рукою сильной Чрез мрак и смерть во свет и жизнь* [1, с. 101]. Осмысление пророческого начала художественного творчества не только оформляется у П. П. Ершова в четкие образы и открыто звучит в стихотворных переложениях библейских сюжетов и мотивов, но и пронизывает их собственное авторское мировидение в лирическом отображении чувств и мыслей, отдельных предметов и картин природы [3, с. 67]. Так, например, жизнь-пустыня для каждого на земле связана со страданиями и горькими плодами утрат. Но, несмотря на это, боговдохновенный дар поэта несет в себе радость творчества и воздаяния наград: *О, торжествуй! Судья вселенной, Прозревши клад в тебе бесценный, Тебя страданием почтил. Любовь превечная судила Тебе пройти сквозь огнь горнила, Чтоб ты и чист, и светел был* [1, с. 14].

Четвертая строфа стихотворения содержит в себе несколько аллюзий из Священного Писания. В ней явно возникает ветхозаветный образ Моисея – «пророка и первого священного бытописателя», «первого Боговдохновенного писателя» – и в то же время слышны отзвуки из Евангелия от Луки: *Восстань, возьми свой одр печали И новой жизнию ходи! Ужель поэзии скрижали Напрасно носишь ты в груди? Смотри: в огнях, гремя, блистая, Венец таинственный Синая Тебя властительно зовет. Иззуй себя от тленья страха, И с твердой верою без страха, Начни пророческий восход* [1, с. 14].

П. П. Ершов по-своему передает атмосферу и суть библейского события, однако нельзя отрицать ассоциативные связи его стихотворного текста с вдохновенным религиозным источником, с тем, что читаем в Священном Писании: *«Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась. / И звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом. / И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей. / И сказал Господь Моисею: сойди, и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, и чтобы не пали многие из него; / Священники же, приближающиеся к Господу, должны освятить себя, чтобы не поразил их Господь. / И сказал Моисей Господу: не может народ взойти на гору Синай; потому что Ты предостерег нас, сказав: проведи черту вокруг горы и освяти ее. / И Господь сказал ему: пойди, сойди, потом взойди ты и с тобою Аарон; а священники и народ да не порываются восходить к Господу, чтобы не поразил их. / И сошел Моисей к народу, и пересказал ему»* [1, с. 25].

Заключительная строфа стихотворения П. П. Ершова является своеобразным поэтическим комментарием к ключевому событию в жизни Моисея и одновременно проецирует конкретный смысл ветхозаветного предания на общую сущность призвания и богоизбранности поэта: *Не устрашись стези далекой: Творец твой путь благословит, И тайны мудрости высокой Он духом уст тебе внушит. Твой ум*

постигнет мысль и слово; Ты будешь вестник Иеговы, Глашатай воли Божества; К тебе склонят свой слух народы, И пронесутся в род и роды Могучих уст твоих слова [1, с. 66].

К сожалению, в XX в. исследователи и издатели литературного наследия П. П. Ершова старались избегать религиозных сторон его творчества. В советское время при публикации сборников сочинений П. П. Ершова не включались важные его духовные стихотворения, выбирались фрагменты, характеризующие православное мировидение автора. Так, в солидном иркутском издании 1984 г. в *«Осенних вечерах»* из рассуждений Академика – одного из участников этих «вечеров» – был исключен фрагмент, весьма существенный для понимания как всего цикла рассказов, так и жизненной позиции не только персонажа, но и самого поэта. В словах героя цикла «Осенних вечеров» раскрывается принципиальный, духовный взгляд на мир: «Человек без религии – не человек, а жалкая игрушка воли и обстоятельств. Вера в Бога и Искупителя есть та печать, которая дает ценность всем нашим действиям, как бы они маловажны или велики ни были. Что бы ни говорили о прогрессе, об усовершенствовании человеческого рода, без печати религии – это все фальшивые штемпеля. Они касаются настоящего, одной минуты нашего существования, а целая вечность будущего для них как бы не существует» [1, с. 70]. Поэтический талант поэта, проникнутый православным духом и светлым пасхальным чувством, особенно проявляется не только при написании им романтических «Осенних вечеров» (особенно четвертой их части «Чудный храм»), но и других стихотворений религиозного характера «Ночь на Рождество Христово», «Моя молитва», цикл «Моя поездка», «Ответ», «Призыв».

Поэзия для П.П. Ершова была делом органическим, выходящим из жизни и освященным божественным вдохновением. Она не замыкалась в тесном кругу земной суеты и личных переживаний; в каждой его строке, касающейся, казалось бы, самых простых и обыденных вещей, бьются мысль и чувство, которые сродни мироощущению каждого верующего человека.

Близость творчества П. П. Ершова духу народа, созвучность его произведений душевному миру православного человека связаны с тем, что, как искренний талантливый поэт и патриотически настроенный гражданин, он душою и сердцем был привязан к России. Университетский друг писателя А. К. Ярославцов вспоминал: «Ершов горячо любил свою родину, Россию; с жаром восставал, при каждом случае, за народ православный, но всегда коротко, отрывисто, а от беспощадных нападков на нашего простолюдина решительно отворачивался, как от невежества» [2, с. 21–22]. Эта искренняя симпатия поэта к простому человеку, слиянность его души с народным духом отразились в «Коньке-Горбунке», в «драматическом анекдоте» «Суворов и станционный смотритель», в поэме «Сузге», во многих стихотворениях и эпиграммах, в оперных либретто.

Таким образом, литературное наследие П.П. Ершова по своей направленности представляет собой смиренное мировосприятие, спокойно открывающее красоту Божьего мира.

1. Ершов П.П. Стихотворения / сост., автор вступ. ст. и примеч. В.П.Зверев. М.: Сов. Россия, 1989.
2. Врата Сибири : лит.-худож. и историко-краев. альм.№ 1(15) : Великий сказочник России / ред. А. Васильев. Тюмень : ТюмИД., 2005. 271 с.
3. Выхрыстюк М. С., Секерина А. А., Сайфутдинова В. М. Рукописное творческое наследие П. П. Ершова в фондах музея г. Тобольска в свете лингвистического исследования. Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2009. 166 с.
4. Утков В. Г. Гражданин Тобольска. Свердловск, 1979.
5. Утков В. Г. Сказочник П. П. Ершов. Омск, 1950.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ГОВОРОВ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

И.Н. Ефимова
Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск

В последнее время возрос интерес исследователей языка к изучению частных писем диалектоносителей в связи с тем, «что частное письмо наиболее приближено к ситуации реального общения, в которой проявляется все многообразие речевых свойств языковых единиц» [3, с. 82]. Л. П. Батырева указывает на то, что материалы частной переписки «дают нам ценный материал для характеристики современного состояния говоров» [1, с. 95]. Кроме того, «представляя личностное речевое общение, эпистолярий отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте» [5, с. 6].

Нам представляется интересным привлечь в качестве источников изучения культурно-лингвистического своеобразия речи русских жителей Обь-Иртышского междуречья частные письма сибиряков к Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву, уроженцу села Самарово, ученому, библиографу, краеведу, автору книги «Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом».

148 писем охватывают временной промежуток с 1882 по 1918 гг. и насчитывают широкий круг адресантов (31 чел.). Это родственники, друзья детства, односельчане Х. М. Лопарева.

Письма открывают нам «живую, достоверную картину повседневности» [6, с. 9]. В них содержатся сведения о членах семьи Лопаревых, их занятиях, о домашнем хозяйстве, промыслах, о жизни близких и знакомых, о событиях Самарова и окрестностей.

Для эпистолярных текстов характерна диалогичность, которая отражается в ориентированности на адресата сообщения и достигается за счет включения в речь как своих собственных, так и чужих высказываний, получивших название «прецедентные тексты».

Под прецедентными текстами вслед за Ю. Н. Карауловым мы понимаем «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, хорошо известные широкому окружению данной личности» [4, с. 216]. В силу известности широкому кругу лиц прецедентные тексты обладают свойством повторяемости, могут включаться в текст как в неизменном виде (цитация), так и в трансформированном (квазицитация») [2, с. 157].

Анализ писем сибиряков показал, что авторы чаще всего используют «народную мудрость»: пословицы и поговорки (*остаюсь здоров, как бык; теперь же бьется, как рыба об лед; особенно не стараюсь с неба шишки хватать; рад бы на небо, да грехи за ноги; что же делать, бедность не порок; будем жить, как Бог велит; дорога милостыня во время скудости; оставил Вам долгий век и приказал долго жить; смерть причину найдет; как сыр в масле покатываюсь; от чужого стола не стыдно и поворотиться; у нас в Самарове пословица: «Дай вору золотую гору или пьянице – ничего не будет»* и др.), народные приметы *(ягод брусники много, этот урожай ягод обещает на будущий год большую воду),* фразеологизмыи наставления *(на сердце кошки скребли; не относиться, спустя рукава; с легкой руки; с тем и ушел, не солоно хлебавши; много у меня на веку перебывало друзей-приятелей, но все они до черного лишь дня; намотаем это себе на ус; а он и мне, и Пете подставляет ногу и др.).*

На втором месте по частоте употребления – тексты библейского происхождения (*всяк, смиряя себя, да вознесется; Светлое Христово воскресенье, видно, «не скакаше*

играя, а плакаше рыдая»; громы земные; «несть человек иже поживет и не узрит смерти»; но все мои доводы были не что иное, как «глас вопиющего в пустыне»; настолько хитрый, что сквозь игольные уши пройдет; передаю дух мой в руцы твои и др.*)*.Некоторые из адресантов (как правило, это люди, получившие образование) используют в письмах прецедентные имена (*эти дни фатальные по вычислению астронома Тихо де Браге; составляю в стихах сказку ... это вроде «Руслан и Людмила» Пушкина; я видел, и у Пушкина есть разница в стиховом размере; он человек ветреный, порядочный Дон Жуан; кто хочет учиться, тот последует примеру Ломоносова, Ершовский «Поэт» мне кажется лучше и глубже (!) всяких пушкинских; мы, друже, живем в лучшие времена, при лучшей обстановке, чем жил некогда наш великий учитель Ломоносов; я бы и Ермака воспел; дело в том, что неприятность лишняя ... от неожиданного человека: Вашего (Дон-Кихота) племянника* и др.), цитаты из произведений художественной литературы и мифологии (*узы Гименея; всяк знает, что «столичная жизнь дорога»* (Н. Некрасов «Маша», 1855 г. – *прим. И.Е.*); *откуда ни приезжай к дому, оставшемуся без надзора, все будет неисправно и запущено, «хлеба не печено и хата не топлена»* (ср. у И. Сурикова «День я хлеба не пекла…», 1868 г.: Как на улице мороз, В хате не топлено, Нет в лукошках толокна, Хлеба не печено); *я в роли свахи двинулся «на доброе дело, на сватанье»* (Кирша Данилов «О женитьбе князя Владимира»); *и скажет потомство, что не всегда мы грехи людей режем на металле, а доблести их чертим на песке (*ср. у Данте «Грехи людей мы режем на металле, а доблести их пишем на воде»). Отмечен единичный случай использования выражения с сохранением графики источника: *Apropos.П.Н. Шеймину на днях буду писать в Одессу, а он, наверное, прикатит к твоей свадьбе быть шафером* (Apropos. фр. кстати).

Таким образом, можно сделать вывод, что прецедентные тексты являются важной составляющей речи жителей Самарова. Причем регулярный характер носит использование фольклорных текстов (пословиц, поговорок, примет), а также народной афористики. Эта категория прецедентных текстов, благодаря неограниченным возможностям в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей действительности, способствует созданию содержательной, выразительной картины мира носителей русских говоров Обь-Иртышского междуречья конца XIX – начала XX вв.

1. Батырева Л. П. Частная переписка как лингвистический источник. Письма Е.П. Груздевой и Л.П. Вишневской – матери и дочери // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Том 13. 2007. С. 95-98.
2. Земская Е. А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
3. Калёнова Н. А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 1. С.80-87.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
5. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура. Дис. …д-ра филол. наук. М., 2002.
6. Самаровский петербуржец: письма земляков к Х.М.Лопареву. СПб. Фил. Арх. РАН; Гос. б-ка Югры. Ханты-Мансийск, 2008.

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОСНОВНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП ТЕКСТОВ ТОБОЛЬСКОГО МУЖСКОГО ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

И.Р. Зульфукарова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Самый большой в Сибири Тобольский мужской Знаменский монастырь просуществовал на тобольской земле более трех веков: с 1595 по 1918 гг. Вся трехвековая история монастыря, его становление и процветание, вся его жизнедеятельность тесно связаны с историей г. Тобольска, тогда бывшей столицы Сибири – огромной губернии, включавшей Урал, Сибирь и Дальний Восток, центра ее духовной и культурной жизни, кафедрального города Сибирской епархии.

Русские публичные и частные документы, хранящиеся в столичных и местных архивах, привлекли к себе активный интерес историков и лингвистов. В них содержится материал для создания истории национального языка, государственного языка России, а также отражены фрагменты национальной «картины мира», сфокусированной в личности составителя документа.

Монастырское духовно-административное делопроизводство в центре Сибири представляет собою оригинальное наследие прошлого, что доказывается палеографическим и орфографическим анализом значительного собрания скорописных текстов. Тобольская духовная деловая письменность представляла собою многожанровую полифункциональную разновидность складывавшегося национального литературного языка. Лингвокультурологичкий подход к материалу позволил увидеть отраженную в слове антропоцентрическую картину прошлого: своеобразную жизнь монашества, духовно-административные и социально-экономические связи монастыря с сенатом и синодом, жизнь и быт монахов, церковнослужителей и приписанных к монастырю крестьян г. Тобольска.

На материале рукописных документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в. из фонда 70 ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» нами был проведен анализ лингвотекстологической содержательности и культурно-лингвистической информативности источников.

К анализу привлекались наиболее частотные документальные церковные жанры: *указы, приказы, прошения, промемории, репорты, доношения, ведомости, списки, поручительства, подписки, жалобы, сообщения.* Они хранятся в фондах архива и содержат разнообразные сведения о многосторонней жизни церковнослужителей, священников, крепостных крестьян, монахов, прихожан, а также людей, имеющих отношение к известным в Сибири культовым заведениям.

Автор каждого текста – одно лицо, которому свойственны свой стиль, свое мышление. Составляя документ, автор мог привнести в него целый ряд вольностей в оформлении мыслей, а значит орфографических и пунктуационных ошибок, литературных небрежностей, неправильного представления о значении тех или иных слов, территориальных особенностей.

Лексический состав документов Знаменского монастыря – отличный материал для лексикографов, историков языка, изучающих обыденный язык того времени.

Наиболее показателен *лексико-фразеологический состав* основных *тематических групп* монастырского делопроизводства.

I. Лексика и фразеология, характеризующая церковь, обряды: 1) лексика церковных служб и обрядов: *благодарные (благодарственные) молебствия, божие службы, божественная литоргия, исполненіе Епитиміи, земные поклоны, отрешение, помилование, постриженіе, причащение, стая Пасха*; 2) лексика церковных

учреждений: *духовная консистория, епархия, конфирмованное учрежденіе, лавра*; 3) лексика церковных должностей и титулования*: архиерей, архивариус, архимандрит, благоденщикъ, бгодухновенный старець, высокопреподобнейший отец, дховные власти, дьякъ, игумен, иеродияконъ, иероманах, митрополит, монашествующий, настоятель, подьякъ, подьячей, послушник, протопоп.*

II. Наиболее широко отражена в *текстах хозяйственно-экономическая жизнь монастыря и крестьянства.* Частотные слова, устойчивые сочетания и устойчивые комплексы отражают:

1) многообразный бытовой мир, а именно: а) сельскохозяйственный труд, его орудия и продукты производства: *вселhтная работа, жерновые каменья, кадки с водою, монастырская пашня, наземъ возить, овес, пахота, пахотная земля, по двh подводы отправлять, подпруги, сhнныя покосы, скотъцкий дворъ, хлhъ жать, хлhбные припасы, ячменное жито.;* б) названия построек,чаще всего церковных: *баня, домовые бани черные, жилые покои, імhніе, келья, колокольное строение, лавки, монастырские ворота, надворные печи, полицейстерская кантора, предбанокъ, хоромины жилые, хоромное и дворовое строение, церковное строение* и т. д.; в)бытовую лексику: *безмен, бересты, веник, воскъ, долото, замокъ висячий, кадки, лыко, монастырские станки, мухояр, невод, неводная пряжа, плотнишное долото, публичные работы, разболокся, сапожные гвозди, сито, скотъцкіі дворъ, чарошния кожи, чищенье труб, швабры* и т. д.; г) названия одежды, обуви и тканей: *башмаки, запоны, кавтан суконный, клобукъ, крашенина, мережи, мухояръ, одhяние, рукавицы, свитки, сукно каруновое, холст, чудки* и т. д.;

2) лексико-фразеологический пласт, отражающий *торговые и социально-экономические отношения:быть в платеже, вhдомости, вотчинные места, жалованье, заплатить доімку, иметь доход, иметь недоімку, кабацкие доходы, корчемствовать, корыствоваться, ларечный целовальникъ, монастырские крепости, настольный реэстр, неокладной доход, оброчные деньги, оброчные росходы, питейная продажа, платеж, подушные деньги, подушный окладъ, приходить въ недоимку, публичныя работы, пятинный хлhб, сказки, собственно ручная Ея... конфирмациявоспослhдовала, шнуровая книга, указное штрафование* и т. д.; 3) к ним примыкают *названия денег, мер длины и веса*: *аршинъ, десятина, копейка, полотно, полтина, полусажень, пудъ, сажень, скала, трелник, четверть с осьминою, четь.*

III. Поскольку в монастырь попадали разные люди, в документах встречаются *названия лиц по роду деятельности и социальному статусу:беглые люди, вестовой солдат, воротник, заподканцелярист, землемер, каменщикъ, камиссаръ, канцеляристъ, караульный, колодникъ, питух, подканцелярістъ, проситель, работник, рекрут, строитель, солдат, хищникъ, экономический казначей* и т. д.

IV. С делопроизводством связана административно-канцелярская лексика и устойчивые словесные комплексы – *названия адресата государственных учреждений, лиц разного ранга, названия административных единиц, а также названия составителей документов и служащих канцелярии:взять подписку, вышеписанный проситель, городовые канцеляріи, государевы грамоты, доброхотные дателі денегъ, заскрепою казначея, из реченної духовної консисторіи, имянной указ, по силе соборного уложения, W чемъ доноситъ казначей.*

V. *Этикетная лексика и фразеология* окрашена чинопочитанием вышестоящих со стороны низших по рангу – «приличествующим» самоуничижением: *благорассмотрительное милосердие, великому господину преосвященному (имя рек) митрополиту Тобольскому и Сибирскому, всечестного отца архимандрита с братиею, Высокопреподобія вашего, дабы соблаговолено было, Ея императорского величества, милостливой резолюции, нижайший послушникъ, по сему нашему покорнейшему прошению учинить милостивое свое отеческое благоразсмотрение, соблаговолить*

приказать, с отеческим благословением, с покорностію моею, чтоб соблаговолено было и т. д. Или, наоборот, чувствуется повелительный, безапелляционно императивный тон в общении вышестоящих с нижестоящими: *«...послать в тое монастырское правленіе указъ...»* (И 70–25–34); *«...тоболская дховная консисторія приказали... послать...»* (И 70–25–24); *«...его преосщенство приказал Отправить...»* (И 70–13–23); *«...гдh учинено будетъ отом в консисторію репортовать...»* (И 70–13–23).

VI. В церковных текстах широко представлена *ономастика* Тобольского края:

1) однословные антропонимы канонического происхождения, именующие мужчин и женщин*: Агафон, Агафья, Акулина, Александръ Ивановъ, Анисим, Анисья, Аркадіі Лукинъ, Артамонъ, Бурей, Дарья, Демид, Дорофей, Ермолай, Иван Степанов Морозов, Игнатий, Исай, Карп, Козьма, Кондратий, Марфа, Максим Омской, Михаил Лагуновъ, Наум, Никита Акинфіевъ сынъ Демидовъ, Никифоръ, Пелагея, Петръ Кокуль, Петръ Лохинъ, Платонъ, Проколіи, Савва, Симонъ, Устинья, Феопент.*

2) топонимы различного происхождения и структуры, большинство которых образованы от прозвищ и фамильных прозваний: деревни Ворогушино, Ламьина, Серебряниково, Сузгунъ; Байшевы юрты, Бобылевское село; Конашевское село, Николаевская заимка, речка Мысаева, село Абалак, Ослиярская волость, река Обь, Чюбаровская слобода, Ялуторовский острогъ, городъ верхотурскъ, деревня Чечнева. Топонимы Тобольска и его окрестностей имеют различное происхождение: они отражают названия мест прежнего проживания людей, фамилии первопоселенцев возникли как результат этнического контакта с местным населением. Содержательная информативность названных лексико-фразеологических групп различна.

Таким образом, скорописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря глубоко раскрывают картину его внешней и внутренней обыденной жизни. Изучение никем не исследованных монастырских материалов может помочь историкам в углублении знаний о жизнедеятельности монастырей того времени.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ПАМЯТНИКА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В НЕБЕ НАД ГОРОДОМ ТОБОЛЬСКОМ»

А.Н. Лукьянченко
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

В фондах Библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике находится на хранении рукописный текст памятника «Запись астрономическихъ явлений»,паспортный номерКП 12 530. Он представляет собой дневниковые сведения о всех явлениях, происходивших в небе над г. Тобольском в начале XVIII в.

Памятник письменности «Запись астрономическихъ явлений, произшедшихъ въ нЂбе надъ городомъ Тобольскомъ» был для своего времени своеобразной астрономической энциклопедией. Текст источника запечатлел факты пристального наблюдения неизвестного автора за кометами, планетами, положением луны и звезд, а также поведением главной «огненной» планеты солнечной системы – Солнца.

По своей функциональной принадлежности текст «Запись астрономическихъ явлений…» неоднороден: семантические группировки уже при первичном анализе отражают сплав книжно-славянской и народно-разговорной лексики. Это обусловлено содержанием и целью написания: памятник, прежде всего, предназначался для малограмотного городского населения, а уж затем для «просветительского люда».

Нами была сделана попытка систематизации астрономической лексики на основе лексико-семантических групп.

Под тематической группой, следуя определению Ф.П. Филина, мы понимаем «…объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях слов, а на классификации предметов, признаков, действий и явлений… с самыми разными целями» [2, с. 231].В тематической группе предполагается наличие слов различных частей речи, а также словосочетаний свободного и фразеологического характера.

Лексическому анализу подверглись 115 лексем. На основе анализа астрономической лексики Западной Сибири изучаемого периода выделено 9 тематических групп.

1. Астрономическая терминология: *знаменіе, возхождение, копиевидная комета, сертъ кометы, солнечное затмение, свѢчение, сияніе, шествие комет, солнцестояніе* (14 лексем).

2. Названия небесных тел: *солнце, луна, небесное светило, огненная планета, звезда с хвостом, звезда без хвоста, комета (комита), верхняязвезда, копиевидная комитка, звезда погонная* (15 лексем).При этом под небесным телом понимается объект, видимый на небе.

3. Названия частей небесных тел: *сертъ кометы, полукруг кометы, хвостъ кометы, огневидное копіе, мечъ, крестъ, шапка кометы* (15 лексем).

4. Лексика с временным значением: *вечеръ, утро, день, ночь, нощь,месяц, генварь, полночь, полдень, сумерки, рано, поздно, зимой, летомъ, днемъ, вечернее время, дневное время, полуночное время, полуношный час* (12 лексем).В эту группу входят слова разных частей речи.

5. Название осадков:*снегъ, дождь, градь, капли* (4 лексемы).

6. Наименование погодных явлений: *вихорь, ураганъ, воздушная мгла, огненная густая туча, воздух, громъ, молния, таяніе, студеностно(прохладно), буранъ, пурга, ветеръ, оттепель*(15 лексем).

7. Лексика, содержащая указание на место, направление движения небесного тела:*западъ, востокъ (востоцъ), северное направление, Серпская земля, иерусалим, Тобольская земля, Венгерская земля, посреде церкви, на небеси, во храме*(13 лексемы).

8. Глаголы, называющие движение или положение небесных объектов:*возходить, шествовать, описывать, светиться, сотворить,видеться, стоять, двигаться, сиять*) (17 лексем).От глаголов часто образуются имена существительные с тем же значением при помощи абстрактных суффиксов *-ениj-, -аниj-, -иj-, -от-*. Такие отглагольные существительные также частотны в нашем материале:*знамение, захождение, хождение, прохождение, возхождение, сотворение, шествие,свечение, стремление, совершение, исполнение*(16 лексем).

Отдельно выделяем абстрактную лексику с другим словообразовательным показателем абстрактности: *-ств-*: *непостоянство, бегство, пространство, чудодейство*; *-ость-*: *светлость, милость, ясность*; *-Ø-*: *бегъØ, восходъØ, заходъØ, громØ, светØ, мракъØ*.

Абстрактная лексика без словообразовательного показателя: *небо, тьма, время, чудо.*

9. Особо отметим топонимы Тобольской губернии: *Тоболская земля, Серпская земля, Николаевская заимка, Чубаровская слобода, деревня Аремзяны, Венгерская земля, Село Абалакъ, деревняМедведково* (22 лексемы).

Внутри каждой тематической группы можно выявить междусловные семантические отношения.

Важными системными свойствами изучаемой лексики являются отношения *вариантности* (вариативности). Непременным условием существования вариантов слов является тождество их значений. Кроме того, вслед за О. И. Блиновой, мы считаем

необходимыми чертами вариантов слов общую корневую часть и только внешние различия (место ударения, фонемы, аффиксы). Характеризуя вариантные отношения, мы уделяем особое внимание описанию типов языковых вариантов.

В соответствии с этим принципом в астрономической лексике памятника выделены фонетические, морфонологические, морфологические и орфографические варианты слов, а также однокоренные слова, соотносящиеся в значениях. Нами опущены акцентологические варианты на том основании, что выявить в исследуемом материале достаточно отдаленного от сегодняшнего дня периода вне звучащей речи акцентологических вариантов не представляется возможным.

Наиболее широко в исследуемой лексике представлены фонетические варианты, обусловленные отражением в «Записи астрономическихъ явлений…» особенностей местного произношения: *камета – комета – коміта; тьма – тма; на восток – на востоц; Тоболск – Табольскъ – Тобольскъ; дяревня – деревня; дубрава – дуброва; ураганъ – ураганъ; порожнее место – порозжее место; тяжолая комѢта – тяжелая комета*.Фонетические варианты обусловлены отражением в памятниках письменности Сибири особенностей местного произношения.

Морфонологическими вариантами слов являются: *освещать – свечение; берег – брег; волхобное (виденье) – волшебное; город – град; дыхати – дыша; холодить – охлаждать; рассыпаться – россыпи; золоченый (куполъ) – златой; молодой (мсцъ) – младой; находиться – прихождение*.

Как видим, морфонологические варианты слов отражают вариативность на морфемном шве. Слова различного морфемного состава образуют алломорфы. Хронология возникновения алломорфов русского языка различна. Генетически старшие чередования, связанные с действием общеславянских законов открытых слогов и слогового сингармонизма (*г//з;к//г; д//ж; б/бл; п//пл*), служат дополнительным средством современного формообразования и словообразования. Альтернации, возникшие после распада праславянского единства, выполняют те же функции в словообразовательных гнездах и грамматических парадигмах, а также служат маркером происхождения слов и словоформ (*ч, жд* – восточнославянские, *щ,ж* – старославянские по происхождению). Дополнительным средством такого типа оказываются и внутрикорневые альтернации, связанные с полногласием, неполногласием (*-оро-, -оло-, -ере-* восточнославянские: *-ла-, -ре-, -ле-, -ра-,* старославянские по происхождению). Вариативность слов на морфонологическом уровне связана с их происхождением. Вопрос о составе изучаемой лексики в генетическом аспекте является одним из сложных и малоисследованных.

Особенно широко в исследуемой лексике представлены морфологические варианты слов: *наволокъ – наволока; прорва – прорывъ; восходъ – восхожденіе; въ Тобольски – в Тобольскъ*.

Это не что иное, как варианты, отражающие колебания в роде, числе, падеже, лице (спряжении), а также в образовании форм существительных и прилагательных. К орфографическим вариантам слов относятся: *Тоболскъ – Тобольскъ; человекъ – члвкъ; Полша – Польша;Wгонь – огнь – огонь; Серпская земля – Сербская земля; звезда – звѢзда; тяжолая комѢта – тяжелая комета*.

Это вариативность, связанная с колебанием в орфографии слов. Колебание, отражающееся на письме, в большинстве случаев было вызвано действием в то время двух принципов написания: фонетического, традиционного (письма по звонам) и нового, складывающегося тогда морфологического принципа, связанного с выработкой определенных правил, строго закрепленных уже позднее в словарях и справочной литературе.

Особый вид междусловных отношений представляет *синонимия*.В своей работе мы исходим из следующего определения синонимов: синонимы – это «…слова,

разнооформленные материально, но имеющие близкое или тождественное значение в пределах одного понятия» [3, с. 182].

Явление синонимии усложнялось в исследуемую эпоху временным существованием старых и новых лексических элементов. В языке исследуемого источника синонимические отношения наблюдаются и среди однословных астрономических терминов и апеллятивов, и среди терминологических сочетаний. Проявление системных, в частности, синонимических, отношений в подсистеме исследуемой лексики объясняется тем обстоятельством, что анализируемая лексика не может быть определена как терминологическая в строгом смысле этого слова.

Слова, находящиеся в синонимических отношениях, образуют синонимические ряды, чаще пары: воздухъ – пространство; совершеніе – сотвореніе; непостоянство – движение; тьма – потемки; *сіяніе – свеченіе; рубежь – граница; тма – мракъ; исполнение – совершение.*В синонимические отношения с однословными апеллятивами и терминами вступает большинство терминологических сочетаний, образуя синонимические пары: *небесное светило – солнце; іметь шествіе – шествовать; полуденное врѢмя – полдень; полуношной часъ – полночь; утрѢнний час – утро.*

В пределах одной тематической группы в синонимические отношения между собой могут вступать и терминологические сочетания, зависимые компоненты которых синонимичны. Иногда такой синонимический ряд включает в себя и синоним-лексему, однако подобные трех- и более членные ряды в рукописном памятнике редки: *солнцѢ – небѢсное свѢтило – ѡгнѢнная планета; небо – небеса – небесные просторы; двигаться – шествовать по нѢбу – имѢть шествіе; полночь – полуношное время – полуношный час.*

По семантике и стилистической характеристике все описываемые синонимические ряды можно поделить на абсолютные синонимы, синонимы идеографические и стилистические.

Между семантически противопоставленными словами проявляются отношения *антонимии.*Антонимы– это «…слова одной части речи, противоположные по лексическому значению» [3,с. 36].

Антонимы представлены менее рельефно и прослеживаются лишь в некоторых тематических группах, в частности, в группе глаголов, называющих состояние человека (спать – проснуться, ходити – стояти), а также среди глаголов, называющих движение небесных тел: *дать – взять; свѢтиться – меркнуть; взойти – зайти; загореться – погаснуть; положить – убрать.*Много антонимических пар и среди существительных, прилагательных и наречий: *вечере – утрось; день – ночь; маленько – много; полуношный час – днѣвное врѣмя; полночь – полдень; работа – отдыхъ; сытость – голодъ; теплостный – хладнокровный.*

Следует отметить также полисемантизм некоторых слов в лексике исследуемого памятника.*Полисемия*(многозначность) – это «…наличие у единицы языка более одного значения – двух или нескольких» [3, с. 382].

Следует заметить, что системные отношения в лексике проявляются и через многозначность, поскольку развитие семантической структуры или иного слова происходит на основе каких-либо ассоциаций. Полисемия в изучаемой лексике не основная, а скорее, периферийная черта. По нашим наблюдениям, многозначными являются только 20% от общего числа слов: *хожденіе кометы – хожденіе человека; бегъ времени – бегъ кометы; шествовать к церкви – шествовать по небу; бегство по земле – бегство кометы по небу; хвостъ кометы – хвост птицы.*

Следует отметить частотность этого явления среди существительных и гораздо реже среди прилагательных и глаголов (*праздный, пустошь, течение, теплостный, тонкий, худой, светлость, меч кометы, шествовать по небу*).

Таким образом, важными системными свойствами изучаемой лексики являются отношения вариантности, синонимии, антонимии и полисемии. По своей функциональной принадлежности текст «Запись астрономическихъ явлений…» неоднородный: семантические группировки уже при первичном анализе отражают сплав книжно-славянской и народно-разговорной лексики. Это обусловлено содержанием и целью написания. Предназначенный для широких кругов населения и потому ориентированный на доступность и ясность, памятник написан на понятном народу языке. Особую роль при этом играют междусловные семантические отношения внутри тематических групп.

1. Блинова О.И. Очерки по языку деловых памятников XVIII в. Л., 1957.
2. Филин Ф.П. О языке деловой письменности в Древней Руси // Вопросы филологии. М.: Мос. гор. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1974.
3. Лингвистический энциклопедический словарь/ под. ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. 684 с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭПИТЕТА «СИНИЙ» В СТИХАХ П.П. ЕРШОВА

В.М. Михальская
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Многие люди имя П. П. Ершова знают по сказке «Конек-Горбунок». Мало кто знает, что П.П. Ершов был талантливым стихотворцем, писателем, драматургом, но чрезвычайно скромным. По этой причине он часто публиковал свои стихи, рассказы, драматургические произведения анонимно или под псевдонимами.

По мнению авторов коллективной монографии М. С. Выхрыстюк, В. М. Сйфутдиновой и А. А. Секериной, темы многих его стихов «подсказаны жизнью в г. Тобольске, они и написаны им в этом городе, где до сих пор хранятся в фондах библиотеки редкой книги при музее-заповеднике» [2, с. 22]. Тобольск сыграл важную роль не только в становлении П. П. Ершова как блестящего учителя и ученого: город подсказал ему многие темы творчества поэта и прозаика.

Объектом исследования стали 59 стихотворений П. П. Ершова, представленных в рукописном варианте, сшитых в 3 тетради. Количественный состав стихотворений в тетрадях различен: в первой тетради – 25, во второй – тетради – 23, и в третьей – 11 его произведений.

Предметом анализа стал эпитет, который активно использует автор, в своих лирических произведениях. В последнее время с развитием риторики как раздела словесности возникла проблема более системного изучения художественной речи. Поэтому вопрос об употреблении эпитета весьма актуален в современной лингвистике.Согласно словарю лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой, «…под эпитетами понимаются художественные определения, существенно отличающиеся от обычных логических определений, которые приняты в научной или официально-деловой речи» [1, с. 505].

В целях усиления выразительности образа П. П. Ершов широко и оригинально использует цветопись. Цветовые эпитеты органично входят в ткань стиха, поскольку всегда несут соответствующую смысловую нагрузку.

В центре нашего анализа – сочетания слов, необычные в семантическом плане, что отражает индивидуальность языка писателя. Нами были рассмотрены 59 стихотворений, из которых было извлечено 150 эпитетов. Из них цветовые

составили 57, это 38 % от общего числа. Из цветовых эпитетов 11 % принадлежит постоянным, которые используются в устном народном творчестве.

Наиболее частотные цветовых эпитетов –*голубой, синий, красный и золотой*.

Положительные эмоции вызывает у П. П. Ершова *синий*цвет – оттенок голубого, на характеристике которого мы остановимся. Он целительно воздействует на поэта, смягчая остроту восприятия жизни. Сквозь призму синего, как и голубого цвета, природа воспринимается нежной и ласковой. Этот цветовой эпитет органически входит в художественную ткань стиха и придаёт ему особый эмоциональный оттенок: *Ясну солнышку в ненастье В* ***синем небе*** *не сиять! Добру молодцу в несчастье Дней веселых не видать! («Русская песня»), Ходит туча в* ***синем небе****, Смотрит туча мрачным взором, На груди покоя гром («Туча»), «Где бы лучше, – молвит туча, – Мне расстлаться в* ***синем небе*** *Моленьеблещущим ковром?» (Туча), Туча дальше. Столп гранита, Подпирая* ***сине небо****, Опоясан бездной вод (Туча), Ходит туча в* ***синем небе****, Смотрит туча мрачным взором, На груди колебля гром. («Туча»), «Где бы лучше, – ропщет туча, – Мне отгрянуть в* ***синем небе*** *Разрушительным ядром?» («Туча»).*

Синее небо –это постоянный образ в лирике П. П. Ершова. С. И. Ожегов фиксирует цвет синий как «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым [4, с. 718]. Употребление эпитета в прямом значении отвечает зрительным представлениям наблюдателя: *А там вблизи, гремя о скат Холма волной неукротимой, Как буря, лился водопад, Вставал столбами млечной пены, Дробился* ***пылью голубой*** *И на границе отдаленной В морскую грудь, боец надменный, Вливался бурною рекой («Сон»).* Сочетание ***голубой водопад***не кажется сугубо индивидуальным, поскольку сема голубого цвета находится в слове *водопад.* Такие эпитеты тяготеют к постоянным, поскольку основой их служит наличие общей семы в эпитете и определяемом слове. Лексему ***голубой***«Толковый словарь русского языка» толкует следующим образом: «светло-синий, цвета незабудки» [4, с. 91]. Несмотря на то, что семантика слова *вода* не содержит семы *голубой* эксплицитно, она существует на уровне производных, то есть скрытых сем. Любой водоем имеет голубой или синий оттенок цвета, П. П. Ершов хотел указать и выделить именно этот признак в слове *водопад*. Экспрессивная функция данного выразительного средства не очень высокая, поскольку содержит предсказуемые ассоциации. Сочетание ***голубой водопад***не кажется сугубо индивидуальным, поскольку сема голубого цвета находится в слове *водопад.*

«Разостлалась бы над морем – Не спалить мне ***синя моря****, Не зажечь волны седой» («Туча»).* Слово *море* соотносится со словом *вода.* Таким образом, в этих словосочетаниях эпитет *синя моря* употребляется в прямом значении. Пример употребления стяженной формы в стихотворении «Туча» выполняет явную стилистическую функцию – передает живую разговорную речь, приближая к фольклору, кнароднопоэтической речи.Усеченная форма представляла собой удобный версификационный вариант, т. к. она отличались от полной формы количеством слогов. Наличие полной и усеченной форм эпитета *синий* давало стихотворцу возможность выбора и позволяло использовать ту форму, которая была более подходящей для стиха.

Русский литературный язык богат эпитетами. Велика роль эпитетов среди других стилистических средств литературного языка. Удачный, свежий эпитет усиливает выразительность и образность нашей речи, обогащает содержание высказывания, подчеркивает индивидуальный признак определяемого предмета или явления. Недаром эпитеты наряду с синонимами и фразеологическими выражениями нередко относят к золотому фонду национального языка.

У П. П. Ершова своя символика цветов: часто эпитеты с семантикой цвета употребляются в переносном значении. Языковая картина мира П. П. Ершова

выявляется через ключевые образы эпитета ***синий.*** Наиболее частотными являются *море, небо.*

Нередко эпитет *синий* заменяется словом ***небесный***: *И жизнь на зов мечты являлась, В забвенье страсти мне казалось — Дышала грудь, цвели уста И в чудном блеске открывалась Очей* ***небесных*** *красота...* («Воспоминание»). Небесный – 1. Все видимое над Землёй пространство, в религиозных представлениях: обитель бога богов (устар.); 2. Перен. прекрасный и возвышенный (устар.); 3. Нежно-голубой, цвета безоблачного неба [4, с. 400].

Языковая картина мира П. П. Ершова выявляется через ключевые образы. Наиболее частотными являются *небо, море, туман, ветер, туча, звезда, луна, солнце, глаза* и многие другие предметы, большинство из которых – названия природных объектов и явлений.

Велика роль эпитетов среди других стилистических средств литературного языка. Удачный, свежий эпитет усиливает выразительность и образность нашей речи, обогащает содержание высказывания, подчеркивает индивидуальный признак определяемого предмета или явления. Недаром эпитеты наряду с синонимами и фразеологическими выражениями нередко относят к золотому фонду национального языка.

1. Ахманова О.С.Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Выхрыстюк М.С., Сайфутдинова В.М., Секерина А.А. Рукописное творческое наследие П. П. Ершова в фондах музея г. Тобольска в свете лингвистического исследования. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. 166 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 3-е изд. М.: Рольф, 2001. 260 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 636 с.

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СКОРОПИСНОГО ПАМЯТНИКА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНИЙ, ПРОИЗШЕДШИХЪ В НЕБЕ НАДЪ ГОРОДОМЪ ТОБОЛЬСКОМЪ»

О.С. Мокроусова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Есть области языка, которые на первый взгляд кажутся досконально изученными. Другие, напротив, не изучены настолько, что это бросается в глаза. Лингвокультурологическое изучение скорописных текстов XVIII в. г. Тобольска, несомненно, принадлежит к числу последних.

В фондах библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска содержатся сотни ценнейших рукописных и печатных источников, которые могли бы помочь выявить особенности развития русского литературного языка территории позднего заселения. Но эти уникальные источники лишь изредка привлекают немногочисленные взоры историков и почти не являются предметом внимания лингвистов. В привлечении к исследованию все новых и новых источников и заключается *актуальность* нашего исследования.

Рукописный текст памятника *«Запись астрономическихъ явлений»* [КП 12 530] представляет собой дневниковые сведения о всех явлениях, происходивших в небе над г. Тобольском в начале XVIII в.

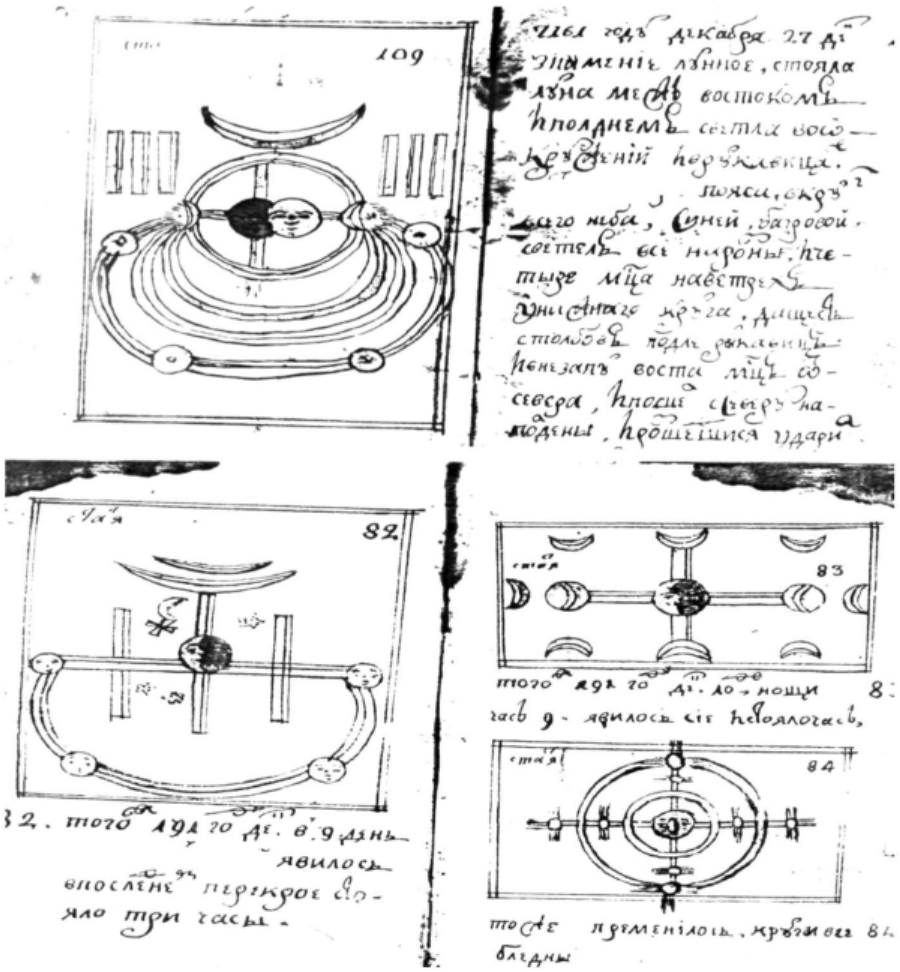

Рис. 1. Расположение текста «Записи астрономических явлений… »

Название книги не сохранилось, первые листы утеряны, но в самом тексте отдельные сведения сообщаются как бы попутно. Описываемые явления строго датированы, поэтому нетрудно установить время написания данного памятника. Текст представлен в рукописном варианте и имеет только один список, хранящийся в библиотеке редкой книги при музее-заповеднике г. Тобольска. Он никем не исследован, тогда как является ценнейшим источником для изучения графики, орфографии, морфологии, синтаксиса, а также различных пластов лексики, а вместе с тем помогает понять процесс становления языковой нормы на отдельной российской территории в период формирования русской нации.

Памятник представляет собой своеобразный фрагмент отчасти наивной картины мира, соединившей в себе новые знания о Вселенной с подлинными наблюдениями и отчасти фантазии русского человека в период развития многих наук: *«Мhсяца декабря 13 дня, въ первой день Рождества в 1 час нощи явилась звhзда Комета съ великимъ лучамъ, въ верхъ имущимъ и ходила два мhсяца, и подымалась вверхъ даже до среди неба и шествие свое съ прошлыми вкругъ не имhла когда ея съ самаго Западу до самаго Востоку, невидимо стала. Сія же сходила августа 15 числа съ полуночи теченіе свое имhла къ сhверу до востоку и видима была пять дней месяца сентября съ 23 числа явились въ небh двh звhзды звhзда надъ звhздою, нижняя велика и свитла весьма, учь отъ нихъ верхней, а верхняя поменh и темнhе, посреди ихъ верхней такожь вверхъ лучь имhлъ склонностію на западъ и тако теченіе и марта во 2 числh несличимы стали быть»* (л. 281).

Автор памятника неизвестен, но можно многое сказать о нем: он был любознателен, одержим желанием постичь неизведанное и описать увиденное, тем

самым оставить свой след потомкам и внести очень значимый вклад в развитие уже существовавшей тогда науки – астрономии. Тексты источника также отражают несколько сфер функционирования, основными из которых являются *научно-познавательная* и *художественная.* Отнесение его к научным текстам относительно, так как содержание источников включает еще мало специальной терминологии. Но включение в текст более достоверных фактов по географии, астрономии с введением времени, дат, топонимов и антропонимов повышает их научный статус: *«17 августа в 19 день явилась Комета въ апреле и мае по три cUтки а ходъ ея съ самого севера с полUночи до востока и безъявленна при солнце а особою светла знакъ китайской службы. Глава ея къ северU а хвост к востоку»* (л. 85).

Исследуемый памятник состоит из двух значительных частей, идущих параллельно и соответствующих обширному замыслу автора: на развернутом листе книги запись представлена двупланово: с правой стороны большинства страниц – подробное описание астрономического явления, увиденного автором; с левой стороны – графический рисунок с частичным комментарием увиденного (расположения звёзд и планет солнечной системы; траектории падения метеорита; фрагмента картины солнечного затмения и т. д.). Такое изложение материала очень удобно: оно наглядно, достоверно и убедительно констатирует увиденные автором в ночном небе картины: писец – человек достаточно грамотный. Красивым, в основном четким почерком он старательно, практически без ошибок записывал увиденное. Откуда же он мог появиться в начале века в российской глубинке? Был ли пытливый наблюдатель канцеляристом (монахом) родом из Москвы, Малороссии или хорошо обученным местным писцом, остается для нас загадкой.

«Запись астрономическихъ явлений…» принадлежит к оригинальному жанру старорусской письменности, смежному по форме изложения материала с записными, окладными и переписными книгами, дневниками, которые фиксировали происходившие в стране и городе события. В памятнике представлен лексический материал, разнообразный по происхождению и семантическому объему. Мы видим, что еще в глубокой древности люди стремились постичь небесные просторы, узнать тайны других миров и свои наблюдения изложить на бумаге доступным, ясным языком. Без специальных средств наши предки изучали солнечную систему и всегда стремились познать новое, незнакомое, еще не изведанное.

Назовем основные текстологические и жанровые особенности источника. Весь текст поделен на абзацы, каждый абзац начинается на новой странице с красной строки и содержит информацию о новом явлении. Абзацы не озаглавлены, но имеют зачин, с которого обычно начинается фрагмент дневниковых записей. Каждое новое небесное явление датируется: указывается число и максимально точное время описываемого факта. Поэтому абзацы стандартны в своем начале: *«Лhта 725 ноября в 15 число /в тоболску явилося знамение сіе на небеси во 2 часу нощи / и стояло до 3 часа до последней четверти / а въ 4 часу в 1 четверте скрылося / и ста в первомъ существе яко же Wбычай прибытій / ближняго столника Андрея феWдоровича / Нарышкина писано по его велению»* (л. 118). В зачин входили следующие составляющие: указание на день и год события, максимально точное время и место описываемого: *«Лhта 1738 годU декабря, 4 день было знаменіе в нощи в третий часъ над болшимъ домомъ явился столб а посреде его звезда а от него видящее два меча внизъ концами над домомъ и виденіе было пять часов и только»* (л. 132).

К текстологически значимым чертам памятника «Запись астрономических явлений», обусловленным его коммуникативной спецификой, относится достаточно устойчивая структура его абзацев. Будучи памятником старинной письменности, источник имел свои жанровые ограничения и вместе с тем – благодатный простор

для передачи живой разговорной речи своего времени по теме, близкой автору-составителю, переписчику и читателю.

Лингвотекстологическая и лигвокультурологическая значимость«Записи астрономическихъ явлений…» названного источника показательна на примере анализа астрономической лексики, выявленной методом целенаправленной выборки. Выбор в качестве предмета исследования именно астрономической лексики объясняется тем, что в отличие от других групп слов русская астрономическая терминология, складывающаяся на протяжении многих веков, имела в основном иноязычное происхождение, что немаловажно для территории позднего заселения.

Подобных памятников очень мало, а вместе с тем рукописные тексты неделового характера, хранящиеся в периферийных архивах, богаты по содержательности и информативности. Они представляют собой своеобразный фрагмент жизни человека, а значит, должны представлять особый интерес как для лингвистов, так и для астрологов, географов, историков, литераторов и всех ценителей русской культуры. Необходимость исследования этих источников очевидна. Памятник может служить объектом для изучения не только лексических, но и морфологических, синтаксических, текстологических особенностей, он являются уникальным хранителем знаний о культуре территории позднего заселения.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "LIFE" ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Э.А. Назмиева
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Данная статья посвящена выявлению особенностей репрезентации концепта «life» во фразеологизмах английского языка.

Фразеология любого языка имеет свои особенности т.к. в ней отражается история народа, особенности его культуры и быта, особенности отражения языковой картины мира.Картину мира, в свою очередь, формирует система концептов. Концепты позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные, выработанные обществом категории и классы [3, с. 53].

Актуальностьизучения данного концепта определяется научным интересом к проблеме взаимодействия языка и мышления, связи языка и культуры. Выбор концепта «жизнь» обусловлен его универсальностью и значимостью не только для представителей отдельной культуры, но и для мирового сообщества в целом.

Целью данного исследования является описание и анализ концепта «life» во фразеологизмах английского языка. Для реализации поставленной цели была сделана выборка фразеологических единиц со значением «life» и лексемами life, alive, living, live и проведен концептуальный анализ фразеологизмов: нами было выделено ядро и периферия концепта.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых в области лингвистики, включая Е. Ф. Амосову, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюнову, А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, А. Вежбицкую, В. В. Виноградова, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубрякову, А. В Кунина, В. А. Маслову, С. Е. Никитина, И. А. Стернина, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, Л. В. Щербу и др.

Материалом исследования явились лексикографические источники: фразеологические словари и словари пословиц и поговорок английского языка. Корпус анализируемого в выпускной квалификационной работе материала включает 257 фразеологических единиц.

В работе использовались лингвистические и психолингвистические приемы и методы, включающие описательный и сопоставительный методы, метод сплошной выборки и др., а также элементы количественного и статистического анализа, применяемые для обработки результатов.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ *концептуализации действительности* называется языковой картиной мира.

Согласно теории лингвистической относительности, имеющаяся у человека картина мира в значительной степени определяется системой языка, на котором он говорит. По словам А. В. Кунина: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [2, с. 213]. У носителей разных языков ментальные образы объекта неодинаковы. Например, в английском языке существует одно слово для обозначения снега, в эскимосском их несколько, так что от носителя эскимосского языка требуется различать о каком снеге идет речь: падающем, лежащем на земле и т.д.

В языковой картине мира этнический менталитет актуализируется в ключевых концептах – вербализованных символических образах «идеального» понятия, отражающих ментальное представление носителей языка об объекте действительности, определяющееся системой традиций данной культуры, в границах которой он (концепт) репрезентируется внутренней формой выражающего его слова. Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы [3].

Концепт обладает сложной структурой. С одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология), история, сжатая до основных признаков содержания; современные ассоциации; оценки, коннотации.

Концептуальная сфера любого народа состоит из наиболее существенных концептов. Рассматриваемый нами концепт «life» является одним из таких концептов, он важен для построения концептуального пространства и выступает как один из рубрик его членения.

Концепт «жизнь» в рамках когнитивного анализа рассматривается в более подробном представлении в виде «духовной жизни человека» [7]. Но чаще всего в лингвистических исследованиях наших дней можно констатировать изучение концепта «жизнь» при сопоставлении с концептом «смерть». В этих случаях наблюдаются подходы к изучению упомянутых концептов с позиции выяснения их лексической представленности в сознании носителей языков [1; 5; 6], выявление структурных связей, организующих лексико-семантические поля данных концептов при сопоставлении нескольких языков [4].

Жизнь – это естественный природный процесс, что предопределяет его познание средствами и методами науки, используемой для изучения всех природных явлений. Вместе с тем жизнь обладает специфическими свойствами, которые делают ее принципиально отличной от всех иных проявлений материального порядка, то есть речь идет о качественном своеобразии жизни.Понимание жизни, отношение к жизни в любой лингвокультуре представляет собой ориентир человеческого поведения,

который определяет этноспецифические нормы и стереотипы общения, а также ментальность носителей языка.

В результате анализа словарных дефиниций было выделено ядро концепта «life»: «*период жизни человека* – от рождения до биологической смерти» (the period of time when a person is alive, the interval between birth and death) и *«состояние жизни»* (the condition or state of being alive). К дополнительным значениям, согласно толковым словарям, можно отнести: свойства и качества, которые отличают живые организмы от неживых и неодушевленных, проявляющиеся в таких явлениях как метаболизм, рост, развитие, размножение, ответ на сигнал или адаптация к окружающей среде; живое существо, в особенности человек; физический, ментальный и духовный опыт человека, который представляет собой существование; определенный отрезок времени, время, в течение которого что-то существует и функционирует; описание жизни, биография; образ жизни, человеческая деятельность, в общем, ежедневный род деятельности; источник жизненных сил, живость, оживление; веселость, бодрость; приподнятое настроение, окружающая действительность, природа.

Так как периферия концепта «life» анализируется на базе фразеологического материала, авторам статьи кажется целесообразным выделение концептуальных областей, основанных на общем значении фразеологизма, в связи с тем, что лексемы, входящие в состав фразеологизмов, утрачивают свое прямое значение. Хотелось бы также отметить, что при выборке фразеологизмов учитывалось как общее значение фразеологизма, связанное с жизнью, так и лексемы life, alive, living, live. В результате были получены следующие результаты.Структура периферии концепта «life» (на фразеологическом материале) состоит из 5 концептуальных областей: «Beginning» (Начало), «Way of life» (Образ жизни), «Life span» (Период/промежуток жизни), «Existance» (Существование) и «Extremity» (Крайность/высшая, крайняя степень).

Далее представлены примеры фразеологизмов, составляющих концептуальные области:

1. Концептуальная область «Beginning»:*come to life* – 1. начать жизнь, появиться на свет 2. оживать, приходить в себя; *come into being (existance)* – возникнуть, появиться; *come into the world* - родиться, появиться на свет;*breathenewlifeinto* – вдыхать новую жизнь; *draw one's first breath* – родиться, появиться на свет;*new lease of life* – возрождение надежд, возвращение к жизни; *new birth* – второе рождение, духовное возрождение; *bring (infuse) new blood into smth* – вдохнуть жизнь в, влить, внести свежую струю.

2. Область «Way of life» вербализуется с помощью лексемы «live»:tolivehighonthehog – жить в роскоши, припеваючи;toliveonthebreadline – жить в нужде;to live a lie – вести двойную жизнь;live on air (или on nothing) – жить неизвестно на что; питаться воздухом; live in sin - жить в грехе, в незаконном браке;live in the street – мало бывать дома, проводить почти все время вне дома;live in one's trunks – жить на чемоданах, не распаковывать свои вещи (из-за недостатка места или времени).

3. Область «Life span»:late in life – в пожилом возрасте; for life – на всю жизнь; пожизненно; вечный, пожизненный (Till the end of one's life); one's life's work – работа жизни; thenoonofone'slife – лучшее время жизни; the autumn of one's life – осень жизни, пожилой возраст; anepitomeofone'slife – итог жизни.

4. Область «Existance»:forone'slife – дляспасения (своей) жизни; takeone'slifeinone'shands – взятьчью-либожизньвсвоируки; toputone'slifeinsmb'shands– вверять свою судьбу в чьи-либо руки; atthecostofone'slife – ценой жизни; atthehazardofone'slife – рискуя собственной жизнью; bread and butter – средства к существованию, хлеб насущный; daily bread – хлеб насущный, кусок хлеба, средства к существованию; earn (or make) one's bread – зарабатывать на жизнь, на пропитание; in the land of the living – в живых, на этом свете и др.

5. Область «Extremity»:aslargeaslife–в натуральную величину; as big as life – на самом деле, провалиться мне на месте; larger than life – невероятный, неправдоподобный; to appear lifelike – как живой, очень похожий; живо; fordearlife – изо всех сил; forthelifeofme – хоть убей!; get a life – займись делом, проснись и пой; true to life – близкий к жизни, точно воспроизведенный; life and limb – здрав и невредим, здоров как бык.

6. Область «Extremity» включает в себя 60 фразеологизмов, которые утратили прямое значение жизни. Лексема «life» твердо закрепилась в структуре фразеологизма и образовала новое значение. Жизнь здесь выступает либо как нечто очень важное, либо как крайняя степень качества.

При анализе фразеологизмов было обнаружено, что жизнь очень часто имеет значение противоположное смерти. Это отражено во фразеологизмах, содержащих лексему "life":lay down (one's life) – отдать свою жизнь, пожертвовать собой; take (one's) life – отнять жизнь, лишить жизни; покончить собой; attheexpenseofone'slife – ценою жизни; tomakeamuddleofone'slife – испортить /загубить/ свою жизнь; within an inch of one's life / skin – в дюйме от смерти, почти насмерть, до полусмерти; tothrashwithinaninchofone'slife – бить смертным боем; tobelivingtherestofone'sdays, toliveoutone'sdays, tobenearingtheendofone'slife, tolaydownone'slife – отдать свою жизнь, пожертвовать жизнью; to gasp out one's life – испустить дух, скончаться; the great beyond – загробная жизнь; frightenthelifeoutof – испугать до смерти.

Итак, в английской языковой картине мира концепт «life», ядро которого – состояние жизни и период жизни, имеет периферию, состоящую из пяти областей, передающих значения начала, жизни как отрезка времени, образа жизни, существования. Фразеологизмы также помогают увидеть данный концепт как явное противопоставление смерти (смерть – конец жизни). В ряде фразеологизмов лексема life используется для усиления значения или преувеличения степени, размера, свойств, качеств и т.д. чего-либо.

1. Абубакирова З. Ф. Представление суперконцепта «жить» в русско-башкирском функционально-когнитивном словаре: Дис. … канд.филол.наук. Уфа, 2002. 103с.
2.Большой англо-русский фразеологический словарь / под ред. А.В. Кунина. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие.М.: Академия, 2001. 208с.
4. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
5. Тимонина А.П., Барабанова Е.С. Концепты «жизнь» и «смерть» в сознании французов // Языковые и культурные контакты различных народов: сб. ст. Междунар. науч.-метод. конф. Пенза: Поволжский Дом знаний, 2009. С. 164-168.
6. Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. 2001.№ 5.С.50-59.
7. Яковенко Е.Б. Реконструкция элементов концептуальной области «духовная жизнь человека» (на материале немецкого и английского языков): Автореферат дис. ...канд.филол.наук. М.: МГУ, 1995. 15с.
8.Etymological and pronouncing dictionary of the English language. By Stormonth, James, Phelp, P.H. Published 1874, URL:http://definitions.dictionary.net/death.
9. Merriam-Webster Online Dictionary copyright, 2015 by Merriam-Webster, Incorporated, URL: http://www.merriam-webster.com
10. The Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2015 by Oxford University Press, URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com
11. The online English dictionary from Macmillan Publishers Limited. by Macmillan Publishers Limited 2009–2015, URL: http://www.macmillandictionary.com
12. Lexilogos by Xavier Negre, Lexilogos 2002-2015, URL: http://www.lexilogos.com/english/dictionary.htm

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

В НАУЧНОЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.М. Паршукова
Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

При создании художественного произведения писатели стараются красочнее и лаконичнее изложить сюжеты, образы и характеры своих героев. При помощи слова авторы вовлекают читателя в гущу событий и заставляют его переживать действия вместе с героями произведения. Для этой цели авторы прибегают к различным средствам выразительности языка, одним из которых является сравнение. Наряду с метафорой, сравнение является самым употребляемым и распространенным средством выразительности. Его используют не только в художественной литературе и публицистике, но и в научно-популярных текстах с той целью, чтобы образнее объяснить то или иное явление. По этой причине в научной литературе существует много определений понятию сравнения как средства образа и выразительности.

В словаре С.И. Ожегова находим следующее определение: «Сравнение, *-я,ср.* 2. Слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой. Остроумное с. *» [1, с. 608].

Согласно толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова, «сравнение – это фигура образной речи – уподобление одного предмета другому. Не идти в сравнении с кем-чем – о том, что или кого трудно сравнивать с кем-чем-нибудь другим вследствие очень большой разницы» [2, с. 513].

В учебнике Русского языка и культуры речи Н.В. Кузнецовой читаем: «Сравнение – это образное выражение, в основе которого лежит сопоставление каких-либо двух объектов. Сравнить – это значит обнаружить общий признак у двух предметов. Поэтому обычно сравнение состоит из двух объектов: один объект сравнивают с другим» [5, с. 118].

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в отечественной лингвистике в 60-е годы XX в. Являясь одним из самых употребительных стилистических приемов, сравнение стало объектом внимания многих ученых: В. В. Виноградова, И. М. Сеченова, А. А. Потебни, Н. П. Потоцкой, З. И. Хованской, М. П. Брандеса, Ю. Степанова, А. И. Ефимова, К. А. Долинина и др.

В своих работах В. В. Виноградов писал: «Сравнение – особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью» [9, с. 206].

И. М. Сеченов: «Все, что человек воспринимает органами чувств, и все, что является результатом его мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлеченных от реалий, до расчлененных конкретных впечатлений), может соединяться в нашем сознании ассоциативно» [10, с. 159].

Другой исследователь языка Н. П. Потоцкая характеризует сравнение как распространенный в публицистике и художественной литературе стилистический прием, который часто бывает приемом композиционным или служит основой для развертывания образа. Она указывает на то, что существует некий общий признак, который объединяет эти самые понятия, явления, предметы и лица. При этом отмечает, что признаки, объединяющие сходные предметы, явления, не переносятся на сравниваемый предмет, как это делается при создании метафор, а чётко выделяется [8, с. 152]. А. А. Потебня: «процесс познания есть процесс сравнения» [6, с. 194].

А. И. Ефимов под сравнением понимает сопоставление описываемых лиц, характеров, событий, картин с образами, которые в большинстве случаев хорошо

знакомы читателю. В результате этого сопоставления изображаемое как бы конкретизируется, становится более очевидным и выразительным [7, с. 224].

Опираясь на научную литературу и мнения лингвистов, мы считаем сравнение средством выразительности языка, основанном на сопоставлении одного предмета с другим с целью художественного описания первого.

При сопоставлении с другими тропами сравнения выделяются и благодаря структурному разнообразию. В русском языке сравнение как средство выразительности может быть представлено в виде:

1) сравнительного оборота, вводимый союзами *как, как будто, словно, точно, ровно, как бы* и др.: *Безумных лет угасшее веселье Мне тяжело, как смутное похмелье. Но, как вино, – печаль минувших дней В моей душе чем старе, тем сильней»* (А.С. Пушкин); *Лед неокрепший на речке студеной словно, как тающий сахар, лежит* (Н.А. Некрасов); *Хорошо и тепло, как зимой у печки, и березы стоят,как большие свечки*(С. Есенин); *Небеса опускаются наземь, точно занавеса бахрома...* (Б.Л. Пастернак).

2) сравнения с лексическими элементами «похож», «подобный»: *специалист подобен флюсу*(Козьма Прутков); *Кленовый лист напоминает нам янтарь* (Н. А. Заболоцкий);

3) сравнения, выраженные существительным в творительном падеже: *Я волком бы выгрыз бюрократизм (В. Маяковский),* Под голубыми небесами *великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит* (А. С. Пушкин),*Морозной пылью серебрится его бобровый воротник...* (А. С. Пушкин). Такие сравнения выполняют синтаксическую функцию обстоятельства образа действия;

4) к ним близки и сравнения, выраженные формой сравнительной степени имени прилагательного или наречия, они тоже характеризуют действие: *Под ним струя светлей лазури* (М.Ю. Лермонтов); *лицо мрачнее тучи*(Аркадий Клугман), *Я – за ней. Она бежала легче серны молодой*(К. Н. Батюшков);

5) Придаточное сравнительное предложение: *…и закрыл глаза; и подобно тому, как плачущий ребенок сразу забывает все свои горести* (Дж. Лондон), *Закружилась листва золотая в розоватой воде на пруду, словно бабочек легкая стая с замираньем летит на звезду*(С. Есенин);

6) Отрицательные сравнения: *не ветер бушует над бором...* (Н. А. Некрасов); *То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит* (С. Стромилов).

7) сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный»: *дугообразный, желеобразный, богоподобный*.

8) наречия, образованные от притяжательных прилагательных с формантом «по-»: *по-лисьи, с волками жить –по-волчьи выть* (фразеологизм).

9) присоединительная конструкция, вводимая союзом, так и обычно содержащая развернутое сравнение, выраженное придаточным: *Живу печальный, одинокий, И жду: придет ли мой конец? Так, поздним хладом поражённый. Как бури слышен зимний свист, Один – на ветке обнажённой Трепещет запоздалый лист!..* (А. С. Пушкин); *Я не люблю тебя; страстей / И мук умчался прежний сон; / Но образ твой в душе моей / Все жив, хотя бессилен он. / Другим предавшийся мечтам, / Я все забыть его не мог. / Так храм оставленный – все храм, / Кумир отверженный – все бог.* (М. Ю. Лермонтов)

10) бессоюзные сравнения: *заутра казнь, привычный пир народу* (Андрей Шенье); «*Мы с какой угодно стороны Несоединяемые части: Я – как биография страны, Ты – её сегодняшнее счастье»* (М. Светлов); *Так тонок халат мой летний – Крылья цикады!* (Басё).

11) сравнения, выраженные именами существительными в косвенных падежах: *И жизнь превращается при этом в какой-то вихрь* (Дж. Лондон); *Он на все вам ответит сбыстротой и точностью автомата* (Дж. Лондон).

12) сравнение может быть выражено в форме риторического вопроса: *О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной, на высоте уздой железной Россию поднял на дыбы?* (А.С. Пушкин); *Да, действительно, чего не потерпел я? Как барка какая-нибудь среди волн, каких гонений!* (Н.В. Гоголь).

И.Б. Голуб относит сравнение лексическим образным средствам. И в то же время отнесение сравнения к лексическим образным средствам в известной мере условно, так как оно реализуется не только на лексическом уровне: сравнение может быть выражено и словом, и словосочетанием, и сравнительным оборотом, и придаточным, и даже самостоятельным предложением или сложным синтаксическим целым.

Само отнесение сравнения к тропам вызывает полемику среди лингвистов. Одни считают, что в сравнениях значения слов не претерпевают изменений; другие утверждают, что и в этом случае происходит «приращение смысла» и образное сравнение является самостоятельной семантической единицей. Только при таком понимании сравнения его можно считать тропом в точном значении термина [3, с. 141].

Сравнение представляет собой простейшую форму образной речи. Почти всякое образное выражение можно свести к сравнению (ср. *золото листьев – листья желтые, как золото, дремлет камыш – камыш недвижим, как будто он дремлет*). В отличие от других тропов сравнение всегда двучленно: в нем называются оба сопоставляемых предмета (явления, качества, действия).

Сравнение оформляется и как отдельное предложение, начинающееся словом так и по смыслу связанное с предыдущими. Такие сравнения часто замыкают развернутые художественные описания, как, например, в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина: *Журчит во мраморе вода и каплет хладными слезами, не умолкая никогда. Так плачет мать во дни печали о сыне, павшем на войне.*

Сравнения в языке могут быть прямыми и отрицательными. Отрицательные сравнения особенно характерны для устной народной поэзии и могут служить способом стилизации текста: *То не конский топ, Не людская молвь*... (А. С. Пушкин).

Особый тип сравнения представляют развернутые сравнения, с помощью которых могут быть построены целые тексты. Так, например, в стихотворении Ф.И. Тютчева «*Как над горячею золой...*»: *Как над горячею золой Дымится свиток и сгорает И огнь сокрытый и глухой Слова и строки пожирает — Так грустно тлится жизнь моя И с каждым днем уходит дымом, Так постепенно гасну я В однообразье нестерпимом!..*

Сравнения используются в тексте с целью усиления его изобразительности и образности, создания более ярких, выразительных образов и выделения, подчеркивания каких-либо существенных признаков изображаемых предметов или явлений, а также с целью выражения авторских оценок и эмоций: *Мне, дружок мой, нравится, Когда слово плавится И, когда оно поет, Жаром строчку обдает, Чтоб слова от слов зарделись, Чтоб они, идя в полет, Вились, бились, чтобы пелись, Чтобы елись, будто мед*(А. А. Прокофьев); *В каждой душе словно живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда, погасает, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетает с наших губ... Бывает, погасшая звезда для нас, людей на земле, горит еще тысячу лет* (М. М. Пришвин).

Из фольклора эти сравнения перешли в русскую поэзию: *Не ветер, вея с высоты, листов коснулся ночью лунной; моей души коснулась ты – она тревожна, как листы, она, как гусли, многострунна* (А. Толстой). В отрицательных сравнениях один предмет противопоставляется другому: *Не ветер бушует над бором, не с гор побежали ручьи - мороз-воевода дозором обходит владенья свои* (Н. А. Некрасов).

Известны и *неопределенные* сравнения; в них дается высшая оценка описываемого, не получающая, однако, конкретного образного выражения: *Не расскажешь, не опишешь, что за жизнь, когда в бою за чужим огнем услышишь*

артиллерию свою (А. Твардовский). К неопределенным сравнениям относится и фольклорный устойчивый оборот *ни в сказке сказать, ни пером описать*.

Иногда для сравнения используются сразу два образа, связанных разделительным союзом: автор как бы предоставляет право читателю выбрать наиболее точное сравнение: *Хандра ждала его на страже, и бегала за ним она, как тень иль верная жена* (А. С. Пушкин). В образной речи возможно употребление нескольких сравнений, раскрывающих различные стороны одного и того же предмета: *Богаты мы, едва из колыбели, ошибками отцов и поздним их умом, и жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели, как пир на празднике чужом* (М. Ю. Лермонтов).

Сравнения, которые указывают на несколько общих признаков в сопоставляемых предметах, называются *развернутыми.* В развернутое сравнение включаются два параллельных образа, в которых автор находит много общего. Художественный образ, используемый для развернутого сравнения, придает описанию особую выразительность: *Возникновение замысла, пожалуй, лучше всего объяснить путем сравнения. (...) Замысел – это молния. Много дней накапливается над землей электричество. Когда атмосфера насыщена им до предела, белые кучевые облака превращаются в грозные грозовые тучи и в них из густого электрического настоя рождается первая искра – молния. Почти тотчас же вслед за молнией на землю обрушивается ливень. (...) Для появления замысла, как и для появления молнии, нужен чаще всего ничтожный толчок. (...) Если молния– замысел, то ливень – это воплощение замысла. Это стройные потоки образов и слов. Это книга*(К. Г. Паустовский).

Сравнение – одно из самых распространенных средств изобразительности в поэтической речи(*На заре туман кудлатый, спутав дымы и дымки, в берегах сползет куда-то, как река поверх реки.* А. Твардовский); к ним прибегают ученые, чтобы популярно объяснить какое-либо явление (например, в лекции по физике: *Если вообразить, что многотонную массу воды, ежесекундно проходящую через плотину крупнейшей в мире Красноярской гидроэлектростанции, мы каким-то чудом заставим протиснуться в течение той же секунды через обычный водопроводный кран, только тогда мы получим косвенное представление о том, чем лазерный луч отличается от света всех других источников*); их используют публицисты как средство яркой речевой экспрессии (*В последние недели гидростроители производили постепенное сужение русла реки... Две каменные гряды словно устремились навстречу друг другу. И каким же стремительным стало течение великой русской реки!*).

Сравнения как средства языковой выразительности могут использоваться не только в художественных и публицистических текстах в разговорной речи, но и в научных.

Таким образом, сравнение – это сочетание слов, содержащее уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку и ставящее целью выявить в объекте сравнения новые, важные, преимущественные для субъекта высказывания, свойства.

1.Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 10000 слов, терминов и фразеологических выражений/ под ред. проф. Л.И. Скворцова.. М.: «ООО Издательство Оникс»; ООО «Издательство Мир и образование», 2010. 736 с.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 3 т./ ред. Д.Н. Ушаков. Т 3: Р-Я. М.: Вече;Мир кн., 2001. 671 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003.488 с.
4. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Секреты стилистики. М.: Айрис-пресс, 2004. 208 с.
5. Кузнецова Н.В. Русский язык и культура речи: учебник. М.: Форум, 2010.- 368 с.
6. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
7. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.: МГУ, 1961.108с.

8. Потоцкая Н.П. Стилистика современного французского языка. М.: Высшая школа, 1974. 247 с.
9. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 358 с.
10. Чжуи Чжао Ассоциативные связи в сравнительных оборотах в русском и китайском языках // Путь Востока Межкультурная коммуникация. Серия «Symposium», Конференция «Путь Востока», Выпуск 30: Материалы VI Молодежной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПБ. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 159-162.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНОВ СУДА г. ТОБОЛЬСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Ю.Л. Песчанская
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

XVIII столетие – эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации. В этот период формируется русский литературный язык нового типа, который не только отражает социокультурные изменения, но и оказывается одним из основных средств утверждения господствующей культуры, выступает как формальная основа нового государственного дискурса. Таким образом, языковые процессы, связанные с социокультурной динамикой русского общественного самосознания, позволяют увидеть неоднозначность генезиса русской культуры нового времени [1, с. 68]. В XVIII в. подверглось модернизации право, в том числе юридический язык, служащий одним из важных средств формирования правового сознания и правовой культуры.

Вторая половина XVIII столетия характеризуется развитием наук в нашей стране и становлением терминологии – медицинской, фармацевтической, ботанической, астрономической, географической и др. Наиболее показательно формирование юридической терминологии.

Объектомизучения является язык русского права, то есть комплекс языковых средств, функционирующих в сфере правового общения.

Для анализа этого процесса использовались рукописные документы ряда фондов органов суда и прокуратуры г. Тобольска XVII–XVIII вв., хранящиеся в исторических фондах ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске», а именно:

Ф-363 Тобольский Верховный народный суд (53 ед. хр.);

Ф-361 Тобольская палата гражданского суда (962 ед. хр.);

Ф-501 Земские суды (588 ед. хр.);

Ф-12 Тобольский сиротский суд (9 ед. хр.);

Ф-368Тобольская нижняя расправа (6 ед. хр.);

Ф-371, Совестный суд (911 ед. хр.);

Ф-366 Прокурор Тобольского наместничества (9 ед. хр.).

В качестве предмета исследования рассматривается юридическая терминология как ядро языка права, средство вербализации понятийно-категориального аппарата права и правовой картины мира (образа действительности, регламентируемой правом).

Цельданного исследования – на основе названных источников представить русскую юридическую терминологию второй половины XVIII в.

Следуя данным «лингвистического энциклопедического словаря» под ред. В. Н. Ярцевой, *термином* считаем «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [2, с. 508]. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями, характерными для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии.

Перечислим основные терминологические группы, выявленные нами методом сплошной выборки:

1. Названия правоохранительных учреждений: *Верховный суд, Высший суд, Земский суд, Нижняя расправа, Верхняя земская расправа,* Совестный суд, Тобольская верховная расправа, Тобольская нижняя расправа, Тобольский сиротский суд и др.;

2. Процессуальные мероприятия: *доношение, донос, учинить рапорт, явка / неявка к суду, суд, праведный / неправедный, правосудие; розыск правый; вершить дело правдой,, вершение правое, бить челом праведно /, доносить челобитье, отвечать, правая, улика, признать / не признать сущую правду, показание, правомерные / неправомерные письма; справедливое / несправедливое решение, правосудное / неправосудное решение, учинить решение; приговръ, осужденіе, лицемерно; приговор правомерный, пристойный / непристойный* и др.;

3. Субъекты правоотношений– участники процессуальных мероприятий»: *виновный, невиновный, винный / безвинный, повинный / неповинный* и др.;

4. Правонарушение: *умышленное / неумышленноеубийство, убивство с вымыслом / безвымысла, винность / невинность, ставить / не ставить в вину,*

5. Вред, причиненный правонарушением: *обида, вред (вреда) – бедство – убыток – раз(з)орение - повреждение – несправедливость* и др.;

5. Виды наказания:*штраф, отнятие всего или части имения, ссылка на галеру; легкое, чести нарушимое наказание* и др.;

6. Качественная оценка: *виновный, виноватый, винный, повинный, невиновный, невинный, безвинный, неповинный, умышленный, злоумышленный, неосторожность, неосмотрительность, оплошка,глупость, неумышленный, ненарочный, неосмотрительный, невинно, безвинно, невинным образом, злоумышленный человек-злой вымышленник* и т.д.

6.Собственноюридическая терминология: *вина, винность, воля, вымысел, замысел, намерение, санкция, улика, умысел* и др.

Юридическая терминология к концу XVIII в. все активнее заявляет о своем существовании. Об этом свидетельствует активное развитие внутри групп лексико-семантических связей, к числу которых отнесем антонимию, синонимию, полисемию, гипонимию.

В документации провинциальных канцелярий г. Тобольска XVIII в. использовались термины всех подсистем терминосистемы «право»: «законодательство», «судопроизводство», «обеспечение правопорядка», «правонарушение», «юридическая ответственность». В целом для юридической терминологии в локальных скорописных документах характерны те же свойства, какими обладает общерусская терминология права в нормативно-правовых актах. Обратимся к характеристике ведущих тенденций в области функционирования правовых терминов в местной документации.

Одним из внешних признаков неустойчивости терминологии является фонетико-графическая вариантность: *убийство / убивство /уби'стео, похищение / похищрение, преступление / преступленіе, взыскание / взысканіе, расписка / росписка, ходатайство /ходатайство, апелляция / йппеляция /авеллация, прозба / просьба* и мн. др.

Еще одним проявлением колебаний формы терминов является словообразовательная вариантность: *вымогательство / домогательство, выкрасть/покрасть/украсть, кража / покража, просьба / прошение, неза-| тата / нетатежъ, разбор / разбирательство (в суде), подписка /росписка, взыскание / взыскивате, невысыпка / неприсылка / неприсылан явка / неявление (в суд), беззаконный / незаконный, бегство /убег / виновный / винный, безвинный / неповинный, умысел /*

вымысел, пров ние / разведывание, следовать / гзследоват, cnedcteie / следовате / годование /обследование, сыщик /рассыщик, сыск /поиск* и т.п.

Наряду со словообразовательным варьированием отметим в качестве нормализации – использование регулярных моделей терминообразования.

На основе материала нашего исследования можно выделить несколько более продуктивных моделей терминологической номинации в зависимости от частеречной принадлежности производных и производящих основ.

Большую группу составляют термины-существительные, образованные: а) от глаголов с помощью суффиксов *-енцj-, -анцj–(похищать – похищение; подозревать – подозрение; показать – показание; взыскать екание; наказать – наказание; оштрафовать – оштрафование)*; б) от глаголов либо существительных с помощью суффикса *–ст(а)- (доказагть казательство; укрывать – укрывательство; вымогать – вымогательство; производить (дело) – производство (дела); воровать – воровство, поручитель – поручительство)*; в) от глаголов с помощью *нулевого суффикса (допросить – допрос; розыскать –розыск; обидеть – обида; поручить(ся) – порука; умышлять – умысел;* (производные групп обозначают действие по глаголу либо результат действия, действия); г) от отглагольных существительных на *-ие, -ка* и нульсуффикса с помощью префикса ***не-*** *(правосудие - неправосудие; показание - н зание; исполнение - неисполнение (указа); удовольствие - неудово.п (истца); явка – неявка (к суду); заплата – незаплата; присылка – сылка; доставка – недоставка (документов); бытие – небытие (на веди))*, обозначающие ненормативное явление; д) от глаголов с суффиксами *-тель-, -ниц- (поручить(ся) – поручитель, поручителпросить – проситель),* обозначающие лицо; е) от причастий путемпозиции *(обиженный),* обозначающие лицо; ж) на базе словосочетаний *(судопроизводство).*

Группа терминов-прилагательных, образованных от различных частей речи аффиксальными способами *(доказательный – бездоказательный, вор –воровской; розыск – розыскной; судопроизводство –судопроизводственное (дело), подозревать – подозрительный)* либо путем транспозиции *(умышленный* – от причастия).

Группа терминов-глаголов, образованных от существительных с помощью суффикса *-ова- (штраф – штрафовать; вор – воровать).* Группа наречий, образованных от прилагательных с помощью суффиксов *-и-,-о-(воровской – воровски; умышленный – умышленно).*

Также в исследуемом материале нашло отражение заимствование западноевропейской юридической терминологии: *конфисковать, конфискованный, конфискация, штраф, штрафовать, арест апелляция (авеллацыя), фальшивый (фалшивые пашпорты, фалишваз пЪчать), претензия, партикулярный (партикулярная работа).*

Наряду со специальными юридическими терминами в текстах документов функционируют общеупотребительные лексемы в качестве терминов. «Семантические неологизмы»: *хпоупотреблете, ябеда, участие, нападение, умертвить, обида, обижденный, бесчестие, спрсведливость, несправедливость, лживый (поступок).* «Контекстуальны термины»: *небрежение, упущеше, своевольство, порок, понаровка, оснуйник, непослушный, роптивый, ленивый, разсмотрение, прозба, просителе удоволъств'хе, неудовольствие, сведете, намерение, взять, взятье, прощать, пощада.*

Важным фактором закрепления формы и значения терминов является установление регулярных синтагматических связей – включение термине в стандартные конструкции: *по вине преступления, наказывать по состоянию вины, по изъясненш преступлетя наказать, наказывать по разсмотрению, удержание наказания, под жестоким штрафомь, денежнаштраф, штрафовать деньгами, чинить немалой штрафъ, штрафъ взыскать, взыскивать штрафные деньги, взыскание штрафных денегъ, штрафовать без упущения, возлагать арест, наложение*

ареста, умышленное похищение, подозреваться по делу, явиться в подозрении, подозреваемый в (краже), учинить допрос, отобратіе обстоятельнаго допроса, допросные речи, сказать в допросе, показать в допросе, спрашивать похвально, отобрать / отобрате сведенш, взять сказку, скаскою показать, состоять под стражею во одопжетяхъ, исполнять законы, поступать по законамъ, поступить с виновным по законамъ, поступление по Саконамь, законное поступление, законное суждение / решение, на основанш зако-новъ, на законномъ основанш, управлять в силу законновь, по силе зако-новъ, по узаконениям, совершить в противность законовъ, доставлете правосудия.

Таким образом, язык канцелярских документов оказывает регулятивное воздействие на юридический язык, а последний является источником специальной лексики для делового языка.

1. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь/ под. ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 684 с.

«КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ О НАРОДЕ ОСТЯЦКОМ»Г.И. НОВИЦКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

Т.А. Петрова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

«Краткое описание о народе остяцком» –этнографическое сочинение, написанное в 1715 г. украинским ссыльным Григорием Ильичом Новицким. Автор непосредственно наблюдал за жизнью и обычаями народовханты и манси, которых прежде называли*остяками* и *вогулами*. Данные наблюдения представляют большой интерес как первоисточник в области истории, этнографии и языковедения.

Впервые сочинение Григория Новицкого было издано в 1884 г. Л. Майковым. Еще не будучи изданным, оно неоднократно привлекало к себе внимание исследователей Сибири. Достаточно указать хотя бы на то, что рукописью Н. Новицкого во второй половине XVIII в. пользовался Иван Черепанов, автор новой Сибирской летописи. В течение XIXв.обращались к ней Н.А. Абрамов во многих своих этнографических работах, П.А. Словцов, историк, сибирский краевед, написавший «Историческое обозрение Сибири», Г.И. Спасский и др.

Говоря о значительности сочинения Н. Новицкого для исследования сибирской истории, Л. Майков приравнивает его к таким источникам, как «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенникова и как описание кругосветных путешествий мореплавателей XVIII в. Н. И. Костомаров в сочинении «Мазепинцы» дает следующую характеристику «Краткому описаниюо народе остяцком»: «Живучи в Сибири он оставил после себя замечательное сочинение о Сибири, отличающееся и богатством сообщаемых сведений и наблюдательностью автора и разнообразием лексического материала [3, с. 4].

«Краткое описание» содержит восемь глав, каждая из которых подразделяется на параграфы. В главе первой, содержащей восемнадцать параграфов, даются общие сведения о Сибири вообще и о районе, заселенном в то время остяками (*хантэ*). Начинается она с описания очертания (границ) Сибири и ее естественных богатств. Г. Новицкий говорит о наличии в Сибири руд железных, медных, свинцовых, серебряных, золотых. *«Гори каменный,*– говорит он, *–...иже произносит в недрех своих*

самородной хрусталь, слюду чисту; а наипаче наполненные толико каменей магнитом, яко доволно жители здешний от сего хитростнеиспущають железо»[3, с. 33].

В параграфах 6-9 первой главы Н. Новицкий сообщает исторические сведения, почерпнутые из сибирской летописи Саввы Есипова. Это видно даже из самого беглого сличения содержания названных параграфов. В одном месте и сам автор говорит об этом прямо, приводя свидетельство из одногосибирского Летописца, однако, не называя его [3, с. 33].Говоря о Новой Земле, которая в то время была почти еще не исследована, Н. Новицкий замечает: *«К сему утеснению морскому прилгжащую Новую Землю аще и многиясовершенным известием проведать желаху, обачезелной ради стужы и жестока убивающаготамо воздуха не возмогошамнози же аще и дерзнуша сего Искусити–погабоша»* [4, с. 39].

Заканчивается первая глава рассказом о том, откуда произошло название народа*хантэ*. Сами себя, говорит Г. Новицкий, остяки называют *Кондия*, *Хондия,* а страну свою –*Хойдымых*. Остяками же их прозвали пермяки, принявшие христианство. Само слово «остяки» он сначала производит от слова «останки»: *«Россияне, видевшее их идолобесия останки, укрывшийся из Пермы, нарекоши их Остяки, аки бы останки»* [3, с. 40].Но вслед за этим дает и другое объяснение: *«второе же мнится быти и се, яко же вей здешний полунощный народы от обыкновений своих нарекошасясыроядцы– от сыроядения, тако и ста от нравообычая, своего, зане народ сей упражняетьсярибоки от повседневной сей пищи ничто же вящшесущу во устехих, яко ости рибни Я, от них же мниться; быть яка название се Остяки, и наложаша Россияне»* [3, с. 40].По этому поводу позднее было высказано Н. Абрамовым другое мнение, а именно, что русское «*остяк*» есть не что иное как переделанное татарское «уштяк», что означает – грубый, невежественный [2, с. 40]. Кроме татар, а позднее и русских, ханты никто не называл остякамиили уштяками [3, с. 40].

Вторая глава содержит богатый и интересный материал, характеризующий «*житие, обыкновение гражданства и прочьте*», как называет сам автор. Этот материал ценен тем, что является первой, самой древней характеристикой обычаев народов ханты и манси. Занятие ханты –оленеводство, охота и рыбная ловля. Олени наряду с собаками являются единственным средством передвижения на суше. Земледелия не имеют, так как земля, по словам Г. Новицкого, *«аще всему пвтателница и многияизрадных плодов изобилием ущедряеть, обаче сему народу скудна подаянием…, а плодов никаких непреизносит»* [3, с.47].

В третьей главе описываются религиозные верования ханты и их идолы –*старик Обской, Гусь Кондийский* и др. – и обряды служения им. По поводу многобожия хантыГ. Новицкий дает следующее объяснение: *«Откуду же сие в них такое различие многобожие внийде, мниться, яко желание скверно прибытчествананесе им сия. Мнозибоот них злохитрецы желающее чюждымобогатитися трудом, дивно различная новыяутвораютьтвары, боготвораше, да сими вящше новыми твари дароприношения и почытанияслепотствующийпрыведеть народ, новостиюбо и дивности опрелщеиы, вящевлекомыбывають до частаго видения оных, сих же приемлкпъ обычаи дароприношения скверных жертв, частым же приношением самоделцы мнимых богов со жерцыдоволно сыты бывають»* [3, с.53].В частом жертвоприношении автор «Краткого описания...» видит однуиз причин бедности ханты: *«Сим частым жертв приношением впремногуювнийдоша нищету и крайное разорение, яко чад и жен своих продаваху заимодавцем своим в работу»* [3, с.57].

В главах 4-8 описывается история крещения ханты и манси. Насаждаемая христианская вера не только озлобляла народы против ее ревнителей, но во все время своего господства оставалась по существу чуждой этим народам. Правительству потребовалось учредить даже особую должность надзирателя за исполнением новокрещёнными христианских обычаев. Видимо, положение этих надзирателей было

не из выгодных, если некоторые из них за свою должность поплатились жизнью, как это случилось и с самим автором «Краткого описания…».

Григорий Новицкий также подробно описывает историю Сибирского ханства, восхваляя этот край и его богатства: *«… в Себерской стране сей множайшее изобилие чудных и преславных вещей; в ней же многая удивлению и чудеси достойная…» (предисловие к читателю);«… государство сие содержить в недрех своих: различныя руды железа, меди, свинцу и прочая, отчасти сребра и злата, но паче всего сия цар'ственнаяСибер, изобилная есть и многоплодная питателница везде славимых красотою соболей… еще содержитьчерныя лисицы, яже своею красотою и драгостию превосходят цыну…» (предисловие к читателю)* [3, с. 72].

Дается описание географического положения Сибири и проживающих на ее территории народов: «*Сиберское государство содержится в полнощной стране, по разделении математическом опреоделенно в второй быти части, во Азии; иецыи же математики, иже предел Европы великую реку Об назнаменоваша, сии начало сего государства полагаютбыти в Европии, пределы же своими простирается даже во Азию…»*[3, с.72].Здесь же встречается и упоминание о городе Тобольске, а также указывается его точное географическое положение: «*…град Тоболескобретаеться же под* градусом *57 и 30минут широты, даже до студенагополунощнаго круги».* Указывается также, что *«Тоболск град наречесяотТобол река…»*[3, с. 29].

В своем сочинении Г. Новицкий указывает на серьезные торговые отношения Сибири и Китая (причем это фактически единственная страна, которую упоминает автор в отношении торговли с Сибирью): «*…содержит с тем славным государством Китайским вся торговыя промыслы, пременяя товары своя сиберския: соболи, горностаи, белку и прочая. Оттуду же превеликия богатства злата, сребра, драгихкамений, шел'ковыхпарчей, сосудов каменных избранных и прочая* [3, с.66].

Интересно то, что в сочинении встречаются библейские мотивы, один из которых повествует о Потопе и Ноевом ковчеге в рассказе о мамонтовых костях(ненцы предполагали, что такие кости принадлежат единорогам «нанесенных Ноева водою»). Автор же выдвигает собственную версию относительно находок: «*…не земля ли естественнее и самороднеотсебе производить кости сия»*[3, с. 56]. Также в сочинении Г. Новицкого можно обнаружить упоминания об огромной высоте и величии Сибирских гор, где, по словам автора, добывались: *«самородной хрусталь, слюда, а наипаче наполненные (гори) толико каменей магнитом…»*[3, с. 84].Здесь же в горах варили снадобье, излечивающее от всех болезней, «*вкусом содержит квас и сланость*». При этом до сих пор неизвестно, какое лекарство имелось ввиду Г. Новицким. Исторически сложилось так, что Сибирь – это малонаселенная территория, однако именно здесь исторически проживали представители многих языковых групп. В сочинении «Об остяках» автор не обошел стороной и эту тему. Сообщается о многообразии языков и национальностей в пределах Сибири, среди них: *«Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоиды, Брацкие мужики, Пегая орда, Киргизы, Калмыки и прочая»*[3, с.26].

В работе упоминаются названия Сибирских рек, таких как: *Тура, Тобол, Иртыш, Обь*и др. Автор сообщает о величии Туры, по берегам которой живут вогуличи, верующие в злых идолов. «*В Туру впадаеть река Тагил; другая Ница, и за едино совокупленна. Обаченарыцаютъся первым именем Тура, первенства ради. Отсюду входите внутрь Сиберския страны; по ней же жытелствуютьТатаре; впадаеть же в реку Тобол, Тобол в Иртыш, Иртиш в великую реку Об»*[3, с. 77].

Таким образом, сочинение Григория Новицкого представляет собой обширное описание Сибирских земель, народов, проживающих здесь, и представляет ценный для исследователей исторический и этнокультурный материал.

Не менее богат и разнообразенязыковой материал памятника письменности, свидетельствующий о состоянии русского литературного языка в период его становления.Например,обратимся к многообразию свидетельств процесса архаизации русского языка:*«Единое ми толико предстоит су мнение, да 'не- буду осужден, яко не сладкословесник, ниже высоким хитроеоплетенных словес украшением изобразих сия и всемирному дерзну предать позорищу: обачеблюдох'ся, первое, да не хитросоплетением словес покрившаясясумнителна и неудобна сих истинна разумению будетьяже 'ныне простонаречиемсветовидноизявленна суть»*[3, с.49].

Блюдохся – оберегался (от слова блюстить – беречься, 1-е лицо, прош.вр) [5, с.100].*«Священницы же снемше ю от земли отрыцать не престаша, донележе аки от сна нача мало приходити в себе».* Донели – в значении «до сих пор». Синонимы: дотоле (архаизм) [5, с.100]; Ведать – знать. Синонимы: *ведедивши, веем* – знать, быть уверенным в своих знаниях; истинствовать – говорить истину, знать[5, с.170].В целом в тексте найдено более 75 единиц устаревших слов, из них: *абыс* (татарский поп); *брань* (война); *вертепы* (пещеры); *воя* (войска); *десница* (правая рука); *жерц* (жрец); *зрачный* (видимый); *извет* (донос); *истый* (подлинный); *крин* (лилия); *палица* (посох); пухлина (опухоль); *прибытчество* (нажива); *тщание* (старание); *узилище* (тюрьма); *шкаредь* (пакость) и др. Особый интерес представляет богатейший топонимический материал памятника:*Ваглинская волость*; *Верхотурье; Индия; Иркутск; Иртыш;Ишим* (река); *Китай; Конда* (река); *Мангазея; Нерчинск; Обь; Пермь; Сибирь, Сибирская страна; Сосва*(река); *Сосвинская волость; Тавда (река); Тас (река); Тасовская губа; Тобол, Тобольск*; *Тура; Тюмень; Чусовая* (река); *Якутск* и др.

Таким образом, языковой материал памятника сибирской письменности дает полное представление о процессах, происходящих в национальном русском языкев период становления его норм. Несомненно «Краткое описание о народе остяцком» Г. Новицкого заслуживает внимания историков и географов, филологов и литературоведов.

1. Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб., 2004.
2. Даль И.В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.; СПб., 1990.
3. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остяцком, 1715. Новосибирск: Новосибгиз, 1941.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.:Просвещние, 1981.
5. Словарь русского литературного языка XVIII века. Вып. 6 – Л., 1994.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ ТЕКСТОВ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ТОБОЛЬСКОГО МУЖСКОГО ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ второй половины XVIII в.

К.А. Романова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Один из важных вопросов для лингвиста – *графика документов.* Термин «графика» в науке понимается неоднозначно: с одной стороны, *графика* выступает как система правил написания слов [10],в трактовке же других исследователей-лингвистов – как комплекс сведений о том, какие буквысоответствуютзвукам [3, с. 1971; Зиндер, 1971; Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Есть мнение о том, что *графика* – самостоятельная система, не обязательно соотносимая с системой звуковой [6, с 41]. С. С. Волков включает графику в состав частной грамматологии [4, с. 1], Т. А. Амирова – в состав графической лингвистики [1, с 54–56].

Мы считаем графику самостоятельной системой, но связанной и с палеографией, и с фонетикой, и с орфографией. Вслед за Б. И. Осиповым графика нами понимается как «набор способов обозначения того или иного явления звучащей речи» [9, с. 6], поэтому правомерно в этом разделе рассмотреть в скорописных текстах дублетные буквы, начертания строчных, прописных и выносных букв и их связное написание, сокращения слов.

Объектом исследования стали рукописные тексты делопроизводства Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в., хранящиеся в фонде И-70 Государственного архива в г. Тобольске.

Предметом нашего исследования составила графика, а именно анализ вариативных написаний прописных и строчных букв, которые были характерны для русского скорописного письма исследуемого периода.

Материалом изучения стали 18 листов документов разных жанров, а именно: указов, репортов, прошений монашествующих, доношений на них, переписных книг и книг движимого и недвижимого монастырского имущества. Все тексты написаны скорописью, которая в отличие от полуустава и устава, имеет свои особенности, одной из которых является вариативность прописных и строчных букв.

Появление и распространение скорописи характеризует время, когда письмо не только обслуживает потребности культуры, но также преследует чисто деловые практические цели, например, служит орудием удовлетворения нужд гражданского правооборота, административно-правительственной и хозяйственной переписки. В скорописном письме главным стимулом становится стремление обеспечить быстрые темпы, добиться максимальной экономии времени и места.

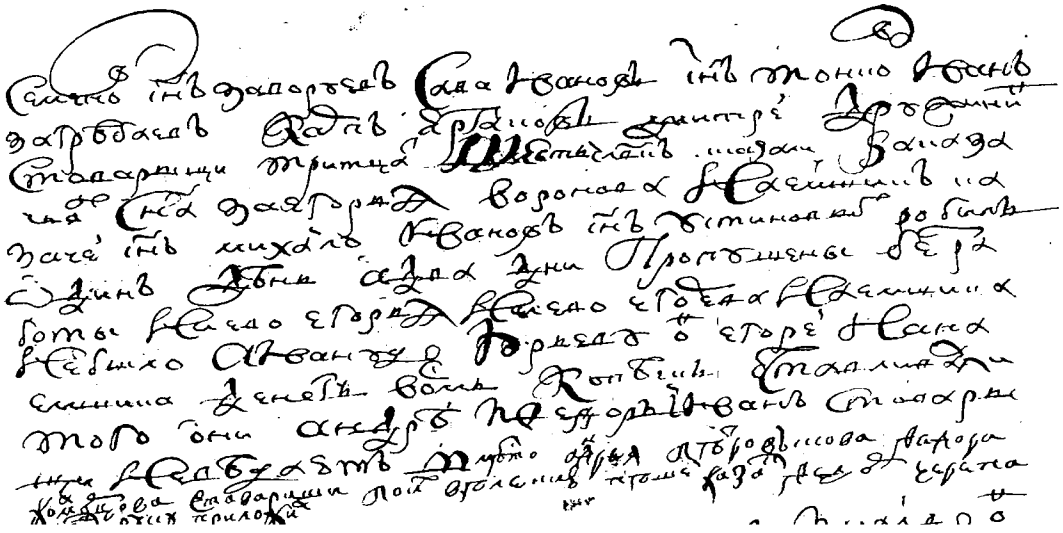

Рис. 1. Образец скорописи второй половины XVIII в. г. Тобольска

Скоропись имеет свои особенности: 1) вариативность каждой буквы, 2) наличие букв-дублетов, 3) использование выносных букв, 4) применением приема сокращения слов за счет удаления букв или слогов.

Отметим, что графика скорописных текстов делопроизводстваг. Тобольска мало изучена. Известен ряд работ, выполненных на материале скорописных памятников деловой письменности г. Тобольска М.С. Выхрыстюк (2009, 2013).

Прочитанный нами материал представляет разнообразную картину графики отдельных знаков. Скоропись сохранила почти все буквы кириллицы, но функции отдельных из них существенно изменились.

В графике памятника отмечаем вариативность прописных, строчных и выносных букв, обозначавших похожие на слух звуки, заложенную в самой системе скорописи. Она реализовывалась в индивидуальных начерках букв.

Показательна вариативность начертаний строчных и прописных букв одного текста: каждая буква представлена в нескольких вариантах.

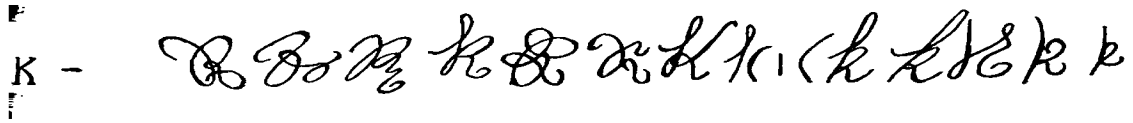

Рис. 2. Образец вариантов начерков буквы К

Строчные буквы демонстрируют богатое разнообразие графических начертаний. Различные буквы представлены в нескольких начерках, хотя текст памятника предположительно был написан одним писцом, так как почерк сравнительно одинаковый на всех исследуемых нами страницах. Также встречается ситуация, когда в каком-то определенном слове одна и та же буква выглядит по-разному.

Охарактеризуем особенности написания нескольких строчных букв в алфавитном порядке:

А (аз). Начертания буквы *а* легко распознаваемы в тексте памятника и сходны с современными. Буква писалась с удлинённым хвостиком – , похожая на древнюю «альфу» – , с недовведённым вверху основанием – , как современная *а* – . Во всех вариантах *а* имела заостренный левый нижний уголок, что говорит об отличительных особенностях почерка автора «Записи…».

Б (буки). Начерки буквы *б* также просто узнать, они похожи на современное написание и не представляют большого разнообразия. Можно встретить красиво выведенную*б* – , с уходящим вправо вверх хвостиком – , с угловатым хвостиком – , . В исследуемом нами рукописном памятнике буква *б* старательно выводилась писцом, об этом можно судить по узорным хвостикам и завиткам.

В (веди). Буква *в* имеет много начертаний: верхняя часть по величине больше нижней – , начертание буквы, идентичное современному, – , иногда напоминает современную восьмёрку – , в буквосочетании «явл» не выходит за строку сверху, в отличие от предыдущих примеров, – , встречается в виде печатной – , в форме нестройного овала с перекладиной – .

Г (глаголь). Особого разнообразия в написании начерков буквы *г* в «Записи…» мы не наблюдаем, да и заметного видоизменения за периоды формирования славянской письменности данная буква не претерпела. В памятнике наблюдаем букву *г*, похожую на современную письменную – , с недовведенным хвостиком – , в форме верхней части современного вопросительного знака – , напоминающую цифру 2 – .

Скоропись, рассчитанная на ускорение процесса письма, предоставляла большую свободу нажимов и взмахов, допускала безотрывное написание некоторых соседних букв, многочисленные сокращения. Это давало возможность писцу более свободно по сравнению с уставом и полууставом распоряжаться графикой своего письма; со скорописью появилось понятие «почерк» как индивидуальная особенность письма. Скорописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря [Фонд И 70] написаны несколькими почерками. Под большинством документов указаны фамилии писавших: *Архимандритъ Михаилъ семинарии Ректоръ, канцеляристъ Емельянъ*

Кожевниковъ, Канцеляристъ Василий Андронников, подканцеляристъ Прокопий Шестаков, подканцеляристъ Дмитрий Старцевъ, Протопопъ Василий Русановичь и некоторые другие. Примеры начерков заглавных, строчных и выносных букв представлены в таблице.

В скорописных текстах XVIII в. обращает на себя внимание малое количество (или даже отсутствие) прописных букв, а также их непоследовательность. Часто можно увидеть написание имен и фамилий самих писцов со строчной буквы: *Архимандритъ Михаилъ въ должности секретаря канцеляристъ Василіи Андроников»* (И 70–25–23); *«…канцеляристъ Василіи Андроников», «Нікіта Протопопъ Софійскій в должности секретаря Канцеляристъ василіи Андроников: 1766 Марта 29 дня № 488»* (И 70–25–11); *«…В должности приказного Надзирателя Подканцеляристъ Димитрій старцев»* (И 70. Оп. 13. Д. 3). Представим наглядно вариативность прописных букв в рукописных текстах второй половины XVIII в.

Как видно из примеров, в графике частной деловой переписки прописная буква еще не играет той важной роли, которая отведена ей в официальных государственных документах в XVIII в.

Таким образом, различные способы начертания строчных и прописных букв, отражают период написания документа и отчасти зависят от индивидуальных особенностей почерка писца.

1. Амирова Т.А.К истории и теории графемики. М., 1977.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А.Некоторые общие замечания о языковедении и языках. Избранные работы по общему языкознанию. М.: АНСССР, 1963. Т. I. 366 с.
3. Вахек Й.Й. Об одном сдвиге гласных в старочешском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 92–94.
4. Волков С.С.Жанрово-стилевая характеристика словаря деловой письменности Московской Руси XVII в. // Материалы IX науч.-метод., сессии преподавателей и аспирантов филол. фак-та. Л., 1980. С. 67–68.
5. Выхрыстюк М. С. Тобольская письменность XVII – XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики. Тобольск: ООО «Полиграфист», 2009. 380 с.
6. Выхрыстюк М. С. Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска: лексико-грамматический аспект. Тобольск: ООО «Полиграфист», 2013. 368 с.
7. Иванова М.В.К истории взаимодействия «книжного» и «некнижного» в лексике литературного языка на рубеже XIV–XV вв. // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова). М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996.
8. Зиндер Л. Р.Об одном сдвиге гласных в старочешском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 112–134.
9. Осипов Б.И. История русского письма. Графика. Орфография. Пунктуация. Омск, 1990. 82 с.
10. Шаляпина З. М.Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой синтагматики (в рамках сущностного подхода к ее моделированию) // Вестник РГГУ, серия «Языкознание». М., 2001. № 5.

ЖАНР ЛЕГЕНДЫ В АСПЕКТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П.Савчук
Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Являясь вполне распространенным и широко используемым писателями жанром, легенда, как таковая, за небольшим исключением, до сих пор остается вне поля зрения исследователей.

Легенда – сложное явление народной духовной культуры. Ее происхождение связано с влиянием новой для Руси православной веры, а ее сюжеты и образы вобрали в себя как реалии и темы библейской, мировой и русской религиозной истории, так и

многие языческие верования. «Легенда от своих классических образцов до спорных в жанровом отношении нарративов способна дать человеку, носителю традиционного сознания, ответы практически на все вопросы бытия, оберегая его мораль и регулируя его поведение в крестьянской общине: строение Вселенной и место в ней Бога, дьявола, человека и всего живого, начало мира и его конец, жизнь Иисуса и персонажей Священного Предания и Писания, религиозная история родного края, человеческие грехи и добродетели» [23, с. 52] – вот далеко не полный перечень тем, освещаемых русской религиозной фольклорной легендой.

Одним из первых к жанру легенды обратился А. Н. Веселовский. Его труд касался изучения истории развития христианской легенды [3, с. 35]. Изучал легенду и А. Н. Пыпин. Редкие исследования о легенде можно было встретить в статьях советских исследователей первой половины XX века. К ним относится статья В. Л. Комаровича «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд» (1936) [9, 10]. Дело в том, что до начала 1970-х годов советские литературоведы вообще избегали употребления термина «легенды», и произведения, имеющие черты, присущие легенде, оставались за рамками анализа.

Непроясненность в определении жанра легенды существовала долгое время. Р. Шор, например, утверждал, что «… 1. В первоначальном значении слово легенда – отрывки «житий» и «страстей» святых, зачитывавшихся во время церковной службы или монастырской трапезы в дни, посвященные этим святым. 2. Отсюда – в более широком, внеритуальном значении – небольшое религиозно-дидактическое повествование, разрабатывающее в форме связной фабулы или отдельных эпизодов фантастическую биографию лиц, животных, растений, вещей, ставших по каким-либо причинам предметами христианского культа: легенда о кресте, легенда об осине – иудином дереве…3. При еще более широком словоупотреблении термин легенда применяется также для обозначения: а) произведений неповествовательного характера, разрабатывающих «легендарные» темы, – например, драматических мираклей; б) религиозно-дидактических повествований, связанных с нехристианскими культами – буддийским, мусульманским, иудейским: легенды о Будде, легенды о потомках Мухаммеда, хасидские легенды о цадиках; в) не подтверждаемых историческими документами и часто фантастических рассказов о каком-либо историческом деятеле или событии, совершенно не связанном с религиозными культами; например, легенда об Александре Македонском и т. п. … Продвижение европейской колонизации (крестовые походы) и рост торговых связей с Востоком добавляют новый тип легенды с тематикой экзотических путешествий (широкое распространение легенды о св. Брандане) и восточной сюжетикой (легенда о Валааме и Иоасафе, легенда о семи спящих). Также не бесследно проходит для легенды выделение рыцарства и создание рыцарских орденов – ориентация на феодальную аристократию на новом этапе ее существования и претензия на пропаганду в ее среде идеи избранничества духовенства (легенды типа «Чистилища св. Патрика», «Рыцаря с бочонком», «Евстахия», «Маккавеев», разрабатывающие рыцарскую тематику) порождают цикл легенд совершенно куртуазного стиля (особенно легенды о Марии приобретают характер служения даме) и способствуют международному распространению легенд этого типа (легенда о св. Георгии)» [14, с. 140-144]. Очевидно, что Р. Шор рассматривал жанр легенды только применительно к литературе средневековья, жанр же легенды в литературе более позднего периода исследователь не выделял.

Только в последние годы в литературоведении появилось емкое определение фольклорной легенды. Так, по мнению А. Н. Николюкина, это «жанр несказочной прозы, фантастически осмысляющий события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей (племена, народы, отдельные личности), со сверхъестественными существами (Бог, святые, ангелы, «нечистые духи»). В основе

фольклорных легенд лежит представление о чуде, воспринимаемом как достоверность» [6, с. 432–434.].

В конце XX века получили окончательную формулировку и жанровые признаки литературной легенды, жанра, как мы уже отмечали выше, четко структурированного: «Легенда есть повествование о событии, якобы имевшем место в действительности, в ней тем не менее обязательны мотивы необыкновенного, сверхъестественного. Элементы необыкновенного обычно сводятся к следующему: с героем происходит чудо или чудо героем засвидетельствовано; герой переживает падения в страстях и восстания, духовные обновления и социальные превращения; обязательна личная выдвинутость героя из ряда обыденных персонажей; экзотична обстановка действия – экзотична для современности и среды, передающей легенду; просветляющий, дидактического значения конец зачастую соединен с всеразрешающим вмешательством высшей силы» [6, с. 432–434].

В то же время до сих пор можно встретить и такое определение жанра легенды: «...легендой часто называют, независимо от жанра, произведение, отличающееся «легендарностью», то есть поэтическим вымыслом и одновременно героикой или фантастикой» [5, с. 28].

Однако легенда – это, прежде всего, устно-поэтический жанр, относящийся к несказочной прозе. Над различием жанров устной народной прозы задумывались еще русские ученые XIX и начала XX вв. – Н. Е. Ончуков, А. Н. Пыпин, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы.В 1964 г. в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве С. В. Чистов констатировал: «Фольклористика до сих пор не располагает < …> общепринятой классификацией жанров народной прозы…» [18, с. 5–11.].

Более или менее единодушны ученые в вопросе отделения групп жанров несказочной прозы (предание, легенда, быличка, бывальщина, сказ) от сказки. Собиратель фольклора, поэт Д. А. Яшин писал: «По внешнему виду и объему легенды и предания схожи со сказками, но эти жанры нельзя смешивать друг с другом. Действие, описанное в сказках, проходит в неизвестное время в неизвестном месте, а в легендах и преданиях место и время действия чаще всего бывает прямо указано или его можно определить по содержанию произведения» [24, с. 154].

Суммируя взгляды исследователей, можно сказать, что легенду отличает: 1) преобладание внеэстетических функций (информативная, дидактическая, этиологическая); 2) сознательная и подчеркнутая установка на достоверность далее при объективном наличии вымысла; 3) отсутствие композиционных и стилистических канонов; 4) тесная связь устного текста с речевым и ситуационным контекстом и некоторые другие признаки.

Что же касается разграничения жанров внутри группы (вида) несказочной прозы и, как следствие, выработки четкой научной терминологии для их номинации, то по этой проблеме идет нескончаемая дискуссия. Кажется, чем больше фактического материала накоплено, тем дальше данный вопрос от простого, односложного решения.

В 20–30-е гг. XX в. и даже вплоть до начала 60-х русские предания и легенды разных циклов активно собираются и изучаются во многих регионах, но жанры практически не дифференцируются, термины употребляются как синонимы или один из них используется в качестве обобщающего [10, с. 53–62].

В 60–70-е гг. жанры несказочной прозы начинают изучаться более интенсивно, их классификация – предмет активного обсуждения на крупных научных конференциях [11].

Особенно значимы в теоретическом отношении работы, изданные в эти годы, отечественных фольклористов С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, Л. Г. Барага,

В. П. Кругляшовой, А. И. Лазарева, В. Н. Морохина, Э. В. Померанцевой, В. Я. Проппа, Ю. К. Соколовой, К. В. Чистова.

К. В. Чистов предлагает дифференцировать устные рассказы по признакам локальной, хронологической (время о котором повествуется), персональной приуроченности и по наличию/отсутствию сверхъестественных образов. Та или иная комбинация этих признаков определяет жанр и его разновидность [19, с. 6–31]. Более дробная систематизация предполагает присоединение определения по характеру основной темы: исторический, социально-утопический, религиозный, космогонический, этногонический, зоогонический, топонимический и т. д. [18].

С. Н. Азбелев ищет принципы разграничения жанров в различном отношении их к действительности. У преданий функция познавательная, отношение рационалистическое. Легенда – повествование о необыкновенном, чудесном. Она отражает действительность сквозь призму верования. Доверие к легендам базируется на вере в сверхъестественные существа и силы. В таком понимании былички являются мифологической разновидностью легенд [1, с. 5–25].

В. К. Соколова склоняется к выделению (также по признаку отношения с действительностью) легендарной и «реалистической» версий преданий или собственно исторических и легендарных преданий. Былички отличаются от них в первую очередь наличием мифологических персонажей [16, с. 248–273].

Э. В. Померанцева различает жанры несказочной прозы по преобладающим функциям: в преданиях – познавательная, легендах – дидактическая, быличках – функция подкрепления того или иного верования [13, с. 274–292]. Нерешенность, открытость проблемы во многом объясняется спецификой самого материала.

В 80–90-е гг. появились новые исследования, в которых систематизируются и анализируются сюжеты несказочной прозы, мотивы и образы, все более настойчиво пишут об условности и зыбкости межжанровых границ, многообразии переходных и периферийных форм, даже стирании в последнее время формальных жанровых признаков у этого вида устного творчества. Тому есть несколько причин: 1) полифункциональность всех произведений, многообразие тем и мотивов, их взаимопроникновение; 2) общность представлений, отраженных в художественных образах, как объясняющий несколько жанров фактор; 3) разнообразие типов повествования, стилистическая неустойчивость текстов, зависимость формы от коммуникативной ситуации; 4) недостаток объективных критериев для определения характера вымысла; 5) взаимодействие с нефольклорной устной прозой, с одной стороны, и с книжной культурой – с другой. Это подтверждают и высказывания исследователей, занимающихся смежными жанрами. Например, А. В. Юдин считает, что апокрифу близки народные легенды: «Новозаветные апокрифы – кроме неканонических евангелий – передавали легенды, связанные с пребыванием на земле Сына Божьего. Например, «Сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле» [23, с. 286, 290].

Словарь литературоведческих терминов за 1974 г. предлагает несколько значений легенды: «Легенда – (от лат. legenda – то, что должно быть прочитано или рекомендовано к прочтению), 1) в средневековой письменности – житие святого и религиозно-нравоучительный рассказ, притча; в фольклоре – вошедший в традицию народный рассказ о чудесном, воспринимающийся рассказчиком и слушателем как достоверный (легенда о «золотом веке»); в новейшей литературе всякое произведение, отличающееся поэтическим вымыслом, но претендующее на некую достоверность в прошлом; 2) в обиходном значении – что-то невероятное, выдумка» [15, с. 171–172]. Легенды и предания близки друг к другу, но есть у них свои особенности, которые мы можем определить по их происхождению, тематике и содержанию. В фольклоре

встречается много таких текстов, где можно встретить признаки и того, и другого. Именно поэтому фольклористы чаще всего рассматривают эти два жанра вместе.

Термины, которые уже используются в науке («предание», «легенда», «сказание», «побывальщина», «бывальщина», «быличка» и т. п.), «употребляются очень произвольно» [19, с. 46]и определяются «нередко чисто интуитивным образом» [4, с. 155]. Это объясняется тем, что предания, легенды, побывальщины, устные рассказы не отличаются структурной самостоятельностью и законченностью.

Анализ работ русских и зарубежных фольклористов, исследующих несказочную прозу, позволяет заключить, что в науке скрыто присутствует тенденция неразличения жанров несказочной фольклорной прозы. Например, в 60-е гг. XX в. Л. И. Емельянов отмечал, что между легендами, преданиями, былинками «нет существенного значения, поскольку ни один из этих видов никогда не рассматривался в качестве самостоятельной формы отражения действительности, но все они всегда изучались суммарно» [4, с. 172].Нередко в работах фольклористов используются суммарные термины, обусловленные трудностью различения сказки и легенды («легендарная сказка»), предания и легенды («историческая легенда»), «легенда-“предание”» [22, с. 52], «предание-легенда» [8, с. 20–39], «легендарное предание» [17, с. 122], былички и легенды «легенда-быличка» [21, с. 143].

Если в трудах русских ученых тенденция неразличения жанров несказочной прозы присутствует в скрытой форме, то в западной открыто.

Ученые Северной Америки легендами обычно называют не только произведения, которые с помощью этого термина определил бы российский фольклорист, но также тексты, относящиеся, скорее, к жанрам преданий и бывальщин. А. А. Панченко подчеркивает, что «англоязычная фольклористика опирается на достаточно простую базовую таксономию фольклорной прозы, где термином «легенда» (legend) обозначаются все тексты, претендующие на истинность, а не на вымысел» [12, с. 228–230]. В резюме конференции «Перспективы современной легенды», помещенном в Информационном бюллетене Международного общества современного исследования легенды, к «легендам» относятся самые разнообразные рассказы.

Таким образом, мы будем исходить из положения, что «в основе фольклорных легенд лежит представление о чуде, воспринимаемом как достоверность, что определяет их структуру, систему образов, поэтику… Элементы необыкновенного обычно сводятся к следующему: с героем происходит чудо или чудо героем засвидетельствовано; герой переживает падения в страстях и восстания, духовные обновления и социальные превращения; обязательна личная выдвинутость героя из ряда обыденных персонажей; экзотична обстановка действия – экзотична для современности и среды, передающей легенду; просветляющий, дидактического значения конец зачастую соединен с всеразрешающим вмешательством высшей силы» [4, с. 432–434].

История изучения легенды интересовала и интересует многих отечественных и зарубежных исследователей, основным вопросом до сих пор является проблема ее природы и сущности, а также жанровой идентификации.

1. Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности с точки зрения разграничения жанров // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1984.
3. Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. 1877 (апрель). С. 35-43.
4. Емельянов Л. И. Проблема художественности устного рассказа. Русский фольклор. Т. 5. М.; Л., 1960.
5. Зайцев Б. Люди божии. М. : Сов. Россия, 1991.
6. Зуева Т. В. Легенда // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 432–434.
7. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005.

8. Колесницкая И. М. Русские предания и легенды в публикациях 1860 1870-х годов // Русский фольклор. Вып XIII. Русская народная проза. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1972.
9. Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.
10. Лазанов А.Н. Народные легенды и предания о Степане Разине // Художественный фольклор. Т. IV–V. 1929.
11. Международная комиссия по изучению народных преданий и легенд (Sagenkomission) в Антверпене и Будапеште (1962–1963), Международный конгресс 1964 г. в Москве, VI Международный съезд славистов 1968 г. в Праге, Всесоюзная научная конференция «прозаические жанры фольклора народов СССР» в 1974 г. в Минске.
12. Панченко А. А. Комментарии // А. Дандес. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сб. ст. ; сост. А. С. Архипова. М.: Восточная литература, 2003.
13. Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек // Славянский фольклор. М., 1972.
14. Шор Р. Легенда // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929–1939.
15. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
16. Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий к проблеме их жанрового своеобразия // История, культура. Фольклор и этнография славянских народов. М.: Просвещение,1964.
17. Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970.
18. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964.
19. Чистов К.В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974.
20. Шеваренкова Ю.М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях. Ижевск, 2002.
21. Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Н. Новгород, 2004.
22. Юдин А.В. Русская народная духовная культура : учеб. пос. М.: Высшая школа, 1999 г.
23. Яшин Д.А. Удмурт фольклор. Удмуртия, 1987.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

Д.А. Тачитдинова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Проблема происхождения сибирских татар сегодня не может считаться до конца решенной. До сих пор неясны некоторые исторические стороны процесса формирования их групп, неизвестны места и время контактов с разноязычными народами и племенами. В одном исследователи-историки, антропологии, археологии пришли к единому мнению: сибирские татары произошли в результате смешения угорских, самодийских, тюркских, отчасти монгольских племен и народностей [1, с. 8]. Специалисты всех исторических дисциплин, исследующие историю Сибири, испытывают затруднения в изучении событий VI–XI вв., а также истории средневековых татарских государств Западной Сибири [2, с. 22].

Татарский язык более всего похож на каракалпакский, башкирский, узбекский и казахский языки. Татарский язык так же имеет сходство с некоторыми другими языками прилегающих стран. В татарском языке существует три группы диалектов, с большим количеством говоров в каждом отдельном диалекте. Литературный татарский язык более всего близок в морфологической структуре к западному диалекту, по фонетической и лексической более всего схож со средним диалектом.

Истории образования татарского языка уходит во времена Золотой Орды, в то время предки татар и Башкиров входили в состав Золотой Орды и пользовались единым литературным языком тюрки. С XVI до середины XIX века язык тюрки преобразился в старотатарский язык. На протяжении всего существования Волжской Булгарии и Золотой Орды, а это IX-XV века, татарский язык имел сильное влияние на русский язык. История развития татарской письменности делится на несколько этапов: 1) на протяжении VII-X вв. татарских язык основывался на рунической письменности; 2) X-XX вв. татарская письменность основывалась на арабском алфавите; 3) 1927-

1939 гг. письменность основывается на латыни; 4) с 1939 года и по настоящий момент письменность татарского языка основывается на русской графике, за исключением нескольких дополнительных букв.

Татарский язык стал объектом научного изучения начиная с XVIII в., на нем ведется преподавательская деятельность в университетах, институтах и других учебных заведениях. На татарском языке издается большое количество периодических изданий и другой литературы, осуществляется перевод с татарского на другие языки, ведется аудио- и телевещание.

На Западно-Сибирской равнине, где выпало сибирским татарам жить и формироваться в единую этническую общность, нет скалистых гор и пещер, здесь не обнаружены исписанные древними рунами камни. Предки сибирских татар использовали в качестве объекта для записей кожу, войлок, дерево, которые со временем не оставили никаких следов на земле.

Татары сибирские, сибиртар, сибиртатарлар (самоназвание) – народ, проживающий в России. Так сложилось, что для 190 тысяч человек местом проживания стала Сибирь, а именно Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области. Еще около 20 тысяч человек проживает в Казахстане и некоторых странах Средней Азии и Турции. Этнические группы – тоболо-иртышская (включает курдакско-саргатских, тарских, тобольских, тюменских и ясколбинских татар), барабинская (включает барабинско-туражских, любейско-тунусских и теренинско-чойских татар), томская (включает калмаков, чатов и эуштинцев).

Язык – сибирско-татарский. Имеет диалекты: тоболо-иртышский (говоры: тарский, тевризский, тобольский, тюменский, заболотный), барабинский и томский (говоры: калмакский и эуштинско-чатский). Большая часть верующих – мусульмане-сунниты. Часть Татар сибирских придерживается традиционных верований.

Этническая история Татар сибирских в рамках Русского государства была непростой. Это связано с огромной территорией расселения их в Западной Сибири, определённой разобщённостью, контактами со многими народами, со сложным социальным составом и многими другими факторами. Постепенно стабилизировались этнические территории Татар сибирских, хотя отдельные их перемещения по стране наблюдались на рубеже XIX-XX вв. Несмотря на возникновение у них территориальной разобщённости в составе Российского государства, существовала взаимосвязанность тоболо-иртышских, барабинских и томско-обских тюркоязычных групп, которая создавала возможность для развития консолидационных процессов Татар сибирских.

Профессор Казанского университета Н. Ф. Катанов в 1895-1904 гг. кодифицировал несколько средневековых рукописей, сохранившихся в архиве Тобольского государственного музея. Благодаря рукописи Сагъди Ваккаса-ибн-Реджеба, Кашшафа-ибн-Абу-Саида «Шайхларнинг гарбий Сибирдаги диний жасоратлары», которая в русской обработке получила название «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири», стала известна точная дата начала исламизации Сибири – 1394 год. Но, по мнению большинства современных историков, ислам был введен в Сибирском ханстве как официальная религия в 70-е годы XVI в. ханом Кучумом [3, с. 25].

И.В. Белич считает, решение вопроса начала исламизации «…во многом зависит от разработанности источниковедческой базы, что пока нельзя признать удовлетворительным как в отношении изучения письменных, в особенности средневековых источников на персидском, староузбекском и других языках, так и в плане изучения археологических памятников эпохи позднего средневековья районов Среднего Прииртышья и Нижнего Притоболья». Начало массовой исламизации

предков сибирских татар, по мнению И.В. Белича, следует относить к концу XV – началу XVI в. [4, с. 5].

В 1993 г. вышла книга «Тобольский хронограф», в которойвключена копия статьи Н.Ф. Катанова с переведенной рукописью. Тобольский писатель-краевед В. Ю. Софронов поднимает ряд вопросов относительно принятия ислама. Так, в главе «Правоверные шейхи-миссионеры Сибири» он пишет: «Дата прихода в Сибирь Кучума – 1557 год. Если принять 1394 год, указанный в документе, как достоверный, то меж этими двумя событиями прошло 163 года. За это время имена шейхов давно бы забылись и установить их с подобной точностью было бы просто невозможно. ...Не ясно, когда сами жители узнали имена шейхов. До сражения? После? Тогда от кого? Возможно, что с войском шли писцы, которые фиксировали имена убитых и место их захоронения. Но как они могли узнать названия деревень и местечек, появившихся лишь через несколько столетий? Так что можно сделать вывод, поход шейхов состоялся в первой четверти XVI в. Деревянные мавзолеи шейхов к настоящему времени полностью разрушены, и из названных 30 едва ли осталось 4-5 ... при подобном отношении вскоре будут полностью забыты» [3, с. 41].

Таким образом, споры, возникшие в последние годы вокруг процесса исламизации коренных народов Сибири, показывают важность изучения проблемы. От решения многих вопросов, связанных с приходом ислама в Западную Сибирь, зависят перспективы дальнейшего изучения истории не только сибирских татар, но многих других этносов сибирского, среднеазиатского ареалов, а также истории Сибири и России в целом.

1. Валеев Ф. Т. Сибирские татары / Проблемы этнокультурного развитияво второй половине XIX-начале XX вв. М.; 1987. С. 19-20.
2. Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII-XIX вв. (этностатистическое исследование). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1980.
3. Софронов В. Ю. Тобольский хронограф. Омск, 1993.
4. Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ГОВОРА ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ХАРАКТЕРА СИБИРЯКОВ

А.Е. Ташкина
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Истоки возникновения большинства фразеологических оборотов в языке определить почти невозможно. Ученые считают, что возникновение первых устойчивых сочетаний было связано с необходимостью закрепить в сознании человека житейские советы, правила, обычаи, традиции, законы. Уже тогда меткие выражения характеризовали как образ жизни отдельного человека, так и явления общественной жизни народа, его быт,занятия, навыки, правила морали. Наблюдая за образным основанием русских изречений, прослеживаем их органическую связь с традиционной символикой народа и национальной культурой в целом. В тесном единстве представлены в них этические, нравственные, религиозные, магические, художественные и логические аспекты народного сознания.

В настоящее время отметим повышенное внимание ученых к особенностям словотворчества, в котором выражается русское самосознание. По словам Д. С. Лихачева, «народная фразеология – не только древность, дошедшая до нашего

времени в языковой образности, за ней стоит и традиция национальной языковой эстетики, и многое из сегодняшнего русского менталитета» [2, с. 256].

Особого внимания для изучения устойчивых выражений заслуживают говоры Сибири. Интерес, проявляемый отечественными лингвистами к русским диалектам и в настоящее время вполне закономерен. Антропоцентрическая, этнокультурная и социологическая направленность современного языкознания порождает обращение к говорам как к особому источнику, своего рода исконному началу многих явлений русского языка и, следовательно, выразителю национального мироощущения. Непосредственно в диалектной лексике находит отражение многовековая история народа, его культура, быт и нравы.

Источником исследования послужили говоры Тоболо-Иртышья, а именно 54 населенных пунктов четырех районов юга Западной Сибири – Тобольского, Вагайского, Ярковского и Уватского.

Актуальность исследования устойчивых выражений связана с неизученностью говоров территории позднего заселения русскими, в том числе территории, прилегающей к рекам Иртышу и Тоболу. К исследованию были привлечены материалы диалектологических практик 2010-2014 гг. ТГСПА им. Д. И. Менделеева, сегодня педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиала ТюмГУ).

По мнению М.С. Выхрыстюк и Е.А. Бакулиной, «наиболее ярко устойчивые сочетания раскрывают характер русского человека, среди которых показательны фразеологизмы, содержащие эмоционально-оценочную характеристику внешних и внутренних качеств человека с положительной и отрицательной стороны» [1, с. 79].Выбранная для анализа лексико-тематическая группа эмоционально-оценочной диалектной лексики Тоболо-Иртышья значительна и многообразна как по структуре, так и по значению, а также по эмоциональной, оценочной, экспрессивной характеристикам.

Именно устойчивые сочетания ярко характеризуют внешние и внутренние качества человека с положительной и отрицательной стороны.

Так, назовем устойчивые сочетания, содержащие положительную характеристику внешности человека – его одежды, особенности фигуры, прически как с положительной стороны: *любо-дорого взглянуть* – ‘о красиво одетом человеке’, *разодетый в пух и прах* – ‘о нарядно одетом человеке’, *молода'я заба'ва*– ‘о молодом беспечном человеке’.

Наиболее ярко фразеологизмыхарактеризуют особенности внешностичеловека с отрицательной стороны. Выделим две группы относительно их значения: 1) фразеологические единицы, содержащие общую характеристику внешности человека: *горо'ховое вешало*– ‘неуклюжий, неловкий человек’; *как из бревна' вы'резанный* –‘неуклюжий человек’; *ста'рше попо'вой соба'ки* –‘очень старый человек’; *уме'ть держа'ть язы'к за зуба'ми* –‘о человеке, умеющем хранить тайны; *жива'я душа' на костыля'х* – ‘о хилом, слабом человеке’ и др.; 2) фразеологические единицы, содержащие характеристику отдельных черт внешности человека, особенностей фигуры, прически, манеры держаться в обществе и др.: *как ше'ст проглону'л* –‘находиться в стопоре, стоять в изумлении’; *пе'ть с чужо'го го'лоса* – ‘говорить не от души, лукавить’; *слабова'т в коле'нях* –‘слабый, хилый человек’; *стоя'ть как пень* –‘стоять в изумлении’. Таким образом, как показывает материал, группа фразеологизмовТоболо-Иртышья, содержащих отрицательную характеристику внешних данных человека, более многочисленна и многогранна.

Многочисленна и группа устойчивых сочетаний, характеризующих внутренние качества человека с отрицательной и положительной стороны. Выделим в группе положительной оценки внутренних качеств две подгруппы относительно их значения: 1) фразеологические сочетания, содержащие характеристику поведения человека,

отдельных поступков, рода его занятий: *по го'рничному ка'шлять* – ‘о женщине, умело управляющейся по дому’; *наводи'ть слепы'х на бревна* – ‘о человеке, помогающем бедным и убогим в трудностях’; *па'лец в рот не клади'*– ‘об умном, догадливом и бойком человеке’; 2) фразеологические единицы, содержащие характеристику внутренних качеств человека, его отношения к труду и людям, его наклонностей: *ночь не заго'нит* – ‘о том, кто работает неустанно, не покладая рук’; *по'лный крестья'нин* – ‘зажиточный сельчанин, имеющий свое подворное хозяйство’.

Отрицательная характеристика внутренних качеств человека, его поведения, отношения к труду и людям, его наклонностей представлена устойчивыми сочетаниями *высоко себя́ нести* – ‘о заносчивом, высокомерном человеке’, *кулаки зажимать* – ‘о злом, скандальном человеке’, *стоять как пень* –‘о человеке, находящемся в изумлении’, *хоть кол на голове чеши* – ‘об упрямом человеке’; *он ночь не загонит*– ‘о том, кто работает неустанно, не покладая рук’; *петь с чужого голоса* –‘о том, кто говорит не от души, лукавит’, *смотреть по носу* – ‘о хитром, расчетливом человеке’, ‘потеря́ть лицо – ‘о бесстыдном человеке’; *колесного скрипу бояться* – ‘о трусливом человеке’; *легоконький человек* – ‘о человеке небольшого ума, глупом человеке’; *молода'я заба'ва* – ‘о молодом беспечном человеке’, *ног не найти* – ‘о лживом человеке, обманщике’; *полыгало дикий* – ‘о рассеянном человеке, невнимательном человеке’, а также ‘о человеке, который веселится не в меру без повода’, *потерять лицо* – ‘о бесстыжем человеке’; *хоть кол на голове' чеши'*– ‘об упрямом человеке’ и др.

Приведем примеры словарных статей фразеологизмов говоров относительно месту функционирования: *Высоко' себя́' нести'.* Быть заносчивым, вести себя высокомерно. *Зходит председатель – высоко себянесёт!* (д. Иевлево, Ярковский р-он); *Горо'ховое ве'шало.* Неуклюжий, неловкий человек. *Ходит гороховое вешалопо деревне, фсех пугат* (д. Нижние Аремзяны, Тобольский р-н); *Жива'я душа на костыля'х.*Хилый, слабый, еле живой. *К ста'рости она выглядела как живая душа на костылях* (п. Лесной, Юргинский р-он); *колесного скрипу бояться* – ‘о трусливом человеке’; *Певец с чужого голоса.* О самоуверенном человеке, любящем присваивать чужие заслуги (д. Полино, Вагайский р-он); *Полыга'ло ди'кий.* 1. Рассеянный человек, невнимательный, не слушается, делает то, что не надо. *Ну, ты сама настояща полыгала* (п. Надцы, Тобольский р-он); 2. Человек, который веселится не в меру без повода. *Ты что с цепей сорвалась полыгало дикое* (д. Малозокальцнво, Тобольский р-он); *полыгало дикий* – 1) ‘рассеянный человек, невнимательный, не слушается, делает то, что не надо’; 2) ‘человек, который веселится не в меру без повода’, *потерять лицо* – ‘перестать стыдиться, потерять стыд’ и др.

При помощи устойчивых сочетаний говорящий более ярко и образно передает положительную и отрицательную оценку внешним и внутренним качествам человека. «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири» под ред. Н.Т. Бухарева, А.И. Федорова квалифицирует данные фразеологические единицы как областные [3].

Таким образом,представленная группа фразеологических единиц говоров Западной Сибири значительна и разнообразна как по значению, так и по эмоциональной, оценочной, экспрессивной характеристикам. Распространенные на территории Западной Сибири, они играют особую роль в раскрытии особенностей характера сибиряков.Проделанный анализ диалектного материала показывает, что количество лексики с отрицательной оценкой намного больше, что с положительной. Полагаем, это обусловлено менталитетом русского народа.

1. Выхрыстюк М.С., Бакулина Е.А. Эмоционально-оценочная лексика говоров Тоболо-Иртышья в аспекте современной лексикографии и фразеографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск 19. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2014. С. 79–84.
2. Лихачев Д.С. Земля родная: кн. для учащихся. М., 1983. 256 с.

3. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири/ сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск, 1972. 166 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПЕРЕПИСНЫХ КНИГАХ XVII в. РУССКИХ ФАМИЛИЙ ЖИТЕЛЕЙ г.ТОБОЛЬСКА

Е.Ю. Токарева
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Личные имена, прозвища, фамилии людей, безусловно, являются частью лексической системы языка, функционируют по ее законам, и вместе с тем, помимо лексического компонента, имена собственные в свое понятийное содержание включают этнографическую, историческую, социальную, культурологическую информацию и очень быстро реагируют на любые изменения, происходящие в обществе. «Ни одна область языковой деятельности русского народа не была так тесно непосредственно связана с его историей, как область ономастики» [Фролов 2005: 8]. Потому внимание к системе имен собственных определяется их особым положением в языке.

Рукописные и печатные памятники XVII в., хранящиеся в исторических фондах ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» представляют собой яркую палитру личных имен жителей города различной национальности и социальной принадлежности в названный период. В «Дозорной книге» 1624 г. [I]; «Переписной книге» 1625-1626 гг. [II]; «ВЂдомости (подворном списке) 1633 г.» [III]; «СмЂтных списках 1638-1691 гг.» [IV] представлен яркий спектр женских личных имен христианского и нехристианского происхождения.

Рассмотрим основные структурные модели русских фамилий. Большинство русских фамилий образованы от канонических неканонических личных имен при помощи суффиксов –***ов,/-ев (-ёв).*** «Только тогда, когда *Иван Петров сын Борисова* стал *Иван Петров сын Борисов,* то с этого момента *Борисов* становится наследственной фамилией» [1, II]. В написании имен русского боярства и дворянства это изменение прослеживается примерно до XVII в. И хотя эти имена употреблялись в именительном падеже, их, скорее, следует рассматривать как патронимы, чем как настоящие фамилии. Вероятно, эти необычные отступления от общей модели считались особой привилегией высокопоставленного, незначительного меньшинства.

В исследуемом материале нами выявлено 168 таких моделей фамилий: *Дмитриев, Иванов, Петров, Глебов, Егоров, Васильев, Сидоров, Елизарьев, Ермаков, Назаров, Ондреев, Степанов, Савельев, Семенов, Тарасов, Тимофеев* и др. [1, IV].

Именно патроним отца обычно становился наследственным именем семьи. Если у деда, чье имя легло в основу утвердившейся фамилии, было два имени – одно крестильное, а другое обиходное, то фамилия неизменно образовывалась от второго. Это можно объяснить здоровым стремлением избежать омонимии, которая угрожала бы русским фамилиям, если бы они базировались лишь на ограниченном фонде крестильных имен. Запас же обиходных имен был практически безграничен. В наших материалах 117 фамилий, образованных от неканонических (некрестильных) имен при помощи этих суффиксов: *Баженов, Грязнов, Безсонов, Бесов, Башкитов, Будилов, Выродов, Жданов, Лосев, Нежданов, Некрасов, Огрызков, Ощевков, Посников, Третьяков, Черкасов, Штанников* и др. [1, I]. Этим же способом могли образовываться русские фамилии самой различной семантики (51 единица): *Босков, Вершков, Горлышков, Гиганов, Долгов, Дьячков, Ершов, Жуков, Загибалов, Иконников, Кочеков,*

Любимсков, Мамруков, Наумов, Осипов, Пуртов, Часов, Бокеев, Богоносцев, Витязев, Груздев, Журавлев, Зверев, Иноземцев, Зезев, Киселев, Терекомольцев и др.[1, III].

Русская фамилия на *–ов,/-ев (-ёв)* по происхождению является краткимприлагательным. От производных существительных, оканчивающихся на твердый согласный или на –о, фамилия образуется с помощью суффикса –ов, а от существительных, которые оканчиваются на мягкий согласный, -j- или е – с помощью его варианта –ев: *Павлов (Павел), Морозов (Мороз).* После ц, ч, ш, ж, щ в безударной позиции пишется –ев, а под ударением в традиционном написании –ов: *Киселев, Кислов* и в более современном –ов: *Одинцов, Шалашов*[1, II].

1. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске».I. Дозорная книга 1624 г.; II. Переписная книга 1625-1626 гг.; III. ВЪдомость (подворный список) 1633 г.; IV. Сметные списки 1638-1691гг.КП 186388.
2. Горбовский А. Человек – это его имя. М., 1964.
3. Унбенгаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1995.
4. Фролов Н. К. К вопросу об эволюции собственных имён и их исторической связи с социальной психологией // Избранные работы по языкознанию: В 2-х т.Т 1. Антороponимика. Тюмень, 2005. 313 с.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕКЛАМНЫХ ЖАНРОВ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКИЙ ЛИСТОК»

Д.Ю. Федотова
Тобольская комплексная научная станция УРО РАН,г.Тобольск

Для того чтобы поддерживать торгово-промышленные отношения в г. Тобольске в XIX в., необходима была газета, которая могла бы информировать об открытии новых магазинов, ассортименте товаров, о новинках в других городах. Таким изданием и стал «Сибирский листок». «Сибирский листок» – частная сибирская газета, главной целью которой являлось освящение экономической жизни общества силами широкой общественности. Издавалась с 1890 по 1919 гг. с утвержденной программой экономического издания раз в две недели [8, с. 248].

Цель исследования – описать жанровые и тематические особенности рекламных объявлений на основе одной из центральных газет Тобольской губернии конца XIX в. «Сибирский листок». Путем лингвистического анализа рекламных текстов разной коммуникативной и жанровой направленности выявить специфику русской рекламы, ее структуру и основные жанрообразующие признаки, тем самым определить место тобольской рекламы в системе русского литературного языка конца XIX в.

Согласно определению, данному А. А. Мироновой, считаем объявление информативным речевым жанром, содержащим «сообщение, извещение о чем-либо, доводимое до всеобщего сведения, помещенное где-либо для широкого ознакомления, имеющее реквизиты: дата, время, место, название действия, адресант, адресат; стандартизованное неэкспрессивное представление информации в нейтральной форме» [2, с. 94].

Жанры рекламы – это тексты, характеризующиеся устойчивыми признаками в зависимости от коммуникативной цели, тематики, образа адресата и адресанта, образа времени, особенностей структуры и языкового оформления. Коммуникативная стратегия текста определяется типом языковой личности адресанта. В зависимости от авторского намерения в рекламной коммуникации газетных изданий XIX – начала XX вв. можно выделить информационные и аналитические жанры [1, с. 41].

Так, среди рекламных жанров «Сибирского листка» отметим две разновидности рекламных текстов: *информационные,* к которым отнесем объявление, аннотацию,

рекламное письмо, и *аналитические,* в число которых входят рекламная статья и рецензия.

Цель *информационных жанров*– передать информацию, сообщить о новом товаре. Информационные тексты – это были тексты в основном небольшого объема, часто отражающие один факт, одно событие. При этом они могли иметь стандартное оформление без использования графических шрифтов, рамок, разнообразного расположения текста. Языковые средства оценочной лексики также минимальны. Реже на страницах газеты встречались развернутые рекламные сообщения, в которых могло быть предложено несколько услуг.

Рекламное объявлениев газете составлялось по шаблону. Цель его – побудить адресата к нужному, с точки зрения рекламодателя, выбору товара или поступку, направленному, в конечном счете, на его приобретение: «*…изобретателюбезпрерывно действующаго сепаратора, нашедшаго себераспространение въ самыхъ глухихъ углахъ какъ культурнаго, такъ и даже некультурнаго мира. Сепараторъ "Альфа-Лаваль" своимъ распространениемъ более всего доказалъ великому изобретателю; что услуга, оказанная имъ народамъ всехъ странъ неоценима. Знаменитый сепараторъ можно приобрести по адресу для Сибири ... цена ...*» [5].

Информационные объявления– наиболее удобная для чиновников форма оповещения о массовых мероприятиях:о найме на работу, о торгах, новых услугах. Первые казенные объявления содержали пространные обращения, иногда со значительными по объему объяснениями и дополнениями. Жанр объявления в XIX в. представлен лингвотекстовыми вариантами, имеющими структурно-тематические и функциональные особенности: *справка, уведомление, постановление, допрос* и др., что подтверждает синкретичность жанра. Учитывая разные подходы к анализу информационных жанров, выделим их следующие разновидности: на основании тематического показателя: *объявление-справка,сообщение, постановление, уведомление*; структурного, или векторного: отражающие направление коммуникации (вертикальное и горизонтальное) и социолингвистического (социально-имущественное положение участников коммуникации) признаков.

Изучая состав информационных объявлений, помещенных в газете «Сибирский листок» как совокупность необходимых составляющих его элементов, отметим, что каждый из этих реквизитов имеет свое ключевое значение в определении жанровой особенности текста объявления (указание на дату, время, место события, адресата, адресанта, описание характера действия), поэтому считаем целесообразным рассмотреть каждую из этих составляющих рекламного объявления в отдельности.

1. Использование *даты* в рекламных объявлениях XIX века – явление не настолько частое, насколько мы привыкли видеть в объявлениях в современных периодических изданиях. В объявлениях об открытиях ярмарок, выставок, где употребление дат очевидно, этого не происходит. Даты используются, в основном, в объявлениях о подписке на различные печатные издания: *«Открыта подписка, а на время ярмарки 1891 года на "Ирбитский ярмарочный листок" (двадцать седьмой год издания) издаваемый Ярмарочным Комитетом по примеру прежних лет и по прежней программе. <…> Срок выхода газеты с 25 января по 1 марта ежедневно, кроме дней воскресных, в которые будут выпускаться особыя прибавления»* [4].

Также употребление дат прослеживается в следующих сообщениях: *«В банкирской конторе Я. П. Андреева в Тюмени по воскресеньям, с 11 часов утра 8, 15, и 22 марта н.г., назначены АУКЦИОНЫ просроченных залогов ссудной кассы, в числе которых свыше ста рублей № 17225, 38449, 38518, 44322, и 46176»* [14]; *«При клубе приказчиков г. Тобольска сдается в Аренду Буфет на 1914 г. Заявления принимаются до 1 декабря 1913 года. Совет старшин*» [5].

2. Употребление *временных границ* в объявлениях «Сибирского листка» связано, по большей мере, с приемом у различных специалистов *(«Доктор М.П. Тамбовский. Внутрения, детския и женския болезни. Прием от 9 до 10 ч. утром и от 5 до 7 ч. вечера. Б.-Пятницкая д. Бронникова, флигель во двор (рядом с почтой)»* [7]; *«В Тобольскую Губернскую Ветеринарно Бактериалогическую Лабораторию в п. Дементьева, при Ветеринарном отделении, нужны для производства опытов крысы домашния (хомяки) живыя, непораненныя. За каждую доставленную крысу будет уплачиваться по 20 коп. Принимаются в лаборатории с 11 до 3 час. ежедневно»* [4].

Нередки случаи, когда время определяется различными частными лицами, очевидно, в силу особой занятости данных лиц: «*Продается ружье садочнаго типа, под маркою «Excelsior», с принадлежностями, а также охотничья библиотека, Туляцкая ул., д. Щеблыкина кв. Макарова, от 4 до 6 час.»* [7]; *«Даю уроки танцев и гимнастики. Прием от 4 до 5. Б. – Пятницкая, д. Мазурина, кв. Свишнякова»* [3]; *«Спешно продается рояль, письменный стол, тахта, буфет, гардероб, граммофон, ломберные столы, цветы (араукария, пальма и др.) и прочия домашния вещи. Видеть можно от 10 до 2-х и от 5 до 8 ч. Б.Архангельская ул., д. Мазурина, квартира Сердитых»* [6].

3. Несмотря на то что география подписки на издание довольно обширна (Тюмень, Омск, Томск, Иркутск, Екатеринбург, Минусинск, Москва), *место действия* в рекламных объявлениях определяется городом Тобольском и прилегающими к нему окрестностями. Другие населенные пункты, указанные в текстах объявлений, – это города расположенных складов, мест, где еще можно приобрести товар и их первоначальное производство, собственно мест, откуда распространяется продукция.

Главная особенность определения места в объявлениях газеты «Сибирский листок» – это их углубленная конкретизация. Часто указание места не ограничивается названием населенного пункта, улицы, дома, оно также подкрепляется более частичными деталями. Так, например: *«В Тобольске, под магистратом, где городской банк, в магазине Е. Н. Карамышевой дешево распродаются разных цветов кашемир и гарусная материя бумазей крецких красок и модных рисунков. Получен из Москвы и Ирбитской ярмарки новый товар. Буду продавать по ценам умеренным. Продажа без запроса»* [7]; *«Продается двухэтажный дом с флигелем, хорошими новыми постройками и небольшим садом. Дом находится по Архангельской речке, близ Качаловаго моста, и принадлежит Иноземцу»* [3]; *«Химическая прачечная Т. Хацкелевич переведена с Туляцкой у. из.д. Кафель на Почтовую д. Я.А. Ершова парадный вход, между домом Уссаковской и квартирой врача Афонскаго, о чем извещаю г.г. уважаемых заказчиков. И тут же сдаются комнаты»* [6].

Иногда в объявлениях идет перечисление всех мест, где идет торговля представляемой продукцией, что опять же указывает на широту географии исследуемых объявлений. Типичные примеры: *«Торговля каменных изделий Е.А. Кочнева в Екатеринбурге. Имеется большой выбор уральских цветных камней, кабинетных вещей, а также имеются золотыя и серебряныя вещи, разныя мозаика и разныя вещицы для подарков. Цены самыя умеренныя. На ярмарках: Нижегородской – главный дом №4; Ирбитской – Пассаж № 15; в Казани – на Булак»* [4]; *«Сельди сосвинские соленыя и копченыя А.М.Сибирякова. Продаются в Москве, Нижнем, Казани, Перми, Екатеринбурге, Тюмени у И.Е.Котовщикова, Тобольске у Шукста, Омск у В.А. Платунова, Томск у А.Г. Малых и во всех колониальных магазинах, в Красноярске у О.Г. Черепанова, в Иркутске у М.И.Курносова. С требованием значительных партий обращаться в Тобольск к З.И. Баженову»* [6].

4. Указание *адресанта* в объявлениях – это скорее правило, чем исключение. Судя по употреблению адресантов в газете «Сибирский листок» можно точно заключить: это газета губернского масштаба. Создается впечатление, что все люди,

употребленные в качестве адресантов, люди известные для этих мест, и найти их не составит никакого труда. В объявлениях часто употребляются имена известных купцов того времени А. А. Сыромятникова, О. И. Бакакина, Е. Н. Карамышевой, Т. С. Айтмухаметова, Н. А. Елизарова, а также докторов М. П. Тамбовского, С. А. Топольницкого, А. Внучинской-Расторгуевой.

На всеобщую осведомленность направлено указание на фамилию адресанта и нередко его адрес: *«Сбежал черный понтер, грудь и концы лапы белыя, кличка "Нигер". Немедленно просим доставить в дер. Янкелевича. Захарову»* [7]; *«Ищу попутчика до Тюмени на горе, д. Машанова, Трухин»; «Нужна девушка к детях в отъезд на лето. Адрес. Кузнечная улица, д. № 4, кв.Самойлович»* [5].

Нередким явлением считается отсутствие адресанта в текстах объявлений. В основном, это связано с продажей тех или иных товаров от частных лиц: *«Продается зеленое сено. Можно видеть на горе, близ Музея, дом Романова»; «Продается или на прокат хорошее пианино о заграничной фабрики. Кузнечная ул. д. № 7»* [5]; *«Продается пролетка четырех рессорная новая в д. Воротынских»; «Пианино желаю взять на прокат. Адрес: Б.-Мокрая д.Загваздиной внизу»* [7].

5. В тексте рекламных объявлений напрямую указывается *адресат*, однако, по характеру объявления можно сразу догадаться, кому адресовано то или иное объявление. В большинстве случаев, учитывая целевую аудиторию газеты, можно сразу предположить, что адресатом выступают люди среднего достатка. На это также указывает часто употребляемые фразы «цены умеренные», «цены вне конкуренции», «недорого», которые употребляются в объявлениях об открытиях ярмарок, распродаж, а также продаже товаров в тех или иных магазинах города.

Однако обратим внимание на те объявления, в которых обращение к адресату прослеживается четко: *«Вниманию глухих. Богатая дама, излечившаяся от глухоты и шума в ушах, благодаря искусственной барабанной перепонке, изготовленной Институтом Никольсона, препроводила в означенный Институт 25000 франков с целью доставить всем неимеющим средств глухим особам возможность приобрести сказанныя барабанныя перепонки даром. Обращаться с требованиям по следующему адресу: Institut, Nicholson. "Logenett". Gunnersburg, Londres, W»* [5]; *«Ищу попутчика до Тюмени. Выезд не позже воскресенья. Спросить в магазине Константинова»* [7]; *«Вниманию Г.Г. Любителей Садоводства. На короткое время прибыл из Саратова Садовник. Имеются в продаже разных пород яблони и другие фруктовыя деревья. Тополя, цветущия растения: розы, пионы и другие деревья и цветы. Адрес: за Абрамовским мостом, по речке направо, д. Садовникова, спросить Кильдякова»; «Нужна девушка к детях в отъезд на лето. Адрес. Кузнечная улица, д № 4, кв. Самойлович»* [4].

Следует отметить, что в данных рекламных объявлениях указание адресата – необходимость. Конкретизация в данных случаях помогает читателям лучше сориентироваться среди изобилия информации, а самым адресантам призвать нужных адресатов.

6. *Название действия* – необходимый реквизит объявлений. Иначе читателю просто трудно понять, с какой целью дано объявление. Данный реквизит целиком и полностью связан с целевой установкой адресанта, иными словами, то, что хочет донести до читателя адресант, то, собственно, и является названием действия.

По исследуемым нами объявлениям можно выделить основные действия, на которые нацелены адресанты:

- во-первых, это продажа: *«Продается дом с переводом долга. Там же продается ножная швейная машина Зингер. Кузнечная ул, № 27»* [4];
- во-вторых, это востребованность работодателей в рабочих лицах или же поиск рабочих мест этих же самых лиц: *«Нужна девушка к детях в отъезд на лето. Адрес.*

Кузнечная улица, д № 4, кв. Самойлович» [6]; *«Желаю получить место экономки или домовницы. Новая ул., д. № 5. Е.Филимонова»* [5];

- в-третьих, это все процессы, связанные с арендой и недвижимостью: *«Сдается дом с торговым помещением, недорого. М. Петропавловская, № 10»* [13];
- в-четвертых, это выполнение различного вида услуг: *«В мастерских дома трудолюбия принимается ремонт зимних экипажей»* [7].

Подводя итог, скажем, что употребление реквизитов широко представлено в текстах объявлений. Их использование шире, чем в современных объявлениях, и имеет специфические черты, связанные, главным образом, с частотой употребления реквизитов, их стилистическими особенностями, вызванные неэкспрессивным представлением информации.

Ученые полагают, что печатные объявления конца XIX – начала XX вв. демонстрируют динамику в становлении трафаретности содержания и синтаксической структуры текста источников. Не исключение и информационные жанры газеты «Сибирский листок».

С развитием печатной рекламы появление временной и пространственной дистанции, точные параметры места и времени становятся условием эффективности рекламного сообщения. В рекламных текстах разных жанров обязательным уже с XVIII в. было документальное указание на временную и пространственную ориентацию для адресата относительно адресанта.

Главная особенность объявлений состоит в неэкспрессивном представлении информации в нейтральной форме, в отсутствие таких стилевых принципов, присущих рекламным объявлениям, как оригинальность и выразительность, и преобладание других, таких как краткость, конкретность и точность, логичность, простота и доходчивость.

Отметим, что в объявлениях, согласно их стилистической форме, характерно употребление глаголов. Однако преимущественное использование глаголов в объявлениях нельзя назвать как призыв потребителя к действию, а в большей мере, глаголы выражают действие адресанта относительно адресата, они не носят призывного характера. Это, например, глаголы, подобия «продаю», «ищут», «поступила», «нужен», «репетирую», «получены» и т. д.

К концу XIX в. происходит жанровое расслоение рекламного дискурса. Обычное сухое объявление вырастает до *развернутого рекламного объявления.* Оно становитсяболее информативным, дополненным информационными, эмоционально-экспрессивными и прагматическими подробностями, и уже позднее превращается в *консультацию специалиста,* нередко подписанную известным лицом. Консультация специалиста имела несколько иное направление: она подчеркивала не просто потребность в товаре или услуге, но и жизненную необходимость в них определенной категории потребителя. В случае, если акцент делается не столько на эмоциональный, сколько на рациональный компонент сознания, объявление расширялось за счет перечисления имеющихся товаров или услуг. Так появился в печатной рекламе XIX в. *жанр каталога*: «*Производительность по каталогу фирмы 50 ведеръ молока въ часъ; сепараторъ останавливается лишь черезъ 45 минутъ, что подтверждаетъ легкость его хода...»* [5].

Таким образом, газетная реклама уже в XIX в. обозначила себя как быстро развивающаяся сфера бизнеса. Тогда, более ста лет назад, она уже создавалась по определенным языковым правилам особым законам и технологиям. Анализ рекламных текстов газеты «Сибирский листок» показал, что в создании русской рекламы прошлых столетий использовались те же приемы, что и сейчас, которые способствовали достижению главной цели – вызывать запланированный отклик у потребителей.

1. Лазарева Э.А. К вопросу о специфике рекламного текста // Человек – коммуникация – Текст. Вып. 3. Барнаул, 2000. С. 34–41.
2. Миронова А.А. Жанры рекламы: к проблеме квалификации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012.№ 32 (286). С. 22–26.
3. Сибирский листок. 1890. 19 дек.
4. Сибирский листок. 1891. 17 февр.
5. Сибирский листок. 1893. 21 янв.
6. Сибирский листок. 1905. 20 нояб.
7. Сибирский листок. 1906. 8 окт.
8. Федотова Д.Ю. Рекламные жанры газеты «Сибирский листок» кон. XIX – нач. XX вв. // Тобольск научный-2014:Материалы XI Всерос. науч.-практ. конф (с междунар. участием). Тобольск, 2014.С.247-252.

ЖАНРЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ

А.С. Шишкина
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Наши предки оставили нам огромное культурное наследие. В нем отражены их мечты, идеалы, мироощущение, жизнь, быт, осознание своего места в мире.

В руках у современных исследователей имеются многочисленные разнообразные источники. Среди них разножанровые письменные материалы (произведения научной и художественной литературы, исторические труды, публицистика, речи ораторов, юридические документы, письма, тексты делового характера и многое другое), памятники материальной культуры, в основном найденные при археологических раскопках (курганы, гробницы и другие захоронения, руины городов, остатки крепостных сооружений, частных и общественных зданий, жилых домов, храмов, орудия труда, оружие, остатки украшений, тканей, домашняя утварь, предметы повседневного домашнего обихода и т. п.), результаты этнографических наблюдений (древние обычаи, ритуалы, обряды, традиции), разнообразные надписи, монеты, антиквариат, личные коллекции. Сведения о далеком прошлом можно получить с помощью анализа словарного запаса древнегреческого и старославянского языков и преданий устного народного творчества (записанных фольклорных материалов).

Устные (фольклорные) источники – это произведения, созданные народом и характеризующиеся преимущественно устной формой их передачи, это тексты устного русского народного творчества (предания, былины, сказания, песни, частушки, басни, пословицы и т.д.), которые родились в глубоком прошлом и дошли до нас благодаря тому, что впоследствии были записаны.

Считаем, что освоение регионального фольклорного материала позволит не только получить целостные знания о жизни наших предков, но и поможет постигнуть русскую художественную культуру, проследить историческое развитие народа.

Таким образом, русский фольклор – это собирательное название всех произведений русского устного народного творчества, которые передавались из поколения в поколение в виде песен или сказаний, пословиц или поговорок, авторство которых не сохранилось. Размер произведений русского фольклора разный: он варьируется от длинной эпической былины до короткой пословицы [Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 09.10.2015)].

Русское народное творчество, зародившееся на Руси в глубокой древности, – историческая основа всей мировой художественной культуры, источник национальных художественных традиций, способ выражения русского народного самосознания. Некоторые исследователи относят к устному народному творчеству все виды

непрофессионального искусства, например, разные виды самодеятельности, в том числе народные театры [Викисловарь URL: https:// ru.wiktionary.org/wiki (дата обращения 12.10.2015].

В науке существует несколько определений понятия «фольклор», поскольку эта форма народного творчества находится в постоянном развитии. Фольклор любого народа находится в процессе постоянного развития и эволюции.

Термин «фольклор» впервые был введён английским учёным Уильямом Томсом в 1846 г. для обозначения как художественной (предания, танцы, музыка), так и материальной (жильё, утварь, одежда) культуры английского народа [3, с. 33].

Поначалу этот термин охватывал всю духовную (верования, танцы, музыка, резьба по дереву и пр.), а иногда и материальную (жилье, одежда, ценности) культуру народа. В современной науке нет единства в трактовке понятия «фольклор». Иногда оно употребляется в первоначальном значении: составная часть народного быта, тесно переплетающаяся с другими его элементами. С начала XX в. термин используется и в более узком и более конкретном значении: словесное народное творчество [1, с. 16].

Главная особенность фольклора – это отсутствие известного автора. Родившись очень давно, любое фольклорное произведение, передаваясь из уста в уста, множество раз было изменено, перефразировано, домыслено, преобразовано новыми и новыми рассказчиками. Со временем литераторы стали заимствовать многие сюжеты из фольклорных произведений и подписывать эти произведения своим именем. По этой причине во многих литературных произведениях мира встречаются похожие сюжеты, персонажи и произведения. При этом фольклор постоянно развивается и меняется вместе с жизнью людей.

Любое фольклорное произведение по своему характеру, содержанию и назначению является глубоко демократичным, подлинно народным искусством. Его отличает не только идейная глубина, но высокие художественные качества.

Народнопоэтическое творчество любого народа отличается своеобразной художественной системой изобразительных средств и жанров:

1. Среди древнейших жанров – *похоронные причитания*. С появлением всеобщей воинской обязанности возникло оплакивание забираемых на службу – *рекрутские причеты*.

2. Одним из видов древнейшего устного народного творчества являлись *трудовые песни* с их выкриками, простейшими сигналами, подаваемыми по ходу работы. Другим видом древнего творчества можно считать *заговоры.*

3. С древности сохранились у нас и отдельные элементы *детского фольклора*, который также изменялся под влиянием своего эстетического и педагогического предназначения. *Детский фольклор* имеет свою систему жанров, подчиненную возрастным особенностям детей. Он несет эстетические, художественные и поучительные (педагогические) функции. В нем преобладают *игровые* начала.

4. *Календарный фольклор* исконно соответствовал насущным практическим целям людей. Он был связан с представлениями о годовом сельскохозяйственном цикле и с изменяемыми природными условиями. Люди стремились узнать будущее, поэтому прибегали к помощи *гаданий*, толковали о грядущем по *приметам.*

5. Этим же объяснялось происхождение *свадебного фольклора.* Он пропагандирует мысль о важности семьи и продолжения рода, рассчитан на благорасположение высших покровителей.

6. Жанры *необрядового фольклора* тоже складывались под влиянием синкретизма. К нему относятся малые фольклорные жанры (паремии): *пословицы, побасенки, народные приметы (бытовые и погодные) и поговорки*. Они содержат суждения человека об укладе жизни, о труде, о дружбе и любви, о высших природных силах, высказывания о повседневной жизни человека и его каждодневных делах. «Это

обширная область нравственных оценок и суждений, как жить, как воспитывать детей, как чтить предков, мысли о необходимости следовать заветам и примерам, это житейские правила поведения… Словом, функциональность паремий охватывает едва ли не все мировоззренческие области» [1, с. 187].

7. К жанрам *устной прозы* относятся *предания, бывальщины, былички, легенды*. Это истории и случаи из жизни, повествующие о встрече человека с персонажами русской демонологии – колдунами, ведьмами, русалками, лешими и т.д. Сюда же относятся и *рассказы о святых, святынях и чудесах* – об общении человека, принявшего христианскую веру, с силами высшего порядка.

8. К художественному песенному фольклору новейшей формации современные исследователи относят *романсы* и *частушки* и другие жанры *песенного эпоса: былины, исторические песни, воинские песни, духовные песни и стихи*. *Лирические песни* тоже несут художественную функцию. Они исполняются вне обрядов. Содержание и форма лирических песен связаны с выражением переживаний и чувств исполнителей.

9. Художественную зрелищную театральную основу содержит *фольклор зрелищ и фольклорного театра*. Он представлен во всем разнообразии жанров и видов (*игры, ряжения, вертеп, раек, кукольные представления* и пр.).

Постепенно фольклор отходит от бытовых функций и приобретает элементы художественности. В нем возрастает роль художественного начала. В итоге исторической эволюции фольклор стал поэтическим по главным и основополагающим качествам, переработав в себе традиции всех предшествующих состояний фольклора [4, с. 157]. Художественное творчество воплотилось во всех видах *сказок: сказках о животных, волшебных, бытовых*. Такой вид творчества представлен и в*загадках*. К ранним видам художественного творчества относятся и *баллады.*

Таким образом, именно фольклор отражает индивидуальные особенности народа, его отличия от других. Благодаря народным песням, сказкам и другому фольклору ученые-историки могут узнать, как жили наши предки, какие проблемы их волновали, что их радовало, как они проводили время. Именно поэтому важно знание фольклора как источника информации о культуре народа.

1. Аникин В.П. К мудрости ступенька. О русских песнях, сказках, загадках, народном языке: Очерки. М.: Детская литература, 1982.
2. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Москва, 1957.
3. Бахтин В.С. От былины до считалки: Рассказы о фольклоре. Л.: Детская литература, 1988.
4. Панкеев И. Тайны русских суеверий. М., 1997.
5. Тихонов А.Н. Пословицы, поговорки и другие изречения русского народа // Пословицы и поговорки русского народа: Объяснительный словарь. Москва, 1996.
6. Энциклопедия народной мудрости / сост. В. Воскобойников. СПб., 1997.
7. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// ru.wiktionary.org/wiki
8. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/

РОЛЬ МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И НАУЧНО-ЭКСПЕДИЦИОННОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ

ПОДВИЖНИК АРХИВНОГО И БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т.В. КАМИНСКОЙ)

Г.Я. Балдина, Л.Н. Осипова
Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Татьяна Викторовна Каминская начала работать в библиотеке Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева (ныне Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) ТюмГУ) с 02.02.1989 года в качестве старшего библиографа. До прихода в наш вуз стаж её работы по специальности составлял уже 30 лет. За плечами был богатый опыт работы в библиотечной системе.

Работа справочно-библиографического отдела библиотеки, куда пришла работать Татьяна Викторовна, заметно оживилась. Библиографическое и справочно-информационное обслуживание читателей было поставлено на более высокий профессиональный уровень. Все крупные мероприятия по пропаганде книги, такие, как «Час специалиста», «День информации», «Неделя кафедры», были организованы непосредственно Т. В. Каминской. Кроме того, с её приходом в библиотеку был начат выпуск информационных бюллетеней новых поступлений и информационно-тематических листов для знакомства читателей с новинками библиотеки. Она выходит с тематическими обзорами и обзорами новинок на кафедры и в аудитории к студентам.

Татьяна Викторовна активно продолжила работу библиотеки по формированию справочно-поискового аппарата. Организация и редакция картотек требуют не только наличия специальных знаний библиографии, но и присутствия таких личностных качеств, как усидчивость, внимательность, кропотливость, которыми как раз и обладала Т. В. Каминская. Как грамотный библиограф, она незамедлительно давала консультации по любому вопросу поиска книги, студенты знали её как умелого специалиста по выполнению тематических, фактографических, уточняющих справок. К ней обращались все, кому нужна была консультация по составлению списка литературы и по оформлению научных работ, что подтверждают слова благодарности о работе Татьяны Викторовны самих студентов и преподавателей в «Книге отзывов».

Т. В. Каминская имела большой опыт работы педагога. После окончания отделения библиографии и библиотековедения Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской в 1968 году, параллельно со своей профессиональной деятельностью, она активно занялась методической работой. К ней на производственную практику периодически направлялись студенты Тобольского училища искусств и культуры им. А. А. Алябьева, которым она передавала все свои знания и опыт работы в библиотечной сфере. Под её руководством в Центральной библиотеке г. Тобольска был организован двухгодичный факультатив библиотечно-библиографических знаний для учащихся 9-10 классов школ города, по окончании которого вручалось удостоверение «Младший библиотекарь». Кроме этого, она

ежегодно проводила уроки библиотечно-библиографических знаний (ББЗ) в педагогическом институте со студентами первых курсов всех факультетов.

С 1996 по 2004 гг. Татьяна Викторовна исполняет обязанности заведующего сектором фонда редкой книги. Долгое время с этим фондом практически не работали, в результате чего появились жучки-точильщики. Началось спасение фонда путём обработки документов формалином. Благодаря предпринятым ею мерам, мы имеем на сегодняшний день редкие отечественные и зарубежные издания XVIII–XIXвв.

Т. В. Каминская обрабатывала книги, вела исследовательскую работу, продолжала заниматься составлением справочно-библиографического аппарата на фонд редкой книги. Им активно начали пользоваться не только студенты, преподаватели и аспиранты нашего вуза, но и исследователи из других регионов страны.

Результаты научно-исследовательской работы по изучению фонда редкой книги находят своё отражение в библиографических указателях литературы, которые были составлены при непосредственном руководстве Т. В. Каминской. Вот некоторые из них:

1.Гений и гражданин России: Д.И. Менделеев (1834 – 1907 гг.): библиогр. указ. лит./ сост.: Т. В. Каминская, Г. Я. Балдина.; ред. Т. В. Каминская. Тобольск, 1999. 58 с.

2.«Образ, бережно хранимый»: [А.С. Пушкин]: библиогр. указ. лит.: 1989 – 1998 гг. / ред. Т. В. Каминская; консультант – к.ф.н., доцент Н. А. Новгородова. Тобольск, 1999. 150 с.

3. «Усердно, повся дни беспокойно»: биобиблиогр. указ. лит.: к 360-летию со дня рождения С. У. Ремезова (1642 – после 1720 гг.) / сост. и ред. Т. В. Каминская. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2002. 82 с.

4. Не могу жить без мысли о языке: биобиблиогр. указ. лит., посвящённый акад. В. В. Виноградову (1895 – 1969)/ сост.: Т. В. Каминская, Г. Я. Балдина; ред. Т. В. Каминская. Тобольск, 2005. 64 с.

Кроме этих работ Т. В. Каминская являлась соавтором многих других указателей, а также редактировала многочисленные списки литературы, которые приносили студенты-дипломники, будущие кандидаты наук, готовясь к защите своих диссертаций. Особенно большие списки были у профессоров, иногда они состояли из 400 – 500 названий.

Т. В. Каминская старалась быть предельно точной при составлении библиографических указателей и описывала каждую книгу, статью или заметку только после непосредственного ознакомления с её содержанием. Создавая библиографические пособия, обучая методике работы с литературными источниками, Т. В. Каминская формировала у своих читателей культуру поиска литературы, культуру чтения, систематизации и правильного библиографического описания в научных работах, бережного отношения к литературному источнику, придавая указателям особую информационную ценность, открывая читателям доступ к фондам библиотеки.

По материалам библиотечных фондов Татьяна Викторовна создала тематические папки-альбомы газетных вырезок: «Времен связующая нить», посвящённая прошлому, настоящему и будущему ТГПИ им. Д. И. Менделеева; «Ремезов Семён Ульянович»: альбом статей из периодических изданий; «Воспитанник декабристов Михаил Степанович Знаменский»; «Театр Тобольска – вчера, сегодня, завтра» и др. Этими папками пользуются студенты вуза при написании докладов, рефератов, курсовых работ.

Следует отметить, что Т. В. Каминская работала в тесном контакте с кафедрами русского языка, литературы, алгебры и геометрии, биологии, которыми в своё время руководили В. Н. Хмелёва, Н. А. Новгородова, В. С. Коробейников, Б. С. Харитонцев.

Занимаясь в фонде редкой книги, преподаватели Л. И. Бобова, Р. А. Вафеев, Л. Н. Шешукова смогли успешно подготовить свои научные работы.

Благодаря Т. В. Каминской научные сотрудники Центра сибирско-татарской культуры исследовали вопросы татарского языкознания, а именно создания букваря, распространения грамотности и развития образования среди татарского населения в г. Тобольске и Тобольском районе в целом.

В 2003 г. в газете «Сибирская панорама» была опубликована статья Т. В. Каминской «Редкая книга в учебном процессе»[3]. В сборнике научных трудов «Проблемы истории Сибири», посвященном 80-летию профессора Ю. П. Прибыльского, была опубликована ее статья«…Не для себя, а для общих занятий…»[2].

А ещё Татьяна Викторовна занималась и занимается поэтическим творчеством Её стихотворение «…Уходят наши ветераны» было опубликовано в сборнике «„Первоцвет”: поэты Тюменской области». Стихотворение «В нашем граде Тоболеске» посвящено 300-летию Тобольского драматического театра им. П. П. Ершова. Есть у неё также стихи, посвящённые коллегам-библиотекарям, городу Тобольску и др.

Секрет успеха её профессионализма состоит в том, что она не останавливалась на достигнутом. Татьяна Викторовна была любознательна, повышала свой профессиональный уровень, посещая специальные семинары, курсы, совещания, конференции. Она читала специальную литературу, приветствовала новые идеи и старалась их внедрить в работу всей библиотеки.

В коллективе Татьяна Викторовна пользовалась заслуженным авторитетом и уважением не только за свои глубокие и разнообразные профессиональные знания, но и за прекрасные человеческие качества – доброту, тактичность, общительность, готовность прийти на помощь.

За высокие результаты своей научной деятельности неоднократно отмечалась почетными грамотами, благодарностями, денежными премиями, ее портрет помещался на Доску почета работников института, награждена почетной грамотой Министерства образования и науки РФ. Она – Ветеран Труда.

Очень точно сказала о себе Татьяна Викторовна в сборнике «Дети войны (в очерках и воспоминаниях)»: «Жаль, что мой пенсионный возраст не дает мне больше возможности продолжать любимую работу, которой отдала 50 лет. Даже в самые трудные годы я не изменяла ей, хотя стали платить гроши, а надо было воспитывать сына, дать ему высшее образование. Но, слава богу, он вырос, женился. И теперь у меня трое внуков, и я очень счастлива, что прожила интересные годы, встречая на своём пути замечательных людей» [1].

1. Воспоминания детей войны: Каминская Татьяна Викторовна //Дети войны (в очерках и воспоминаниях) / под ред. Ю. П. Прибыльского. Тобольск, 2010. С.31-36.
2. Каминская Т. В. «…Не для себя, а для общих занятий…» // Проблемы истории Сибири: сборник научных трудов, посвященный 80-летию профессора Ю. П. Прибыльского / отв. ред. О. И. Еремеева. Тобольск, 2006. С.78-80.
3. Каминская Т. В. Редкая книга в учебном процессе // Сибирская панорама. 2003. №45(15окт.). С.11.

«ДНЕВНИК» Д. П. ДАВЫДОВА КАК НОВЫЙ МАТЕРИАЛ К БИОГРАФИИ

Г.В. Лепова
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск

В 2011г. в Сибири отмечалось 200-летие со дня рождения Дмитрия Павловича Давыдова (весна 1811 – 01.06.1888, Тобольск) [1, с. 72-73]. В конце жизни судьба привела Д.П. Давыдова в Тобольск. Последние семь лет он прожил в нашем городе, никому неизвестный своими талантами и трудами. Здесь на Завальном кладбище нашел он свой последний приют, но и могила затеряна. Д. П. Давыдов в силу обстоятельств (болезнь, слепота) в Тобольске поддерживал отношения с узким кругом людей, среди которых был Степан Иванович Гашинский– преподаватель Тобольской мужской гимназии. К нему, по-видимому, и попал первоначально «Дневник Давыдова», который затем был передан в фонд Фундаментальной библиотеки Тобольского губернского музея. Первым биографом Д. П. Давыдова стал именно С. И. Гашинский[2, с. 306-307].

Широкому кругу населения России известна песня «Славное море – священный Байкал», вторичны знания об авторе текста – Д. П. Давыдове. «Думы беглеца на Байкале» (так названо автором) опубликованы в 1858 г. в мелком петербургском еженедельнике «Золотое руно» (ред.И. П. Бочаров). Стихи получили быстрое распространение в Сибири, на Дальнем Востоке – в местах ссылки и каторги. В 1860-егг. стихи стали песней, ее записал как народную в Нерчинске С. В. Максимов и опубликовал[3, с. 365-366]. Имя автора – Д. Давыдова –было забыто и даже не упоминалось в связи с песней.

В советский период в одном из справочников[4, с. 21] появилось несколько строк о Д. П. Давыдове. Постепенно, с конца 1920-х гг. и по сей день, историки, филологи, краеведы восстанавливают биографию Д. П. Давыдова, находят новые документы и свидетельства, публикуют их.

Ф. А. Кудрявцеву (1899 – 1976) удалось установить авторство песни и найти в архивных материалах (г. Улан-Удэ) прижизненные издания Д. П. Давыдова, начать реконструкцию биографии их автора [5; 15-17]. Ошибкой Ф. А. Кудрявцева стало желание вести поиски самостоятельно, игнорируя статью С. И. Гашинского.

В 1973 г. появилась публикация ленинградского литературоведа И. Г. Ямпольского (1903-1999)[6, с. 181-184].Исследователь ввел в научный оборот два биографических документа, хранящихся в Пушкинском доме: заявление-просьбу Давыдова о материальной помощи в «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» и «Докладную записку о трудах коллежского асессора Дмитрия Давыдова» (датированы 30 июня 1975 г.). Если первый документ указывает на тяжелое материальное положение Давыдова, то второй исключает всякие споры по поводу подлинности авторства известной песни, подобные тем, что в 1947 г. возникли после одной публикации[7, с. 111-114].

В 1960-е гг., живущая в Иркутске Е. В. Клепцова, внучка Д. Давыдова, передала в Государственный Исторический музейслужебный аттестат Д. П. Давыдова. В 1980-е гг. правнучка Н. П.Клепцова передала сохранившиеся памятные вещи и фотокопии документов своего прадеда в Иркутский краеведческий музей. Среди них и копию аттестата. Иркутский литературовед В. П. Трушкин, сравнив послужной список Давыдова с фактами и датами статьи С. И. Гашинского 1893 г., обнаружил, что в ней приведены верные данные, автор тогда видел аттестат[8, с.250; 18]. Сегодня остается ещё много белых пятен в биографии Д. П. Давыдова. «Дневник Давыдова» из фондов Тобольского музея может хоть что-то прояснить.

«Дневник Давыдова» – уникальныймузейный документ [9]. Заголовок оформлен крупными буквами, несколько витиеватым почерком. Он состоит из 18-ти листов плотной бумаги (40х26 см). Текст записан мелким почерком (весьма своеобразным), чернилами черного цвета. В среднем на листе размещено до 80-ти строк. Листы дневника прошиты и помещены в переплет в виде крышек из коричневой замши. На форзаце – ярлык: «Библиотека Тобольского губернского музея», № 6403. При записи в инвентарную книгу библиотеки музея в 1938 г. поставлен штамп «Библиотека Тобольского гос. музея» и присвоен № 11076; здесь же запись о передаче документа в 1976 г. в отдел рукописей. «Дневник Давыдова» указан в печатном каталоге «Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея» 1907 г.[10, с. 56]. Более ста лет документ находится в музейных фондах и никем не прочитан? Оказалось, заглядывали многие. В статье Ю. С. Надточия[11, с. 26-27] есть даже цитата (правда сильно сокращенная) из «ДневникаДавыдова».

Дневниковые записи датированы: название месяца вынесено в заголовок, даты проставлены числом месяца и временем суток. Записи относятся к периоду 25 октября 1830 г. – 23 июля 1832 г., т.е. времени проживания Дмитрия Давыдова в Троицкосавске (Кяхте). Это записки молодого человека, учителя математики в местном уездном училище.

Отец Дмитрия Давыдова – Павел Васильевич –происходил из обедневших дворян Рязанской губернии и состоял в родстве с Д. В. Давыдовым, поэтом-партизаном, героем Отечественной войны 1812 г., а также с другим известным представителем семьи – декабристом В. Л. Давыдовым. П. В. Давыдов как ученый-гидрограф, имея собственное желание, был командирован в Сибирь, чтобы исследовать «возможности соединения Енисея с Тазом и для приучения инородцев к употреблению в пищу хлеба» [2, с. 306].

Далее мнения исследователей жизни и деятельности Д. П. Давыдова расходятся: одни называют местом его рождения на пути в Сибирь г. Каинск Томской губернии (ныне г. Куйбышев Новосибирской области), другие –г. Ачинск Томской губернии (ныне Красноярского края). Расходятся исследователи и называя место предполагаемого конечного маршрута семьи – Иркутск или Ачинск. В настоящем «Дневнике» есть запись, указывающая на то, что это мог быть Туруханск: «Случай исторгнул меня из холодной окрестности Туруханска, определил быть в Ачинске, Красноярске, Иркутске, и,наконец,в Троицкосавске» (15.11. 1830) [9]. Думаю, что это предположение верно, и «Дневник» закрывает еще одно «белое пятно» в биографии Д. П. Давыдова.

Все детство Дмитрий провел в Ачинске. «Мальчик с ранних лет проявлял необыкновенные способности, поэтический талант и дарование математика»[2,с. 306]. Принадлежность к старинному дворянскому роду не приносила материальных доходов. После смерти отца пришлось Дмитрию с 1826 г. (в 15 лет) начать службу канцеляристом в окружном суде Ачинска. Справиться с работой канцелярского служащего Д. Давыдову помогло добротное домашнее образование. Другое дело, что работа с бумагами его мало привлекала. Дмитрий мечтал продолжить образование, но семья не имела для этого необходимого дохода. В те годы в Иркутской гимназии использовалась практика подготовки учителей для уездных училищ«коштом» – за казённый счет. По окончании курса стипендиаты должны были прослужить на учительских должностях не менее восьми лет. После 3-х летней службы в канцелярии 19 сентября 1829 г. Дмитрий Давыдов поступил в Иркутскую гимназию, а в 1830 г.успешно выдержал экзамены на «кандидата учительского звания» и был направлен в г. Троицкосавск (Кяхту).

К началу XIX в. Кяхта превратилась в крупный торговый центр Восточной Сибири, главный пункт торговли с Китаем. Кяхтинская ярмарка проводилась круглогодично. Еще в 1768 г. для производства торга на русско-китайской границе

было создано шесть компаний: Московская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Тобольская и Иркутская, каждая из которых занималась вывозом в Кяхту определенных товаров. В 30-е г. XIX в.Кяхтинская торговля продолжала непрерывно расти, здесь останавливались путешественники, богатые купцы, ученые.

В этом городе и поселился 19-летний начинающий педагог – учитель 1-го классаТроицкосавского уездного училища Дмитрий Давыдов. Оказалось, педагогическое поприще им было выбрано неслучайно. Позднее Д. П. Давыдов так оценивал свой выбор: «Я посвятил себя занятию, к которому чувствовал призвание, и смею думать, усилия мои к распространению грамотности, смягчению нравов и развитию умов моих воспитанников не остались без последствий»[6, с.182].На протяжении тридцати лет Давыдов занимался педагогической деятельностью: работал учителем, затем штатным смотрителем училищ в Якутске и Верхнеудинске (Улан-Удэ), неоднократно получал благодарности и награды. Деятельность педагога Д. П. Давыдова в этих городах оценена многими исследователями (Н. Ким, В. Н. Иванов).В звании коллежского асессораД. П. Давыдов вышел в отставку 23 декабря 1859 г. Имел «знаки отличия беспорочной службы за 15 и 20 лет и темную бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1854 и 1856 гг.»[12, с. 251-253].

В целом, «Дневник» оправдал свое назначение: молодой учитель готовился к сдаче экзаменов экстерном за полный университетский курс по математике и физике. Многие листы заполнены формулами, чертежами, обстоятельными рассуждениями. Не обошлось без отступлений от предмета занятий: ностальгические мысли о родных местах, близких людях; а порой мрачные настроения то и дело наводили его на размышления о старости, смерти, быстротечности жизни и «жестокой судьбине». Постоянный анализ обстоятельств, способность размышлять, рассуждать помогали преодолеть тяготы жизни.

Дмитрия неизменно радовали картины природы, возможность заниматься любимым делом – изучать науки, и, прежде всего, математику.

Наблюдения природы наводили его на размышления, а из них складывалось понимание её развития по собственным законам: «Природа должна иметь весьма малое число первоначальных сил. Там, где существует многоуправление, ничего хорошего не бывает». Понимая необходимость познания законов природы, Дмитрий искал пути к нему: «Что нужно делать, чтобы познать Устав Природы? Рассудок скажет: учиться!… Возможно ли? Кто раскроет мне глаза к уразумлению того, что я еще не понимаю… Но зачем отчаиваться, время всё разрешит!... Всегдашняя моя спутница – математика – конечно есть верный вожатый к астрономии. Мать наук, душа моя, она меня ждет и скоро приведет к светильнику, скажет: «возьми его!», и я с ним нигде не буду ощущать той мрачности, которую теперь иногда ощущаю. Счастливы мы, счастливы стократно, которые имели Учителей…»(28.10.1830) [9].

Когда осознаешь, что дневник вел 19-летний юноша, невольно поражаешься и складу его ума, и способности рассуждать, и умению «вгрызаться» в науку, воспринимать новые знания и доводить все до логического завершения. В мыслях, изложенных на бумаге, он выделяет главное, необходимое. В тексте дневника много подчеркиваний, постраничных сносок с разъяснениями, переводами.

Юный ум привлекает всё: путешествия «за окрестными горами Кяхты»(31.10. 1830), «…электрическая машина, сделанная сослуживцем моим, товарищем, с одной стороны, и начальником с другой, Николаем Степановичем Устюжаниновым. Я делал посредством ее разные опыты…» (31.10.1830) [9]; его интересует, «как действует свет», как он влияет на человеческий глаз. Страницы дневника исписаны формулами и рассуждениями, результатами опытов, выводами.

Дмитрий борется с мечтательностью, пытается перевести свои мысли в практическое русло рассуждением о «различии между размышлением и мечтанием». Он дает им определения, приходит к следующему выводу: «Итак, от мечтания кроме вреда ничего ожидать не должно: поэтому мечтания должно убегать. Лучшее по сему средство есть деятельность, для которой создан человек» (03.11.1830). О том, «что такое рассудок, что воображение» подробно рассуждает и делает выводы «о мыслящей и движущей силе ума»(11.11.1830).

Но более всего Дмитрия радует математика, даже среди ночи. На листах, заполненных математическими решениями, обязательно сделана приписка во славу науки. «Как приятно Аналитическим извлеканием дойти до известной геометрической теоремы. Сие ободряет меня, манит, заставляет больше заниматься математикой, и я минуту особенного желания употреблю на пользу своей головы»(06.11.1830).

«Неслыханное удовольствие среди безмолвной тишины заниматься науками. Здесь, в сию минуту – все можно чувствовать, можно все делать и даже скажу к удовольствию людей, быть довольным собой. Так я собою доволен. Да что за привычка роптать на судьбу?»(08.11.1830).

Дмитрий в ящичке «с черновыми бумагами» находит свою тетрадь полугодовой давности с надписью: «Речь, произнесенная учителем 1 класса Троицкосавского Уездного Училища при публичном испытании учеников, 24 июня 1830 года». Переписывает свою речь из черновика в дневник: «Исполненный живейшим чувством признательности за участие, какое вы принимаете в делах наших, Почтеннейшие Посетители, я спешу возвестить вам о действии лучей благотворительного Просвещения. Они, подобно лучам солнца рассыпались по обширной Российской Империи и хрустальные горы невежества упали, растаяли…».

Речь довольно длинна, в ней, конечно, есть и гимн любимой науке: «… расскажу вам о первой пользе Математики – науки, играющей удивительную роль от Архимеда до великого Ньютона, от Ньютона до наших времен. Мы видим, что эта великая наука возвышается все более и более, прежде она была славна в кабинете Ученого, в этой мирной обители наук, а теперь и она гремит славою на страшном поле битвы…». Далее говорит о пользе других наук: истории, литературы в Российской Империи: «…неужели Урал – предел царства Просвещения? Нет – оно исполинскими шагами пошло – перешагнуло чрез его быстрые воды и посетило теперь Сибирь! Ему нет преград... Мои милые дети, учитесь, учитесь больше, ибо справедливы Полиевы стихи: «Ученость малая приносит вредный плод; Глубоко пей или не трожь Кастальских вод» (цитату произносит на латыни).Дмитрий Давыдов» (12.11.1830).

Переписав речь в «Дневник», делает приписку: «Я не хочу показывать теперь недостатки сей речи; но написал ее здесь для следующего, если будет нужно, разбора». Дата подсказывает, что речь произнесена человеком, две недели назад впервые вступившим на учительское поприще.

Математический дар (в Иркутской гимназии он особенно проявился) давал право на поступление в высшее учебное заведение. 15 ноября 1830 г. Дмитрий осуществляет давно задуманное решение, он пишет письмо: «В Императорский Московский Университет от Учителя 1-го класса Троицкосавского Уездного Училища Дмитрия Давыдова. С робостью, приличною столь маленькому человеку, каков я, беру перо и пишу просьбу в Университет, столь возвышенное место. Молодость, способность, желание быть полезным Отечеству заставляют меня стремиться к усовершенствованию себя. Стремление это столь быстро, что я познал в весьма короткое время одну из наук, более меня привлекающих из них, математику. Новое услаждение для ума – новая пища деятельности, она всегда занимала и занимает меня. Строгость законов математики научили меня судить о явлениях природы в строгом – точном смысле, а не по предрассудкам. ….В часы утренние, часы вечерние, полуночные сии две науки

сделались моими собеседниками. ….Не буду говорить о том, как я достиг должности Учителя: путь и способы для сего знает всякий. Нет, занимаясь по-прежнему, с приобретением большей способности, я хочу обязать себя заниматься непременно; хочу посвятить всю жизнь свою наукам. Посему покорнейше прошу Университет сделать мне экзамен на степень кандидата чистой математики и физики. В сих и, если угодно будет, в других, относящихся к оным науках. Экзамен заочный, письменный, ибо я никак не могу предстать пред заседанием Чиновников Университета, поставить меня на сию высокую степень. Осмеливаюсь ожидать постановления на мою просьбу. Учитель Давыдов». Соискатель ученой степени не мог написать напрямую об отсутствии средств на поездку, о своем бедственном положении в целом. Несмотря на аналитически-философский склад ума, юный Дмитрий Давыдов был чист и наивен во многих своих помыслах и надеждах. Делает приписку:«Сейчас я отправил… просьбу. Какое действо она иметь будет мне неизвестно; но, по крайней мере, буду надеяться.Я записал сие в дневник для памяти, в математический – для того, что это относится к части учений». Отсюда понятно, что «Дневник» был не один, и велись они, видимо, параллельно.

До конца ноября Дмитрий делает лишь две записи в «Дневнике»:по поводу решения «задачи Архимедом… Без сомнения всякий, занимающийся науками, знает её решение. Но не всякий может быть знает неточность сего решения». (16.11.1830).Описывает ситуацию с приятелем, которому он подсказал, как нужно реагировать на окружающих, чтобы избавиться от прозвища «летучая мышь». Дмитрий записал ее в виде сценки: с диалогами и развязкой. Дмитрий делает некоторые выводы: «Невежда насмешками показывает свое невежество, желая прослыть остряком…Ожесточение приносит плоды, вредящие человечеству». «Смеяться для исправления нравственности полезно, но для ожесточения – вредно» (17.11.1830). С позиций нашего времени можно только поразиться деликатности разрешения такой ситуации; другому уровню отношений.

Во второй половине ноября и в декабре 1830 г. Дмитрий, видимо, работает над статьями. Тексты их записаны в «Дневник» в январе 1831г.: «Основание теории цветов. Предуведомление», «Рассуждение о воображаемом свойстве тел поглощать лучи света», «О происхождении цветов».Текст последней статьи (20.03.1831) предваряет заголовок: «В Императорскую Санкт-Петербургскую Академию Наук, Представление от Учителя 1-го класса Троицкосавского Уездного Училища Дмитрия Давыдова.20 марта 1831. № 4». Нет записей о том, что статьи посланы по указанному адресу. Но, по свидетельству С. И. Гашинского, они отправлялись: «Дело в том, что он завел деятельные сношения с академией наук, в изданиях которой печатал свои физические наблюдения и некоторые другие статьи, всегда подписанные его полным именем. Когда он обратил на себя внимание, ему стали высылать все необходимые инструменты из главной физической обсерватории»[2, с. 306].

«Сейчас я получил известие на мою просьбу от 15 ноября 1830 г. № 3 об экзамене на степень кандидата». Вписывает текст ответа: «Милостивый Государь, Вы просили Московский Университет сделать Вам заочный экзамен на степень кандидата чистой математики и физики и в других, относящихся к оным науках, но как в Уставе Университета не имеется постановлений к заочным испытаниям, то Университет и не может удовлетворить Вашей просьбы. О сем, извещая Вас о воле Совета № 70. Генваря 20 дня 1831 года. Господину Учителю 1-го класса Троицкосавского Уездного Училища Дмитрию Давыдову» (20.03.1831).

«Письмо Господину Профессору Астрономии и Секретарю Совета ИмператорскогоМосковского Университета Дмитрию Перевощикову.Милостивый Государь!Вчера имел честь получить от Вас уведомление о воле Совета относительно

моей просьбы о сделании мне экзамена на степень кандидата Математики и Физики. Я весьма Вами одолжен, я ничтожный человек. Письмо Ваше будет у меня храниться залогом Вашего ко мне внимания – внимания столь бесценного, столь великолепного. Черты его глубоко напечатались в моем сердце. Нисколько не оскорбляюсь тем, что я столько несчастлив, ибо это так определено. Будет время: я предстану пред особой Вашею и других Ваших сотрудников – предстану в день испытания; будет время… но когда? Бог знает… Остаюсь с совершеннейшей Вам преданностью….»(23.03.1831). Об отправке письма также нет записи.

24 и 25 марта в «Дневник» записаны рассуждения и опыты, связанные с электричеством и магнетизмом. 28 марта внесен текст статьи «Рассуждения о тождестве магнетизма и электричества». Тема магнетизма появилась на страницах «Дневника» еще в записи от13ноября1830 г. О способностях Д. Давыдова в области магнетизма сообщает и С. И. Гашинский [2, с. 307]. На этой же странице дневника – незавершенный вариант стихотворения, другое–предваряет записи в дневнике.

Единственная запись относится к 1832 г. Это набросок письма Семену Семеновичу Щукину, иркутскому краеведу, о выполнении его «приказания» к собиранию коллекции насекомых. В письме предлагаются разные варианты их упаковки (для лучшей сохранности) и отправки адресату.

В «Дневнике Давыдова» нет сведений о его быте, его работе в училище. Известно, что учитель Троицкосавского уездного училища получал мизерное жалование. Приходилось подрабатывать. Давыдов давал частные уроки математики и танцев, благо, что полученное им домашнее образование включало и обучение танцам, и обучение языкам (по свидетельству В. В. Иванова, он знал три европейских языка и легко усваивал языки народов Сибири)[13, с. 9]. Эту сторону своей жизни в Троицкосавске он описывает в шутливо-сатирической поэме «Волшебная скамеечка» (Верхнеудинск, 1859). Поэма начинается автобиографически: «Я юношей в семнадцать лет / ВТроицкосавске поселился: / Учил детей и сам учился, /Как математик и поэт». Поскольку описывает свое положение уже с высоты прожитых лет, в поэме нет и доли той грусти или мрачного настроения, какие то и дело встречаются в «Дневнике» (прямо по Пушкину: «что пройдет, то будет мило»). В сюжете поэмы используется ламаистское поверье о самодвижущейся волшебной скамеечке, с помощью которой можно отыскать украденные вещи, в данном случае, – последние сапогибедного учителя. За строками поэмы проглядывает отношение к учителю со стороны руководства и части общества, в ней много запоминающихся афоризмов. Давыдов пишет в поэме: «Я у таможенной заставы/ Жил в бедной хижине один». Возможно,хижина – это поэтический образ жилища, в «Дневнике» – запись: «Вот восходит… Солнце! …Лучи сего величавого светила разогнали мрак на земле и сильно осветили мой чердак»(27.10.1830 г.). Но разница невелика: «Бедна постель у педагога/ Мечтой солому как ни грей,/ Лежать не весело на ней». Литературоведческое рассмотрение поэмы замечательно представлено в книге Ю. С. Постнова[14, с. 381-398].

В Троицкосавске (Кяхте) Дмитрию Давыдову удалось заложить начала тех дел, которыми он занимался потом на протяжении всей своей жизни.

Так, интерес к этнографии и фольклору у Дмитрия сформировался под влиянием востоковедов О. М. Ковалевского и П. Л. Шиллинга (они подолгу находились в Кяхте). Собранные материалы Давыдов пересылал в Казань, а затем в Варшаву, где О. М. Ковалевский преподавал в университете и собирался издать этнографические работы Д. П. Давыдова. Но в доме Ковалевского случился пожар, вместе с личным имуществом учёного сгорели рукописи сибирского краеведа. Отдельные образцы фольклора Д. П. Давыдов использовал в своих поэтических произведениях.

Давыдов проявил себя в лингвистике. Пожалуй, самым первым печатным якутским изданием светского содержания можно считать «Якутско-русский словарь» (Берлин, 1843) Д. П. Давыдова. По оценке лингвиста О. Н. Бётлинга, «это собрание слов заслуживает похвалы».

Литературное творчество Д. П. Давыдовапредставлено в библиографическом указателе «Русская литература Сибири в XIX в.»(Новосибирск, 1976. Ч.1.С. 282-285).

Научная деятельность Д. П. Давыдова многогранна. С 1836 г. – член-корреспондент Иркутского губернского статистического комитета. В 1844 – 1846 гг. – участник Северо-Восточной сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа (в Якутске). Первооткрыватель древних погребений в Хоринской степи и близ Верхнеудинска. В 1851 г. в Иркутске открылся Сибирский отдел Русского географического общества. Д. П. Давыдов стал одним из первых его действительных членов. В «Записках СОРГО» он опубликовал несколько интереснейших исследований.

Вся жизнь Давыдова прошла в непрестанном труде, в бескорыстном служении родной Сибири, которую он знал и любил. Сегодня имя автора живет в «народной» песне. О трудах Д. П. Давыдова упоминает знаменитый немецкий учёный и путешественник Александр Гумбольдт в своём сочинении «Космос». На старинном здании первой трети XIX в. (бывшего училища, г. Улан-Удэ) открыта мемориальная доска в память о работе и проживании в нем с 1846 г. по 1860 г. Д. П.Давыдова. В 1861 г. одна из улиц Ачинска названа именем Дмитрия Павловича Давыдова.

1. Трушкин В. П. Давыдов Дмитрий Павлович // Русские писатели 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1992. Т.2.
2. Гашинский С.И. Памяти Давыдова// Тобольские губернские ведомости. 1893. Часть неофициальная. № 20 (19 мая).
3. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб.,1871. Ч. 1.
4.Здобнов Н. В. Материалы для сибирского словаря писателей: (Предварительный список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков). М., 1927.
5. Кудрявцев Ф. А.Забытый сибирский поэт Д.П. Давыдов // Сиб. лит.-краевед. сб. Иркутск, 1928.
6. Ямпольский И. Г. К биографии Д.П. Давыдова// Сибирские огни. 1973. № 6. С. 181– 184.
7. Азадовский М. К. Заметки фольклориста. Еще о песне «Славное море»// Сибирские огни. 1947. №3. С.111–114.
8. Трушкин В. П.Послужной список Дмитрия Давыдова: (Новые материалы к биографии автора «Славного моря») // Сибирь. 1984. № 3. С. 91–95.
9.ТГИАМЗ. КП 12892. Дневник. Часть II, которая содержит в себе преимущественно Записки и Замечания по Математике, Физике и Естественной Истории, Димитрия Давыдова.
10. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея: Систематический каталог// сост. М. В. Филиппов. Тобольск,1907. Отдел VII. Запись 1.
11. Надточий Ю. С. «Славное море, священный Байкал…» // Град Тобольск. 2013. № 9. С.26 – 27.
12. Трушкин В. П.Новые материалы к биографии Д.П. Давыдова // Литература Сибири. История и современность. Новосибирск, 1984.С.251–253.
13. Иванов В. Н. Давыдов: «талант сильный и самобытный» // Якутский архив. 2012. № 2.
14. Постнов Ю. С. Дмитрий Давыдов// Постнов Ю.С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1979. С. 381–398.
15. Кудрявцев Ф. А. Давыдов // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т.1. С. 765.
16. Кудрявцев Ф. А. Краеведческая деятельность Д. П. Давыдова // Бурятоведение. 1929. № 1-2.
17Кудрявцев Ф. А.Сибирский поэт Д. П. Давыдов // Давыдов Д. П. Стихотворения. Иркутск, 1937. С. 3-11.
18. Трушкин В. П.Новые материалы к биографии Д.П. Давыдова // Литература Сибири. История и современность. Новосибирск, 1984. С. 248 – 254.

ВКЛАД ТОБОЛЬСКОГО КУПЕЧЕСТВА В СОЗДАНИЕ ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ

Е. Л. Малышева
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск

Сибирское купечество занимало особое место в экономической, общественной и культурной жизни региона. Составной частью его менталитета была способность к благотворительности [4, с. 134]. Преуспевающие купцы приобретали известность и признательность общества за свою благотворительную деятельность. Они получали грамоты, медали, публичную благодарность, повышая тем самым свой авторитет в обществе.

Тобольские купцы принимали активное участие в строительстве и благоустройстве церквей, оказании помощи малоимущим, содержании учебных и общественных заведений, просветительской деятельности и т.д.

Из истории музея известно, что по инициативе губернатора В. А. Тройницкого было решено ознаменовать 300-летний юбилей города Тобольска постройкой для Музея особого здания. Финансовых ресурсов для строительства у городских властей не было, поэтому обратились к обществу с воззванием о пожертвованиях. Многие граждане, в том числе и купцы из Тобольской губернии и некоторых городов России (Москва, Санкт-Петербург, Омск, Красноярск), поддержали эту инициативу. Отзывчивость купечества способствовала тому, что в очень скором времени поступили пожертвования деньгами и материалами на сумму почти 13 000 рублей. Строительство осуществилось очень быстро: 4 июня 1887 г. совершилась торжественная закладка здания музея в городском саду, а 25 сентября 1888 г. здание было уже освящено. 10 апреля 1889 г. состоялось торжественное открытие Музея для публики [3, с. 4].

Свое согласие быть учредителями Комитета Тобольского Губернского Музея изъявили 162 человека: из г. Тобольска – 70; из г. Тюмени – 25, остальные – из Тобольской и других губерний. Среди прочих лиц были известные тобольские купцы: М. Д. Плотников (1-й гильдии), И. Н. Корнилов (1-й гильдии), А. А. Сыромятников (2-й гильдии), С. М. Трусов (2-й гильдии), С. И. Бронников (2-й гильдии) [16, с. 4]. Согласно § 17 «Устава Тобольского Губернского музея» [15, с. 11] в члены-соревнователи музея (состояли пожизненно) среди прочих лиц были избраны:

- А. А. Сыромятников (пожертвовавший 625 руб.);
- М. Д. Плотников (пожертвовавший 575 руб.);
- С. М. Трусов (за особые труды).

Для дальнейшего функционирования музея также требовались денежные средства, и купцы оказывали помощь. Длительное время членами Тобольского губернского музея состояли:

1. Бронников Семен Иванович, 2-й гильдии купец (14 окт. 1890 г. – 1915 г.);
2. Корнилов Иван Иванович, почетный гражданин, 1-й гильдии купец (16 окт. 1891 г. – 1917 г.);
3. Смородинников Василий Яковлевич, 2-й гильдии купец (1892 г. – 1914 г.);
4. Жарников Владимир Васильевич, 2-й гильдии купец (14 окт. 1890 г. – 1900 г.).
5. Жарников Василий Дмитриевич, 2-й гильдии купец (14 окт. 1890 г. – 1900 г.).

Кроме ежегодной финансовой помощи (от 50 до 200 руб.), представители купечества передавали в фонд музея книги, коллекции предметов и др. Местные предприниматели: В. Я. Смородинников, А. А. Сыромятников, Е. В. Пленина, А. С. Суханов содействовали издательской деятельности музея. А. А. Сыромятников участвовал в финансировании «на снаряжение экскурсии на р. Конду» [2, с. 26].

Купеческие семьи Плотниковых и Корниловых предоставляли на своих пароходах бесплатные каюты для исследователей и путешественников, изучающих территорию региона, оказывали помощь в транспортировке собранных предметов.

Особенно следует отметить деятельность купца Степана Макаровича Трусова. Как городской голова он был в числе 4-х человек особой «Комиссии по постройке Тобольского музея». Под его руководством городская управа выделила место под строительство здания музея. В дальнейшем по его ходатайству в Городскую Думу выделенный участок земли был закреплен за музеем в вечное пользование. Затем Степан Макарович принял на себя заведывание хозяйственной частью музея и обязанности казначея. Более 20 лет как городской голова он входил в состав Распорядительного комитета Тобольского губернского музея и безвозмездно 12 лет исполнял обязанности казначея: собирал средства, вел учетную документацию и составлял ежегодные сметы и отчеты о расходовании финансов. И все же его имя оказалось почти забытым. В «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» сведения о нем занимают 5 строк [5, с. 18], нет его в книге «Почетные граждане города Тобольска».

Степан Макарович Трусов происходил из крестьян Владимирской губернии, родился в 1845 г., получил домашнее образование [14, л. 8]. Неизвестно когда он переехал в Тобольск, но здесь Трусов занялся торговлей и стал купцом 2-й гильдии. Дела у него шли успешно, он вел торговлю мануфактурными, бакалейными и строительными товарами. В 1881 г. стал хозяином первой консервной фабрики в городе, которую перекупил у иностранцев [7, с. 2]. На его фабрике выпускались консервы из рыбы и дичи. За качество своей продукции был награжден большой серебряной медалью на первой Парижской международной выставке алкоголя и питательных продуктов в 1893 г. [10, с. 2].

По данным формулярного списка [13, л. 5] общественная деятельность Степана Макаровича началась в 1871 г., когда он был избран гласным городской думы. С 1875 г. назначен членом Тобольского губернского попечительства детских приютов. В 1876 г. избран членом Совета Тобольской ремесленной школы. В 1879 г. стал Председателем Тобольского городового Сиротского Суда, в этом же году пожалован знаком Красного Креста за участие в деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах». С 1882 г. избран членом учетного комитета при Тобольском городском Общественном банке и высочайше утвержден в звании директора Тобольского тюремного комитета. В 1885 г. Трусов был впервые избран на должность городского головы и стал членом Тобольского уездного Податного присутствия. В 1886 г. трудился церковным старостой при Тобольской тюремной церкви и был награжден за отличную службу и особые труды по ведомству Общества попечительного о тюрьмах золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на Станиславской ленте. За полезную деятельность и особые труды по званию члена Тобольского губернского Податного присутствия награжден орденом св. Станислава III степени. Состоял почетным блюстителем по хозяйственной части при Тобольской Духовной семинарии. Государем Императором был утвержден в 1891 г. в должности депутата от купечества при Тобольской Мариинской женской школе. В 1894 г. –член учетно-ссудного комитета Тобольского отделения Государственного банка.

Во время проезда через Тобольск Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Николая Александровича Степан Макарович был в числе первых лиц, встречающих гостя. Как сообщала об этом газета «Сибирский Листок»: «…между пристанью и павильоном его встретили и поднесли хлеб-соль депутации от Тобольского городского общества – городской голова С.М. Трусов. У памятника герою Сибири – Ермаку Его высочеству была преподнесена Тобольским городским головою

С. М. Трусовым модель памятника из мамонтовой кости местной работы. При выходе из вокзала Тобольским городским головою был поднесен Его Высочеству бокал шампанского...» [8, с. 2]. В благодарность от Наследника Степан Макарович получил золотой перстень с рубином, осыпанный алмазами.

В 1896 г. за усердие и особые труды по званию депутата от купечества при Тобольской Мариинской женской школе Трусов был награжден орденом св. Анны III степени.

Как представитель от граждан города, получив личное приглашение [1, с. 7], присутствовал на коронации Императора Николая Александровича и Александры Федоровны, преподносил дары и получил памятную серебряную медаль на Андреевской ленте для ношения на груди.

Был также членом правления Общества вспомоществования бедным учащимся в Тобольской губернии.

В 1899 г. ему было присвоено звание Потомственного почетного гражданина [6, с. 10].

В период с 1900 г. до 1917 г. он выполнял много разных обязанностей и получил награды по разным ведомствам: ордена св. Станислава и св. Анны II степени, св. Владимира IV степени [13; л. 8].

Как у всякого руководителя, у Степана Макаровича были и недоброжелатели, критикующие его деятельность. Но всегда звучали весомые аргументы из уст его защитников: «Одна из важных его заслуг, несомненно, заключается в том, что он привел в порядок городские финансы. При вступлении С. М. Трусова в должность городская касса была совершенно пустая, был даже долг в несколько тысяч рублей, и в первое время для удовлетворения настоятельных нужд города приходилось прибегать к займам у частных лиц. Недоимок было много, и Трусов сам лично ездил к недоимщикам, старался усилить средства города изысканием новых источников дохода. Так им была составлена такса для взимания налога за торговые места на городских площадях и, по его настоянию городская дума утвердила эту таксу. Эта статья дохода давала городу ежегодно 7000 руб. Вторая важная заслуга С. М. Трусова заключается в принятии им самого живого участия в открытии и организации Тобольского Городского Общества взаимного страхования от огня имуществ. Город обязан Трусову устройством квартир для полицейских чиновников, чем достигнуты значительные сбережения. Перестройка всех городских мостов произведена по его настоянию хозяйственным способом. По его инициативе и распоряжению устроен ночлежный дом, куплены для города лавки, приносящие доход около 100 руб. ежегодно» [9, с. 3].

В январе 1917 г. согласно прошению городской голова Степан Макарович Трусов был уволен со службы. На заседании Городской Думы была доложена справка о его службе, в которой сообщалось, что Степан Макарович Трусов прослужил городским головой 20 лет 9 месяцев и 21 день, гласным городской думы состоял 45 лет, участвовал в бесчисленном количестве разных комиссий. По предложению Г. Я. Маляревского было постановлено почтить такую долголетнюю службу городу С. М. Трусова учреждением стипендии его имени в мужской и женской гимназиях, в Александровском приюте на полное содержание, а также повесить в зале заседаний его портрет, писаный масляными красками, и представить его к званию почетного гражданина г. Тобольска [11, с. 3].

Биография С. М. Трусова позволяет понять, почему именно он длительное время был казначеем Распорядительного комитета Тобольского губернского музея. После него многие лица выполняли эти обязанности, но мало кто из них проработал более года.

В период революционных событий 1917 г. судьба Степана Макаровича, как и многих людей купеческого звания, была трагична. Он был арестован с требованием выплаты крупной денежной суммы [12, с. 3]. О дальнейшей его судьбе сведения не найдены.

Портрет Трусова, созданный художником П.П. Чукоминым, сохранился и находится в фондах ТИАМЗ.

1. Высочайше утвержденный Церемониал торжественного въезда в Первопрестольный Град Москву пред Священным Коронованием Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского и Государыни Императрицы Александры Федоровны. М., 1896.
2. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XX. Тобольск, 1914.
3. Журнал заседания членов-учредителей Комитета Тобольского Губернского Музея. Тобольск, 1890.
4. Копцева Т. В. Менталитет тобольского купечества в конце XVIII – середине XIX вв. // Русские: материалы VII Сибирского симпозиума. Тобольск, 2004.
5. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4 т. Т. 4. Кн. 2. Новосибирск, 1998.
6. Почетные граждане города Тобольска. Тюмень, 2003.
7. Сибирский листок. 1891. № 9 (31 янв.).
8. Сибирский листок. 1891. № 53 (14 июля).
9. Сибирский листок. 1891. № 95 (8 дек.).
10. Сибирский листок. 1893. № 31 (29 апр.).
11. Сибирский листок. 1917. № 6 (12 янв.).
12. Сибирский листок. 1919. № 116 (13 авг).
13. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И 177. оп. 1 д. 27.
14. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И 417. оп. 2. д. 11.
15. Устав Тобольского Губернского Музея. Тобольск, 1895.
16. Учреждение Комитета Тобольского Губернского Музея. Тобольск, 1892.

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. «КУПЕЧЕСКАЯ УСАДЬБА. ДОМ КУПЦА Г. С. КЛЕПИКОВА»

М.А. Михайлова
Сургутский краеведческий музей, г. Сургут

Сургут – один из старейших и крупнейших городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.История города началась в 1594 г. Сегодня это современный индустриальный город, численность населения которого превышает триста тысяч человек.

В современном облике города почти ничего не напоминает о его прошлом. Однако в самом его центре среди многоэтажек, школ и детских садов по улице Просвещения, бывшей Купеческой, находится уникальное здание – единственный дом, сохранившийся на своем историческом месте с XIX в. Это дом купца Галактиона Степановича Клепикова, одно из лучших архитектурных строений Сургута.

Купеческий особняк Клепикова находится под охраной государства. Это объект культурного наследия, памятник истории и культуры конца XIX в. «Купеческая усадьба. Дом купца Г.С. Клепикова» – структурное подразделение МБУК «Сургутский краеведческий музей».

В стенах дома развернулась уникальная экспозиция, рассказывающая об особенностях сургутского быта конца XIX – начала XX вв. Основное население Сургута в то время составляли торгующие мещане, потомки русских казаков – строителей Сургутского острога. Именно поэтому экспозиция музея отражает жизнь

зажиточных сургутян конца XIX в. Старинные фотографии рассказывают о людях, сделавших судьбу дома яркой и необычной. Редкие документы повествуют о судьбах и деятельности сургутских купцов – меценатов и просветителей, уникальные предметы демонстрируют особенности быта горожан. Интерьеры дома позволяют посетителям окунуться в повседневную жизнь сургутян. Экспозиция красочно и в тоже время беспристрастно повествует о прошлом, а вечера встреч с живыми свидетелями и прямыми участниками минувших событий оставляют незабываемые впечатления.

Галактион Степанович Клепиков (1851 – 1915), строитель и первый владелец дома, происходил из древнего казачьего рода. В конце XIX –начале XX вв. он был одним из наиболее успешных торгующих мещан, занимая второе место по торговому обороту в Сургуте. Галактион Степанович не ограничивался местной торговлей с остяками и самоедами – коренным населением края. Он ежегодно совершал самостоятельные торговые сделки на одной из крупнейших ярмарок в г. Ирбите. В конце XIX в. Клепиков торговал галантереей, мануфактурой, пушниной и рыбой. С 1914 г. его торговый ассортимент пополнился бакалейным товаром, железом, сталью и чугуном.

Торговля не исчерпывала всей деятельности Г. С. Клепикова. Как человек грамотный и активный, он участвовал в общественной жизни города: избирался старостой городского общественного управления, членом уездного раскладочного по промысловому налогу Присутствия, почетным мировым судьей, был иногородним членом Тобольского губернского музея.

Особое внимание Галактион Степанович уделял вопросам образования. В течение 20 лет он являлся попечителем Сургутского мужского училища, выделяя из личного капитала большие средства на его развитие и поддержку нуждающихся учеников. В 1910 г. за усердную и полезную деятельность по учреждениям Министерства народного просвещения он был награжден золотой медалью с надписью: «За усердие» на Аннинской ленте. В декабре 1915 г. «за усердную и полезную деятельность по учреждениям Министерства народного образования» был пожалован званием почетного личного гражданина [1, с. 51].

После смерти Г. С. Клепикова в 1915 г. дом унаследовал его младший сын Алексей Галактионович.

Грозные события Октябрьской революции изменили жизнь семьи, но крепкий и красивый дом продолжил собственную жизнь. В нем размещались различные советские организации: уездный транспортно-материальный отдел и уездный отдел народного образования, в 1923 г. здесь разместился «Деточаг», а затем школа, известная в городе под название «Красная». Именно здесь работал знаменитый просветитель Аркадий Степанович Знаменский, эту школу окончили такие выдающиеся люди как художник Г. С. Райшев, конструктор подводных лодок К. Ландграф, будущий основатель Сургутского краеведческого музея Ф. Я. Показаньев и многие другие. Школа занимала купеческий дом до 1958 г., затем ее сменил Сургутский районный отдел народного образования, а в 1963 г. в двух залах дома впервые разместился музей. На протяжении столетия дом Г. С. Клепикова, посвятившего жизнь развитию сургутского образования и культуры, занимали учреждения, связанные с начинаниями его владельца.

С 1974 г. в доме Клепикова открылся Сургутский краеведческий музей.

В 2012 г. по результатам государственной историко-культурной экспертизы дом купца Г. С. Клепикова, как объект культурного наследия регионального значения, был включен в единый государственный реестр.Экспертиза выявила уникальность дома, как единственного городского объекта, отражающего архитектурный образ исторического Сургута.

Основной целью проекта является:

- сохранение и ввод в активный культурный оборот единственного сохранившегося в Сургуте памятника истории и культуры конца XIX в., как символа, связывающего пространство современного города с его историческим прошлым;
- создание особой модели музея, обладающего функциями научно-исследовательского, информационно-ресурсного, рекреационного и коммуникативного центра, отражающего историю русской старожильческой культуры и традиции предпринимательства Сибири конца XIX – начала XX вв., что содействует решению проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия Югры.

В связи с тем, что основным фактором выживания любого музея является культурно-образовательная работа, после открытия в купеческом доме новой экспозиции перед сотрудниками музея встала задача привлечения в музей большего числа посетителей и поиска оптимального баланса между образовательной деятельностью музея и его развлекательными возможностями.

Учитывая то, что купеческий дом посещают практически все слои социального общества, но дети и молодежь составляют большую часть, было принято решение наиболее активную работу проводить с детьми всех видов образовательных учреждений и студентами. Значимой осталась задача воспитания дошкольников и школьников музейными средствами.

Таким образом, сотрудники музея разработали проект, в который вошел цикл мероприятий, направленных на обеспечение семейного отдыха горожан, привлечение детей разного возраста к коллективному отдыху, а самое важное – это возрождение традиций проведения праздников в Сибири.

Проект получил название: «На Купеческой …». На данный момент он включает в себя ряд мероприятий: «Елка на Купеческой», «В поисках солнца» и т.д.

Главной идеей проекта стала идея приобщения детей, родителей и учителей к истокам русской культуры, ее богатым традициям и обычаям русского народа, культуре русского быта, фольклору и искусству, а также к познанию традиций культур других народов, населяющих родной край.

Музейный праздник «Елка на Купеческой» посвящен встрече Нового года. Начинается он с того, что в фойе музея гостей встречает сказочница. Она рассказывает детям о жизни сургутян, которая из века в век проходила в кропотливом труде. Затем приглашает ребят пройти в избу, где их уже ждут Купчиха, молодая девушка Василиса и главный герой праздника – домовой, которого в Сургуте еще называли суседкой. Он садится с детьми на пол и рассказывает о праздновании Нового года в Сургуте. О том, что елку устанавливали во дворе или прямо на улице, а украшали ее ледяными игрушками. Домовой приглашает детей на мастер-класс сделать своими руками игрушку-ледышку. В процессе изготовления с большим интересом вместе с детьми принимают участие и родители. Василиса проводит конкурс новогодних загадок. Купчиха с детьми и их родителями рисуют разведенной известью на окнах зимние узоры, затем все участники мероприятия пьют чай из самовара с кусковым сахаром и баранками. А после того, как веселое чаепитие подходит к концу, гости дружно выходят на улицу, ледяными игрушками украшают елку и водят веселый хоровод. На этом герои праздника прощаются с ребятами, которые не желают уходить. Взрослые благодарят за подаренный им очень интересный, познавательный семейный праздник.

Другой праздник «В поисках солнца» посвящен встрече весны. В настоящее время праздники, посвященные дню весеннего равноденствия, отмечаются в видоизмененной форме, потеряв прежнюю культовую атрибутику, которую мы решили возродить и рассказать о ней детям. Купчиха – хозяйка усадьбы, молодая девушка Василиса и Суседка – хранитель дома раскрывают историю появления праздника Дня весеннего равноденствия. В обстановке русской избы ребята узнают об истории его

возникновения, о древнерусских традициях «заклика весны», играют в русские игры начала XX в. На мастер-классе участники праздника самостоятельно из цветной бумаги делают весенний символ – птичку.

Также проект «На Купеческой…» включает в себя еще несколько музейных предложений, таких как «Фотоателье на Купеческой». Фотоателье, которое расположилось в одном из залов купеческой усадьбы – это возрождение традиции художественной фотографии, существовавшей ещё в дореволюционной и советской России и утраченной на сегодняшний день.

Участники проекта погружаются в среду провинциального сибирского городка рубежа XIX – XX веков, знакомятся с бытом, нравами и традициями горожан того времени. Фотоателье предлагает стилизованный антураж и костюмы для фотосъёмки.

По четвергам в вечернее время в залах музея для детей и взрослых проводится театрализованная экскурсия «В четверг на Купеческой». На протяжении всей экскурсии за каждым уголком удивительного дома посетителей ожидают настоящие чудеса! Мифические герои рассказывают участникам мероприятия о сургутских поверьях и обычаях конца XIX в., знакомят их с героями легенд и преданий.

Проект «На Купеческой…» является одним из самых любимых у горожан. Все, что делается в нашем музее на музейных мероприятиях, сосредоточено на ребенке и нацелено на его развитие. Основным принципом работы является диалог, свободная и комфортная атмосфера, привлечение в музей новой семейной аудитории, более тесному общению детей с родителями и со сверстниками. В связи с этим, как нам кажется, возникает неподдельный интерес к историко-культурному наследию нашего края и у детей, и у взрослых.

Сегодня «Купеческая усадьба. Дом купца Г.С. Клепикова»:

- способствует поддержанию культурного имиджа региона;
- продвижению знаний об истории русской старожильческой культуры и традиций предпринимательства Сибири конца XIX в.;
- является привлекательным и неординарным объектом историко-культурного наследия.

На начальном этапе деятельности по сохранению и популяризации культурного наследия был реализован проект, предусматривающий реставрацию купеческого дома и ввод в культурный и активный оборот памятника истории и культуры конца XIX в. – как символа, связывающего пространство современного города с его историческим прошлым. Созданы благоприятные условия для его визуального восприятия.

Для завершения работ по реконструкции всего комплекса планируется воссоздание полноценного исторического облика архитектурного ансамбля Сургутской купеческой усадьбы в соответствии с научно-проектной документацией, разработанной в 2004 г. Необходимо выполнить реконструкцию подворья, как органической составляющей усадьбы. Подворье будет включать объекты, соответствующие требованиям архитектурного ансамбля купеческой усадьбы второй половины XIX в.: амбары для хранения хлеба и товаров, навесы для сена, дров и транспортных средств.

Проект предусматривает эксплуатацию надворных построек в качестве дополнительных экспозиционных площадок, что позволит продемонстрировать всё многообразие историко-культурной среды, характерной для Сургута того периода.

Купеческая усадьба, расположенная на своем историческом месте, в черте жилого микрорайона, отразит колорит провинциального приусадебного хозяйства.

1. Белобородов В.К. Клепиковы // Югра № 2. 2001. С. 51 – 52.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК

Н.А. Мурашова
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Подготовка специалистов высшей квалификации в области библиотечно-информационной деятельности в условиях меняющейся информационной среды сегодня очень актуальна. Современные библиотеки быстро реагируют на новые вызовы, от которых зависит информационное обеспечение научных исследований. Они эволюционно развиваются, адаптируются к новым социально-экономическим условиям, используют новейшие информационные технологии, которые развиваются очень быстро.

Библиотеки оперативно реагируют на все изменения, происходящие в обществе. Сотрудники занимаются автоматизацией библиотечных процессов, обрабатывают информацию, создают электронные продукты и оказывают услуги. Произошли и серьёзные изменения менталитета пользователя. Современный молодой читатель быстро ориентируется в электронной информационной среде, но не умеет работать с традиционными библиотечными ресурсами. А читателю среднего и старшего возраста трудно ориентироваться в электронных ресурсах. Современный читатель требует к себе другого отношения, так как существенно изменилась психология людей. Библиотекари сегодня ориентируются не на свои производственные показатели: сколько книг выдано, сколько читателей пришло, сколько создано ресурсов. Главное сегодня – эффективность использования ресурсов. И очень важен конечный результат – как информация доходит до читателя и насколько она **своевременна**.

Следует отметить и ещё один важный момент – информационная грамотность пользователя. Мы получаем ресурсы, но далеко не все специалисты имеют чёткое представление о них и умеют ими пользоваться. Поэтому возникает вопрос об информационной квалификации пользователей. Все эти проблемы носят системный характер, связаны со скоростью развития технологий, изменением менталитета пользователей. Новые информационные технологии всё больше и больше проникают в жизнь, предоставляют уникальные возможности для коммуникации и самообразования, удовлетворения информационных потребностей. Библиотеки совершенствуют формы своего участия в них. Для информационного обеспечения науки потребовалось упорядочение информационных потоков, бесконтрольно наполняющих Интернет-пространство. Выполнение такой работы невозможно без соответствующей квалификации библиотекарей. Уровень информационного сервиса стал напрямую зависеть от уровня знаний, умений, навыков библиотекаря. Учитывая, что к началу XXI века кадровую политику в библиотеках характеризовали активность в освоении нового и адаптация к переменам, действительно произошло формирование современного библиотекаря.

В связи с внедрением новых информационных технологий и необходимостью постоянного расширения навыков работы с ними к его квалификации стали предъявляться очень высокие требования. Соответствие таким требованиям помогло библиотекам в решении вопросов информационного обеспечения научных исследований на современном уровне. Современный библиотекарь хорошо ориентируется в информационной среде, владеет знаниями методов и видов поиска информации и навыками работы в этой области.

Научная библиотека ТКСН входит в централизованную библиотечную систему УРО РАН. В этой системе организована работа в соответствии новым условиям и требованиям времени. Библиотека имеет оборудованный информационной техникой читальный зал для ученых, помещения для размещения уникальной научной литературы. Компьютеризированы информационно-библиотечные процессы: пополняется электронный каталог, работает служба электронной доставки документов, осуществляется доступ к полнотекстовым базам данных крупнейших зарубежных научных издательств через ЦНБ УрО РАН.

В ЦНБ УрО РАН инициирована первая в Уральском отделении РАН служба электронной доставки документов для ученых. Создан межрегиональный информационный ресурс – Сводный электронный каталог периодических изданий (ЭКПИ) академических библиотек УрО РАН. Важным фактором в совершенствовании информационно-библиотечного обслуживания ученых и исследователей Уральского региона стало выполнение работ по размещению и предоставлению собственных электронных ресурсов на сайте ЦНБ УрО РАН. Успешно идёт работа над проектом «Consensusomniun: Корпоративная сеть библиотек Урала», в результате которой создаваемые информационные ресурсы ЦНБ были интегрированы в систему информационных ресурсов региона.В библиотечной системе УрО РАН работает виртуальный читальный зал«Web-кабинет ученого». Ресурс создан ЦНБ. Это комплекс сервисов, обеспечивающих индивидуальный доступ научных сотрудников к актуальной научной информации. Система дает возможность ученым оперативно следить за текущим потоком информации, заказывать интересующие статьи, а со стороны Библиотеки – регулярно предоставлять сигнальную информацию по оглавлениям журналов, осуществлять поиск и обеспечить электронную доставку.Научные библиотеки УрО РАН выходят на новый уровень, готовы решать самые современные проблемы. ЦНБ УрО РАН сегодня участвует в крупных научных проектах по созданию электронных библиотек. Это и мемориальная электронная библиотека «Научное наследие России», создаваемая учреждениями РАН как общедоступная библиотека, так и проект ЦНБ УрО РАН – электронная библиотека «Научное наследие Урала», где будут представлены наиболее значимые публикации Уральского отделения РАН. Идет работа понаполнению персональных страниц Председателей УФАН СССР – УНЦ АН СССР – УрО РАН: А. Е. Ферсмана, С.В. Вонсовского, В. А. Черешнева, В. Н. Чарушина, которые включают полные тексты, библиографическую и реферативную информацию.

С 2007 г. директор ЦНБ УрО РАН возглавляет Секцию специальных научных, научно-технических и технических библиотек Российской библиотечной ассоциации. В рамках секции в Екатеринбурге проведены значимые для профессионального сообщества научные мероприятия с участием представителей научно-технических библиотек региона и зарубежных научных организаций: I – IV междисциплинарная молодежная научная конференция «Информационная школа молодого ученого»; II-я Всероссийская научная конференция с международным участием «Современное информационно-методологическое обеспечение научно-исследовательской деятельности»; XIV, XVI, XVIII научный семинар «Информационное обеспечение науки: новые технологии»; организованы четыре международные выставки научной литературы. Сегодня формируется новое отношение к библиотеке, но она **остаётся библиотекой вне зависимости от типа носителя.** Пользователь получает доступ к печатным и электронным изданиям. Внедрение современных библиотечных технологий это веление времени, хотя отношения человека с книгой всегда останутся примером искренности, доверительности и необходимости друг другу.

1. Библиотека по естественным наукам РАН. Итоги и перспективы. Сб. ст. М.: БЕН РАН, 2008.312 с.

2. Гончаров М. В. Преобразование традиционной библиотеки в современный библиотечно-информационный центр. Опыт Российской таможенной академии. М.: Научные и технические библиотеки. №8. 2015. 92с.
3. Гениева Е.Ю. Когда я думаю о рае, я представляю библиотеку // Библиотечное дело. №3 (247). 2015.
4. Сайт ЦНБ УрО РАН.
5. Матлина С. Библиотечная социология: обсуждаем проблемное поле (Круглый стол в РГБ) // Библиотечное дело.2015.№13(247).

ЭКСПОЗИЦИОННЫЙ ПРОЕКТ«НЕ РАДИ СЛАВЫ, РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ ИМ. А. А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА ТКНС УРО РАН (АНАЛИЗ ЭКСПОЗИЦИОННОГО МАТЕРИАЛА)

Е.А. Юнина
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

2015 г. для России отмечен проведением многочисленных социально-культурных акций, посвященных юбилею Победы СССР в Великой Отечественной войне. Музейные институты играют особую роль в аккумуляции, формировании и трансляции исторической памяти народа. В процессе объективного освещения победы над фашизмом в рамках музейных проектов особенно актуальным становится региональный аспект.

Важную роль в исходе войны и свержении фашистской агрессии сыграли сибирские военные формирования. Из Тобольска и Тобольского района в 1941 – 1945 гг. на фронт ушло свыше 23 тыс. человек, в сражениях погибли 6 990 тоболяков, 1 497 – пропали без вести, 683 – умерли от ран, 18 – погибли в плену.

В Музее истории освоения и изучения Сибири им. А.А. Дунина-Горкавича ТКНС УрО РАН работает выставка «Не ради славы, ради жизни на Земле», посвященная 70-летию победы и участию сибиряков в боях 1941 – 1945 гг. Это выставка-«документ» и выставка-«образ», транслирующая социально-гуманитарный опыт наших земляков. Авторами выставки стали сами ее герои – 42 ветерана Великой Отечественной войны, в их числе три Героя Советского Союза, 19 тружеников тыла и детей войны. Тоболяки – герои выставки являлись участниками таких важнейших сражений и освободительных операций, как прорыв блокады Ленинграда, битвы за Москву и Сталинград, форсирование рек Днепр, Одер, Висла, Неман, Сандомирско-Силезская операция, освобождение территорий Украины, Белоруссии, Чехословакии, Польши, Германии, штурм Берлина.

Работа по сбору экспозиционного материала велась на протяжении четырех месяцев. Неоценимый вклад в комплектование собрания внесли жители города Тобольска. Основным источником поступления документов стали семейные архивы. За сравнительно небольшой временной отрезок усилиями значительного количества заинтересованных людей было собрано более 235 документов и копий документов, 230 фотографий и копий фотографий, 30 копий военных плакатов, 17 боевых и трудовых наград, 43 наградных документа и 30 экспонатов. В экспозиции продемонстрированы материалы, характеризующие служебную деятельность в Великой Отечественной войне бойцов 37 профессии и специальностей. Это лишь малая часть богатейшего наследия сибирской Победы. Специфика подготовительного этапа работы над выставкой объясняется неисчерпаемостью темы, а также ее значимостью

практически для каждого жителя города. Фактически процесс сбора информации не закончен до настоящего момента.

Согласно тематико-экспозиционному плану огромный пласт документов с целью простоты восприятия посетителями был дифференцирован на несколько комплексов, соответственно размещенных в четырех залах выставочного пространства. Задача осложнялась необходимостью в условиях небольших экспозиционных площадей органично представить не только богатейший по объему, но и необычайно эксклюзивный и трепетный материал.

При осуществлении данного выставочного проекта в рамках позиций такой исторической дисциплины как микроистория, основополагающими были историко-антропологический и гендерный методологические подходы в интерпретации материала.

Важным представлялось охарактеризовать микромир семей и отдельных индивидуумов в условиях военной обстановки. Кураторы выставки пытались различными сценарными способами осветить тяжелейший путь к победе через призму личности отдельного солдата, показать, как история целого народа моделируется в судьбе каждого гражданина страны, сосредоточить внимание зрителя на человеческом измерении темы выставки. Эта цель была реализована посредством презентации «частной истории» войны, локализованной конкретно городом Тобольском.

Первый зал, вместивший 15 стендовых рам с информацией о ветеранах-тоболяках и описанием их боевого пути, является подготовительным этапом на пути дальнейшего постижения сложной и неоднозначной темы. Роль связующего звена, своеобразного мостика, символически «переводящего» зрителя в следующий зал, выполняет сопроводительный текст, знакомящий посетителя с идеей выставки. Расположенные здесь же текст и ноты «Песни воинов-сибиряков» (посвященной Сибирской добровольческой дивизии), создают необходимый эмоциональный фон на начальной ступени экспозиции.

В самом большом по площади зале выставки помещен наиболее емкий по масштабу демонстрируемой информации документальный, визуальный и экспонатурный материал, со всей возможной полнотой характеризующий вклад сибирского народа в общее дело победы.

Перед посетителями раскрываются истории судеб воинов, типичные и в то же время неповторимые, счастливые и печальные примеры подвига советского духа.

Доминантой экспозиции стала личная история гвардии красноармейца В. Саморокова, которого можно назвать «человеком с тремя жизнями». Военный шофер, рискуя жизнью под постоянными обстрелами, подвозил войскам оружие и боеприпасы. В 1943 г. боец был тяжело ранен, попал в вагон смертников и оказался в списках погибших. В родную деревню одна за другой пришли две похоронки. Но из 30 раненых, находящихся в вагоне, выжил только он. Затем Василий Иванович участвовал в освобождении Белоруссии, Польши, штурме Берлина. По иронии судьбы, в 1990 г. в газете «Тобольская правда» в Книге памяти третий раз было сообщено о погибшем гвардии сержанте В. И. Саморокове. Эту частную историю бойца, вернувшегося домой, несмотря на несколько извещений о гибели, можно рассматривать в качестве классического сюжета военного времени.

Прошел всю войну, не получив ни единого ранения, младший сержант К. Замятин, но мирное время оказалось более тяжелым для ветерана. К сожалению, Константин Иванович окончил свою жизнь в Ярковском доме-интернате для престарелых и инвалидов.

Боевая история Виктора и Юрия Алексеевых – показательный пример праведной мести младшего брата за страдания старшего, столь характерной для русского солдата. Старший брат Юрий фельдшер-санитар был комиссован с тяжелым ранением в 1943 г.

После этого младший Виктор ушел на фронт добровольцем, приписав к своему возрасту один год. Впоследствии он стал командиром орудия танка КВ-122.

Трагично окончились военные пути нескольких героев выставки. В самом начале войны в августе 1941 г. под Киевом пропал без вести военный комиссар 21-го запасного стрелкового полка Н. Кошкаров. В неполные 30 лет оборвалась жизнь старшего лейтенанта П. Кушникова, преподавателя военного дела Тобольского учительского института. В первом же бою под Чернобылем совсем юным погиб Б. Маляревский. Младший лейтенант Г. Трофимов, представитель ставки Верховного Главнокомандования формирующейся иностранной армии в Рязанской области, был убит в 19 лет. Год и место его гибели до сих пор неизвестны.

Третий зал выставки содержит документальный, визуальный и вещевой материал семей, «спасенных победой», а также информацию о тружениках тыла.

В заключительном зале размещены фотокарточки, агитационные плакаты, произведения военного фольклора, иллюстрирующие ликующий образ Священной Победы.

Прежде чем приступить к реализации проекта, необходимо было обработать и систематизировать разнообразный документальный материал. Весь корпус источников по истории участия сибиряков в Великой Отечественной войне, экспонируемых на выставке, был условно разделен на 3 ступени.

Материалы «первого поколения», принадлежащие непосредственным участникам боевых действий, включают:

- источники личного происхождения;
- фотографии, сделанные на фронте, фиксирующие трудовую повседневность и атмосферу победы;
- военные документы (красноармейские и орденские книжки, удостоверения к медалям, проездные документы к орденским книжкам, медицинские справки о ранениях и проведенных операциях, финансовые документы, благодарственные грамоты за боевые заслуги, извещения о гибели);
- гражданские документы, удостоверяющие личность бойцов.

Источниками личного происхождения принято называть письменные исторические источники, которые отражают личностное восприятие произошедших событий и фиксируют их на документально-субъективном уровне в различной форме, отражающих прошедшую через память информацию о прошлом с учетом личного опыта и социально-коммуникационных связей автора [1, с. 615].

В экспозицию включены воспоминания-мемуары, автобиографии, записи бесед с ветеранами, фронтовые письма, военные тетради, принадлежащие ветеранам г. Тобольска. За сухими лаконичными строками автобиографий, перечислениями боев, взятых рубежей слышны неподдельные ноты каждой страдающей души, создающие единую возвышенную мелодию. За скупыми цифрами проступают обугленные в огне боевого горя и скованные холодом блокадной безысходности истинные эмоции народа, сражающегося не ради славы, ради жизни на Земле.

Таковы воспоминания подполковника П. Пирогова – бойца 23-й Отдельной стрелковой бригады, сражавшейся в Любанской операции по прорыву блокады Ленинграда, участника кровопролитных боев в Мясном Бору. Мемуары иллюстрируют тяжелейшие условия, в которых оказались солдаты, оставшиеся без поставок продуктов питания и боеприпасов, и вынужденные перейти на подножный корм (кора березы, мясо убитых лошадей). Контратаки следовали одна за другой, «бригада таяла по часам. Масса убитых, раненых, кругом воронки, тела убитых, кровь, стоны…», – свидетельствует Павел Михайлович.

Фронтовик Н. Владимиров, оказавшийся очевидцем драматичных событий начала войны под Брестом, описывает типичный сюжет, когда 18 августа 1941 г. его с товарищами в деревне у польской границы при содействии местных жителей взяли в плен немецкие оккупанты. Он подробно сообщает страшные детали содержания в лагере п. Барановичи: «в бывшей тюрьме, рассчитанной на 800 человек, содержалось 6 тыс. пленных, из которых осталось в живых 300 человек. Кормили один раз в день, жили под открытым небом. В тюрьме содержали только офицеров, боялись их влияния на остальных пленных. В морозы, кто послабее – замерзали. Гоняли на работу за 4 км, на ногах были деревянные колодки, натиравшие ноги. Кто не мог идти, пристреливали на месте, не разрешали помогать друг другу. Особенно жестокими были финны и бандеровцы. Был случай, когда на могиле надо было поставить крест. В команде, которая копала могилу, возник спор. Одни считали, что нужно поставить в голове, а другие в ногах. Чтобы прекратить спор, конвоиры расстреляли всех».

Именно эта часть экспозиции, повествующая о личных переживаниях человека, выплавленных в горниле войны, демонстрирующая опыт борьбы и выживания, частную роль индивидуума в общем эпохальном событии, оказалась особенно эмоционально напряженной и вызвала неподдельный интерес у различных категорий посетителей.

Неоднозначными источниками по истории военной повседневности (в силу их субъективности) являются фронтовые тетради сибирских военнослужащих. В нашем собрании имеется два подобных объекта. Это тетрадь авторских стихов интенданта 3 ранга М. Родина, датируемая 1941 – 1945 гг. Тетрадь заполнена вполне аккуратным почерком, причем автор скрупулезно отмечает дату и географический пункт внесения записей. Количественный состав стихотворных материалов также внушителен. Вероятно, стихи создавались во время пребывания М. Родина в госпитале или в относительно спокойный период несения службы в действующей армии.

Фронтовой песенник разведчика-наблюдателя наводчика артиллерийских орудий С. Анисимова представляет собой блокнот в 73 листа, соединенный металлическими скрепами, без обложки. Надписи выполнены черными чернилами и простым химическим карандашом. Записи песен сделаны на территории Венгрии и Румынии в период с марта 1945 по март 1946 гг. Примечательно, что владелец активно пополнял содержание песенника, делая несколько записей в день, что также, как и в предыдущем случае, свидетельствует о наличии достаточного количества свободного времени.

В целом, эти два образца творчества солдат советской армии весьма различны по тематике материала, используемым образам, сюжетным линиям, символике, моральной и эмоциональной окраске приведенных текстов. Первый документ является продуктом индивидуального (пусть и дилетантского) творческого осмысления происходящих событий, репрезентует стихотворные произведения с ярко выраженной патриотической позицией, возможно, неосознанно направленные на подъем боевого духа солдата.

Песенник можно рассматривать как классический образец фронтового коллективного фольклора времен Великой Отечественной войны со всеми присущими чертами – самодеятельной поэзией, порой фривольным характером текстов и пикантными сюжетами. Общим в содержании документов остаются уверенность в положительном исходе войны для советского народа и скорой победе, ожидание дня возвращения на родину и четкое осознание архетипа «дома» как символа надежды на счастливое будущее.

Для изучения военной повседневности неоспоримо значение такого вида источников личного происхождения, как фронтовые письма солдат-сибиряков. Используя фронтовую корреспонденцию в качестве потенциального информационного ресурса, следует учитывать очевидные особенности этих документов (субъективный

подход к излагаемым событиям, широта кругозора и уровень интеллекта адресантов, действие военной цензуры).

При условии правильного обращения с эпистолярным наследием войны, можно почерпнуть немало полезных сведений совершенно уникального свойства, частично восстановить мир фронтовых будней и праздников, специфику восприятия военной реальности. Фронтовые эпистолярные документы «регионального» происхожденияявляются ценными источниками и могут составить базу для изучения многих фундаментальных проблем по истории Второй мировой войны [2, с. 23].

В ходе работы над проектом было просмотрено порядка 160 писем с фронта, хранящихся в семейных архивах и государственном архиве г. Тобольска. Хронологически письма военнослужащих тоболяков охватывают весь период войны. Стиль изложения информации достаточно индивидуален и разнообразен, что объясняется принадлежностью адресантов к различным социальным слоям и гражданским профессиям. Общий уровень образованности, интеллектуального развития, степень рефлексии, представленный в текстах всех писем весьма высок.

Центральной темой писем тоболяков является тема дома. В рассмотренных образцах эпистолярного жанра прослеживается забота бойцов не только о материальной стороне жизни в тылу (здоровье родных и близких, их безопасности, обеспеченности продуктами питания), но и переживания о моральном состоянии своих домашних, условиях труда жен и матерей, заинтересованность в школьных успехах детей, новостях от друзей и знакомых и переменах в родном городе.

Нередко в письмах реализуются дистанционные формы помощи родным – детальные советы, как поступить, чтобы рассчитаться с долгами и сохранить минимальное благосостояние, необходимое для выживания семьи, сообщения об отправленных посылках с трофейными вещами.

Большое место в эпистолиях тобольских бойцов отводится ностальгическим воспоминаниям о мирной гражданской жизни и планированию послевоенного будущего. Практически в каждом письме встречаются слова ободрения, оптимистические прогнозы дальнейшего хода военных действий, вера в победу и скорое воссоединение с семьей.

В свою очередь солдаты, остро нуждаясь в письменных свидетельствах любви и веры в них со стороны родных, регулярно обращаются с горячей просьбой писать им как можно чаще и больше. Некоторые такие просьбы обличены в стихотворную форму.

В нескольких письмах описывается система военной подготовки солдат перед отправлением на передовую в лагере Черемушки Омской области, а также особенности организации досуга в госпиталях – чтение книг и периодической печати, просмотр кинокартин, посещение концертов, игра на гармони перед товарищами.

Характерной чертой фронтовых писем домой является обязательные поздравления с государственными и семейными праздниками (1 мая, годовщины октябрьской революции, 8 марта, Новый год, дни рождения родственников), а также очередными успехами Красной Армии. Таким образом, в условиях общего дела борьбы за освобождение родной земли личная сторона жизни бойцов находится в прямой зависимости от общественной составляющей.

Большой процент писем содержит пространные описания бытовой стороны службы на передовой – погодных и природных условий, рациона питания и обмундирования, даются положительные и отрицательные оценки окружающей обстановки.

В письмах также можно обнаружить отдельные моменты праздничной фронтовой культуры: «Великий праздник 23 февраля встретили в Германии, кушали завоеванные у

немца продукты и пили завоеванную водку. Выпили мы за Красную Армию, за коммунистическую партию, за Сталина» [3, с. 91].

Особую серию эпистолийтоболяков представляют письма, фиксирующие опыт психологической рефлексии, – анализ своего долга перед страной, партией, народом; осознание ответственности за жизнь доверенных солдат; размышления о жизни и смерти; осмысление страшных разрушений, нанесенных врагом.

Активная гражданская позиция военнослужащих проявляется в четкой самоидентификации себя тоболяками. Осознание принадлежности к отдельной особой категории воинов-сибиряков звучит в таких фразах писем: «тоболяки не ударят в грязь лицом», «мы выполним свой долг не жалея сил и жизни своей для победы. Грудью защитим свою родину, но не допустим фашистской сволочи поработить нас. Замечательные у нас люди, преимущественно сибиряки-омичи и очень много тоболяков, с такими людьми можно громить фашистских мерзавцев». Глубокое понимание своей духовной связи с малой родиной – важная отличительная особенность психотипа солдата-сибиряка.

Визуальный материал экспозиции отражает фронтовой быт и повседневную деятельность военнослужащих. Богатством выставки явились многочисленные фотографии, так точно передающие тревожно-хрупкое настроение ожидания победы. Исключительным колоритом отличаются фотокарточки, снятые на территории стран, освобожденных от немецкой агрессии советской армией. Галерея одиночных художественных портретов солдат и офицеров являет вдохновенные, неотразимые в своем восхитительном очаровании образы благородных бойцов-освободителей. Большинство этих ценных фотодокументов было извлечено из альбомов, принадлежащих К. Муратову и В. Саморокову.

Источники «второго поколения» включают материалы, характеризующие положение детей воинов, их жен и матерей, а также тружеников тыла: мемуарные записи, фотодокументы, пенсионные книжки на выплату пособий детям погибших военнослужащих.

Воспоминания В. Родина, Н. Туровиной, С. Кушниковой посвящены военному детству, проведенному в Тобольске.

На выставке представлен уникальный самодельный альбом воспоминаний о детстве, прошедшем в детских домах города Тобольска Т. Бондаревич (Панковой). Тамара Панкова родилась в 1943 г. третьим ребенком в семье. Мать отдала годовалую дочь в Дом малютки, чтобы спасти ее от голода. С тех пор женщина больше ничего не слышала о своей семье.

Волнующие воспоминания уроженки блокадного Ленинграда З. Алексеевой (Афанасьевой) повествуют о трагической истории девочки, которая, потеряв всех близких, осталась одна в разбитом доме на Каменном острове. В 13 лет она начала трудиться на заводе «Вулкан», участвуя в производстве мин. На предприятии по 12 часов, без выходных и отпусков, на скудном пайке работали только женщины и подростки.

Исключительно информативны воспоминания фельдшера тылового госпиталя для военнопленных немцев в Тверской области Е. Ивановой, написанные специально к открытию выставки. Воспоминания знакомят с эпизодами нелегкой работы в госпитале, сложностями отношений с пациентами и служащими немцами. Е. Иванова отмечает, что пленные немцы работали на стеклозаводе поселка «Красный май», где были изготовлены рубиновые звезды для башен Кремля.

В ходе дальнейших исследований, детально проанализировав содержание этих авторских текстов с привлечением уже опубликованных материалов, необходимо выявить специфику функционирования женского гендера в условиях военного

времени, установить стереотипы поведения и психологические реакции, степень эмоционального и духовного переживания в особенно тяжелые моменты.

Источники «третьего поколения» представляют собой документы, созданные потомками солдат Великой Отечественной войны, в которых по прошествии длительного времени переосмысляется подвиг предков. Это воспоминания о ветеранах войны и труда г. Тобольска их детей, внуков и правнуков. Характерно, что данные творчески обработанные произведения, выполнены в стихотворной форме и жанре документальной прозы. Некоторые составлены по рассказам близких родственников – современников событий военных лет. Проникновенны поэтические и прозаические посвящения своим отцам, дедам и прадедам Л. Пальяновой, В. Конюхова, А. Кошкаровой, сестер Самороковых и Бешкильцевых, А. Никитиной, Т. Солодовой, А. Абубакирова. Удивительно органично в экспозиционном пространстве, как в многомерном зеркале, сливаются лица и голоса трех поколений.

Отдельный корпус экспозиционного материала составили подлинные мемориальные вещи и документы ветеранов Великой Отечественной войны и работников тыла г. Тобольска.

В этом ряду экспонатов необходимо отметить пронзительное по содержанию письменное заявление тоболяка В. Конюхова, в котором он просит отправить его добровольцем в ряды действующей Красной Армии, подкрепляя это горячим обещанием «до последней капли крови защищать свою родину. За Великое дело Нашей партии Ленина – Сталина, не пощадить жизни своей!». Этот уникальный документ – прекрасный образец поведения гражданина, свято преданного своей стране. Парторг 4-го батальона 75-й стрелковой добровольческой бригады В. Конюхов погиб 12 декабря 1942 г. в боях на территории «долины смерти» в Смоленской области, оставив в родном городе жену и пятерых детей.

Еще один редкий документ – лист газеты «Тобольская правда» от 1 ноября 1944 г. со статьей, описывающей подвиги дивизионного разведчика О. Гущина. Старший лейтенант Н. Мальцев написал статью на основании свидетельств боевых друзей героя практически по горячим следам. Этот неповторимый экспонат создает максимальный эффект присутствия и позволяет посетителю буквально ощутить себя во времени и на месте событий.

Особенной аттрактивностью отличаются экспонаты, отражающие заключительный этап военных действий. Момент взятия советскими войсками столицы фашистской Германии в экспозиции проиллюстрирован картой Берлина Топографического отдела Штаба фронта, исправленной по аэроснимкам по состоянию на 25.3.45 г. Карта принадлежала майору А. Михайлову, командиру 1212-й стрелковой дивизии. Данный экспонат в прямом смысле слова можно назвать «свидетелем» этого ключевого события, так как владелец карты руководил операцией по захвату центральной части города. Кроме того, здесь экспонируется подлинный лист газеты «Правда» от 26 апреля 1945 г. со статьей, переданной по телеграфу из Берлина и описывающей штурм города.

Уникальны фотографические снимки, один из которых сделан за час до падения Берлина (архив А. Михайлова), второй – в первые дни после взятия города на фоне поверженного Рейхстага (архив К. Маляревского).

На выставке размещены награды фронтовиков и скромных ратников тыла, среди них орден Великой Отечественной войны I степени В. Саморокова и орден Красной Звезды М. Родина.

В пространстве выставки были созданы экспозиционные комплексы, составленные из мемориальных вещей ветеранов (фронтовой блокнот-песенник и китель служащего речного флота, принадлежавшие артиллеристу С. Анисимову,

военная тетрадь стихов и саквояж М. Родина, дипломы и грамоты парторга Н. Кошкарова).

Аутентичные предметы быта 1940 – 1950-х гг.: знаменитая черная тарелка – символ информации военных лет, портрет И. Сталина, скромная утварь – помогли воссоздать ежедневный будничный подвиг терпения тобольского тыла. В экспозиции представлена одежда женщин-тружениц, внесших достойнейший вклад в дело победы. Это полный комплект костюма Е. Родиной (супруги М. Родина), жакет, сумка и туфли М. Сергиенко, платье и чемодан-балетка блокадницы З. Алексеевой.

Гипсовая скульптура «Василий Теркин на Целине», присутствующая в экспозиции, символически отсылает к названию выставки, за основу которой были взяты известнейшие стихотворные строки поэмы А. Твардовского – «Не ради славы, ради жизни на Земле». Удостоверение к медали «За освоение целинных земель» В. Саморокова удачно дополнила этот ряд экспозиции.

С целью усиления эмоционального эффекта в экспозицию введены экспрессивные агитационные плакаты – ярчайшие образцы политической пропагандистской графики военных лет.

Несомненно, требуется дальнейшее комплексное изучение собранных и вновь поступающих источников по военной истории ветеранов-тоболяков. На данном этапе исследования, после систематизации и анализа документальных, письменных и визуальных фронтовых источников 1941 – 1945 гг., оказалось возможным реконструировать портрет воина-сибиряка, определить военную ментальность населения региона, стереотипные и особенные социально-психологические установкиввосприятии войны и победы жителями Сибири.

Вместе с тем, используя конкретный локальный исторический материал, посредством актуализации деталей биографий отдельных людей удалось хотя бы частично воссоздать коллективную макромодель человеческой жизни в экстремальных обстоятельствах.

Метод сбора материала, основанного на активной социальной позиции и самоорганизации жителей Тобольска, позволил аккумулировать большое количество бесценной информации, освещающей период военного времени города, собрать целый комплекс источников личного происхождения. Поэтому справедливо рассматривать подобный «народный» подход как одну из действенных и универсальных форм реализации и успешной работы любого выставочного проекта.

Следует полагать, что проект «Не ради славы, ради жизни на Земле» будет иметь характер не событийного мероприятия, приуроченного к празднованию юбилейной даты, а в силу своей актуальности станет самостоятельным, динамично развивающимся, интерактивным гуманитарным явлением в культурной среде региона, а также мощным социально-эмоциональным мотиватором по организации творческой энергии населения города Тобольска.

1. Большая Советская Энциклопедия. Т.16. М., 1974.
2. Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник. Автореф….канд. ист. наук. Казань, 2009.
3. Письма с фронта. Сборник писем с фронта Евсеева И.Ф. Братск, 2015.

ПЯТЬ ЛЕТ МУЗЕЮ ТКНС УРО РАН.ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. Юнина, М.В. Юнина
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Музей истории освоения и изучения Сибири им. А. А. Дунина-Горкавича ТКНС УрО РАН открыл двери для посетителей 11 сентября 2010 г. Первоначально в четырех залах музея была создана постоянная экспозиция, посвященная истории освоения и изучения Сибири и мемориальный кабинет выдающегося исследователя Тобольского Севера А. А. Дунина-Горкавича.

В июне 2011 г. в музее был открыт первый выставочный зал, началась активная выставочная работа.За пять лет существования музей осуществил 16 выставочных проектов разнообразной тематики.

Осознавая ответственность за формирование у горожан чувства причастности к истории именно того города, в котором они живут, сотрудники музея совместно с Комитетом по культуре и туризму Администрация города Тобольска в 2011 г. выступили с инициативой проведения ежегодного городского фотоконкурса «Мой любимый город – история и современность».Целью данного мероприятия является формирование позитивного имиджа Тобольска, как крупного туристического центра Западной Сибири, привлечение внимания жителей и гостей города к его культурному и историческому наследию.

За годы существования конкурс «Мой любимый город – история и современность» стал знаковым социальным явлением культурной жизни Тобольска. По его итогам организуются фотовыставки, три из которых были представлены в выставочном зале музея. Выставки 2011 – 2013 гг., проходившие как мероприятия общегородского уровня, привлекли большое внимание посетителей, в них приняло участие 37 фотолюбителей и профессиональных фотографов, представивших 484 фотоработы. Благодаря участвующим в конкурсе фотографиям ежегодно пополняется фотобанк видов Тобольска, фиксируются динамика развития и изменение архитектурного облика города, основные городские события.

Вторым и наиболее важным в истории выставочной деятельности музея стал проект 2011 г. «„На добрую память…”: Тобольск и его жители в фотографиях и открытках конца XIX– начала XX вв.», полностью созданный из материалов личных архивов нынешних и бывших жителей города Тобольска, собранный сотрудниками музея. Выставка оказалась настолько «жизнеспособной», что трансформировалась в постоянную экспозицию. Ее работа до сих пор способствует активному пополнению электронного фонда фотографий Тобольска конца XIX – начала XX вв., многие посетители выставки, проникшись идеей собирания материалов, предложенной сотрудниками музея, продолжают передавать копии фотографий из своих личных архивов.

На выставке мы видим визуальный портрет эпохи, отражение как типических черт городской культуры, так и ее самобытности, правил и ритма жизненного уклада, кодекса чести, поведения, личных пристрастий представителей этого времени.Очень важный и благодатный аспект проекта – отражение городской культуры прошлого через призму фотоискусства. Фотография здесь является неоспоримым кладеземзнаний, редких подробностей для городского краеведения. В целом, выставка представляет собой квинтэссенцию городской обывательской культуры периода смены веков. В семейных альбомах оказалось и множество отрытых писем с видами Тобольска. Эти открытки позволили воссоздать образ города, в котором жили герои выставки. Всего на выставке экспонируется 180 копий фотографий, открыток, а также их оборотов.

В 2012 г. музею ТКНС УрО РАН Администрацией г. Тобольска для экспонирования были переданы 500 копий фотографий коллекции «Семейный альбом Романовых». Выставка создана на основе альбомов фотографий, принадлежавших

фрейлине Государыни Александры Фёдоровны и её ближайшей подруге А. А. Танеевой-Вырубовой. Сохраненная Анной Александровной коллекция фотографий поистине бесценна. В оригинале она состоит из 6 фотоальбомов, в которых содержится 1500 снимков. В 1937 г. фотоальбомы были приобретены у Анны Вырубовой студентом Йельского университета Робертом Брюстером, а в 1951 г. преподнесены им в дар Йельскому университету (США), в библиотеке которого и хранятся по сей день.

Фотографии данной коллекции были представлены в выставочном зале музея дважды – в 2012 г. и 2013 г. (в рамках празднования 400-летия Дома Романовых). Выставки осуществлялись на городском уровне совместно с Комитетом по культуре и туризму Администрации г. Тобольска. В экспозиции были представлены неповторимые снимки, запечатлевшие пышные государственные приемы, благотворительные мероприятия, военные смотры, а также повседневный быт и дни отдыха царской семьи на яхте «Штандарт», в Ливадийском дворце, имении Государя Императора Спала (Польша), охотничьих угодьях крымского Козьмодемьянска, занятия теннисом в царском парке Виролахти (финские шхеры).

В экспозиционном пространстве выставки были раскрыты следующие темы: государственные и благотворительные обязанности членов императорской семьи, характеризовались личности Николая II, Александры Федоровны, Великих Княжон – Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии, Цесаревича Алексея, описывалось окружение царствующих особ. Основная идея проекта заключалась в желании устроителей выставки познакомить посетителей с прекрасным миром семейных идеалов и традиций Романовых. В дальнейшем предполагается продолжение презентации еще не представленных обширных материалов фотоколлекции А. А. Танеевой-Вырубовой в связи с юбилейными и праздничными датами.

Совместно с Комитетом по культуре и туризму Администрации г. Тобольска также была осуществлена городская выставка «Лики чудотворного образа Абалакской иконы». Торжественное открытие состоялось 10 декабря 2013 г. в день празднования Знамения Пресвятой Богородицы в Музее истории освоения и изучения Сибири им. А. А. Дунина-Горкавича ТКНС УрО РАН.

На выставке были представлены фотокопии 51 иконы (28 фотокопий икон из 13 музеев страны и нескольких частных коллекций, 23 фотокопии из Древлехранилища Тобольско-Тюменской епархии и православных храмов Сибири). Это были копии знаменитой чудотворной иконы из разных уголков России: Москвы, Красноярска, Ярославля, Омска, Иркутска, Томска, Екатеринбурга, Тобольска, Тюмени, Кургана, Ханты-Мансийска, п. Тазовский, которые позволили раскрыть историю бытования чудотворного образа на протяжении нескольких столетий, проследить географию распространения сибирской святыни, обозначить ее роль в деле духовного просвещения края.

Часть икон в экспозиции была представлена оригиналами (18) из Древлехранилища Тобольско-Тюменской епархии, в фондах которого на сегодняшний день собрана самая многочисленная коллекция икон Абалакской Божией Матери «Знамение».

Уникальность данной выставки заключалась в том, что подобный опыт обобщения информации по истории Абалакской иконы в таком формате и объеме был предпринят впервые. Большинство из представленных икон стали доступны широкой аудитории. Работы разных иконописных центров XVIII – XXI вв., созданные как профессиональными иконописцами, так и народными мастерами в различных материалах и живописных техниках являются достоянием духовной культуры не только Сибири, но и России.

Тематические выставки «Светлый праздник». Поздравительная открытка начала XX века» и «Наше советское детство» – это важные выставочные проекты, созданные благодаря активной собирательской и научно-исследовательской работе сотрудников музея.Авторами этих выставочных проектов стали заведующая музеем М. В. Юнина ихранитель фондов музея Е. А.Юнина.

На выставке «„Светлый праздник". Поздравительная открытка начала XX века» было представлено более 150-ти поздравительных открыток с Рождеством Христовым, Новым Годом, Днем Святой Пасхи и Днем Ангела начала XX в. Основу ее составили копии экспонатов из фондов музея, а также интереснейшие образцы из частных собраний Л. М. Мергеневой, Т. И. Солодовой, Н. М. Матиканской, А. И. Якимца, Н. Н. Огородниковой, А. А. Кондаурова, В. И. Астафьевой.Украшением выставочного проекта стали подлинные открытки известного художника того времени, мастера силуэтного рисунка Елизаветы МеркурьевныБём, сделавшей огромное количество работ в жанре иллюстрированной или «артистической» открытки для общины святой Евгении в Санкт-Петербурге. Прекрасные произведения Елизаветы Бём, основными персонажами которых выступают дети, имеют новогодние и зимние сюжеты, а также сюжеты пасхального цикла, живо и трепетно передают различные эпизоды из детской жизни.Обороты открыток с поздравительными текстами, адресованными конкретным людям, также экспонировались на выставке. Это прекрасные произведения эпистолярного жанра, в которых заложен большой эмоциональный и информационный материал, отражающий индивидуальную историю жителей города, частные подробности человеческого общения, удивительное очарование языкового стиля представителей общества рубежа веков.

Выставка была дополнена самобытными работами мастеров декоративно-прикладного искусства. Это елочные рождественские и новогодние игрушки и народные куклы мастера Н. Н. Огородниковой. Залы были украшены неповторимыми творческими работами в ретро-стиле С. А. Румянцевой, выполненными в технике декупаж.

На выставке можно было познакомиться с особенностями праздничной культуры городского и сельского населения России и Сибири начала XX в., любопытной системой символов поздравительных открыток, историей и трансформацией внешнего вида открытых писем и различными техниками их изготовления, узнать об основных издательствах, выпускавших открытки, окунуться в замечательную атмосферу рождественских, новогодних и пасхальных торжеств того времени, почувствовать тонкий аромат эстетики «Светлого Праздника».

2 августа 2014 г. в Музее истории освоения и изучения Сибири им. А. А. Дунина-Горкавича ТКНС УрО РАН открылась выставка под названием «Наше советское детство». Создатели этого проекта заложили в основу концепции идею частичной реконструкции времени на основе копий советских открыток, посвященных детям, детских фотографий из личных архивов тоболяков, детских игрушек, книг, октябрятской и пионерской символики, предметов быта советского периода. Многие жители города выступили соавторами выставки, предоставив фотографические и предметные материалы, являющиеся ценнейшими свидетелями времени.

В экспозиции, посвященной 1920 – 1980 гг., представители разных поколений могли найти документальные свидетельства и символы, которые позволили им вернуться в детство. Поколения 1990-х и 2000-х гг. имели возможность соприкоснуться со временами детства бабушек, дедушек, отцов и матерей.

В Музее истории освоения и изучения Сибири им А. А. Дунина-Горкавича периодически проводятся персональные выставки местных художников и фотохудожников (любителей и профессионалов). Общая цель данных выставок, героем

которых всегда является Тобольск, заключается в раскрытии особенностей отражения иконографии историко-архитектурного наследия города художниками разных направлений (реалистами, импрессионистами, фотографами и пр.). За пять лет музей осуществил пять персональных выставочных проектов:

- персональная выставка члена Союза художников России Ильшата Мухаметьянова «Тобольский регтайм», представившая более тридцати прекрасных пейзажей современного и ушедшего Тобольска, выполненных в необычной технике пастели (октябрь – ноябрь 2012 г).;
- персональная фотовыставка Анатолия Кондаурова «Иртышье моенесказанное…», на которой было представлено более пятидесяти замечательных таежных пейзажей, эти художественные работы вместе с талантливым автором вели посетителя по глухим таежным тропам, позволяя увидеть красоту нетронутой девственной природы севера Западной Сибири (ноябрь – декабрь 2012 г.);
- персональная выставка члена Союза художников России Ильшата Хусаинова «Краски старого города», раскрывающая особенности отражения иконографии историко-архитектурного наследия Тобольска художником-реалистом (май – июнь 2013 г.);
- персональная выставка журналиста и фотографа-любителя Владимира Свалова «Песни обломка стрелы», на которой были представлены художественные и репортажные фотографии, раскрывающие моменты событийной истории города и особенности работы местного журналиста (март – май 2014 г.);
- персональная выставка члена Союза художников России Геннадия Губина «Сказка о Городе», раскрывающая особенности отражения иконографии историко-архитектурного наследия Тобольска художником-экспрессионистом (декабрь 2014 г. – январь 2015 г.).

В 2014 г. музеем начали осуществляться выставочные проекты коллекционного научного направления. 10 февраля 2014 г. в музее состоялось открытие первой в истории Тобольска выставки научного гербария «Лекарственные растения Тюменской области». Автор выставки – эколог-ботаник Николай Геннадьевич Ильминских, доктор биологических наук, заведующий Лабораторией экологии растений и животных в зоне рискованного земледелия ТКНС УрО РАН.

Сфера научных интересов Н. Г. Ильминских широка и разнообразна: флористика, геоботаника, озеленение, особо охраняемые природные территории, рекультивация и ремедиация, синантропная и адвентивная флора. Кроме того, Николай Геннадьевич является ведущим специалистом в России и за рубежом по урбанофлористке, а также в области изучения флоры городов России, начиная с XVIII века и заканчивая нашим временем.Николай Ильминских– талантливый просветитель и популяризатор науки. Подготовленная им выставка была нацелена на удовлетворение растущего интереса населения к лекарственным растениям и лечению ими различных недугов.На выставке было представлено более 80-ти гербариев лекарственных растений нашего региона, кроме того каждый посетитель при желании мог прослушать экскурсию и получить высококвалифицированные консультации автора.

Вторая выставка научного гербария Н. Г. Ильминских под названием «Жемчужины Тобольской флоры. Красная книга, редкие и исчезающие виды»открылась в музее в феврале 2015 г. В рамках данного выставочного проекта было представлено более 60-ти видов «краснокнижных», редких и исчезающих растений Тюменской области, также на выставке можно было познакомиться с научными трудами по биоразнообразию растений авторства Н. Г. Ильминских и увидеть фотографии, представляющие процесс реализации сотрудниками станции проектов по сохранению редкой флоры.

В дальнейшем музей планирует проведение выставок научных коллекция лабораторий Тобольской комплексной научной станции ТКНС УрО РАН по различным направлениям исследований ученых, что будет способствовать дальнейшей популяризации деятельности станции в регионе.

Последний проект музея, осуществленный в июне 2015 г., – это выставка к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне «Не ради славы, ради жизни на Земле». Все материалы были собраны сотрудниками музея у жителей города. Героями выставки стали 42 участника войны и 19 тружеников тыла и детей войны. По количеству и качеству (подлинные документы, фотографии, экспонаты) представленного материала – это самый глобальный выставочный проект музея.

Ближайшие перспективные планы выставочной деятельности музея ТКНС УрО РАН включают два больших проекта. Выставка-реконструкция истории повседневности: образа жизни, бытовой культуры (одежды, мебели и т.д.), круга интересов, особенностей менталитета, семейных традиций, круга общения жителей города Тобольска конца XIX – середины XX вв. на основе фондов музея ТКНС УрО РАН, материалов Тобольского архива и Тобольского музея-заповедника под названием «История семей города Тобольска».

Также планируется осуществление выставки, посвященной А. А. Дунину-Горкавичу, раскрывающей новые страницы его биографии и научной деятельности на материалах Музея истории освоения и изучения Сибири ТКНС УрО РАН, фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Выставочный проект будет включать фотокопии музейных коллекции по этнографии народов Западной Сибири, собранных ученым за 37 лет научно-экспедиционной деятельности, экспедиционные фотографии, мемориальные предметы, материалы личной библиотеки и рукописного архива ученого, копии вновь выявленных фотографий и документов.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ А. А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА В ФОНДАХ ТИАМЗ

М.В. Юнина
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

Этнографические музейные коллекции – один из важнейших вещественных источников для исследований традиционной материально-бытовой и духовной культуры народов. Расширению возможности постановки и решения тех или иных проблем этнографии, несомненно, способствует привлечение этнографического музейного материала к научным исследованиям.

Особую ценность имеют этнографические памятники, собранные на рубеже XIX – XX вв., в период подъема научно-общественного движения в России и начала развития краеведения. Именно тогда начинают систематически комплектоваться этнографические фонды как центральных, так и региональных музеев, содержащие ценнейшие источники, зафиксировавшие предметную информацию того времени о стремительно меняющейся материальной культуре народов. В этих коллекциях также представлены этнографические памятники, характеризующие не только общие явления культуры того или иного этноса, но и отдельные региональные группы, что дает возможность на их основе проследить вариативность традиционно-бытовой культуры определенного народа.

Тобольский музей-заповедник обладает поистине уникальными памятниками, характеризующими материальную и духовную культуру обских угров (ханты и манси) и других народов Западной Сибири, входивших в состав бывшей Тобольской губернии [1, с. 124].

Наиболее активный период комплектования этнографической коллекции музея начинается с 1895 г., причем работа велась по заданной программе, составленной консерватором-хранителем музея Н. Л. Скалозубовым. В своем отчете за 1894 г. он указывает, что «прекрасная коллекция меховых одежд, головных уборов и обуви, за отсутствием витрин для хранения, испорчена молью и др. насекомыми и по необходимости должна быть исключена из инвентаря» и, поэтому «пополнение коллекций предметов быта остяков, особенно по части одежд и вещей религиозного культа, представляется крайне желательным». Кроме того, Н. Л. Скалозубов считал, что для создания более полного научного собрания «в этом отделе (этнографическом) особый интерес должны иметь коллекции предметов, изготовляемых руками различных инородцев, образцы продуктов охотничества и рыболовства, земледелия и скотоводства, образцы товаров, пользующихся со стороны инородцев особым спросом» [2, с. 25-26].Также Н. Л. Скалозубов отмечал необходимость сбора материалов с обязательным указанием «географических регионов севера» с целью выявления характеристик разных региональных групп одного этноса [3, с. 31; 4, с. 25].

Следуя именно программе собирания этнографических предметов, составленной Н. Л. Скалозубовым, самаровский лесничий А. А. Дунин-Горкавич внес значительный вклад в формирование коллекций музея в конце XIX в. Поэтапно можно проследить два важных периода пополнения музейных фондов членом-соревнователем музея А. А. Дуниным-Горкавичем.

Первый период – подготовка материалов для Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. В Северный отдел Каталога выставки была включена коллекция А. А. Дунина-Горкавича, которая состояла из 103 предметов. Экспонаты, характеризующие традиционную культуру разных групп хантов, были систематизированы в каталоге по разделам: предметы домашнего обихода, орудия охотничьего промысла, орудия рыболовного промысла, изделия из травы, изделия из крапивы [5, с. 1-8]. Вся коллекция после участия в выставке была передана в музей в 1897 г. [4, с. 21].

Второй период – подготовка материалов Тобольского музея на Всемирную выставку в Париже в 1900 г., в которой А. А. Дунин-Горкавич принял самое активное участие, сдав в музей в 1899 г. 84 предмета культуры хантов реки Вах [6, с. 26].

Предметы этнографических коллекций большей частью (особенно меховые, кожаные и травяные) подвержены опасности значительных повреждений в процессе хранения. Нам было важно выяснить какая часть ценных для науки коллекций, собранных самаровским лесничим, сохранилась до настоящего времени.

К сожалению, у нас не было возможности обратиться к первым и последующим Книгам поступлений Тобольского музея и детально выявить процессы утраты предметов коллекций на протяжении десятилетий. Нам была доступна только информация музейной комплексной автоматизированной информационной системы учета, хранения и каталогизации КАМИС. В результате кропотливой работы в данной системе удалось выяснить, что из общего количества 187 предметов изначальных коллекций А. А. Дунина-Горкавича в настоящий момент имеется в наличии всего 45 предметов. Соответственно современной системе классификации этнографических предметов, применяемой Тобольским музеем в системе КАМИС, сохранившиеся предметы относятся к шести категориям:

меховые изделия – 5 предметов;

охота – 5 предметов;

рыболовство – 2 предмета;
ремесло – 19 предметов;
утварь – 9 предметов;
предметы культа – 5 предметов.

Приведенная ниже *таблица* дает возможность проследить полный предметный и количественный состав сохранившейся части коллекции, номера по последней Книге поступлений музея и даты поступления предметов.

Предметы этнографической коллекции А.А. Дунина-Горкавича из фондов ТИАМЗ

№ п/п	Наименование предмета	№ КП	Год поступления
1	2	3	4
Меховые изделия			
1	Сумка для шитья из лоскутов пешки	7421	1897
2	Сумка из оленьего меха	7545	1897
3	Подвязки к ноговицам	7418	1897
4	Парка. Зимняя остяцкая одежда	7605	1899
5	Тужурка мужская из оленьей кожи	7800	1899
Охота			
6	Пластинка костяная для защиты пальца при стрельбе из лука	7146	1897
7	Лук-самострел	7195	1897
8	Стрела-беловятка	7024	1898
9	Подставка к сторожевому луку	16193	1899
10	Принадлежности к сторожевому луку. Стрела и три наконечника	7919	1899
Рыболовство			
11	Мережа из крапивных ниток для невода	7774	1897
12	Смола, смешанная с оленьей шерстью для шпаклевки и заливки лодок	6999	1899
Ремесло			
13	Трава чесаная осока для выстилания пимов вместо стелек	7444	1897
14	Кудель из крапивы для ниток	7759	1897
15	Чип (береза). Употребляется для вытирания рук, как полотенце, тряпка и проч.	6961	1899
16	Форма для отливок оловянных украшений	7753	1899
17-18	Чага: губка и трут для разжигания при высечении огня	6955/1-2	1899
19	Струг (дерево, металл)	6967	1899
20	Кудель крапивная чесанная	7076	1899
21	Колодка. Горбатая, толстая дощечкаупотребляется как маленький струг	7101	1899
22-25	Чеканы (кость). Набор чеканов-штампов для производства тисненого орнамента на бересте	7145/1-4	1899
26	Гребень для чесания травы (дерево, береста, металл)	16174	1899
27	Кора лиственницы и лоскут оленьей шкуры, окрашенный в коричневый цвет краской приготовленной из этой коры	16175/1-2	1899
28	Скобель для обработки кожи (дерево, металл)	16183	1899
29	Сверло лучковое (дерево, кожа, металл)	16242	1899
30	Веревка из сарги кедрового корня и сам корень	16893	1899
31	Сарга черемуховая	16897	1899
Утварь			
32	Плоскодонный берестяной сосуд прямоугольной формы.	7611	1897

	Кужня для воды и рыбы		
33	Люлька (дерево)	7616	1897
34	Сосуд круглый берестяной с ручкой	7687	1897
35	Корзина (береста, ровдуга, кора пихты)	7700	1897
1	2	3	4
36	Солонка из бересты цилиндрическая, дно и верх деревянные	16917	1897
37	Табакерка для хранения табака	7495	1899
38	Береста-тиски. Скатанное в тупой валик полотнище бересты	7054	1899
39	Доска-подставка под котел	7092	1899
40	Солонка резная с крышкой (дерево)	7657	1899
	Предметы культа		
41	Статуарное деревянное изображение язя. Представляет собой изображение язя, вырезанное из цельного куска дерева (лиственница). Подобные скульптуры во время ледохода бросали в воду, чтобы была удача в рыбной ловле	7204	1898
42	Статуарное деревянное изображение окуня (лиственница). От Дунина - Горкавича А.А. с пометкой «сургутские остяки» и ссылкой на рукопись Martina	6475	1899
43	Музыкальный губной инструмент турман (ввуе) из кости мамонта	7001	1899
44	Бубен шаманский (дерево, оленья кожа)	7251	1899
45	Маска берестяная для медвежьих праздников. (Сургут, р. Обь)	7747	1899

Проведенная нами работа позволила выявить сохранившееся мемориальное научное наследие исследователя, которое возможно будет в последующем представить в рамках новых экспозиционно-выставочных проектов музея, посвященных как деятельности Александра Александровича Дунина-Горкавича, так и истории научных исследований края конца XIX – начала XX вв.

Возможно, что продолжение исследований в данном направлении, при условии доступа к первоначальным Книгам поступлений музея и дополнении хранителями Тобольского музея-заповедника новыми данными информационной системы КАМИС, позволит обнаружить большее количество сохранившихся предметов этнографических коллекций ученого.

Перспективные исследования научного наследия А. А. Дунина-Горкавича будут заключаться в выявлении подробного состава этнографической коллекции предметов быта и культа остяков, вогулов и самоедов (139 предметов), сданной исследователем в фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в 1904 г. Данная коллекция до сих пор не изучена и не введена в научный оборот.

1. Шестакова Л. В. Из истории комплектования этнографической коллекции Тобольского музея // Ежегодник-2002 Тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2003. С. 124 – 136.
2. Отчет хранителя Тобольского губернского музея о состоянии коллекции за 1894 г. // ЕТГМ. Вып. V. Тобольск, 1895 – 1896. С. 23 – 31 (1-я паг.).
3. Отчет консерватора Тобольского губернского музея за 1896 год // ЕТГМ. ВыпIX. Тобольск, 1898. С. 29 – 36 (2-я паг.).
4. Отчет консерватора Тобольского губернского музея за 1897 и 1898 годы // ЕТГМ. Вып. XII. Тобольск, 1901 - 1902. С. 19 – 32 (1-я паг.).
5. Дунин-Горкавич А. А. Каталог коллекции, представленной из Тобольской губернии на художественно-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 г. Часть VII. Северный отдел // ЕТГМ. Вып. VI. Тобольск, 1896. С. 1 – 8 (8-я паг.).
6. Отчет консерватора музея за 1899 и 1900 годы // ЕТГМ. Вып. XIII. Тобольск, 1902. С. 11 – 32 (1-я паг.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Адамов Александр Александрович* – к. и. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
2. *Акбердеева Динара Ильгизаровна* – Государственный архив в г. Тобольске; e-mail: akberdeeva.dinara@mail.ru
3. *Акулова Юлия Александровна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
4. *Алдохин Андрей Степанович* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
5. *Алекса Дарья Викторовна* – Алтайский государственный университет, г. Барнаул; e-mail: dasha_aleksa@mail.ru
6. *Алексеева Наталья Алексеевна* – к. б. н., доц.; Институт биологии ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: Naalex@mail.ru
7. *Алимова Гульсем Салимовна* – к. т. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: gulsem76@mail.ru
8. *Андриянова Дина Владимировна* – ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: andrijanowa@gmail.com
9. *Антонец Надежда Викторовна* – Днепровско-Орельский природный заповедник, г. Днепропетровск, Украина; e-mail: antonez_48@mail.ru
10. *Антюфеев Виктор Константинович* – Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Юрга, Кемеровская область; e-mail: kemsur@rambler.ru
11. *Арефьев Станислав Павлович* – д. б. н.; Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень; e-mail: sp_arefyev@mail.ru
12. *Бабарыкин Борис Васильевич* – Алтайский государственный университет, г. Новоалтайск; e-mail: babarykin.bv@mail.ru
13. *Бакиева Гульсифа Такиолловна* – к. и. н.; ИПОС СО РАН, г. Тюмень; e-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru
14. *Балдина Гальяжиян Яхияновна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
15. *Балюнов Игорь Валерьевич* – к. и. н.; ТИАМЗ; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: balyunoff@mail.ru
16. *Бекузарова Сарра Абрамовна* – д. с.-х. н., проф.; ГГАУ, г. Владикавказ; e-mail: BEKOS37@mail.ru
17. *Бобров Денис Сергеевич* – АлтГУ, г. Бийск; e-mail: BDS-eureka@yandex.ru
18. *Боме Нина Анатольевна* – д. с.-х. н., проф.; Институт биологии ТюмГУ, г. Тюмень
19. *Бурматов Александр Анатольевич* – к. и. н., доц.; Куйбышевский филиал НГПУ, г. Куйбышев, Новосибирская область; e-mail: al-burmatov@yandex.ru
20. *Бухкало Сергей Петрович* – к. б. н., ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: spbukhkalo@mail.ru
21. *Быкова Ольга Александровна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
22. *Важенина Наталья Викторовна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: nataliavict@yandex.ru
23. *Валитов Александр Александрович* – к. и. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: val11@bk.ru
24. *Васильцова Анастасия Александровна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
25. *Ведерников Виталий Валерьевич* – д. и. н.; Алтайский институт экономики; Санкт-Петербургский университет управления и экономики, г. Барнаул; e-mail: vedernikov75@mail.ru
26. *Волощук Василий Васильевич* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
27. *Выхрыстюк Маргарита Степановна* – д. филол. н., проф.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: margaritavv@mail.ru

28. *Вычужанина Анна Юрьевна* – к. филол. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
29. *Гаврилюк Станислав Сергеевич* – ИИГСО НГПУ, г. Новосибирск; e-mail: southernguy@mail.ru
30. *Гайдамак Мария Александровна* – Филиал Томского политехнического университета «Юргинский технологический институт», г. Юрга, Кемеровская область; e-mail: Vip.trd777@mail.ru
31. *Галич Дмитрий Евгеньевич* – к. б. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: galichdim@mail.ru
32. *Герт Елена Викторовна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
33. *Голодяев Константин Артемович* – Музей г. Новосибирска; e-mail: golod62@mail.ru
34. *Данилов Петр Григорьевич* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: danilovpg@mail.ru
35. *Долгушин Андрей Валентинович* – ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: arshavin77@yandex.ru
36. *Дударева Ирина Алексеевна* – к. б. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: gulsem76@mail.ru
37. *Елагина Вера Михайловна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
38. *Емец Виктор Максимович* – д. б. н.; Воронежский государственный природный биосферный заповедник им. В.М. Пескова; e-mail: emets.victor@yandex.ru
39. *Ефимова Ирина Николаевна* – Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск; e-mail: Efimova3@rambler.ru
40. *Загороднюк Надежда Ивановна* – к. и. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: niz1957@yandex.ru
41. *Земцова Елена Сергеевна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
42. *Зубков Константин Иванович* – к. и. н., доц.; Институт истории и археологии УрО РАН; г. Екатеринбург; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com
43. *Зульфукарова Ирина Ришадовна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: izulf@mail.ru
44. *Ильминских Николай Геннадьевич* – д. б. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
45. *Ильященко Виктор Александрович* – НИИ экологии и РИПР ТюмГУ г. Тюмень; e-mail: vailyashchenko@mail.ru
46. *Кайгородов Роман Владимирович* – к. б. н., доц.; ТКНС УрО РАН; Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь; e-mail: r.kaigorodov@yandex.ru
47. *Кайгородова Юлия Витальевна* – Средняя общеобразовательная школа № 116, г. Пермь; e-mail: uliakaigorodova@yandex.ru
48. *Капитонов Владимир Иванович* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
49. *Квашнин Юрий Николаевич* – к. и. н.; ИПОС СО РАН; e-mail: ukwa@yandex.ru
50. *Ковалев Дмитрий Юрьевич* – ТюмГУ, г. Тюмень
51. *Козлова Ирина Сергеевна* – Институт истории, гуманитарного и социального образования НГПУ, г. Новосибирск; e-mail: Kozlovairina0611@mail.ru
52. *Колева Галина Юрьевна* – д. и. н., доц.; ТюмГНГУ, г. Тюмень; e-mail: gukoleva@gmail.com
53. *Колоколова Наталья Николаевна* – к. б. н., доц.; ТюмГУ, г. Тюмень
54. *Корельцева Мария Александровна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
55. *Кравчук Елена Александровна* – Ботанический сад Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Республика Крым; e-mail: disa005@mail.ru
56. *Крахмальный Александр Федорович* – к.б.н., с.н.с.; Институт эволюционной экологии НАНУ, г. Киев, Украина; e-mail: Krakhmalnyy_a@mail.ru
57. *Крестьянникова Елизавета Вячеславовна* – ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: li3452@yandex.ru
58. *Кудрявцева Татьяна Анатольевна* – Институт биологии ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: kudryavtseva.tanya2013@mail.ru
59. *Кузьмин Игорь Владимирович* – ТКНС УрО РАН; e-mail: ivkuzmintgu@yandex.ru

60. *Кухаренко Алексей Евгеньевич* – к. и. н.; АлтГУ, г. Барнаул; e-mail: lexx-1984@mail.ru
61. *Левковский Владислав Валерьевич* – Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: s1a89@mail.ru
62. *Лепова Галина Васильевна* –ТИАМЗ, г. Тобольск
63. *Литовский Владимир Васильевич* – д. геогр. н., доц.; Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: vlitovskiy@rambler.ru
64. *Лукьянченко Аделина Николаевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: adelyalukyanchenko@mail.ru
65. *Малышева Елена Ледитовна* – ТИАМЗ, г. Тобольск
66. *Медведева Инна Николаевна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
67. *Миллер Андрей Робертович* – ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: am224142@gmail.com
68. *Михайлова Марина Альбертовна* – Сургутский краеведческий музей, г. Сургут; e-mail: skm@admsurgut.ru
69. *Михальская Вера Махсудовна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
70. *Мокроусова Олеся Сергеевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: olesea5335@mail.ru
71. *Муратова Светлана Раиловна* – к. и. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: gaisulka@mail.ru
72. *Мурашова Нина Алексеевна* – к. и. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: murashova2@mail.ru
73. *Назмиева Эвелина Андреевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
74. *Науменко Ольга Николаевна* – д. и. н., проф.; ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: hea2004@mail.ru
75. *Неустроева Надежда Викторовна* – Институт экологии растений и животных УрО РАН; УрФУ, г. Екатеринбург; e-mail: pushistoeulitko@yandex.ru
76. *Орлова Ксения Николаевна* – к. т. н., доц.; Филиал Томского политехнического университета «Юргинский технологический институт», г. Юрга, Кемеровская область; e-mail: Vip.trd777@mail.ru
77. *Осипова Лидия Николаевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
78. *Паршукова Мария Михайловна* – Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, г. Ханты-Мансийск; e-mail: Pmm1987@mail.ru
79. *Петрова Татьяна Александровна* – к. филол. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
80. *Плесовских Юрий Федорович* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: gulsem76@mail.ru
81. *Пожарская Ксения Александровна* – к. и. н., доц.; АлтГУ, г. Барнаул; e-mail: kse-pozhar@mail.ru
82. *Попов Сергей Владимирович* – Уральский государственный педагогический университет, г. Надым, ЯНАО; e-mail: Sergey.vlad.popov@gmail.com
83. *Попова Елена Ивановна* – к. б. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: popova-3456@mail.ru
84. *Промоторова Елена Юрьевна* – к. б. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; vi-kaspr@yandex.ru
85. *Просянникова Ирина Борисовна* – к. б. н., доц.; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Республика Крым; e-mail: aphanisomenon@mail.ru
86. *Родигина Наталья Николаевна* – д. и. н., проф.; НГПУ, г. Новосибирск; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: natrodigina@list.ru
87. *Романов Павел Игоревич* – ИИГСО НГПУ, г. Новосибирск; e-mail: pol777tip@yandex.ru
88. *Романова Ксения Анатольевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: vera_r96@mail.ru
89. *Рыков Алексей Викторович* – АлтГПУ, г. Барнаул; e-mail: varvar_09@mail.ru
90. *Савчук Ирина Петровна* – Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
91. *Сайфуллина Мария Ивановна* – гимназия им. Н. Д. Лицмана, г. Тобольск

92. *Сенько Роман Иванович* – Историко-мемориальный музей «Смольный», г. Санкт-Петербург; e-mail: ukwa@yandex.ru
93. *Сергеева Елена Викторовна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: elenetbs@rambler.ru
94. *Скачкова Галина Константиновна* – к. и. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: skachkova@yandex
95. *Скопа Виталий Александрович* – к. и. н., доц.; АлтГПУ, г. Барнаул; e-mail: sverhtitan@rambler.ru
96. *Соромотин Андрей Владимирович* – д. б. н., доц; ТюмГУ, г. Тюмень
97. *Сулкарнаева Регина Мачитовна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: gulsem76@mail.ru
98. *Табуркин Лев Александрович* – НИИ экологии и РИПР ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: taburkin92@mail.ru
99. *Татарникова Анна Ивановна* – к. и. н.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: tatod777@yandex.ru
100. *Тачитдинова Диляра Айдарова* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
101. *Ташкина Анжелика Евгеньевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: tashkina_anzhela@mail.ru
102. *Тимофеева Юлия Викторовна* – к. и. н.; Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, г. Новосибирск; e-mail: prankevich@mail.ru
103. *Тихобаева Лидия Сергеевна* – к.и.н.; АлтГУ, г. Змеиногорск; e-mail: tilidochek@gmail.com
104. *Токарева Алена Юрьевна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: gulsem76@mail.ru
105. *Токарева Евгения Юрьевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
106. *Томилов Игорь Сергеевич* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: igor.tomilov.85@mail.ru
107. *Третьякова Татьяна Владиленовна* – к. б. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; e-mail: tretyakowa_tw@mail.ru
108. *Турова Наталья Петровна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
109. *Тычинских Зайтуна Аптрашитовна* – к. и. н., доц.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске; ТКНС УрО РАН; e-mail: zaituna.09@mail.ru
110. *Улитко Анатолий Иванович* – Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: ulitko@ipae.uran.ru
111. *Урашев Султан Аипович* – Казахский Национально-педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан, г. Алматы
112. *Факащук Никита Юрьевич* – ТюмГУ, г. Тюмень; e-mail: fakashuk@yandex.ru
113. *Федотова Дарья Юрьевна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск
114. *Харитонцев Александр Борисович* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
115. *Харитонцев Борис Степанович* – д. б. н., проф.; Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске
116. *Хлус Константин Николаевич* – к.б.н., доц.; Буковинский государственный медицинский университет, г. Черновцы, Украина; e-mail: khlus_k@rambler.ru
117. *Хлус Лариса Николаевна* – к.б.н., доц.; Черновицкий областной центр эколого-натуралистического творчества учащейся молодежи, г. Черновцы, Украина; e-mail: khlus_k@rambler.ru
118. *Чемагин Андрей Александрович* – к. б. н.; ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: chemagin@pochta.ru
119. *Шарафутдинова* Маулиха Сабировна – Казанская средняя общеобразовательная школа, с. Казанское Тюменской области; e-mail: mauliha@yandex.ru
120. *Шишкина Альбина Сергеевна* – Тобольский пединститут им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольске

121. *Юдина Виктория Николаевна* – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Республика Крым; e-mail: viktoryia93@mail.ru

122. *Юнина Екатерина Александровна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: mioistbs@yandex.ru

123. *Юнина Маргарита Валентиновна* – ТКНС УрО РАН, г. Тобольск; e-mail: mioistbs@yandex.ru

124. *Ярыш Виталий Леонидович* – Карадагский природный заповедник, г. Феодосия